

П. Е. Шелест

... Да не судимы будете

Дневниковые записи,
воспоминания
члена Политбюро ЦК КПСС

edition q

Шелест Петр Ефимович — один из высших руководителей Коммунистической партии Советского Союза, а стало быть, по правилам тех лет, и Советского государства в переломные для страны годы. Он был одним из главных действующих лиц при отстранении от власти Н. С. Хрущева, непосредственно участвовал во всех переговорах и политических консультациях, итогом которых явился ввод войск пяти стран Варшавского Договора в Чехословакию. О том, что у Брежнева была идея физического устранения Хрущева, о том, что тот же Брежнев чуть ли не последним из лидеров социалистических стран согласился с военным подавлением «Пражской весны», и о многом другом, до нашего времени неизвестном, — в этой книге.

П. Е. Шелест

...Да не судимы будете

Дневниковые записи,
воспоминания
члена Политбюро ЦК КПСС

Copyright изд.-во edition q 1995 г.
ISBN 5—85610—006—9

Научные консультанты и составители:
В. К. Егоров, Г. А. Юдинкова

ЛР № 061333 от 22.06.92 г.
Подписано в печать 31.10.94 г. Формат 60×88/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 39,5 п. л. Тираж 3 000 экз. Заказ № 329.

Издание подготовлено к выпуску совместно с издательством «Квинтэссенция»,
Москва, ул. Правды, 24.

Отпечатано в АООТ «Оригинал»,
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

UNIVERSITY LIBRARY
UNIVERSITY OF ALBERTA

Содержание

— Слово к читателю	4
— Родом из Революции. «Без мечты человек не может жить»	7
— Такие разные 30-е. «Работали, не считаясь со временем»	56
— Великая Отечественная. «Главное было — победить»	72
— Работа на оборону Родины. «Везде я начинал с того, что искал добросовестных, знающих свое дело людей»	93
— На путях к вершинам политической власти. «От директора завода до первого секретаря КПУ»	110
— Первый на Украине. «Я знаю, как отстранили Н. С. Хрущева от власти»	172
— Начало работы при Л. И. Брежневем. «Н. В. Подгорный мне говорил: «Не будь с ним слишком откровенным»	243
— 1968-й. «Можно было обойтись без вторжения в Чехословакию»	293
— Утверждение брежневщины. «Это был спектакль по очень плохому сценарию»	414
— Внезапный перевод с Украины. «Самый черный день в моей жизни»	517
— Размышления вслед	574
— История должна говорить сама	581
— Комментарий	584

Слово к читателю

Я, Шелест Петр Ефимович...

Сколько раз в жизни я испытывал какое-то особое чувство ответственности, написав эти слова. Сколько раз оглядывал прожитое и пережитое. Сколько раз ощущал на себе взгляды людей — близких и не очень, живых и уже ушедших в мир иной. Сколько раз? Да, сколько, сколько приходилось за многие годы писать автобиографии... Чуть ли не при каждом переходе с одной работы на другую. И всякий раз это был экзамен перед самим собой. Нет, не просто «перелистывание» лет, а их осмысление и оценка. Что в конечном счете на свете строже всего? — Суд собственный. Свои выводы и оценки. Свои, но при условии, что ни солгать, ни приукрасить рука не поднимается. Даже когда наедине, один на один со своей памятью.

И вот передаю я в другие руки — в читательские — свою самую подробную, самую выстраданную автобиографию — книгу моей жизни. Книгу о виденном и сделанном, радостном и горьком, о вызывающем у меня и сегодня добрую улыбку памяти и о том, что и по прошествии десятков лет не дает мне покоя...

Перед читателем не мемуары. И этим я горд. И это меня тревожит, волнует. Ведь мемуары — особый жанр. В них все можно переписать задним числом — даже свою жизнь. А в данной книге — дневники, записи разных лет. Неправленные, неподстриженные. Они говорят о времени, о людях и обо мне так, как видел я в те годы, когда писал. В таком виде они и вошли в книгу. Поскольку уверен я — ни моя молодость буйная, подчас бесшабашная, ни зрелость не заслужили того, чтобы я сам вдруг начал чего-то стесняться, от чего-то захотел откаться. Не все, конечно, из написанного вошло в книгу — слишком объемными оказались записи моих лет. Однако, сокращая даже важное, дорогое для себя, я оставил такими, как есть, страницы, суждения, имеющие, на мой взгляд, значение

для истории и политики. Не произведено ни одного сокращения по каким-то иным соображениям, кроме объема.

Я смотрел и смотрю на свою жизнь открыто, с чистой совестью. Не все одобряю, не со всем соглашаюсь сегодня. Но не корю себя, давнего, так как действовал, как разум и совесть подсказывали. Есть, безусловно, то, о чем жалею. И об этом тоже есть в книге. Но ошибки стали ясны — именно как ошибки — только по прошествии времени. Так какое же право у меня, знающего больше, увидевшего последствия, результаты когда-то начинавшегося, судить того Петра Шелеста, который действовал в своем времени? Действовал, исходя из знаний и незнаний тех, пройденных лет? Нет у меня, нынешнего, такого права. Нет, поскольку только преступление совершивший и преступлению способствовавший должен, обязан судить себя. С преступлениями ведь ясно. Мораль и кредо вечные: не убий, не укради...

Есть, как известно, и суд истории. А он для человека, занимавшегося непосредственно политикой, да еще и большой, имеет значение огромное. Но вот что хотел бы сказать я читателю в данной связи.

Во-первых. События, свидетелем, участником (нередко и нерядовым) которых я был, уже получили оценку истории. Одни — окончательную. Другие — очередную, если хотите, конъюнктурную. Сколько же их было на моей памяти, оценок, называвшихся историческими, — не счесть. И сколько же раз, прикрываясь именем все того же суда истории, они пересматривались! Так что думаю я, убежден даже, что настоящий Суд Истории еще впереди. И надежда, и желание мое — пусть на Суде Истории, достойном такого написания, с большой буквы, будут и мои свидетельские показания.

Во-вторых. Не принято как-то у нас говорить (а для меня это очень важно!), что в преддверии Суда Истории всегда свершается суд поколений, пришедших вослед. Моему поколению заступило на смену уже не одно. И вот думается мне: что же полагат, что кладут они на чаши весов своей Фемиды? Разные люди были и среди моих сверстников. Среди тех, кого мы называли старшими, учителями, у которых были в учениках. Не только победы, но и поражения, трагедии, преступления ассоциируются в памяти поколений с моими современниками. Немало и я повидал на своем веку. Не все и не всегда понимал. Но к чему же я, П. Е. Шелест, был причастен? За что я в ответе?

Так вот к чему и за что. Своей кровью платил за то, чтобы вырваться из холопства. Сам продирался сквозь тьму безграмотности и другим, как мог, помогал. Годы, десятки лет отдал тому, что было потом названо индустриальным могуществом

Родины, военно-стратегическим паритетом Запада и Востока. Как понимал, на что силы и возможности были, боролся за чистоту моей партии, за счастье народа, за дело мира, справедливости и социализма. Всем, что было у меня, как говорят в народе — и кровью своей, и потом своим, — работал на нашу Великую Победу в той страшной войне с фашизмом. И в политике большой делал все, что считал тогда необходимым, чтобы увереннее, энергичнее развивалась страна.

Оказавшись на пенсии в то время, когда определилось брежневское время — застой, — в одном из вариантов книги главу о брежневском времени назвал «Крах». Я и сейчас так оцениваю тот период нашей социалистической истории. Только снял я теперь это название — «Крах». Тот крах подготовил новые крахи. Да какие! А как же иначе назвать развал великой страны, страшное обнищание народа, новый раздел на бедных и богатых? Как?

Мы, политики моего времени, были разными. Но все мы работали, боролись, добивались успехов и ошибались, вновь не щадя себя в поисках лучших путей, вариантов развития. Мы не смогли до конца очистить от извращений социалистические идеи. Мы были нередко жестокими, не всегда правыми. Но мы не позволяли никогда себе даже мысли о том, что дойдет страна до братоубийственных конфликтов и войн, что она может рухнуть. Рухнула. Да еще благодаря усилиям собственных домогательств...

И все-таки верю я в лучшие времена. Пусть я их уже не увижу. Но верю. И в процветание моей родной Украины, народу которой я всю жизнь служил как сын, — верю.

Итак, перед читателем дневники, дневниковые записи. Они составляют девяносто процентов — и даже более — текста книги. Есть в ней, конечно, и мемуарные страницы, то, что было написано позже. Читатель сразу же поймет, где дневники, а где более поздние оценки и размышления. Думаю, однако, что «мемуарные проценты» не повлияли на историческую достоверность взгляда на время из того же времени, на события — изнутри тех же событий. Ибо не перестраивался я в угоду конъюнктуре, потому и на пенсии третий десяток лет «по состоянию здоровья». Покуда не признавал никогда сделок с совестью, моралью, и стоять на этом буду, пока бьется мое сердце — сердце украинца, советского человека, коммуниста.

Прочти, читатель, и пойми: таково было наше время, так я его понимал, таким и сам был. А закрыв книгу — подумай. Не спеши с выводами. История еще не разложила на чаши своих весов деяния настоящего. И верно говорится: «Не судите, да не судимы будете».

П. ШЕЛЕСТ

Родом из Революции.

«Без мечты человек не может жить»

Часто можно слышать: «судьба играет человеком» или «человек сам творец своего счастья». Но что такое судьба, никто не знает и ответа дать не может. Говорят: «Моя душа чувствует»... А что такое душа? На этот вопрос тоже нет вразумительного ответа. Если о судьбе-душе спросить философов, то они могут «попытаться» объяснить. Философы — это категория людей, которые могут все объяснить, даже то, чего сами не знают. Они объясняют все, кроме реальной жизни.

За последнее время в нашей пропаганде появились крылатые, высокопарные определения: «судьба миллионов, судьба поколения, судьба ровесников». В общем, о судьбе говорят даже высокопоставленные политики, но это, как правило, совсем оторванные от реальной жизни люди. Если они жизни не знают, так откуда им знать, что такое судьба? И все же мы говорим: «судьба». Очевидно, это стечение обстоятельств, причин и случайностей в жизни человека.

Даже если взять одно поколение в одинаковой социально-экономической среде, то и при этом жизнь людей, их судьбы не могут быть одинаковы. Человеческую жизнь при всех попытках невозможно унифицировать, привести к какому-то «общегосударственному стандарту» и одинаковому отношению к тому, что окружает человека.

В мире, в любом обществе нет такого мгновения, чтобы не лились слезы, не было бы смерти или не появлялась бы новая жизнь, не звучал бы смех, не было бы радости, восторгов и любви. Надо иметь большой такт и ум, чтобы научиться понимать человека, и не мешать ему, даже когда он просто молчит. В жизни могут быть самые невероятные совпадения. Жизнь — это людской океан, и он имеет свои тайники. У всех людей есть свои сокровенные тайны и пятна на совести. Уже одним этим судьбы-биографии и сама жизнь не могут быть похожи одна на другую.

Каждый прожитый месяц, год, даже день, не говоря уже

о десятках лет, — это ведь не просто анкетные данные, биографические сведения — родился тогда-то, крестился там-то, с такого-то года учился, а затем работал, служил там-то. Это сухо, скупо и обедняет саму человеческую жизнь. У каждого человека жизнь по-своему сложна, подчас очень трудна, а иногда трагична. И о каждой жизни можно написать целые тома.

Хочется каждый год своей жизни, с тех пор как я себя помню, отразить в главных ее моментах, переживаниях, действиях, написать о встречах с людьми.

Чем больше человек прожил, познал и увидел жизнь, тем чаще он вспоминает свое детство, юность, молодость. Очевидно, таков закон самой жизни.

Свое детство я помню рано, лет с 4—5, причем многие моменты детства мне запомнились очень ярко и отчетливо. Наша семья была не очень большая, но довольно сложная.

Отец мой после смерти первой жены, от которой осталось двое детей — Яков и Агафия, женился второй раз на вдове Марии Демидовне Павлюк, будущей нашей матери, у которой был сын Семен — сверстник Якова.

Мать наша Мария была очень красивой женщиной и моложе отца на 35 лет. Да и отец был с нерастраченными силами, вот и появились на свет божий еще четверо общих их детей — Мария, Петр, Митя и самая младшая Юлия. Когда я родился, отцу моему было уже за 60 лет. Всю жизнь я его помню только стариком, но стариком красивым, стройным, подтянутым, крепким. У отца была седая окладистая борода, усы и большая шевелюра волос, зачесанных на затылок. Сколько я помню, он всегда и неизменно курил трубку и никогда с ней не расставался. Отец был строг, всегда замкнуто-сосредоточен, малоразговорчив, не любил балагурства. Если у него и были друзья, то только старые, проверенные товарищи по совместной долголетней службе в армии.

Дети по возрасту были разными, о чем можно судить по тому, что в день, когда я родился, мой брат по отцу Яков, женился, так что справляли одновременно свадьбу Якова и мой день рождения. Когда я подрос, то стал замечать, что в семье часты были раздоры из-за того, что два взрослых сводных брата Яков и Семен не ладили между собой, хотя причины их ссор мне трудно было понять. Но помню, что Яков в скором времени уехал из дому и работал на железной дороге сперва рабочим, а затем старшим кондуктором на пассажирских поездах. Обязательно один раз в год он приезжал домой, к отцу. С нашей матерью у Якова были какие-то натянутые и довольно сдержанные отношения. Яков приезжал к нам в форменной

одежде, с чемоданом и саквояжем, привозил всем гостинцы и подарки, и мы на него смотрели как на недосыгаемого человека. Отец им гордился. По тому времени Яков был грамотным человеком, умел хорошо читать, писать, знал отлично арифметику. Яков так всю жизнь и проработал на железной дороге в разных должностях на станции Лихая Ростовской области. Мальчишкой я несколько раз был у него в гостях. Он был членом партии и последнее время перед выходом на пенсию работал на профсоюзной работе. Вслед за Яковым и Семен ушел на заработки в Таврию, да так там и пропал без вести. Помню, что мать часто упрекала отца за гибель Семена, и временами этот разговор носил острый характер.

Сестра по отцу Агафия уехала в Харьков в домработницы и осталась там на постоянное жительство. Она вышла замуж за высококвалифицированного рабочего Владимира Коробко. Чета в Харькове имела небольшой, но очень уютный дом. На религиозные праздники, дни рождения отца и матери они приезжали к нам, привозили подарки, и все, в особенности дети, были рады их приезду. Наша мать называла Агафию «барыней», а ее мужа Владимира, рабочего человека, «панычем», и это потому, что они одевались по-городскому, были грамотными и разговаривали не по-хохлацки, а на русском языке, хотя это и был, по сути, страшный «суржик».

Старшая моя единокровная сестра Маруся мало бывала дома. В летнее время то ходила на заработки, то работала в Харькове на сезонных работах. Постоянно дома с родителями были я и мой младший брат Митя.

Родился я в 1908 году в селе Андреевка Змеевского уезда Харьковской губернии, что в 60 километрах от Харькова. Ныне это огромный рабочий поселок, а тогда это было большое село, свыше 5 тысяч дворов. На главной, Дворянской улице стояли хорошие дома, добротные постройки, жила здесь «аристократия», конечно, сельская — лавочники, содержатели пекарен, шинков, закусовых. В центре села удобно расположился огромный базар с большими кирпичными лавками, лабазами и огромными подвалами. На Верхней улице находилась паровая мельница, больница, тюрьма. В конце села на огромной площади, где периодически устраивались ярмарки с множеством людей, пришедших по делу и просто портозейничать, шумно и задорно шла торговля разнообразными товарами. На ярмарке всегда было много цыган, и бойко торговали лошадьми. Мы, мальчишки, любили ходить на ярмарку. Тут были цирковые представления с медведями, бродячими артистами, акробатами, фокусниками, «гиревиками», карусели, музыка — одним словом, было шумно, интересно, весело.

В нашем селе была гимназия, три начальные школы, две большие церкви, а следовательно, два прихода, два попа и дьякона, псаломщика и, конечно же, два прекрасных церковных хора.

По своему социальному составу село было довольно разнообразно: крестьяне, рабочие и служащие, работавшие в Харькове. Было много интеллигенции, большая рабочая прослойка. В этом сказывалась близость большого города — Харькова. Местная интеллигенция — это учителя, врачи, землемеры, работники железной дороги, телеграфисты, служащие почты, работники тюрьмы, служители культа, представители военных чинов, так как в Балаклее, Савинцах, Чугуеве, Малиновке располагались большие воинские подразделения и лагеря. Были торговцы и лавочники, кустари, мастеровые, кузнецы, сапожники, печники, столяры, портные, даже был известный фотограф с небольшим павильоном и выставкой лучших фотографий.

Многие жители села занимались сельским хозяйством, хотя собственной земли было мало. Но ее брали у помещиков, занимались отходничеством, работали в экономиях, на сахарных заводах, лесоразработках — вот так и составляли свой необходимый доход для жизни и пропитания. У многих крестьян были большие приусадебные участки, где сажали картофель, разные овощи, коноплю, лен, были даже укосы сена. Село утопало в зелени садов. В каждом дворе — по лошади как минимум, корова, свиньи, овцы, куры, гуси, утки, немало пчел. Одним словом, хлеб был свой, и к хлебу было тоже кое-что из своего хозяйства.

Зажиточных хозяйств в селе было мало, больше беднота. Кулацкие хозяйства находились на «отрубках» и на хуторах.

Уже в то далекое время в нашем селе можно было видеть велосипеды, на которых большей частью щеголяли телеграфисты да сынки лавочников. Мы, мальчишки, гурьбой, подымая босиком пыль, старались перегнать «самокатчика». Приходилось видеть и автомобиль, на котором из города мог приехать «крупный человек» или помещик-сахарозаводчик Лисовицкий, имение и сахарный завод которого находились от села в 25—30 верстах.

Мой отец до 1905 года работал медником на сахарном заводе у Лисовицкого, но после какой-то забастовки, волынки или сходки был уволен. Некоторых участников забастовки привлекали к ответственности, били розгами, судили. Отца же только уволили, ибо он по тем временам был на «особом привилегированном положении» — он был кавалер Георгиевских крестов всех четырех степеней¹. Это, очевидно, и спасло его от привле-

чения к ответственности и телесного наказания. И, сколько я помню отца, он до самой своей кончины занимался сельским хозяйством, но не совсем удачно: всегда была нужда.

Мой отец нам с братом моим младшим часто и много рассказывал о своей жизни и нелегком своем жизненном пути. Из его рассказов мы многое узнали о далекой нашей родословной. Наш дедушка, Шелест Дмитрий, тоже служил около двух десятков лет царю-батюшке, а когда вышел в отставку и остался без всяких средств к существованию, занялся «ремеслом» — возил из с. Опошня Полтавской области горшки на паршивой кляче. Дед был такой силы, что когда арба с горшками застревала в непролазной грязи и кляча не могла вывезти груз, то он распрягал лошадь, впрягался сам и вывозил горшки из грязи. При этом говорил: «Куда ей, бедняге, потянуть этот груз, я еле сам его вытащил». В одну из поездок дедушка наш надорвался, получил грыжу и вскорости умер, оставив шесть душ детей. Отец наш остался малолетним сиротой и пошел батрачить, да так и был в батраках до самого призыва в армию. По рассказам отца, его прадед, Шелест Степан, был сотником в Запорожском войске. Видно, был храбрым воином, потому что похоронен с почестями и воинскими знаками в Холодном яру под Чигирином.

С самых малых лет отец приучал нас к труду, и мы в доме и по хозяйству выполняли все посильные нам работы. Отец по тем временам был грамотным человеком, читал много, откуда-то доставал книги. Писал хорошо, мог даже написать «прошение». К нему обращались, если надо было произвести какие-либо расчеты и подсчеты, — он отлично владел арифметикой. С самых малых лет он и нас с братом приучал к грамоте. Сперва мы в 3—4 года выучили буквы, цифры, а затем научились читать, писать и считать. Отец нам покупал хорошие, красочно оформленные буквари, книжки со сказками. Перед тем как меня отправить в школу, он купил известную книгу «Сеятель»².

По хозяйству отец все сам мог делать: сложить печь, вырыть колодец, сделать колесо для повозки, отремонтировать плуг, борону, мог по нашей просьбе сделать для нас и неплохую балалайку. Мог сшить сапоги, вычинить кожу, отремонтировать конскую сбрую. Одним словом, отец мог все сам делать по хозяйству, и ему многие мужики завидовали и прибегали к его услугам.

Может возникнуть вопрос: откуда по тем временам наш отец был таким грамотеем? Грамоте этой его научила 25-летняя служба в царской армии. Нам отец рассказывал, как он в солда-

ты пошел вместо своего старшего брата Захара. Отцу нашему шел семнадцатый год, старший брат был уже женат, имел двоих детей. По годам он должен был идти в солдаты. Но собрались родственники, начали жалеть Захара, его детей, жену — как же он всех оставит. Родственники начали уговаривать младшего брата Ефима пойти послужить в солдатах вместо Захара. Поставили «магарыч» — выпили не одну кварту водки и отправили Ефима в солдаты. Отец, очевидно, был крепким, стройным и видным молодым человеком, его направили в кавалерию.

В 1877 году Россия объявила Турции войну. С гусарским полком отправился и наш отец освобождать Балканы. Только в XIX веке народно-освободительные войны положили конец турецкому владычеству, и главную роль здесь сыграла Россия, русский солдат, который изгнал турок из Армении, с Кавказа, из Крыма, а затем и с Балкан. По вечерам часто и подолгу увлекательно отец нам, малышам, рассказывал о войне с турками, об освобождении Болгарии. Он говорил нам об ожесточенных боях под Плевной, на Шипке. Приводил эпизоды боевых действий и жестокости турок с мирным населением Болгарии. А когда он рассказывал о том, как эскадрон гусар под его командованием отбил у турок пленных женщин-болгарок и детей, мы слушали, затаив дыхание, с биением сердца, со слезами на глазах. Нам временами было страшно, и мы представляли себе «этих турок». Много он рассказывал о генералах Скобелеве и Гурко, которых, как он говорил, ему приходилось видеть непосредственно на поле боя.

Мы тогда еще не имели понятия, где эта далекая Болгария, кто такие генералы Скобелев и Гурко, но в нашем детском воображении все рассказываемое отцом сводилось, сливалось в какую-то особую картину. А своего отца мы видели как героя, в боях защищавшего болгар-«братушек», как называл их отец, малый народ, его детей и матерей от басурман. А наш отец действительно был героем в турецкую кампанию. Четыре Георгиевских креста всех степеней — это говорит о многом. Был полным Георгиевским кавалером. Отец нам подробно рассказывал, когда, где, за какие боевые заслуги и действия его награждали «Георгиями». Но все это позабылось, да в ту пору мы толком и не могли ничего понять.

После окончания войны с турками и освобождения Болгарии отец оставался в Болгарии еще 16 лет — обучал, как он говорил, «болгарских ополченцев» — там создавалась болгарская армия.

Спустя несколько десятков лет после смерти отца мне посчастливилось несколько раз побывать в Болгарии, и каждый раз я с замиранием сердца смотрел многочисленные памятники

в честь русского солдата-освободителя. Неоднократно я бывал в исторических музеях Болгарии, где ярко отражены дружба и боевое сотрудничество болгар и русских. Видел документы, которые говорили о создании болгарского ополчения, и заслуги в этом русского офицера и солдата. Посещая Плевну, Шипку, смотря на бюсты генералов Скобелева и Гурко, я каждый раз вспоминал рассказы отца о Болгарии, болгарском народе, об освободительной миссии русского солдата. И мне казалось, что на болгарской земле я слышал голос своего отца — теперь уже как взрослый я вел с ним разговор на равных. И каждый раз, вспоминая мужество и геройство русского солдата в освобождении болгарского народа из-под турецкого ига, я вспоминаю своего отца и горжусь им как героем русско-турецкой войны. Отец «дослужился» до воинского звания унтер-офицера, прослужив в царской армии более 20 лет. Это была большая, многолетняя, суровая и трудная школа жизни, оставившая свой отпечаток на всю жизнь.

Отец наш был простой как человек и гордый как солдат, дисциплинированный, собранный и обязательный. Суров и мягок, доброжелателен к людям, требователен и справедлив. Трудолюбивый и заботливый, доверчивый и разборчивый, мне казалось, что он во всем проявляет смелость, находчивость, осмотрительность, осторожность, бдительность и неподкупность.

На селе у нас было несколько фамилий Шелест, и каждая носила уличную кличку. Какой Шелест? Следовал ответ: сапожник, музыкант, машинист, печник, портной, плотник, рыбац, кондуктор, телеграфист и т. д. Но когда речь заходила о нашей фамилии, то говорили: «Шелест — Георгиевский унтер-офицер». Отец гордился этим, а мы, малыши, почему-то обижались, очевидно, не понимая до конца смысла и содержания слов «унтер-офицер» да еще «Георгиевский». Отец наш имел огромный авторитет, и не только среди односельчан, а и во всей округе. Его уважали и побаивались даже урядники и старшины. Стар и мал с отцом первыми здоровались: «Добрый день, Ефим Дмитриевич», и он почти неизменно старому и малому отвечал по-строевому: «Здравия желаю». Георгиевские кресты отец надевал только по особо торжественным случаям, праздникам, когда происходил сход села. Отцу неоднократно предлагали занять какую-нибудь административную должность в селе, но он каждый раз отказывался от этого «почета».

На сходках вокруг него группировались люди, в какой-то мере оппозиционно настроенные против местных властей. Особо его уважала и благоволила к нему молодежь. За Георгиев-

вские кресты отец получал какое-то вознаграждение, это было большим экономическим подспорьем для нашей семьи и скудного отцовского хозяйства. Еще в дошкольные годы я хорошо помню, как на полученные деньги «за кресты» отец закупил лес в Мохначиских лесах, и мужики зимой на санях перевозили лес в деревню. Весной лес распилили, а к осени уже была построена хорошая изба в пять окон. Впоследствии этот дом в голодном 1921 году был обменян на какую-то завалуху с придачей 12 пудов пшеницы. Это было сделано, чтобы семья не погибла от голода. Но и это не спасло положения: семья не доедала в 21-м, а уж в 1922 году голодала страшно.

Шести лет, в 1913 году, я пошел в школу. Отцу и матери так хотелось, чтобы это случилось скорее, в особенности матери, очевидно, потому, что она сама была неграмотной, и ей хотелось, чтобы я пораньше научился грамоте — не упускал бы зря время. Школа от нашего дома была где-то в двух верстах, мне не составляло труда ходить туда. В школу я пошел с большой охотой и к ней был неплохо подготовлен — мог читать и считать. Четырехлетняя школа наша называлась «земской»³. Это было хорошее одноэтажное кирпичное здание, покрытое оцинкованным железом. В школе были четыре классные комнаты, просторные, с отличным освещением, учительская комната, кабинет природоведения, кабинет директора школы. При школе были хорошие квартиры для учителей, огород гектара на 2,5—3, на котором мы, учащиеся школы, под руководством учителей и сторожа школы — отставного солдата Зарубы проводили все полевые работы. Вот это и была наша трудовая практика. Были надворные постройки: хороший сарай для хранения сельхозинвентаря, дров и угля для отопления школы. Во дворе школы находился колодец питьевой воды с ручным насосом. Всю территорию школы ограждал добротный забор, а хозяйство содержалось в образцовом порядке. И это при одном стороже-завхозе и одной уборщице. Тогда не возникало вопроса о нашем трудовом воспитании — ведь мы в эти годы в меру своих сил трудились дома и в школе, и это было законом.

Состав школьников по возрасту был довольно разношерстный: от таких, как я, первоклассников, до великовозрастных «дядь». Были ребята, которым исполнилось 15—16 лет. Некоторые из них «просиживали» в одном классе по 1—2 года сверх установленного срока. Они-то, «великовозрастные», и верховодили над нами, малышами, часто измывались, а боялись только сторожа школы, ибо он им не давал никакого спуска.

Коллектив учителей был очень хороший, среди них несколько молодых девушек-учительниц. В особенности две из них, сестры Наташа и Юлия, выделялись своей красотой, душевно

относились к нам, малышам, сельским ребятишкам. Мы их просто любили как старших сестер.

Среди учительского состава и его школьного совета был и поп — отец Тихон, который преподавал нам Закон Божий. Под его руководством мы всем классом исполняли божественное песнопение, в том числе и «Боже царя храни». Отец Тихон в школе имел большое и особое влияние, ибо в те дни, когда он появился в школе, все учителя к его приходу, вернее говоря, приезду — он всегда приезжал на пролетке с кучером, — усердно готовились. Отца Тихона все побаивались, и на школьном совете и при переводных экзаменах из класса в класс он имел решающее слово.

Поп был еще молод, лет 30—35, строг и требователен к нам. За незнание или даже за недостаточное знание урока Закона Божьего или молитвенника он беспощадно наказывал учеников: бил квадратной линейкой по пальцам рук, по лбу, мог ударить церковным ключом или дать такой щелчок, что искры из глаз сыпались. Не один раз перепало и мне от отца Тихона, хотя я и учился прилежно, в том числе и Закону Божьему.

Мы все очень боялись попа. Когда он наказывал школьника, то приговаривал: «Балда Божья». Мы, в особенности постарше нас школьники его между собой называли: «Поп — балда Тихон».

Я хорошо помню начало первой империалистической войны в 1914 году. Проводы мужиков в солдаты, плач жен, невест, матерей и детей, суровые лица стариков. Сбор на церковной площади, молебственная служба отца Тихона, а затем погрузка на станции в железнодорожные эшелоны. Многие ушли из нашего села навсегда, оставив сирот, вдов, стариков на произвол тяжелой судьбы. Помню, как начали возвращаться домой инвалиды войны — кто без ноги, а то и без обеих, кто без руки, без глаз и чахоточного вида, отравленные газом. Нам, детям, страшно и жутко было смотреть на искалеченных, не пригодных к труду людей. Вернулся с войны без левой руки по локоть и родной брат нашей матери, дядя Ульян. Это был красивый молодой жизнерадостный человек. Вернулся он героем — на груди с Георгием, но хорошо, что этот герой был мастеровым человеком, плотником-столяром и приспособился работать правой рукой, поддерживая культю отсутствующей руки. Его работа давала ему возможность как-то жить. Мы, дети нашей семьи, очень любили дядю Ульяна за его веселый нрав, общительный характер, за теплое отношение к нам.

Однажды в нашем селе произошел особый случай. В одно утро над селом в небе появился дирижабль. Он вызвал паниче-

ский страх. На нашей улице собралась огромная толпа народа, большинство женщин, детей, стариков — молодых подчистила рекрутовщина. Многие вставали на колени, падали ниц, крестились, голосили и приговаривали, что это предзнаменование «конца белого света». Мы, мальчишки, в этой людской панике тоже основательно трусили. Но, когда появился наш отец, бывалый солдат, выдавший виды, он постарался успокоить односельчан, разъяснил им суть «явления», и они все разошлись по домам.

Как ни странно, прошло с той поры около 70 лет, а я отлично помню до мельчайших подробностей многие эпизоды школьной жизни, даже помню лицо мой учительницы Наталии Ивановны. Помню всю школу, ее обстановку и класс, в котором я занимался. Спустя почти 45 лет, будучи в своем селе, я посетил родную школу, беседовал с учителями, учениками, побывал в своем классе, посидел за партой, где проучился четыре года.

Теперь мне все показалось таким маленьким и немного обветшалым, но было очень приятно вспомнить детство и школьные годы. От себя лично я подарил школе портрет Т. Г. Шевченко, инкрустированный по дереву, и это было тем более кстати, так как школа теперь носила его имя. Коллектив учителей тепло поблагодарил за подарок и посещение. Не утерпел, попил я воды из того школьного колодца, из которого пил воду, еще будучи школьником.

Школу я уже кончал без попа — во всяком случае, его не было на экзаменах, без портретов царя и его царственной семьи. Экзамены выпускные я сдал на «отлично» и получил «Похвальный лист». Итак, я стал грамотным, чем особенно гордилась моя мать.

В селе появились пленные «австрийцы» — так называли здесь всех пленных, хотя среди них были и немцы, и мадьяры, и другие союзники Германии. Пленных давали крестьянам в помощь для сельскохозяйственных работ, и это в первую очередь солдаткам и вдовам. Немало «австрийцев» осталось жить в нашем селе, создав свои семьи. Детей, прижитых ими с нашими женщинами, называли «австрияками», но это было незлобливо. Наши пленные в Германии имели право на переписку, и я помню, что не один десяток писем под диктовку старших мне пришлось писать нашим односельчанам, находившимся в плену у «германцев».

А жизнь становилась все труднее и тревожнее. Царя нет, попа тоже нет, а если поп и оставался, то он был уже без определенного «авторитета и влияния». А тут начался разбой,

появлялись банды, а известно, что трудовой человек не может жить без порядка, определенности, закона. Оставшиеся мужики в деревне и вернувшиеся инвалиды с войны часто собирались и вели разговор о жизни и власти, каковы они будут. Но никто определенного и вразумительного пока что не мог сказать и хотя бы предопределить. Казалось, что произошли какие-то огромные перемены, говорили о перемирии с «германцем», говорили о какой-то революции, но внешних перемен пока что не было заметно.

То было время февральской революции, Временного правительства, двоевластия⁴. Трудно было не только крестьянину, но и рабочему разобраться во всей этой «политической кутерьме». Февральская революция совершилась, но война еще продолжалась. Гибли солдаты, оставались вдовы, сироты, старики без присмотра, семьи без кормильцев. Шло пополнение инвалидов без рук, без ног, глухих и слепых, отравленных ипритом. Все это горькое, трагическое было рядом, и его никто не хотел из трудового народа.

Шла политическая, идеологическая, классовая борьба, но ее мало кто понимал из простых людей. Проходили собрания, сходки, митинги, в ораторах не было недостатка, и каждый из них восхвалял свои «идеи», рисовал благоденственную жизнь трудовому люду, призывал голосовать за его программу. Но все эти программы, «идеи» и речи оставались темными и малопонятными. Помню, как происходило какое-то голосование по цветным бюллетеням: красным, синим, зеленым и белым. Среди мужиков, да и среди рабочих много было разговоров и споров, какими же бюллетенями надо голосовать?..

Наша деревня Андреевка не была каким-то исключением в том тревожном времени, она, наоборот, казалась более прогрессивной и просвещенной, ведь она находилась всего в 50 километрах от большого промышленного и научно-культурного центра — Харькова. А ведь были отдаленные от железной дороги, глухие, просто захолустные села. Там совсем была темень беспросветная. Но даже самая захолустная деревня имеет свою историю и отдельных замечательных людей. В то тревожное, неопределенное время такие люди более остро проявляли свой характер и стремления. Был такой человек и в нашем селе, по фамилии Мальхин. Рабочий из Харькова, он-то, как говорили, и «заворачивал» всем в нашем селе. Мужики уже тогда говорили, что он большевик, а что это означало, никто толком не знал, да и не понимал. Мальхин был руководителем «Просвіти»⁵ в нашем селе, а впоследствии — председателем райисполкома, так как наше село стало райцентром.

Был и второй знаменитый человек на селе — Валковой.

Занимался извозом. Очень острый на язык, большой балагур, имел большую популярность среди населения, умел экспромтом на любую тему сочинить стих, каламбур, высмеять каждого. За остроту языка и незаурядные способности в ораторском искусстве его многие побаивались. Говорили, что он принадлежал к эсерам, но что это означало, мужиков тоже мало тревожило. Споры, стычки на сходках, собраниях, митингах почти всегда происходили между Малыхиным и Валковым. Часто из Харькова наезжали сторонники того и другого — тогда это придавало дискуссиям особую остроту, вплоть до физических мер воздействия. Из Харькова приезжали люди по-городскому одетые, а некоторые в форменной одежде железнодорожников, студентов, какие-то чиновники. Называли у нас их «паньчами».

Первые дни Октябрьской революции мне хорошо запомнились. На большой площади у церкви соорудили примитивную деревянную трибуну-помост, обтянутый красным кумачом, много было красных знамен. На митинг собралось наверняка свыше двух тысяч человек. У ораторов на груди красные банты. Выступающие говорили впервые открыто о большевиках, о Ленине, об Октябрьской революции, о большевистской программе. Много говорили о том, что теперь царя нет, власть будет народная, не будет богатых и бедных, а все будут равны. Помещичья земля перейдет крестьянам, фабрики и заводы — рабочим, все, что является твоим, — мое, а мое — твоим. В выступлениях ораторов было много путаницы и тумана. Среди мужиков была своя поговорка: «Твое — мое, а мое не твое». Веками хотя и скудная, бедная, но была своя собственность, и как сразу от нее отречься — отвергнуть ее, посягнуть на чужую «священную собственность»? Поэтому когда началась «ликвидация» помещичьих усадеб, далеко не все мужики участвовали в этих «мероприятиях». А по правде сказать, проводилось все это просто варварским способом — усадьбы, дома жгли, ломали, уничтожали. Даже термин был свой выработан: «Поехали грабить экономию Лисовицкого». И действительно, грабили, уничтожали дома, особняки, надворные постройки, как будто бы руководствовались словами: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». Да рушить и уничтожить гораздо легче, чем строить.

Из экономий, из помещичьих усадеб к себе в хозяйство великостот, везли сельскохозяйственный инвентарь, а также диваны, шкафы, столы, стулья, пианино, рояли, зеркала, бочки, ведра, тазы, даже статуи. Одним словом, брали все, что попадало под руки. А что из привезенного домашнего имущества не входило в крестьянскую избу, то вносили по частям или составляли

в сараях и клуных. Мой отец не участвовал в погромах помещичьих усадеб, он даже осуждал этот акт насилия, говоря при этом: «Раз это все богатство принадлежит народу, так зачем же все это жечь, уничтожать, ведь во всем этом богатстве заложен труд народный?» Моя мать, я хорошо помню, неоднократно говорила отцу: «Юхим, ты бачиш, що люди везуть з економии добро, чому ж ты не пойдеш, може, тобі б що досталось». Отец каждый раз резко обрывал разговор на эту тему. И я хорошо помню, что только спустя два или три года, когда уже и фундаменты сожженных помещичьих усадеб заросли бурьяном, мы с отцом поехали на усадьбу набрать подводу кирпича из разобранного подвала для строительства печи в нашей хате. Вот и все «богатство», что досталось нам от усадьбы помещицы.

Помню еще более поздний эпизод «обогащения». На железнодорожной станции стоял состав, груженный сахаром, цистернами с патокой. Тогда старшая сестра Мария, ее муж Никоненко Федор и я в общей суматохе участвовали в разбитии вагонов и принесли домой два мешка сахара и два ведра патоки — это был настоящий «праздник» для нас, голодных.

Начался раздел помещицы земли. В этом акте участвовали я как «писарчук», который мог писать и считать. Наша семья получила надел: три десятины земли, по числу едоков. Но встал вопрос, как же обрабатывать эту полученную землю? У нас, правда, была одна лошадка, выбракованная из армейских и подаренная отцу каким-то командиром Красной Армии. Из сельскохозяйственного инвентаря был плуг и борона, но требовались еще рало и каток обязательно. Пахать одной лошадкой тоже невозможно. Вот тогда и появились товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) ⁶. Это называлось «спрягаться», и мы с соседом нашим Чаговцем «спрягались», при этом я был несменным погонщиком. Такова была обработка на первых порах полученной земли.

В 1918—1919 годах в нашей всей округе были германские войска — они по Брестскому миру ⁷ оккупировали наши края. С приходом немцев вновь появились помещики и сахарозаводчики — начался возврат имущества и скота помещикам, а вместе с этим и порка мужиков за «разграбление» экономий и сахарных заводов.

В наших краях против германцев действовал вооруженный отряд. Немцы называли эти отряды «бандитами». На самом деле это были зародыши партизанского движения. В этих группах воевало большинство молодежи, парни лет 17—18, были и постарше люди. Я хорошо помню, что в этом отряде участвовали два моих двоюродных брата Шамрай — Савелий и Сашко, ближайшие наши соседи — Дегтябрь Кондрат и Максим Мошу-

ра. Базировалась эта группа на острове, в лесу, за рекой Северский Донец. В одной из вооруженных стычек с немцами на реке Донец многих молодых парней убили, многие раненые потонули в реке. Дегтяря Кондрата немцы доставили к отцу и потребовали, чтобы он самолично физически наказал своего сына в присутствии населения, обещая оставить его в живых. Было согнано все население нашей улицы и прилегающей к ней, сын был наказан отцом. Но затем германцы Кондрата отправили в Харьковскую тюрьму, где он и погиб. Сашка Шамрая мы с сестрой Марией прятали в своем погребе целую неделю.

Затем совсем как-то неожиданно и поспешно немцы покинули наши места. Мужики говорили, что в Германии тоже произошла революция, но толком никто ничего не знал.

После ухода немцев наступили менее тягостные времена, но тоже они были нелегкими для простого люда. В селе, как будто по «расписанию», чередуясь, появлялись красные, белые, разного толка и направления разрозненные отряды и банды. Населению не было никакого покоя, приходилось покоряться любой пришедшей власти. Наш населенный пункт с его железнодорожной станцией под грохот орудийной канонады и пулеметной дробью несколько раз с боями переходил из рук в руки. На железнодорожной станции часто появлялся бронепоезд. Не один раз нам, детям с матерью, приходилось отсиживаться в погребе. Наш отец при любой обстановке и перемене власти неизменно находился во дворе и при этом надевал свои награды — Георгиевские кресты. Так как на всей улице у нас хата была самая большая и красивая, к тому же стояла на пригорке, то она всегда привлекала постояльцев. Останавливались у нас и красные, и белые, и, к удивлению, и те и другие относились к отцу с каким-то особым, подчеркнутым уважением. Очевидно, уважали и видели в нем старого, заслуженного солдата, выдавшего виды на своем веку.

Помню один сложный случай, который чуть было не закончился трагедией для отца. Это было глубокой осенью. Через наше село проходила какая-то большая воинская часть белой армии. Шли пехота, артиллерия, кавалерия и обоз. Отец стоял во дворе у калитки, я рядом с ним. Подъезжает верховой к калитке и требует у отца фуража для лошади. Отец отвечает, что у него фуража нет. Всадник замечает: «А вот стоит стожок сена». Отец отвечает, что сено приготовлено для своих нужд. Беляк нападает на калитку, пытается прорваться во двор, в это время на него бросается наш дворовый огромный и злой пес Рябко. Беляк выхватил из ножен шашку, пытается зарубить собаку. Отец стал между псом и беляком, который закричал: «Уйди, старик, а то зарублю пополам». Отец отступил от

калитки, обозвал беляка «сопляком», и между ними завязалась по-настоящему солдатская перепалка. Беляк выхватил из кобуры наган и опять закричал: «Отойди, старик, иначе застрелю». В какой-то миг это могло и случиться. На перебранку подоспел какой-то офицер. Тогда отец, расстегнув свой кафтан и обнажив этим на своей гимнастерке все четыре «Георгия», выставил грудь вперед и крикнул: «Стреляй, сопляк, в старого солдата». Подъехавший офицер как-то сразу оторопел, прикрикнул на беляка, отдал честь отцу, извинился за происшествие и удалился. Я был живым свидетелем всей этой почти трагической сцены. Перепугался до смерти, расплакался и запомнил этот эпизод с гражданской войны на всю жизнь.

В это время мужа моей сестры Маруси, Федора, белые мобилизовали в свою армию, произвели в какой-то нижний офицерский чин, и он ушел с беляками на юг Украины. Спустя несколько месяцев он пришел домой, хорошо помню — в офицерской форме, с оружием. Затем переоделся в гражданское, спрятал оружие, а сам скрывался на чердаках, в подвалах. Когда Красная Армия заняла наше село, он ушел с красными и воевал всю гражданскую войну. По возвращении из армии работал рабочим, а затем мастером на железной дороге по ремонту путей.

Кроме наезжих банд, у нас в селе было несколько своих «доморощенных» со своими «предводителями», и они часто враждовали между собой, а вместе терроризировали, грабили, убивали и насиловали население. Самая оголтелая банда в нашем селе была под предводительством некоего типа по фамилии Невода. Мужики, молодые хлопцы не могли больше терпеть издевательств и оскорблений. Как-то ночью подстергли на улице самого Неводу и железными прутьями на месте покончили с ним. Я был свидетелем этого убийства и смотрел с ужасом на его труп. После убийства Неводы остальные немного попритихли, но еще долго пришлось с ними бороться. Эта доля не обошла и меня. Когда я был уже в комсомоле, то был и в составе ЧОНа (частей особого назначения)⁸.

Говорят, что война была гражданской, а почему она называлась гражданской войной? Кто может внятно и достоверно дать ответ на этот вопрос? Если воевали граждане одной страны за свои права, так это так, но ведь не это решило исход дела. Воевали две армии: белая — организованная, многочисленная, хорошо вооруженная, поддерживаемая Антантой, следовательно, она представляла собой определенный класс, систему, политические и идеологические убеждения, и Красная Армия, еще молодая, мало обученная и слабо вооруженная, представлявшая собой другой класс, другие убеждения, идеологию, политические взгляды. Были и партизаны. Их отряды играли большую

роль в этой классовой борьбе, но они не были решающими. Как же назвать эту войну? Она, безусловно, была **классовой** войной, хотя многие этого и не понимали.

Эта война окончательно разорила хозяйство страны, промышленность — все пришло в запустение и упадок, почти не было никаких промышленных товаров. Сельское хозяйство тоже оказалось в полнейшем разорении, а тут еще вдобавок обрушились жесточайшие засухи, которые вызвали неурожай и голод. Большинство народа буквально страдало, искало выход, как прожить, как выжить. Спекуляция, грабежи, обманные операции, создание «натурального хозяйства» — вот было тогда лицо страны. Чтобы наша семья не погибла от голода, как я уже упоминал, отец обменял свой хороший дом на развалину — «хижину на курьих ножках», при этом взял в придачу 12 пудов зерна-суррогата. Все, что возможно было, меняли на кусок хлеба, фунт муки, пшеница, гороха. В зимнюю стужу, метель, морозы я со своей матерью ходил верст за 30—40 от своего села на хутора, чтобы принести несколько фунтов муки, жмыха или какой-нибудь еды. В один из таких «походов» нас в пути настиг сильный буран, и мы чудом каким-то уцелели. Наши соседи — мать с сыном, моим сверстником Степаном, и дочерью Наташей 15 лет — замерзли в степи, и их нашли под снегом только спустя две недели. Приходилось мне ездить на буферах, крышах вагонов с углем на станцию Яма за солью. Пуд соли в двух узлах через плечо, верхом на буфере между вагонами — таков в основном был наш транспорт. Сколько погибло людей, в том числе и моих сверстников, под колесами железнодорожных вагонов! Но соль — это была ценность, на нее можно было выменять хлеб, зерно. Голод заставлял, гнал из дома в поисках спасения от голодной смерти.

Зиму 1919 года как-то мы всей семьей прожили, и все остались живы, хотя от недоедания и голода далеко не были здоровы. Приближалась весна, а с ней и вся надежда: пойдет трава, крапива, рогоза, щавель, уже можно будет жить. В детстве я переболел почти всеми болезнями: оспой, брюшным тифом, малярией, желтухой, корью. И все переносил тяжело, а теперь еще голод давал о себе знать. Весной с сестрой Марией я отправился на заработки, за 95 верст от нашего села, как тогда говорили, «в экономию», но теперь это был один из первых совхозов на Полтавщине. До совхоза шли большой компанией целых три дня, ночевали где придется. В экономии жить нас разместили всех вместе на чердаке воловни, прямо на сеновале. Столовая находилась в каком-то бараке, еду в ней давали два раза в день: кусок хлеба с какой-то примесью и котелок на два человека пшенной каши со старым подсолнечным маслом — это было уже очень хорошо.

Меня определили пасти свиней и коров, так что я был действительным свинопасом, но на «особом» положении. Поздно вечером, когда я пригонял все стадо на усадьбу с поля, после дойки коров мне полагалась кружка парного молока, это меня очень поддерживало. Пасти свиней и коров было нелегко. Целый день на жаре, холоде, под дождем, на ветру. Гонять скот надо было на водопой к стоку за три километра, стадо мое разношерстное — коровы идут в одну сторону, а свиньи — в другую. Бывало, до основания выматываешься за день и к вечеру падаешь просто замертво. А рано, чуть свет, надо выгнать на пастбище скот. Весной в разгар полевых работ, меня «повысили», я стал уже погонщиком волов при пахоте, бороновании и севе, а в летний период водовозом. Возил питьевую воду работающим в поле по прополке сахарной свеклы, к жаткам и вязальщицам снопов на уборке пшеницы. За мной были закреплены лошадь, телега, две бочки, четыре ведра и несколько десятков эмалированных кружек. Особенно в жаркую погоду меня с нетерпением ждали в поле работающие — хотелось каждому чистой холодной родниковой водички. Меня знали в нашем отделении все и называли: «Наш Петька-водовоз», Я гордился этой своей «популярностью». В мои обязанности входило также ухаживать за лошадей, кормить, поить и чистить ее, держать в исправности телегу, в надлежащей чистоте бочки. И, конечно же, строго по расписанию доставлять воду работающим людям в поле. За всю эту работу мне шла заработная плата наравне со взрослыми. Все складывалось неплохо, я даже перешел ночевать с общего чердака воловни на сеновал, возле конюшни. Моим наставником был старший конюх. Мне он тогда казался уже пожилым человеком, а ему-то было всего лет 30—35. Имени я его теперь уже, к сожалению, не помню, но он относился ко мне как к родному сыну. У него я научился многим хозяйственным премудростям и, как он говорил, «фактам».

Но, несмотря на теплоту и заботу этого человека и общее хорошее отношение всех ко мне, и в особенности девочек — подруг Марии, я все же сильно скучал по дому. По отцу, матери, младшему брату Мите. Временами, в особенности вечерами и ночью, тоска по дому, по родным местам, знакомым с самого раннего детства, доводила меня до слез. Я плакал, скрывая свою слабость от взрослых. Чувство первого расставания сжимало сердце от каких-то воображаемых «недобрых предчувствий», очевидно, свойственных ребенку, впервые покинувшему отчий дом, родные места, мать, отца, своих близких. Все время мне представлялось в воображении, какой будет встреча после окончания работы. А домой мы можем возвратиться только после Покрова.

Пришел срок расчета — и оказалось, что я заработал наравне со старшей моей сестрой Марией. Возвращались домой тоже большим коллективом, под охраной мужиков и молодых парней, ведь были все с деньгами, а в то время основательно пошаливали разные банды и грабители. Наш заработок основательно помог семье. Но запасов оказалось мало, хватило их ненадолго, и снова недоедание, а потом и голод протягивали к нам свои костлявые руки.

Надо было искать выход из создавшегося положения. И «выход» был найден. В феврале 1920 года меня определили в батраки к зажиточному крестьянину Земляному на хутор Пришиб, что в 20 верстах от нашего села. Мой теперешний хозяин поставил при найме меня в батраки условия: я обязан «служить» у него не менее года и делать все как его работник. За это мой хозяин дает нашей семье 4 пуда пшеницы и по окончании моего срока «службы» одевает и обувает меня с «ног до головы». К тому же было условлено, что если я буду работать хорошо, то при окончательном расчете я получу еще пуд пшеницы и пуд проса.

Итак, в 12 лет я стал батраком. Хозяйство Земляного по тем временам было средним: три пары волов, четыре пары лошадей, шесть коров, молодняк крупного рогатого скота, свиньи, овцы и множество птицы. Хорошие хозяйственные постройки, добротный дом, весь необходимый инвентарь. Была у хозяина конная молотилка, триер, несколько веялок. Одним словом, имелось все необходимое для хорошего хозяйства, для обработки 25 десятин земли, которые были в его собственности, да он еще арендовал 5—6 десятин земли. Земляной имел какое-то агрономическое образование, у него было много книг по земледелию, и он выписывал периодическую литературу по сельскому хозяйству. Впоследствии, после его раскулачивания, он работал в райземотделе как специалист.

Семья хозяина была небольшой: он сам — красивый статный мужчина, жена — маленькая, черная, сухая и до невозможности злая и скупая женщина, его мать, уже пожилая женщина, добрая и ласковая старуха, и приемная дочь Наташа лет 7—8 (у Земляных своих детей не было). Чтобы справиться со всем хозяйством, конечно же, одних рук хозяйки и хозяина не хватало, хотя они и были по-настоящему работающими людьми и трудились от зари до зари. Постоянно у Земляного был работник Степан лет 30—32, крепкого телосложения, очень работающий и смывленный. Он был глухонемой. Говорили, что он был красив. Степан как-то по-собому обрадовался моему прибытию и все время моего батрачества относился ко мне с большой теплотой и покровительствовал мне. Чувствовалось, что Зем-

ляной Степаном дорожил, но и побаивался его. Степан же относился ко мне с такой заботой и любовью, что мог из-за меня пойти на любой конфликт с самим хозяином, но об этом немного позже. Была еще и работница. Помню, что звали ее Верой, ей было лет 25—26, говорили, что она круглая сирота и живет у хозяина очень давно. Вера была тихая, скромная, небольшого роста, волосы льняные, черные брови, глаза зеленые. Она всегда улыбалась. Как я замечал, со Степаном они дружили. Относилась она ко мне с какой-то лаской умной женщины. В мои обязанности входило во всем помогать Степану и делать все для меня посильное, что скажет хозяин и хозяйка. Мне приходилось пахать, бороновать, сеять, возить хлеб и сено с поля на луга; погонять лошадей в конном приводе молотилки, крутить веялку и триер; месить навоз и делать из него в станках кизяки, помогать Степану ремонтировать сельскохозяйственный инвентарь и конскую сбрую, водить в ночное лошадей, ставить и вынимать из речки Балаклейки вентери с рыбой и раками, поить, кормить быков и лошадей и за ними убирать. К коровам доступа мне не было — это было «царство» Веры. Она их поила, кормила, ухаживала и доила.

В напряженную пору сельхозработ Земляной нанимал еще 10—15 человек сезонных рабочих, мужчин и женщин. Работали все от ранней зари до позднего вечера. Часто ночевали прямо в поле. Я хотя и не голодал, но часто жил впроголодь, в особенности когда уходил в ночное с лошадьми. Хозяйка была скупой и жадной. Она мне давала кусочек хлеба, причем черствого, луковицу и немного соли. Иногда мать хозяина украдкой от невестки совала мне в торбу кусочек сала. В отместку хозяйке за ее скупость и, конечно, от голода, я иногда украдкой пробирался в амбар, где стояли глечики с парным молоком, брал тонкую камышину и выпивал молоко, не повреждая молочной пленки. Правда, мне было стыдно и жалко, когда за этот «недосмотр» хозяйка ругала ни в чем не повинную Веру.

Об отчете доме, матери, отце, сестре и младшем брате Мите я очень скучал. Но повидаться с ними не было никакой возможности — не отпускал хозяин, да и работали мы до последнего изнеможения. Весной, летом и до самой поздней осени мы вставали в 4—5 часов утра и работали до темна. И так каждый день, поэтому мне всегда хотелось спать. Как-то с поля в хозяйство на ток возили снопы пшеницы. Хозяин на передней подводе, я за ним на арбе со снопами погонял волов, а меня все время клонит ко сну, и никаких сил, кажется, нет его перебороть. За мной следовала арба, которой управлял Степан. Уже при съезде на ток меня окончательно сморило — волы как будто бы почувствовали это, резко свернули в огород, и арба со снопами и мной опрокинулась. Я свалился и сильно ушибся, но подско-

чил к быкам, еще не понимая, что случилось. И вдруг я почувствовал на спине сильный ожог — это мой хозяин кнутом с металлическим наконечником хлестнул меня по спине. Рубашонка моя лопнула — кровь потекла по спине, я бросил быков и стал убежать, боясь повторного удара. В это время Степан, громко издавая какое-то мычание, с вилами в руках бросился на своего хозяина и жестами показывал, что он за обиду и побои меня может его приколоть вилами. Когда Степан возвратился к опрокинутой арбе, он снял с меня рубашку, вытер кровь на моей спине и все время гладил рукой меня по голове, успокаивая и грозя кулаком в сторону Земляного, который от нас стоял теперь на довольно почтительном расстоянии. С этого времени моя дружба со Степаном стала еще крепче, а хозяин до конца моей у него «службы» не смел меня тронуть даже пальцем. Хотя меня по делу кое-когда и надо было приструнить. На спине у меня до сих пор остался шрам в виде буквы «з» от удара кнутом хозяина. Так и осталось на всю жизнь «клеймо батрака».

В середине лета моя мать Мария Демидовна с младшим моим братом Митей пришли проведать меня и «погостить». Я очень обрадовался их приходу и Мите старался показать все «мое» хозяйство, рассказать, что я делаю, чем занимаюсь. Мать и братишка были худые, изголодавшиеся — хозяйева их, конечно, накормили. Но случая с Митей я не забуду до конца своей жизни. Мать Земляного — я уже об этом упоминал — была хорошей, сердобольной старухой. Она дала Мите кусок белого хлеба. И вдруг Митя после этого куда-то исчез. Мать заволновалась, куда, мол, пропал ребенок? Я начал искать брата, звать его, но он не отзывался. Я тоже начал волноваться, но спустя некоторое время Митя вылез из кучи кизяков, сложенных для сушки. Я его спросил, почему он там был и почему не отзывался на мой зов? Он ответил: «Я боялся, чтобы у меня хлеб не отобрали. И пока я его не съел, я не отзывался и не являлся». Такое запоминается на всю жизнь. Посещение матери и брата меня еще больше «растравило», и мне так страшно захотелось домой, повидаться со своими родными и сверстниками. Но моя мечта и желание так и не сбылись до окончания срока моего батрачества.

Уже поздней осенью ко мне пришел молодой человек, долго разговаривал — все выяснял о моей работе, об отношении ко мне хозяина. Спрашивал меня, не обижают ли меня, как кормят, где я сплю, сколько работаю. Затем он пригласил к себе Земляного, предложил заключить договор и заплатить в список. Мне молодой человек сказал, что я принят и состою в списке союза «Земраблеса»⁹ и в случае неправильных действий со стороны хозяина могу на него в союз жаловаться. О побоях я,

конечно, ничего не сказал. Итак, на 13-м году своей жизни я был занесен в списки «Земраблеса» и взят под «охрану» закона.

Все, что было обещано хозяином, он выполнил полностью, даже дал подводу, и меня Степан доставил домой. Земляной предлагал еще остаться хотя бы на год у него в работниках. Но меня тянуло домой, в родные места, к своим, хотя я и знал, что без работы мне нельзя быть. Явился домой я просто разодетый по тем временам. Это была диковинка: новые добротные сапоги, «чертовой кожи» штаны, фланелевая рубашка и кожаный широкий пояс, шапка из барашковой смушки и добротный казакин из сукна.

1921 год. Без работы нельзя было задерживаться: надо было на что-то жить. Я был принят на почту «почтальоном-кольцовиком». Выдали мне казенное имущество — специальную кожаную сумку для почты, ботинки и форменную фуражку с какой-то эмблемой на околышке. Протяженность моего «кольца» составляла 45 верст. В него входило 15 сел и хуторов, в том числе и хутор, где я батрачил. За неделю мне надо было сделать три «кольца», таким образом в неделю я проходил около 150 верст. В письмах доставлялась радость. Но горя было много — еще шла гражданская война, свирепствовали банды, был большой разбой. Меня почти везде принимали хорошо, даже иногда подкармливали и давали приют. Приходилось встречаться с довольно широким и разнообразным кругом людей: крестьянами-бедняками, зажиточными и кулаками, служащими и сельской интеллигенцией — учителями, врачами, агрономами, землемерами, рабочими, священнослужителями, жившими в моем «кольце». Доставлял я газеты, в основном «Сельскую бедноту», разные журналы, бандероли, письма и денежные переводы. Приносил и моему бывшему хозяину — помню, что он получал какую-то газету и агрономический журнал. Когда мне приходилось заходить к Земляному, то он на меня смотрел уже не как на своего батрака; а как на представителя советских «служащих». Работать на почте трудно было — в любую погоду — дождь, снег, пургу, мороз, грязь, распутицу или невыносимую жару. Мной было подсчитано, что за все время моей службы на почте я прошел больше 12 тысяч верст. Много мне пришлось повидать всего за время моих походов по кольцу. Видел большие пожары, железнодорожные катастрофы, наводнения, налеты банд, грабежи и убийства — время было довольно неспокойное. Мне особенно запомнился один из многих случаев. Как-то рано, на самом рассвете, я шел степным шляхом в хутор Петровский и наткнулся на дороге на труп молодой женщины,

одетой по-городскому. Я испугался и стал отходить от мертвой, но в это время подъехали две подводы, и мужики в убитой принасли сельскую учительницу. Убита она была зверски, ей нанесено было несколько ножевых ран. Мужики между собой говорили, что она убита была с целью ограбления, и называли предположительно убийц. После этого случая мне поздно вечерами и рано утром страшновато было ходить полем и лесом. А ночевать в поле на сене или соломе, как это было до этого, я просто боялся.

Мои сверстники мальчишки мне завидовали и считали меня более взрослым и «самостоятельным», так как я уже был на службе у государства. Хотя я и общался с большим кругом людей, но все же в пути я всегда был в одиночестве, со своими думами и уже недетскими мыслями. Нелегко мне было устроиться работать на почту, да и заработок был неплохой. И все же я все время мечтал работать в каком-то рабочем коллективе. Как ни жалко мне было расставаться со свыкшейся работой, все же я решил пойти работать на железную дорогу, хотя это оказалось не так легко и просто, как я себе представлял на первых порах. Рабочая сила была в избытке, и была очередь на бирже труда. А я еще был подростком, хотя уже за последние 2—3 года окреп, но взять от меня в физической работе нельзя было того, что от взрослого рабочего. Кроме того, уже начало действовать кое-какое законодательство об охране труда подростков. Но, откровенно говоря, в то время мы сами как-то старались обойти эти законы, добавляя себе год-два. Закон хорошо, но жить надо было на что-то.

Итак, добавив себе почти два года, я был принят на железную дорогу. Шел 1922 год. Работал на погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов. Грузили в вагоны и платформы шахтные стойки, разгружали вагоны с углем и другими грузами. Нелегко было, тем более что с питанием было совсем плохо, питались как говорится, «подножным» кормом. Мне на всю жизнь запомнился случай. Мы с отцом и младшим братом поехали в поле на свой участок косить просо. Там мы ночевали в поле. Наш отец где-то раздобыл молодой картошки и сварил ее без соли в большом ведре. Мы, голодные, с невероятной жадностью набросились на вареную молодую картошку. После еды со мной произошло что-то невероятное: я или отравился, или же объелся, но меня тошнило, началась сильная рвота, поднялась температура. Я весь был в горячке, временами даже терял сознание — переболел здорово. После этого случая я не мог есть молодой картошки несколько десятков лет, а один ее вареный запах вызывал у меня тошноту.

Через полгода работы на железной дороге мне посчастливи-

лось попасть в артель взрослых рабочих по ремонту железнодорожных путей. Среди взрослых я был один подросток, и ко мне относились все хорошо. Но особенно меня полюбил и даже мне покровительствовал за мою смекалку, трудолюбие и услужливость старший дорожный мастер Титаренко. Это был грамотный, отлично знающий и любящий свое дело человек. Ко всем рабочим артели он относился доброжелательно, хотя и очень требовательно. Титаренко был плотный, но довольно подтянутый, обладал большой физической силой, носил большие черные усы и своей красотой, нравом веселым и хваткой напоминал запорожского казака из сказок. Как мастер Титаренко сам многое умел и показывал, как нужно делать. В своей рабочей биографии я его считаю первым моим учителем и наставником. Мне на ремонте путей приходилось делать все: менять шпалы, производить их подштопку и подбойку, заправлять бровки пути и расстилать щебенку между шпал, сменять накладки и подкладки на рельсах и шпалах. Научился я забивать костыли мастерски, за 3—4 удара, проверять шаблоном расшивку рельсов, производить рихтовку пути и делать разгонку рельсов, оставив нужный зазор на их стыках. Все эти работы мной были хорошо освоены при непосредственном инструктаже мастера Титаренко, и я их выполнял отлично и быстро. Титаренко мне часто говорил: «Из тебя, Петя, выйдет отличный дорожный мастер — настоящий путеец!». Но больше всего мне нравилась работа костыльщика. Забивая костыли, ты ведешь и расшивку пути. Костыльщик — это уже была квалификация, да она и оплачивалась выше рядового ремонтного рабочего.

Весной 1923 года всю нашу «путейскую артель» перебросили на станцию Жихор, а затем на большой железнодорожный узел Харьков-Основа для производства ремонтно-восстановительных работ. Тут работать было тяжелее, объем работ огромный — смена шпал и рельсов, перешивка пути. В сложных условиях надо было заменить почти все стрелочные переводы, сменить рельсы на железнодорожном мосту. Всю нашу артель разместили в казарме. Это было двухэтажное кирпичное здание, четыре больших зала с нарами и соломой — вот и все удобства. На первом этаже размещались мужчины, на втором женщины. Ни воды, ни света, ни туалета — ничего этого не было. Свет — это в лучшем случае железнодорожный фонарь, вода в общем баке с прикрепленной к нему цепью кружкой. Постель — что у кого имелось. Небольшими группами соединялись в артели и готовили себе пищу на костре в казанках или в котелках. Питались главным образом пшеничным кулешом, радовались, если была картошка. Если был

кусочек сала, то его заворачивали в тряпицу и варили для «вкуса» и запаха — и так несколько раз, пока сало не вываривалось окончательно.

Я заболел малярией — тогда говорили «лихорадкой», и меня действительно не только лихорадило, а буквально трясло, выматывало все силы. Рано утром и вечерами я чувствовал себя хотя и слабо, но более-менее терпимо. Когда же поднималось солнце, к полудню, меня бросало в жар, холод, трясло невероятно, до беспамятства. Так я мучился недели две, совсем извелся, похудел, ослаб. О моей болезни передали матери и отцу. Они просили меня возвратиться домой, но я наотрез отказался. Тогда ко мне приехала мать. Она привезла мне «подкрепление» — пшено, картошку, хлеба две буханки и два куска сала. А главное — мать где-то раздобыла хинин. Я начал принимать его, нормально есть, и скоро молодой организм переборол лихорадку. А через некоторое время меня было уже не узнать, я подрост, раздался в плечах, и работать стало веселее и легче.

Чуть позже, находясь дома в отпуске, я ближе познакомился с учителем бывшей гимназии — теперь директором семилетки Перцевым. Сам по себе очень красивый и представительный, всесторонне образованный еще молодой человек, он меня все время уговаривал закончить семилетку. Но я этого не смог сделать, так как в семье был основным работником. Перцев повел со мной разговор о моем вступлении в комсомол. Откровенно говоря, я имел слабое понятие о комсомоле да и первые от Перцева я все подробно узнал о комсомоле, без предвзятости, наветов и даже проклятий в адрес этой организации. Разговор о комсомоле меня заинтересовал, и я решил вступить в его ряды. Предполагаю, что Перцев был «партийцем», как тогда говорили. К своему сожалению, я скоро потерял его из виду. Он куда-то уехал, и я об этом очень жалел. Считаю, что именно Перцев был первым «крестным» моих комсомольских мыслей.

Вскоре я перешел работать в паровозное депо. Сперва был подручным слесаря, затем слесарем, помощником кочегара, а дальше — кочегаром паровоза, стажировался на помощника машиниста паровоза. Одним словом, собирался стать настоящим кадровым железнодорожником. В эти годы было много всего. Помню трагические случаи — наезды на путях и неохраняемых переездах на людей, подводы, животных. Вспоминаю и забавные эпизоды. Так меня, помощника машиниста, молодой озорной парень по имени Гриша заставлял резаком мешать воду в тендере паровоза, якобы чтобы «поддать больше пару», и я мешал, да еще с каким усердием! А затем вся паровозная

бригада до слез хохотала над проделкой Гриши и, конечно же, надо мной, хотя все ко мне относились очень хорошо и говорили, что такой «курс науки» проходят почти все новички.

Работа на паровозе была тяжелой, особенно в ночное время, но интересная и захватывающая, и я это время всегда вспоминаю с большой теплотой. Мои наставники и учителя в труде были отличные душевные рабочие люди.

Райкомсоргом у нас был Делька Макухин — парень лет 20—22. Сам по себе он был довольно общительный, грамотный, хороший спортсмен, организатор и отчаянно смелый. Мы, хлопцы, льнули к нему именно из-за этих его качеств, любили его и стояли за него горой, хотя еще многие из нас не были комсомольцами. Девушек Делька привлекал своей приятной наружностью — красивый был хлопец, культурный, с тактичным обращением. Макуха Делька тоже заговаривал со мной о моем вступлении в комсомол. Он понимал, что если я буду в комсомоле, то за мной могут пойти многие ребята и девушки. Вокруг меня как-то группировалось много ребят, которые работали на железной дороге, на предприятиях в Харькове, да и в самом нашем селе — соседи, живущие на ближайших улицах.

О комсомольцах тогда взрослые говорили много неместного: о том, что они «безбожники, бездомники, голода», чуть ли не хулиганствующее «племя». Часто к таким разговорам были и справедливые поводы. «Антирелигиозную» пропаганду мы проводили, прямо скажем, варварским способом: горланили свои песни под церковью, когда там шло богослужение: сломали церковную ограду, разбили окна в церковной сторожке, где проходила спевка церковного хора. А как-то во время пасхального богослужения на паперти разложили несколько десятков пробок из пугача. А когда из церкви пошел народ на крестный ход, поднялась «стрельба», началась паника и невообразимый страх, в особенности среди женщин. Но за эту «антирелигиозную» пропаганду нам по делам и досталось от мужиков, от которых мы еле унесли ноги. Все это и другое вызывало озлобление у населения. Мы же, озорничая, сами не понимали, какой вред наносим комсомольской организации. Но мы делали и добрые дела: проводили посадки деревьев в парках, убирали в школьных дворах, занимались ликвидацией неграмотности, но это все не было заметно на фоне наших «антирелигиозных» проделок. Когда на работе в паровозной бригаде заходила речь о комсомольцах, то почему-то о них неодобрительно и с какой-то иронией отзывались, называя комсомол «крысомолией».

Дома ни отцу, ни матери я не говорил о своем решении вступить в комсомол. Отец довольно сдержанно относился ко

всем толкам и кривотолкам, разного рода рассказам о комсомольцах и их отдельных проделках. Его реакцию на мое вступление в комсомол я мог примерно хотя бы определить. Мать же была яркой противницей, и это я чувствовал по ее высказываниям, вроде того, что комсомольцы — это «бусурманы, безбожники, оглоеды и бездельники». Это были не ее собственные слова и мнения. На нее большое влияние оказывали те люди, у которых она была в прислугах. Мать возмущало, что эти «бесстыжие ходят без штанов» (это по поводу того, что комсомольцы появлялись в трусах во время игры в футбол или волейбол) и горланят песни: «Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок...» Неоднократно мне мать говорила: «Дьвысь, Пытро, чога то ты вештаешся з оцым Макухою и комсомольцамы? Вступыш в комсомол, из дому можеш уходыты». На нашей улице много было молодежи, которая работала на железной дороге так же, как и я, и мы все дружили. Меня почему-то считали «верховодом». Я сам этого не замечал, но чувствовал, что ко мне многие тянулись. Была у меня девушка, друг моего детства Паша Шморгунова, хорошая, стройная, белая, хохотунья и озорница, певунья, недаром она пела «первым» голосом в церковном хоре. Мы с Пашей дружили и симпатизировали друг другу, и я хотел, чтобы она тоже вступила в комсомол. Но как это сделать? Ведь она церковная хористка, а ее отец какой-то церковный общественный деятель и тоже поет в хоре. Я сказал Паше, что я вступаю в комсомол и прошу ее покинуть церковный хор, перейти в хор «Просвиты» и вступить в комсомол. Она ответила отказом, но не по своей воле и убеждению. Плача, она мне рассказала, что у нее был разговор с отцом на эту тему. Он ей сказал: «Я тебя прокляну и выгоню из дома, если ты будешь якшаться с комсомолом». Мы вместе с Пашей строили наши планы, как выйти из сложного положения. Но что мы могли в наши годы в то трудное и сложное время придумать?.. Я был огорчен тем, что Паша не сможет вступить в комсомол, а если я вступлю в комсомол, то все равно не смогу с ней дружить и встречаться, ведь она церковная хористка, чуть ли не служительница религиозного культа. Все это меня тревожило и мучило. Очевидно, это была моя первая юношеская любовь.

В октябре 1923 года я вступил в комсомол. Со мной вместе с нашей улицы вступили в комсомол еще 5—6 человек, в том числе Коробка Афанасий и его старшая сестра Химка. Все мы условились не говорить родителям о нашей «официальной» принадлежности к комсомолу. Но разве это можно долго скрывать? Начали посещать комсомольскую ячейку, где проводили собрания, занятия политграмоты, устраивали разного рода диспуты, спорили до хрипоты. Вскоре наша ячейка насчитывала

уже около 30 человек. Чувствовалась большая спаянность и настоящая комсомольская дружба. Руководили нами Клава Скрывинник и Иван Шерстнюк — это были по тем временам грамотные ребята, окончившие гимназию. Работали на какой-то советской работе, да и постарше нас были лет на пять.

Политграмоту мы «проходили» по Коваленко, а политэкономию по Н. Бухарину¹⁰.

Конечно, многое не было для нас понятным, но жить нам было интересно. Мы вели разговоры о мировой революции, о «всемирном пожаре», хоть сам «мир» для нас был довольно отдаленным и ограниченным понятием. Спорили о коммунизме. Что это такое и как его строить? Возможно ли построить его в отдельной стране, или же это явление международного значения? Причем говорили часто уже о «мировом коммунизме», не имея по этому вопросу ни малейшего представления. Мы говорили, и нам рассказывали, что коммунизм — это когда все будет общее: будем жить коммуной, не будет буржуев, богатых и бедных, и все будут равны. Отомрет государство, не будет армии. Все вместе взятое для нас было сплошным туманом и далеким миражом. Спорили о стихах В. Маяковского и громили «есенинщину»¹¹, ее пессимизм и мещанство. Выступали против ношения галстуков и танцев как против мещанско-буржуазных пережитков, несовместимых с новым обществом. Обсуждали планы антирелигиозных мероприятий. Выпускали стенную газету и клеймили Чемберлена. Пели песни: «Наш паровоз, вперед лети» и «Взвейся знамя...» «Интернационал» исполняли все равно как когда-то в школе молитву или «Боже, царя храни!».

Много спорили о нэпе¹², но так до конца и не понимали всего великого значения «новой экономической политики» для нашего государства. Появилось новое слово — «нэпман». Оно стало нарицательным и звучало грознее чем контрреволюция, «мировая гидра», капитализм, буржуазия, ибо все это было дальше от нас, а «нэпмана» мы видели каждый день в своей жизни. Говорили, что в период нэпа много вышло из партии коммунистов-большевиков, и даже заслуженных: они не были согласны с Лениным по введению в стране нэпа. Но это происходило по «идейным» убеждениям. Мы же многого не понимали, да и «идейности» у нас было на «ноготь». Но нэпман у нас вызывал какое-то молодежное «бунтарство», возмущение самим нэпманом. Нас в комсомольской ячейке больше волновали вопросы трудоустройства комсомольцев и молодежи через биржу труда и профсоюз. Невозможно перечислить все вопросы, которые обсуждались и принимались на собраниях комсомольской ячейки. Обсуждался вопрос и о том, кого из наших комсомольцев рекомендовать в ЧОН. Членом ЧОНа стал и я.

Мои родные, отец и мать, все же скоро узнали, что я комсомолец. Был большой скандал. Мать ругалась, плакала, угрожала, приводила в пример некоторых «порядочных» сынков и дочерей нэпманов, у которых она стирала белье и выполняла другую домашнюю работу. Отец отнесся к этому более спокойно. Он говорил матери: «Брось ругаться и голосить, надо разобраться с этим вопросом. Ты ведь ничего в этих делах не понимаешь». После такого замечания отца мать немного успокоилась. Когда я отцу рассказал, чем мы занимаемся, его больше всего привлекло то, что мы читаем книги. Он попросил меня показать ему книгу, по которой мы занимаемся. Это была «Политграмма» Коваленко. Отец внимательно просмотрел комсомольскую политграмму. Не знаю, разобрал ли что он в ней, но одобрительно сказал: «Это хорошо, что вы читаете книги. Чтение книг — это образование».

Но однажды я пришел домой с наганом и саблей, то было чоновское вооружение. Отец неодобрительно об этом отозвался: «Я,— говорил он,— двадцать пять лет носил оружие. Не один раз смотрел смерти в лицо, видел много горя и смертей. И мне не хотелось бы, чтобы ты связал свою жизнь с оружием». Но это было его желание, а время требовало своего, и оно ни мне, ни отцу не было подвластно. Моя комсомольская «легализация» кончилась благополучно, что значительно облегчило мое состояние. На работе в паровозной бригаде тоже стало известно, что я стал комсомольцем. На первых порах отношение ко мне стало какое-то натянутое. Почему-то в то время считали, что комсомолец — это лишняя забота, «всегда вынесет сор из избы», чуть ли не «осведомитель». Но спустя короткое время все наладилось, отрегулировалось, и взаимоотношения стали прекрасными. Спустя некоторое время и я в комсомоле начал работать довольно активно: вел группу ликбеза¹³, участвовал в работе драмкружка.

Умер В. И. Ленин. Об этом мы узнали поздно вечером, когда в клубе шло комсомольское собрание и наша комсомольская ячейка почти полностью была в сборе. Помню, на клубной сцене появился какой-то интеллигентный мужчина и объявил о кончине вождя всемирной революции В. И. Ленина. Все встали и почтили память Ленина. В зале кое-где раздались рыдания — это плакали наши старшие товарищи. Откровенно говоря, мы, младшие, не совсем понимали всей невосполнимости утраты. Но все же чувствовали, что произошло что-то трагическое, вызвавшее такую скорбь и боль у старших. В этой тягости и мы как-то повзрослели.

Когда мы немного отошли от первого удара — сообщения о смерти В. И. Ленина, кто-то предложил спеть песню: «Мы жертвою пали в борьбе роковой...» Как нам тогда говорили, это была любимая песня Ильича, и ее пел весь зал. На душе у каждого из нас оставалась какая-то особая тяжесть, по домам мы расходились против обычного тихо, молча. На второй день почти все комсомольцы нашей ячейки пришли в клуб. Нам надели траурные повязки на рукава, и мы стали в почетный караул у портрета В. И. Ленина, обрамленного траурной рамкой. Была во всем скорбная тишина, и даже разговор велся вполголоса. Траурные повязки мы носили до самых похорон В. И. Ленина. Вся тревожная, горестно-скорбная обстановка этих дней мне запомнилась на всю жизнь.

После смерти Ленина комсомол начал носить имя Ленина — Ленинский комсомол.

Помню, большим событием в комсомольской ячейке было приобретение батарейного радиоприемника и проекционного фонаря с набором разных диапозитивов. Вечерами мы слушали радио и, удивляясь этому, смотрели «туманные картины» и радовались, что все это пополняло наши скудные знания. Так мы расширяли свой кругозор. Спустя некоторое время я в Харькове купил детекторный радиоприемник, привез его домой, натянул антенну почти через весь двор, и в нашей хате начали слушать через наушники радиопередачи. Отец к этой новинке отнесся с большим интересом, слушал передачи и по-своему комментировал передаваемое. Мать, послушав один раз, отказалась больше слушать, заявив, что это говорит нечистая сила. Слушать радиопередачу приходили соседи, в особенности этим интересовался Антон Чаговец. Это был грамотный мужик, впоследствии он стал руководящим советским работником в нашем районе. Его сын Николай, старше меня на два года, не захотел работать на железной дороге, а поехал работать на шахту в Донбасс, да там вскоре и погиб в шахте при аварии.

С каждым годом я чувствовал, как растет, расширяется мой кругозор, появилось страстное желание учиться, но у меня такой возможности не было. Мой младший брат Митя закончил к этому времени семилетку и поступил в Изюмский педагогический техникум. Я ему завидовал, но доброй завистью. Мои некоторые сверстники тоже учились, кто в Харькове, кто в Изюме, в разных техникумах и на подготовительных курсах. Я же работал на железной дороге в паровозном депо на станции Основа. Работал уже четыре года, привык к своему делу, мечтал стать машинистом паровоза. Я полюбил все, связанное с паровозом, и мне это нравилось. Думал, что всю свою жизнь

и судьбу навсегда свяжу с работой на железной дороге. Мне пошел 18-й год. По тому времени это уже вполне взрослый и самостоятельный человек. Мать по-прежнему работала на поденных работах — стирала белье, полола огороды, убирала квартиры. Как-то она попросила меня пойти с ней в один дом поколоть дрова. Я согласился. Дом этот был «вдовы Чаговчихи». Говорили, что ее муж был каким-то крупным коммерсантом и торговцем. Семья состояла из хозяйки-барыни, женщины лет 45, красивой, стройной, властной, горделивой. Ее сын Михаил, горбун, телеграфист на железнодорожной станции, всегда ходил щегольски одетым в форму телеграфиста, но любил выпить. Несмотря на свою «интеллигентность», он с «серьяками» был общителен и обходителен. Дочь Юлия, красивая девушка лет 16, с большой черной косой, к тому времени окончила гимназию и собиралась поступать в Харьковский педагогический институт.

Я переколол колуном много дров, сложил их в сарай и собирался уходить, но в это время меня пригласили зайти в дом. Дом был в 6—7 комнат. Деревянные полы, венские стулья, ковры, зеркала, комоды, картины и даже граммофон. Все это я видел первый раз в жизни и даже как-то обомлел от этой роскоши и красоты. Увидев Юлию, которую мне представила мать, я совсем растерялся, а ее красота, обхождение произвели на меня какое-то «волшебное» впечатление. Я почувствовал, что и Юли заинтересовалась мной, очевидно, хотела разгадать, что же содержится в этом чумазом пареньке. В этом доме я впервыепил настоящий чай, да еще с лимоном, о котором я до этого не имел никакого понятия. С Юлей мы как-то сразу же подружились и явно симпатизировали друг другу. Но виделись мы очень редко, так как я работал на станции и дома бывал только в выходные дни. Юлия была начитана, хорошо знала литературу. Она давала мне книги для чтения. А после мы вместе обсуждали прочитанное. Я, конечно, далеко не во всем разбирался, и Юля старалась помочь и многое просто поясняла. У меня появилось особое желание и тяга к чтению художественной литературы. По своим убеждениям Юлия была комсомолкой, но ее в комсомол не принимали как «дочь торговца». Она все это переживала, да и я хотел, чтобы она была в комсомоле. Но порядок есть порядок.

Хотя Юлия и не была комсомолкой, но она была самым активным членом нашего клубного драматического кружка и играла роли героинь. У Юлии была близкая подруга Галя Крайнюк. Это была задорная рыжая небольшого роста девочка, большая затейница и умная девушка. С Юлей наши «симпатии» зашли дальше, чем мы предполагали, и мы с ней уже повели разговор о женитьбе. Но это было только наше желание

и решение. А как посмотрят на это наши родители? Первой воспротивилась этому моя мать, заявив, что она не хочет быть вечной прислугой у молодой барыни. Мать Юлии тоже была против, потому что я из простой семьи и необразованный рабочий. Все это нас огорчило, но против воли родителей мы пойти не могли. Один Миша, брат Юлии, нас понимал, сочувствовал и часто содействовал нашим встречам. А встречаться мы продолжали и еще теплее стали относиться друг к другу. Не суждено было судьбой соединить наши жизни, но теплота этой любви сохранилась на долгие годы. Юлия потом была активной комсомолкой, закончила институт, работала учительницей, завучем и директором школы. Я с ней и Галей Крайнюк долгие годы поддерживал дружеские связи.

Как-то однажды — шел уже, кажется, 1925 год — меня пригласил к себе секретарь райкома комсомола Иван Шерстнюк и предложил работу секретаря комсомольской ячейки в селе Петровском. Но так как штатной единицы секретаря комсомольской ячейки не было, то меня определили заведовать хатой-читальней, где по тем временам была приличная зарплата — 45 рублей в месяц. Такое предложение для меня было неожиданным. Мне было жалко расставаться с привычной для меня работой, да, откровенно говоря, я далеко не полностью понимал и представлял свои будущие обязанности, и это меня несколько пугало. Я попытался отказаться от предложения, но мне напомнили о комсомольской дисциплине. Пришлось согласиться. Пошел в РИК (районный исполнительный комитет), получил документ о моем назначении. С инструктором райкома комсомола пешком отправились в с. Петровское за 25 километров от райцентра. Собрали комсомольскую ячейку, и меня избрали ее секретарем.

Райком комсомола поставил передо мной задачу: оживить работу комсомольской организации, добиться значительного роста рядов комсомола. Хата-читальня должна стать культурно-политическим центром на селе. Задача ясна с точки зрения постановки вопроса, но в выполнении ее было много трудностей, а неясностей еще больше — каким путем это все можно сделать. Прошел инструктаж, получил «циркуляры» на папиросной бумаге и приступил к работе.

Петровское было сложным селом. Из 300—350 дворов большинство были зажиточные, крепкие хозяйства. Несколько десятков хозяйств были «кулацкими», как мы тогда их определяли. Была и голода, как нас тогда называли заможные¹⁴. На селе было всего два коммуниста: член партии демобилизованный инвалид-красноармеец, он же и председатель сельского Совета,

да кандидат в члены ВКП(б) местный «грамотей», заведующий сельпо. Мои помыслы вступить в партию были ограничены отсутствием партийной ячейки в селе. Всю же организационно-политическую работу — созыв сходок, митингов, собраний, лекций и докладов — приходилось проводить через комсомольскую ячейку.

Хата-читальня была размещена в доме попа. Это было приличное помещение. Зал вмещал 100—120 человек. В четырех подсобных комнатах мы разместили комнату для политзанятий и комсомольской ячейки, комнату, где размещалась библиотека, комнату для занятий драмкружка и агрокомнату. В хата-читальне был «культуринвентарь»: пианино, гармошка, проекционный фонарь с набором диапозитивов. Библиотека состояла из нескольких сот книг. Выписывались газеты и журналы. И гордость «света» — десятилинейная керосиновая лампа, подвешенная к потолку. С комсомольцами проводились политзанятия, читка лекций, устраивались вечера «вопросов и ответов» на самые разнообразные, даже «вольные» темы, разучивались пьесы и песни. Во всей работе хаты-читальни оказывали самую существенную помощь молодые учителя-комсомольцы. Определенная тяга молодежи села и ее интерес проявлялись к мероприятиям, проводимым комсомолом, а также к работе хаты-читальни. Но рост комсомольских рядов шел довольно туго. Причиной этому было сильное отрицательное влияние молодежи из зажиточных семейств, боязнь бандитов и некоторое влияние церкви, которая была рядом с хатой-читальней. Мужиков тоже тянуло к работе хаты-читальни, и этому способствовала хорошо оборудованная комната агротехники. В ней были красочные плакаты, литература по агрономии, специальная литература по земледелию и животноводству — журналы и наглядные пособия. Часто организовывались лекции, беседы по агрономии. Их проводили агрономы из райземотдела.

Мужикам все это нравилось. Они начали более снисходительно относиться к комсомольской ячейке и к самим комсомольцам. А хата-читальня стала их «клубом». В нем обсуждались самые разнообразные, сложные, подчас тревожные текущие дела самой жизни и политики. Вокруг еще «пошаливали» мелкие разрозненные банды, но в село Петровское банды почти не проникали, ибо им было известно о вооруженном отряде комсомольцев. А главное — мужики под руководством председателя сельского Совета организовали хорошую самооборону села.

Петровское было селом полустепным. Лесов вокруг близко не было. Единственным большим зеленым массивом был церковный парк. Он по склону спускался к самой речке Балаклея-

ке. Да еще были деревья на сельском кладбище. На усадьбах у мужиков было, конечно, много садов. Как-то поздно ночью с группой комсомольцев я возвращался из хаты-читальни к себе на квартиру. Вот тут, в этом церковном парке, нас из засады и обстреляли, да с такого близкого расстояния, что мне в глаза попал несгоревший порох, мне пришлось пролежать в больнице почти две недели. Остатки пороха до сих пор остались в глазах. Буденка моя была пробита самодельной пулей, очевидно, стрельба по мне произведена была из обреза. Мы в ответ на внезапное нападение открыли беспорядочную стрельбу, но только всполошили дежурных самообороны.

На первых порах я квартировал у одного комсомольца-активиста. Было голодно и холодно, хотя и совсем дешево. Потом мне подыскивали квартиру у одного «заможного» мужика. За квартиру и питание надо было платить 10 рублей в месяц. Это было дорого, но зато все было хорошо. Дом был трехкомнатный, с деревянным полом. Я занимал отдельную комнату, чистота и порядок, питание хорошее, отношение просто домашнее. Одно только мне не нравилось — молодая, симпатичная хозяйка. Ей было лет 25—26, муж старше ее был лет на 20—25. Так вот эта «хозяйшкa» начала за мной усиленно присматривать и подкармливать меня — молочком, сливочками, сальцем, всего было в достатке. Но лишнее ее ухаживание за мной возбудило «тайную ревность» ее добродушного, работающего, хозяйственного мужа. Мне надо было быть настороже, но все обошлось хорошо.

Проработал я на этой работе немногим больше года. Комсомольская организация выросла до 35 человек. Работа хаты-читальни числилась на хорошем счету, одной из лучших в районе. Но меня все время не покидала мысль продолжить учиться. Я выписывал журнал «Рабфак на дому»¹⁵, но этого мало было. Я стремился поступить в учебное заведение, но как и куда, не знал.

Весной 1927 года меня вызвали в райком комсомола и на бюро райкома рекомендовали на учебу в Изюмскую окружную одногодичную совпартшколу¹⁶. Моей радости не было конца — сбывается моя мечта об учебе. Но для поступления в школу надо было еще выдержать пять экзаменов: политграмота, математика, физика, химия, диктант. Я начал усиленно готовиться к предстоящим экзаменам. Мне помогали учителя-комсомольцы села Петровского. Занимались много и старательно. Под конец занятий мне устроили «экзамен» по математике, физике, химии и диктанту. По политграмоте я считал себя «вполне» подготовленным. Казалось, мной и моими друзьями — комсомольцами-учителями все сделано, чтобы хорошо сдать экзамены, но

волнения мне не давали покоя. Наконец пришло время, и я уехал с направлением райкома комсомола в окружной город Изюм сдавать экзамены. Экзамены были сданы на «хорошо», и меня зачислили слушателем-курсантом совпартшколы. Радость невероятная переполняла меня. Курсантов в совпартшколе было около 300 человек. Немало было и молодежи, но даже среди них я был самый молодой. Были и, как нам казалось тогда, «пожилые», до 45 лет члены партии с солидным стажем партийной и советской работы. Среди них самое видное место занимал Шпилевой. Он был участником гражданской войны, до школы работал председателем районного исполкома. В школе он был избран секретарем парткома.

Итак, я курсант совпартшколы и приступил к занятиям. Преподаватели школы были хорошие, опытные. Это были старые, дореволюционные интеллигенты-коммунисты и молодые кадры. Преподавателем политэкономии была Крумголец — член партии с 1914 года, опытный педагог, хороший коммунист.

В школе мы изучали историю, политэкономия, экономгеографию, математику и геометрию, физику и химию, ботанику, литературу, русский и украинский языки. По всем этим предметам надо было периодически сдавать зачеты и экзамены. Учиться было нелегко, работали много и упорно, «грызли гранит науки». Наилучшие успехи по учебе у меня были по истории, политэкономии, экономгеографии и ботанике. Крумголец неоднократно ставила в пример мои конспекты и ответы на семинарах по политэкономии. А молодая учительница ботаники из-за моих конспектов с цветными рисунками по ботанике и сдачи зачетов меня просто боготворила. Не один раз мои конспекты были на школьной выставке. В общем, занятия у меня шли хорошо. Все лекции обязательно конспектировались. Проверялась усвояемость на семинарах с тематическими вопросами и ответами. Много приходилось работать вечерами. Много времени отнимала и общественная работа. Меня избрали членом бюро комсомольского комитета школы и членом редколлегии стенной газеты школы. Материальные условия были хорошие: жили мы недалеко от школы в общежитии по 4—5 человек в комнате, питались бесплатно в школьной столовой. Стипендию получали полностью вместо всего прежнего заработка и по 15 рублей на иждивенца. Таким образом, я получал в месяц 75 рублей. Это в то время были немалые деньги. Кроме того, нас всех за счет государства полностью экипировали — одели и обули, предоставили полный выбор одежды. Кто брал пальто; а кто и полушубок или кожаную тужурку. Я себе взял тужурку, хромовые сапоги, галифе, гимнастерку, ремень, шап-

ку-ушанку из сивого смушка с кожаным верхом. На лето нам выдали ботинки, рубашки и пиджак. В то время мало кто был так одет, как мы, курсанты школы.

В школе преподавались и военные предметы. Устраивались военизированные походы и учения. Чаще всего это были походы на гору Кременец, которая возвышалась над городом. Были экскурсии на предприятия Изюмского завода оптического стекла (ИЗОС), в железнодорожные мастерские и депо и другие. Сам город Изюм расположен в красивом месте на берегу Северского Донца, под горами — большие массивы леса и Луга.

В январе месяце 1928 года я приехал домой в свое село на зимние каникулы. Все мои сверстники завидовали мне и были в восторге от моей экипировки и эрудиции. Одним словом, я был в центре внимания комсомольцев и молодежи районного центра Андреевки. Учеба мне много давала даже в общем кругозоре, тем более что я имел прямое общение со взрослыми, уже умудренными житейским опытом людьми. Это позволяло мне еще больше работать и мужать.

С самого начала учебы ко мне обратилась преподаватель политэкономии Крумголец, она же замсекретаря парткома школы, и повела разговор о моем вступлении в партию. Вскоре я был принят кандидатом в партию с 6-месячным кандидатским стажем как рабочий. Рекомендующими моими были Крумголец, Шпилевой и Рудковский, секретарь окружкома партии. В апреле 1928 года я был принят в члены ВКП(б). Это было огромное и очень важное событие в моей жизни. Но если говорить откровенно, то полностью всю глубину этого события и значимость всего происшедшего в моей жизни я осознал позднее.

Совпартшколу я закончил с оценкой на «хорошо». Получил соответствующее свидетельство об окончании. Окружные комитет партии и комсомола занимались распределением на работу выпускников школы. Я был принят для беседы секретарем окружкома Рудковским и секретарем окружкома комсомола Мырленко. Мне предложили должность секретаря Боровского райкома ВЛКСМУ. Я дал согласие и был утвержден в этой должности.

Перед тем как приступить к работе, мне дали отпуск. Я уехал домой, к этому времени приехал и мой младший брат Митя. Наша хата-завалюха совсем вросла в землю — окна и двери перекопались, здесь всегда чувствовалась сырость. Нас, молодых, по приезде домой этот «дворец» просто угнетал, да и неудобно было пригласить к себе кого-либо из новых знакомых — городских ребят или девушек. Отец и мать уже были

престарелыми, и нам с Митей очень хотелось, чтобы на старости лет они пожили в хорошем доме. Мы решили с Митей сломать старую хату и срочно на ее месте построить новый домик. Решено! А раз решено, то теперь осталось взяться за дело. Сами составили план, сделали чертежи будущего дома, подсчитали материальные и денежные ресурсы. А деньги у нас были: мы с братом жили скромно, бережливо, не курили, не пили, не были транжирами. У отца было припасено дерево, но его явно не хватало для наших планов. Посоветовались со старшими — они были хорошими плотниками, договорились о цене и сроках строительства. Отцу и матери о своих замыслах не говорили ни слова, зная заранее, что они будут противиться этому.

Воспользовавшись тем, что отец куда-то уехал на 3—4 дня, мы приступили к реализации своего замысла. Собрав человек десять своих товарищей, мы свою старую завалуху разобрали до основания за два дня. Весь домашний скarb перенесли в сарай, где и жили до окончания постройки дома. К приезду отца уже были закопаны стояки и заложены подвалы трехкомнатного дома. Работа кипела от утренней зари до поздних сумерек. За месяц дом был построен, покрыт оцинкованным железом, настланы деревянные полы. К нашему отъезду заканчивалась кладка печного очага. Дом на пять окон, высокий, красивый, с верандой получился на славу. Многие удивлялись нашему смелому поступку и напористости, кто-то завидовал. Мы же с братом остались довольны, что исполнили свои намерения и желания, что наши старики, отец и мать, остаются жить в хорошем доме. По райцентру о нас с братом пошла молва как о хороших, порядочных и хозяйственных сыновьях, проявивших заботу о своих родителях.

Митя поехал в Балаклею учительствовать, но его не покидала мысль продолжить учебу, и он усиленно готовился в Харьковский университет на физмат. Хотя временами он подумывал и о художественном институте. Для этого у него были основания — он хорошо рисовал портреты и картины. Школы, конечно, никакой, но получалось неплохо. Так рисование у него и осталось на всю жизнь как своего рода хобби. А после окончания Харьковского университета из Мити получился отличный преподаватель математики и физики.

Я поехал в Боровую, на свою новую и совершенно незнакомую мне секретарскую работу. Но я думал: «Свет не без добрых людей». Так и получилось.

Районный центр Боровая находится в 36 километрах от окружного центра города Изюма. Сообщение только конной тягой. Боровской район считался глубинным, но не глухим.

В то время были районы и поглубже и поглуше. Вся комсомольская организация насчитывала 300—320 человек, из них почти половина в райцентре. Во многих селах, а тем более в хуторах не то что не было комсомольских ячеек, а не было ни одного комсомольца. Район по своему составу был довольно сложный. Много было сел довольно зажиточных, таких, как Верхняя и Нижняя Солёные. Немало было и «голоты». По национальному составу в основном были украинцы, но немало было сел и хуторов с русским населением старообрядческого вероисповедования. Райцентр — большой населенный пункт. Посредине райцентра была огромная площадь. На ней собирались ярмарки и базары, тут же было и футбольное поле.

Райком комсомола размещался в одном здании с райкомом партии и занимал две небольшие комнаты, окна которых выходили на площадь. На противоположной стороне площади стояла двухэтажная паровая мельница, большой двухэтажный каменный дом, в котором располагался РИК со всеми своими службами. Чуть правее находилась библиотека и читальный зал. В большом длинном деревянном амбаре был оборудован районный клуб мест на 300—350. Рядом с клубом — действующая православная церковь.

На техническом «вооружении» в райкоме комсомола была старая пишущая машинка «ундервуд». От РИКа было закреплено две лошади с седлами, тарантасом и санями — это были наши транспортные средства. Работать приходилось в довольно сложных условиях. Вокруг еще свирепствовали банды. Кулаки и их сынки проявляли особую активность, чувствуя, что на них идет наступление. Молодежь, в особенности на селах и хуторах, неохотно шла в комсомол, главным образом из-за боязни, угроз и недопонимания роли и значения комсомола. А окружком комсомола ставил задачу в ближайшее время резко увеличить рост комсомольских рядов, и по этому вопросу шли непрерывные циркуляры.

Председателем РИКа был Рябцев, огромного роста человек, по своей натуре добродушный и добрый, в работе требовательный и строгий. В прошлом он работал на доменной печи, был активным участником гражданской войны и партизанского движения. Член партии с 1916 года, прямой и смелый человек. Он часто брал меня с собой в поездки по селам и хуторам. Был строг со мной, и в то же время он меня полюбил как родного сына. Я много от него получил житейских уроков. Однажды зимой при переезде из одного села в другое поздним вечером мы попали в балке под интенсивный обстрел. Очевидно, была специальная засада какой-то группы бандитов. Я из своего нагана успел произвести только два-три выстрела, как Рябцев закричал: «Ложись», — и тут же повалил меня в розвальни, по

существо, прикрыв меня своим телом, а сам повел в ответ огонь из маузера и нагана, крикнув вознице, чтобы тот гнал лошадей, и те стремительным рывком успели вовремя вынести нас из балки и зоны обстрела.

Приехали мы в село. В школе собрали мужиков, «уговаривали» их принять решение о самообложении. Дело шло довольно туго и напряженно. Мужики курили и молчали, при голосовании внесенного нами предложения никто руки за самообложение не поднимал. Тогда Рябцев, разозлившись, сказал: «Поднимите руки, кто против самообложения и Советской власти?» Конечно, никто не смел поднять руки, тогда Рябцев объявляет «решение»: «Против нет. Решение о самообложении принимается единогласно». В это самое время происходит выстрел через окно в керосиновую десятилинейную лампу — погас свет, поднялась паника. Рябцев своим громовым голосом закричал: «Всем оставаться на местах». Но когда было зажжено два свечных огарка, то в помещении осталось 5—6 стариков, которые просто не в состоянии были убежать. Вот так и было принято «единогласно» постановление о самообложении. Опасаясь нападения, мы тут же выехали из села. Вопрос самообложения был своеобразной пробой наших сил, возможностей, влияния перед предстоящей сплошной коллективизацией, в которой было много «наломано дров». Письмо И. В. Сталина «Головокружение от успехов»¹⁷ немного охладило «горячие головы», но к этому времени много было сделано такого, что уже ничем поправить невозможно было. Да и успехов никаких не было. Был просто голый административный напор за «добровольную» сплошную коллективизацию.

В то время было еще модно отмечать день 9 января 1905 года — расстрел мирной рабочей демонстрации, что шла с «просьбой к царю-батюшке» — все это возглавил поп Гапон, он и в историю вошел как провокатор. В одном из сел района комсомолец-активист, член бюро райкома комсомола Федя Сыкало несколько раз проводил собрание по самообложению, но сход не принял решения. Тогда Федя решил использовать «политическое» воздействие: собрал сход села на площади, сделал доклад о 9 января. После доклада спросил: «Вы поняли, что было 9 января?» Раздались возгласы: «Поняли! Поняли!» Тогда Сыкало громогласно заявил: «Так вот. Если вы не примете решение о самообложении, я вам устрою 9 января». К этому же добавил нецензурные слова и подал знак комсомольцам, предварительно расставленным по периметру площади. Те вверх начали стрелять, народ в панике ринулся с площади. Мы с Рябцевым в это время подъезжали к этому селу. Услышав выстрелы, подумали, что произошел какой-то налет банды. Так часто

случалось. Мы насторожились. Но, когда мы увидели бегущих людей и прибыли на опустевшую площадь, Сыкало в окружении своего вооруженного отряда стоял как «победитель». Много мне пришлось приложить энергии и выслушать справедливых укоров, чтобы добиться того, чтобы Ф. Сыкало не отдали под суд. Но все же он получил строгий выговор за свои действия.

В райкоме ЛКСМУ мы принимали самое активное участие в проведении коллективизации. Проводили политическую, массово-агитационную работу среди молодежи, обеспечивали рост рядов комсомола. Устраивали мы и военизированные походы комсомольцев и молодежи под руководством райвоенкома. Была создана футбольная команда, которая играла неплохо, даже выезжала в другие районы. Активно участвовали и в самодеятельности. Нами даже был создан небольшой духовой оркестр. Мне неоднократно приходилось в составе окружного комсомольского конного отряда участвовать в описи зажиточных хозяйств на предмет их определения, являются ли они «кулацкими» хозяйствами, и выявлять их «реакцию» на вопросы «сплошной коллективизации». Нелегкое это было дело. С отрядом я попал и к своему бывшему хозяину Земляному, у которого работал в батраках. Теперь уже меня хозяин называл не Петькой, а Петром Ефимовичем, хотя мне это было и ни к чему. У него тоже пришлось описывать хозяйство. Даже спустя столько лет неприятно это время вспоминать. На квартире я жил и там же столовался у Радиных. Это была местная мещанская семья. Отношение ко мне было неплохое, но из-за чрезмерного ухаживания за мной хозяйки и ее дочери пришлось переменить квартиру. Я перешел на квартиру к Колисниченкам. Это была сама по себе интересная семья. Старший сын хозяина был заведующим клубом, его жена учительствовала. Оба они обладали артистическим и режиссерским талантом. На них держалась вся работа клуба и вся самодеятельность. Впоследствии эти молодые муж и жена переехали в Изюм и возглавляли окружной театр.

Все шло неплохо, но были и трагические случаи. В одной из стычек с бандой в лесном массиве над рекой Сокол в перестрелке были убиты два наших комсомольца, которых мы похоронили с почестями. Молодые жизни ушли, это нас всех очень огорчало, но борьба есть борьба. Через некоторый промежуток времени при трагических обстоятельствах погиб еще один активист и пострадал другой. Случай произошел при следующих обстоятельствах: нас 5 человек поехали в с. Нижняя Соленая «проводить коллективизацию». После проведенной дневной работы мы опасались где-либо ночевать и решили остановиться на

ночь в сельском Совете. Глубокой ночью, когда мы уже спали, мы почувствовали запах гари. Огонь уже лизал потолок. Мы бросились к входной двери, но она оказалась заперта снаружи. Тогда мы открыли ставни и намеревались выскочить в окна, но увидели, что у окон маячат фигуры с топорами в руках. Мы поняли, что случилось, начали стрелять в окна, и нам показалось, что путь свободен. Но как только два наших товарища прыгнули в окна, один тут же погиб под топорами, а второй остался калекой на всю жизнь. Мы трое спаслись только потому, что на выстрелы подоспели наши товарищи, сбежался народ. Оказалось, что бандиты снаружи завязали дверь проволокой. Хату и соломенную крышу облили керосином и подожгли. Бандиты были пойманы и осуждены.

1929 год. По рекомендации окружкома комсомола меня и Ивана Шеховцова, председателя профсоюза Райрабземлеса, пригласил к себе военком округа и предложил в порядке комсомольской мобилизации поехать на учебу во Владикавказскую горно-пулеметную школу. Я освоил работу, привык к комсомольцам, друзьям, к старшим моим товарищам Мырленко и Рябцеву, которые дали мне очень много в вопросах организационно-политической закалки, навыков самостоятельной работы. Но дисциплина есть дисциплина, и дела райкомовские я сдал.

По прибытии в школу нас распределили по отделениям, взводам и ротам. Выдали нам обмундирование, и приступили мы к строевым занятиям, изучению уставов, оружия, в особенности станкового пулемета «Максим». Проводились политзанятия и военные походы. Прошло немногим больше месяца, и мы с Иваном Шеховцовым почувствовали себя не в своей тарелке. Среди всех курсантов двое нас были членами ВКП(б). Даже наш командир взвода не был членом партии, да и по возрасту мы были старше остальных курсантов на 2—3 года. Наша общая политическая, физическая подготовка, знание уставов и оружия были на уровне командиров взводов, даже рот. Начальник школы и комиссар сами удивлялись, каким образом мы попали в эту школу младших командиров. Когда приехала какая-то комиссия для общего ознакомления и инспекции школы, по предложению начальника школы и комиссара она провела с нами собеседование и пришла к заключению, что нам с Шеховцовым в этой школе делать нечего. Было принято решение нас направить с сопроводительными документами в распоряжение Изюмского окружного военкомата. Нас это решение не огорчило, а, наоборот, только обрадовало. Выписали нам проездные документы, выдали сухой паек на трое суток, и мы отбыли восвояси, в свой родной Изюм. Только нас

смущало, что наша прежняя работа занята. Куда нас пошлют и где нам придется работать?

Прибыли мы в Изюм, явились в окружной военной комиссариат, там прочли содержимое пакета, который мы привезли из школы, развели руками и сказали: «Да, действительно произошло недоразумение. Вы свободны». Но нам от этого не было легче. Пошли в окружном ВКП(б) определяться на работу. Шеховцов возвратился в Боровский район, его место профсоюзного «деятели» еще не было занято. А мое место секретаря райкома комсомола уже было занято: только недавно туда послали человека и потому мне возврата на прежнее место работы не было. Начал было уже сам думать, куда же мне определиться, но тут я встретил Крумголец, нашего школьного преподавателя политэкономии. Она уже работала завкультурпропом окружкома партии. Я ей рассказал все свои злоключения, и она, успокоив, предложила зайти к ней. Когда я на следующий день пришел в окружном, Крумголец предложила мне учиться. Я даже не спросил где учиться, так обрадовался: «Да, очень хочу». Крумголец повела меня к Рудковскому. Рудковский был секретарем окружкома. Старый коммунист, шахтер, очень хороший человек, он пользовался громадным авторитетом и уважением среди всего населения округа. Рудковский тоже порекомендовал ехать учиться в Харьков в трехгодичную партийную школу имени Артёма. Состоялось решение окружкома с направлением меня на учебу. Получил документы, командировочные, поблагодарил Рудковского и Крумголец и уехал в Харьков держать экзамены.

Спустя почти 40 лет, в 1970 году, мне пришлось встретиться в Ворошиловграде на партийном активе с Рудковским. Он был уже давно на пенсии и совершенно слепой. Мне впоследствии рассказали, что он перенес сильные гонения во времена культа Сталина. Встреча и беседа у нас с Рудковским была радостной и теплой, как отца с сыном, тем более что Рудковский был моим поручителем при вступлении в партию. Он не мог меня видеть и при всем активе прямо на сцене, а в зале присутствовало 1200—1300 человек, попросил разрешения своими руками оцупать мое лицо и плечи. Трогательно это было, вместе с этим и грустно. После этого он сказал: «Теперь я знаю, какой ты есть». Этой встречи я не забуду до конца своих дней.

Экзамены выдержал хорошо и приказом по школе был зачислен студентом. Здесь состав курсантов-студентов более солидный: секретари райкомов партии, секретари горкомов, работники окружкомов партии, секретари окружкомов комсо-

мола, председатели РИК, хозяйственные работники. И возраст солидный — есть «дяди» до 50 лет. Я и тут, как и в Изюмской совпартшколе, самый молодой, хотя тут все члены партии. Учеба поставлена на более высокую ступень. Начинаем заниматься по первоисточникам: трудам В. И. Ленина, «Капиталу» К. Маркса. Углубленно изучаем историю, в том числе и историю французской революции, философию, политэкономии, экономическую и физическую географию, литературу, математику, физику, химию и даже немецкий язык — тогда он был особенно в моде. Нагрузка в учебе большая, приходится работать много, даже вечерами. Помогают консультации преподавателей. Кое-кому приходится очень трудно. Начался даже отсев из школы по неуспеваемости. Я постепенно втягиваюсь в учебу, и дела мои идут неплохо. По всем предметам иду ровно, нахожусь на хорошем счету. Меня избирают членом бюро школьного комитета комсомола, начинаю постепенно втягиваться в общественную работу.

Секретарем партийного комитета школы был избран Стороженко, лет 45, хорошо подготовленный, до школы он работал агитпропом в каком-то окружном партии. Он с первых дней моего прибытия относился ко мне как к младшему брату. Он-то мне и сказал по «секрету» неприятную новость: из Боровского района на меня пришла анонимка, что, будучи там секретарем райкома комсомола, якобы я посягал на честь девушки-комсомолки, которая работала в райисполкоме машинисткой, а в порядке комсомольского поручения в РК ЛКСМУ печатала циркуляры, протоколы, письма. Имя этой девушки было Клава, это была близкая подруга Веры Колисниченко. Я впервые в своей жизни тогда столкнулся с подлостью и клеветой, сильно переживал, хотя и знал, что это какой-то наговор, но как все это объяснишь, и тем более, что все это было накануне предстоящей чистки партийных рядов¹⁸. Послана была комиссия на место, разобрались. Выводы: «Клевета, вернее говоря, шутка». Хорошая шутка!..

На курсы библиотекарей из Боровой приезжала Вера Колисниченко. У меня с ней были самые хорошие, теплые, товарищеские взаимоотношения. При встрече мы обстоятельно поговорили о комсомольских делах в Боровском районе, о товарищах, с которыми мне приходилось работать. Я ей рассказал, что на меня из Боровой написана была анонимка и что на место выезжала комиссия для проверки. Ничего, конечно, не подтвердилось, но мне все же интересно знать, кто же эту клевету написал? Вера мне ответила, что из комиссии товарищи с ней тоже разговаривали. Все комсомольцы подтвердили, что это клевета. А анонимку написала сама Клава, машинистка райко-

ма комсомола, это она сама сказала Вере после отъезда комиссии, а сделала она это «в порядке шутки». Я сказал, что такими вещами шутить нельзя — эта «шутка» стоила мне много нервов.

1930 год. Всем курсом школы едем на практику, но в разные места. Наша группа проходит практику вначале в Волчанском районе Харьковского уезда, а затем в селе Русская Лозовая, что в 20—25 километрах от Харькова. Хорошо подружились с местными учителями.

Были рождественские святки. Зима стояла снежная и холодная. Как-то стало нам известно, что на льду большого озера готовится кулачный бой. Руководителем нашей практики был какой-то «ортодокс». Собрал нашу группу, а нас было 16 человек, и поставил перед нами задачу: не допустить кулачного боя — этого «варварского побоища». Рано утром мы вышли на место предполагаемого кулачного боя. Все было спокойно. Но чуть поднялось солнце, как на льду появились две группы подростков, человек по 20 с каждой стороны, и началась «кулачная свалка». Мы для подростков были уже великовозрастными «дядями», и на первых порах наше вмешательство как-то локализовало кулачный бой между подростками. Но вот появились ребята постарше, и уже с обеих сторон человек по 40—50. Мы снова попытались не допустить кулачного боя, но нас «вежливо» предупредили, чтобы мы не вмешивались, если не хотим, чтобы и нам перепало. Через некоторое время на льду было уже человек 300—350, и пошли «стенка на стенку». Среди дерущихся были и солидные бородачи. Завязался настоящий кулачный бой. Немало уже лежало «бойцов» на льду, некоторые постепенно уползали с «поля боя». Я впервые в своей жизни видел кулачный бой, и он на меня произвел большое впечатление, хотя и сам был далеко не из смиренных, и не один раз приходилось участвовать в драках, защищать свою честь, гордость и достоинство.

Мы всей группой стояли на пригорке и наблюдали это побоище, варварское, но традиционно русское. Зрелище само по себе было захватывающим. Бой продолжался около часа. Одна «стенка» была сломлена, дрогнула, отступила, и бой прекратился. В итоге боя — два человека были убиты и несколько человек получили увечья и ранения. Но никто ни к кому не предъявил претензий, так как бой был совершенно добровольный. Нашу же группу порицали за то, что мы не смогли «убедить» односельчан отказаться от кулачного боя.

Во время нашей практики был еще один инцидент: нашей группе совместно с местным активом было поручено провести акт «антирелигиозной» пропаганды — в одном из сел снять

колокола из действующей церкви, «чтобы звон колоколов и по своими проповедями не одурачивали народ». Накануне тщательно обсудили все организационно-технические мероприятия и саму технику снятия колоколов. Но когда мы рано утром прибыли в село со всем своим «снаряжением», то увидели возле церкви множество народа. Мужики большой группой стояли поодаль, женщины поближе к церкви. Когда же мы начали приближаться к нашему «объекту», то по какой-то неведомой команде женщины двумя кольцами оцепили церковь. Одна группа — внутри церковной ограды, другая — снаружи ее. Но когда мы подошли еще ближе, женщины повернулись к нам спиной, задрав подолы и стали к нам «раком». Нас все это буквально сшибло от срама и стыда. Мы просто остолбенели и, конечно же, отступили. Мужики, стоявшие поодаль, зорко наблюдали за нашим поведением. И когда мы убрались восвояси, женщины приняли нормальную позу, а мы под общий хохот ретировались. Итак, нами не была выполнена «антирелигиозная акция» снятия колоколов с церкви.

Занимаясь в школе, я одновременно учился по отдельной программе по книгам «Вуз на дому». Начал готовиться к вступительным экзаменам в один из вузов Харькова. Стороженко одобрительно отнесся к моим намерениям.

В нашей школе, как и везде, готовились к предстоящей чистке рядов партии. У нас проходила чистка в помещении школьного клуба, в присутствии всей партийной организации и беспартийных, их набиралось 350—400 человек. Комиссия по чистке из старых большевиков сидит на сцене как «судейская» коллегия. Секретарь комиссии ведет протокол почти стенографически. Проходящего чистку приглашают на сцену, зачитывают анкетные данные. Затем председатель и члены комиссии задают самые разнообразные вопросы. По анкетным данным: где вступал в партию, кто был поручителем, почему ушел с одной на другую работу. О родственниках, вплоть до третьего поколения, о связях с заграницей, об участии в оппозициях, о религиозных убеждениях. Особо интересовало семейное положение: если женат, то как относишься к семье. Если не женат, то почему. Спрашивали об отношении к выпивке, к работе и учебе, к политической подготовке и общей политической и идеологической ориентировке, к выполнению партийных нагрузок. Затем комиссия обращалась к присутствующим в зале с вопросом: «У кого есть какие вопросы к проверяемому?». На все вопросы проверяемый обязан дать четкие и предельно ясные ответы. Тут уж не скажешь, что вопрос задан «не по существу». Партийный билет проверяемого находился в руках председателя комиссии. Когда проверяемый ответил на все

вопросы и их уже больше нет ни у комиссии, ни у присутствующих, объявляется решение комиссии по чистке рядов партии: «Считать, что такой-то товарищ чистку партии прошел». Возвращается партийный билет, и тыходишь со сцены в зал под аплодисменты.

Прошел и я чистку, и прошел хорошо, но волнения были. Сама процедура массовости, торжественности и строгости заставляла тебя волноваться. Были и такие, которые не проходили чистки. Им партийный билет не возвращался, а всенародно объявляли, что по таким-то мотивам чистку не прошел, из партии исключается. Решение комиссии по чистке можно было обжаловать в вышестоящие партийные органы, но, как правило, оно оставалось в силе. Не берусь точно утверждать, но по этой чистке «отсеивалось» до 15—20% от всего состава партии. Чистка партийных рядов, открытая перед всем народом, была строгим и действенным контролем чистоты партийных рядов и грозным предостережением ее «засорения» разного рода проходимцами, карьеристами, льстецами, приспособленцами, недобросовестными людьми в работе, пьяницами, морально неустойчивыми элементами, политически и идеологически не подготовленными людьми, случайно принятыми или специально «пролезшими» в ряды партии. Все это поднимало авторитет члена партии и в целом ВКП(б).

Наступили летние каникулы 1930 года. Слушатели школы разъехались кто куда: кто домой, а кто на отдых, к морю. Я же с группой моих товарищей сижу как окаянный, готовлюсь к экзаменам. Подал я документы в Институт народного хозяйства (ИНХОЗ). Почему именно в этот вуз, даже сам толком не могу объяснить. Очевидно, потому, что этот институт в Харькове, да, пожалуй, и на Украине, был самым популярным вузом. В нем была самая крупная партийная организация и самая боевая по борьбе с троцкизмом, правыми и левыми уклонями, самый боевой студенческий и профессорско-преподавательский состав. Кроме того, шел разговор, что ИНХОЗ готовит будущих «красных директоров» предприятий. Все это вместе взятое не могло не привлекать, тем более еще когда разыгрывается фантазия молодости.

Держу экзамен — все идет неплохо, но вот по письменной математике получаю двойку, и в приказе по зачислению моей фамилии нет. Огорчен до слез. В школу возвращаться совестно, просто стыдно. Решил совсем оставить учебу, возвратиться на железную дорогу и стать машинистом паровоза — это моя старая мечта. Но таких, как я, «неудачников», набралось 30 человек, — почти все коммунисты, большинство рабочих, многие уже успели поработать на партийной, хозяйственной и ком-

сомольской работе. Мы собрались и пошли в ректорат института всей компанией забрать свои документы и заодно заявить свой протест и возмущение, что в вуз принимают только интеллигенцию да и маменькиных и папенькиных сынков, а, мол, рабочей молодежи в вузы доступа нет. Причем многие из нас серьезно допускали мысль, что нас «зарубили» специально на экзаменах.

Возмущениям нашим не было предела. Нас внимательно выслушал ректор ИНХОЗа Содин. По национальности еврей, старый коммунист, по-настоящему партийный человек. Он видел, что такую группу упускать нельзя. Вместе с тем для учебы в вузе достаточной подготовки по точным наукам у нас не было. Содин нам поддал мысль: организовать из нас специальную ускоренную группу рабфака, и через полгода усиленной подготовки мы будем зачислены студентами вуза. Содин своим предложением поколебал наши намерения забрать документы. Его настойчивость и убедительные доводы взяли верх.

Итак, мы всей группой стали студентами рабочего факультета. Сбывается моя мечта и надежда, что я стану студентом настоящего вуза. Специальная группа рабфака по своему составу, подготовке и возрасту была довольно разнообразна: были рабочие, крестьяне, служащие, членов партии 18 человек, остальные комсомольцы. Среди нас были и великовозрастные «дяди» по 30—35 лет, а самому старшему среди нас латышу Станиславу Сурелю, члену партии с 1917 года, было 45 лет. В дни становления Советской власти он был первым военным комиссаром и военным комендантом города Харькова. У этого человека была неодолимая жажда и стремление к знаниям. Ему все давалось тяжело, к тому же он работал на ответственной хозяйственной работе, но он честно и добросовестно одолевал все и «грыз гранит науки». По своему характеру это был добрейший человек, кристально честный, хороший старший товарищ.

Главными для нас дисциплинами были математика, физика, химия, русский и немецкий языки. Преподавательский состав на редкость был подобран хорошо. Внимательные, требовательные, с каким-то особым педагогическим подходом. Занимались мы много и упорно. Тогда была мода заниматься бригадным методом¹⁹. Бригада комплектовалась на добровольных началах, но преподаватели все же следили, чтобы силы по знаниям распределялись равномерно. Бригада из 5—6 человек совместно готовила уроки, сдавала зачеты и экзамены. Преподаватель же спрашивал с каждого в отдельности. Но если кто из членов бригады не знал предмета, то за это нес ответственность бригадир и ему за это доставалось. Мне тоже приходилось быть

бригадиром, и это было нелегким делом нести ответственность не только за себя, но за каждого члена бригады.

Шесть месяцев напряженной, трудной и упорной учебы прошли, казалось, быстро. Проведены экзамены, собеседование, и нас зачислили студентами ИНХОЗа. Я по своему собственному желанию выбрал факультет по металлургическому профилю. Вскоре ИНХОЗ был переименован в Инженерно-экономический институт.

После окончания рабфака учиться было гораздо легче, хотя и не без определенных трудностей. Не оставлял и общественную работу. Меня избрали членом бюро комитета комсомола института, а вскоре и секретарем комитета комсомола и членом парткома института. Стипендия была маленькая, всего 35 рублей. Ее хватало на пропитание, и то лишь на винегрет, халву и хлеб — это в основном было студенческое питание того времени. Прямо скажем, подчас жилось просто впроголодь. А еще приходилось помогать престарелым родителям. Поэтому приходилось подрабатывать разгрузкой и погрузкой железнодорожных вагонов, что давало в месяц по 20—25 рублей.

По поручению ЦК ЛКСМУ мне и еще одному студенту старшего курса нашего института было поручено написать брошюру об опыте работы комсомольско-производственной коммуны на заводе «Серп и молот». Книжечка была нами написана и издана, по отзывам, получилась неплохая, нам даже был выплачен гонорар по 150 рублей. Правда, впоследствии, спустя почти 6 лет, мне чуть было не предъявили обвинение в «левацком загибе» за эту брошюру.

Получил печальное известие — в телеграмме сообщалось, что умер мой отец. Отца я любил и глубоко уважал за его мужество, честность, неподкупность, за смелость в военных действиях в турецкой войне. Известие о его смерти меня очень огорчило, хотя я знал, что он последние годы болел. Отец умер на 92-м году жизни, покинул этот мир старый солдат, повидавший виды на своем веку. Мне отца было очень жалко, ушел из жизни потомок казацкого рода.

Мы с младшим братом Митей, который учился в Харьковском университете, поехали на похороны отца, но, к великому огорчению, опоздали на сутки — подвела телеграмма. На похороны приезжал старший брат Яков, он тогда работал на железной дороге на станции Лихая. Мы с братом до слез были огорчены, что не смогли проводить отца в последний путь и проститься с ним, взглянуть последний раз на его лицо. Пошли с братом на кладбище посмотреть могилу отца и подправить ее. И тут у меня родилась дерзкая мысль, неотступное желание посмотреть на отца. Я предложил Мите открыть гроб

отца, посмотреть на него в последний раз и проститься с ним навсегда. Молодые, здоровые, мы решили совершить самостоятельно этот «акт». Через полчаса мы вскрыли гроб отца, посмотрели его и простились с ним. После этого у меня на всю жизнь запечатлелся образ отца. Никаких изменений и искажений мы не заметили на его лице. Он как будто бы спал спокойно. Нам стало как-то легче, что отдали свой последний сыновний долг.

Говорили, что мы поступили с братом по-кошунски, нарушив покой усопшего. Но по-другому мы поступить не могли, пусть простит нас отец. Горечь на душе и сердце огромная. Мать нам рассказала о последних днях его жизни. Он часто нас вспоминал, хотел видеть, наказал нам беречь нашу мать. Мать нам говорила, что отец умирал спокойно, в полном сознании, сделал все распоряжения по дому. Умер отец от «антонова огня» (так в народе называли заражение крови).

Простились мы с матерью, оставили ей денег немного и уехали в Харьков. Жизнь требовала своего.

Едем на производственную практику в Днепропетровск на металлургический завод имени Петровского. Увлечен технологическим процессом всего металлургического цикла, много читаю литературы по металлургии, пытливым присматриваюсь — пытаюсь по крайней мере понять весь металлургический процесс. После доменного производства прохожу практику в мартеновском и прокатном цехах завода.

У меня зародилась дерзкая мысль написать краткую техническую, популярную брошюру по доменному производству. Много упорного труда, и все же книжечка с чертежами, иллюстрациями, изложением технологического процесса доменного производства получилась. Рецензировал мою брошюру профессор Харьковского института стали Штерн. Я у него был на консультации несколько раз. Он ко мне очень доброжелательно относился и во многом мне помог. Говорили, что брошюра «очень удалась», а моя популярность в институте возросла. Именно тогда я решил связать свою судьбу с металлургической промышленностью, даже убедил сам себя в том, что я кое-что начал понимать в металлургическом производстве.

Но мечта одно, а жизнь всегда диктует свое. В 1932 году пригласили меня в ЦК ЛКСМУ, где предложили без отрыва от учебы быть редактором радиогазеты «Комсомолец Украины». Откровенно говоря, в этом деле я ничего не понимал, да и не было никакого желания идти на эту работу. Я отказывался от предложенного доверия. Все же меня утвердили редактором. Во всей моей «редакторской деятельности» меня основательно вы-

ручал секретарь газеты, квалифицированный журналист, который в свое время работал еще в петроградских газетах. Он мне рассказывал много интересных и забавных историй из своей старой журналистской деятельности. Относился ко мне очень хорошо, многому научил по приемам журналистики и газетной техники. У нас были своя радиостудия, дикторы, отведенное нам время. Три раза в неделю в эфире звучал голос «Комсомольца Украины». Газета пользовалась большой популярностью. Год работы редактором «Комсомольца Украины» мне многое дал для общего развития, политического и культурного кругозора.

Такие разные 30-е.

«Работали, не считаясь со временем»

1932 год. Вышло постановление ЦК КП(б)У о направлении в Донбасс группы коммунистов для оказания помощи в работе металлургической и горнорудной промышленности. В число этой группы попал и я. Изъявил желание попасть на металлургический завод и рассказал об этом управляющему «Югостали» Селиванову. Он порекомендовал мне поехать на Мариупольский металлургический завод имени Ильича и тут же написал рекомендательное письмо директору завода Радину.

При встрече с Любовью Банной, студенткой нашего института (мы симпатизировали друг другу), я ей сказал, что еду в Донбасс. Она предложила: «И я поеду с тобой, если ты не возражаешь». Я ей ответил: «Приезжай, буду рад». И все это как-то получилось полусерьезно, но мы твердо условились писать друг другу.

В конце сентября 1932 года я прибыл на станцию Саргана, на завод имени Ильича. Меня приняли директор завода Радин и главный инженер Кравцов, старый специалист. Тут же присутствовал и Мосяков, заместитель главного инженера завода-шефа «Провиданс». Разговор с руководством завода был хорошим, доброжелательным. Завод имени Ильича был по тем временам огромным предприятием, работали на нем около 120 тысяч человек.

Я и сейчас многих вспоминаю с большой теплотой по совместной работе в то сложное и трудное время. Высокой квалификации был инженер Голубицкий — специалист прокатного производства, заместитель начальника цеха. Он хорошо разбирался в политических вопросах. Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, Голубицкий мне, точно помню и сейчас, сказал: «Ну, теперь войны не миновать». Он очень остро реагировал на все внешние и внутренние политические вопросы, вплоть до критики культа Сталина. Впоследствии мне стало известно, что его в 1936 году арестовали, после чего он бесследно исчез. Жалко,

талантливый был человек. Обер-мастером прокатного цеха работал Зуев — это был малограмотный человек, но прокатное производство на практике знал лучше любого инженера. В цехе работали его четыре сына. Это была настоящая рабочая династия. Старшим сварщиком всех нагревательных печей работал высокой квалификации своего дела Шумаков, довольно грамотный и начитанный. Заведующим мастерской калибровки и рсточки прокатных валков был Яготинский, специалист своего дела. Главным механиком всего завода был мой однофамилец Шелест, работавший на заводе 35 лет и знавший каждый уголок заводской территории, все механизмы и инженерные сооружения. На заводе он был непререкаемым авторитетом по всем машинам и заводским коммуникациям. Шелест ко мне относился очень хорошо, и это помогало нам решать многие вопросы по нашему цеху. Всем этим и многим другим инженерам, мастерам, рабочим я обязан, от них я многому научился и перенял хорошее.

Затребовал документы из Харьковского инженерного института и в порядке перевода поступил на 3-й курс вечернего отделения Мариупольского металлургического института на факультет по горячей обработке металлов. Учиться и работать было нелегко. Я как-то быстро вошел в жизнь завода и был избран членом правления клуба ИТР. Добавилась мне общественная работа.

С Любой мы переписывались почти регулярно, я ее приглашал приехать. Она обещала. И вот я получаю телеграмму: Люба приезжает! Я ее встретил, разместил в гостинице. Ей обстановка понравилась. Договорились, что она приезжает ко мне насовсем, переводится в Мариупольский институт. Мне выделяют комнату в общежитии ФЗО, но там жить и заниматься было совершенно невозможно — страшный шум, зимой невыносимый холод, нет удобств. Вскоре мы с Любой расписались. Оба учимся в вечернем институте; и оба работаем. Меня назначили заместителем начальника цеха — повысился ранг, но жить, по существу, нигде. Все же добиваюсь квартиры из двух комнат в коттедже. Это уже хорошо, тем более что мы ждем «наследника»: почему-то решили, что будет обязательно «он» — мальчик. Устраиваемся, обживаемся, работа, учеба, общественные обязанности. Я по-прежнему в правлении клуба ИТР. Люба участвует в художественной самодеятельности, поет, и неплохо, имеет успех, даже популярность. Все постепенно налаживается.

1933 год. Началось строительство металлургического завода «Азовсталь». Его контуры с каждым днем все ярче вырисовыва-

ются, и это все видно из нашего прокатного цеха с территории «Провиданса». В ночное время непрерывно вспыхивают молнии от сварочных аппаратов, идет сварка конструкций будущего металлургического гиганта «Азовсталь». На новое предприятие набирают кадры. Предложили и мне перейти на «Азовсталь» — отказался. Надо закончить институт, защитить диплом, а там будет видно. Мне пошел 24-й год, Любе 22-й. Мы уже вполне самостоятельные люди, тем более по тем временам. Жить приходится самостоятельно, да еще помогать моей матери, которая живет одна в Харьковской области, и живет впроголодь, несмотря на нашу помощь. В то время — 1932—1934 годы — на Украине был страшный голод. На селе вымирали от голода семьями, даже целыми деревнями. Во многих местах было даже людоедство — это была трагедия. Все же когда-нибудь станет известно, сколько же от голодной смерти в эти годы погибло людей. Это было просто преступление нашего правительства, но об этом стыдливо умалчивается, все списывается на успехи и трудности «роста».

Мы живем впроголодь, но все же не голодаем, оба получаем продовольственные карточки. Я получаю по карточке 600 граммов, Люба 400 граммов хлеба — килограмм на двоих, да еще кое-какие консервы, яичный порошок, селедку. В общем, жить как-то можно.

16 августа 1933 года родился у нас сын. Это была большая радость и вместе с тем огромная забота: надо было подкармливать Любу, чтобы она могла кормить малыша. Я подрабатываю — читаю курс лекций по комплексу прокатного производства на курсах повышения квалификации. Многие мои слушатели на практике знают больше своего «учителя», но теоретических знаний у них явно маловато. Приходится популярно излагать теорию прокатки, калибровку валков, работу и процесс сварочных печей, силовые установки прокатных станов, химический и механический состав, содержание разных металлов, которые прокатываются на прокатных станах завода имени Ильича. Это была большая практическая и теоретическая школа подготовки как для мастеров, так и для меня. И вместе с тем большая материальная поддержка.

Сын наш растет очень беспокойным мальчиком. Любе надо работать и заниматься, а оставить ребенка не на кого. О детских яслях тогда только мечтали, так же как и сейчас во многих местах. Люба решила пригласить к себе в помощницы младшую сестру Лену. (Ей было тогда лет 15—16, хорошая девушка.) Нам стало значительно легче. Втроем выбираем имя нашему малышу. Решили, что имя Борис в сочетании с отчеством

созвучно: «Борис Петрович». В метрической записи у Бориса в графе: «Где родился?» — записано: «Ст. Сартана, на заводе Ильича» — одним словом, настоящий заводской парень.

В командировку на наш завод приехал мой соученик по рабфаку С. В. Сурель. Он работает управляющим харьковской конторы «Судморснаб». Разговорились. Ему, оказывается, нужен начальник отдела черных и цветных металлов. Должность приличная, неплохой оклад, Харьков — все это, вместе взятое, не могло меня не взволновать, когда Сурель предложил мне занять такую должность, тем более в моем родном с юношеских лет городе. Но как это сделать? Ведь с завода меня никто не отпустит. Это можно сделать только переводом вышестоящих инстанций. Сурель обещал решение этого вопроса взять на себя, но просил только моего согласия. Я дал согласие, но, откровенно говоря, мало было веры в реальность этого дела.

Прошло около трех месяцев, как у нас с Сурелем состоялся разговор. Я уже и не ждал и не надеялся на решение этого вопроса. Работы много, тем более поговаривают, что Рудаков не возвратится в цех, и мне быть начальником цеха. Ну что ж, перспектива неплохая, людей я знаю, они ко мне относятся хорошо, производство я освоил неплохо. Теперь уже дипломированный инженер, в заводоуправлении я тоже на хорошем счету.

Но вот как-то меня вызывают к главному инженеру и сообщают, что по решению вышестоящих организаций откомандировываюсь в распоряжение судостроительной промышленности. Тут же мне главный инженер завода говорит, что если я напишу заявление с отказом ехать в Харьков, то он все сделает, чтобы я остался на заводе имени Ильича. Но я этого не стал делать. Итак, мы всей семьей переезжаем в Харьков. Работа есть, но жить пока что негде. За счет Главморсудснаба снимаем комнату в частном доме в районе Конной площади. Дом чистенький, хозяйева приветливы, но все это без удобств. Люба с Борей на несколько месяцев уезжает к родным в Днепродзержинск.

Я поглощен новой работой, отдел мой в Главморсудснабе основной, составляет 70—75% всего объема снабжения судостроительной промышленности. Работа мне нравится, живая, оперативная, захватывающая. Приобретаю дополнительный опыт уже более крупного масштаба. Одно мучает: нет у меня с семьей своего собственного угла. Предпринимаю меры к приобретению собственного жилья. В коммунальной квартире (во флигеле) по улице Иванова № 36 за наличный расчет покупаю одну маленькую комнату в 10 м², с печным отоплением, без

особых удобств. Но все же есть свой угол и приют для нашей маленькой семьи. Люба с Борей на лето 1936 года вновь уезжают в Днепродзержинск. Из письма я узнаю, что родной брат Любы, Банный Николай — научный работник Харьковского инженерно-экономического института, арестован по политическим мотивам. Это меня страшно огорчило, а по тем временам особенно, так как это обязательно отразится на всех родственниках и даже знакомых.

Срок моей военной брони истек. Я получил предписание военкомата явиться для уточнения данных. По занимаемой мной должности я имел право на получение брони, но от нее отказался. Решил, что рано или поздно надо отслужить действительную военную службу в рядах Красной Армии и получить воинское звание. Семья остается в Харькове, благо есть какой-то угол. На работу Любу нигде не берут, ибо она сестра репрессированного по «политическим» мотивам брата, чуть ли не «врага народа». Все же с большим трудом, и то только потому, что я, кормилец, ухажу в армию, определил Любу на работу термистом на патефонный завод. Сам я ухажу в команду одногодичников проходить действительную военную службу в рядах Красной Армии.

Осень 1936 года. Скомплектована команда одногодичников в количестве 96 человек. Я назначаюсь старшим. Мне вручаются все документы, и мы должны отправляться в воинскую часть. Первая разнарядка была на Дальний Восток, затем окончательно определились: город Днепропетровск, 30-й отдельный учебный танковый батальон. Все мы, курсанты 25—30 лет, все с высшим образованием — инженеры, конструкторы, технологи, уже с довольно солидным практическим опытом командной работы. Но военная служба заставляла делать все: стоять в карауле, дежурить на кухне, убирать казарму, мыть полы и чистить места общего пользования. В то же время нам надо было за один год пройти курс нормальной трехгодичной военной школы, знать уставы, разбираться в тактике, самостоятельно решать тактические задачи, в совершенстве изучить материальную часть танка Т-26, научиться водить автомобиль, трактор, а затем и танк, отлично владеть стрелковым оружием, хорошо стрелять из станкового пулемета и пушки, изучить и знать парковую службу. Да еще многое надо было изучить и знать — ведь через год нас должны будут аттестовать командирами-танкистами.

Комиссаром полка, в который входил 30-й танковый батальон, был Руденко, грамотный, обаятельный, интересный человек. В первые же дни нашего прибытия в полк он меня пригла-

сил для обстоятельной беседы. А через несколько дней приказом я был назначен политруком роты курсантов-одногодичников, оставаясь сам рядовым курсантом. Первым политическим занятием с курсантами у меня было изучение «Сталинской конституции» 1936 года.

1937 год. Как-то меня пригласил к себе комиссар полка Руденко. У него сидел военный, в петлицах которого было по три «шпалы». Оказалось, это был представитель особого отдела дивизии. Разговор со мной шел о том, известно ли мне, что родной брат моей жены Банный Николай арестован, находится под следствием и скоро предстанет перед судом «тройки». Я ответил, что мне известно об аресте брата жены, но какое предъявляют ему обвинение, мне неизвестно, и я об этом ничего не знаю. Мне был задан вопрос, встречался ли я с Банным и какой был у нас с ним разговор? Я ответил, что встречался, и не один раз, а разговоры были общие. Не было определенной темы в разговоре. Затем меня спросили, писал ли я книгу о молодежной рабочей коммуне на опыте харьковского завода «Серп и молот»? Я ответил, что такая брошюра была написана и вышла в свет. Писалась она по заданию ЦК ЛКСМУ, и я в этом ничего плохого не вижу. Представитель особого отдела мне сказал, что меня обвиняют в «левацком загибе». Я возразил, что написана она, брошюра, была с санкциями партийных органов, да и с тех пор прошло более пяти лет, почему же этот вопрос поднимается сейчас? Беседующие со мной обошли мой вопрос молчанием. После этой «беседы» со мной на эту тему больше никто никогда разговора не вел. Отношение ко мне командования и политорганов части осталось по-прежнему хорошим.

Подходил срок нашего выпуска и аттестации как командиров. Некоторых из нас командование приглашало остаться в кадрах Красной Армии. Была и со мной такая беседа. Ее проводили комиссар полка Руденко и новый командир полка (старший к этому времени был арестован). Моя кандидатура командование интересовала особо: считалось, что я политически хорошо подготовлен, партийный стаж мой был уже приличный — 9 лет, я имел практический опыт работы с людьми на производстве, и в качестве политрука роты аттестация как курсанта и будущего командира-танкиста была хорошей. Мне предлагали остаться в кадрах на должности командира танковой роты с хорошим окладом, квартирой. Выпускают меня старшим лейтенантом. Обещали, что через год я буду командиром танкового батальона, а там, говорили они, и полк поручат. Заманчивое дело само по себе, но кадровым командиром я не собирался

быть. У меня есть специальность инженера и практический опыт работы на производстве.

В октябре 1937 года всю команду одногодичников демобилизовали, а меня и инженера-механика Кузьмина задержали до декабря, все уговаривали написать заявление и отдать в кадры. Наконец нас тоже демобилизовали, сказав при этом, что если мы надумаем остаться в кадрах Красной Армии, то часть всегда примет нас как своих питомцев.

После демобилизации надо было срочно устраиваться на работу. Семья хотя и маленькая, но живем мы довольно скудно, кое-когда нам помогают родители Любы, я же сам должен помогать моей одинокой матери. С жильем у нас тоже далеко не благополучно: тесно и неблагоустроено, об этом тоже надо было думать. Я решил теперь идти только на завод — это более постоянное, почетное и уверенное дело. Когда я становился на военный учет, то мне порекомендовали по поводу работы обратиться в Харьковский горком КП(б)У в отдел кадров. Так я и поступил. Но здесь мне стали предлагать «руководящие» должности — нач., зам., пом., зав. — и все в учреждениях и организациях. Но я твердо стоял на своем: только на завод. На меня смотрели с каким-то недоумением и, очевидно, думали: «Вот чудак! Ему предлагают руководящие должности, а он просится на завод».

15 декабря 1937 года. Итак, издан приказ по заводу: я назначен начальником кузнечно-штамповочно-заготовительного цеха. Завод «Серп и молот», где работало около 10 тысяч рабочих, официально считался заводом сельхозмашиностроения. Он выпускал молотилки разных конструкций и модификаций, веялки, триера, культиваторы, бороны и ряд другой сельскохозяйственной техники. Это была, так сказать, открытая продукция завода. Кроме того, была большая номенклатура специальной продукции: артиллерийские снаряды из сталистого чугуна и стальные штамповочные головки к ним, их выпускалось миллион, специальные санитарные повозки и автофургоны для перевозки раненых; сотнями тысяч изготавливали носилки для переноски и транспортировки раненых. Изготавливали скорлупы фюзеляжа из специального шпона для самолетов конструктора Сухого, которые выпускались Харьковским авиазаводом. Много было и другой специальной продукции. Ее общий удельный вес в производстве завода составлял около 45%.

Номенклатура огромная, около 800 рабочих цеха работают в три смены. Инженерно-технические кадры цеха неплохие, но они были очень задерганы неразберихой и излишней суетней. Мне как начальнику цеха прежде всего пришлось добиться

реального плана и материально-технического обеспечения, строгого выполнения графика по сменам, технологическим агрегатам, значительно подтянуть технологическую и производственную дисциплину. И все это, вместе взятое, решило исход дела.

Через пять месяцев цех стал передовым на заводе, повысилась заработная плата рабочих, пошла премия для ИТР и рабочих, поднялся моральный дух коллектива. Говорили, что совершилось «чудо», но чуда никакого не было — просто был наведен порядок, повысилась дисциплина и ответственность, возросла материальная заинтересованность, развернулась борьба за качество выпускаемой продукции. Мой авторитет как начальника цеха еще больше повысился. На заводской партийной конференции меня избирают членом парткома завода, а затем членом Сталинского райкома КП(б)У.

В октябре 1938 года дирекция, партком завода рекомендовали меня на должность начальника производства.

Значительно поправились мои материальные и жилищные условия. Я получил в благоустроенном заводском доме на улице Иванова, 9 хорошую комнату со всеми удобствами. Значительно легче стало всей нашей семье.

1939 год. Время было тревожное и беспокойное со всех точек зрения. Почти каждый день, вернее говоря, каждую ночь происходили аресты работников завода. Были арестованы многие кадровые квалифицированные рабочие, не говоря уже об арестах среди ИТР, включая начальника пожарной охраны завода. В общей сложности было арестовано около 80 человек. Некоторые из них возвратились на завод, но они хранили буквально «гробовое молчание» о том, что с ними произошло и за что их арестовывали. О судьбе многих наших заводчан так мы ничего и не узнали, и они бесследно исчезли. Клеймо «враг народа», «оппортунист» постоянно мелькало в газетах, по радио, в выступлениях партийных деятелей. Народ да и в целом партия были политически терроризированы. Все друг друга опасались, не доверяли: отец — сыну, сын — отцу. Доносами было опутано все и вся. Очень было тяжелое время, и многие из нас выжили случайно.

По производству спецтехники, мобилизационным мероприятиям чувствовалось, что идет усиленная подготовка к возможным военным столкновениям. Все это тоже волновало и тревожило людей. Все ждали чего-то особенного и неприятного. Призывы, утверждения: «Ни пяди нашей земли врагу, а если возникнет война, то воевать будем только на чужой территории», — несколько расхолаживали, притупляли общую и политическую бдительность. В результате кое у кого появилось

зазнайство и чванство по вопросам состояния нашей обороны и военно-технической мощи. В то же время внутривластическая и внешнеполитическая обстановка была чрезвычайно сложной. Тем более если учесть, что уже к этому времени реально существовал военно-политический блок — так называемая ось «Берлин — Рим — Токио», которая своим острием была направлена прежде всего против нашей страны.

Будучи в командировке в Москве, я по гостевому билету попал на XVIII партийный съезд ВКП(б) ²⁰, где видел и слушал И. В. Сталина и других партийных руководителей. Потом на заводе перед партийным активом мне пришлось несколько раз выступать с докладами и лекциями по итогам работы съезда.

Напряжение в стране росло. Принимались самые жесткие меры по укреплению трудовой, производственной и технологической дисциплины. За один прогул или опоздание на работу свыше пяти минут строго судили и давали срок заключения до 2 и больше лет. За нарушение технологической дисциплины, выпуск бракованной продукции виновники привлекались к строгой судебной ответственности, а то и просто их обвиняли во вредительстве, и тогда их судила «тройка» ²¹. Срок — до 10 лет тюремного заключения или специальных лагерей.

Какое ни трудное и тяжелое было то время, а все же с продовольствием дело обстояло очень хорошо, да и реальная зарплата была на должном уровне.

* * *

Внезапно заболел наш мальшкa Борик. Бедный мальчик места себе не находил, плакал, просто извивался от боли. Врачи определили сильнейшее воспаление среднего уха и настоятельно рекомендовали срочно делать операцию. Операция довольно сложная, и ее должны делать квалифицированные специалисты, хирурги ОХМАДЕТА (Институт охраны материнства и детства). Туда очень трудно попасть, и я обратился за помощью к депутату Верховного Совета, нашему директору завода П. С. Стрелецкому. Он написал ходатайство, и Борю положили для операции в охмадетовскую больницу. Но когда Борю осмотрели специалисты, то они сказали, что упущено много времени, предстоит сложная операция, потребовали от меня расписку о том, что если что случится с ребенком, то не должно быть с нашей стороны претензий. Выхода у меня не было, я дал расписку. У пятилетнего малютки долбили кость за правым ухом, чтобы дать выход образовавшемуся нарыву. На третий день после операции мы с Любой попросили свидания с Бориком. К моему удивлению, только мне разрешили свидание.

Боре я купил подарки, в том числе и заводную железную дорогу. Сын сидел в кровати с забинтованной головкой. Увидев меня, заулыбался, тут же взял у меня из рук заводную железную дорогу, завел ее, и восторгу не было конца. Врачи были поражены выдержкой и спокойствием ребенка и быстрой поправкой после тяжелой операции. Они говорили, что, как правило, после такой операции ребенок лежит две недели, а Боря на четвертый день самостоятельно сидел в кровати. Дела быстро пошли на поправку, и все обошлось благополучно.

Пригласили меня в министерство для беседы на предмет назначения главным инженером завода «Серп и молот». Откровенно говоря, в 29 лет страшновато было браться за такой огромный и сложный объем работы. Но приказом министра Лихачева А. И. от 5 апреля 1939 года я был утвержден в этой должности.

Как главному инженеру, мне приходилось заниматься не только техникой, производством, технологией, но и многими другими организационными и хозяйственными вопросами. Проводилась большая реконструкция завода, строительство специальных цехов, монтаж полученного нового оборудования под производство спецпродукции. Производство сельхозмашин начало резко сокращаться, объем же спецпродукции возрастет. Мое общественное положение в Харькове как технического руководителя крупного производства возросло. Я избираюсь депутатом Харьковского горсовета. Председателем горсовета тогда был Селиванов, впоследствии министр коммунального хозяйства Украины. Меня все больше привлекают к общественной работе, дают задания Сталинский райком партии и Харьковский обком КП(б)У. Наконец я в центре города в заводском доме получил хорошую трехкомнатную благоустроенную квартиру. Сбылась моя долголетняя мечта — я с семьей имею свою квартиру.

Директора завода П. С. Стрелецкого перевели на другую работу, о чем многие жалели, в том числе и я — Стрелецкий был хорошим человеком, неплохим администратором и организатором. Директором был назначен Крутиков — грамотный инженер, хороший человек, но опыта заводской, административной работы никакого, и ему было трудно. Вскоре он вернулся в Москву, в научно-исследовательский институт. Я лично жалел об уходе с завода такого грамотного инженера.

Затем директором завода был назначен Полевский, довольно неприятный человек, с большим гонором, сомнением и заносчивостью. Производства и условий работы завода не знал, в техническом отношении был подготовлен слабо. К тому же морально неустойчивый человек. Не по-партийному и не по-

государственному относился к кадрам. Часто давал неграмотные и неразумные указания через головы руководителей служб завода и начальников цехов. В результате этого у меня с Полевским складывались натянутые отношения на принципиальной основе. Работать стало тяжелее, к тому же неинтересно. Среди кадров пошел какой-то раздор и групповщина, до сих пор спящий коллектив начал терять свой хребет и боеспособность.

Завод до предела загружен производством спецпродукции — осваиваем выпуск минометов. Началась война с финнами, идет мобилизация солдат и офицеров. Несмотря на то, что я имел военную бронь, меня повесткой вызвали в горвоенкомат, дали сутки на сборы, на сборном пункте, я получил полностью обмундирование и предписание, в какую воинскую часть явиться для прохождения службы в качестве командира танковой роты. Я сообщил Жене Каплуну, что я призван в Красную Армию. Он обратился к директору завода, но Полевский не принял никаких мер. Тогда Женя Каплун, начальник производства завода, самостоятельно через Харьковский военный округ, мотивируя моей броней, добился того, чтобы меня как главного инженера завода, который работает на оборону, освободили от армии. И я возвратился на завод к исполнению своих обязанностей. Год был очень тяжелый и напряженный. На заводе находились сутками. Работали, не считаясь со временем.

В начале 1940 года меня вызвали в министерство и предложили должность директора завода сельскохозяйственного машиностроения в Ташкенте. Я понял, что тут действует рука Полевского, и от предложения отказался. Написал письмо И. В. Сталину, в котором изложил «мотивы и поводы моего перемещения». Снова меня вызвали в министерство, и в отделе кадров откровенно сказали, что моего перемещения усиленно добивается Полевский и что при сложившихся обстоятельствах мне лучше уйти с завода. Снова мне предложили должность директора или главного инженера с выездом из Харькова. Имея поддержку местных партийных органов, я наотрез отказался выезжать из Харькова. Тогда мне предложили должность главного технолога харьковского завода № 75, и я дал согласие. Настроение у меня было ужасное. Я видел всю несправедливость и беспринципность решения моего вопроса в угоду самодуру и недалекому человеку Полевскому. Впоследствии тот попал под суд, был заключен в тюрьму, и мне пришлось помогать ему в досрочном освобождении.

В августе 1940 года у нас родился второй сын. Нарекли его

Виталием. Все вроде бы шло хорошо, но вот после родов Люба сильно заболела: не могла кормить ребенка, и маленькую крошку пришлось отправить в Днепродзержинск к родным Любы. Молодая женщина, мать двоих малолетних детей, периодически находится в больнице. Ей становится все хуже и хуже. Она теряла силы с каждым днем, похудела, ослабла. Все это меня огорчало. Было обидно до слез, что Люба, когда-то жизнерадостная, энергичная, сейчас, по существу, стала беспомощной, не может даже заниматься маленькими своими детками. Но мы оба были оптимистами, не теряли веры и надежды на то, что все пройдет, станет на свои места, все будет хорошо. Ведь и семья у нас складывалась хорошая.

Парторг ЦК ВКП(б) на заводе Савельев передал мне, что меня срочно вызывают в горком партии. Меня принял первый секретарь горкома Восков. Речь шла о том, что меня хотят забрать на работу на должность секретаря Харьковского горкома партии по оборонной промышленности. По решению ЦК ВКП(б) учреждался такой институт работников. Сразу я не дал согласия и попросил у Воскова двое суток на «размышление», но на второй день заболел и не смог дать ответа. На пятый день на квартиру ко мне приехал заведующий отделом кадров горкома партии Иванов и просил меня дать окончательное согласие, так как все документы на меня заготовлены, и я должен срочно выехать в Киев в ЦК КП(б)У для беседы. Прежде чем дать согласие, я посоветовался с парторгом ЦК ВКП(б) нашего завода Савельевым, последний дал свое «добро». Вскоре я выехал в Киев в ЦК КП(б)У, имел беседу со Спиваком, секретарем ЦК по кадрам, был на беседе у второго секретаря ЦК Бурмистренко, беседовал со мной и Н. С. Хрущев²². Беседа носила характер, располагающий к откровенному разговору и уточнению некоторых вопросов по моей предстоящей работе.

В августе я приступил к работе в горкоме партии, хотя откровенно говоря, мне жалко было расставаться с прекрасным коллективом завода № 75.

Объем новой работы был большой. Надо было курировать всю оборонную промышленность города, специальные конструкторские бюро, проектные организации, научно-исследовательские институты, лаборатории, работающие на оборону. Основу оборонных предприятий составляли тогда следующие заводы: № 176 — производство танков, самоходных орудий и тягачей, № 75 — производство дизелей для танков и самолетов и другой военной продукции, № 121 — производство самолетов, № 308 — выпуск боеприпасов, № 7 — танкоремонтный завод, завод «Серп и молот» — производство минометов, снарядов, изделий для самолетов, санитарные машины и к ним снаряже-

ние. Завод «Поршень» — запасные части к моторам военной техники. Кроме этого, на десятках заводов Харькова производилась оборонная продукция разного рода и назначения. За всем производством надо было следить, контролировать сроки исполнения и качество продукции, держать связь с руководителями предприятий, парторганами ЦК ВКП(б) и секретарями парткомов заводов, представителями военпредств. Требовалось регулярно готовить информации для ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б) о ходе выполнения планов и установленных сроков изготовления оборонной продукции. Работа была интересная. Она давала большой организаторский опыт и расширяла технический кругозор. Приходилось сталкиваться с большим кругом новых людей, крупных хозяйственников, инженеров и известных конструкторов оборонной техники. Правда, попадались и не очень интересные, ограниченные, подчас даже тупые руководители, но их, к счастью, было очень мало.

В руководящем составе обкома и горкома партии произошли изменения. Первого секретаря обкома партии Осипова арестовали, а вместо него избрали Фролкова. Это был очень энергичный, но дурашливый человек. Пробыл в этой должности очень мало времени — харьковская партийная организация не приняла его. Затем первым секретарем Харьковского обкома партии был избран Епишев А. А., будущий начальник Политического управления Советской Армии.

Наступил новый, 1941 год. Все мы думали, что он принесет много нового, хорошего. По крайней мере, так нам хотелось. Но он не снял напряжения и беспокойства. Я много времени нахожусь на заводах, где изготавливается военная техника — танки, бронетранспортеры, тягачи, самолеты, минометы, снаряды, боеприпасы и военное снаряжение. За всем производством военной техники был установлен еще более строгий партийный контроль. Особую заботу вызывал вопрос налаживания массового производства противотанковых и противопехотных мин и ручных гранат на заводе № 308. Директором завода был Ахназаров, по национальности армянин, неплохой организатор-хозяйственник, но в технике и технологии мало разбирался. Коллектив завода был молодой, недостаточно сколоченный, поэтому Ахназарову приходилось помогать во всех отношениях. А боеприпасы, мины, ручные и противотанковые гранаты требовали выпускать сотнями тысяч штук. Приходится следить и за разработками в конструкторских бюро, научно-исследовательских институтах и лабораториях. Большая загрузка неотложной работой как-то меня отвлекала от семейных дел.

А состояние здоровья Любы становилось все хуже. Начались

признаки паралича нижних конечностей. Сами врачи забили тревогу — потребовали квалифицированной консультации московских специалистов. По всем анализам, рентгеновским снимкам приехавшие из Москвы специалисты приходят к заключению, что имеет место поражение позвоночника. Вот тут я только и понял, что это, очевидно, результат автомобильной аварии, произошедшей в 1939 году с Любой, когда она выезжала за город, после чего у нее долго болел позвоночник. Рекомендованный курс лечения дает временное облегчение болезненных явлений, но не дает никакого эффекта к выздоровлению.

Я часто бываю в больнице. Люба смотрит на меня умоляющими глазами и с надеждой просит: «Спаси меня, Петя». А я ничего уже сделать не могу. Моя мать — старуха, которую мы взяли к себе, хотя и старается, но ей очень трудно управляться с Борей. Просим старшую сестру Любы Веру приехать в Харьков со своим ребенком и ухаживать за Борей.

С ее приездом стало немного легче. Сильно беспокоится за детей Люба, все время просит меня больше проявлять о них заботы и внимания. Борю она могла часто видеть, а Витасика нет, ведь он в Днепродзержинске у бабушки. Очень больно было смотреть на страдания молодой женщины, матери двух малолетних детей. Когда-то Люба была веселой, жизнерадостной. Она и сейчас, находясь в тяжелейшем состоянии, старается не падать духом. Но все же, когда я прихожу к ней с Борей, она все чаще плачет, а это мне выворачивало всю душу. Я успокаивал ее, говорил, что все будет хорошо, что она поправится, и мы вновь будем все вместе. А она смотрела на меня с какой-то глубокой, проникновенной укоризной и, кажется, глазами и всем своим естеством спрашивала меня: «Что же ты не сможешь стать мне на ноги?» И это было уже в буквальном смысле, ибо она передвигалась с большим трудом и только при помощи костылей. На все это смотреть и вынести не хватало человеческих сил. Врачи Харькова и Москвы приходят к заключению, что последнее и единственное средство возможного выздоровления — это квалифицированное нейрохирургическое вмешательство в область позвоночника. Просят моего согласия на проведение операции, советуюсь с Любой — она растерянно смотрит на меня, соглашается со мной — надо идти на операцию как на спасительную надежду. Я ужасно мучаюсь, переживаю, но где-то в глубине души теплится надежда на благополучный исход операции и ее выздоровление.

Первое мая 1941 года — большой, радостный праздник народа, демонстрация, гулянье, веселье, ликование весны. Я на вокзале встречаю приезжающего из Москвы академика, профессора, известного всей стране нейрохирурга Н. Н. Бурденко

с его ассистентами. Он по просьбе Харьковского областного лечебного управления дал согласие лично посмотреть больную и, если нужно, сделать операцию. С вокзала прямо поехали в больницу. После осмотра больной Николай Николаевич принимает решение делать операцию. Меня удаляют из больницы. Спасибо, были добрые товарищи по работе в горкоме партии, которые морально поддержали меня в эту трудную минуту, да старые друзья — Сурель Станислав Венедиктович и его супруга Вера Ипполитовна, Женья Каплун.

Операция длилась больше трех часов. Наконец мне позволил Н. Н. Бурденко. Он пригласил меня на обед к братьям Гельфердам — известным харьковским врачам: «Заодно поговорим и о прошедшей операции». В разговоре со мной Н. Н. Бурденко мне откровенно сказал: «Молодой человек, надеюсь, что вы правильно меня поймете, мужественно воспримите мое сообщение. Положение у вашей супруги очень тяжелое, операция была необходима, других средств на облегчение ее страданий нет. Возможно, она и поправится. Организм у нее крепкий, здоровый, молодой. Но откровенно вам говорю, что гарантии в этом полной нет, и вам надо быть ко всему готовым. К сожалению, у нее обнаружена саркома позвоночника. Мы сделали все, что только возможно, назначили определенный курс лечения. Вот все, молодой человек, что я вам мог сообщить. Мужайтесь, ждите и надейтесь на лучший исход». После этого сообщения я совсем растерялся, поник. Мне до глубины души было жалко Любу, детей, самого себя, я думал: за что на меня, на мою семью свалилась такая беда?

Бурденко, его коллеги-врачи, присутствовавшая здесь же будущая спутница всей моей жизни — Ираида Павловна Мозговая, старались как-то меня утешить, поддержать мой моральный дух. Под конец нашей встречи Бурденко мне сказал: «Прошу вас, не допустите оплошности, не подайте даже виду, что с вашей супругой так плохо. Если она это почувствует, ее может это окончательно убить». Мне было тяжело неимоверно, хотелось забыться, уйти от этого тяжелого кошмара и надвигающейся трагедии.

Так уж устроена жизнь — какое бы личное горе ни постигло человека, он обязан держаться, работать — исполнять свой долг перед страной, перед родиной, думать о перспективах, тем более в такое тревожное время.

Гитлер уже захватил Париж, Варшаву, Прагу, был взят прицел на СССР. ЦК ВКП(б), правительство, И. В. Сталин прикладывают все усилия, чтобы избежать войны. Но фашистская Германия, поощряемая политикой Мюнхена²³, капиталом США, Англии, жаждала «жизненных просторов». Наши преду-

преждения Лиге Наций²⁴ об опасности не принимались во внимание. Франция, Польша, Чехословакия были оккупированы Гитлером. А Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия и Испания были военными союзниками фашистской Германии. В такой военной и политической обстановке нам приходилось быстро решать вопросы перестройки всей промышленности на военный лад. Работать приходилось буквально дни и ночи.

Днем за работой как-то отодвигалось мое горе, но по ночам меня мучило безнадежное состояние Любы, судьба моих детей. «За что, по какому праву,— думал я,— судьба так жестоко расправляется с молодой женщиной, матерью двоих малолетних детей?» И грех сказать, я иногда смотрел на стариков и думал, зачем они живут, а молодое, нужное жизни гибнет.

Великая Отечественная.

«Главное было — победить»

Мы, партийные работники, тем более имеющие отношение к оборонной промышленности, видели многое и знали неплохо обстановку. Но, конечно, от Гитлера такого коварного вероломства все же не ждали. Все пакты, договора стали просто пустой бумагой. На страну свалилась большая беда — 22 июня 1941 года началась война.

Она началась в то прекрасное время, когда на Украине от вечерней до утренней зари всего 5 часов, и зори почти не гаснут. Все находится в особой красоте и силе, расцветают луга и дубравы, наливают колос пшеница, ветер несет пьянящие запахи скошенных трав. В такую именно пору чарующей ночи вражеские бомбы, снаряды, мины падали на советскую землю. С первых часов войны Украина стала ареной жестоких, смертельных боев. Гитлеровские группы армий «Юг» в составе 57 дивизий, 13 бригад, 1300 самолетов были нацелены на украинскую землю.

От Баренцева до Черного моря протянулся фронт длиной в три тысячи километров, и на всем протяжении развернулась грандиозная, ожесточенная битва, подобной которой еще не знала история. Выступление по радио В. М. Молотова²⁵ в первый день войны, а затем и обращение к советскому народу И. В. Сталина 3 июля несколько подбодрили, вселяли какую-то уверенность. Но на фронтах дела складывались очень тяжело. Минск был взят гитлеровцами в первые же недели войны, Смоленск — меньше чем через месяц после начала войны. Сама Москва оказалась в большой опасности. Враг вышел на ближние подступы к Ленинграду и начался обстрел города из тяжелых орудий. На южном направлении гитлеровцы рвались к Киеву, Харькову, Днепропетровску, Донбассу, чтобы за счет этих районов усилить еще больше свой военно-экономический потенциал.

Многие из партийного и советского актива были призваны в армию или ушли добровольно. Меня же, как занимающегося

оборонной промышленностью и опекающего сооружение оборонительных рубежей под Харьковом, в армию не призывали и не принимали как добровольца.

10 июля 1941 года первые танковые и механизированные части гитлеровцев вышли на ближние подступы к Киеву. Сложилась явная угроза столице республики. И все же гитлеровцам с ходу взять Киев не удалось. Героическая оборона Киева продолжалась почти 2,5 месяца. Под Киевом гитлеровцы потеряли около 100 тысяч человек солдат и офицеров, было разгромлено около 10 вражеских дивизий, уничтожено много военной техники. И все же нам пришлось оставлять город. Не всем частям Красной Армии, ополченцам, советско-партийному активу удалось выйти из окружения. Они еще долго с боями прорывались на Восток, многие погибли в неравных боях, многие примкнули к партизанским отрядам и дрались в тылу врага.

Из Киева на Харьков пошел большой поток эвакуированных, раненых бойцов Красной Армии и гражданского населения. Пришлось много заниматься разворотом госпиталей, питанием, организацией эвакуационных пунктов, медицинской помощью, организацией отправки эвакуированных и беженцев.

Очень трудное и тревожное время было для большого промышленного центра. У всех на устах был к нам, партийным работникам, один вопрос: «Что же будет с Харьковом, как далеко от него немцы и удержим ли мы город, не сдадим его немцам?» Нам трудно было ответить на эти вопросы. Мы и сами не хотели верить, что нам придется оставлять Харьков. Около 200 тысяч харьковчан работало на оборонных укреплениях Харькова и на его подступах под налетами вражеской авиации. Есть первые жертвы, убитые и раненые. Но народ стойко выносит все испытания. Роем противотанковые рвы, устанавливаем надолбы, строим сооружения для огневых рубежей и отдельных огневых точек. На окраине города возводим баррикады на случай уличных боев.

От вражеской бомбардировки возникло множество пожаров, были большие разрушения и человеческие жертвы. Хотя и был приказ Верховного Главнокомандующего защищать Харьков и не сдавать его гитлеровцам, разрабатывались планы эвакуации промышленных предприятий, учебных и детских заведений, госпиталей, больниц, материальных ценностей и граждан. Расчеты показывали, что подвижного железнодорожного состава явно не хватает и многое не увезти, придется подорвать, уничтожить. А как же быть с людьми, которые не хотят оставаться в Харькове, опасаясь, что он, возможно, будет сдан фашистам? Этот вопрос был самым тяжелым.

Страшное и неприятное это дело — демонтаж оборудования в производственных цехах. Это напоминало погром, с болью в сердце все это делалось. Надо было отправлять в глубокий тыл не только промышленное оборудование, но и рабочих и их семьи. Все это происходило в очень трудных условиях при явной нехватке транспорта и при постоянной бомбардировке города. Часто отправленные эшелоны попадали под налет вражеской авиации. Были большие человеческие жертвы и потеря промышленного оборудования. Нам всем выдали военное обмундирование, оружие, и мы должны были оставаться на казарменном положении до конца исхода боев за Харьков.

Встал вплотную вопрос об эвакуации семей партийного и советского актива города, в том числе и секретарей обкома и горкома. Я решаю собрать всю семью вместе и отправляюсь автомашиной из Харькова в Днепродзержинск за Виталиком. Путь туда и обратно был нелегким, если учесть бездорожье, неорганизованное передвижение беженцев и отступающие войска, непрерывные налеты вражеской авиации и ни одного нашего самолета в воздухе. По низко летящим гитлеровским самолетам красноармейцы и командиры открывают огонь из винтовок, даже пистолетов. В самом Днепродзержинске я тоже попал под бомбежку. С большими трудностями все же вывез Витасика и его бабушку Варвару, мать Любы. Собрал вроде бы всю семью вместе: два сына, Боря, семи лет, и Витасик полтора лет. А Люба лежит в военном госпитале, парализована, без движения, но с полным пониманием своего положения. Трудно мне было и горько смотреть на трагичность моей семьи. А дела по работе, военное положение требовали крайнего физического и морального напряжения.

Любу надо было отправлять с госпиталем в Челябинск, она просит перед ее отправкой привести к ней детей — Борика и Витасика, чтобы проститься с ними. Может быть, навеки. Тяжелая, душу и сердце разрывающая картина прощания матери, не могущей подняться с санитарных носилок и дотянуться до личика своих кровных малюток-сыночек. У меня от этой всей обстановки сердце ноет, кружится голова, меня бьет какая-то дрожь, не могу без слез смотреть на это трагическое прощание беспомощной матери с ничего не понимающими детьми — они только широко открыли глаза и испуганно поглядывали по сторонам на суету взрослых. Санитары и я приподняли Любу на носилках, и она поцеловала детей, слезы буквально градом покатались у нее из глаз. Мне же она сказала: «Береги себя для детей и прошу тебя, береги детей». Врачи, сестры и обслуживающий персонал, которые наблюдали это прощание, прослезив-

лись. Тяжело, очень тяжело мне было. Итак, с военным госпиталем уехала Люба в Челябинск, куда шел санитарный поезд с ранеными бойцами.

Через несколько дней уходит на восток пассажирский эшелон. С ним должны отправиться и наши семьи. На любую семью предоставляют четырехместное купе. Отправляются: Боря, Витасик, бабушка Варвара, Вера со своим сыном.

Разговаривал по телефону со своим добрым другом — Ираидой Павловной Поповой. Она жаловалась, что ее муж умышленно задерживает эвакуацию Ирины, ее матери и тетки. Уходят последние эшелоны, а он заявляет: «Я остаюсь в Харькове — немцы культурный народ, и с ними можно будет найти общий язык». При разговоре Ирина плачет и говорит, что со стороны Попова это подлый поступок и что она одна собирается из Харькова уходить пешком. Я предложил ей, даже попросил ее помочь мне взять на себя заботу сопровождать Борю и Витасика до Челябинска (она сама собиралась ехать в Омск к своей старшей сестре, которая там жила со своей семьей). Ирина согласилась на мое предложение, хотя ее мать, тетка и муж оставались в Харькове, так как выехать уже не было никакой возможности.

Настал день отправки эшелона — в большой суматохе погрузка происходит на станции Старая Основа. Уже слышны орудейные залпы боев за Харьков, налеты вражеской авиации на город продолжают непрерывно. Я отвез бабушку, Витасика и Веру с ее сыном в эшелон, отправлена была туда же и Ирина. Но дома еще оставались Боря и некоторые вещи, которые надо было забрать. Я сам за рулем «Мерседеса», который мне подарил генерал Ключко, забрав Борю и вещи, поехал к эшелону, но вдруг недалеко от дома заглох мотор — он периодически капризничал, надо было иногда подливать бензин в поплавковую камеру карбюратора. Я послал Борю в гараж горкома партии взять там бутылку бензина (это расстояние 2—3 квартала). Только Боря отошел от машины, как началась бомбежка города в той части, куда он побежал. Я стою на улице под бомбежкой и переживаю за Борю. Он действительно попал под бомбежку, но сориентировался, забежал в подворотню и переждал там. Все же Боря добежал до гаража, принес бензин, и мы подъехали к эшелону всего за 10 минут до его отправления.

Итак, я своих родных, любимых и близких отправил из Харькова. Смогу ли я увидеть всех своих уехавших? Этого никто не мог сказать. Охватывала непреодолимая тоска от горечи нашего поражения. Под Харьковом уже несколько раз высаживался вражеский парашютный десант, но каждый раз он

уничтожался истребительными отрядами. В окрестностях города шли ожесточенные бои, а на отдельные окраины часто прорывались мотоциклисты-автоматчики, сеяли панику. Значительная часть промышленных предприятий была уже эвакуирована. То, что не смогли вывезти, подрывалось, уничтожалось. Нелегко было это выполнять, но приказ гласил: «Не дать врагу использовать наше богатство».

Я находился на 7-м танкоремонтном заводе — составляли уплотненный график ремонта танков, осматривали наши подбитые машины, требующие ремонта, смотрели трофейные немецкие танки. Работы было очень много, и она проводилась день и ночь. Как-то меня попросили к телефону — звонили из приемной обкома партии и передали мне, чтобы я срочно явился в обком. Когда я появился в приемной первого секретаря Харьковского обкома партии А. А. Епишева, то мне сразу бросилось в глаза, что в приемной было много людей: военных, гражданских и чекистов. Многих я знал. Через 2—3 минуты меня попросили зайти в кабинет, там находились Н. С. Хрущев и А. А. Епишев. Обращаясь к Никите Сергеевичу, Епишев сказал: «Вот это и есть товарищ Шелест — секретарь горкома партии, занимающийся оборонной промышленностью». Хрущев Н. С. поднялся с кресла, при этом встал и Епишев. Хрущев подал мне руку, поздоровался, затем попросил сесть — при этом сказал: «А я немного помню товарища Шелеста». Хрущев Н. С. я видел второй раз (говорили, что у Хрущева отличная зрительная память), очевидно, он меня запомнил при первой с ним встрече в Киеве, когда меня назначали секретарем горкома по оборонной промышленности.

Н. С. Хрущев расспрашивал меня о моей работе, какие имеются трудности, что говорят в народе о войне. Даже спросил меня о семье и детях, тут же сказал: «Вы их всех уже отправили в тыл?» Он даже знал о болезни моей супруги — очевидно, ему обо всем до моего прихода рассказал А. А. Епишев. После общих разговоров Н. С. Хрущев задал мне вопрос: «Вы летать на самолетах не боитесь?» Я ответил ему, что в армии даже сделал три парашютных прыжка. На что Хрущев Н. С., улыбаясь сказал: «Надеюсь, что на этот раз вам прыгать с парашютом не придется, но зона полета будет далеко не безопасна — не боитесь лететь?» Я ответил: «Никита Сергеевич! Время для нас тяжелое, и бояться или опасаться, думать об этом некогда, да и не положено». Никита Сергеевич с какой-то особой грустью сказал: «Да, времена далеко не легкие — враг наш сильный и коварный, нам надо много работать, чтобы восполнить пробелы, остановить фашистов, а затем и начать их по-настоящему бить». Далее Хрущев говорил: «Речь, товарищ Шелест, о том,

чтобы вы полетели в Тулу и, как инженер, ознакомились с технологией и организацией производства шпагинских автоматов ППШ, взяли бы чертежи и технологию по производству автоматов. Я вам дам письмо к товарищу Жаворонкову, секретарю Тульского обкома партии, я с ним уже переговорил по этому вопросу. Вас на аэродроме встретят и все сделают, о чем мы с вами говорили. Постарайтесь не задерживаться, надо срочно организовывать у вас в Харькове производство автоматов. Вопросом интересуется товарищ Сталин. Немцы часто своей трескотней из автоматов наводят панику, нам надо иметь свои автоматы. Ну как, задача для вас ясна?» Я ответил: «Да, ясна, когда надо вылетать?» Хрущев сказал, что желательно сегодня, хотя время и было уже позднее. Он предложил меня отправить военным самолетом Ил-14. Обращаясь к Никите Сергеевичу, я сказал, что мне хотелось бы полететь служебным самолетом завода № 75. Я на нем уже летал в Запорожье, знаю хорошо летчиков, да и самолет небольшой — «немецкая рама», двухмоторный, маневренный, может лететь даже на очень низкой высоте. Хрущев при этом сказал: «Ну что ж, вам лететь, решайте сами». Епишев подтвердил, что самолет действительно неплохой, отличный экипаж, на самолете даже установлен пулемет. Тут же Епишев позвонил на завод и сказал, чтобы самолет немедленно был готов к вылету. Никита Сергеевич лично вручил мне пакет для товарища Жаворонкова, кроме того, просил устно передать ему привет. По возвращении из Тулы я обязывался лично доложить Хрущеву о результатах моего полета в Тулу.

В октябре день становится значительно короче, надо было спешить, чтобы в Тулу прилететь еще засветло, но в полете пришлось обходить опасные места, время, назначенное для нашего прилета, вышло. Прямую связь держать с Тулой было опасно, так как везде шныряли немецкие самолеты, к тому же испортилась погода, быстро потемнело, аэродром был закрыт облаками. Самолет пробил облака над аэродромом и круто пошел на посадку, и в это время по нашему самолету был открыт огонь из крупнокалиберного пулемета трассирующими пулями. Летчик включил все опознавательные огни и сигналы и, буквально пикируя, все же сумел приземлиться. Нас осветили мощными прожекторами, со всех сторон на машинах подъехали вооруженные красноармейцы во главе с подполковником. Подполковник ругался самой отборной бранью, когда ему стало ясно, что мы не «фрицы». Он в горячке орал: «Я же вас мог расстрелять! Откуда вы появились, да еще на таком самолете?» Я представился, объяснил все подполковнику, и он сразу же остыл. Но минуты нашего обстрела мы пережили сильно.

В тот же вечер я долго разговаривал с В. Г. Жаворонковым. Он мне много рассказывал, какую работу они проводят по укреплению обороны города Тулы. Как мобилизуют партийный, комсомольский, советский актив на оборону города, говорил о формировании подразделений ополчения, истребительных отрядов и тесной их связи с военными, которые стоят на защите Тулы. При мне состоялся телефонный разговор Жаворонкова с И. В. Сталиным. Затем Василий Гаврилович подробно расспрашивал меня о наших делах в Харькове, поинтересовался, как выглядит и чувствует себя Никита Сергеевич, поблагодарил за переданный ему привет и, в свою очередь, просил передать ему лично привет от него. Ознакомившись с переданным мной Жаворонкову письмом Хрущева, он сразу же позвонил руководству завода, вызвал своего помощника, и мы уехали на завод.

Под руководством высококвалифицированных технологов и конструкторов я ознакомился с конструкцией, технологией изготовления автоматов.

Без приключений долетел до Харькова и в тот же день явился в обком партии к Н. С. Хрущеву и А. А. Епишеву. Хрущев остался доволен моей поездкой и все торопил нас поскорее начать производство автоматов.

Так как основные оборонные предприятия были уже эвакуированы, а остальная часть снята с фундаментов и находилась на погрузочных площадках, мы начали производство автоматов в механических мастерских трамвайного депо, а диски и магзины — на патефонном заводе. Уже изготовили опытную серию автоматов, испытали их, но через несколько дней две бомбы угодили в механические мастерские. Бои шли уже на окраине города.

Харьков оказался в полукольце, все железные дороги были перерезаны, выход и выезд еще возможен только пешком и автомашинами. Город обстреливается артиллерийским и минометным огнем, периодически налетает авиация фашистов и бесцельно его бомбит, возникает много пожаров. Их уже никто не тушит, имеются разрушения и человеческие жертвы. Город кажется совершенно опустевшим, многие покинули его, а те, кто не смог выбраться или же преднамеренно остался, забились в угол и ждут своей участи.

Подпольщики и связные делают последние приготовления к трудной и опасной работе в тылу врага. Перед уходом из Харькова я еще раз поехал на заводы «Серп и молот» и № 75, хотелось мне посмотреть, что же там осталось, и проститься с этими предприятиями, которые для меня были дорогими и родными как собственный дом. С товарищами зашел на улицу

Иванова, № 36, где я раньше проживал, там жила прекрасная семья, мать и две дочери, Нина и Лида, им было лет по 17—18. Их отец был механиком на ЭСХАРе, но в 1937 году был арестован и пропал без вести. Семья эта очень бедствовала; и я ей в меру своих сил кое-чем помогал. Лиду устроил работать на завод № 75 термистом. На этот раз зашел, чтобы проститься перед моим отъездом, оставить этой семье кое-что из продуктов и немного денег. Прощанье было грустным и тяжелым. Мать и девочки плакали и просили помочь им выбраться из Харькова. Но этого уже невозможно было сделать. Предполагался наш выезд рано утром, но обстоятельства задержали, так как выясняли более безопасный выезд из Харькова и следование по пути до Купянска.

В Купянске находились не только областные и городские организации Харькова, но и ЦК КП(б)У, и правительство республики. Все они располагались в железнодорожных составах.

Мы получили бронь, но от этого на душе не стало легче. И все же вскорости в верхах было принято решение отправить на Восток, в тыл большую группу партийных и советских работников для использования их на эвакуированных заводах: ведь к этому времени в тылу тоже ощущался большой и острый недостаток в кадрах. В этой группе оказался и я.

Для отправки нас в тыл выделили два товарных вагона, в них должно ехать около 60 человек. Вагоны не оборудованы, а на улице уже декабрь, сами занимаемся устройством: устанавливаем печки, запасаемся топливом, водой, сооружаем нары, на них матрацы, набитые соломой, остальное что у кого есть. Редко у кого имеются одеяла, большинство обходятся шинелью. Она служит и постелью и одеялом. В дальнюю дорогу надо было хотя бы немного запастись питанием, водой и топливом.

В пути мы узнали, что в Москве, на Красной площади, 7 ноября состоялся военный парад войск. На это мог решиться только И. В. Сталин. Нас всех обрадовало то, что в такое тяжелое время все же состоялся военный парад. Значит, Москва жива, правительство находится в Москве, в столице нашей Родины. Несмотря на все сложности и трудности, все мы прибыли в Челябинск 12 декабря 1941 года. Отсюда товарищи разъезжаются в разные места, большинство едет в Казахстан, немало оседает и в Челябинской области. Кое-кто едет в Омскую и Свердловскую области к своим семьям и эвакуированным предприятиям. Все тепло распростились и обещали писать друг другу.

Я уже второй раз в Челябинске — первый раз был еще в 1935 году, приезжал на Челябинский тракторный завод в командировку от завода имени Ильича по рекламации нашего металла. С тех пор кое-что, конечно, изменилось, но в основном остался тот же город. Явился я в горком партии, куда у меня и было предписание явиться. Тут же выяснил, где находится моя семья — сыновья Боря и Витасик. Поехал к ним и застал их в довольно плачевном состоянии: пять человек, трое детей и двое взрослых, разместились в комнате в шесть квадратных метров на первом этаже, без всяких удобств, холодно, сыро, затхло. Смотрю на ребятишек, а сердце обливается кровью, болит душа. Боря как затравленный зверек, худой, тощий, всего боится и признал меня не сразу. Витасик маленький, желтый, худой, рахитичный ребенок, он меня совсем не знает. Но все же обрадовались моему приезду, тем более что я привез кое-какие продукты. На первых порах будет значительное облегчение с питанием.

Навестил Любу в больнице — это страшно вспомнить даже через несколько десятков лет. Лежит она в каком-то закутке, худая, совершенно высохшая и без движения. Люба меня встретила обрадованно, в нескольких словах расспросила о детях, о маме, а затем впала в забытьё. Я видел, что жить ей осталось считанные дни, отмучилась, бедняга. Да о смерти она и сама говорила довольно спокойно, просила только беречь детей и не оставлять ее мать. В разговоре с главным врачом больницы мне стало совершенно ясно, что Люба скоро умрет.

В декабре 1941 года я был приглашен к первому секретарю Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличеву и председателю партийной комиссии ЦК ВКП(б) Алферову на предмет моего утверждения заведующим отделом оборонной промышленности обкома партии. Они помогли улучшить жилье для моей семьи, а мне предоставили в гостинице номер со всеми удобствами. Я часто брал к себе в гостиницу Борю и сидел с ним, а сам с собой размышлял: а что же дальше будет с моими сыновьями?

Работы как у заведующего отделом оборонной промышленности у меня было очень много. Я часто бывал на Челябинском танковом заводе, куда при эвакуации влился и Харьковский танковый завод. Предприятие огромное, трудностей невпроворот, а задач нерешенных еще больше. Надо было срочно наращивать мощности по выпуску серийного танка Т-36, в опытном производстве наладить выпуск танка ИС (Иосиф Сталин). Директор завода Зальцман, главный инженер Махонин — один отличный организатор и администратор, второй грамотный инженер-технолог, крупный организатор производ-

ства. Только такие люди, стоящие у руководства, способны были организовать огромный коллектив в труднейших условиях на выполнение точно установленного графика по выпуску танков и одновременно осваивать новое производство сверхмощных танков. В цехах люди работали день и ночь по 16—18 часов в сутки, среди них вижу много харьковчан, все они интересуются последними новостями о Харькове.

1942 год. Кажется, я был подготовлен к этому трагическому концу, но мне тяжело, очень тяжело, дети остались сиротами, без матери. Суровая, морозная, снежная зима — январь 1942 года. Земля промерзла на полтора метра, вырыть могилу трудно, да и некому, с большим трудом добился этого. На грузовую машину погрузил гроб с Любой и отправился за город, на кладбище в лесу. Последние минуты опущен — гроб в могилу, мерзлые комья земли стучат о крышку гроба, а мне кажется, что меня кто-то бьет по вискам молотом. Прощай навеки, любимая жена, друг жизни. Очень тяжело, одиноко, до невыносимой боли обидно, жалко. На могиле появилась дощечка с надписью — вот и все, что осталось от любимого человека, матери детей, в далеком от родных мест городе, в заснеженном лесу...

А жизнь требует борьбы, и как ни тяжело, надо думать о лучшем, работать не покладая рук, и это для того, чтоб выжил ты сам и такие, как ты, выжили бы дети, женщины, юноши — надежда будущего нашей страны, выжили и победили. А вести с фронтов приходят далеко не утешительные, очень тяжелые, надежда только на самих себя — о втором фронте²⁶ пока что только одни разговоры, да мало и веры в то, что это может быть скоро.

Мне часто и помногу приходилось бывать в командировках на оборонных предприятиях в Златоусте, Кургане, Касли, на «Магнитке» и других местах. Приходилось контролировать графики и планы выполнения производства минометов, боеприпасов, автоматов и автоматических винтовок, прокат броневой стали, холодное оружие. Старые заводы работают с большим перенапряжением, рабочих не хватает, многие ушли на фронт, у станков много женщин и подростков. Эвакуированные заводы часто размещаются прямо в лесу, станки устанавливаются на деревянных рамах, силовая проводка тянется по деревьям. Среди станков стоят камельки, чтобы станочник, работающий под открытым небом, мог отогреть руки. Жилье сколачивали наскоро, из бревен. Да, тогда действительно были проявлены героизм и выдержка, но все это для народа обходилось дорогой

ценой — холод, простуда, заболевания взрослых и детей, голод; недоедание, сложные санитарные условия, много смертельных исходов после болезней. А жить и выжить во что бы то ни стало надо. Главное было — победить. Если глубокий тыл своими людскими резервами, продовольствием, оборонной техникой не подкрепит фронт, армию, то нам трудно будет сдерживать оголтелый нажим фашистов.

Уже в первой половине 1942 года вся эвакуированная промышленность начала работать на полную мощность. Был силен авторитет единого руководства ЦК ВКП(б) и ГКО, который возглавил И. В. Сталин, опираясь на полное понимание и поддержку, самосознание широких масс народа и его патриотизм. Именно это было решающим условием победы над фашизмом. Советские люди, идя за партией, безгранично доверяли ей, проявляли невиданный героизм в бою и труде. Война продолжалась, были чрезвычайно тяжелые дни, недели, месяцы. Много людей переживали, страдали, передумали, переболели сердцем, и все же мы, народ, страна, становились не слабее, а сильнее.

1942 год... Наивысшее напряжение борьбы на фронтах. Оставляя кровавый след, не жалея своих солдат, фашисты рвались в глубь нашей страны. «Россия на грани истощения своих сил», — так заверял Гитлер своих головорезов. Но мы, работая в тылу по обеспечению фронта оборонной продукцией, видели, что наша страна не истощает свои силы, а с каждым днем набирает их и увеличивает свой оборонный и наступательный потенциал. Работать приходилось трудно, много и чрезвычайно напряженно.

У меня установилась переписка с Ириной, которая находилась в Омске. В письмах она жаловалась на трудности своего положения, мне тоже было нелегко. 16 апреля 1942 года мы с Ириной официально зарегистрировали свой брак в Советском районном загсе Челябинска. В узком кругу отметили это событие. Ирина и Боря устраиваются в полученной комнате. Ее обставили, оборудовали, в общем, получилось хорошо, уютно, многие даже завидовали.

Тяготило меня и Ирину то, что мы не знали судьбы своих родных и близких, она не знала ничего о своей матери и тетке, которые остались в оккупированном Харькове. Я тоже ничего не знал о своей матери и старшей сестре Марусе, которые тоже оставались на оккупированной территории в селе Андреевка Харьковской области. Младший мой брат Митя находился в армии еще с финской войны, о его судьбе мне тоже ничего не было известно. В такой военной «мясорубке» я полагал, что он погиб. Как он писал в последнем полученном письме еще

в начале войны, он командовал взводом огнеметчиков, а затем взводом разведки автоматчиков, успел уже получить ранение и награду — орден Красной Звезды. Я знал с детства его честность и твердый характер и был уверен: из него вышел отличный боец и командир, и ради общего дела он не пожалеет своей жизни. Горько мне было даже думать, что Митя, может быть, уже нет в живых. Но за общим огромным горем всей страны, мучениями народа, жертвами, которые мы несем, личное горе немного притуплилось.

Перед отъездом в Москву по вызову я решил отправить в Омск на лето в лагерь на Иртыше Ирину и Борю. Сделав все дела, поехал на вокзал оформить через военного коменданта проездные документы в Москву. На вокзале большое скопление людей, большинство красноармейцев на костылях, с перебинтованными головами, забинтованными руками. Чувствовалось, что где-то недалеко находится госпиталь. Сажу и размышляю, что, возможно, вот так и мой младший брат Митя, раненный — это в лучшем случае. И мне так захотелось увидеть родного брата, поговорить с ним. Опустив голову, задумался, замечтался, что не расслышал обращения ко мне: «Товарищ командир, разрешите прикурить?» Я поднял голову, перед собой увидел красноармейца с забинтованной рукой на перевязи и своим глазам не поверил — мне казалось, что это был сон, но передо мной стоял Митя, мой младший брат! Я как заколдованный стоял, глядел на него и не мог проронить ни слова. Первым опомнился Митя: «Это ты, Петя? Невероятно, какая неожиданность и счастье!» Мы обнялись, расцеловались, оба прослезились, не обращая внимания на особый интерес посторонних, окружающих и распросы.

Как рассказал мне брат, он имеет уже третье тяжелое ранение. Награды: орден Красной Звезды и орден Великой Отечественной I степени. Вот так произошла невероятная, неожиданная встреча в человеческом океане, в таком жизненном круговороте. За тысячи километров от родных мест встретились два родных брата, не видевших друг друга в то тяжкое и тревожное время около пяти лет. Митя находился на излечении в Омском госпитале три месяца с простреленной правой ключицей. Шел он получать продовольственный аттестат, так как после лечения ему предстоял отпуск на поправку на три месяца. Куда ему ехать, он сам не знал, но собирался поехать в прифронтовую полосу, поближе к родным местам. Уговорил я его пока что остаться в Омской области. Через обком ВКП(б) и облисполком его направили в глубинный Белореченский район области заведующим учебной частью школы, ведь он сам до призыва в армию работал учителем в школе, преподавал математику.

Через четыре месяца он снова уехал на фронт в действующую армию, связь с ним опять надолго была потеряла. Но встречи в Омске мне не забыть до конца своих дней. Митя был демобилизован из армии только в 1947 году.

И вот Москва. Здесь я встретил многих товарищей, которые были в Купянске, теперь захваченном немцами. А также тех, которые со мной зимой 1941 года отправлялись теплушками в глубокий тыл. Всех их тоже, так же как и меня, вызвали в Москву в надежде скорой посылки в освобожденные районы Украины, но освобождение затягивалось. Немалая армия ответственных партийных, советских, административных работников находилась на положении «безответственных» — ничем не занятых людей, ведущих праздный образ жизни. Столовая, где по военному времени кормили неплохо, общежитие полуказарменного типа, тоска, безделье всех нас одолевали. Многие из нас, в том числе и я, просились в действующую армию или в партизанские отряды — ответ был один: «Ждите решения». Я все же написал официальное заявление в ЦК ВКП(б) о том, что если нельзя в армию или в партизаны, то дайте нам работу, чтобы мы даром не ели хлеб в такое трудное время для нашей Родины. Недели через две после поданного мной заявления меня пригласили в отдел кадров ЦК ВКП(б) к товарищу Андрееву, он же был и секретарем парткома ЦК. Андреев внимательно со мной побеседовал, выяснил все вопросы и предложил мне должность инструктора ЦК ВКП(б) в оборонном отделе ЦК. Я это предложение принял с большой радостью, ведь это живое дело, не прозябание в общежитии-казарме в ожидании, когда откроют столовую.

Инструктор ЦК ВКП(б) в отделе оборонной промышленности — это ответственная работа, немалый объем и определенные полномочия, тем более в военное время. Меня определили в сектор по обеспечению разработки, производства и снаряжения реактивных снарядов РС во всех их модификациях. Это было новое и грозное, страшно засекреченное оружие. Открыто в армии и народе это оружие любовно называли: «Наши Катюши и Иваны». Заведующим сектором был Волков Н. Н., хороший коммунист, инженер, организатор, отличный товарищ — по-настоящему человеческий человек. Впоследствии он стал директором 2-го Московского часового завода. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Уже позже, после войны, мы с ним имели переписку, от него у меня хранится сувенир — электронные настольные часы. Во главе нашего управления стоял генерал Гайдуков, неплохой человек, но очень суетливый. Инструкторами вместе со мной были:

Матюшин из Муром, впоследствии он стал первым секретарем Краснодарского крайкома партии, и Субботин из Нижнего Тагила, он длительное время работал в аппарате ЦК. Всю оборонную промышленность опекал секретарь ЦК ВКП(б) Маленков²⁷, и мне не раз приходилось быть на совещаниях, которые он проводил. Два раза на них я слушал И. В. Сталина.

Маленков нам не один раз говорил, что И. В. Сталин настоятельно требует форсировать производство необходимого количества РС, так необходимых для фронта. Когда на совещании присутствовал И. В. Сталин, он каждый раз давал конкретные, немногословные предложения по усилению производства «Катюш».

Я еще оставался инструктором ЦК ВКП(б), в то же время получил удостоверение ЦК КП(б)У о моем направлении в освобожденные районы Украины.

Наконец эшелон партийных, советских, административных работников Украины направляется в Купянск, оттуда каждый по назначению. С нами едет большая группа партизан, которые должны были быть переброшены в тыл врага. Эту группу провожал сам начальник штаба всесоюзного партизанского движения Пономаренко П. К. Эшелон наш идет кружным путем, недалеко от мест Сталинградского сражения. Из окон вагонов видны недавние следы ожесточенных сражений, исковерканная военная техника, разбитые железнодорожные станции, разрушенные населенные пункты. Кое-где еще не убраны трупы вражеских солдат, на большом протяжении по-над железной дорогой в снегу, у телеграфных столбов усажены или приклонены к телеграфным столбам в одиночку и группами убитые солдаты — большинство румыны и итальянцы. Зрелище, конечно, далеко не из приятных.

На вторые сутки прибыли в Купянск, и сразу же небольшая группа во главе с первым секретарем обкома партии машинами выехала в Харьков. По дороге видели страшные разрушения населенных пунктов, много трупов вражеских солдат и исковерканной военной техники. В Харьков въезжали со стороны станции Основы, слышна была стрельба орудий и минометов — еще шел бой за Харьков.

В Харьков вступили в сумерках, зрелище ужасное. Весь город объят пламенем — много пожаров, взрывов, на окраине города идет стрельба, людей на улицах ни души, город вымер.

На площади Дзержинского горят и рушатся здания: обком КП(б)У, гостиница, Госпром, Дом проектов, ветеринарный институт. Вся огромная площадь освещена зловещим заревом пожаров, их никто не тушит.

Вся обкомовская и горкомовская группа, прибывшая первым эшеленом в Харьков, разместилась в особняке на улице Иванова, тут же наши рабочие места и общежитие. Мы находимся почти на казарменном положении. Нас предупредили об опасности передвижения по городу, в особенности в одиночку. В городе много заминированных зданий, в разных местах города возникает беспорядочная стрельба. Взяли автоматы и вместе с партизаном Васей пошли поздно вечером на квартиру по улице Захаржевского к матери Ирины Дарье Петровне и тетке Лине Петровне. Они сидели в комнате при коптилке уже двое суток, слышали стрельбу, но не знали, что немцев уже выгнала Красная Армия из Харькова. Моему приходу они обрадовались, не верили, что это происходит наяву, встреча была очень теплая. Я им рассказал об Иринке, передал ее просьбу, чтобы они приехали к ней в Челябинск. Условились, чтобы они были готовы через два-три дня к отъезду в Купянск, а оттуда я их отправлю в Челябинск.

Я занимался вопросами организации работы промышленных предприятий города, восстановлением электростанций, водопровода, канализации и городского транспорта. Работы было очень много, приходилось выезжать на места, разбираться и давать разрешение на восстановительные работы. Приходило много рабочих и ИТР, группами и в одиночку, предлагали свои услуги, вносили предложения по пуску промышленных предприятий, восстановлению электростанций, пуску городского транспорта. Вносили очень много конкретных и ценных предложений — работы по горло.

На второй день после нашего приезда в Харьков на площади Тевелева состоялся большой митинг, на нем присутствовало очень много народа. Выступал Н. С. Хрущев. Было общее торжество по случаю освобождения города, но вместе с тем и какая-то настороженность. Мы, ответственные работники горкома и обкома, во время митинга находились в специальном оцеплении и охране. Митинг прошел с большим подъемом. Передвижения по городу предстоят большие, а городской транспорт еще не работает, надо находить выход. Устанавливаю связи с водителями, они говорят, где имеются автомашины и горюче-смазочные материалы. Достаю две машины, легковую — «газик» и грузовую — немецкий «опель». Водители охотно соглашаются работать, просят только разрешения вывезти семьи из Харькова. Все же здесь сложная обстановка, часты налеты вражеской авиации, бомбежки, имеются человеческие жертвы, обстановка довольно беспокойная.

Встречаю много знакомых, они приходят с просьбами, жалобами, предложениями. Бывшая сокурница по рабфаку Леля

Куркина пришла и рассказала о всех ее мучениях при оккупации, о голоде и страхе. Очень остался я огорчен, что знакомая девушка Лида, которую я устраивал термистом на завод № 75, уехала с немцами — вот этого я никогда не мог ожидать. Ее мать и сестра Нина плачут и проклинаят ее. Где она, неизвестно.

Вечерами и ночью в обкоме партии собираемся и слушаем радиопередачи по радиоприемнику «Телефункен», принадлежащему А. А. Епишеву, отличная машина. Вести же с фронтов разные, как говорят, «с переменным успехом», а на харьковском направлении обстановка довольно сложная и опасная. Наши танковые части и механизированная пехота, преследуя отступающего противника, очевидно, сильно увлеклись. В районе Барвенкова глубоко вклинились в расположение немецких войск, на сотни километров оторвались от своих тылов и без снабжения.

Конец февраля 1943 года. На дворе большая распутица, подвоз боеприпасов, горюче-смазочных материалов, питания очень затруднено, автомашин явно не хватает, да и проходимость их по распутице весьма ограничена, гужевым транспортом ни на саях, ни на колесах далеко не уедешь.

Из немецких передач мы узнаем, что большая группа наших войск под Барвенковом попала в окружение, пехота пытается выйти из окружения, но несет большие потери. Танки без горючего зарыты в землю, отстреливаются (это пока есть боеприпасы, а затем гибель). Во второй передаче немцы передают, что «окруженная группировка советских войск в районе Барвенкова ликвидируется, много убитых, раненых, пленных, большие трофеи военной техники». Мы все тяжело переживаем нашу неудачную операцию. Вышедшие с боями из окружения рассказывают о кошмаре и огромных наших потерях, безнадежности нашей окруженной группировки войск. Находятся «умники», особенно «смершевцы»²⁸, которые пытаются обвинить вышедших из окружения чуть ли не в трусости и пораженчестве. Усилились бомбардировки города, у населения настроение унылое, на предприятиях рабочие спрашивают нас: «Скажите откровенно, вы что, снова оставите Харьков?» А что мы можем им на это ответить?

Первые числа марта, уже весна, казалось бы, должно быть и настроение весеннее, но нет, на душе и сердце горечь нашей неудачи под Харьковом. По всему видно, что город придется снова оставлять.

Вскоре меня к себе пригласил секретарь обкома А. А. Епи-

шев и дал задание этой же ночью, а это было накануне 8 марта, вывезти из Харькова в Купянск большую группу академиков, ученых, профессоров и их семьи, которые оставались при немцах в Харькове. Получил списки, адреса, поздно вечером приступил к операции, в этом мне помогали три человека из партизан, в том числе Вася, о котором я уже упоминал. К полуночи собрали всех на сборном пункте — всего с семьями их оказалось 60 человек, погрузили на две оборудованные машины, в каждой машине сопровождающий с автоматом. В два часа ночи начался наш выезд из города, два раза мы попадали под бомбежку, была большая паника среди эвакуированных, пришлось успокаивать и следить за тем, чтобы никто не отстал. Сошло все благополучно, хотя вокруг падали бомбы и были разрушения. Без потерь всех благополучно доставили в Купянск, на следующий день двумя теплушками отправили в глубокий тыл. Многие из эвакуированных благодарили за то, что их своевременно, хорошо и организованно вывезли из Харькова.

По распоряжению А. А. Епишева, я направляюсь в Москву по спецзаданию. У секретаря Харьковского горкома КП/б/У В. М. Чураева я попросился из Москвы съездить в Челябинск к семье, ибо поступили данные, что там далеко не все в порядке. Разрешение получил, выписали проездные документы.

Мой маршрут проходил по Воронежской области, ехали мы больше по проселочным дорогам. В поле мы напоролись на противотанковые мины, взорвавшись, две из них отбросили нашу машину на 2 — 3 метра с проезжей части, и она получила повреждение. В этом же районе видели следы разгрома, уничтожения нашими частями вражеского воинского соединения. Ничего не было убрано, все валяется — разбитая техника, автомашины, орудия, стрелковое оружие, трупы солдат и лошадей, все это на огромной площади между двух рощ. По признакам, разгромлено не меньше полка, чувствуется, что подразделение было окружено и уничтожено. Трупный смрад ужасный.

Добрался я до Москвы на четвертые сутки. Выяснил все вопросы, которые мне были поручены Епишевым. Епишев через некоторое время ушел в армию на политработу, многим тоже посчастливилось попасть в армию. Я снова прошусь в армию или в партизаны, не пускают, ссылаясь на специальную бронь.

Несколько раз заходил в ЦК ВКП/б/ в свой отдел — принимают хорошо, предлагают возвратиться работать в отдел по РС, почему-то нет никакого желания. Чтобы дозвониться в Челябинск, с разрешения руководства остался на ночь в отделе.

Дозвонился в Челябинск, вести далеко не утешительные. Выехал в Челябинск, все на месте выяснил и снова поехал в Москву решать свою судьбу.

В Москве мне долго пришлось ждать решения моего вопроса. Приходилось буквально голодать, денег нет, да и покушать негде, все по карточкам, по талонам. Жил я и ночевал где и как придется. Снова прошусь в армию или партизаны, но этого вопроса никто не решает. Я за помощью обратился к управляющему делами ЦК ВКП/б/ Д. Крупину — он решил все мои затруднения, определил с жильем, выдал продовольственные карточки и талоны на питание, прикрепил к столовой. С Ириной у нас происходят регулярная переписка и периодические разговоры по телефону, я и она оба нервничаем, как же быть дальше, ведь жить, по существу, не на что, но подбадриваем друг друга в надежде на лучшее.

По приглашению я несколько раз был в ЦК ВКП/б/ в отделе кадров у Андреева и заведующего оборонным отделом Сербина — они ведут со мной разговор по поводу предстоящей работы, мне казалось, что дело затягивается, и я был готов дать свое согласие на любое предложение. Наконец в августе 1943 года меня пригласил к себе Сербин и сообщил, что я решением Секретариата ЦК ВКП/б/ утвержден парторгом ЦК ВКП/б/ завода № 306 Наркомата авиационной промышленности в Саратове.

После этого решения я воспрял духом. Наконец-то кончилось мое томительное безделье и гнетущая неопределенность, я при настоящем деле, могу приносить определенную пользу. Поехал в Наркомат авиапромышленности (НКАП), где познакомился с начальником главка и директором завода Филимоновым. По договоренности с отделом ЦК ВКП/б/ и НКАП я поехал из Москвы сначала в Челябинск за семьей и прямо уже оттуда мы поездом отправились к новому месту назначения.

Не предполагал я тогда, что мне придется в Саратове задержаться почти на полных шесть лет. С этим городом, его людьми, партийной организацией у меня связано много хорошего, напряженного труда и упорной работы, радостей, печалей и личных переживаний и трудностей. В целом же о Саратове на всю жизнь остались теплые воспоминания, хотя и было далеко не легко — всего хватало.

Кроме своей основной работы как парторга ЦК ВКП/б/, много приходилось выполнять работы по поручению райкома, горкома и обкома ВКП/б/: участвовать в разного рода комиссиях и быть их председателем. Как-то я быстро вошел в основную и прочный круг партийного актива города и области. В это

время часть правительства Украины и ЦК КП/б/У находилась в Саратове. По работе мне мало приходилось с ними сталкиваться, но у меня были мысли, чтобы возвратиться на Украину, в Харьков. Некоторые, правда, отдельные, но влиятельные работники как-то отчужденно ко мне относились. Очевидно, им было завидно, что я работаю, не бездельничаю и на хорошем счету в саратовской партийной организации. Таким ко мне отношением я не особенно был огорчен, ведь я работаю на общее дело, приношу пользу, имею вес и авторитет.

Мне приходилось часто бывать на селе в качестве уполномоченного по проведению сельскохозяйственных работ. Видел удручающее состояние сельского хозяйства и беспросветность в этом важнейшем деле. Как-то я поехал за Волгу, в селение бывшей автономной республики немцев Поволжья и был свидетелем и очевидцем того, в какое разорение и запустение пришло все хозяйство, постройки после выселения оттуда немцев. Кто мог допустить такое варварство по уничтожению сельскохозяйственного инвентаря, скота, построек, жилых и хозяйственных? Это был погром и пожарище, жутко было смотреть. А до выселения это были цветущие, богатые места с высокой культурой земледелия, высокими урожаями зерновых и технических культур, с интенсивным животноводством.

Первым секретарем Саратовского обкома в то время был Павел Тимофеевич Комаров. Он только что заменил на этом посту Баркова. Комаров — это старый коммунист, опытный партийный работник, человек, обладающий большим жизненным опытом. Но общая грамотность и подготовка были слабыми, но это все восполнялось природным умом и богатым житейским опытом.

В августе 1945 года меня пригласили в обком партии на беседу с П. Т. Комаровым. Он предложил мне перейти работать в обком партии заместителем секретаря обкома партии по авиационной промышленности. Я дал согласие и через неделю уже работал в обкоме. По сути, я занимался всей оборонной промышленностью области. Самым крупным оборонным промышленным предприятием города и области был «завод комбайнов» — авиационный завод № 292, выпускавший самолеты конструкции А. Яковлева: Як-3, Як-6, а затем Як-9. На заводе работали свыше 25 тысяч рабочих, партийная организация в своих рядах насчитывала около 3 тысяч человек. На этом предприятии мне часто приходилось бывать и вместе с парткомом и дирекцией завода решать многие технические и организационные вопросы. Целые авиационные полки отправлялись прямо с заводского аэродрома на фронт.

Завод № 306, на котором я ранее работал парторгом ЦК ВКП/б/, тоже входил в мое обслуживание. Набирал полную

мощь огромный завод специальной радиоаппаратуры и радиотехники, который был расположен за Волгой, в г. Энгельсе. На этих и многих других заводах, конструкторских бюро нужно было держать под контролем разработку и производство оборонной техники. Мне часто приходилось бывать у Комарова, докладывать ему о делах оборонной промышленности, готовить информацию и докладные записки в ЦК ВКП/б/. Павел Тимофеевич старался вникать в суть работы оборонной промышленности. Хотя ему трудно было разобраться в производственной инженерной специфике, но он всегда внимательно меня выслушивал и, казалось, пытался что-то у меня почерпнуть в области организации, технологии и конструкции изделий и машин. Если же речь заходила о работе партийной организации, о житейском опыте, то тут у Павла Тимофеевича было чему поучиться, и я многое в этих вопросах познал и позаимствовал у него и по сей день благодарен ему как старшему партийному, более опытному товарищу.

Работать приходилось много и напряженно. Домашние дела шли по-прежнему в заботах о том, как прокормить семью, детей, как обуться и одеться, ибо все это делалось по промышленным талонам и продовольственным карточкам, которые далеко не всегда отоваривались. С квартирой все уладилось хорошо, теперь моя семья из 6 человек занимала отдельную трехкомнатную квартиру. С обувью и одеждой было довольно скудно. У Ирины было одно единственное пальто. Однажды она пошла на рынок и там бритвой его порезали сзади. Как она, бедная, плакала, ведь осталась совершенно без пальто. Когда все легли спать я решил использовать свое «искусство»: когда-то я шил сапоги и за ночь я так искусно заштопал порезы, что наутро, когда показал его Ирине, она не могла различить и найти порезы — положение было спасено.

В области много было эвакуированных с Украины и из Прибалтики, в основном это были женщины, старики и дети. Многие из них жили очень тяжело, даже голодали. Мне как-то пришлось помогать одной молодой женщине с ребенком из Прибалтики. Они буквально голодали, им была оказана помощь через местные органы. Среди населения приходилось проводить большую работу по патриотическому воспитанию, информировать о делах в стране и на фронтах. Большая работа проводилась в связи с поступком Феропонта Головатого, который на свои сбережения купил самолет для Красной Армии. Все мероприятия, связанные с этим, нам пришлось проводить на заводе № 282: выбор самолета, надпись на его борту: «Феропонт Головатый», прием Головатого на заводе, митинг и отправку самолета с военным экипажем с заводского аэродрома прямо на фронт.

Сообщение о нашей победе и безоговорочной капитуляции фашистской Германии меня застало за Волгой, в совхозе, где я был уполномоченным по проведению весенних полевых работ. Время войны окончательно измотало людей, народ устал от тяжелой, губительной, кровопролитной войны. Причем устал морально, духовно, физически.

Из информационных сообщений было известно, что мы добиваем ненавистного врага в его «собственной берлоге», но все ждали, жаждали окончания войны. И все же это известие оказалось неожиданным, невероятным, ошеломляющим своей радостью, концом невероятной тяжести и человеческих страданий! Я провел митинг по случаю нашей окончательной Победы и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Радость, ликование, слезы! Вечером устроили всеобщий импровизированный прием и гулянье, многие были изрядно навеселе.

В работе оборонных предприятий после первых месяцев окончания войны не произошло никаких существенных изменений. По-прежнему требовательность, четкость в выполнении графиков выпуска оборонной промышленности, но все же мы все ждали каких-то перемен.

Начали приходиться эшелоны с демобилизованными. Организация их встреч, радость, слезы, встреча родных, любимых, близких, возвратившихся после победы здоровыми и невредимыми. Тяжесть, горе и слезы при виде покалеченных, беспомощных, уходивших на фронт молодыми, сильными, здоровыми, бодрыми. Невосполнимая утрата погибших вызывает с новой силой тяжелые переживания, неутешное горе и горькие слезы матерей, отцов, жен, детей, невест. Эти утраты не вернувшихся с поля боя, кажется, давят своим горем еще больше, чем прежде. И все же окончание войны, разгром фашистов, гибель Гитлера, а затем и суд над военными преступниками и предателями, изменниками своей Родины вызывают огромную радость и гордость за наш народ, страну, партию. И. В. Сталин, его ближайшие соратники и помощники оправдали надежду и доверию народа, их слова и дела оказались равнозначными.

Работа на оборону Родины.

«Везде я начинал с того, что искал добросовестных, знающих свое дело людей»

1946 год. Военная промышленность постепенно часть своих мощностей переводит на производство товаров широкого потребления. Ведь за годы войны окончательно все износилось — не хватает предметов простейшего домашнего обихода — посуды, мебели, тканей, по существу, надо было начинать все с нуля. Что касается военной продукции, то ее выпуск не прекращался, а крен был взят на освоение новых, более усовершенствованных конструкций.

Всеми этими проблемами я и был поглощен последующие годы, работая парторгом ЦК ВКП(б) на заводе № 292, куда был направлен в августе месяце. Трудное было время. Но все выдержали. И какие прекрасные люди были в нашей заводской среде!

В 1947 году разговор пошел о моем назначении директором завода, возможно в Ленинград. Требовалась характеристика от обкома ВКП(б), основу ее должно дать бюро Сталинского РК ВКП(б) — вот характеристика на меня от бюро РК:

Строго секретно

Сталинский районный комитет ВКП(б), г. Саратов.

Выписка из протокола № 61 заседания бюро Сталинского РК ВКП(б) от 19/XI — 1947 года.

Слушали: Характеристика. Тов. Шелест Петр Ефимович, член ВКП(б) с 1928 года, рождения 1908 года, образование высшее, украинец, происходит из крестьян. Прошел путь от батрака и железнодорожного рабочего-слесаря до ответственного хозяйственного и партийного руководителя. Работая и участь, добился среднего образования, а затем окончил институт. В 1940 году тов. Шелест работал уже главным инженером завода «Серп и молот» в г. Харькове. С 1940 по 1941 год работал секретарем Харьковского горкома ВКП(б). В годы Отечественной войны (1942—1943 гг.) работал в ЦК ВКП(б) инструктором в управлении кадров. В 1943 г. тов. Шелест направляется в г. Саратов парторгом ЦК ВКП(б) на завод № 306,

а в 1945—1946 годах работал зам. секретаря обкома ВКП(б) по авиационной промышленности. С октября 1946 года направлен на работу парторгом ЦК ВКП(б) на завод № 292, где избирается секретарем парткома завода, членом пленума и членом бюро Сталинского РК ВКП(б). В своей работе тов. Шелест проявляет себя всесторонне развитым и политически грамотным партийным работником, много работает над собой. В настоящее время учится заочно в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Тов. Шелест принципиален, идеологически выдержан, при решении вопросов вникает в их существо. В годы Отечественной войны награжден орденом Красной Звезды, медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Предан делу большевистской партии, дисциплинирован, морально устойчив. Партвзысканий не имеет. Характеристика выдана в Саратовский обком ВКП(б).

Секретарь Сталинского РК ВКП(б) (И. Зотов)

Наступил новый, 1948 год. Мне из управления кадров МАП сообщили, что в министерстве вопрос о моем назначении директором завода предрешен, идет согласование в ЦК ВКП(б). Жду решения с нетерпением, пока что готовлюсь, изучаю специальную литературу по самолетостроению.

Июль 1948 года — получил приказ о назначении директором Ленинградского авиационного завода № 272. Приказ подписан министром авиационной промышленности М. В. Хруничевым.

Грузу все до предела скромные «пожитки» и семью в товарный вагон и отправляюсь в Ленинград. Тепло простился с саратовцами, в особенности с заводчанами. Многие пришли проводить, кто-то из провожающих подарил нам примус, и он оказался кстати, и даже очень.

Откровенно говоря, расставаться с Саратовом и со всем привычным и знакомым, обжитым было грустно. Но Ленинград тянулся к себе как магнит, я до этого бывал в Ленинграде дважды. Но когда это было? Первый раз в 1926 году, будучи курсантом Изюмской партийной школы, второй раз в 1934 году, когда приезжал на обуховский завод по рекламации металла, работал на заводе имени Ильича в Донбассе. Помню Ленинград смутно.

До Москвы мы доехали за сутки. Нас в товарном вагоне, который был прицеплен в хвосте пассажирского поезда, изрядно потрепало и потрясло. В Москве задержались на двое суток — вагон перегоняли с Казанского на Ленинградский вокзал. По техническим условиям наш вагон нельзя было цеплять к ленинградскому пассажирскому поезду. Формируют товарный

сборный поезд до Ленинграда, в этом составе и будет наш вагон, до места назначения будем следовать не меньше двух суток.

Я побывал в министерстве, представился теперь уже как директор завода первому заместителю министра В. В. Бойцову, которого я хорошо знал по работе в Саратове на заводе № 292, где Василий Васильевич работал одно время главным инженером. В. В. Бойцов сообщил мне некоторые тонкости взаимоотношений кадров на заводе, дал несколько дельных, практических советов. Завод этот старый, со своими традициями — на этом заводе впервые в России был сконструирован, изготовлен и собран самолет Сикорского²⁹. На заводе много старых кадровых, высококвалифицированных рабочих, но их мнение часто игнорируется руководством завода. В. В. Бойцов мне сказал буквально следующее: «Собери старых кадровых рабочих, их там около 450 человек, это почти 10% всех работающих на заводе, посоветуйся с ними. Они тебе будут большой опорой в том, чтобы наладить работу завода, ведь они истинные и неподдельные патриоты своего предприятия! Держи большой контакт с рабочими, никогда не давай их в обиду. Строго, но объективно спрашивай с руководящего состава завода, он тоже квалифицированный. Но в коллективе какой-то разлад, я надеюсь, уверен в том, что у тебя все получится хорошо». Таким образом, я был довольно обстоятельно проинформирован о состоянии дел на заводе. Понимал, что задача мне предстоит нелегкая, чтобы наладить нормально работу завода — выполнять план по всем технико-экономическим показателям. Откровенно говоря, я волновался, тревожился, как меня примут.

В соответствии с назначением издан приказ по заводу, и 22 июня я вступил в обязанности директора. Принял дела от бывшего директора, подписал акт и протокол. Ознакомливаюсь с руководящими кадрами завода, со структурой его цехов и отделов, технологическим процессом, со всеми службами и общественными организациями.

Главный инженер завода — Яночкин, о нем мне много наговорили нелестного еще в Москве — груб с подчиненными, неорганизован, в технологии самолетостроения разбирается плохо. После такой характеристики поневоле будешь относиться настороженно, предвзято. Сигаев — главный технолог завода, грамотен, настойчив, организован, не ладит с главным инженером, а подчас и игнорирует его. Явно претендует на должность главного инженера. Из первого знакомства видно, что он хитрый, напористый человек, его так характеризовали мне и в Москве. Парторг ЦК ВКП(б), он же секретарь парткома завода Стельмахович — представитель карьерных партий-

ных работников, в производстве ничего не понимает. Думаю, что он мне мешать не будет, ведь ему известно, что я пришел директором завода с партийной работы и разбираюсь в этих вопросах не хуже его...

Много пришлось потрудиться. Спустя четыре месяца, как мной был принят завод, план начали выполнять по валу и товару. Выпуск самолетов пошел строго по графику — 18—20 самолетов в месяц. Резко поправилось финансовое состояние предприятия. Завод начал в соревновании занимать первые места среди предприятий одиннадцатого главка МАПа, в районе и городе. ИТР, рабочие, служащие начали получать премию от 20 до 40% к квартальному заработку, жить стало веселее, радостнее. Общее настроение в коллективе поднялось, работа бошла полее живо, коллектив спаялся общей целью, почувствовал уверенность в своих способностях и силе.

В министерстве усиленно поговаривают о передаче с нашего завода производства Як-28 на Дальний Восток, в Семеновское. Там построен неплохой авиационный завод, но он не загружен. Нашему заводу предлагают производство боевого самолета Як-9 с Саратовского завода, а последнему поручают производство самолетов реактивных. Если так случится, то это и хорошо и плохо. Хорошо, что завод перейдет на более сложное производство, плохо то, что налаженное и отработанное производство Як-28 жалко оставлять. Работа завода налажена, времени свободного остается больше, чтобы работать над собой, хотя забот и трудностей по-прежнему очень много. Принимаю решение защитить диссертацию на звание кандидата технических наук. Избираю профиль: «Ремонт самолетов в системе ВВС».

Я приступил к сдаче экзаменов и сбору материалов для кандидатской диссертации. Нелегко сочетать работу и подготовку к защите. Трудно, но дела продвигаются параллельно: пишу диссертацию и сдаю экзамены.

Вопрос решен — мы передаем техническую документацию, инструмент, оснастку, существующий задел на производство Як-28 в Семеновское. Наш завод получает из Саратова оснастку, задел, инструмент и техническую документацию на производство самолета Як-9. Установлен срок: через три месяца мы должны начать выпуск самолетов. Саратовцы оказывают максимальную техническую помощь, командировать кадры в Ленинград для монтажа и оснастки агрегатов и сборки самолетов. Я еду с группой специалистов на саратовский завод, все знакомо, принимают хорошо, оказывают всяческую помощь.

По вопросу производства самолетов несколько раз был

в Москве в министерстве и в ОКБ А. С. Яковлева. Лично несколько раз встречался с ним по некоторым вопросам конструкции Як-9. Им придается особое значение, их отправляют в Китай, а оттуда во Вьетнам и Корею. Мы уложились в срок и вошли в график.

Как-то поздно вечером на квартиру ко мне позвонил зам. министра М. И. Хруничев, и я почувствовал, что произошло какое-то ЧП. Так и вышло. Он мне сказал: «Вам готовится большая неприятность. В Китае на самолете Як-9 ламается турель крупнокалиберного пулемета, китайцы заявили протест, поднялся большой шум. Прокуратура СССР ведет расследование на предмет привлечения к ответственности виновных. Представитель ОКБ А. С. Яковлев заявил, что конструктивный дефект исключается, может быть дефект производственно-технологический или же неправильная установка турели при эксплуатации». М. И. Хруничев дал мне поручение: срочно совместно с представителями военпреда, генерального конструктора и ответственным работником МАП провести испытание. Акт и протокол результатов испытания направить в министерство лично ему. Я после разговора с министром сразу же уехал на завод, тут же вызвал соответствующие службы и отделы завода для проверки технологии изготовления турелей и подготовки к проведению испытаний. Утром на завод прибыл ведущий конструктор от Яковлева инженер Шварц и ведущий инженер одиннадцатого главного управления МАП В. М. Винокуров. Рассмотрели все подготовленные материалы, и так как конструктивных и технологических дефектов не было обнаружено, решили провести проверку огнем.

К трем часам ночи был закончен отстрел, турель выдержала — победа, снятие угрозы быть привлеченным к ответственности за выпуск недоброкачественной военной продукции. Составлен акт и протокол — его подписали представители военной приемки, генерального конструктора, МАП и завода, в документах было указано, что поломка турели могла произойти только от неправильной ее установки китайцами эксплуатации. Рано утром я позвонил министру и сообщил о результатах испытаний. Он поблагодарил за оперативность и поздравил с благополучным исходом столь «щекотливого» дела. Для нас это был большой урок и предостережение, мы еще больше усилили контроль за качеством изготовления всех изделий и в целом самолета.

В Ленинграде мне работалось легко, творчески, интересно. Но в семье назревала беда: ленинградский сырой климат оказался неподходящим для Ирины и особенно Витасика — сын постоянно болел, таял на глазах. Врачи усиленно рекомендова-

ли смену климата. Жаль мне было расставаться с коллективом завода, с которым так дружно работалось, но тревога за близких заставила хлопотать о переводе. Предположительно — га Дальний Восток.

1950 год. Собираюсь в отпуск в Гагры, в это время позвонили из Главного управления МАП, сообщили, что возможен вариант моего переезда в Киев, рекомендуют туда заехать посмотреть завод и сообщить свое мнение. Отпуск с Ириной провели хорошо, погода стояла прекрасная и на Октябрьские праздники мы еще купались в Черном море. На обратном пути заезжаем в Киев. Посетил завод, познакомился с директором Мироновым. Он большой гурман, ничего не подозревает, с какой целью мое к нему посещение. Принимает хорошо, просто как коллегу.

Завод произвел на меня тяжелое впечатление. Территория не ограждена, проходная просто халупа, въездные ворота деревянные и перекошенные, на территории завода проживают посторонние лица, пасутся козы, коровы и быки. Производственные корпуса низкие и малоприспособленные для самолетостроения. Завод работает над выпуском самолета Ан-2 конструкции О. Антонова, вот уже прошло больше двух лет, как завод работает над этим самолетом, а не выпущено еще ни одной машины. Финансовое состояние завода очень тяжелое, в коллективе происходит какая-то групповщина.

Мне надо было крепко подумать, прежде чем давать согласие на такой завод и оставлять уже хорошо отлаженное предприятие. Но, оказывается, на меня уже были заготовлены все документы и Главк настаивает на том, чтобы я дал согласие сам и добился бы согласия на мой отпуск из Ленинграда. Горьком согласия на мой перевод в Киев не дает, «прорываюсь» к секретарю обкома ВКП(б) Ф. Р. Козлову. Встретил хорошо, уже как знакомого по совместному отдыху в санатории «Приморский». Убеждаю его, доказывают, что из Ленинграда я уезжаю из-за состояния здоровья сына и супруги, хотя мне и очень жалко покидать его. Козлов долго не дает согласия на мой отъезд из Ленинграда — при этом говорит, что они имели в виду использовать меня на партийной работе. Наконец получил его согласие, о чем сообщил в управление кадров МАП, там сказали: «Ждите решения».

Отметили 70-летие И. В. Сталина, руками заводских умельцев изготовили скромный подарок — макет самолета Як-9 и отравили его в Москву.

Наконец-то получен приказ министра авиационной промыш-

ленности от 17 апреля 1950 года о назначении меня директором завода № 473 в Киеве с освобождением от работы в Ленинграде.

В общей сложности в Киеве (на Украине) я проработал 22 года и 10 дней. Прошел путь в разных должностях от директора завода до первого секретаря ЦК КПУ. Был кандидатом Президиума и членом Политбюро ЦК КПСС в течение 10 лет. Избирался депутатом Верховного Совета СССР V, VI, VII, VIII созывов — в общей сложности был депутатом 16 лет. Был членом Президиума Верховного Совета.

Эти двадцать два года и десять дней работы в Киеве вплоть до моего вынужденного ухода в Москву на «ответственную» работу были годами самыми творческими и зрелыми, годами настоящей деятельности. Были успехи и неудачи, радости и огорчения, как всегда бывает в большой ответственной творческой работе. О работе в Киеве у меня остались самые теплые и хорошие воспоминания.

За 10 лет работы первым секретарем ЦК КПУ мне приходилось контактировать, встречаться, работать, беседовать со многими людьми, в том числе и с руководящим составом — партийными, хозяйственными, советскими кадрами, представителями науки и культуры, творческой интеллигенции. Многие мне хорошо известны, и я их лично знаю на всех ступенях и рангах. Многие меня лично знают и хорошо помнят до сих пор. Работали дружно, хорошо, и о каждом, с кем приходилось работать, могу сказать только хорошее. Исключением являются некоторые, и в первую очередь Щербицкий³⁰, Ватченко, Грушецкий. Это тупые, двуличные люди, подхалимы, льстецы и подлецы, могут любому встать ногой на горло, переступить труп, только чтобы преуспеть в карьере. Ума, способностей нет у таких типов. Вот они и пользуются для достижения своих целей гнусным арсеналом клеветы, лести, угодничества, беспринципности. После 1973 года у меня осталось тяжелое и горькое впечатление от творимых дел на Украине. Жалко, очень жалко было партийную организацию республики, народ Украины, что они находились под руководством таких тупиц, политических авантюристов, предающих интересы своего собственного народа. И все это творилось под руководством и вдохновлением «великого ленинца» — Брежнева³¹. Об этом история когда-нибудь скажет свое веское и правдивое слово. Обо всем этом мной будет сказано тоже более подробно, но позже.

А сейчас главная моя задача: наладить серийный выпуск самолетов Ан-2, развернуть строительство производственных и бытовых корпусов, благоустроить и оградить территорию. И еще — провести реконструкцию существующих помещений

и модернизацию оборудования. По-солидному начать строительство жилья и культурно-бытовых учреждений. Огромная задача стояла по сколачиванию здорового коллектива завода, наведение должного порядка в производственной и технологической дисциплине.

Надо было правильно подобрать и расставить руководящие кадры завода, ибо это решало успех дела. Надо было подготовиться к перебазировке и размещению на и без того скудных площадях завода и конструкторского бюро О. К. Антонова, которое сейчас находится не у дел в Новосибирске. Это далеко не полный перечень мероприятий, которые во что бы то ни стало надо осуществить, и как можно скорее, иначе без этого не будет создано настоящее производство.

А трудностей очень много, ведь прошло всего 5 лет после окончания войны, всего не хватало. Главная улица Киева Крещатик еще лежит в руинах. По существу, только начиналось восстановление разрушенного города. Большие трудности со строительным материалом, водой, электроэнергией, топливом, жильем, продуктами питания и товарами широкого потребления.

Через некоторое время из Ленинграда в Киев приехала Ирина с Витасиком, скудные наши пожитки вагоном отправили прямо на завод. Квартиры в Киеве нет и не предвидится скорое ее получение. На руках у меня охранный свидетельством № 005095 на квартиру, оставленную в Ленинграде, о том, что в Смоленском районе по Невскому проспекту в доме № 168 за мной сохраняется квартира № 45 из 3 комнат площадью 76,93 кв. м. Но бумага не квартира, и нужно произвести ее обмен, что представляет большие трудности. А тут еще выяснилось, что мой хороший знакомый летчик Мазуренко А. Е., дважды Герой Советского Союза, попросившийся у меня временно пожить в забронированной квартире, «по-тихому» выписал на нее ордер, и я, таким образом, остался «на-бобах». Мы разместились в сохранившейся гостинице на улице Ленина; занимаем «люкс» — две комнаты, балкон, все вроде бы хорошо, но гостиница есть гостиница, а отсюда все неудобства проживания с семьей.

Зато Ирина и Витасик почувствовали себя в Киеве гораздо лучше, погода стоит божественная — тепло, солнце, все в цвету, воздух после ленинградского просто упоительный — целебный. И от Бориса из Одессы, куда он переведен из Ленинграда в Одесское мореходное училище, идут утешительные вести — все, у него хорошо.

Окунулся в работу. Много нового, много сложностей. Все и всех надо было изучить, проверить на деле.

Значительно облегчила работу предприятия перебазировка

ОКБ О. К. Антонова в Киев. Стали более оперативно решаться конструктивные вопросы по самолету. Уменьшились потоки листов изменений, которые поступали сотнями — не успеешь изготовить деталь, узел, агрегат, как поступает конструктивное изменение, и приходится все коренным образом переделывать, исправлять, а то и совсем целыми узлами и агрегатами выбрасывать. Я лично познакомился с О. К. Антоновым, сконтактировал свою работу с его задачами. Я ему открыто заявил, что если мы общими усилиями в ближайшие 3—4 месяца не освоим производство самолетов, не поднимем в воздух хотя бы малую серию, то самолет Ан-2 постигнет печальная участь — его снимут с производства. Я такими данными доподлинно располагал, со мной не один раз об этом был разговор и я знал по этому вопросу отрицательное настроение в Министерстве авиационной промышленности СССР.

Общими усилиями завода и конструкторского бюро были разработаны конкретные организационно-технические мероприятия, установлен строгий контроль за качеством конструкции и изделий. Составлен совмещенный график изготовления деталей, узлов, агрегатов и сборки самолетов. Уже в октябре 1950 года первая серия в 5 самолетов была изготовлена, облетана и предъявлена заказчику — военному представителю. Это была первая победа коллектива завода и ОКБ. Появилась уверенность в наших способностях выполнять планы и задания. К январю 1951 года завод уже выполнил план IV квартала 1950 года, а с начала 1951 года начал работать уверенно, ритмично, ежемесячно выпуская по 25—30 самолетов. О заводе в самом хорошем плане пошел разговор в городе, министерстве, начали получать классные места и премии. Самолет Ан-2 становится популярной машиной в народном хозяйстве. Высокую оценку машина получает от полярных летчиков. Мы разработали вариант самолета для сельскохозяйственных работ, и это привлекло к нему особое внимание.

В 1952 году завод стал передовым предприятием города. По министерству занимаем первые и вторые места ежеквартально, получаем знамена, денежные вознаграждения. Авторитет и значение завода выросли и укрепились. Кроме самолетов, изготавливаем товары широкого потребления: кровати-раскладушки, увеличительные линзы для телевизоров, алюминиевую посуду, большое количество запасных частей для тракторов и сельскохозяйственных машин.

В Киеве у меня нет ни знакомого, ни тем более близкого человека, имеющего какое-то определенное общеизвестное влияние. Поэтому мне трудно было решать многие вопросы, связанные с работой и расширением завода. Возникали даже

некоторые конфликты с местными районными и городскими властями: то отключат воду, электроэнергию, газ, и каждый раз приходилось вступать в конфликт, то откажут в фондах на строительный материал — шлакоблоки и кирпич. Когда узнали мой настойчивый характер и критические выступления, началось поменьше притеснений. Несмотря на то, что я в городе «новичок», в 1952 году меня избирают депутатом городского Совета, членом пленума Октябрьского райкома партии, членом пленума и членом бюро горкома партии. Я поближе познакомился с активом города, и мне стало намного легче решать все вопросы, связанные с работой и строительством на заводе. Я был избран и делегатом на XIX съезд КП(б)У.

Спустя почти два года, как я переехал в Киев, наконец-то решился вопрос с квартирой директору завода. Благоустроиваем квартиру, казалось бы, все идет хорошо и налаживается, но снова сильно заболел Витасик — врачи не могут установить диагноз, в школу из-за болезни он не ходит, занимается дома, и довольно успешно. Ирина полностью поглощена заботами о Витасике, она его очень любит, и он ее тоже и привязан к ней как к родной матери.

С продуктами питания сложно, в магазинах все по карточкам, на рынке дорого, вот и ездим на рынки в села и районные центры Киевской области: Тарашу, Богуслав, Брусилов, Козилец, Жидовскую Греблю, да ездили и в другие села Житомирской и Черниговской областей. Автомашин были свои собственные, так что в любое время можно было поехать и закупить продукты все же по сносной цене — гораздо дешевле, чем в Киеве.

Витасику установили диагноз — чуть ли не туберкулез легких и желез. Рекомендуют попробовать в его рацион питания собачий жир — купили щенка, специально откармливали, но затем отказались от этой «рекомендации». Щенка на автомашине отправляем в то же село, где мы его купили у мальчишек и возвращаем им, они удивляются нашему «чужачеству» и предлагают нам купить еще двух щенят.

Начались тревоги — пригласили меня к первому секретарю ЦК КП(б)У тов. Мельнику — предлагают мне должность председателя Госплана Украины. Для меня это неожиданно, да и не подготовлен я к этому. Отказываюсь, все равно посылают в Москву в ЦК ВКП(б) для беседы. Еду в Москву, отказываюсь от этой должности и в ЦК ВКП(б), возвращаюсь в Киев. На меня в ЦК КП(б)У смотрят «косо» — думают, что же ему нужно? А мне ничего не нужно — я люблю завод, людей на нем, настоящую трудную самостоятельную работу.

Через некоторое время снова приглашают меня в ЦК КП(б)У, на сей раз предлагают должность первого заместителя министра мебельной промышленности Украины — это уже совсем ни в тын, ни в ворота, наотрез, даже грубо отказываюсь от предложенной «высокой» должности — прошу не тревожить меня: я своей работой доволен, менять ее ни на какие «чины» не собираюсь. На сей раз, кажется, «отстали», оставили меня в покое.

Еще с большей энергией погружаюсь в сложные и многообразные вопросы работы предприятия. Программа выпуска самолетов Ан-2 значительно растет — самолет все больше и больше завоевывает популярность. В 1953 году заводу предстоит выпустить 450 самолетов разных модификаций и назначений. О. К. Антонов как главный конструктор просто воспрял, вырос, к моим советам и рекомендациям прислушивается. Для него инженерный и производственные корпуса закончены. За конструкцию и серийный выпуск самолета Ан-2 группа рабочих и ИТР представлена к Сталинской премии, в том числе и я. ЦК КП(б)У и МАП поддерживают.

А тут снова пошли запросы, выяснения, заполнение анкет, ответы на вопросы по родословной, вплоть до «прадедушки и прабабушки» — писанина автобиографий, характеристик, начиная от первичной партийной организации, райкома, горкома и обкома партии. Все это настораживает — мне так не хочется уходить с завода. Мое мнение, что тут, на заводе настоящая жизнь. Ведь я уже проработал только на производстве больше 25 лет. Люблю не легкую, но творческую заводскую работу, тут жизнь бьет ключом, видишь реальные результаты своего труда. На меня составлена характеристика и биографическая справка, которые легли в основу всех характеризующих меня документов по переезду в Киев.

Характеристика

директора завода № 473 тов. Шелеста П. Е.

Тов. Шелест Петр Ефимович, 1908 г. рождения, член ВКП(б) с 1928 г., по специальности инженер-механик. С 1935 года, после окончания института, тов. Шелест, работая на руководящей хозяйственной и партийной работе, самоотверженно выполнял возложенные на него задачи. До перевода его в г. Киев тов. Шелест работал в Ленинграде директором завода МАП. Будучи назначен Министерством авиационной промышленности директором завода № 473, с полной энергией и настойчивостью взялся за порученное дело и вывел завод из прорыва в число передовых предприятий города. Заводу неоднократно присуждаются переходящие Красные знамена горкома КП(б)У

и горисполкома, а также райкома и райисполкома. Отдавая все силы и опыт, тов. Шелест за несколько месяцев сумел выправить работу завода, и начиная с августа 1950 года завод из месяца в месяц выполняет и перевыполняет государственные задания. Тов. Шелест свой богатый опыт руководящей работы сочетал с разрешением ряда сложных технических вопросов. За период пребывания на заводе им проведена большая работа по организации серийного производства изделий Ан-2 и модификаций этого изделия. Его умелая требовательность к себе и своим подчиненным спаяла крепкий коллектив завода, борющийся за выполнение производственной программы. Среди коллектива завода пользуется заслуженным авторитетом. Тов. Шелест является депутатом городского Совета трудящихся, членом бюро горкома КП(б)У, членом пленума райкома, членом бюро парткома завода. Принимает активное участие в политической жизни завода, района, города. Руководит семинаром экономики промышленности СССР. Политически грамотен, идеологически выдержан, предан великому делу партии Ленина — Сталина.

Секретарь Октябрьского райкома КП(б)У П. Ильин. 18/XI-52 г.

По жизненному опыту и прошлой работе в партийных органах я знал, что не зря накапливают такие материалы. Меня успокаивали, что все это делается для создания резервов руководящих кадров, поэтому я уверенно и спокойно продолжал работать на заводе.

Как всегда, в нашем «научно-плановом» хозяйстве часто допускается неразбериха — чехарда, которая обходится в сотни миллионов рублей народных денег, но кого это интересует?

Только мы наладили серийное производство Ан-2, так крайне нужно для народного хозяйства, поступила срочная команда: «Завод подготовить к выполнению более серьезного производства, поэтому производство самолетов Ан-2 на заводе прекратить, всю оснастку, инструмент, техническую документацию, чертежи и заделы законсервировать и хранить на заводе до особого распоряжения». В течение недели все стапеля, оснастку, техническую документацию упаковали и сдали для хранения. Больше трех тысяч человек остались не у дел, слоняются по заводу, кое-какая часть используется на подсобных, дворовых, строительных работах, каждому из них идет средняя зарплата. Наконец от министерства получил указание — срочно забрать чертежи, техническую документацию на производство на нашем заводе фюзеляжа и других агрегатов для самолета Ил-18. На завод прибыла группа конструкторов и технологов от генерального конструктора С. В. Ильюшина. В срочном порядке изготовляем стапель, оснастку, инструмент, организовываем цех.

О. К. Антонов совсем растерялся, приуныл. Он потерял единственный серийный завод, а что такое конструктор без серийного завода? Это в лучшем случае «работа на полку». Я строго приказал беречь всю оснастку и заделы по Ан-2. Хотя и лестно было то, что заводу дают более серьезное задание, и это, безусловно, сулит новый технический рост предприятия, но «перспектива» остаться агрегатным заводом не радовала. Приказ есть приказ, и прошло всего два месяца, как на местах были установлены сборочные стапеля, изготовлена оснастка, смонтировано новое технологическое оборудование, в том числе в целом фюзеляжа Ил-18 в варианте для ВВС.

Только начали налаживать серийное производство, как поступила новая команда: «Прекратить производство агрегатов Ил-18, восстановить на заводе производство самолетов Ан-2». Легко сказать «восстановить». Потребовалось еще три месяца для восстановления, итак, потрачено около 6 месяцев на перестройку. За это время ничего на заводе не производилось, кроме товаров народного потребления и запасных частей к сельхозмашинам. С большим желанием мы возвратились к восстановлению производства самолетов Ан-2, скоро вошли в ритмичную работу. Антонов ожил, воскрес, даже стал более сговорчив. Его бюро работает над конструкцией двухмоторной машины Ан-24, Ан-10, Ан-12, вынашиваются идеи об «Антее». Модернизируем Ан-2 в разных вариантах: арктическом, десантном, сельскохозяйственном, пассажирском, тропическом. Машина вышла на международную арену, а о ней отличные отзывы.

1953 год. В печати, по радио все тревожнее звучат бюллетени о состоянии здоровья И. В. Сталина. Мировая общественность пристально следит за сообщениями нашей печати и радио. Народ и партия нашей страны с тревогой и горечью встречают вести о состоянии здоровья И. В. Сталина. Хотелось быть оптимистом: кризис миновал, и он будет жить. Кажется, немислима жизнь нашего общества без Сталина, он подлинный соратник В. И. Ленина, он всегда основывал свою деятельность на ленинском учении и считал по праву себя учеником Ленина. По-настоящему преданный ленинец, принципиальный и требовательный к себе и своим соратникам, руководитель партии и государства. Скромный в быту, немногословный, опытный в политике и хозяйственных делах. Авторитет, а не «культ», как его сделали впоследствии. Гражданская война, восстановительный период хозяйства страны, первые пятилетки, трудное и сложное время коллективизации сельского хозяйства — первое и решительное претворение в жизнь аграрной ленинской политики. Победы в Великой Отечественной войне и восстановительный

период нашего народного хозяйства — все это и много другое связано с ленинской Коммунистической партией, с именем И. В. Сталина. Горько, страшно было сознавать, что Сталина может не быть вместе с нами — народом, партией.

Мне тогда еще не было известно (это стало известно гораздо позже из уст Н. С. Хрущева), что когда И. В. Сталин в своей московской загородной даче лежал уже смертельно больной, тогда еще при живом Сталине, его «соратники» вели интриги в борьбе за власть. При этом эти «соратники» в одиночку и группами заискивающе спрашивали о состоянии здоровья Иосифа Виссарионовича у дежуривших врачей. С тревогой посматривали на дверь комнаты, где лежал Сталин, и каждый из них думал: «А что, если сейчас оттуда выйдет Сталин? Он ведь сразу наведет порядок». Какая же грязная штука эта «большая политика»! Страна, партия, народ сами по себе переживают искреннее горе, а в верхах «соратники», каждый в отдельности и группами, рвутся к власти — делят ее при живом руководителе, и в этом их главная цель.

Газеты, радио оповестили о смерти И. В. Сталина, и это был действительно всенародный, горький до слез траур. По заданию горкома КП(б)У я совместно с парткомом провел траурный митинг на заводе. Выступить мне было очень тяжело, многие присутствующие буквально плакали навзрыд. У всех на устах был один вопрос: а что же будет дальше? Да, действительно, вопрос серьезный, что будет? Нам говорили, что есть партия, ленинский ЦК — все это так. Но ушел руководитель — авторитет партии, народа, с которым мы жили 30 лет, при этом воспиталось целое поколение. Из истории известно, что меняется и политический курс. Тем более это было тревожно в масштабе нашего огромного государства.

У меня появилось неудержимое желание поехать в Москву и проститься с И. В. Сталиным — отдать ему свой сыновний последний долг. Из Киева в Москву летел спецсамолет с венком и цветами для И. В. Сталина от ЦК КП(б)У, Совмина и Президиума Верховного Совета Украины. Я попросил разрешения, и мы с Ириной полетели этим самолетом в Москву с венком от коллектива завода.

Гроб с телом И. В. Сталина был установлен в Колонном зале Дома Союзов. Что творилось в Москве — представить и вообразить невозможно, не будучи очевидцем. Все улицы, проходные дворы, подворотни были перекрыты, оцеплены войсками и милицией. На улицах сотни тысяч людей, улицы перекрыты в три-четыре ряда грузовыми машинами, шеренгами солдат, работниками органов и милиции. Доступ к гробу

И. В. Сталина был только по специальным пропускам и организованными колоннами. Напор людской массы невероятный, имеются сотни жертв.

Пользуясь удостоверением директора завода и члена бюро горкома КП(б)У, мне вместе с Ириной удалось все же пройти в Колонный зал, пройти у гроба И. В. Сталина и проститься с ним. Я видел, как там плакал народ, и это была особенная торжественная и гнетущая грусть. Видел и многих тех, кто стоял в «почетном» карауле — еще окончательно не разделили «власть» между собой, но они стояли уже смиренно, спокойно: ведь Сталин уже мертв, опасности для них никакой. Все, что мне пришлось увидеть в это время в Москве при прощании со Сталиным, на меня произвело тяжелое впечатление, и до конца своих дней я этого забыть не могу. Мне тяжело было, но я остался доволен, что отдал последний долг такому великому человеку, каковым был И. В. Сталин.

По приезде в Киев я в своем коллективе и близким своим друзьям и товарищам рассказал, что я видел в Москве. Будем ждать, что будет дальше.

В Москве в связи с новым руководством происходит пертурбация — реорганизуются, ликвидируются, объединяются и создаются министерства. Создано Министерство оборонной промышленности, в него влилось и Министерство авиационной промышленности. Это вызвало недовольство среди работников авиационной промышленности, и в первую очередь эти недовольства относятся в адрес Н. С. Хрущева, и вообще это имя у коренных москвичей мало котируется. На самом деле объединили «пушкарей с самолетчиками». По всему видно, что это было сделано не совсем разумно. Ведь ровно через год Министерство авиационной промышленности было восстановлено, и министром стал П. В. Дементьев.

По-прежнему Витасик болеет, в школу не ходит — занимается дома по школьной программе, на дом приходят учителя проверить уроки и поставить отметки в дневнике. По всем предметам у Витасика одни пятерки, учителя поражаются его способностям. Ирина поглощена уходом за Витасиком и контролем за его занятиями. Каждый год на весну и лето снимаем дачу то в Буче, то Пуховке, то Звонковом и других местах — все из-за болезни Витасика. Дороги плохие, приходится на дачу ездить один-два раза в неделю, и то, чтобы подвезти продукты питания. Как-то на даче в Звонковом отмечали 18-летие Бори — он приехал в отпуск. Всполошили весь поселок — вечером выстрелили 18 раз из разноцветных ракет — по числу лет именинника. Все это придумал В. И. Лукьянов, начальник проектно-испыта-

тельной станции завода, который последовал за мной из Ленинграда.

В конце марта 1953 года на сессии городского Совета меня совершенно неожиданно избрали первым заместителем председателя городского Совета. До этого со мной никто не вел никаких разговоров, все это было сделано явочным порядком, знали, что я буду возражать, поэтому так и было сделано. Многие меня поздравляли, а у нас дома просто был «черный траур»: я не хотел уходить с завода, Ирина просто плакала. Позвонил в министерство, оттуда сообщили, что с ними никто по этому вопросу не вел разговора. И все же был издан приказ, за подписью Д. Ф. Устинова об освобождении меня от обязанностей директора завода № 473 «в связи с переходом на другую работу».

На запрос министерства я ответил, что никому не давал согласия о переходе на другую работу. Завод сдавать не буду, добиваюсь у местных партийных властей пересмотра решения и прошу оставить меня на заводе. На месте же настаивали, чтобы я окончательно приступил к работе в горсовете. И началось... Утром рано еду на завод, обхожу цеха, провожу оперативные и технические совещания. К 12 часам — в Горсовет, до 3—4 часов работаю там. Доклады референтов, подписи бумаг, прием посетителей. Вечером снова на завод — и так продолжалось больше двух месяцев. По Горсовету курирую всю промышленность, строительство, транспорт и административные органы города. Объем работы огромный, но он мне не по душе. Я не стремлюсь на «выдвижение», хотя многие мне завидуют и поздравляют. В конце концов я добился отмены решения местных органов, меня освобождают от обязанностей заместителя предгорсовета. Секретарь горкома КП(б)У и председатель горисполкома Давыдов смотрят на меня «косо» — уговаривают остаться с «перспективой». Но я стоял на своем.

Ирина по рекомендации врачей с Витасиком уехала к морю, в Гагры. Остановились они на частной квартире у «дяди Олико» — пишут, что устроились неплохо. Я купил новую «Победу», заплатил за нее 16 тысяч рублей. Я зарабатываю в год премиями 15—16 тысяч рублей. Сам за рулем поехал на юг отдохнуть и повидать Ирину и Витасика. Вместе провели хорошо время и возвратились домой. Витасик окреп, поздоровел, даже немного загорел, купался в море очень много. Бывало, нельзя было вытащить его из воды, тогда Ирина пошла на «хитрость», пугала его «турецким катером» — он пулей вылетал из воды.

На исходе 1953 год — завод неплохо справляется со всеми технико-экономическими показателями и по государственному плану. За год выпущено 350 самолетов Ан-2. На заводе организована служба эксплуатации и ремонта (ОЭР). Начальник ее Семен Добкин очень энергичный и деятельный человек. Второй, Арон Добкин, младший брат Семена, главный диспетчер производственного отдела завода, тоже очень энергичный, знающий свое дело и такой же деятельный. На заводе немало работает ИТР, служащих рабочих-евреев, никому из них не могу предъявить никаких претензий, работают честно, добросовестно, грамотно, со знанием дела и долга: Между собой дружны и спаяны — так ведь в этом нет людского порока. Кое-кто это принимает за проявление «сионизма» — это неразумно, больше того — даже глупо. А почему бы каждой нации в отдельности и всем вместе не быть спаянными в единую семью? Ведь не в нации дело, а в отношении к работе, ответственности за порученное дело! Коллектив завода многонациональный: русские, украинцы, белорусы, евреи, грузины, армяне, татары, и я рад, что вместе с парткомом нам удалось сплотить коллектив многонациональный в единую семью.

Среди простого трудового народа национальности никогда не придавали какого-то особого значения. Рознь и вражду между нациями и вероисповеданиями выдумывали служители религиозных культов, а позже — политиканы и ретивые идеологи.

На путях к вершинам политической власти.

«От директора завода до первого секретаря КПУ»

В начале февраля 1954 года меня пригласили в ЦК КП(б)У, затем в обком партии. Речь шла о том, чтобы мне перейти на партийную работу вторым секретарем Киевского горкома КП(б)У. Первым секретарем ЦК КП(б)У был в то время А. И., Кириченко, вторым Н. В. Подгорный. Первым секретарем обкома партии был Гришко Г. Е., а первым секретарем горкома был М. С. Синица. При разговоре в ЦК и обкоме я не давал согласия о переходе на партийную работу, мне страшно не хотелось уходить с завода, с инженерно-хозяйственной работы. Все мои доводы были парированы тем, что я, имея партийный и хозяйственный опыт работы, будучи уже членом бюро горкома КП(б)У, принесу больше пользы на партийной работе. В заключение беседы мне сказали, что мой переход на партийную работу уже согласован с ЦК ВКП(б) и министерством.

10 февраля 1954 года на городской партийной конференции я был избран вторым секретарем Киевского горкома КП(б)У. Конференция проходила в зале Верховного Совета Украины. Меня поздравляли с избранием, но я был в каком-то состоянии угнетения. Все было сделано против моей воли, желания и стремления. Но на сей раз сделать уже было ничего нельзя — закон партийной дисциплины — надо было приступать к работе. Объем работы огромен, но до некоторой степени мне уже знакомый. Надо было опекать всю промышленность, строительство, транспорт, административные органы, на мне были все организационные вопросы.

20 февраля был издан приказ о моем освобождении от обязанностей директора завода. Подписал его министр авиационной промышленности П. В. Дементьев. Авиационная промышленность снова выделилась в самостоятельную отрасль — этого надо было и ожидать, ведь здесь своя техническая специфика и традиция, а в общем объеме работы оборонной промышленности все это можно было растерять.

Передал я завод новому директору Степанченко В. А.,

с большой горечью простился с коллективом завода. В горьком все же своя и своеобразная специфика работы. На первых порах было нелегко привыкать, много разговоров, советов, совещаний, заседаний, а дела не видно.

По роду своей работы мне много приходилось бывать на заводах, стройках, железнодорожном и водном транспорте. И не скрою, много для меня было новым и интересным, и все новое и интересное я с большой жадностью изучал, познавал. Установились хорошие деловые, принципиальные контакты с райкомами партии города Киева, с обкомом и ЦК КП(б)У. С моим хозяйственно-инженерным и партийным опытом считались. Кое-что нового внес я в работу и стиль ее. Взаимоотношения с заведующими отделами горькома партии установились хорошие, говорили, что подтянулась и стала строже дисциплина, проверка исполнения. Говорили также, что в моей работе имеются элементы «директорских замашек» — может быть, это и так, но я видел, что это общему делу не вредит, а играть в ложную демократию — значит, вредить истинному делу. Постепенно привыкаю к своему новому положению.

Осенью 1954 года на Пленуме ЦК КП(б)У Иващенко Ольга Ильинична была избрана секретарем ЦК. Через несколько дней меня пригласили в ЦК КП(б)У и сообщили, что меня на пленуме обком партии будут избирать вторым секретарем обкома. Итак, я второй секретарь обкома — тут я тоже должен буду заниматься всей промышленностью, строительством, транспортом, административными органами и, конечно же, всей организационной и кадровой работой, но уже в масштабах области. Расположена промышленность и строительство в основном в Киеве и в городах области: Фастове, Белой Церкви, Богуславе, Иванкове, Борисполе. Промышленность обычно разнообразная: самолетостроение, станкостроение, редуктивное производство, химическое машиностроение, судостроение, вагоностроение, заводы радиоаппаратуры и точных приборов, производство ракет, комбинат искусственного волокна, два шелковых комбината, крупный химический завод по производству специальных продуктов, завод по производству запасных частей к двигателям внутреннего сгорания и сельхозмашинам, три авторемонтных завода, завод по производству сельхозмашин и ряд других предприятий. Кроме того, большие строительные комбинаты гражданского, промышленного и специального строительства, два крупных мостостроительных отряда и метростроевская организация. Усиленно начали отстраивать разрушенный Крещатик, закладываемые новые жилые массивы. Через Днепр заканчиваем строительство первого в Союзе цельносвар-

ного автомобильного моста. Назвали его мостом имени Патона. По этому мосту пустили и трамвай в район Дарницы. Началось строительство крупной ТЭЦ в Дарнице, которая будет обеспечивать теплом значительную часть Киева. Ведется строительство нового водовода с забором воды из Десны. Объем работы в промышленности, строительстве и транспорте с каждым годом все больше и больше возрастает, и дела идут сравнительно неплохо.

Если работа промышленности, строительства, транспорта столичной области находится на таком уровне, что многие вопросы ставятся в пример по республике, хотя и было много недостатков и недоделок, то в части сельского хозяйства Киевская область много лет подряд подвергалась жесточайшей критике за крайне низкие показатели сельскохозяйственного производства. Урожай зерновых составлял 13—14 центнеров с гектара, продуктивность животноводства на низком уровне, удой на корову составлял 650—700 литров молока в год. Культура земледелия оставляет желать лучшего. Дисциплина среди сельских секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, хозяйственников и специалистов сельского хозяйства низка, много вранья, искусного обмана, обещаниям нет конца. Первый секретарь обкома КП(б)У Г. Е. Гришко, хороший человек, честный коммунист, агроном по специальности, по своему характеру не может строго потребовать, хотя и много шумит, но к его шуму и слабости в требовательности привыкли. На всех совещаниях, заседаниях, пленумах ЦК КП(б)У Киевская область за сельское хозяйство жестоко критикуется, и в первую очередь достается Гришко. Он теряется, а помощи разумной, товарищеской ни от кого не получает, одни окрики и угрозы.

Я искренне уважал Г. Е. Гришко как человека, честного коммуниста, и мне его было очень жалко. Многие члены бюро обкома к Гришко относились двурушнически — в глаза поют дифирамбы, а за глаза, в частности, на совещании у Кириченко, поносят его и говорят о негодном его стиле руководства областной партийной организацией. Гришко об этом заседании в ЦК стало известно. Он еще больше растерялся, стал пить, совсем слег и болел около двух лет. Я его часто навещал, информировал о делах в области, советовался по ряду вопросов, так как выполнял сейчас работу за первого секретаря обкома.

Нелегко мне было, тем более что большим вопросом теперь у меня было сельское хозяйство. Бюро обкома приняло ряд решений, направленных на оказание шефской помощи промышленными предприятиями селу. Это в значительной степени оказало свое влияние на наведение порядка и дисциплины. Были решительно и требовательно поставлены вопросы перед ЦК

и Совмином республики о существенной помощи сельскому хозяйству столичной области. Обком предъявил более жесткие требования к руководителям районов, директорам совхозов, председателям колхозов и специалистам сельского хозяйства. Был остро поднят вопрос о резком улучшении общей культуры земледелия и продуктивности животноводства. В области были хозяйства, на которые можно и нужно было равняться, но этот фактор не использовался. Через некоторое время дела начали поправляться, но еще далеко было до передовых показателей.

Выздоровел Гришко Г. Е., вышел на работу, мне стало несколько легче. Но, видя всю «кухню» партийной работы, я все чаще подумывал о своем возврате в промышленность. Не один раз я по этому вопросу имел разговор с Гришко, но он и слушать об этом не хотел.

После XX съезда партии по всей стране начался процесс реабилитации. С апреля 1956 года я начал работать председателем Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по Киевской и Винницкой областям. Мне выдали соответствующее удостоверение за подписью К. Е. Ворошилова³³.

Этот документ у меня хранится как историческая память. В присланной инструкции изложено содержание работы комиссии, права председателя комиссии, сроки и порядок информации Верховного Совета о ее работе. Решение комиссии окончательное, утверждено или пересмотру никакими инстанциями не подлежит. После реабилитации комиссией заключенный подлежит немедленному освобождению, председатель комиссии несет персональную ответственность за принятое решение. В составе комиссии три человека — своеобразная «тройка» — только другого назначения. Председатель комиссии имеет два голоса, никому не подотчетен, кроме Президиума Верховного Совета СССР. В его деятельности ему обязаны всячески содействовать все административные, прокурорские и судебные органы и администрация мест заключения. Один раз в неделю должна быть отчетность перед Верховным Советом, где докладывается, сколько рассмотрено дел осужденных, из них освобождено по категориям судимости: политическим, должностным, уголовным преступлениям. Скольким сокращен срок судимости и на сколько лет, скольким отказано в освобождении или сокращении срока в заключении и по каким мотивам. Такая форма отчетности относилась и к рассмотрению дел по несовершеннолетним, находящимся в заключении или колониях.

К работе комиссия приступила 15 апреля, а закончить надо было до 1 октября. Все дела мы были обязаны рассмотреть в местах заключения с обязательным ознакомлением дела на

заклученного и личной беседы с каждым в отдельности. На комиссии могли по требованию последней присутствовать ответственные представители прокуратуры и администрации мест заключения. Ни одна жалоба, обращение или запрос к комиссии не должны были остаться без рассмотрения и ответа. Два других члена комиссии назначались Президиумом Верховного Совета республики. Ими стали Боришполец Н. Н., заместитель председателя Киевского облисполкома, и полковник МВД, ведающий местами заключения, фамилию уже не помню.

10 апреля я провел первое организационное заседание комиссии, на котором были заслушаны сообщения представителей МВД, суда и прокуратуры Киевской и Винницкой областей. Было доложено, сколько человек находится в заключении, в тюрьмах, лагерях, в том числе в лагерях особого режима, количество и мест заключения и число заключенных по категориям: политическим, религиозным убеждениям, служебным и хозяйственным преступлениям, уголовников, по возрастному составу и полу. Такие же сведения были комиссии доложены и по малолетним. Уточнили, что всего по обеим областям в местах заключения находится около 200 тысяч человек.

Работа предстоит огромная, да если еще учесть, что при этом надо не упустить свою основную работу, то получается нагрузка невероятная. Чтобы уложиться в установленный срок, надо было комиссии в день рассматривать 35—40 дел. Это, безусловно, много, ведь надо было досконально, по существу разобраться с каждым делом, побеседовать с человеком, выяснить все обстоятельства. Приходилось иногда работать в сутки по 15—16 часов — это была очень утомительная и изнурительная работа. Ведь каждый человек проходил перед нами живой, и его дальнейшая судьба зависела от решения комиссии. А за этим человеком семья, дети, жена, престарелые родители. Отец, мать, невеста, любимый человек. Каждый раз при беседе заключенный на тебя смотрит умоляющими глазами, с большой надеждой на освобождение или хотя бы сокращение срока заключения.

Мне пришлось побывать во всех местах заключения, в тюрьмах, общих камерах и одиночках, в лагерях особого режима и в детских трудовых колониях. Подробно знакомиться с условиями содержания заключенных, их питания, общим режимом, трудовым и политическим воспитанием. Беседовать с заключенными и выяснять все обстоятельства в присутствии прокурора и администрации мест заключения. Несмотря на то, что комиссия проводит гуманную миссию освобождения людей из тюрем и лагерей, все же проводить это было тяжело. Ведь судьбы

людей разные, многие из них были осуждены несправедливо и просто ни за что. Чувствовалось, что часто наше «правосудие» было под определенным влиянием и выносило приговоры по принципу: «Совсем не обязательно иметь доказательства. Винават каждый, невиновных нет». Поэтому еще тяжелее было рассматривать такие и им подобные дела.

В установленный срок комиссия не смогла рассмотреть всех дел, и Президиум Верховного Совета СССР продлил полномочия комиссии еще на три месяца. За 8 месяцев работы комиссия рассмотрела 150 350 дел, из них 8500 человек были освобождены немедленно, остальным сокращен срок заключения.

Лично для меня время работы комиссии оказалось большой школой жизни, моральной закалки и анализа происходящего в человеческом обществе. Некоторые факты рассмотрения дел по своему вопиющему нарушению элементарной законности и прав граждан запомнились мне на всю жизнь. Я для себя вел записи — фамилия, имя, отчество, год рождения, специальность, откуда родом, за что судим и на сколько и решение комиссии. Записи эти у меня в четырех общих тетрадях сохранились, и было бы очень интересно и любопытно посмотреть эти записи, а тем более узнать судьбу всех освобожденных по рассмотренным делам.

Каждому освобожденному из мест заключения комиссия выдавала документ, который служил основанием для реабилитации.

Мной был подписан окончательный отчет в Президиум Верховного Совета СССР о проделанной комиссией работе, и она прекратила свое существование. Удостоверение Президиума Верховного Совета СССР осталось у меня, как документ и свидетельство о том, что под моим председательством тысячи людей разных возрастов, пола, национальности, политических убеждений и религиозных взглядов, были освобождены из мест заключения. Это было время, когда к власти пришел Н. С. Хрущев, и наступило настоящее восстановление демократии, исправление законодательства, борьба с вольностями в действиях административных органов.

После этого много пришлось решать вопросов, связанных с нарушением законности, наказывать в партийном порядке, вплоть до исключения из партии и предания суду бывших работников КГБ, МВД, прокуратуры, суда и следственных органов за грубое нарушение законности, превышение власти, ущемление прав человека. Но не всегда эти люди были виновны, их к этим действиям понуждали. Такова была наша порочная система.

Гришко Г. Е. снова серьезно заболел — расстройство цен-

тральной нервной системы и недостаточная сердечная деятельность. «Умеют» у нас доводить работников до катастрофического состояния. И все делается под предлогом «повышения требовательности за порученное дело». Видно, при таком состоянии здоровья Гришко долго не проживет.

На меня снова свалился весь огромный объем работы за двоих. Через три месяца Григорий Елисеевич умер. Говорили хорошие надгробные речи. Некролог, фотография покойного, соболезнования и подписи «ответственных руководителей» под некрологом. А кому все это теперь нужно? Между тем как человек при нормальном к нему отношении мог еще долго жить и работать многие годы. Ведь он ушел из жизни в 52 года. Мне его было очень жалко. Был он хорошим, душевным и до кристалльности честным человеком.

Я исполняю обязанности первого секретаря обкома КП(б)У и с нетерпением жду назначения нового первого секретаря обкома в надежде и на то, что мне, может быть, все же удастся при новом руководстве уйти на хозяйственно-инженерную работу на предприятие. Но вопрос с первым секретарем затянулся, и мне пришлось исполнять обязанности первого секретаря областного комитета партии еще больше года. Трудно мне было, тем более при такой неопределенности, хотя я сам даже в помыслах не претендовал на первую роль.

В конце января 1957 года меня пригласили в ЦК КП(б)У — присутствуют: первый секретарь ЦК А. И. Кириченко, Н. Т. Кальченко — предсовмина республики, Коротченко Д. С. — председатель Президиума Верховного Совета УССР и второй секретарь ЦК КП(б)У Н. В. Подгорный. Мне объявили, что ЦК КП(б)У рекомендует пленуму Киевского обкома партии избрать меня первым секретарем обкома. Тут же, очевидно, полшутя мне был задан вопрос: «Как вы думаете, пленум поддержит вас?» Я ответил: «Вам, очевидно, об этом лучше известно, если вы, ЦК рекомендуете. Но дело не в этом, — продолжал я, — область в сельскохозяйственном отношении отсталая, и мне кажется, что первым секретарем обкома должен быть специалист сельского хозяйства. Я работаю вторым секретарем, и если мне ЦК доверяет, то я останусь работать и буду всячески помогать тому, кого ЦК утвердит первым секретарем». Последовал ответ Кириченко: «Мы не скроем, что об этом думали, и все же пришли к заключению, что в составе пленума и бюро обкома немало специалистов сельского хозяйства, и их надо умело использовать и направлять их работу. Мы считаем, что вы свой хозяйственный опыт работы в промышленности сумеете перенести на работу в сельском хозяйстве.

А сейчас главное — партийно-организационная работа. У вас этот опыт тоже имеется. Надеемся, что у вас дела пойдут хорошо. Мы всячески будем помогать». Я снова просил этого не делать, ссылаясь на свою недостаточную подготовленность в области сельскохозяйственного производства и его специфики. Ответ был таков: «Этот вопрос нами решен и уже согласован с Москвой».

Через день после беседы в ЦК 1 февраля 1957 года на пленуме обкома партии я был избран первым секретарем.

В 45 лет я пришел работать вторым секретарем обкома, и вот почти через четыре года, в 49 лет, меня избирают первым секретарем обкома. За плечами уже солидный возраст, жизненный опыт и практика инженерной, хозяйственной и партийно-организационной работы, но и ответственность большая, огромный участок работы, тем более, если к нему подойти творчески, чтобы добиться изменения к лучшему.

Рассуждая сам с собой о всем происшедшем, грешным делом я подумывал, а не являюсь ли я несколько самонадеянным чудачком, который хочет изменить закоренелые порядки и отношение к делу? В своей работе мне нужно иметь путеводную нить. Мне не хотелось быть слабым, хотя и честным исполнителем. Понимал, что настоящая творческая, живая работа несовместима с догматизмом и слепым исполнением, тем более в партийной работе. Эта работа требует большой инициативы, смелости в постановке вопросов, объективной информации, ответственности за свои дела и подчиненных тебе людей. Смело отстаивать и поддерживать все новое, даже в зародыше, а не питаться только обмелами опытом, ибо даже ребенок не любит быть объектом чужих решений, тем более это относится к взрослым «дядям». Но я уже знал — попробуй что-либо сделать самостоятельно, хотя и правильно, скажут: «Это не по инструкции, не по форме, недозволенная самостоятельность». Вот так и регламентируется у нас инициатива, смывается любой новый стиль работы.

Пожалуй, основная трудность для меня была в том, что впервые вплотную пришлось заниматься сельским хозяйством. Многого надо было освоить, выучить. Надо было стать специалистом. Мое «самообразование» стоило многих бессонных ночей, но в сочетании с практическими делами и общением со специалистами сельского хозяйства мне все это очень помогло в работе по поднятию сельского хозяйства области в комплексе. Не было такого уголка области, хозяйства, фермы, поля, где бы я не побывал лично, не посмотрел бы, что делается на месте, не поговорил бы с народом, не выслушал бы его советы,

предложения, претензии. Во всех 32 районах области я побывал по нескольку раз. Присутствовал на собраниях, совещаниях, заседаниях, беседовал с руководителями районов, председателями колхозов, директорами совхозов, специалистами сельского хозяйства, сельской интеллигенцией, механизаторами, полеводцами, овощеводами и работниками животноводства. Поэтому я досконально знал состояние дел в области, нужды и заботы тружеников села.

Откровенно говоря, 75—80% моего рабочего времени уходило на вопросы сельского хозяйства, надо было найти формы и методы поднятия трудовой, производственной дисциплины среди работников сельского хозяйства. Без поднятия партийной, государственной дисциплины среди руководителей районов, областных звеньев, специалистов сельского хозяйства, без поднятия общей дисциплины и ответственности за порученное дело дальше двигаться было невозможно. Поэтому часто приходилось выступать, обязательствуя, заверения по срокам исполнения стенографировать, записывать на магнитную пленку, а затем при проверке сроков зачитывать стенограмму и прослушивать голос оратора, дававшего обещания. Это кое на кого подействовало довольно отрезвляюще.

Чтобы коренным образом решить вопросы развития сельского хозяйства, надо было вложить немало средств, времени, а далеко не все зависело от руководства области. И все же мы не отступали от намеченной цели — вывести Киевскую область в число передовых областей республики по производству сельскохозяйственной продукции.

Промышленными предприятиями было широко организовано реальное, практическое шефство над колхозами и совхозами. Ремонт тракторов, сельхозмашин, строительство животноводческих ферм и их минимальная механизация, переброска механизаторов и техники из города на село, строительство навозохранилищ — все это делалось, как правило, силами шефов и из их материала и часто за их средства. Материальная заинтересованность колхозника была самой трудной задачей. Ведь его можно было заинтересовать только натуральной оплатой — выдачей ему зерна и продуктов животноводства, а все это было на строгом государственном учете. Зерно учитывалось еще в биологическом виде, строгий контроль был за поголовьем скота и сдачей продуктов животноводства колхозами государству. Вот и приходилось с большим риском идти на неприятности, на отступление от центральных директив и циркуляров ради спасения дела, заинтересованности и закрепления кадров на селе.

Мне не один раз приходилось выступать в защиту хозяй-

ственников, которые неформально относились ко всем «инструкциям», а по делу смотрели, что надо предпринять, чтобы поднять заинтересованность тружеников села. Были не единожды жестокие схватки с «архизаконниками», которые пытались привлечь к ответственности хозяйственника, который добросовестно выполнял свои шефские обязанности. Их часто обвиняли в разбазаривании государственных ресурсов, говорили, что колхоз не государственное предприятие, а кооперативное хозяйство, и получалось так: когда ему надо что-то сделать, то оно кооперативное, а когда взять от него, то оно становилось государственным. Все обходилось хорошо, если вовремя оказывалась поддержка и защита, но были и такие случаи, что страдали люди ни за что.

Мы хотели вывести область в передовые. И мы понимали, что берем на себя большие обязательства, а ответственность перед страной и народом еще большую. Это все происходило тогда, когда был брошен лозунг-призыв: «Догоним и перегоним Америку по производству продуктов животноводства на душу населения». Эти призывы были везде на щитах, и находились такие остряки, которые на обратной стороне такого дорожного щита писали: «Не уверен — не обгоняй» — это, правда, относилось к водителям автомашин, но было символично. Ведь еще в 1957 году было сказано от имени партии: «Создать в стране изобилие сельскохозяйственных продуктов». С тех пор прошло много лет, а что мы имеем в настоящее время? Положение с продуктами животноводства на том же уровне, если не хуже. В чем же дело? Дело в том, что сельским хозяйством никто серьезно и глубоко не занимается, а командуют все. Инициатива работников сельского хозяйства зажата и запланирована, зацентрализована до предела.

1958 год. Несмотря на большие трудности, область свои обязательства выполнила и была награждена орденом Ленина — эту высокую награду в Киеве в Театре имени Т. Г. Шевченко вручал Н. С. Хрущев. Хорошо помню, он тогда призывал нас добиться по области в среднем 100-пудового урожая зерновых с гектара. Задача на то время нелегкая, но вполне реальная, ибо в области были еще резервы. Их только надо было использовать.

Надо было «выравнивать» работу области, резко поднимать урожайность зерновых, кормовых и других культур в полесских районах, подтягивать среднюю зону до уровня южной зоны, а последней не упускать достигнутого и идти вперед. Все это надо делать только на основе комплексного внедрения в сельское хозяйство высокой культуры земледелия.

Не везде были хорошо подобраны руководители колхозов и совхозов, допускался и порочный стиль и метод подбора председателей колхозов. Причем часто это делалось против воли самих колхозников. Припоминается один из многих эпизодов. В поездке по области вечером, проезжая через село Заречье Белоцерковского района, мы несколько сбились с дороги, и ГАЗ-69 поехал прямо на огонек, так как была уже кромешная темнота и непролазная грязь. Мы случайно попали на животноводческую ферму, поговорили с дежурными по ферме. Они нас спросили, не на собрание ли мы приехали? Я спросил: «А какое у вас собрание?» Последовал ответ, что вот уже вторые сутки проходит собрание — выбирают председателя колхоза. Я заинтересовался этим «событием» и попросил, чтобы нас проводили к школе, где проходит собрание. На собрании народа было много — человек 300—500. В помещении стояла неимоверная духота, накурено так, что из зала еле виден президиум, который тоже «упрел». Мое появление для всех было неожиданным, в том числе и для секретаря райкома партии, которому было поручено провести «мероприятие». Ознакомившись с обстановкой, я спросил, почему же собрание идет второй день. Тут в зале поднялся невообразимый шум, трудно было что-то понять и разобрать. Я попросил успокоиться и толком рассказать, в чем все же дело. Когда установилась тишина, я выслушал нескольких колхозников и понял, что райком партии против их воли хочет заменить председателя колхоза, мотивируя тем, что «он очень строптивый и самостоятельный в решениях колхозных вопросов вопреки линии райкома и болеет только за свой колхоз и его людей». Райком «рекомендовал» колхозникам другую кандидатуру, «привозную», а колхозники с этим не были согласны. При голосовании, чтобы освободить старого председателя, никто не голосовал, а только говорили: «Он для нас хороший председатель, и другого мы не хотим». Когда предлагали кандидатуру нового председателя, тоже не голосовали, а просто молчали. Вот так колхозников и брали «измором», а они не сдавались, и уже назревал явный скандал. Разобравшись с делами в колхозе и желаниями колхозников, я принял решение оставить старого председателя. Какой был восторг колхозников! Позже я несколько раз езжал в этот колхоз. Дела там шли отлично, и каждый раз народ вспоминал злополучное собрание и благодарил за то, что с их мнением посчитались и оставили старого председателя.

В Венгрию направляется партийно-правительственная делегация Советского Союза, возглавляемая Н. С. Хрущевым. В составе делегации: Козлов Ф. Р., Громько А. А.³⁴, Шелест П. Е. и посол СССР в Венгрии Андропов Ю. В.³⁵. Поездка эта была

нелегкой и даже сложной в политическом плане — ведь не прошло и года, как в Венгрии был разгул контрреволюции. Коммунистов вешали, расстреливали, наша печать пестрила фотографиями зверских расправ с партийным активом Венгрии. Для подавления контрреволюционных очагов нам пришлось применить силу оружия, даже танки и орудия — все это выполнила Южная группа наших войск. Обстановка в Венгрии того времени была особо сложная и напряженная. Впервые на политическую арену начал выходить Янош Кадар³⁶.

Помню, что переговоры Н. С. Хрущев с венгерскими товарищами вел с особым умением, прямоотой, вместе с тем и определенным тактом. Наша делегация посетила несколько городов и предприятий. Он откровенно и прямо выступал перед рабочими-машиностроителями, шахтерами. Н. С. Хрущев неизменно при каждой встрече, на собраниях, митингах представлял, причем поименно, с краткой характеристикой, каждого члена делегации, и это, казалось, еще больше повышало вес, значимость и представительность делегации нашей страны. На встречах, митингах приходилось выступать и мне от имени нашей делегации. Посетили мы колхоз, конный завод, где Н. С. Хрущеву подарили отличную тройку белых лошадей в упряжке. Их, конечно, Хрущев передал на сельскохозяйственную выставку. Посетили хорошо организованную птицефабрику, откормочный совхоз крупного рогатого скота. У нас в то время еще не было таких организованных хозяйств и с такими высокими агротехническими и технико-экономическими показателями. Да и общая культура земледелия у венгров стояла в целом выше нашей. Я лично у венгров позаимствовал многое.

Была ли какая в то время опасность для главы нашей делегации и в целом для всей делегации? Безусловно, была. Недаром нас усиленно опекала охрана каждого в отдельности члена делегации. Наша делегация была размещена в особняках на Буде. Вечерами, поздно, мне часто приходилось по многу часов прогуливаться и разговаривать с Н. С. Хрущевым на разные темы. Он страшно не любил и даже ругался, когда в часы отдыха и прогулок за ним буквально по пятам следовала охрана. Это было именно в Венгрии, когда Н. С. Хрущев просто рассвирепел и прогнал охрану, затем вызвал полковника Литовченко, главного «телохранителя», и при мне сказал ему: «Вы что не даете свободно отдохнуть и поговорить? Что вы за мной шпионите?» После этого случая охрана не уменьшилась, но охраняемым они старались просто не попадаться на глаза.

Всем составом делегации посетили штаб и командование, а также воинскую часть нашей Южной группы войск. Командующий группой генерал Казаков выстроил почетный караул войск. Его обошел Н. С. Хрущев вместе с Яношем Кадаром,

затем состоялся митинг, на котором с речами выступили Хрущев и Кадар — все прошло на большом подъеме.

После проведенных переговоров Н. С. Хрущевым и Яношем Кадаром был подписан советско-венгерский договор, в котором предусматривалось развитие экономических, культурных, научных и военных взаимоотношений. Никаких разногласий не возникало, при подписании присутствовали все члены делегации.

В честь нашей делегации в знаменитом здании венгерского парламента над Дунаем венгры устроили грандиозный прием на 1000 человек. Когда закончилась официальная часть, были произнесены соответствующие речи и провозглашены тосты и пожелания, Н. С. Хрущев решил пройтись среди присутствующих на приеме по всем залам. Присутствующими это было встречено необычайно хорошо, но это и создало толчею, беспорядочное скопление огромной массы людей, и в случае какой-либо враждебной акции охрана оставалась совершенно беспомощной. Я помню, что только три человека были рядом с Н. С. Хрущевым: Литовченко, Казаков и я. На мой взгляд, это был опасный и не совсем обдуманый «рейс» в массы.

Подробно ознакомились с достопримечательностями Будапешта, с его богатой архитектурой, замечательными памятниками, красивыми парками, набережными Дуная. Пришлось нам побывать в тех местах и помещениях, где контрреволюция в 1956 году расстреливала и вешала коммунистов. Побывали мы на озере Балатон, посмотрели виноградники и посетили знаменитые винные подвалы. Для меня поездка в Венгрию, встречи и разговоры с Н. С. Хрущевым были интересными и очень поучительными.

Чрезвычайно много вопросов и забот возникает у первого секретаря обкома партии, и за него никто возникших вопросов и трудностей не решит. А чтобы решать вопросы, надо брать на себя всю полноту ответственности за свои поступки и действия. Иногда приходится примирять непримиримое, а это все равно, что перейти через пропасть. Кругом жизнь шла своим чередом, но я из-за этой работы, по существу, не имел личной жизни. В семье появлялся как «запоздалый ночлежник», а подчас из-за командировок по несколько дней не бывал дома. Как рос и воспитывался младший сын Витасик, я, по существу, мало знал, уже не говоря о том, что этими вопросами мне заниматься совершенно не было времени. Все заботы по дому, уход за больным сыном, его учебой и воспитанием — все это полностью легло на плечи Иринки, и ей тоже далеко не легко. У меня нагрузка невероятная, и, несмотря на хорошее здоровье я временами устаю до невероятности.

Жизнь идет по-прежнему, своим чередом. Играют свадьбы, рождаются дети, происходят семейные и личные трагедии, подрывы на минах и снарядах детей и взрослых — все еще издержки прошлой войны, убийства, грабежи, изнасилования, воровство и растраты, пожары, неурожай и сильные градобои. Обо всем этом приходилось почти ежедневно читать сводки и донесения органов КГБ, МВД и других административных инстанций. Нелегко было все это перечитывать и переживать, было грустно и обидно, доходило до сердечной боли, но такова настоящая жизнь без прикрас и лакировки.

В одном полесском селе Иванковского района у меня был знакомый дед Филипп — завхоз колхоза. Я как-то был на охоте в тех краях, там с ним и познакомился. Он нашу охотничью компанию угощал отменным жаркое из мяса дикого кабана, когда мы у него остановились на ночлег. Как-то дед Филипп приехал по колхозным делам в Киев и попросился ко мне на прием. Я его как старого знакомого принял — помог ему раздобыть кровлю для колхозных ферм. Затем зашел разговор о делах в колхозе, что делается на селе, как живут люди. Из разговоров выяснилась далеко не отрадная картина. Я поинтересовался, как дела на селе обстоят с самогонварением. Дед Филипп откровенно сказал: «А как же, мы в этом вопросе навели порядок, теперь если кто хочет выгнать самогону, то идет в сельсовет и берет напрокат аппарат». Я об этом как-то рассказал на областной партийной конференции — даже в присутствии руководства ЦК КПУ — это вызвало большой смех, но это была правда жизни.

Все, что я пишу, истинная правда, да еще самая маленькая ее частица, каким-то чудом пробившаяся наружу.

В 1958 году вообще произошло много событий, имеющих для меня большое значение. При подготовке к выборам в Верховный Совет СССР я был утвержден членом Центральной избирательной комиссии. Мне приходилось несколько раз быть на заседании комиссии. В предпоследний раз я был в Москве на заседании комиссии 12 февраля. Мне по «секрету» А. Н. Шелепин³⁷, он тогда был тоже в составе комиссии от ЦК КПСС как секретарь ЦК, сказал, что подготовлено решение ЦК КПСС о награждении меня орденом Ленина в связи с моим 50-летием. Откровенно говоря, для меня это было неожиданно, да я об этом и не думал. 14 февраля был опубликован в центральной печати Указ Президиума Верховного Совета СССР. Не скрою, я был очень рад этой высокой награде и получил много поздравлений, а саму награду в кругу друзей и приятелей хорошо «обмыли».

В марте были выборы в Верховный Совет СССР. От Богус-

лавского избирательного округа я избран депутатом Верховного Совета пятого созыва. Мой депутатский билет № 469. Таким образом, в начале 1958 года у меня было три больших события в моей жизни: награждение меня орденом Ленина, мне исполнилось 50 лет, я избран депутатом Верховного Совета СССР. Все это обязывало меня еще к большей энергии в работе. А работы было, как говорят, невпроворот, непочатый край.

У меня еще в 1957 году возникла мысль — построить новое, современное село со всеми городскими удобствами, которое бы послужило прообразом проектирования и застройки сел области. Было решено: у трассы Киев — Одесса построить новое село Ксаверовка. Был объявлен конкурс на проектирование застройки села, представлено несколько проектов, но колхозники отвергли многоэтажную и многоквартирную застройку, а приняли проект застройки двухэтажными постройками. Провели совет: часть денег дает колхоз и колхозники, большую же часть надо брать в банке как кредит. С начала 1958 года развернулись работы по строительству Ксаверовки.

В ЦК КПУ и Совмине к затеваемому мной делу, относились снисходительно, но помощи, по существу, не оказывали никакой. Однажды в ЦК на одном из заседаний меня пытались обвинить в том, что для строительства колхозной деревни я отвлекаю государственные ресурсы, металл, трубы, кирпич, железобетон, асфальт, электропровода и другой строительный материал. Больше всего в этом вопросе проявил ретивость Щербицкий, который тогда был секретарем ЦК и опекал тяжелую промышленность. Разговор принял крутой характер. Я тогда сказал президиуму, что селу надо помогать делом, а не словами, резко оборвал активность Щербицкого и заявил, что если они считают, что не стоит заниматься перестройкой сел, то мы прекратим строительство. При этом я заявил, что сам поеду к колхозникам и скажу, что строить село не будем, хотя в строительство села уже вложено более 1,5 млн. рублей. Тон сбавили, тут же сказали, что строить мол, нужно, однако надо быть более осторожным с расходованием материалов, тем более фондируемых. А они все фондируемые! Вот и выходит, что, если не возьмешь на себя ответственность, ничего крупного, даже мелкого не сделаешь.

И все же, хотя и с большими трудностями, новое село Ксаверовка было отстроено. О нем в то время много писали в газетах, передавали по телевидению, снимали в кино, в журналах «Огонек», «Советский Союз» помещали фотографии. Ксаверовку показывали многочисленным делегациям как нашим,

так и зарубежным. В один из приездов Н. С. Хрущева в Киев он посетил Ксаверовку, осмотрел хозяйство, встретился и имел обстоятельную беседу с колхозниками, побывал в коттеджах и поговорил с их хозяевами. В коттеджах были все удобства: водопровод, санузлы, газ, ванна. Н. С. Хрущев одобрительно отозвался о застройке села, ему тут все понравилось.

Я рассказал Н. С. Хрущеву о всех трудностях, с которыми мы сталкивались при застройке села, и о критике в мой адрес за расходование фондируемых материалов на кооперативное строительство. Он одобрил все мои действия. После посещения Ксаверовки, выступая на совещаниях, он не один раз приводил в пример, как на деле надо заниматься перестройкой сел, имея в виду застройку Ксаверовки. После его выступлений от меня отстали все критиканы и «блюстители» государственных интересов. Я же начал продумывать планы застройки по-новому, с учетом недоработок в Ксаверовке, нового села Кодак. И еще при мне это село начало застраиваться по новым, более усовершенствованным проектам, и получилось просто хорошим селом городского типа.

Всем детям известно, что их родители когда-нибудь уходят из жизни, и уже никогда их не увидеть, но о них часто вспоминаешь и даже часто видишь их во сне. Но я не думал, что будет так тягостна после потери отца потеря матери. Хотя когда она ушла из жизни, ей было уже за 80 лет. Но я, когда не видел ее подолгу, представлял молодой, красивой. Очевидно, все это осталось еще от детства и юношества. Не один раз я приглашал мать переехать ко мне на постоянное жительство, она частенько к нам приезжала, но оторваться от своего очага и земли не решалась, да и не хотела этого делать. И вот я получил телеграмму о кончине матери. А что может быть роднее и ближе этого человека?! Я лежу болен, прикован к постели, врачи категорически не разрешают ехать на похороны. Поехала Иринка. Она сама изъявила это желание, хотя ей это сделать было нелегко, ведь миссия тяжелая. На похороны матери поехал и мой младший брат Митя, он к этому времени уже был в Киеве, работал в школе, преподавая математику и физику в старших классах. Мне Ирина и Митя рассказывали, что похоронили мать хорошо, было много людей, сделали все, как она завещала. Но мне было все же не по себе, что я не смог отдать матери последний долг.

После болезни да и от переутомления мне врачи порекомендовали отдохнуть. Я попросил отпуск, его разрешили и предложили в порядке «обмена» между партийными работниками поехать отдыхать в Албанию. Предложение было заманчивым. Несмотря на то, что в то время у нас с Албанией и ее

руководством были самые теплые и дружественные отношения как по партийной, так и по государственной линии, но об Албании мы все же мало знали.

На отдых в Албанию я поехал с Иринкой. Нас встретили и разместили хорошо в небольших домиках на самом берегу Адриатического моря. Условия для отдыха албанцы создали отличные, отношение к нам было больше чем хорошее, просто братское, мы много путешествовали по стране. Были на чудесном, по существу, девственном озере, там же посмотрели раскопки древнего города. Побывали в горах, на родине Энвера Ходжа³⁸, встречались с крестьянами, рабочими, и везде нас радушно принимали и приветствовали как представителей советских людей.

Пригласили нас на большое народное гулянье по случаю Дня урожая. На этот праздник съехались представители со всех концов этой маленькой, но интересной экзотической горной страны. Все были в своих национальных костюмах. Празднество проходило на большой живописной лесной поляне у самой границы с Югославией, динамики были установлены в сторону югославов, и ораторы говорили самые острые речи в адрес «югославских ревизионистов»³⁹. Пришлось и мне выступать на этом митинге. Я тоже клеймил «югославских ревизионистов». Я сказал, что союз Албании и Советского Союза вечен — так в то время говорила вся наша пропаганда, идеологи доказывали давно сложившиеся исторические связи, ссылаясь на труды марксизма-ленинизма. В своей речи я сказал, что албанцев не один миллион двести тысяч человек, а 251 миллион вместе с советским народом. Албанцами это было воспринято с огромным восторгом и подъемом.

По возвращении в Киев под свежим впечатлением мной была написана статья для газеты «Правда Украины» о моей поездке в Албанию. Помогал мне писать эту статью А. Осадчий, корреспондент газеты «Правда Украины».

У меня остались самые теплые чувства от этой маленькой красивой страны и ее гордого, независимого народа.

Работать становится все тяжелее и тяжелее, народ почти открыто высказывает свое недовольство, все это «фиксируется». Все зацентрализовано до предела, до глупого. Из колхозов хлеб забирают почти подчистую, иногда не щадят даже семенной фонд. «Председатель колхоза» и «колхозник» стали чуть ли не нарицательными ругательными именами. Если председатель оказывает какое-то разумное «сопротивление», его пытаются убрать с работы, наказывают в партийном порядке. Если этой меры не принимаешь, тебя обвиняют в мягкотелости и либерализме. Из многих случаев расскажу об одном.

Как-то поздно вечером я приехал в Бышевский район и попал в райком, когда там шло заседание бюро. Шел разговор о хлебозаготовках — «доводили дополнительные планы и задания». На бюро вызвали и председателя колхоза «Рассвет» Бариловича — это крепкий хозяин, урожаи зерновых и технических культур у него самые высокие в районе. Он уже сдал два плана хлебозаготовок: Ему «доводят» третий. Барилович заявил, что он это сделать не может — надо засыпать семена, предусмотреть страховой фонд, оставить зерно на фуражные нужды, выдать на трудодень хотя бы по 500 граммов. Райкомовцы все разумные и хозяйские доводы Бариловича не принимают в расчет, обвиняют его в «антигосударственных» позициях. Он-де антимерханитар, у него кулацкие замашки: почему он дает колхозникам по 500 граммов на трудодень, тогда как по району приходится по 150 граммов? Вносится предложение: «С работы снять, объявить строгий выговор с занесением в личное дело». Пришлось мне вмешаться в этот «конфликт» — сбить горячность райкомовцев, с работы не снимать и никакого взыскания не выносить. Тут же Барилович сам заявил, что он еще сдаст государству немного зерна. Я долго наблюдал за работой этого председателя, хорошего хозяина, его образцового хозяйства. Не будь моего вмешательства, по «строптивости» райкомовцев могли потерять хорошего принципиального работника, действительно болеющего за колхозное дело, а следовательно, за государство и народ.

Кириченко А. И. ушел работать в Москву — секретарем ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК КПУ избирается Н. В. Подгорный. Откровенно говоря, работать стало несколько легче, меньше стало ненужного шума, трескотни, беспредметности, шарахания из стороны в сторону. Устанавливается какая-то стабильность и уверенность в своих действиях. С Подгорным Н. В. сложились деловые взаимоотношения, меня часто приглашают на заседания Президиума ЦК КПУ, на разного рода мероприятия, я становлюсь ближе к работе всего Президиума. В Киев часто приезжает Н. С. Хрущев, я каждый его приезд с ним встречаюсь, он все ближе знакомится со мной.

Как-то при очередной встрече я рассказал Хрущеву, что на Мироновской селекционной станции тогда еще совершенно неизвестным селекционером Ремесло выведен хороший высокоурожайный сорт озимой пшеницы-808. Но ее не внедряют, мол, она не прошла «сортоиспытания», которое длится уже около 6 лет. Я высказал свою мысль: испытать этот сорт озимой пшеницы прямо в производственных условиях. Никита Сергеевич к моему предложению отнесся благосклонно, при этом сказал: «А что? Возьмитесь, только проводите осторожно,

сильно не увлекайтесь, пока не получите хорошие результаты. О вашем эксперименте меня проинформируйте».

Осенью 1958 года в колхозах Бузницкого и Кабанца, а также Батуры было посеяно 250 гектаров нового сорта озимой пшеницы-808, они смело пошли на этот эксперимент и не ошиблись: получили урожай выше районированной, апробированной семенным надзором, на 5—6 центнеров с гектара. Семенной надзор шумел, грозился, но нами было дело сделано, и этим, по существу, была проложена дорога прекрасной озимой пшенице-808 — о ней заговорили по всей стране, а имя Ремесло стало известно и за кордоном.

Пошел третий год, как я работаю в качестве первого секретаря обкома. Работа сложная, беспокойная, подчас дурная. По-прежнему 75—80% рабочего времени занято сельским хозяйством: в этой отрасли народного хозяйства, как нигде, много неразберихи, хаоса, волюнтаризма. Вопросы сельского хозяйства сложные, много разных наслоений, идет поток директив довольно противоречивого порядка и содержания, все руководители стали «специалистами» по сельскому хозяйству. Из опыта работы, откровенных и доверительных разговоров с некоторыми председателями колхозов и директорами совхозов становится ясно, что сельское хозяйство вздохнуло бы, если бы с него была снята мелкая, не нужная никому опека. Надо дать больше прав председателям колхозов и директорам совхозов в вопросах планирования и материальной заинтересованности специалистов и работников сельского хозяйства, самостоятельного ведения хозяйства, а следовательно, и ответственности за него.

Мне кажется, что я уже освоил объем работы, но работать очень тяжело. Я часто мысленно возвращаюсь к работе на заводе, а иногда мне заводская работа снится по ночам, и я с огромным удовольствием возвратился бы работать в промышленность. В то же время по области много намечено перспективных планов, и хотелось бы довести все это до логического конца, жалко оставлять начатое дело. Да и, откровенно говоря, я уже в какой-то степени «приобщился» к власти, а она ведь соблазнительна и «засасывает» сильно. И все же человек обязан знать, чего он хочет. Я хочу настоящей творческой свободной работы, а ее в нынешнем положении не может быть. Но и возврата к работе в промышленности для меня тоже нет.

* * *

Подготовка в партии и стране к XXI съезду КПСС⁴⁰ началась еще в середине 1958 года. Взятие дополнительных

и встречных планов в честь съезда, право подписать рапорт съезду, подарки съезду. Все это немало времени занимает в практической работе. Прошла областная партийная конференция, на которой избрали делегатов на съезд. От нашей областной партийной организации избран делегатом А. И. Кириченко — теперь уже секретарь ЦК КПСС. Избран делегатом и я. 25 января 1959 года всем составом делегатов XXI съезда прибыли в Москву. Я разместился в гостинице «Москва».

26 января регистрация делегатов съезда и в Свердловском зале Кремля совещание руководителей делегаций, на котором рассмотрели повестку дня, регламент и выборы руководящих органов съезда. В этот же день меня принял А. И. Кириченко, я ему вручил мандат об избрании его делегатом XXI съезда КПСС от Киевской областной организации. Он поблагодарил за избрание, поинтересовался работой. В разговоре дал понять мне, что не исключена возможность моего выступления на съезде. Хотя я и сам готовился к этому и мне хотелось выступить, но, когда мне об этом напомнил Алексей Илларионович, я с еще большим волнением стал готовиться к выступлению.

27 января 1959 года открылся XXI съезд КПСС. Его открыл Н. С. Хрущев. На съезде присутствуют 72 делегации коммунистических и рабочих партий мира. Весь день продолжался доклад Н. С. Хрущева, доклад был хороший — эмоций хоть отбавляй, как всегда это бывает у Хрущева. Но все по-разному, подход к делам реальный, вскрытие ошибок и критика недостатков острые. Хорошо, что обнажаются, а не лакируются и скрываются недостатки — при этом веришь в то, что руководство знает, что делается в стране.

28—30 января я болел, температура была 38,5°, на съезде не присутствовал, болезнь перенес тяжело, очевидно, простудился. На вечернем заседании 4 февраля объявили, что завтра, 5 февраля, на утреннем заседании я выступаю первым. Готовился до поздней ночи, спал плохо, волновался, ведь ответственность большая, да и первый раз выступаю на съезде партии. Говорили мне, что мое выступление было хорошим, но я чувствовал, как я волновался, хоть и доволен был, что выступил. Этому в немалой мере способствовал Кириченко А. И. Речь моя с портретом была помещена в газете «Правда». На XXI съезде меня избрали членом ЦК КПСС, это огромное доверие и ответственность. На утреннем заседании 6 февраля съезд закончил свою работу. Он длился почти одиннадцать дней, конечно, очень много, но ведь, кроме выступлений делегатов съезда от каждой республики, края, области, профессии, категории работников, надо было

предоставить слово 72 главам делегаций, прибывших на съезд. Съезд прошел на большом политическом и организационном подъеме.

Подгорный, Кальченко, Коротченко, я, Сеница и Давыдов едем на завод п/я 11 ознакомиться с обстановкой, чтобы предложить Н. С. Хрущеву посетить его. Также посещаем колхозы «Коммунист», «Украина», «Червонный хлебороб». Я настаиваю на том, чтобы остановиться на показе Н. С. Хрущеву завода п/я 11 — там хороший коллектив, да и само производство интересное, хотелось бы о нем знать мнение Никиты Сергеевича. Колхоз «Червонный хлебороб» — хорошее хозяйство, отличные технико-экономические показатели, высокая культура земледелия, председатель колхоза Иван Федорович Кабанец, умный человек, имеет свое мнение и скажет все откровенно и прямо, а Хрущев любит таких людей. Со мной согласились, для посещения оставили авиационный завод и колхоз «Червонный хлебороб».

Утром 9 мая на Бориспольский аэродром прилетели Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица. Народа на аэродроме встречало много, были преподнесены цветы, хлеб и соль. Хлеб и соль Никите Сергеевичу вручила молодая, красивая, в национальном костюме колхозница Катерина Коробенко. Хрущев любил украинский народ и по-особому, с большим уважением относился к его культуре и традициям. Встреча в аэропорту прошла хорошо, у Хрущева было хорошее настроение, он приветствовал собравшихся и был весел и доброжелателен. По дороге на дачу в Межегорье везде было много народа, и его искренне встречали. Н. С. Хрущев сам был искренним, неподдельно-общительным человеком, он не «играл роль вождя», а держал себя просто и этим завоевал симпатию и уважение у простых людей.

10 мая, утром, из резиденции, где разместился Хрущев, мы на открытой машине выехали в колхоз «Червонный хлебороб». Накануне меня предупредил Подгорный, чтобы людей нигде не выводили, встреч и приветствий никаких, так якобы пожелал сам Хрущев, ссылаясь на то, что это деловая поездка. Я так и поступил. И мы: Хрущев, Подгорный, Коротченко, Кальченко и я — следовали на машине по непривычно пустынным улицам Киева. Но я все же на свой страх и риск сказал секретарю Обуховского райкома партии П. Олейнику, чтобы хотя бы немного приветствовавших было в районном центре, через который мы должны проследовать. Я чувствовал, что может быть неприятность из-за этого. Но «неприятность» слу-

чилась раньше. Отъехали мы от Киева на 10—12 километров. В районе дачного поселка Козин в лесу на пригорках собралось довольно много людей. Увидели Хрущева, начали приветствовать его и просить, чтобы он остановился. Он скомандовал остановить машину, накоротке поздоровался с людьми, перебросился несколькими словами. Распрощавшись, последовал дальше, люди его тепло проводили. Но тут на меня обрушился Подгорный за «неслушание», что появились люди, я ему отвечаю, что никто команды не давал и что это чисто стихийное явление. В наш разговор вмешался Н. С. Хрущев. Он сказал: «А что вы на него напали? Ведь нельзя же разгонять собравшихся по своей доброй воле людей, а людей ведь не обманешь, они видят, что на перекрестке стоят милиционеры, которых раньше тут никогда не было. Вот они и подумали, что это неспроста — видно, будет ехать какая-то большая «шишка», и не ошиблись — ведь с нами едет сам Демьян Сергеевич Коротченко, председатель Президиума Верховного Совета Украины. Чем не «шишка», правда, Демьян?» Все расхохотались, и «гроза прошла».

Но при въезде в Обухов я почувствовал, что Олейник перестарался, все улицы и проезды были запружены народом, возгласы приветствий, бросают букеты цветов в машину. Пришлось остановиться. Хрущев обратился с приветствием к народу, поблагодарил за теплый прием и попросил пропустить машину, «ведь мы едем по делу», сказал он в шутку, но это магически действовало, народ дал дорогу, и мы поехали дальше. Только полковник Литовченко немного «шипел» на меня, что это он не предвидел. Я сидел молча и думал, что это мне даром не пройдет. Хрущев был в хорошем настроении, сидел молча, только ухмылялся, слушая «шипение» Литовченко.

Но вот при спуске с горы в с. Григоровку, прямо на проезжей дороге, был поставлен стол, накрытый вышитой украинской скатертью, на столе, на рушнике, лежит большой украинский хлеб, на нем солонка с солью и огромный букет цветов тут же на столе. По обе стороны на пригорке стоит много людей, празднично одетых, так как было воскресенье. Машина подошла к столу и, естественно, остановилась. Народ, увидев Н. С. Хрущева, начал его приветствовать. Никита Сергеевич приподнялся в машине, поздоровался с людьми. Для меня такой прием и встреча были неожиданностью, тем более в этом месте. Литовченко снова начал «шуметь». Я ему сказал, что для меня самого это все является неожиданностью. К столу подошла молодая, хорошо одетая, красивая и статная женщина. Она сказала: «Дорогой Никита Сергеевич! Это мы, простые люди, труженики полей и сахарного завода, преподносим тебе хлеб

и соль, цветы от всего мира!» При этих словах у Н. С. на глазах навернулись слезы, он подошел к столу, принял хлеб и соль, отломил корку хлеба, мокнул ее в соль и съел. Это у народа вызвало особый восторг и еще большую симпатию к Хрущеву. Никита Сергеевич поблагодарил за теплый прием, и мы сквозь толпу людей тихо пробрались и поехали дальше. Для охраны такой эпизод в дороге был неожиданным, и Литовченко продолжал все «бурчать» по этому поводу, косо поглядывая на меня и республиканское «начальство». Я, грешным делом, приготовился к самому неприятному разговору по поводу «нарушения протокольных мероприятий». Но после некоторого времени, очевидно, размышляя над эпизодом «стихийной» встречи с людьми, Хрущев сказал: «А здорово придумали, молодцы, поставили на дороге хлеб и соль, знают ведь, что на хлеб не поедет, он же не дурак! Хорошая была встреча, спасибо за теплоту людям». Все «руководители» одобрительно заговорили о непредвиденной встрече, и Литовченко тоже перестал «бурчать».

Во второй половине дня мы и все сопровождающие его в поездке, и почти все члены Президиума ЦК КПУ собрались на даче в Межгорье. Н. С. Хрущев организовал стендовую стрельбу по летающим тарелочкам с призами, он сам был отличным стрелком.

12 мая в Октябрьском дворце Н. С. Хрущев вручил г. Киеву орден Ленина, затем на стадионе был митинг и концерт — все прошло хорошо, организованно.

19—20 мая состоялся Пленум ЦК КПУ — доклад Н. В. Подгорного о мероприятиях по замечаниям, предложениям и высказываниям Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству. Речь шла о резком увеличении мясных продуктов, о строительстве откормочных пунктов крупного рогатого скота и свиней. О заготовке и переработке кормов.

22 сентября. Из Москвы в Киев и на Украину приехал А. И. Покрышкин, трижды Герой Советского Союза. Он теперь заместитель командующего ПВО страны. Много рассказывал о войсках ПВО, о том, что они требуют большого внимания. Надо много строить укрытий, благоустроенных городков для личного состава и их семей. Просил помощи.

Был на приеме у Н. В. Подгорного. Надо посоветоваться и выяснить ряд вопросов. Снова пошла свистопляска вокруг дач и участков, коллективных огородов и строительства на них

домиков. По Киеву составляем список на 240 человек, которых по «инструкциям» свыше надо отселить из Киева в их дачи. Среди них много ответственных работников, интеллигенции, профессоров, докторов технических наук и медицинских работников. В том числе И. Т. Швец, ректор Киевского университета, И. И. Коломийченко, профессор медицины. На огородах разрешают иметь летний домик не более 8—12 м². За превышение этой нормы многих уже исключили из партии. А 2—3 года тому назад нас, директоров предприятий, критиковали за то, что мы не помогаем садоводам. Шараханье. А что может сделать Подгорный? Ничего. Имел и я участок, где посадил плодовые деревья, и была хибарка. Пришлось сдать.

Умер Косюгон К. Е., первый секретарь Бориспольского райкома партии, 52 лет. Хороший, честный, трудолюбивый человек. Он сильно болел. Поехал на похороны, тяжело было, ведь я его хорошо знал и ценил. Мне его жена говорила, что умирал он в полном сознании, все жалел, что многое не сумел сделать. А на прощание жене сказал со слезами на глазах: «Галя, прости за все, что я за работой за всю нашу совместную жизнь не смог уделить тебе должного внимания». А мы думали о его замене по болезни и «мозговали», куда его определить и как бы не обидеть человека. А он взял да и решил все вопросы за себя и за нас. Вот такова человеческая жизнь. Мы все равны перед смертью. Только для этого много портим крови и нервов друг другу. Не жалеем мы людей, а ведь жизнь дана один раз.

Торжественная сессия областного и городского Советов депутатов трудящихся, посвященная 20-летию воссоединения украинских земель⁴¹. Мой доклад. Сессия прошла хорошо.

30 октября выступал на на сессии Верховного Совета СССР.

Ноябрь 1959 года. Идет подготовка к празднованию Октябрьских дней. Подготовлен рапорт ЦК КПСС от Украины по выполнению взятых обязательств в области промышленности и сельского хозяйства. В рапорте хорошо показана Киевская область. Из-за погодных условий демонстрация в честь 7 ноября была отменена.

Принимал Чистякова, инженер, партстаж с 1953 года. Рекомендован секретарем парткома завода «Большевик». Человек разумный, трезвый, но немного строптивый. Надо на первых годах помогать, подправлять и проследить за его деятельностью. Обо всем этом сказал секретарю Жовтневого райкома партии Остистому.

13—18 ноября сильно заболел: ангина, грипп, сердечная недостаточность, температура 39,2°. Чувствую себя очень плохо. Проходит сессия Верховного Совета Украины, а я болею. Погода стоит отвратительная. Выпал мокрый снег, а мы еще не ушли окончательно с поля. Переутомился. Надо быть поосторожнее, побережь немного себя. Ведь всего сразу не переработаешь.

Декабрь 1959 года. Совещание у второго секретаря ЦК КПУ т.Найдыка Л. И. 10 декабря в Киев приезжает Н. С. Хрущев, идет подготовка к встрече. Хрущев прибывает поездом, утром. На привокзальной площади митинг, собралось 50 — 60 тысяч человек. Митинг открывает первый секретарь Киевского горкома Синица. Выступают рабочий, колхозница, интеллигент. В ответ — Н. С. Хрущев. Он рассказывает о своей поездке в США. Хрущеву колхозники вручают хлеб-соль. По пути следования в резиденцию встречают и приветствуют 100 тысяч трудящихся Киева.

В городе показали домостроительный комбинат, Институт автоматики, комбинат искусственного волокна. Потом поехали в колхоз «Коммунист» Киево-Святошинского района. Председатель колхоза Бровченко доложил плохо. Н. С. Хрущев много сделал замечаний по хозяйству колхоза: высока себестоимость продуктов животноводства и овощей. Рекомендовал организовать беспривязное содержание скота.

В этот приезд Хрущев снова посетил Ксаверовку, сделал некоторые замечания. Но вопрос приобрел свою «законность» по застройке села, и разные «шавки» вроде Щербицкого отстали.

Н. С. Хрущев внимательно рассматривал вопросы, связанные со строительством Киевской ГЭС, — затопление поймы и лугов, а также отселение сел, попадающих под затопление, и отпуск на это кредитов.

В газете «Известия» появилась статья «Березанские очковиратели». Вопросы приписки производства продукции, полеводства и животноводства. К сожалению, факты подтвердились. Пришлось на бюро обкома строго наказать руководителей района. Сняли с работы второго секретаря района партии Огаря, Мороховцу, первому секретарю, записали выговор. Позорные явления — вранье, очковирательство — еще до конца не изжиты.

27 декабря. Пленум ЦК КПСС. Обсуждается вопрос «О дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства».

Пленум открыл Н. С. Хрущев. Основными докладчиками были Полянский и Подгорный. В докладах сделан критический анализ достижений и недостатков. Шла речь об огромных перспективах и неиспользованных резервах. Обращалось главное внимание на организаторскую работу и подбор кадров для работы на селе, комплексную механизацию и т. д. и т. п.

Н. С. Хрущев в своем выступлении критиковал Украину. Поднимал Рязанскую область, которая за год увеличила производство в 3,8 раза, а заготовки в 3 раза. Ставит это в пример, как можно мобилизовать резервы.

Рязанцы, зачинатели «высокой» выработки и заготовки мяса, отмечены высокими правительственными наградами. Секретарь обкома Ларионов⁴² получил звание Героя Социалистического Труда. Был специально выпущен кинофильм «Рязанские женщины».

Мы еще тогда с Н. В. Подгорным обсуждали «рязанские успехи» и удивлялись, откуда все это берется. Критиковать рязанцев было нельзя. Это бы приняли за крамолу. Но ведь большинство понимало — это авантюра, которая с треском скоро и провалилась, стоила жизни Ларионову.

Н. С. Хрущев в своем выступлении поднял значимость медали «За доблестный труд». Он сказал, что эта медаль должна быть приравнена к званию Героя и носить ее надо с гордостью. Почти все участники Пленума были награждены медалью «За доблестный труд».

Началась кампания «по реализации решений» декабрьского Пленума ЦК КПСС и выступлений Н. С. Хрущева — послали на село 850 агитаторов, пропагандистов, организаторов.

Обязательства области на 1960 год: производство мяса — на 100 га по 100 центнеров, молока — по 380 центнеров, а для этого надо получить 52 млн. рублей кредита на закупку крупного рогатого скота и молодняка.

Установить кордоны, чтобы из области не вывозили скот. «Рязанское дело» просто сделано: они там скупили скот, продукты животноводства, где только смогли. Показуха. А везде цены на скот поднялись, область даже в самом районе перекупает скот.

* * *

2 января 1960 года. Белая Церковь. XX районная партийная конференция. Я присутствую и выступаю на ней. Очевидно, весь таков стиль нашей работы что надо приукрасить, показать рост. А как этот рост удовлетворяет страну, народ — это уже другое дело, другой вопрос. Вот и мои тезисы выступления не

отличаются от общего тона, хотя в душе другое:

«1959 год был хорошим годом, промышленность работала хорошо». (Хотя это далеко не так — тракторов, автомашин, резины, запасных частей, комбайнов, других сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений и строительных материалов явно не хватает.) Привожу цифры производства стали: в 1959 году 65 млн. тонн, тогда как в 1928 году было произведено 4,2 млн. тонн, а в 1940 году 18,3 млн. тонн. В области сельского хозяйства товарный сбор хлеба составил 2,9 млрд. пудов. Значительно продвинулись вперед наука и техника. Привожу в подтверждение этого запуск искусственных спутников. (Но кого эти «спутники» интересуют, когда в колхозах нет железа для ремонта простейшего сельхозинвентаря; запасными частями тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины обеспечиваются на 40 — 50%).

Говорю о росте международного авторитета нашей страны. В подтверждение этому привожу поездку в США Н. С. Хрущева и его выступление. И, конечно же, странно и наивно было на этом основании делать заключение о каком-то особом росте нашего авторитета в международном положении.

Говорю о том, что будет в 1960 году. Просто утверждаю, что «будет еще лучше в области всего народного хозяйства».

Разбор контрольных цифр развития хозяйства по области на 1960 год. Директивы такие, чтобы семилетку выполнить за 6 лет. Сперва пятилетку сделали семилеткой, а теперь ставят «задачу» — семилетку за 6 лет. Никому эта невероятная путаница не нужна. Народ к этому в своем большинстве относится скептически.

19 — 21 января. Пленум ЦК КПУ по итогам декабрьского Пленума ЦК КПСС, речи на нем Н. С. Хрущева и сессии Верховного Совета. К сожалению, но факт — постепенно создается культ Хрущева, и в этом прежде всего повинны наши идеологи и пропагандисты из центра. Оттуда идет вся эта «кислая закваска». Больше всех стараются Суслов⁴³ и Понамареv⁶¹, да не отстают и другие «деятели». Очевидно, придет время, и будем снова говорить о культе и разоблачать его. Во что же остается верить? Выступал на пленуме и я.

30 января. Семейное торжество. Свадьба. Женится Боря, пора уже давно, ему уже пошел 26-й год. Он отслужил только на Балтфлоте около 5 лет. Сейчас курсант, слушатель Высшего инженерного училища ВВС. Невеста — девчонка из Бучи, Леля, из бедной семьи. Кажется, неизбалованная. Думаю, что все будет хорошо. А там скоро пойдут и внуки. Стареем, брат,

стареем. Уже пошел и мне шестой десяток. Ирине 47. Вся организация, все заботы по свадьбе легли на плечи Ирины. Но она молодец. Все получилось хорошо. Свадьба была на даче в Пуще Водице. Народу много было, и проходило все весело.

12 февраля. За один день произошло много событий. Совершено злодейское, зверское и дерзкое убийство 27-летнего секретаря сельсовета, члена КПСС Шимана. Забрана печать сельского Совета. Преступники пока что не найдены. Дал задание Ржанкову (МВД) и Тихонову (КГБ области) принять необходимые меры и доложить.

Принимал Бондаренко Васю, Героя Советского Союза. Васей я его называю потому, что знаю его еще с 1943 года, когда он и другие летчики прилетали в Саратов и с заводского аэродрома на боевых самолетах улетали прямо под Сталинград. Там, под Сталинградом, он и получил звание Героя. Сейчас он работает начальником отдела на химфармзаводе. Докладывает, что на заводе (директор Жолобенко) много беспорядков, воровство, пьянки, разврат. Поручил разобраться, принять меры.

Принял генерала Свиридова, Героя Советского Союза. Освобождал Киев, за что и получил звание Героя. Живет в Киеве. Семья, 5 человек, в двухкомнатной квартире — 35 квадратных метров. Тесно. Просит помочь улучшить жилье. Поручил решить вопрос положительно.

16 — 19 февраля. Проходил XXI съезд КПУ. Прошел он хорошо, организованно. На съезде было мое выступление. Пленум ЦК КПУ избрал Президиум ЦК, в том числе и я избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПУ. Это налагает еще большую ответственность за дела в области.

21 февраля. Происходит какой-то психоз и хозяйственно-политический ажиотаж вокруг успехов рязанцев по производству мяса. Требуют, обязывают иметь «последователей» рязанцев, хотя в душе ни я, ни Подгорный, с которым я неоднократно говорил, не согласны с такими методами.

Но на Украине нет примеров, подобных рязанскому. Берем ставку на колхоз «Червонный хлебороб» (с. Красное Обуховского района). Председатель колхоза И. Кабанец. По заданию Подгорного выехал в колхоз. Вместе с Кабанцом произвели расчет, что колхоз может дать 300 центнеров мяса на 100 гектаров. И это будет невиданный показатель. Но для этого надо закупить 1200 голов крупного рогатого скота весом не менее 260 кг. Закупить 500 штук свиней. Выделить 100 тонн концентратов.

мов, 50 тонн сухого жома. Выделить колхозу на всю эту «операцию» 300 тысяч рублей кредита. Это же очковитирательство и авантюра! Но деваться некуда, и отставать мы не можем. Доложил Подгорному. Он тоже, так же, как и я, «согласился».

1 марта. Чем был занят? Принял генерала Прошенского, областного военного комиссара. Докладывал о делах в области, что касается его компетенции. В частности, о приписке призывников 1941 года рождения. Всего выполняем план на 73%. Нет наличия, это дети 41-го! Годными же к военной службе признаны всего 65% призывников. Предлагает в Боярке и Фастове построить особые областные призывные пункты-профилактории, где с призывной подготовкой исправлять здоровье призывников, чтобы увеличить процент годности призыва в армию. Дал задание начальнику административного отдела ОК КПУ Гавриленко и облисполкому подготовить предложения.

Принял руководителей украинского управления Аэрофлота и Шудру, заведующего отделом транспорта обкома партии. Рассмотрели вопросы: об аварии самолета АН-10 во Львове с большим количеством человеческих жертв; о тяжелом положении украинского управления Аэрофлота в связи с доработкой машин и их явной нехваткой против установленных планов; о строительстве нового аэропорта в Борисполе.

По всем вопросам дано поручение.

Был на рынках Киева. В продаже много мяса — свинины, говядины. Много бьют молодняка крупного рогатого скота. Горожанин радуется, что много мяса на рынке. Но это может отрицательно сказаться в будущем. Надо принять все меры к сохранению молодняка крупного рогатого скота.

Состоялось решение ЦК КПСС и Совмина Союза об изменении границ Москвы и более рациональном использовании лесопарковой зоны вокруг Москвы для отдыха трудящихся. В этом решении предусмотрено запрещение отвода земельных участков для строительства промышленных предприятий в Москве и Московской области. Строительство в исключительных случаях может вестись только с разрешения ЦК КПСС и Совета Министров. Строго ограничить въезд из других районов страны и прописку на постоянное жительство в Москве и Московской области. Дал задание продумать все эти вопросы и внести предложения применительно к Киеву.

Май 1960 года. Поездка по области с Н. В. Подгорным. Смотрели поля, животноводческие комплексы, затем Подгор-

ный пригласил меня в Черкасскую область посмотреть, что там делается. Кое-чему можно и надо поучиться, а многое хуже, чем у нас. Во всяком случае, культура земледелия ниже, чем в Киевской области. Все же за последние годы мы добились в вопросах дисциплины и общей культуры земледелия неплохих результатов.

3 июня 1960 года. Бюро обкома КПУ. Вопросы: о работе оборонной промышленности области; о комплексном строительстве на селе.

Из Москвы позвонил Подгорный Н. В. Интересовался вопросами, погодой, ходом прорывки сахарной свеклы, состоянием роста кукурузы. Дал задание продумать хороший маршрут, показать поля, животноводческие фермы. Показ на самом высоком уровне — возможно, поедет Н. С. Хрущев.

Продумать вопрос базы, где можно будет передохнуть и покушать.

Болен. Два дня плохо с сердцем, очевидно, перенапряжение. Надо немножко пожалеть и его — сердце.

Был на заводе № 473, в основном в конструкторском бюро Антонова, рассматривали вопросы производства самолета АН-24, качество изготовления, устранение конструктивных и технологических недоделок.

Затем на заводе провел совещание по производству доильных агрегатов для колхозов и совхозов области.

23 июня 1960 года. Утром на Борисоглебском аэродроме встречаем Пальмиро Тольятти⁴⁴. Беседа в ЦК КПУ, затем показ промышленных и сельскохозяйственных объектов. Осмотр города. Посетили станкостроительный завод имени Горького. Впечатление о заводе осталось неважное: технология производства на низком уровне, в цехах грязно. Были в колхозе имени Сталина. Председатель колхоза Хазан. Показ, само хозяйство, организация — все прошло хорошо. Тольятти принят почетным колхозником. Посетили детский сад имени В. И. Ленина завода «Арсенал». Отличное детское учреждение. Хорошо поставлена работа. Тольятти и его супруга остались очень довольны посещением детского учреждения и колхоза.

В архитектурном управлении Киева рассматривали реконструкцию Красноармейской, Брест-Литовской, Васильковской, Печерской улиц, а также строительство киноконцертного зала на 4000 мест. (Впоследствии это станет Дворцом Украины).

Начальник мостотряда № 1 Баренбойм Исаак Юлисович докладывал вопросы строительства моста через Днепр для метрополитена. Внесено было предложение сделать совмещенный мост — для метро и для автомобилей. Таким образом, мы получаем еще один мост для автомобильного транспорта в Киеве.

(Было большое сопротивление. Все же такой мост на свой риск и страх построили, и все обошлось хорошо.)

Вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о ликвидации промысловой кооперации: все промышленные предприятия, большие (а их мало), малые и артели, объединяющие кустарей и ремесленников, передать в систему совнархозов. Совнархозы не заинтересованы в малых предприятиях, а особенно в артелях, и многие промышленные малые предприятия будут закрыты. Сократится выпуск товаров народного потребления. Большое количество работников промысловой кооперации надо устраивать на работу. Поспешное, ненужное, даже вредное для общего дела решение о ликвидации промысловой кооперации!

28 июля приехал Н. С. Хрущев. Решили дополнительно показать объекты в области поймы рек Трубежа и Ирпеня, как они осваиваются и каков экономический эффект. В городе осмотрели новый цирк и Дворец спорта. Н. С. Хрущев проинформировал всех присутствующих у него на беседе о том, как проходил III съезд Румынской рабочей партии, и о встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Бухаресте. Хрущев нам тогда еще сказал: «Советание представителей братских партий в Бухаресте осудило ошибочные позиции руководства ЦК КПК по некоторым принципиальным вопросам марксистско-ленинской теории и современных международных отношений».

Он порекомендовал в поддержку совещания в Бухаресте провести собрания партийного актива в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, Горьком, Баку и других городах.

С Н. С. Хрущевым в Киев приехали Кадар — Венгрия и Ульбрихт⁴⁵ — ГДР. Все вместе осмотрели намеченные объекты, многое понравилось, но были и замечания. Без этого у «начальства» не обходится. Затем был организован отдых на лугу у Днепра и на озере в Конче-Заспа. Место чудесное — луг, скошенное сено в копнах, под двумя огромными дубами поставлены столы, тут же разбиты палатки. Погода стояла чудесная. Была организована рыбная ловля. Н. С. Хрущев и гости — Кадар и Ульбрихт — остались очень довольны отдыхом.

8 августа поездом Москва — София через Унгены мы с Ириной выехали в Болгарию на отдых.

В Софию прибыли 10 августа. Отдыхали в Варне, в специальных особнячках. Здесь на отдыхе хорошо познакомился с Маршалом Советского Союза Баграмяном И. Х. и Снечкусом — секретарем ЦК Латвии. В это же время здесь отдыхал Ляшко А. П. — секретарь Сталинского обкома партии. Во время отпуска хорошо посмотрели Болгарию. Были во многих городах — в Тырнове, Габрове, был и на Шипке, где воевал мой отец в турецкую войну.

Принимал нас Т. Живков⁴⁶ на своей даче. Время провели хорошо, отдохнул отлично. В Болгарии я впервые познакомился с Живковым, а после мы встречались десятки раз.

Принял доктора медицинских наук Клебанова Марка Абрамовича — научного руководителя Украинского института туберкулеза. Тревожные сигналы — имеется тенденция заболевания туберкулезом молодежи, работающей на животноводческих фермах. На 50—55% поражено стадо коров туберкулезом и бруцеллезом. Большая опасность переноса инфекции на население, потребляющее молочные продукты. Надо принять срочные меры предосторожности и оздоровления поголовья коров. Молоко продавать только пастеризованное. Дал задание Ярко и Лысенко совместно с институтом разработать мероприятия.

Осматривали метрополитен, много уборки, очистки. Необходимо все привести в порядок. Позвонил генералу Крамару, начальнику штаба КВО, обещал дать 1000 человек солдат для наведения порядка по пуску метрополитена. Надо хорошо подготовиться к приему солдат, и использовать эту помощь как следует.

Принял главного конструктора по самолетам Антонова. Он был в Англии в научно-технической творческой командировке, рассказывал много интересного. Во многих вопросах самолетостроения и моторостроения мы сильно отстаем. Отстаем по конструкциям, технологии, материалам.

Получил письмо от коммуниста Лапицкого — просит дать ему квартиру: приезжает дочь с двумя детьми. Ее муж, летчик-испытатель, погиб при исполнении служебных обязанностей. Принял отца и дочь, успокоил, поговорил. Дал задание Бурке, председателю горисполкома, выделить 3-комнатную квартиру. Исполнение взял на контроль.

Ноябрь 1960 года. Отстает строительство Киевской ГЭС. Плохо поставлено материально-техническое обеспечение стройки, не хватает 1000 человек рабочих. Надо их набирать в основном за счет молодежи, через комсомол. А где разместить? Надо срочно строить дома гостиничного типа. А пока что поставить несколько времянок. На стройке ГЭС уже 150—200 человек коммунистов. Надо решать вопрос о парторге.

Декабрь 1960 года. И. Кабанец, председатель колхоза «Червонный хлебороб», послал рапорт об успехах колхоза Н. С. Хрущеву. Тот дал ответ и поздравления. Надо в колхозе по этому поводу провести митинг и принять резолюцию — ответ Н. С. Хрущеву. Для колхоза, района, области это большое политико-организационное событие.

Надо решать вопрос об индустриальных методах строительства на селе. Организовать в Белой Церкви домостроительный и промышленно-строительный комбинат. Это будет как основа развития индустриального строительства в области на селе.

29 декабря 1960 года из Ессентуков возвратилась Ирина, чувствуетея, что отдохнула, вернее, подлечилась неплохо. Дома ее хорошо встретили.

* * *

Январь 1961 года. Месяц начался плохо. Болел по 7 января. Чувствую себя очень слабо, измотала болезнь — грипп. Но болеть некогда. Надо ехать в Москву на Пленум ЦК КПСС.

Пленум ЦК КПСС открылся 10 января и продолжался до 18. Проходил остро, в особенности по вопросу сельского хозяйства. Украина подвергалась острой критике в вопросах руководства сельским хозяйством. 14 января было мое выступление. Выступать было нелегко, хотя показатели области по вопросам сельского хозяйства неплохие, могли бы быть примером для многих областей и краев страны. Но Н. С. Хрущев во время моего выступления подавал много реплик. В особенности по развитию птицеводства, в том числе уток на Яготинском озере. При этом полушута сказал, что, очевидно, мы в Яготине не занимаемся разведением уток, чтобы Кальченко, предсовмина УССР, негде было охотиться. Это в зале вызвало всеобщее оживление.

Н. С. Хрущев настоятельно добивался от меня, чтобы я назвал срок, когда мы организуем образцовое утиное хозяйство.

Я отвечал на все его реплики и замечания. Все мое выступление с репликами Хрущева, с моими ответами было полностью помещено в «Правде» и вызвало большую «сенсацию».

19 января возвратился в Киев. Надо было разработать серьезные конкретные мероприятия по созданию Яготинской утиной птицефабрики. Все это было взято на особый контроль.

20 января 1961 года в 7 часов вечера родился новый человек. Родился внук, которому Боря и Леля дали имя Петя. Это в честь деда.

Очень хорошо, что имеется внук. Вот я уже дед, и Ирина бабушка. Забот добавится, но это хорошо, для этого живем. Хочется, чтобы внук вырос достойным человеком.

Февраль. Был на мясокомбинате. Предприятие недостроено. Нет технологической цепочки. Грязно. Варварство. Кровь. Убитые животные. Их спускают в канализационные люки. Кости просто свозятся на свалку, вместо того чтобы все это перерабатывать в мясокостную муку, так нужную для кормления животных. Надо наводить порядок, а как это сделать в общем «бедламе»?

Удивительное дело — есть «кровожадные деятели». Нижник, председатель КПК обкома партии, почему-то настоятельно «добивается», чтобы Чечельницкого, бывшего управляющего газостроя, и Шинкарева, начальника управления фарфоро-фаянса и стекла Киевского совнархоза, побыстрее судить и посадить в тюрьму. Приходится сдерживать. Ведь, имея власть, ума надо немного, чтобы человека загнать в тюрьму. А вот разобраться и правильно поступить — тут надо подумать, ведь конкретно решается судьба коммуниста, человека.

Переговорил с Ратушным, первым секретарем Бровадского райкома партии, и Осадчим, первым секретарем Переяслав-Хмельницкого райкома партии. Трудный разговор. Надо их отправлять на пенсию. Оба они переживали, и мне их жалко было по-человечески. Но, как говорят, веяние времени. Мода на «омоложение» кадров. Как бы это хорошо было, если бы этот принцип распространялся и на центр.

Имел крупный разговор с прокурором республики Панасюком Д. Х. по поводу Чечельницкого и Шинкарева. Я все же не нахожу крайней необходимости к тому, чтобы их арестовывать и держать в тюрьме, тем более что и следствие не окончено. Да, много сомнительных, предвзятых вопросов в ведении следствия.

Принял С. Выштак, известную всей стране звеньевую, дважды Героя Социалистического Труда. Она жаловалась на то, что в ее селе до сих пор нет школы. Дети занимаются в две смены в бывшей поповской хате. Секретарь партийной организации колхоза, он же директор школы Лишук И. П. много пьет, приходит на ферму пьяный, лезет к женщинам с поцелуями, что вызывает возмущение его поведением. Обо всем этом председатель колхоза Вовк и секретарь райкома партии Норенко знают, но мер не принимают. Дал задание во всем разобраться и принять меры. Строительство школы включить в план 1961 года.

5 марта проходили выборы в местные Советы. Был на многих избирательных участках в Киеве и области. Люди задают много вопросов на разные темы, но больше всего о материально-техническом обеспечении сельского хозяйства на селе и в городе, о неудовлетворительном продовольственном снабжении. Выборы повсеместно прошли организованно.

Вот сейчас начальник областного управления КГБ Тихонов П. П. пришел с предложением закрыть Печерскую лавру. «Мотивировал» тем, что там сосредотачиваются религиозные кликуши, много народа посещает «святые мощи», открыт «святой источник». Доводы сомнительные, и проще всего «закрыть», а вот что предложить поумнее, мало кто думает. Просто ведь: имеешь власть — закрыл, да и баста. А какие последствия и что это даст?

Из Москвы приехали инспекторами Васильев и Привалов проверить заявления, поступившие в ЦК КПСС на Кабанца, а также на ряд председателей колхозов и руководство районов Таращинского и Белой Церкви. Якобы нарушается «колхозная демократия», имеют место приписки, много закуплено скота на рынке, а показано так, как будто он выращен в колхозах. И много других «прелестей». Все это довольно неприятные вещи. Подтвердится — плохо, не подтвердится — тень черная упала.

По поручению ЦК КПУ вместе с секретарем ЦК Скибой, группой интеллигенции, писателей, в том числе Корнейчуком, Мальшко, выезжал в Канев по поводу 100-летия со дня смерти Т. Г. Шевченко. Возложили венки на могилу. Был митинг, осмотр музея Шевченко. Обсуждали вопрос строительства гостиницы в Каневе — для экскурсантов и туристов на могилу Т. Г. Шевченко.

Со Скибой и Найденом заехали в Богуслав на квартиру

к секретарю РК Пилипенко. Посидели хорошо. Домой возвратился поздно. Ирина рассердилась.

13 марта 1961 года. Утром около 9 часов был на работе. Из горисполкома и милиции поступил звонок: на Куреневке в 8.30 утра произошла катастрофа. Там, где было водохранилище, обрушился селевой поток на лежащий внизу Куреневский массив. Накануне были обильные дожди, очевидно, в каком-то месте размыло дамбу, и селевые потоки все смыли на своем пути. Поехал на место катастрофы. Картина ужасная. Все залито водой, илом, песком на 2,5—3 метра. Люди спасаются на крышах домов, деревьях. Я здесь утром проезжал всего минут за 15—20 до катастрофы и случайно не попал в нее.

Погода стоит холодная, пасмурная, сильные порывы ветра с дождем. Применить вертолеты для спасательных работ почти невозможно. Рисуем, посылаем вертолеты для снятия людей с крыш и деревьев. По всему видно, что катастрофа большая, со многими человеческими жертвами. Район катастрофы оцеплен милицией и военными. Создана Правительственная комиссия. Вошли в нее и я, и председатель Казанец, второй секретарь ЦК КПУ. Задача комиссии: расследовать причины катастрофы, выявить виновников, принять меры к ликвидации аварии, провести спасательные работы; выявить жертвы и установить их личности, оказать помощь пострадавшим. На месте катастрофы образовался очаг пожаров. Тушить их трудно: из-за 2—3-метрового слоя селевых потоков подобраться невозможно. Пришлось делать настилы из досок, чтобы добраться до отдельных объектов. Комиссия выявила предварительно: разрушено около 100 домов и зданий, затоплены трамвайные депо, литейный завод. Только в диспетчерской трамвайного депо обнаружено 58 трупов. В больницах раненых с места катастрофы уже 139 человек. Комиссия работает день и ночь, привлечено много техники, в том числе и военной, самоходок, чтобы добраться до залитых водой и засыпанных песком автобусов, многие из которых сгорели. В автобусах обнаружены обгорелые трупы женщин, детей, обгорелых до такой степени, что трудно опознать. Доставляются трупы на судмедическую экспертизу, принимаются меры для опознания.

Все спасательные работы закончили только на вторые сутки. Извлечение и обнаружение трупов продолжалось все время по мере очистки территории от селевых потоков. А территорию очищали до июля. Все строения были снесены, площадка подготовлена для многоэтажной застройки жилыми домами, административными и общественными зданиями — школы, детские учреждения. Так и было сделано. В Куреневской катастрофе погибло 198 человек. Раненых было свыше 250 человек. Это

была трагедия. Стал вопрос о привлечении к ответственности виновных. В число их попал и Давыдов А. О. — председатель горисполкома. Я лично в комиссии был против привлечения Давыдова к ответственности, но это не только от меня зависело.

Макаровская сельская больница. О ней много писали как об образцовой по постановке лечебного процесса, новшествах, порядку. В этом большая заслуга главного врача Зубкова М. М. Он пришёл ко мне на прием, просится перейти на научную работу в Киев. Из него, конечно, получится настоящий научный работник. Хорошо поговорили. Упросил его еще остаться в Макарове. Согласился.

Бюро обкома рассматривало много вопросов. Утвердили план работы на II квартал. Приняли решение по письмам и жалобам, поступившим от трудящихся области.

Тягостно было обсуждать Кабанца и Мирошниченко. Сами их толкали на то, чтобы они по примеру рязанцев закупали скот для производства мяса. А теперь их обвиняем, привлекаем к ответственности. Спрашивается, за что?

Предстояла организационная сессия горисполкома. По этому поводу Н. В. Подгорный меня спросил, что я думаю по поводу Давыдова в связи с катастрофой на Курневке? Я ответил, что авария — это плохо, страшно, много по этому поводу разных толков. Но на комиссии я высказал свое мнение, что Давыдова нельзя привлекать к уголовной ответственности. И больше того, я считаю, что его надо избрать председателем горисполкома. Подгорный мне сказал, что он с моим мнением согласен. Но всё же есть трудности. «Поэтому, — сказал Подгорный мне, — пригласи к себе Давыдова, переговори с ним, выясни, какое у него настроение. Тебе поручается провести сессию городского Совета. Надо провести заседание партийной группы. На нем и на самой сессии разъяснить решение Правительственной комиссии по Курневке, не обойти молчанием и другие проблемы города — вода, транспорт, благоустройство. На это все нельзя закрывать глаза. Если народу говорить открыто правду, народ всегда поймет правильно и поддержит мероприятия.»

5 апреля утром заседание бюро горкома партии. Обсуждается вопрос формирования руководства горисполкома. Приняли решение рекомендовать партийной группе председателем Давыдова, первым замом Аркадьева, замами Денисенко, Барабаша, Скирду, Лысенко. Я провел заседание партийной группы, присутствовало 416 человек. Всего депутатов горсовета 750 чело-

век. Партийной группе было все сказано о недостатках в работе горисполкома и лично Давыдова. В то же время было сказано, что бюро горкома и обкома партии рекомендуют Давыдова избрать председателем. На партгруппе и сессии Давыдов был поддержан единогласно и избран председателем горисполкома.

Перед этим, 4 апреля, я пригласил к себе Давыдова. Он явился бледный, растерянный; после непродолжительной беседы на общие темы я ему объявил, что мне поручено провести сессию и его, Давыдова, будем избирать председателем исполкома горсовета. Давыдов буквально разрыдался. С него спала вся тяжесть за Куреневку. Я ему сказал, какая была обстановка на комиссии и свою позицию по этому вопросу. Давыдов только и сказал: «Мне все известно, я этого век не забуду».

Величайшее событие! Сегодня, **12 апреля 1961 года**, ТАСС по всем станциям сообщил, что впервые в мире совершен полет человека в космос. Пилот — космонавт, гражданин СССР, майор, летчик Гагарин Юрий Алексеевич ⁴⁷.

15 апреля. Хорошо встретили Гагарина и оценили по достоинству. Присвоили звание Героя Советского Союза.

Совершено нападение на Кубу. **19 апреля** на площади Богдана Хмельницкого прошел общегородской митинг трудящихся с протестом к США о провокационном нападении на Кубу. Было мое выступление. Очень хорошо выступил кубинец Артуро Поуса. Обстановка на Кубе сложная. Наше правительство заявило протест США и потребовало прекращения агрессивных действий против Кубы. С завода п/я № 11 на Кубе находятся 9 человек — Ракитин, Шваченко, Сорокин, Мартыашев, Черников, Бакуменко, Удовиченко, Бабичев, Сидорчук, Захаров. Это инженеры, механики, летчики, рабочие. Осваивают наши самолеты Ан-2, отправленные на Кубу.

Завод и семьи беспокоятся о судьбе всех, находящихся на Кубе. По каналам выяснил, что все живы, здоровы. Семьи успокоились.

Позвонил мне Н. В. Подгорный, расшумелся по поводу закрытия Андреевского собора. Поступила жалоба в ЦК КПСС, а область и город ни при чем. Бибиков и Пинчук (ЦК КПУ) вызвали к себе служителей культа и предъявили им решение о закрытии собора. Вот с этого и началось. Дал задание Шевелю и Тихонову (КГБ) разобраться и дать ЦК КПУ свои предложения. Но закрывать в административном порядке Андреевский собор нельзя. Хотя и выдумали версию о его аварийности. Служители культа просят в таком случае разрешения на его ремонт.

Май. Начался месяц для меня неудачно. С 26 апреля по 4 мая сильно болел. Спазм головных сосудов, дела далеко не важные. Чувствую себя очень плохо. Большое физическое и нервное напряжение по работе. Работа, как говорят, на износ.

Немного о военных: есть хорошие, но немало и разных кляузников и завистников. Я член Военного совета 69-й Воздушной армии. Бываю на заседаниях Совета, сложились хорошие взаимоотношения с командующим Колесниковым В. Г. Ему присвоено звание генерал-лейтенанта. По этому поводу собрались члены Военного совета отметить. Все прошло хорошо. Член Военного совета КВО Александров Н. М., он же член бюро обкома партии, жалуется мне на командующего округом Кошевого П., что он якобы игнорирует Военный совет округа и политорганы. Незаконно строит дачи, дома, гостиницу, оборудует себе квартиру. Стоянки и навесы для военной техники не строит, а старые ломает, все это бесхозяйственность. Зачем все это мне говорит Александров? В надежде на то, что я передам Подгорному. А почему, если это все правда, самому не сообщить в ЦК? Противно все это мне.

28 мая 1961 года Н. С. Хрущев приехал в Киев. Встреча прошла хорошо. В этот же день машинами выехали в Канев на могилу Т. Г. Шевченко и осмотреть строительство Каневской ГЭС. Поездка по области была связана с некоторыми осложнениями. Ехали в одной машине — Хрущев, Подгорный, Коротченко и я. Только выехали за город, как в поселке Козни видим по обочинам дороги собралось много народа и оживленно приветствуют Н. С. Хрущева — он пользуется большой популярностью и уважением в народе. Подгорный начал меня поругивать, зачем, мол, вывел людей встречать?

В районном центре Обухов совсем нельзя было проехать из-за массы народа. Пришлось остановиться, и Н. С. Хрущев из машины беседовал с людьми. Все было хорошо, и я чувствовал, что и Н. С. Хрущеву в общем-то понравилось. Хрущев любовался полями, что они в хорошем состоянии, отличные озимые, сахарная свекла, всходит кукуруза, посеянная квадратно-гнездовым способом, отличный горох. В нескольких местах он останавливался и смотрел посевы. По всему видно, что он был доволен и немного подтрунивал надо мной. Но, когда видел на индивидуальных усадьбах посев озимых, зло ругался: зачем сеют крестьяне колосовые? Что, значит, у них нет уверенности в том, что их государство, колхоз обеспечит хлебом? Я пытался объяснить, что, мол, это традиция. Он сердился и говорил: «Если традиция, пусть сеют кукурузу». В таких случаях было лучше промолчать⁴⁸.

29 мая все члены Президиума ЦК КПУ были на даче у Н. С. Хрущева в Валках, и на обеде все прошло хорошо. Н. С. Хрущев остался доволен поездкой. А 30 мая мы проводили его в Москву.

19—20 июня. Находился в Москве на Пленуме ЦК КПСС. Рассматривается вопрос: «Программа КПСС»⁴⁹ — докладчик Н. С. Хрущев.

Все мы, участники Пленума и члены ЦК КПСС, слушали Н. С. Хрущева, поддерживали его, одобряли все. Но в его предложениях и самом проекте программы было много «политической фантазии», иллюзий, самонадеянности, волюнтаризма. Много несбыточных и нереальных положений, предложений и выводов. А мы все «одобряли», всему «бурно аплодировали». И в этом наш общий большой экономический и политический трагизм, большие издержки. Жизнь диктовала другое. Так оно и получилось, ведь «Программа КПСС» осталась забытой, хотя за ее составление многие идеологи, в том числе и Пономарев, стали академиками. Как все это впоследствии будет освещаться в нашей сложной, довольно противоречивой и искаженной истории?

2 июля в Киев прибыл Ким Ир Сен⁵⁰, его сопровождает Ф. Р. Козлов — секретарь ЦК КПСС. Организация встречи, затем прогулка на большом катере по Днепру. Поездка в колхоз «Дружба» (Ксаверовка) и совхоз «Терезино». С Ким Ир Сеном едут Козлов и Подгорный. Я как секретарь обкома, по чьей области едут, присутствую на всех мероприятиях обязательно. Поля в отличном состоянии. Правда, уж очень нужен дождь. Козлов дал высокую оценку культуре земледелия. Встреча, показ города и хозяйств и проводы Ким Ир Сена — все прошло хорошо.

Повседневные дела и заботы, трудности и невзгоды, жалобы и просьбы, и за каждым вопросом живые люди, их судьбы. Все делаю, чтобы облегчить иногда даже личное страдание людей. Но не все от меня зависит, далеко не все. Жизнь довольно сложная штука.

Переговорил с Н. В. Подгорным. Доложил ему, что хлеба сдано 10 млн. пудов. Ежедневно будем сдавать 1 млн. пудов. Еще не убрано ранних зерновых 100 тысяч гектаров — это плохо, принимаем меры. Погода для уборки стоит неблагоприятная — влажность зерна доходит до 20 процентов, большие потери при уборке гороха. Просил Подгорного решить вопрос,

куда же выселять осужденных за «тунеядство», а они сидят дома, посмеиваются над нами. А затея-то была — привлечь их к полезному труду.

Август 1961 года. Написал письмо в ЦК КПУ с просьбой пересмотреть планы. Завышены по сдаче государству картофеля и овощей. Очень мало остается для нужд области. Из ЦК позвонил Старунский — заведующий отделом торговли, сообщил, что с области, ее плана, сняли 18,6 тысячи тонн овощей, по картофелю разбираются.

6 октября получил печальное извещение — умер мой старший брат Яков Ефимович Шелест. Он родной мне по отцу, старше меня на 22 года. В юности я часто с ним встречался, даже был у него в гостях на станции Лихой. Он всю свою трудовую жизнь проработал на железнодорожном транспорте. Очень жаль мне Якова. Дал телеграмму соболезнования, к великому сожалению, поехать на похороны не смог, да и опоздал бы.

В Переяслав-Хмельницком районе состоялось открытие монумента в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией⁵¹. Митинг, посвященный этому событию, прошел хорошо.

21 декабря открылось республиканское совещание по итогам работы сельского хозяйства за 1961 год и перспективам на 1962 год. Совещание проходит во Дворце спорта, присутствует более 5000 человек.

Доклад Подгорного. На совещании присутствует Н. С. Хрущев. Он внимательно слушает выступающих, задает им вопросы, подает реплики, уточняет положение дел.

В заключение выступил Хрущев. Он говорил, что нам надо провести беспощадную борьбу с пропагандистской болтовней и пустозвонством, пора нести отчет перед собственным народом. Выступление Н. С. Хрущева было откровенным, объективным, острым.

24 декабря, воскресенье. Был в Залесье на охоте. Н. С. Хрущев был в хорошем настроении, много шутил, вел себя ровно, как старший товарищ. Охотник, конечно, он отличный. Убил несколько кабанов, оленя, зайцев, лису.

Из Москвы мне позвонил генерал Семенов — ракетные войска. Просил передать благодарность коллективам заводов «Большевик», «Дормаш» за качественное и своевременное изго-

товление «столов» для запуска ракет «земля—воздух». Благодарил обком партии за оказанную помощь.

* * *

Встреча Нового, 1962 года проходила на даче у Н. В. Подгорного. Был узкий круг людей, никого, кроме членов Президиума с женами. Все прошло хорошо. Хочется, чтобы новый, 1962 год был бы отличным, хорошим, благополучным, с успехами в труде и личной жизни, мирным годом. Уверен, что так и будет.

2 февраля. Позвонил Подгорному, доложил, что возвратился из отпуска, приступил к работе.

Позвонил мне Голик А. З.— ректор университета имени Т. Г. Шевченко. Советуется по вопросу Виталия: университет думает послать его в Данию к самому Бору на учебу на год. И вообще есть такое мнение, что Виталия как способного студента, оканчивающего университет, хотя оставить при университете в аспирантуре. Надо все вопросы обдумать, как лучше поступить. Ирина категорически против поездки Виталия в Данию к Бору. У нее свои доводы.

7 февраля. Создана комиссия по составлению проекта новой Конституции. Председатель комиссии Н. С. Хрущев, в состав комиссии включен и я. Проект Конституции предполагается рассматривать на очередном Пленуме ЦК КПСС, а затем на сессии Верховного Совета VI созыва. Работа по составлению Конституции предстоит огромная.

Вышло строгое постановление ЦК КПСС по борьбе со взяточничеством в хозяйственных, торговых, снабженческих организациях. Этот порок распространился даже на партийные органы. В Одессе снят с работы и отдан под суд секретарь Одесского горкома партии Овсянко за взятки по квартирным делам. По этому вопросу провел совещание, дал задание разработать мероприятия по борьбе с этим злом и позором.

18 февраля был у Н. В. Подгорного. Отмечали его день рождения, ему исполнилось 59 лет. Хороший он человек; для руководителя такого масштаба немного мягкотел, да и опыта работы в промышленности нет, а без этого работать трудно.

Март 1962 года. Принял Матюшина — начальника Укрнеф-тесбыта. По возрасту уходит на пенсию. Но ему не дают персональной пенсии, якобы за то, что он имеет выговор по

партийной линии. Просит меня поддержать его в назначении персональной пенсии. Поддержал. Помог. Ведь у нас часто так бывает: пока работаешь, нужен и помнят, даже не забывают о выговорах. Ушел с работы — как не было.

1 апреля заболел. Очень меня беспокоит нога. Сильно болит, пролежал весь день. Был в клинике профессора Панченко Д. И. Дело с моей болезнью затягивается. Предположение — ущемление бедренного нерва, идущего от позвонка. Нужен покой и глубокая терапия. Будут принимать меры. Надо пройти обследование. А пока дела такие, что не до покоя — разгар посевных полевых работ.

9 апреля моя поездка по области в направлении — Белая Церковь, Ставищи. Смотрел ход полевых работ. На трассе Киев—Одесса встретил Н. В. Подгорного. Он пригласил меня проехаться по Черкасской области, посмотреть полевые работы. Побывали в Жашковском и Уманском районах. Подгорный направлялся в Одессу, предложил и мне с ним поехать посмотреть, что делается на полях, в Одессе какие порядки. В машине и в самой Одессе был «крутой» разговор Подгорного с Синицей — первым секретарем Одесского обкома. Мне даже не совсем было приятно быть свидетелем такого острого разговора по всем делам и поведению Синицы. Синица был не прав, к тому же у него отсутствует элементарный такт и гибкость.

В газете «Правда» появился фельетон «Баталия на переправе». Написал корреспондент газеты Черниченко, человек сомнительный, пьянчужка. В фельетоне критикуется и высмеивается за зазнайство, грубость, за злоупотребление своим положением и превышение своей власти секретарь обкома партии Бойченко. Появился пасквиль, по которому, если не объективно разобраться, нужно освобождать Бойченко от занимаемой должности. Вот так иногда злоупотребляют работники печати своим положением. За это надо строго наказывать. Поручил КПК подробно разобраться. ЦК КПУ интересуется, какие меры мы принимаем по фельетону.

16 апреля. Принял Черниченко, корреспондента газеты «Правда», по его просьбе. Разговор был далеко не из приятных. Я высказал свое мнение, что работа Киевской столичной области освещается слабо, имеется хороший, положительный опыт, но он умалчивается. Зато много «критического», предвзятого. Особенно это относится к партийным работникам. Как пример привел фельетон «Баталия на переправе», в котором был опорочен честный партийный работник и взят под защиту Сказин,

которого в армии судили судом чести. Я сказал Черниченко, что он как коммунист необъективен, с особым садизмом пишет о партийных работниках, злоупотребляя правом сотрудника газеты «Правда». Сказал ему, что обо всем доложу Шуйскому — помощнику Н. С. Хрущева. Разговор был довольно неприятный. Черниченко многие вопросы критики в его адрес признал правильными. Но опасаясь, что он затаит злобу — он из тех людей.

17 апреля. День рождения Н. С. Хрущева. Ему исполнилось 68 лет. Послал ему телеграмму. Поздравил с днем рождения. Жалко, что ему уже все же много лет. Хотя бы лет на десять меньше. Хотелось бы, чтобы он был здоров и начатое дело по демократизации, улучшению экономики страны, укреплению обороны, намеченных вопросов по Программе КПСС и решений XXII съезда хотя бы частично довел до конца. Ведь неизвестно и трудно представить, что будет после него. Думаю, что не лучше. Все же Н. С. Хрущев человек незаурядный. У него природный ум, энергия, преданность делу народа, простота, честность.

Был в районах области — Барышевском, Березанском, Згуровском, Яготинском, в том числе в селах Войково, Усовка, Черевич, на полях птицефабрики в с. Засупаевка. Сев идет нормально, но органические удобрения вывозят плохо. На полях множество блюдец, залитых водой, только в этих районах они составляют не менее 10 тысяч гектаров, а точно никто не знает, сколько по области. Кое-где окраины полей уезжаны, не «обрублены». Еще много сорняков. Указ по борьбе с сорняками выполняется плохо. Еще много весновспашки, а тут большого урожая не жди. Не хватает повсеместно ядохимикатов по борьбе со свекловичным долгоносиком. Кое-где над самой дорогой большие свалки мусора, в нем много металла, а кое-где в поле еще стоят подбитые танки и остатки автомашин. Все надо приводить в порядок.

За один месяц из Киева отправлено 85 тысяч продуктовых посылок. Если считать посылку в 10 килограммов, то отправлено из Киева продуктов на 8 млн. 500 тыс. килограммов. Дал задание Дрозденко и Шудре поработать вопрос о запрете отправки продуктовых посылок из Киева. Но ведь народ это делает не от хорошей жизни.

22 мая. Совещание в ЦК КПУ первых секретарей обкомов, председателей облисполкомов. Рассматривается «Обращение ЦК КПСС и Совмина Союза по закупочным и розничным ценам на продукты животноводства».

Нелегкий это вопрос — повысить розничные цены на мясо, масло, молоко. Хотя в обращении и сказано, что это «вынужденная и временная мера». Вынужденность понятна, а насчет «временности» в народе говорят, что «ничего нет более постоянного, как временная мера». По всему видно, что это надолго, если не навсегда. Второй вопрос: «Уход за посевами».

31 мая. Утром был на партийно-хозяйственном активе в Дарницком районе Киева. Повестка: «Обращение и решение ЦК КПСС и Совмина о повышении закупочных и розничных цен на продукты животноводства». Актив воспринял сообщение далеко не с восторгом и «единодушным одобрением». Было задано много вопросов, в том числе такого содержания: Как будет жить рабочий, получающий зарплату 300—400 рублей? Надо сокращать административно-управленческий аппарат и на этом экономить средства. Стоит снизить зарплату высокооплачиваемым категориям, в том числе ученым, академикам, писателям, артистам, композиторам. Уменьшить выплату гонорара. Повысить цены на водочные и табачные изделия. Когда будут продукты в магазинах? Когда в стране закончится упорядочение зарплаты? Можно ли навести порядок по ценам на рынках? Почему не разрешают в пригороде держать скот — коров, свиней, даже птицу и коз? И т. д. и т. п.

Нелегко было давать ответы на поставленные вопросы. Чувствуется скрытое недовольство по поводу проводимых мероприятий.

1 июня. Послал первую информацию Н. В. Подгорному о проведении работы по постановлению ЦК КПСС и Совмина о повышении закупочных и розничных цен на мясо и молоко. По закупочным ценам почти нет осложнений, хотя много вопросов по зонам не учтено. По розничным ценам много трудностей в разъяснительной работе. Поступает много вопросов, в том числе и довольно язвительных, хотя и справедливых. Восторга и «единодушного одобрения» нет. Хотя мы и говорим, что народ относится с «пониманием». Да, с «пониманием», только все истолковывают и понимают по-своему и, очевидно, правильно.

5 июня. Принял полковника Трояна В. И., старшего военпреда завода п/я № 4. Переговорил с ним по работе. А затем осторожно с ним побеседовал и предупредил его о лихних разговорах. По донесениям КГБ, якобы Троян говорил: «Доруководствовались, все кричим, что Америку догоним и перогоним, просто шайками забросаем. Уже 45 лет Советской власти, а мы все повышаем цены на продукты питания». Говорил ведь правду. Но что это ему даст, кроме больших неприятностей?

И вообще рассматривал целый длинный список коммунистов, которые отрицательно реагируют на повышение цен на мясо, молоко. Список представлен КГБ, они получили команду сверху давать сигналы. Смотрят и за нами, как мы реагируем. Вот так и проводим партийную работу в «свободном» обсуждении.

7 июня. Рассматривал текущие вопросы. Предстоит послать 1500 комсомольцев в Казахстан на строительные работы, «добровольно-мобилизационно», по путевкам ЦК ЛКСМУ.

Был в Театре имени Ермоловой, смотрел пьесу Ремарка «Три товарища». Сильная и сложная, жизненно правдивая вещь. Глубоко реалистическая, от этих мыслей не так легко отделаться.

18 июня в 18.47 поездом № 27 Киев—Севастополь уехал с Ириной отдыхать в Крым, в санаторий ЦК КПСС «Форос»⁵². Отдых продолжался до 18 июля. Прошел хорошо.

3 августа. Пригласил к себе для беседы Н. В. Подгорный. Речь шла о моем переходе работать в ЦК КПУ, секретарем ЦК КПУ, ведать вопросами машиностроительной, оборонной промышленности и административными органами республики. Я сразу Подгорному не дал согласия, мотивировал тем, что в области начато много новых дел и их надо довести до конца. Просил не трогать меня из области хотя бы года два. Подгорный уговаривал, разъяснял необходимость перехода моего в ЦК. Я стоял на своем, просил этого не делать. Мне действительно очень не хотелось уходить с областной работы. Тем более что дела в области шли неплохо.

Наконец Подгорный почти со злостью сказал, что вопрос этот предрешен и согласован с Н. С. Хрущевым, и другого решения быть не может. Я был огорчен таким исходом дела. Было много сомнений, как будет мне работать на новом месте. Ведь специфика работы в ЦК очень отличается от оперативной областной работы.

4 августа 1962 года. Вот и пришло время. Виталик женится, сегодня вступает в семейную жизнь. Хочется, чтобы у него сложилось все хорошо. Ведь семейная жизнь — это сложная штука. Вот и младший сын отходит на самостоятельный путь, хотя много еще с ним надо работать. Ребенок, да и здоровье слабовато. Ирина все сделала для него, им жила. Но вот сейчас она немного расстроена, взволнована этим событием. Виталий был крошка-сирота. Ирина стала его матерью и, наверное,

сделала больше, чем могла. Стареем мы, мужественнее становятся наши дети. Хотелось бы, чтобы были хорошие внуки. Петя, первый наш внук, хороший мальчик, и он мне нравится. Как сложится его жизненная судьба — сейчас судить рано.

Все же идет много заявлений, жалоб, анонимок. Вот и сейчас Гавриленко докладывает анонимку на Ермоловича — секретаря горисполкома, и Войцеховского — председателя Киево-Святошинского райисполкома, что якобы они берут взятки за предоставление квартир и прописку в Киеве. Не верю я в это. Но сигнал есть сигнал. Дал задание проверить аккуратно и доложить результаты проверки. Впоследствии доложили. Все не подтвердилось. Клевета. Но людям нервы потрепали.

Пасичник М. В., академик АН Украины, директор Института физики АН, вносит предложение зачислить в аспирантуру Виталия и его супругу Аллу. Надо все вопросы взвесить.

Принял Дубину К. — профессора, доктора исторических наук. Он мне рассказал о сложной обстановке в Институте истории ЦК КПУ. Готовится второе издание истории КПУ. Многие вопросы фальсифицируются, принижается роль коммунистов Украины в борьбе за восстановление Советской власти. Многих руководителей того времени чуть ли не обвиняют в национализме и сепаратизме. Назаренко стоит на правильных позициях, но москвичи — Снегов и Минц — все делают, чтобы принизить роль и значение КПУ.

Просит меня найти возможность обо всем рассказать Н. В. Подгорному. Его просьбу выполнил. «Мастеров» на фальсификацию у нас хватает, на этом даже ученые степени зарабатывают.

13 августа 1962 года был в ЦК КПУ. Смотрел место своей работы. Кабинет. Имел обстоятельную беседу со вторым секретарем ЦК КПУ Казанцом И. П. По распределению обязанностей между секретарями ЦК КПУ я обязан буду курировать вопросы машиностроения.

Объем работы большой и должен быть интересным. Отходит от меня сельское хозяйство в области, которому уделял внимания не менее 75% времени. Теперь, кажется, более конкретная и определенная работа. И все же очень жалко было покидать область. Много в нее вложено труда, сил, здоровья.

22 августа. Постепенно я начал привыкать к новой обстановке, к работе в ЦК. Многое мне не нравилось, и это прежде всего аппаратная работа и отсутствие права принятия самостоя-

тельного решения, к чему я привык за долгие годы самостоятельной работы. Но вместе с тем масштабность и новизна вопросов меня все чаще захватывали, тем более что Подгорный часто давал мне какие-то особые поручения, казалось, выходящие за рамки моих прямых обязанностей. Вот и сейчас я получил поручение от Подгорного посмотреть и подобрать кадры на инспекторов ЦК КПУ с учетом перспективы их роста на областную партийную работу. Задание само по себе ответственное, работа кропотливая, тут совсем нежелательны ошибки. Пришлось перебрать не один десяток людей. Есть замечательные молодые кадры. Нам надо всегда работать с резервом кадров — к сожалению, эта проблема всегда остается проблемой, и очень сложной — старое далеко не охотно уступает дорогу молодому, свидетельством этому служит состав нынешнего Политбюро ЦК КПСС.

28 августа в Москве КПСС созвано большое совещание по работе промышленности в новых условиях — при совнархозах. Совещание проводили Козлов Ф. Р., Кириленко А. П., Воронов Г. И., Шелепин А. Н., Косыгин Н. А.⁵³

На харьковском заводе «Серп и молот» не приступило к работе в одной смене около 400 человек рабочих. Мотив: резкое повышение норм выработки и снижение заработной платы — по существу, забастовка, отказ от работы. Позвонил в Харьков Соболю, секретарю обкома, просил разобраться и информировать ЦК.

Вышло постановление ЦК КПСС и Совмина Союза о реорганизации и переименовании органов МВД в Министерство общественного порядка. Тоже имеются свои «основания и объяснения». Главный мотив — демократизация и приближение этих органов в работе к общественности.

Провел совещание по организационным вопросам, связанным с приемом 5 октября в Киеве космонавта П. Поповича⁵⁴.

11 сентября. Поступила записка т. Хрущева по вопросу перестройки партийных органов по производственному принципу. Делаем схему, штаты в целом по республике и в центре. Много трудностей и неясностей, трудно сказать, во что все это может вылиться, есть положительное, но много отрицательного.

2 октября в ЦК КПУ состоялось большое совещание секретарей обкомов, председателей облисполкомов и заведующих отделами ЦК. Обсуждался вопрос: «О предстоящей перестрой-

ке партийных и советских органов республики». Информацию сделал Казанец И. П. — второй секретарь ЦК. Он изложил все вопросы и схему, над которыми работала комиссия ЦК КПУ. Выступали многие секретари обкомов, вносилось много предложений, в том числе и по ликвидации некоторых областей. Грушецкий (Львов) договорился до абсурда — ничего нет удивительного: ведь это полнейший неуч и тупица. Он предложил включить в промышленный Львовский обком несколько западных областей, создать межтерриториальные обкомы. И надо было выслушивать этот «политический» бред. Почти все высказались против упразднения городских комитетов в областных центрах. Высказывалось мнение: в области иметь два обкома, но один облисполком. Путаницы и неразберихи полно. В заключение выступил Подгорный. Чувствуется, что он сам не владеет в полной мере этими реорганизационными вопросами. Некоторые его суждения явно не совпадали с мнениями, изложенными в письме Н. С. Хрущева. Подгорный подал мысль, что, возможно, стоило бы организовать крайкомы партии и крайисполкомы на Украине. Было поручено Казанцу и Шелесту к 15 октября дать варианты предложений по реорганизации с учетом мнений, высказанных на совещании. Стояла задача нелегкая, ибо «мнений» было много, но ничего конкретного, состоятельного, заслуживающего внимания. Приступили к «работе», и все в «рамках» письма Хрущева. А как от него отойдешь? Попробуй.

Очень тревожное заявление нашего правительства по поводу выступления президента США Кеннеди⁵⁵ в связи с кубинскими событиями. Видно, у нас произошла какая-то недоработка, а может быть, просто зарвались. Ведь самоуверенности очень много, нелишне и сбавить.

Позвонил в Москву министру транспортного строительства СССР Кожевникову Е. Ф., попросил его дать согласие, чтобы Байда, начальник треста Южтрансстрой, приступил к строительству Дворца пионеров в Киеве. Вопрос решен положительно. Это большое дело, пройдет два-три года, и будет в Киеве Дворец пионеров, сейчас он находится просто в захудалом, очень старом и тесном помещении.

2 ноября. Подгорный снова едет в Москву по вопросам реорганизации. В который раз? Состоялся с ним вдвоем длительный разговор по вопросам предстоящей реорганизации, создания в ЦК Бюро по промышленности и сельскому хозяйству. А какова при этом будет роль Президиума ЦК КПУ — никто не может сказать даже предположительно. В вопросах предстоящей реорганизации очень много неувязок, шероховато-

стей, просто несуразниц. Реорганизационный «зуд» начинает не только тревожить, но и надоедать.

7—14 декабря нахожусь в Москве на сессии Верховного Совета. Был в ЦК КПСС по вопросам новой структуры, долго и обстоятельно беседовал с Рудаковым А. П., секретарем ЦК, он же и председатель бюро по промышленности и строительству. По всей структуре, организации управления в центре у него тоже много туманного. Состав Бюро ЦК КПСС по промышленности: Рудаков, Фролов, Абызов, Симонов, Ястребов, Снастин, Пигалев. Сессия Верховного Совета рассматривает вопросы «О развитии народного хозяйства на 1963 год», докладывает Дымшиц, «О бюджете на 1963 г.» и доклад о международном и внутреннем положении нашей страны. Доклад Хрущева (так было объявлено).

По двум первым вопросам ничего примечательного не было. Как всегда, успехи, достижения, «некоторые» недостатки. Хотя недостатков гораздо больше, чем достижений, и если бы устранить недостатки, может быть, не приходилось бы так «горячо» доказывать наши «достижения».

На докладе Н. С. Хрущева хотя бы тезисно стоит остановиться, изложить его суть и содержание. Для истории, что ни происходит в высших политических кругах, имеет особое значение, тем более это надо сделать потому, что находится немало «политиков-фальсификаторов» прошедшей истории. Доклад Хрущева уже получил название: «О современном международном положении и политике Советского Союза».

В своем докладе Н. С. Хрущев остановился на следующих вопросах. Он сказал, что за истекшие семь месяцев в международной политике произошли большие изменения. Наша страна неизменно по-прежнему стоит за политику мирного сосуществования и борьбы за мир, наши помыслы — мирное строительство коммунизма. Остановившись на кубинских событиях, говорит, что на Кубу была организована агрессия. «Но мы защитили Кубу, хотя это обошлось дорого и нелегко было все это сделать, мы стояли на грани термоядерной войны». Хрущев излагает суть и значение решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС, убеждает, что все, что принято на нем, соответствует ленинским нормам и указаниям по руководству народным хозяйством и политической жизнью страны. Снова выдвигает вопрос о семилетнем плане, что за семь лет мы могли бы значительно увеличить наше производство. Особенно он обеспокоен плохой заготовкой хлеба в стране, в то же время говорит о росте материального благосостояния трудящихся, хотя все это звучит довольно неубедительно. «Мы вскрываем наши недостатки, чтобы лучше работать», — тезис Хрущева

правильный. Но, к сожалению, часто бывает так, что мы создаем сами эти трудности, потом боремся с этими трудностями и, преодолевая их, ставим себе это в заслугу. Множество непонятных вопросов. Когда всему этому будет конец? Н. С. говорит о том, как хорошо развиваются социалистические страны, об их достижениях и что это вызывает злость у империалистов. Далее он говорит: «Если рассматривать международную напряженность, то империалисты хотели бы нас задавить военным путем — они хотят войны против нас. Но мощь наша велика и на прямое выступление против нас они не решатся, но руководители НАТО ⁵⁶ проводят открытую военную истерию. Мы за всеобщее разоружение и заключение мирного договора с Западной Германией».

Особое внимание в докладе Н. С. Хрущева было обращено на вопрос кризиса в Карибском море и уроках, какие нам необходимо извлечь из этого. «Развитие кубинской революции, твердая кассовая позиция и политика Ф. Кастро ⁵⁷ в отношении к империализму США вызывает у последнего ненависть к революционной Кубе. Политика США в отношении Кубы — это бандитская политика. Накануне карибского кризиса США подготовили, создали полную ситуацию агрессии на Кубу. Мы вынуждены были вмешаться, чтобы защитить Кубу, завезли туда оружие, там были наши военные специалисты. На Кубу были доставлены ракеты среднего действия, бомбардировщики Ил-19 и другое оружие и снаряжение. Все это делалось в целях защиты Кубы от агрессии. А не ради того, как шумят империалисты, что Куба плацдарм для нападения на США — это бред, у нас нет и не было такой цели. Все это вызвало тревогу в США, и была объявлена полная боевая готовность вооруженных сил США. Чтобы не допустить военного столкновения, мы пошли на то, что убрали ракеты и бомбардировщики с Кубы. Наше правительство приняло все меры для предотвращения термоядерной войны. Нами на Кубу для переговоров с кубинским руководством был направлен Микоян ⁵⁸; это мы сделали, чтобы охладить очень горячий пыл Ф. Кастро, который в вывозе ракет с Кубы усматривает чуть ли не измену и предательство с нашей стороны. Сейчас с Карибского моря отведены военные корабли и войска США — Кеннеди твердо заявил о ненападении на Кубу, хотя ему и нелегко было принять такое решение. Одним словом, сейчас задача в том, чтобы завершить урегулирование кризиса в районе Карибского моря. Кто выиграл в этой вспышке? Безусловно, разум. В противном случае могло произойти несчастье. Как это было похоже на то, как на узкой обрывистой тропинке сошлись два козла и друг другу не хотели уступить — в результате оба свалились в пропасть.

В США есть «бешеные», которые хотели бы немедленно

развязать войну. У нас осложнились отношения с кубинским руководством, Ф. Кастро выдвинул известные пять пунктов, один из них гласит о том, что руководители революционной Кубы хотят нормализовать с нами отношения. Мы заявляем, что Советский Союз был и будет верным союзником Кубы и будет ей всячески помогать. Наша страна никогда не оставит Кубу в беде. Мы надеемся, что взаимоотношения с Кубой нормализуются, ну а пока вокруг Кубы идет крупная политическая игра.

Западногерманские реваншисты (Аденауэр) требуют твердости Запада в отношении с Советским Союзом, тем более в связи с карибским кризисом. Министр иностранных дел Великобритании настаивает перед США на том, чтобы Советский Союз в разрешении карибского кризиса пошел на большие уступки. Возможно ли развязывание войны или нападение, вторжение на Кубу? Возможно, мы не можем давать гарантию за сумасшедших и «бешеных» в США».

В речи Н. С. Хрущева по кубинскому вопросу — Карибскому кризису было много неясностей, неточностей, недоговоренностей. Одно было ясно, что поставкой на Кубу ракет и бомбардировщиков был вызван так называемый «Карибский кризис», и мы-таки стояли на грани войны. Понятно, что США было далеко не приятно иметь у себя под боком советские ракеты. Одним словом, создали обстановку невероятной военной напряженности, затем как-то начали из нее выпутываться — и в этом показываем свои «заслуги» и чуть ли не «победу». А народ-то верит в наше благоразумие. Пути решения спорных вопросов в международных делах всегда вызывают большие осложнения.

19 декабря в Киев прибыли Хрущев, Тито⁵⁹. В ЦК КПУ состоялась беседа с югославами. Проводил ее Подгорный, я присутствовал.

На следующий день была поездка с Ранковичем на 512-й химический комбинат. А Н. С. Хрущев проводил беседу с Тито. Обстановка складывалась теплая, дружеская — так нам говорил Хрущев. Из Киева мы проводили на родину Тито и Ранковича. Наблюдая тогда за взаимоотношениями между Тито и Ранковичем, можно было сделать вывод, что они друг без друга не могли жить, друг другу доверяли и друг друга хорошо понимали.

Хрущев остался в Киеве, вернее говоря, под Киевом, в охотничьем хозяйстве Залесье, он намеревался несколько дней отдохнуть, поохотиться, а затем провести совещание в ЦК КПУ по вопросам реорганизации партийных, советских и хозяйственных органов в республике.

27 декабря из Москвы позвонил Кириленко, подробно инте-

ресовался, как прошло совещание, какие структурные подразделения приняты по промышленности и строительству. В особенности он интересовался вопросом, что говорил Н. С. Хрущев, какое у него настроение. Удивительно, они все в ЦК КПСС боялись «настроения» Хрущева, а Кириленко к тому же человек очень мнительный, особо все воспринимал.

Будучи первым секретарем Киевского обкома, я неоднократно встречался и беседовал с Н. С. Хрущевым и никогда не замечал особых «настроений» его, всегда по делу ему говорил то, что считал нужным и правдивым. Надо откровенно сказать, что Хрущев правдивость и откровенность в работнике особо ценил и страшно не любил болтунов и приспособленцев-конъюнктурщиков.

Поездом выехал в Донецк на партийную конференцию. Конференция прошла хорошо, секретарем обкома избрали Ляшко. Сама донецкая партийная организация отличная, по настоящему рабочая.

В Донецке посетил шахту «Восточная», на которой в свое время работал слесарем Н. С. Хрущев. В красном уголке организовали небольшой музей, отражающий работу и партийную деятельность Хрущева. Собраны семейные фотографии, а также фотографии его друзей и товарищей по работе.

Побывал в самой шахте. Это мне впервые пришлось на месте, в забое, познакомиться с трудом шахтера. Сложная, трудная и опасная это профессия. Шахтеры — это действительно люди героического труда.

Был в Макеевке на металлургическом заводе имени Кирова. Завод большой, неплохо организованный, но сильно захлащенный. На заводе не хватает сырья, особенно руды, нет должной подшихтовки, что отрицательно сказывается на работе доменных печей — падает их производительность. Все это произошло в результате отставания горнорудной промышленности. На Донецком металлургическом заводе впервые осмотрел и ознакомился с шахтной установкой по разливке стали. Дело интересное, возможно, перспективное, но пока что далеко не совершенное.

Начались первые раздоры между секретарями обкомов промышленными и сельскими — между Поплевкиным и Ляшко. В данном случае Поплевкин был неправ, пришлось аккуратно подправить.

Борис Полевой написал в ЦК КПСС жалобу на работу и «порядки» в Бориспольском аэропорту. Суть жалобы: грубость, невнимание к пассажирам, нет необходимых удобств.

В буфете нет должного ассортимента, даже чая не хватает. Мне позвонил из ЦК КПСС Усков и сообщил, что Логинову — Главное управление ГВФ СССР — поручено рассмотреть жалобу и принять меры. Но он просил разобраться еще на месте. Известно, что аэропорт размещается во временных, не приспособленных помещениях, надо срочно начинать строительство нового аэровокзала и всех служб. Но грубость и невнимательность — это недопустимо в любых условиях. Поручил разобраться и доложить.

* * *

25 января 1963 года обстоятельно докладывал Н. В. Подгорному о работе промышленности, строительства и транспорта. Вся работа сильно лихорадится сложными погодными условиями: морозы, большие заносы. Мобилизованы все средства для очистки железнодорожных путей и по разгрузке вагонов. Идет погрузка влажной руды, угля, других сыпучих материалов. Все это смерзается в полувагонах и на платформах. Для разгрузки требуются большие усилия, применяют даже взрывные заряды. По всем «установленным», но неразумным нормам на металлургических заводах, электростанциях не предусмотрены тепляки для размораживания смерзшихся грузов.

Невозможно никому доказать, что на юге Украины бывают морозы до -30° . Из-за отсутствия тепляков несем большие потери. Прихожу к выводу, что нам самим, отступив от «норм», придется строить тепляки. Так нельзя лихорадить работу промышленности, электростанций, мучить людей.

Рассматривал вопросы строительства дороги Дарница — Бровары. Надо сделать настоящую дорогу, а для этого отступить от ненормальных и необоснованных «стандартов», а это значит брать на себя ответственность. Ну что же, очевидно, такая у меня натура: ради хорошего дела беру на себя ответственность — делать по-настоящему, на много лет.

17—18 февраля 1963 года. Нахожусь в Москве: Н. В. Подгорному 60 лет, ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Я был приглашен на чествование, остановился в особняке на Ленинских горах. Все прошло хорошо. Хорошо посидели, поговорили, погуляли, я внес много «резвости» — об этом говорил Н. В. Подгорный.

20—23 февраля 1963 года был в Харькове на встрече с избирателями по выборам в Верховный Совет УССР. Встреча прошла хорошо, но избирателей больше всего тревожат вопросы

жилья, обеспеченность водой, транспортные трудности, нехватка детских учреждений.

Посетил завод «Серп и молот», на котором я работал в 1936—1941 годах. Встретился со многими старыми знакомыми — рабочими и работниками ИТР. Встреча была теплой, приятной. Завод, конечно, значительно вырос, обновилось оборудование, построено много производственных корпусов, заводоуправление. Приятно было вспомнить напряженную и сложную работу старого опытного коллектива завода. Теперь директор завода молодой человек — Сериков. Хорошо, если бы он знал все наши прошедшие трудности.

Посетил завод имени Малышева, он оборонного направления — танки, тягачи. Огромный высококвалифицированный коллектив, но его буквально «терзают» неразумными заказами и бесконечной перестройкой в производстве.

Перед Великой Отечественной войной я на этом заводе работал главным технологом. Директор сейчас Лачыгин. Хороший инженер, но как администратор еще не подготовлен.

Был на ХТЗ, ознакомились с новой разработкой моделей тракторов Т-125 и перспективной разработкой трактора Т-150. Директор завода П. Саблев, очень опытный, энергичный человек. У завода много своих трудностей, надо ему основательно оказывать всяческую помощь и поддержку.

Посетил завод «Электротяжмаш», ознакомился с производством, очень много всякого рода неувязок в планировании производства, что отрицательно сказывается на работе предприятия. Директор завода Пахомов опытный хозяйственник, грамотный инженер.

Рассматривал вопросы строительства окружной автомобильной дороги вокруг Киева, расширение и реконструкции входных радиальных дорог из Киева, строительства 89-километрового участка автодороги от Козельска до Киева, магистрали Москва — Киев.

Скоро Иринке 50 лет. Надо хорошо отметить эту дату. Она очень заслуживает того, чтобы тепло, дружно отпраздновать ее юбилей.

Посетил строительство Дворца пионеров. Территория до невозможности захламлена, организация производства далека от совершенства, не решены многие вопросы технической документации и финансирования. План первого квартала выполнен всего на 10% к годовому заданию. Вся сметная стоимость дворца 2,6 млн. рублей, на год отпущено 1,6 млн. рублей.

Дал задание Бурке, Катаргину, они на всех объектах были со мной, разобраться по всем вопросам, дать предложения коренным образом исправить положение дел.

Принял Янгеля М. К., главного конструктора, и Макарова-А. М., директора завода по вопросам комплектации бортовой аппаратуры для ракет, по их просьбе. Предприятие Сергеева задерживает поставку, надо срочно решать вопросы, в противном случае задерживается испытание ракет.

На судостроительном заводе имени Носенко в цехе обвалилась крыша, имеются человеческие жертвы и много раненых. Послал комиссию рассмотреть все вопросы и принять необходимые меры на месте.

На станции Соленое Озеро между путями обнаружено 10 килограммов тола и двадцать 100-мм снарядов. Все обезврежено, движение поездов возобновлено.

Апрель. Вот и прошел I квартал года, а дела идут очень тяжело. В промышленности, строительстве, на транспорте много недостатков. Для их устранения надо много работать, а главное, бывать на местах, там познается настоящая жизнь.

1—10 апреля. Командировка в Чернигов. Посетил завод синтетического волокна, строящийся камвольный комбинат, фабрику пианино. Всем предприятиям надо оказывать помощь в строительстве промышленных корпусов, жилья, материально-техническом снабжении.

Был в Нежине на заводе по производству доильных аппаратов. Завод, по существу, в стадии организации. Посетил механический завод, главная его продукция — производство оборудования для разделки китов на китобойных флотилиях.

Поздно вечером позвонили в Чернигов, сообщили о катастрофе с человеческими жертвами. Председатель Киевского совнархоза Лисняк направил в Житомир тяжелый тягач для производства работ на пьезокварцевых разработках в Тростянце. При переезде через мост р. Тетерев тягач свалился, затонул, погибло четыре человека.

Дал задание секретарю Запорожского обкома партии Титаренко совместно с заводом «Коммунар» подготовить предложения по развитию завода по выпуску автомашин «Запорожец» новой модели до 150 тысяч штук в год. Согласовал с Подгорным титульные списки на строительство на 1963 год в соответствии

с постановлением ЦК КПСС и докладной запиской Хрущева. В связи с этим возникнет много новых трудностей: сокращается строительство школ, больниц, автомобильных дорог, мостов, не говоря уже о строительстве культурно-бытовых учреждений.

Май. Очень много расходуем драгоценного времени на праздники «торжества», вот и сейчас три дня подряд «праздники». Только третьего мая начинаем расквашиваться, и сразу же ЧП: на магистрали газопровода Шебелинка—Москва произошла авария — на 102-м километре прорвало трубу. Идет большая утечка газа, ежедневно 15 миллионов кубометров, газ горит. Принимаются меры к ликвидации аварии.

А тут новый «праздник» — в Киев из Москвы приезжает Ф. Кастро. Рекомендуют показать какое-либо предприятие, где провести митинг — «демонстрацию игры в мировую революцию». Наметили три предприятия: завод «Красный экскаватор», или «Радиоприбор», или же 512-й комбинат синтетического волокна. На любом предприятии можно провести «игру».

Принимал Кривоноса П. Ф. Он докладывал о работе Юго-Западной железной дороги. В «Литературной газете» появилась критика в его адрес, что он помог отремонтировать дом своему отцу в Славянске. «Любители» подняли шум вокруг этой чепухи, и в первых рядах шумливых тот же Грушецкий. Какая мелочность! А кто же должен помочь своему отцу? Дал задание разобраться, прекратить травлю известного человека в стране. Подготовить ответ газете. Портим нервы людям по пустякам, отвлекаем их от полезного и нужного дела.

Был в командировке с **22 по 27 мая** в Одесской, Николаевской, Кировоградской областях.

28 мая возвратился в Киев, и сразу доложили новость: на заводе имени Ильича «закоздили» доменную печь, потеря металла составит не менее 20 тысяч тонн. Поручил разобраться и наметить меры по покрытию недоданного чугуна.

Дал задание готовить материалы по работе промышленности и ходе строительства за 5 месяцев. РСФСР выступила с инициативой произвести сверх плана за 7 лет большое количество промышленной продукции. Надо и нам об этом думать, отставать нельзя — должна быть «инициатива» масс. Как все это у нас избито!

Июнь. Рассматривал вопросы, связанные с работой ОКБ

Антонова. Присутствовали: Руденко — заведующий отделом оборонной промышленности ЦК КПУ, Редькин — заведующий сектором отдела оборонной промышленности ЦК КПСС, главный конструктор Антонов. Стоял вопрос о неудовлетворительной работе по производству тяжелой транспортной машины Ан-22. Ташкентский завод не справляется с этой сложной задачей. На наше письмо в ЦК КПСС по вопросу состояния работ по машине Ан-22 нет должной реакции. Моторы для этой машины производства запорожского завода № 18 желают лучшего, мал моторесурс, большой расход топлива. Главным конструктором моторов Ивченко и главным конструктором Ан-22 Антоновым слабо устраняются недостатки, выявленные на испытаниях. Очень много вносится конструктивных серьезных изменений, что отрицательно влияет на организацию производства самолетов. Наметили ряд мероприятий по устранению выявленных недостатков.

Был в Институте автоматики. Сама по себе идея организации этого института заслуживает всяческого внимания, тем более теоретическая и практическая разработка вопросов автоматического управления многими технологическими процессами в ряде отраслей. Институт действительно разрабатывает много актуальных проблем, интересно и глубоко их решает. Но имеются вопросы, которые не заслуживают внимания, идет трата времени и средств зря. Не мешает тщательно пересмотреть тематику работ. Надо форсировать строительство института, в особенности его экспериментальной базы. Целесообразно институт передать в подчиненность Укрсовнархоза.

В Днепропетровской области (Желтые Воды) на шахте п/я 28 комбината № 1 по добыче урановой руды 130 человек шахтеров в знак протеста против грубого отношения и невнимания администрации к вопросам быта, организации труда, нарушения правил техники безопасности в течение 3 часов не выходили из шахты. Потребовали к себе прокурора, начальника шахты, главного инженера, но из-за трусости, хамства и пренебрежения никто не явился. «Инцидент» окончился тем, что четырех человек как зачинщиков судили.

11—20 июня 1963 года. Был в командировке в Луганской области, ознакомился с Луганском, Северодонецком, Коммунарском, Рубежной, Краснодоном. Побывал на промышленных предприятиях: Лисичанском химическом комбинате, заводе стеклопластика, Рубежанском химическом комбинате по производству кубовых красителей. Принял участие в совещании строителей химической промышленности — это всесоюзное со-

вещание проходило в Северодонецке. В Луганске был на партийно-хозяйственном активе угольщиков области. На обоих совещаниях пришлось выступать.

В Москве 18—22 июня проходил Пленум ЦК КПСС, с докладом по идеологическим вопросам выступил Ильичев — секретарь ЦК. По вопросам взаимоотношений с Китаем выступили Суслов, Пономарев, Андропов. Отношения у нас с Китаем складываются сложные, острые, это не может не вызывать тревоги. Напрасно Суслов и Пономарев так легко подходят к этому вопросу. Мы по взаимоотношениям с Китаем будем при такой постановке вопроса иметь много сложностей и неприятностей. А ведь их выступления «задают» тон отношениям с Китаем. Напрасно им — Суслову и Пономареву — Хрущев доверяется, особенно в вопросах взаимоотношений с Китаем. Это «актеры» большой политической сцены; когда-нибудь все это откроется.

На Пленуме выступил Хрущев. Как всегда, горячо, с большим оптимизмом, у него еще много энергии, но все же этого мало, обстановка международная и внутренняя очень сложная.

На этом Пленуме Н. В. Подгорного избрали секретарем ЦК КПСС — это хорошо, заслуженно, но не думаю, чтобы он был от этого в восторге. Мне же совсем плохо: я только пришел работать в ЦК и начал свою деятельность уверенно, имея поддержку Подгорного. Да я к нему и отношусь с большим уважением. Он хороший товарищ, настоящий коммунист, одним словом, «партийный человек». Ведь, к сожалению, есть партийные руководители вроде бы и «неплохие», но человечности в них никакой — они сплошь «начинены» цитатами и слишком «большими идеями», а все это оторвано от реальной жизни. Я немного обеспокоен, с кем придется работать. Это вопрос очень важный. Как говорят, «лучше с умными камнями ворочать, чем с дураком вино пить». Посмотрим, у меня есть «запасные» позиции — пойду на производство. Там настоящая жизнь.

22 июня встречали космонавтов, а 23-го возвратился в Киев, почему-то очень тяжело было лететь. Наверное, устал, да и нервы подводят.

Быстрее бы решался вопрос о первом секретаре ЦК КПУ, сразу чувствуется отсутствие первого лица. Нет должной слаженности, какая-то нервозность, много разных разговоров. У некоторых товарищей чувствуется и наблюдается особая раздраженность. Идет борьба за «власть», я от всего этого стою далеко в стороне. По мне — скорее бы решался вопрос. Ведь надо работать, а не «делить посты».

26 июня утром в 8 часов по вызову ЦК КПСС улетел в Москву. В 11 часов уже был у Подгорного, он мне сказал, что предстоит встреча с Н. С. Хрущевым и членами Президиума ЦК КПСС. Подгорный не раскрывал «карт», но сказал, что речь будет идти о большой работе, мне трудно было представить, о чем может пойти речь. Со мной из Киева в Москву прилетел и Казанец.

Во второй половине дня в Москву прилетели: Соболев — Харьков, Ляшко — Донецк. Все вместе ждали приема у Н. С. Хрущева.

Первым на прием пригласили меня. При разговоре со мной присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС. Подгорный высказал свое мнение по поводу предстоящих перестановок и дал обстоятельную характеристику каждому из нас четырех: мне, Казанцу, Ляшко, Соболеву. Все характеристики были хорошими, с индивидуальной оценкой и анализом каждой личности. Разговор со мной был недолгим, общеознакомительным, доброжелательным. Н. С. Хрущев сказал, что я показал себя неплохо на Киевской области и по работе в ЦК КПУ и что он лично поддерживает мою кандидатуру на первого секретаря ЦК КПУ, хотя тут же сказал, что могли быть и другие кандидатуры — в республике много хороших подготовленных кадров. Все члены Президиума согласились с предложением Хрущева и характеристикой, данной Подгорным каждому из нас. Итак, со мной вопрос предрешен, вернее говоря, решен. Надо сейчас ждать решения Пленума ЦК КПУ.

Как мне стало позже известно, на Президиуме обсуждалось три кандидатуры на первого секретаря ЦК КПУ: Казанец, второй секретарь ЦК, Соболев, секретарь Харьковского промышленного обкома партии, и моя кандидатура. Кандидатура Казанца была отведена Хрущевым. Он его называл «увальнем» и, очевидно, по какой-то причине недолюбливал. К Соболеву Хрущев относился неплохо, отзывался о нем хорошо, даже «восторгался» его характером и импульсивностью. Остальные члены Президиума ЦК о Соболе были другого мнения. Говорили, что он не имел достаточного опыта в партийной работе, несколько ограничен в общем кругозоре, косноязычно и недостаточно логично излагает свои мысли. Хотя как инженер, хозяйственник и руководитель обладал большим опытом. Итак, «жребий» пал на меня, какая причина была этому, я сам не могу дать ответ на этот вопрос. Многие члены Президиума меня мало знали, да и я с ними мало сталкивался по работе и знал их лично.

Но вопрос решился по существу. Теперь дай мне бог силы, ума, способностей, энергии и здоровья оправдать высокое дове-

рие на большого масштаба партийной и государственной работе. Я поблагодарил Н. С. Хрущева и всех членов Президиума ЦК КПСС за высокое доверие.

На этом же Президиуме решился вопрос о Казанце: его утвердили Председателем Совмина Украины. Щербицкого освободили от этой должности и возвратили в Днепропетровск секретарем промышленного обкома партии. И то это было сделано только по настоятельной просьбе Подгорного, хотя Щербицкий в свое время Подгорному сделал немало неприятностей.

Соболя утвердили вторым секретарем ЦК КПУ, а Ляшко — председателем Бюро ЦК по руководству промышленностью, транспортом и строительством. На этом и закончились все организационные вопросы.

После заседания Президиума я был у Подгорного. Он меня предупредил о моем резком письме в ЦК КПСС по оборонной промышленности, сказал, что мне надо быть более осторожным в обращении. Намекнул, что в этом вопросе неблагоприятна роль Брежнева. Подгорный сказал, что надо остерегаться, ибо есть люди, которые могут наговорить черт знает чего. Я поблагодарил его за совет и предостережение.

28 июня 1963 года на заседании Президиума ЦК КПУ рассматриваются вопросы предстоящего Пленума, в том числе и организационные. Заседание проводит Н. В. Подгорный. В мой адрес Подгорным и некоторыми членами Президиума ЦК КПУ было высказано несколько критических замечаний и пожеланий, в частности, что за мной наблюдается некоторая горячность, надо больше иметь терпения, не «кипятиться», что я не всегда слежу за собой в формулировках и суждениях по тем или другим вопросам. Надо выбирать себе друзей осторожно и с разбором. Формулировки надо продумывать глубже, не спеша и больше выслушивать товарищей. Должно быть ровное отношение ко всем товарищам по работе и членам Президиума ЦК КПУ. Должно быть чувство высокой внутренней самокритики, нужно своевременно анализировать ошибки и делать из них правильные выводы. Все эти высказывания были как пожелания и напутствия. Правду скажу, что все это выслушивать было нелегко, потому что многими подобными «изъянами» я не страдал и не обладал ими, хотя как каждый человек имел свои недостатки.

1 июля в зале Верховного Совета Украины начал работу пленум ЦК КПУ. На повестке дня вопрос: «О задачах Украинской партийной организации по усилению идеологической работы в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС».

2 июля решался организационный вопрос. Подгорный внес предложение избрать меня первым секретарем ЦК КПУ. Членами ЦК это было воспринято хорошо. Я избран первым секретарем. Это большой день в моей жизни. Мне оказано огромное доверие, это высочайшая честь — доверие политическое и партийное. Я, бывший батрак, рабочий, воспитанник комсомола, партии, выдвинут на такой большой пост. Я всем обязан комсомолу, партии, народу. Странные ощущения: все идет, вроде бы, хорошо, но я несколько встревожен, обеспокоен таким вниманием ЦК КПСС, лично Н. С. Хрущева и Н. В. Подгорного, а также ЦК КПУ и его Президиума. Надо найти в себе все, чтобы оправдать его. Взять все из опыта, приобретенного на пути от директора завода до первого секретаря ЦК КПУ. На пленуме ЦК КПУ я сказал добрые слова о Н. С. Хрущеве и Н. В. Подгорном, сказал о товарищах — членах Президиума и членах ЦК КПУ: «Пока будет биться мое сердце и видеть глаза, я все буду делать, чтобы оправдать ваше доверие. Уверен, что при поддержке Президиума и членов ЦК, актива республики я сумею продолжить дело Н. С. и его продолжателя Н. В., хорошие партийные, человеческие традиции. В этом будет успех наших общих дел. Нам надо всем помнить, что у нас дел много, и трудных. Их надо решать уверенно и хладнокровно. Уверен, что партийная организация Украины, имеющая большие принципиальные и хорошие традиции, справится с любыми задачами. Думаю, что все будет хорошо, уверен в этом».

Первый на Украине.

«Я знаю, как отстраняли Н. С. Хрущева от власти»

В Москву тепло проводили Н. В. Подгорного. Мне очень жалко было расставаться, даже больше того — тяжело и грустно. Я даже разнервничался, тяжело расстаться с хорошим человеком, товарищем, коммунистом. И мне немного страшновато за весь объем работы и ответственность, возложенные на меня.

4 июля. Первый мой выезд в качестве первого секретаря ЦК КПУ состоялся в Днепропетровск. Со мной в Днепропетровск вылетел Щербицкий: надо провести пленум обкома КПУ, чтобы избрать его первым секретарем промышленного обкома. Щербицкий нервничает, я его успокаиваю. По прибытии в Днепропетровск провел беседу с членами бюро обкома о предстоящем пленуме обкома по организационным вопросам. Члены бюро принимают рекомендацию ЦК КПУ об избрании Щербицкого секретарем обкома — это уже хорошо.

В этот же день в Днепропетровск из Москвы позвонил Н. В. Подгорный и посоветовал срочно возвратиться в Киев, так как на Украину приезжает Н. С. Хрущев. Это хорошо, что приезжает Н. С., но и тревожно, первый раз я буду принимать Хрущева в качестве первого секретаря ЦК КПУ, а он, конечно, по своей пытливой натуре будет тщательно присматриваться ко всему с критической оценкой. Посоветовался с членами Президиума ЦК КПУ, как лучше принять Н. С. Хрущева, советов много, и даже неплохих, но решать надо мне.

5 июля встретили Хрущева, с ним приехал и Подгорный. Хрущев настаивает на том, чтобы Украина сдала государству не менее 700 млн. пудов хлеба, задача очень трудная, можно сдать и 900 млн., но с чем останется животноводство? Надо внимательно рассмотреть весь хлебофуражный баланс, не допустить просчета, отвечать-то за дела в республике перед людьми придется нам. Дал задание Кальченко и Комяхову представить подробные просчеты для реального и конкретного доклада Хрущеву истинного положения дел с хлебом в республике.

Воскресенье, 7 июля. Хрущев изъявил желание поехать посмотреть Киев. С Подгорным заехали к нему в Валки, там была его резиденция, он очень любил там останавливаться, когда приезжал в Киев. По городу мы с Подгорным ездили в одной машине с Н. С. Хрущевым, он в разговорах поднимал много разнообразных, не только политических, но и чисто практических народнохозяйственных вопросов. Вопросами хозяйства, экономики владел хорошо, разбирался в тонкостях, любил заниматься внутригосударственными вопросами, а это ведь большая политика, тут словами ничего не сделаешь.

8 июля мне из Москвы позвонил Брежнев, очевидно, для проформы. Поинтересовался, как дела в республике с хлебом, хотя он никакого отношения к этому вопросу не имел. Затем попросил разобраться, возможно ли завод «Киевприбор» передать конструктору Королеву⁶⁰. Но не эти были главные вопросы. Брежнев довольно детально и обстоятельно меня «допрашивал», какое настроение у Никиты Сергеевича, что он говорит о нем, какой разговор ведет с Подгорным? Чувствовалось, что эти вопросы его очень тревожили и волновали. Я, конечно, что знал, рассказал. На мой взгляд, настроение у Н. С. Хрущева нормальное, правда, он говорил, что в ЦК у него мало помощников. Какие разговоры Хрущев ведет наедине с Подгорным, мне неизвестно, да я этим и не интересуюсь, у меня хватает своих дел. Брежнев снова задает вопрос, о ком конкретно из работников ЦК говорил Хрущев, я ответил, что фамилий он не называл, но, очевидно, кого-то он имеет в виду, раз говорит. Брежнев несколько замаялся и снова перевел разговор на завод «Киевприбор» и Королева. Я ответил, что разберемся и доложим.

Н. С. Хрущев в Валках на Днепре принимал заместителя премьер-министра, министра иностранных дел Бельгии. Идет крупный разговор. Хрущев умел вести крупные политические переговоры, умно и ярко защищая свою страну, идеологию, классовую суть дела. Хрущев представил меня бельгийцам, и я присутствовал почти на всех переговорах.

Представляя меня как секретаря ЦК КПУ, Хрущев сказал: «Он у нас инженер-ракетчик», хотя я таковым никогда и не был. Что касается ракет, то можно смело сказать, что если бы не Н. С. Хрущев, то, очевидно, мы бы на долгие годы отстали по ракетостроению от Запада. Он в вопросах строительства ракет был просто неистов, очень строго следил за развитием и спрашивал конкретно за дела. По этим вопросам очень много попадало Брежневу, и он очень боялся Хрущева. Но объектив-

но надо сказать, что Хрущев, увлекшись ракетами, немного упустил развитие авиации, и впоследствии ему же пришлось исправлять положение.

Дал задание подготовить комплексное предложение по строительству железобетонной автомобильной трассы Москва—Брянск—Киев. Это предложение Хрущев одобряет и поддерживает. Нам крайне необходимо строить автомобильные дороги, в этом отношении мы в Европе стоим на последнем месте.

Принял генерала Ткаченко — начальника штаба гражданской обороны республики. Детально постарался рассмотреть и выслушать все вопросы о состоянии гражданской обороны в республике. Очень много вопросов неотработанных, и общее состояние дел довольно плачевное. Дал задание подготовить предложения по коренному улучшению служб гражданской обороны, подготовить письмо-информацию и предложения в Москву.

Из Москвы позвонил Косыгин, сообщил, что республике выделяется 5 тысяч автомашин и 150 тысяч комплектов резины под вывозку сахарной свеклы. Убеждал его, что это очень мало, машин нам надо минимум 15 тысяч, а резины — 200—250 тысяч комплектов. Он ответил, что никаких больше резервов в Совмине нет. Если это так, то все это вызывает тревогу.

Позвонил в Москву в ЦК КПСС, разговаривал с Брежневым, доложил ему о проведенном совещании секретарей обкомов по сельскому хозяйству. Он поинтересовался, какая реакция на открытое письмо ЦК КПСС по Китаю⁶¹. Я ответил, что в целом положительная, но народ таким поворотом дела обеспокоен. В ответ на это Брежнев подал реплику: «Без Китая жили и проживаем».

Я, откровенно говоря, удивился такому легкомысленному ответу Брежнева. С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. С Китаем нам еще придется много «возиться» — дело не в том, кто без кого может «прожить». Думаю, что Китай без нас тоже не погибнет, но может подпасть под влияние США, а это уже против нас.

Рассматривал проектное задание на строительство завода резинотехнических изделий. Начинается его строительство в Белой Церкви, будет большое предприятие.

24 июля в 9 часов утра машиной выехал в командировку по

маршруту: Кагарлык, Мироновка — Киевская область, Корсунь-Шевченковский, Смела, Каменка — Черкасская область, Знаменка, Александрия — Кировоградская область, Пятихатки — Днепропетровская область, Верхняя Хортица — Запорожская область, был и в Херсонской области. Везде встречался с колхозниками, рабочими, председателями колхозов и директорами совхозов, секретарями райкомов и обкомов партии. Поездка была ознакомительного порядка — хотел знать дела в сельском хозяйстве не из сводок и информации, а посмотреть самому, познакомиться с тружениками села.

1—10 августа 1963 года. Дал задание подготовить обстоятельную информацию в ЦК КПСС о состоянии дел с сельским хозяйством. Надо изложить все объективно, но без паники и уныния, главным образом сделать упор на то, какие нами принимаются меры на месте, чтобы преодолеть трудности. Дела складываются так, что помощи ожидать неоткуда, закрыта государственная пуста. Все это очень печально.

Из Львова в Киев переехал на постоянное жительство Д. Павлычко⁶² — молодой поэт с хорошими задатками, но говорят, что в идеологическом плане не совсем устойчив, хотя в этом вопросе нет критерия. Его устанавливают некоторые «идеологические боссы», и особенно это делается в том случае, когда грамотный, образованный человек имеет свое мнение и говорит о нем. Считай, что ты можешь попасть в «неустойчивые». Я принял Павлычко. Был обстоятельный, откровенный разговор. Его, конечно, надо основательно направлять, сделать за его развитием и поддерживать. Талантливый молодой человек, но работать надо много и упорно. Надо решить вопрос с предоставлением ему 3-комнатной квартиры.

Позвонил Дегтярев, секретарь Донецкого обкома КПУ. На заводе имени Ильича большая авария, не будет додано в текущем месяце 65 тысяч тонн проката и большое количество стали. Надо изыскивать где-то резервы для перекрытия. Установили строгий контроль за ходом строительства конверторного цеха, первый конвертор должен быть введен в строй 7 октября.

Воскресенье, 4 августа. Я на работе рассматриваю ход хлебозаготовок. Надо государству сдать хотя бы 700 млн. пудов хлеба. Можно сдать и больше, но это окончательно «подсчет» закрома — не из чего будет давать хлеб на трудодни колхозникам, ущемит животноводство. Не имеем права этого делать, но «жмут» просто страшно. В республике урожай против прошлого года на 3,5 центнера ниже с гектара. Основательно «подрезала»

засуха. При этом смешно слушать, когда наша пропаганда трещит вовсю, что мы «покоряем» природу. Глупость и невежество.

Позвонил в Москву, переговорил с Подгорным, Брежневым, Пономаревым по ряду важных вопросов, в том числе по вопросу выступления нашего представителя в ООН по вопросу поддержки заключения договора о прекращении ядерных испытаний, выяснил, что толком никто ничего по этому вопросу не знает. Надо мне было все эти вопросы скоординировать и отработать с МИД СССР. Переговорил с А. А. Громыко — несколько прояснился вопрос.

Позвонил Шуйский Г. Т., помощник Н. С. Хрущева, и сообщил, что поездом через Украину на Кавказ проследует Хрущев, надо предупредить секретарей обкомов, через какие области Хрущев будет следовать, — Сумы, Харьков, Донецк, возможна встреча секретарей обкомов с Н. С. Хрущевым. Мне лично Н. С. Хрущева надо встретить в Курске. 6 августа вылетел в Курск, где на вокзале вместе с курянами встретил Хрущева. Он пригласил меня в свой вагон. Там был В. П. Мжаванадзе⁶³, первый секретарь ЦК Грузии. Он из Москвы возвращался в Тбилиси. По пути в Харьков в вагоне Хрущев подробно интересовался состоянием дел с сельским хозяйством в республике, он сказал, что в стране очень плохо складываются дела с хлебом и что Украина должна выручить — сдать государству 800—900 млн. пудов хлеба. Очевидно, заметив мое явное замешательство и некоторую растерянность, он тут же сказал, что это шутка, но 700—750 млн. пудов от нас ждут.

8 августа из Москвы мне позвонил Подгорный и по поручению Хрущева передал, что Украина должна сдать не менее 750 млн. пудов хлеба. В стране очень тяжелое положение с хлебом, из Казахстана ожидали получить 960 млн. пудов, а получим не более 200—250. Сибирь и Алтайский край должны были дать 250 млн. пудов, а дадут 10—15 млн. Подгорный продолжал: «На закупку хлеба за границей не пойдем. Надо максимально провести экономию хлеба, сократить ассортимент выпечки хлебобулочных изделий, в том числе и белого хлеба. При выпечке хлеба подмешивать картофель, отруби, кукурузу, увеличить влажность хлеба, добавить соли при выпечке хлеба. Возможно, ввести карточки на хлеб». Да, положение складывается тяжелое. Но почему не пойти на закупку хлеба — этот вопрос для меня оставался неясным. Говорить, что это «престижный» вопрос, — просто глупость. Внутриполитическое положение в собственной стране важнее престижа. Имею опасение, что кто-то

на этих трудностях желает «подыграть». Закупаем же мы сейчас по 25—38 млн. тонн — где же в данном случае наш «престиж»?

Позвонил из Москвы Шуйский Г. Т., помощник Н. С. Хрущева, и сообщил, что Н. С. после возвращения из Югославии собирается поехать на юг Украины — его интересует ход строительства Северо-Крымского оросительного канала. Шуйский просил меня уточнить, каково состояние на строительстве канала, и наметить маршрут его осмотра. Шуйский также передал личную просьбу Н. С. Хрущева, чтобы мы, украинцы, сделали ему настоящий соломенный брыль — крестьянский головной убор, сплетенный из соломы. Хрущев любит носить простые народные вещи. Брыль-то мы сделаем отменно. А вот насчет маршрута, я его продумал, нанес на планшет, но для точности решил сам по нему проехать.

Позвонил мне Подгорный и передал мнение Н. С. Хрущева, что Трускунова надо бы сделать ответственным редактором «Рабочей газеты», дать ему самостоятельный участок работы. Трускунов работает сейчас заместителем главного редактора газеты «Правда Украины». Нынешнего редактора «Рабочей газеты» Лазебника переместить на РАТАУ или, возможно, откомандировать на преподавательскую работу. Н. С. Хрущев давно лично знает Трускунова по работе в прессе на Украине, он, Трускунов, «организовывал» письмо Заглады «О чести хлебороба». Дал задание продумать этот вопрос, хотя он и затрагивает беспричинное «перемещение» кадров, но у нас это часто делает-ся очень «просто».

Пронесшийся ураган над Николаевской, Одесской и Херсонской областями нанес урон на сумму свыше семи миллионов рублей, но дело не только в деньгах. Нет никаких материальных ресурсов. Нужен шифер — 2,5—3 миллиона условных плиток, 50—60 тысяч кв. метров стекла, 100—150 тысяч куб. метров леса, 450—500 тысяч кв. метров мягкой кровли, провод, опоры. Где все это брать?

30 августа состоялась встреча и беседа с начальниками областных управлений КГБ и членами коллегии ГК КГБ Украины.

Я рассказал об обстановке в стране и республике с хлебом, сахаром, картофелем, овощами и продуктами животноводства, о предстоящих больших трудностях. По всем этим вопросам будет закрытое письмо ЦК КПСС. Остановился на сложностях идеологической борьбы, и прежде всего на наших взаимоотношениях с Китаем, порекомендовал в обкомах партии всем им ознакомиться со стенограммой по этим вопросам.

Я говорил об активизации работы органов КГБ, о том, что в республике, и не только в нашей республике, идет некоторое оживление националистических элементов. Имеют место проявление антисоветизма, открытые антиобщественные проявления, распространение листовок. Необходима борьба за молодежь, ибо чувствуется большое на нее влияние Запада. Говорил о кадрах в КГБ, это вопрос очень важный. На совещании было задано много и довольно острых вопросов.

Сентябрь. В Киеве распространились панические вести вокруг вопросов с затруднениями с хлебом, в особенности с белым. Пошли усиленные слухи, что на хлеб будут введены карточки, на крупу, сахар, мыло, соль сильно урежут фонды. Провел совещание с горожанами, дал задание Асистову, (Горторг) и Аркадьеву (зам. предгорсовета) выступить по радио и телевидению с разъяснением. Это должно несколько успокоить население Киева. Дал указание усилить через партийные организации разъяснительную работу. Положение складывается очень сложное.

В городе судостроителей Николаеве получились большие перебои со снабжением хлебом. Торгующие и фондирующие органы снизили фонд муки Николаеву на 800 тонн за счет «перерасхода» в августе. Дневной расход хлеба по городу составляет 150 тонн, выделяют 102 тонны. В городе назревает сложная обстановка, много недовольства.

Из Николаевского порта идет отгрузка муки на Кубу, портовые грузчики отказались производить погрузку. На погрузку брошены воинские подразделения. Чтобы избежать открытых выступлений и просто забастовок или еще худших «явлений», я на свой страх и риск дал указание Сахновскому, министру торговли, и Бутенко, заместителю предсовмина, увеличить фонды на хлеб для Николаева.

11—21 сентября 1963 года. Провел совещание с ответственными работниками КГБ, МВД, суда, прокуратуры и другими административными органами республики. Обсуждались вопросы: о работе с общественностью и об оживлении деятельности добровольных дружин, о порядке и дисциплине в городах и рабочих поселках. Надо повести самую решительную борьбу с хулиганством, дебоширством, опасными преступниками. Участились убийства, дерзкие ограбления. Надо решительно взять под защиту закона действия милиции и дружинников по наведению должного порядка и пресечению преступлений. Повести самую решительную борьбу со спекулятивными элементами. Уже появились спекулянты белым хлебом. К сожалению, белый хлеб продают пайками те люди, которым он выдается по болезни.

Призвать к порядку распространителей слухов и провокаторов, злобствующих элементов. За последние месяцы на 10% увеличилось распространение листовок разного рода, и в первую очередь политического характера. Участились угрозы физической расправы в адрес партийного и советского актива, поднимают голову идеологически враждебные элементы. Дал указания «затянуть гайки», и всем административным органам работать дружно, совместно и оперативно решать все возникающие вопросы. Сократить сроки расследования, своевременно о всех важных вопросах информировать ЦК КПУ. Одним словом, ужесточаем административный напор — другого выхода нет. Наша пропаганда и идеи борьбы за коммунизм мало влияют, тем более когда народ видит, что дела и слова далеко не одно и то же. Тяжело, очень тяжело!

Принял Б. Е. Патона, президента АН республики. Патон доложил о новых работах по сварке для северных районов и в тропических условиях. Впервые вели разговор о возможностях ведения сварочных работ в космосе. Эта технология разработана институтом имени Патона АН Украины. Речь шла о развитии квантовой электроники на Украине, о выполнении тематики по оборонной промышленности и разработках по обороне страны вообще, в том числе разработке луча «лазер» — луча смерти. Обсудили вопрос об изучении малых рек и их значении для народного хозяйства, в особенности для сельского хозяйства. О методах разумного применения химизации в сельском хозяйстве. Решили вопрос о доизбрании 22 академиков АН.

Позвонил Брежнев, интересовался ходом сева озимых культур и ходом переработки сахарной свеклы, урожаем кукурузы. Все подробно я ему доложил, но так как происходила большая задержка с вывозом сахарной свеклы из-за явной недостачи автотранспорта, то я Брежнева попросил выделить на вывозку сахарной свеклы 10—12 тысяч военных автомашин, он обещал «разобраться». Это его излюбленный «прием». За последнее время я стал наблюдать, что он свои обещания «щедро раздает», но очень плохо выполняет. Надо самому находить выход.

Октябрь. Поставил вопрос перед ЦК КПСС, чтобы посмертно были награждены коммунисты, руководившие патриотической, боевой подпольной молодежной организацией краснодонцев⁶⁴. До сих пор роль коммунистов была в тени — это неверно. В связи с приближением даты «20 лет битвы за Днепр» поставил вопрос о присвоении генералу Ватутину⁶⁵ звания Героя Советского Союза. Оба предложения на уровне Секретариата ЦК КПСС были приняты.

Рассматривал текущие и перспективные вопросы по отделам ЦК — пропаганды и науки и культуры. О кадрах и издательстве «Советский писатель». О строительстве и организации театра в районе Дарницы. Об установлении памятника Лесе Украинке. О предстоящей декаде русской литературе на Украине. О строительстве дома — Дворца писателей и творческих союзов Украины. Об организационных вопросах проведения 20-летия битвы за Днепр. По всем вопросам сделаны поручения, вопросы взяты на контроль.

Позвонил из ЦК КПСС Брежнев, просил разобраться с вопросами строительно-монтажных работ в черной металлургии, ввод мощностей по всему металлургическому циклу. Главным образом по заводу имени Ильича — «стан-1700» по Криворожскому заводу, ввод в строй рельсового стана и блюминга непрерывной прокатки, строительство прокатных станов. Предстоит огромная работа на Никопольском трубном заводе по расширению производства и ассортименту труб, в том числе и труб специального назначения.

По всем вопросам дано задание подготовить мероприятия, принять конкретные меры исправления недостатков, провести специальное совещание.

Позвонил Н. С. Хрущев. Он интересовался состоянием озимых посевов, ходом сдачи государству хлеба — тут же добавил к заданию 30 тысяч тонн, интересовался заготовкой картофеля. Он также поинтересовался вопросом, как себя чувствует озимая пшеница сорта «Безостая-1» на экспериментальных влагозарядных участках. Главным образом эти участки у нас были в Донецкой, Николаевской, Одесской, Херсонской и Крымской областях. Я доложил, что озимые на этих участках отличные, но окончательное заключение рано давать. Мы доложим результаты после сбора урожая. Он согласился с моими выводами. Хрущев еще раз поинтересовался о пользе и целесообразности нашей поездки в Краснодарский край за опытом по малому орошению. Я доложил ему, что мы у себя в республике разрабатываем широкий план внедрения малого орошения, главным образом на юге и средней полосе Украины. Хрущев об этом одобрительно отозвался, даже похвалил.

11—20 октября 1963 года. Н. С. Хрущев находится в Крыму, 13 октября в 16.00 позвонил мне в Киев, просил прибыть к нему в Ялту 14 октября. (Кто мог в то время подумать, что ровно через год, 14 октября 1964 года, Хрущев будет смещен со всех его постов? А как впоследствии стало известно, когда Хрущев

проявлял заботу об орошении юга Украины, вокруг него уже плелись интриги, готовилась политическая расправа за его принципиальность и нетерпимость к пустословию и безразличию к делам. Главным интриганом и карьеристом выступал Брежнев. Нельзя сказать, чтобы он сам это делал, но хитро привлек разными посулами на свою сторону немало руководящих работников. Но мотив был один: сместить Хрущева, которого он смертельно боялся и перед которым подобострастно заигрывал.) Н. С. Хрущев сказал, что сам желает рассмотреть новую схему орошения юга Украины, просил прибыть к нему вместе с Алексеевским — Водхоз Украины, Кузнецом — директором проектного института «Водогипрохоз», Ткачем — начальником проекта Северо-Крымского канала.

Пригласил к себе всех этих товарищей, обсудили, что будем показывать и докладывать Н. С. Хрущеву. Забрали с собой схемы, расчеты, альбомы, проекты по всем оросительным системам республики. Взяли с собой макет Северо-Крымского канала, чтобы наглядно показать эту большую стройку.

Рано утром 14 октября 1963 года все вместе самолетом вылетели в Симферополь, а затем на машинах поехали в Ялту, на дачу Н. С. Хрущева. Хрущев принял нас довольно радушно, шутил, расспрашивал о делах, но настроение у него было чем-то все же омрачено. Он весьма внимательно выслушал все доклады и сообщения, рассмотрел представленные схемы, макеты, проекты. Состоялась обстоятельная беседа, мы получили от него задание по дальнейшему развитию орошаемого земледелия в республике. Довольно детально обсуждался вопрос о структуре посевных площадей на орошаемых землях: Хрущев дал задание заложить экспериментальные участки посева пшеницы широкорядным способом. Много говорили о внедрении автоматики в поливное хозяйство. От беседы с Н. С. Хрущевым у всех нас осталось большое впечатление.

16 октября, во второй половине дня, с Казанцом — предсвином, и Комяховым, секретарем ЦК КПУ по сельскому хозяйству, вылетели в Симферополь. Переночевали в особняке на Луговой. Утром 17 октября на перевале встретили Н. С. Хрущева и через Симферополь машины последовали на Перекоп, где состоялся короткий митинг, посвященный пуску воды из Северо-Крымского канала в Крымскую область, в Джанкойские степи. Митинг и выступления — все прошло хорошо, организовано. Н. С. Хрущев был в приподнятом настроении.

Утром 18 октября Н. С. Хрущев и я только вдвоем выехали на охоту в Белогорское фазанье хозяйство, это в 35 километрах на юго-восток от Симферополя. Погода стояла отличная, охота

была очень удачной, мы здесь пробыли целый день. В Крыму прошли хорошие дожди, озимые поправляются, это поднимает настроение. Поздно вечером возвратились в Симферополь. 19 октября в 10 часов утра Н. С. Хрущев самолетом вылетел в Москву. В тот же день мы вылетели в Киев.

Во время встречи и бесед с Хрущевым было выяснено и решено много вопросов. В Крыму было несколько совхозов в ведении военных, в том числе и подсобные хозяйства. Они вели свои хозяйства оторванно от общего направления агрозоотехнической политики. Эти хозяйства никакой продукции государству не сдавали, были, по существу, неподотчетны и малопродуктивны. Хрущев все выслушал внимательно и дал согласие установить общедействующий для всех сельскохозяйственных организаций по всей стране порядок. Обговорили вопрос о создании управления в Крымской области орошаемого земледелия.

Беседы с Хрущевым были всегда интересными, он умел выслушивать, задавал вопросы, сам разговор он как-то подзадабривал. Из каждой беседы с ним можно было много взять для себя, для работы.

21—31 октября 1963 года. Вчера, 20 октября, скоростножонко окончился Давыдов А. О., председатель Киевского горисполкома, хороший коммунист, отличный работник, верный товарищ. Он очень много вложил труда в город, председателем горисполкома был более 12 лет. Некоторые его считали суровым, черствым, нелюдимым — это неправда. Он был душевным человеком, неподкупным, не мог лебезить, всегда имел свое мнение. Мне очень жалко его, это большая утрата, мог бы еще много лет поработать и принести большую пользу настоящему делу.

По этому скорбному случаю я позвонил Н. С. Хрущеву. Он очень тревожно и с большим сочувствием отнесся к смерти Давыдова. Расспрашивал, как это случилось, говорил очень тепло об Алексее Осиповиче, очень жалел о случившемся. Дал согласие подписать некролог и поместить сообщение в центральной печати.

Принял М. Бажана по его просьбе. Обсудили ряд вопросов: надо принять решение ЦК о проведении 150-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко, о сооружении памятника Шевченко в Москве, о выпуске трехтомного словаря-справочника по Украине.

Состоялся митинг в Ново-Петровцах, на командном пункте Ватутина — Хрущева, откуда 20 лет тому назад было начато

форсирование Днепра и освобождение Киева. Траншеи и блиндажи сохранились, организован небольшой музей. На празднике, посвященном 20-летию освобождения Киева, присутствовали Свобода⁶⁶ и Ломский из Чехословакии. Они выступали на митинге как участники форсирования Днепра и освобождения Киева в составе чехословацкой бригады, которой командовал Л. Свобода.

7—9 ноября. Октябрьские праздники, демонстрации, парад, прием по случаю 20-летия освобождения Киева — все прошло неплохо. Но за «праздники» по республике немало разных негативных проявлений — 34 убийства, 27 случаев дерзкого хулиганства, три изнасилования. Арестованы и привлекаются к ответственности 26 человек. Произошло 26 автомобильных аварий и катастроф, в них погибло 13 человек. Итого за праздники погибло 47 человек. Имели место 14 случаев распространения антисоветских враждебных листовок. Все это вместе взятое омрачает и без того далеко не радужное «праздничное» настроение.

Стало известно, что **12 ноября** в 10.05 поездом в Киев прибывает Н. С. Хрущев, он просит в сам город не заезжать, а высадить его на перегоне, не доезжая до Броваров, чтобы оттуда поехать прямо в Залесье. Там будет его резиденция и место работы по подготовке к предстоящему Пленуму ЦК КПСС. Рекомендовано встречать его мне одному. На 822-м километре поезд был остановлен на 5—6 минут, поданы автомашины. Я вместе с Хрущевым отправился в Залесье.

Вместе с Хрущевым для подготовки доклада к Пленуму прибыли Шуйский, Поляков, Рудаков, Демичев, Ильичев, Сатюков, Андропов, Пономарев, Лебедев, Аджубей. Это только ответственные работники, а сколько технического и обслуживающего персонала, просто трудно всех запомнить. И всех их надо было разместить, обеспечить питанием, транспортом, связью, культурно-бытовыми условиями.

Через несколько дней Хрущев переехал из Залесья в Валки. Это недалеко от Киева у Вышгорода: ближе к городу, больше удобств. Здесь он, в частности, рассматривал вопросы сельского хозяйства Российской Федерации, при этом присутствовал и я. Н. С. Хрущев меня сам пригласил. Я на фактическом материале убедился, что дела наши в сельском хозяйстве просто плачевные, если не сказать большего.

В тот же день вечером, в 17.00, я с Н. С. Хрущевым выехал в Залесье. По дороге он основательно меня пожурил за излишнее освещение города, дал задание сократить до пределов разумного освещение. Это верно, что надо экономить электроэнергию.

На станции Раздельная в 12 вагонах демобилизованные из армии грузины устроили пьяный дебош. Открыто высказывали недовольство в адрес Хрущева; защищали все действия и порядки при Сталине, восхваляли политику Маленкова.

В Стамбуле с нашего туристического теплохода остался 21 человек. Пока неизвестно и не совсем ясно, сколько осталось наших и сколько поляков. Все это довольно неприятные вещи, и это довольно прозрачно говорит о нашем политическом состоянии.

Хрущев снова возвратился к пересмотру и пересчету наших предложений по зерновым. Вопросы сельского хозяйства его очень тревожат, беспокоят, волнуют. Не так давно бросали лозунги: «Догоним и перегоним Америку», а сейчас просто у нас катастрофа с сельским хозяйством, и это не может не отражаться на политическом престиже в целом и, в частности, на престиже Хрущева.

Декабрь 1963 года. Только 3 декабря возвратился в Киев. За время моего отсутствия вопросов накопилось очень много. Надо рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии газовой промышленности в республике, в особенности по Шебелинскому месторождению.

* * *

Вот и начался **новый, 1964 год**, в нем надо решить столько сложных, трудных и неотложных задач и вопросов. Несмотря на его «високосность», будем надеяться, что все будет хорошо. Борьба предстоит нелегкая, надо больше организованности, требовательности к себе и окружающим по работе.

Новый год! Мы тебя встречаем с радостью, нежно, тепло, хорошо. Будь и ты к нам снисходительным, дай содействие удачи во всем, настоящего большого человеческого счастья!

Был в Харькове на пленуме промышленного обкома партии. Обсуждался вопрос об итогах декабрьского Пленума ЦК КПСС и задачах областной партийной организации по резкому улучшению работы промышленности области. Пленум показал высокую зрелость партийной организации. Говорили, что мое выступление прозвучало неплохо.

Посетил завод имени Малышева. С постановкой нового танка на производство имеются большие трудности. На заводе № 135 Министерства авиационной промышленности интересовался постановкой на производство нового самолета конструк-

ции А. Туполева. Ознакомился с работой мощного ускорителя в Пятихатках. Это, по существу, атомный центр республики. Был на приборостроительном заводе у Стрелецкого. Когда-то мы с ним работали на харьковском заводе «Серп и молот»: он директором, а я главным инженером завода. Это было еще в довоенное время. Промышленность Харькова мощная и разнообразная, кадры высококвалифицированные, опытные, большой рабочий центр. Со снабжением дела очень плохие. Идет много справедливых нареканий. Мы «пытаемся разъяснить», но разъяснения кушать не будешь.

Очень сильно простыл, температура подскочила до 39°, чувствую себя очень плохо. В Киев возвратился 18 января и дома болел до 21 января. Стало известно, что в Киев приезжают гости — Н. С. Хрущев, Фидель Кастро и Н. В. Подгорный. При такой ситуации не до болезни — начал подготовку к встрече. Провел совещание с ответственными работниками, как лучше встретить и организовать отдых. Ведь известно, что они везут Кастро показать зиму и охоту.

22 января 1964 года в 9 часов 25 минут из Москвы прибыл в Киев специальный поезд, в котором — Хрущев, Кастро, Подгорный, многочисленная охрана, сопровождающие и представители прессы. Всех надо разместить, устроить. На Киевском вокзале в честь прибытия Ф. Кастро выстроен почетный караул, много было встречающих. Тогда еще многие интересовались Ф. Кастро, и он казался каким-то особым «героем» — это мы так его представляли нашему народу. С вокзала поехали прямо в Залесье на охоту. Хрущев, узнав, что я приболел, категорически запротестовал, чтобы я был на охоте, оставил меня на «хозяйстве», но и тут хватало дел.

Настроение у Н. С. Хрущева хорошее, и он был в отличной форме. Охота удалась, как говорят, на славу. Хрущев убил двух больших кабанов, двух козлов, четырех зайцев. Кастро убил оленя, двух козлов, кабана. У Подгорного тоже были хорошие «трофеи». В лесу у хорошего костра пообедали. После этого еще сделали пару «загонов», добыча тоже была немалая. На второй день в 21.00 Кастро с Подгорным улетели в Архангельск. Я возвратился с аэродрома, проводил Н. С. Хрущева в Киев в его резиденцию.

24—25 января проходило республиканское совещание свекловодов, было много интересных выступлений и предложений, немало было высказано и критических замечаний. Надо теперь было все обобщить и претворить в жизнь. Все ждали, что Хрущев может появиться на этом совещании, поэтому оно

проходило с какой-то напряженностью и вместе с тем приподнятостью. Само совещание прошло хорошо, о нем я доложил Хрущеву, он тоже о совещании отозвался одобрительно, так как его помощники присутствовали на совещании и, естественно, доложили ему раньше меня, но он все же все вопросы по совещанию выслушал со вниманием.

25 января вечером с Н. С. Хрущевым выехал на охоту в Залесье. Охота была на кабанов с вышек, и очень удачная. После охоты был длительный интересный деловой разговор по многим вопросам. В частности, о застройке хорошими домами новостроек Киева — Сырца и других районов, о постановке на производство хорошей автомашины «Запорожец». Я тут же доложил, что уже создана и изготовлена новая модель «Запорожца» и просил его разрешения послать в Москву автомашину для ее показа членам Президиума. Он на это дал согласие.

Во время нашего разговора из Москвы Хрущеву позвонил Брежнев, во время разговора я хотел покинуть комнату, но Хрущев знаком показал, чтобы я остался. Брежнев говорил о каких-то делах, затем сказал, что из Днепропетровска и Киева поступают жалобы на низкое качество хлеба. Чувствовалось, что это Хрущева обозлило, и он раздраженно Брежневу сказал: «Что вы все мне докладываете? Надо кое-что и вам самим научиться делать!» После переговоров с Брежневым Хрущев мне сказал: «Вот видите, какие «помощники». На язык больно острые, а на дело не хватает способностей и ума». Я, конечно, промолчал.

Провел совещание с заведующими отделами ЦК Шевелем и Кондуфором, рассматривали вопросы о встрече в ЦК КПУ с активом творческой интеллигенции. В деталях обсудили организацию издания истории городов и сел республики. Это большое дело, оно останется на века в истории Украины. Были и противники этого нужного и разумного дела, и прежде всего неуч и тупица И. Грушецкий.

Говорил по телефону с Н. В. Подгорным. Он возвратился из Архангельска, куда сопровождал Ф. Кастро. В Архангельске была страшная метель, но он доволен, что побывал в этих местах. Я ему доложил о наших разговорах с Н. С. Хрущевым, передал высказывание его в адрес Брежнева. Подгорный на это сказал: «Это ему наука: пусть не торопится докладывать неприятности. Их и так у нас хватает, хоть отбавляй».

По вопросам организации в Киеве Института теоретической физики принимал академика Н. Н. Боголюбова, президента АН

Украины Б. И. Патона, докторов наук Тавхелидзе и Давыдова. Выслушал их доводы, аргументы, предложения. Поручил еще раз все проверить и проработать вопрос с Москвой.

Погода стоит ужасная, почти по всей республике сильные ветры, снежные заносы, что вызывает большие затруднения в работе промышленности и транспорта. В сельском хозяйстве большие затруднения с подвозом кормов, подачи воды. Имеются массовые перебои с подвозом продовольствия, топлива в города и райцентры. Из-за снежных заносов в Донецкой области не работает 7 шахт: дорога на Жданов, Константиновку занесены двухметровым слоем снега, невозможен подвоз продуктов питания, даже перебои с подвозом хлеба. Автомагистраль Харьков — Ростов местами занесена снегом до трех метров. Много автомашин, в том числе и автобусов с людьми застигнуто бураном. Принимаются самые энергичные меры к эвакуации и спасению людей. Перевозим в ближайшие населенные пункты. Помогают воинские части своей техникой, вездеходами. Кое-где имеются жертвы.

Обзвонил всех секретарей обкомов партии, дал задание принять должные меры к обеспечению нормальной работы в промышленности, сельском хозяйстве, доставке топлива и продуктов питания, водоснабжении.

Вечером 28 января позвонил мне Н. С. Хрущев и пригласил приехать к нему в его резиденцию в Валки. По приезде я доложил Хрущеву, что делается в республике и какие ужасные погодные условия, которые отрицательно влияют на нормальный ход всех дел. Хрущев все внимательно выслушал и полусуштя сказал: «Не жалуйтесь, ибо я в этом вам ничем помочь не могу, а то, что принимаете меры, несите сами за них ответственность. Давайте лучше послушаем записи на пластинках и магнитофонные новых вариантов Гимна Советского Союза». Долго и много слушали эти записи, но, оказывается, ни один из них не подходит, нет должной мелодии, эмоционального подъема, не говоря уже о словах и музыке. Потом долго сидели, разговаривали по многим вопросам экономики, техники, политики. Я заметил, что у Хрущева много задумано интересных вопросов, а энергии просто море. Но он жаловался, что ему трудно работать, много вокруг него краснобаев, догматиков и рутинеров. Беседа была какой-то откровенной, не говоря уже о ее глубоком и интересном содержании.

30 января Н. С. Хрущев пригласил меня к себе в Валки в 13.30. Поговорили о делах в республике. Он сам любил много рассказывать интересных политических событий, связанных

с его работой при И. В. Сталине, о «разгроме» антипартийной группы, об аресте Берии⁶⁷ и многом другом. Хрущев пригласил меня пообедать с ним, а затем мы поехали осматривать строительство Киевской ГЭС.

31 января в 8 часов утра Н. С. Хрущев поездом уехал в Москву. Сразу же по возвращении с вокзала я позвонил в Москву Подгорному и Брежневу, они меня очень просили сообщить им, когда из Киева выедет Хрущев. Я сказал, какие были задания, замечания и какое у него настроение — последнее их больше всего интересовало. При этом Брежнев спросил меня: «А Никита Сергеевич обо мне ничего больше не говорил?» Я ответил, что мне ничего не известно, что мог говорить или думать о нем Хрущев.

Во время пребывания Хрущева в Киеве на его имя поступило очень много писем и заявлений, главным образом по квартирам, помилованиям, снятию судимости, неправильным увольнениям с работы, о плохом снабжении. Со всеми этими вопросами было поручено на месте разобраться, принять меры и доложить в ЦК КПСС.

Февраль 1964 года. Из Москвы позвонил Шуйский Г. М., первый помощник Н. С. Хрущева, и сообщил мне, какие приняты меры по нашим запискам, посланным в ЦК КПСС. По записке о дальнейшем развитии добычи марганцевой железной руды — записка направлена Устинову для принятия мер. О производстве на Ждановском заводе имени Ильича сварных труб из листа спиралью диаметром 1020 мм по способу профессора Целикова и первых неудачах в этих вопросах (плохо идет формирование «в улитке») — поручено доработать технологию и добиться того, чтобы производство таких труб наладить у себя в стране. На то время ФРГ в поставке таких труб нам отказала, а нам надо вести мощные газопроводы и нефтепроводы, не растранжиривая наше богатство — газ и нефть.

Наша информация о технико-экономическом расчете производства стали конверторным способом очень заинтересовала Н. С. Хрущева, и он дал поручение представить предложение. Моя записка в ЦК КПСС о развитии и значении технического прогресса для народного хозяйства страны разослана членам Президиума ЦК КПСС. Я поблагодарил Шуйского за приятные сообщения. Все это окрыляло в работе.

Принял Червоненко С. М., нашего посла в Чехословакии. Он обстоятельно проинформировал о политической обстановке в Чехословакии. Из информации было видно, что там складывается довольно сложная обстановка, просто назревает политиче-

ский кризис. Налицо очень большое влияние Запада на экономику страны и идеологические вопросы. Далеко не решены национальные вопросы: словаки имеют сильную обиду на чехов. По информации Червоненко, Новотный⁶⁸ ведет не совсем правильную политику в отношении словаков, последние чехов называют «швейками»⁶⁹. В стране происходят политические интриги, борьба за власть, беспринципные обвинения друг друга среди руководящего состава, и прежде всего в ЦК КПЧ. И все же на данном этапе самое разумное — всячески поддержать Новотного. Он честный коммунист, преданный нашему делу. Кто придет к руководству и как повернется дело, трудно предсказать, разумнее всего придерживаться того, кто проверен на деле. Червоненко обеспокоен событиями в Чехословакии, тем более что к его информации и докладам относятся с каким-то недоверием.

11—28 февраля 1964 года. В Москве проходит февральский Пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Задумок много, но как все это будет при нашей «организованности», сказать сейчас очень трудно. Есть опасение, что это очередное многословие. Как оно уже всем опротивело!

14 февраля 1964 года в особняке на Ленинских горах в Москве отмечал свое 56-летие. Уже много лет, а время катит — не уследишь, и что прошло, того не воротить. Поздравить меня приехали Подгорный и Брежнев. Хорошо посидели, естественно, выпили, много обо всем говорили, у них обоих чувствовалась какая-то нервозность. Они даже говорили: «Хорошо тебе, ты подальше от всего и много не знаешь». Были жалобы на свою «судьбу», о трудностях в работе и несрабатанности. Я отвечал, что знаю то, что мне положено, а вообще некогда рассуждать и присматривать за уймой работы. Чувствовалась какая-то нервозность. Но до конца они не открывались. И все же у меня запала какая-то «искра» настороженности, что в «верхах» далеко не все в порядке, происходит какая-то закулисная игра не на принципиальной основе, а в борьбе за влияние и власть. Но пока что это были только мои догадки, предположения, сомнения.

Проездом через Киев Живков следует в Москву на переговоры с Н. С. Хрущевым. Мне пришлось его встречать и провожать на вокзале. Настроение у Живкова внешне неплохое, даже игривое, но все же он чем-то встревожен. Может быть, это результат его прежних переговоров с Хрущевым, когда он ставил перед ним вопрос, чтобы Болгарию сделать союзной республикой Советского Союза, за что его Хрущев хорошенько

отчитал, при этом сказав: «Вы хотите стать нашими нахлебниками? Мы сами пока что еле сводим концы с концами, да и что ваш народ о вас подумает?» Эти слова я сам слышал от Хрущева, при этом он сказал: «Не серьезный человек». И вот у Живкова после такого мнения Хрущева о нем снова предстоит встреча с Хрущевым. Можно понять тревогу Живкова.

В связи со 150-летием со дня рождения Т. Г. Шевченко юбилейный Шевченковский комитет⁷⁰, Корнейчук, Скаба, внесли предложение присудить звание лауреата Шевченковской премии Н. С. Хрущеву. Утвердили делегации от республики для поездки в Ленинград и Казахстан в связи с юбилейной датой Т. Г. Шевченко.

1—10 марта 1964 года. Имел разговор с Н. С. Хрущевым. Он находился на отдыхе в Пицунде, я доложил ему о партийном активе по сельскому хозяйству. На нем присутствовало около 10 тысяч человек, проводили его во Дворце спорта. Сам актив прошел хорошо, много было интересных выступлений, критических замечаний и предложений.

Особо доложил, и это было по просьбе Брежнева, о работе металлургического завода имени Дзержинского в Днепродзержинске, о его технико-экономических показателях. На заводе работает около 25 тысяч человек, в год он производит более 4 миллионов тонн чугуна, 4,5 миллиона тонн стали, 3,5 миллиона тонн проката. Это составляет 12% годового производства всей металлургии страны. У завода, его рабочего класса большие революционные заслуги, заводу исполняется 75 лет, я просил Хрущева разрешить представить завод к награждению орденом Ленина. Н. С. Хрущев все мои предложения выслушал внимательно — помолчал несколько времени, а затем задал мне вопрос по Дзержинке: «Это вас попросил Брежнев со мной переговорить?» Я ушел от прямого ответа и сказал, что мы этот вопрос ставим самостоятельно. Хрущев мне сказал, что на этом заводе когда-то работал Брежнев, и он всячески добивается, чтобы этот завод был награжден, видно, он где-то пообещал, от него это можно ожидать. Тут же Хрущев дал согласие на награждение завода, но сказал, чтобы представление дали к концу года, когда будет закончено годовое производство.

Я сообщил Н. С. Хрущеву, что Шевченковский комитет принял решение о присвоении ему звания лауреата Шевченковской премии с вручением медали и грамоты за огромную работу по пропаганде шевченковского наследия, за большой вклад в утверждение и развитие национальной украинской культуры. Члены комитета, Бажан, Корнейчук, Рьльский, просили меня сообщить об этом и получить согласие на то, чтобы 9 марта об

этом сообщить в печати, центральной и республиканской. Н. С. Хрущев подумал немного, затем сказал: «По этому вопросу вы позвоните мне немного позже». Доложил ему предложение, чтобы Черкасскую область переименовать в Шевченковскую, он эту идею отклонил с ходу, при этом сказал, что довольно того, что мы переименовали Станиславскую область в Ивано-Франковскую, а теперь не успевает отписываться перед народом, все это в народе воспринимается не здорово, не так, как кое-кому кажется.

Из Москвы позвонил мне Брежнев Л. И., интересовался, что нового. Я ему рассказал о проведенном партийно-республиканском активе, рассказал, что мы готовим сувениры Н. С. Хрущеву и всем членам Президиума ЦК КПСС в связи со 150-летним юбилеем Шевченко — памятный иллюстрированный «Кобзарь», шеститомник его произведений (юбилейное издание) и бюст Т. Г. Шевченко.

Брежнев спросил меня, был ли у меня разговор с Н. С. Хрущевым по вопросу награждения завода имени Дзержинского, я ответил, что разговор был, и что он дал согласие на награждение, но в конце года. Сообщил, что обстоятельный разговор был по делам республики. Разговор был о том, чтобы он дал согласие опубликовать в центральной печати сообщение о присвоении ему звания лауреата Шевченковской премии, при этом как-то нервозно Брежнев меня спросил, дал ли Хрущев согласие? Я ответил, что просил по этому вопросу позвонить ему позже. Брежнев поинтересовался: а о нем, Брежневе, не было никакого разговора и ни в какой форме? Я ответил, что Хрущев спросил меня о Дзержинке, других же вопросов не было. Я стал замечать, что каждый раз Брежнев как-то ревностно-тревожно относится к моим встречам с Хрущевым, что он «смертельно-панически» боится Хрущева. Это уже становилось почти подтвержденным фактом.

Из Харькова поступили тревожные сигналы, в городе больше недовольства — нет сахара. Выделенный фонд в 735 тысяч тонн мал, надо добавить не менее 250 тысяч тонн. Сахар на месте имеется, но фонды выделяет Москва, при нашей системе, пока будем «доказывать и решать», недовольства могут перейти в «скандал». Принял решение на свой риск и страх выделить дополнительно Харькову сахара 250 тысяч тонн. Знаю, что это будет воспринято в Москве болезненно, но что делать, надо брать на себя ответственность во избежание больших неприятностей среди народа.

Н. С. Хрущев прислал ответ на награждение его Шевченковской премией, вот содержание: «В борьбе за светлое будущее украинский народ вносит свой достойный вклад. От души же-

лаю рабочим, колхозникам, интеллигенции, всем трудящимся Украины новых, еще больших успехов в благородном труде, новых побед в осуществлении планов коммунистического строительства, намеченных в Программе КПСС».

21—31 марта 1964 года. 23 марта в Октябрьском Дворце состоялся расширенный Пленум ЦК КПУ, присутствовало 2200 человек республиканского партийного актива. С докладом «О борьбе КПСС за сплочение международного коммунистического движения» выступил Н. В. Подгорный. Пленум прошел хорошо, но я своим выступлением остался внутренне почему-то недоволен, даже объяснить сам не могу. Во время пребывания Подгорного в Киеве мы с ним много разговаривали. Он очень жалел, что ушел с Украины и по этому поводу высказывал какую-то затаенную обиду на Н. С. Хрущева. В разговорах я ему полшутя сказал: «Возвращаясь, я место уступлю. Сам с большим удовольствием уйду на благородное дело — работать на завод». Подгорный на это ответил: «Ведь ты хорошо понимаешь, что это ни от тебя, ни от меня не зависит. Одно тебе скажу, что в республике работать хотя и далеко не легко, но зато знаешь, что ты делаешь и как-то свой «труд» ощущаешь. А главное — стоишь подальше от всяких интриг и «борьбы» за свое влияние в центре». И добавил: «Петро, ты себе не представляешь, как все это противно самому естеству». Я пытался более подробно выяснить, чем он так недоволен работой в центре, но он от прямого ответа уходил. Только много высказал своих соображений о работе аппарата ЦК и далеко не совсем слаженной работе и состоянии дел в Президиуме ЦК КПСС, не раскрывая самой сути вопросов. Тут же мне сказал: «Я тебя очень прошу, на всякий случай подбери, «забронируй» мне квартиру в Киеве». Об этом он мне и раньше говорил. Я ему ответил: «Квартира готова, переулоч Дзержинского, дом 5, кв. 17, третий этаж, 5 комнат». Он меня за это поблагодарил.

Разговор с Подгорным меня встревожил, но я себе даже не мог представить, что там в центре творится. Внешне все хорошо, единодушие и сплоченность. Хрущев у вершины власти, и его все поддерживают и даже очень восхваляют. На следующий день Подгорный улетел в Минск, тоже выступать с докладом. Прошло некоторое время, и острота разговора моего с Подгорным как-то сама по себе за делами притупилась.

Из Москвы мне позвонил Ильичев, секретарь ЦК, и потребовал разобраться с книгой, выпущенной Политиздатом Украины. Книга называлась: «Иудаизм без прикрас», автор Кичко ⁷¹. Ильичев предупредил меня, что этот вопрос будет разбираться на Секретариате ЦК, докладывает Алексеев, заведующий отде-

лом пропаганды ЦК КПСС, и что содержание этой книги доложено Н. С. Хрущеву. Я сам только после этого прочел эту книгу и ничего предосудительного или крамольного в ней не нашел. Не понятно, почему вокруг этой брошюры поднят такой шум — какое-то шараханье. Почему можно и разрешается критиковать все религии, кроме иудейской и действий сионистов? Ну что ж, дадим «объяснение».

28 марта выехал в Москву. Завтра в 20.00 с Киевского вокзала специальным поездом партийно-правительственная делегация, возглавляемая Н. С. Хрущевым, отбывает в Венгрию. Делегация в Венгрии пробыла 10 дней. Из ознакомления и ведения переговоров видно, что в стране имеются свои большие политические и идеологические трудности и сложные вопросы.

На одном из митингов на заводе выступал рабочий и обратился к Хрущеву с просьбой оказать помощь в получении металла и каких-то электромоторов. Хрущев, как всегда, на эти вопросы реагировал быстро и, очевидно, чтобы разрядить обстановку, тут же в реплике сказал: «Вот тут в нашей делегации присутствует товарищ Шелест, секретарь ЦК КПУ, очевидно, от него к вам не поступает металл и электромоторы. Так вот, давайте ему скажем, что же он венгерский гуляш кушает, а моторов не поставляет. Так вот, не будет металла и моторов, не дадим ему гуляша». Все это им было сказано в шутку, с его добродушной улыбкой, он даже в это время подозвал меня к себе, и вся масса народа обратила на меня внимание, все приняли как шутку и расхохотались. Я ответил: «Никита Сергеевич, разберемся и примем меры». Он снова подал реплику: «Разбирайся, мол, иначе не получишь гуляша» — это снова вызвало оживление. Все речи на этом митинге, в том числе и эти реплики, шутки и смех, были помещены в центральных газетах. Некоторые товарищи тогда из центра хотели все это истолковать как оскорбление мне. Даже венгры как-то растерялись и отнеслись ко мне «сочувственно». Хрущев же мне сам сказал: «Тов. Шелест, вы не обижайтесь, то была шутка для разрядки создавшегося положения».

В искренность его слов я верил, потому что мы с ним вдвоем почти каждый вечер прогуливались по территории нашей резиденции, и он очень много высказывал доверительных вопросов по поводу работников ЦК, в том числе говорил о Подгорном, но не плохо. Нелестно отзывался о Брежнев и совсем убийственно — о Сулове. Я, конечно, все слушал и молчал. Сам Хрущев был несколько при этом возбужден — как-то вечером мы прогуливались, и, естественно, за ним шел его личный охранник. Он приблизился к нам, в это время Хрущев просто

рассвирепел и сказал: «А вам что нужно, что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!»

Я как-то растерялся, но все же нашелся сказать: «Никита Сергеевич, он ведь находится на службе». Он сказал: «Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает, знаем мы их». На этом разговор был закончен. Охранник удалился на почтительное расстояние, мы еще долго вели беседу с Хрущевым на разные темы.

11 апреля 1964 года делегация возвратилась в Москву. В ЦК КПСС я имел встречу и обстоятельную беседу с Н. В. Подгорным по многим вопросам. Он расспрашивал меня о поездке в Венгрию и какие были беседы у меня с Н. С. Хрущевым, я ничего не утаил от него. Подгорный вспомнил о «венгерском гуляше» и хотел выразить свое «возмущение», я ушел от этого вопроса как не имеющего существенного значения. У Подгорного спросил совета, что нам делать с предстоящим юбилеем — 70-летием Н. С. Хрущева.

15 апреля выехал в Москву на празднование юбилея Хрущева. На следующий день встретился в ЦК КПСС с Подгорным, Брежневым, Кириленко, показал им наши подарки и сувениры для Н. С. Хрущева. Сувениры понравились, но чувствовалось, что они чем-то недовольны, хотя сами же были инициаторами и организаторами большого «шума» с юбилеем. Тут же было проронено несколько слов: «Да, почти уже старик, 70 лет, пора бы ему и на отдых, надо его нам беречь». Позже только стало ясно, что это была своеобразная игра и «прощупывание» настроения.

17 апреля 1964 года 70 лет Н. С. Хрущеву. Утром собрались все члены и кандидаты Президиума ЦК КПСС и поехали в особняк на Ленинские горы, где жил Хрущев. Некоторые из членов Президиума вели себя довольно нервозно, трепетно-боязливо. Это относилось в первую очередь к Сулову и Брежневу. Все тепло поздравили Н. С. Хрущева в домашних условиях, он был бодр, свеж, в хорошем настроении. Выпили по рюмке коньяка, немного поговорили и тут же торопливо ушли под предлогом, что не надо «утомлять» Никиту Сергеевича. Инициатором этой торопливости был Брежнев, его поддерживал Подгорный, хотя и чувствовалось по настроению Хрущева, что он не хотел и не ожидал такого поспешного удаления.

За границей буржуазная пропаганда и пресса по вопросу проведенного юбилея Хрущева подняла много шума, даже злобствования. Его называют тираном. «Таймс» «предвещает» ему скорый закат политической карьеры и смерть и что это будет

общим чувством облегчения. Все это ему буржуазная пропаганда «мстит» за его непримиримость и принципиальность в вопросах классовой политики. Что касается его здоровья, то он бодр, здоров и оптимистически настроен.

25 апреля принял маршала авиации Судеца — ПВО страны. С ним было еще три человека из Москвы. Разобрали вопросы и дали оценку проведенных учений. Рассмотрели вопросы, как улучшить на особый период оборону важнейших промышленных объектов республики, увязать ПВО нашей страны с ПВО стран Варшавского Договора ⁷². О новейшей технике у нас и за границей. Беседа была полезной и крайне необходимой.

11—21 мая. Вылетел в Москву, там знакомился с материалами по Франции. Предстоит поездка в Париж на XVII съезд Компартии Франции. Возглавляет делегацию Суслов. Утром 13 мая вылетели в Париж, летели над Северным морем, через Скандинавию, в воздухе были 5 часов.

Над Северным морем вплотную к нашему самолету подошло четыре истребителя ФРГ, они проводили воздушные маневры, очень опасные и настолько близко, что видны были лица летчиков в каком-то особом «оскале». Их «сопровождение» было неприятно и оскорбительно. Нас просто «конвоировали» в воздухе.

Прибыли в Париж на аэродром Орли, прошли все установленные формальности. Нашу делегацию встречали члены Политбюро во главе с Генеральным секретарем ФКП В. Роше. Прямо с аэродрома всей делегацией передохнули и пообедали. Затем направились в наше посольство, где нас встретил посол Виноградов. Тут же, в посольстве, разместилась вся делегация.

Париж на меня лично произвел ошеломляющее впечатление самой своей величием, архитектурой, гаммой цветов, красками рекламы, множеством автотранспорта, чистотой, зеленью, парками, аллеями каштанов и платанов. До этого мне казалось, что большего количества зелени, чем в Киеве, нигде нет. Большое заблуждение.

16 мая посетили департамент Паде-Кале. Был в цитадели, где немецкие оккупанты расстреляли большую группу участников Сопротивления. Тут же расстреляны наши — Порик ⁷³, Колесник. О Порике мне все более-менее известно. Надо все выяснить о Колеснике. И представить к награде. В цитадели в этой группе было одновременно расстреляно 220 человек. Возложил цветы у места расстрела и венки на стены, где написаны имена всех погибших.

23 мая совещание с членами Президиума ЦК КПУ — очень тревожное состояние дел в сельском хозяйстве республики. Озимые в очень плохом состоянии, но Кальченко и Комяхов несерьезно подошли к оценке положения дел с озимыми. Пришлось мне им прямо об этом сказать, а, как известно, мало кому нравится прямота и правда. Но до чертей надоело это «украшательство и причисывание» недостатков, очень это вредит нашему общему делу, разлагает народ, порождает неверие.

Принято решение провести в ЦК КПУ большое совещание по проверке и исполнению принимаемых решений. Вопрос очень важный, больно много «балагурства», агитации, пропаганды и очень не хватает деловитости и действенных организационных мер, а главное ответственности за порученное дело, очень много приспособленчества: «Чего изволите?»

Еще очень много случаев подрыва на минах, снарядах школьников и даже взрослых. Уже проведена большая работа по разминированию, уничтожению снарядов, гранат и взрывчатки, и все же дело не доведено до конца, в результате мы до сих пор имеем издержки войны — человеческие жертвы. Надо еще раз провести тщательную проверку опасных мест. А также провести большую разъяснительную работу в школах, в сельских советах, выступить по радио, осветить в газетах, выпустить специальные плакаты.

Все члены Президиума ЦК разъехались по областям посмотреть, что делается в поле и каково состояние посевов. Я был на полях Бортнической оросительной системы, прямо можно сказать, вид неважный, холод угнетает растения, сорняки забивают посевы. Подходит май, а тепла еще не было: угнетенный горох, кукуруза, очень низкорослая озимая пшеница.

Позвонил Подгорному, доложил состояние дел в сельском хозяйстве.

Много шума вокруг поджога библиотеки в Академии наук Украины. По докладам, погибло много уникальных книг.

27—29 мая был в командировке в Киевской, Винницкой, Тернопольской, Хмельницкой областях. Общее впечатление неплохое, поля чистые, обработаны хорошо, чувствуется, поднялась общая культура земледелия, чего я так много, упорно и настойчиво добивался. Да и сами люди в этом становятся более ответственными и подтянутыми. Если бы мы по всей стране подняли культуру земледелия до уровня сегодняшней культуры в нашей республике, вопрос с сельским хозяйством, можно считать, в стране был бы решен. Везде в этой зоне

срочно необходимы дожди. Если они не пройдут в течение одной-полутора недель, дела могут сложиться плохо. О состоянии озимых поступают разноречивые сведения, а дело могут поправить только дождь и тепло.

Был в Каневе на могиле Т. Г. Шевченко, где состоялся большой митинг, посадка деревьев нами и всеми присутствовавшими гостями. Затем был на закладке первого камня Каневской ГЭС — все прошло хорошо.

1—10 июня. Провел последний день с гостями, прибывшими на празднование 150-летия со дня рождения Шевченко. Все встречи, разговоры и прием прошли хорошо. Много возни было с канадцами, они ставят вопросы об украинском языке и культуре, о притеснениях и преследованиях творческой украинской интеллигенции. Очень сложный это вопрос, к сожалению, и в их вопросах немало правды.

Позвонил Подгорный, просит срочно прилететь в Москву — надо посоветоваться по ряду вопросов. В Москве находился с 7 по 10 июня. В ЦК состоялось большое представительное совещание по вопросам строительства птицефабрик. Говорили много, хорошо, горячо, но, по существу, решений никаких. Был во многих отделах ЦК КПСС по разнообразным делам, в МК КПСС, согласовывал некоторые вопросы в связи с открытием памятника Шевченко в Москве. Был на приеме у секретаря ЦК Пономарева и Сулова, решал ряд вопросов, связанных с отделами, которые они курируют. Сулов — это настоящий «партийный» чиновник, идеологический начетчик, догматик, политический аскет. Такие люди — это страшное явление в нашей партии.

Митинг, посвященный открытию памятника Т. Г. Шевченко в Москве, возле гостиницы «Украина», прошел хорошо, я выступал, волновался, поблагодарил ЦК КПСС, Хрущева, весь русский народ за большое внимание к сыну украинского народа — Т. Г. Шевченко. Открытие памятника, концерт мастеров искусств, в том числе и Украины, а также прием прошли хорошо.

Был на Мироновской селекционной станции, имел обстоятельную беседу с директором станции, известным селекционером Ремесло Н. В. Он вывел замечательный сорт пшеницы «Мироновская-808». Она уже третий год находится на сортоиспытаниях. Несмотря на то, что результаты отличные, хода нет. Надо с этим сортом пшеницы решительно выходить на товар-

ное производство. И вот, будучи в колхозах имени Жданова (председатель А. Бузницкий), в колхозе в с. Масловка (председатель Батура) — хорошие хозяйства, надежные председатели, у которых слово не расходится с делом, — договорился, что в их хозяйствах начнем прокладывать дорогу в производство «Мионовской-808». Так, по существу, была дана жизнь «Мионовской», а позже о ней заговорили во весь голос не только у нас, а и за кордоном. И она стала одной из лучших пшениц в стране. Но для этого надо было пойти на риск, отступить от «стандартов», неизвестно кем установленных из сильной боязни их «нарушить».

Хрущев изменил свой первый вариант проведения отпуска. Не поехал отдыхать в Крым, а отдыхает в Пицунде.

Мне из Москвы позвонил Брежнев и передал, что во что бы то ни стало надо 20 июня быть в Крыму по важному вопросу. Я ответил, что у меня отпуск с 1 июля. Что же касается 20 числа, то я никак в это время не могу быть в Крыму, так как наметил поездку по областям с определенными мероприятиями, и там ждут меня. Самое раннее я могу прибыть в Крым 24—25 июня, но с расчетом уже там начать отдых. Брежнев перезвонил и сказал, что с моими предложениями и пожеланиями «они» согласны.

Итак, в Крым уехал машиной, чтобы посмотреть поля южных областей. Был в Днепропетровской, Запорожской, Херсонской и частично в Крымской областях, смотрел посевы, обработку полей. Очень тревожит все. Стоит сильная засуха, суховеи, относительная влажность очень низкая.

Я очень устал, в прошлом году не пользовался отпуском, а работа выматывает основательно. Хорошо, что Хрущев разрешил мне отпуск. С семьей обосновался на даче № 5 «Чаир». Очень доволен, что со мной внук Петя, очень общительный и забавный мальчик. Прошло 5—6 дней отпуска, начал отходить от нервного напряжения и физической усталости. Жизнь начала приобретать несколько спокойный характер. Хотя ежедневно звонки из Киева и Москвы не давали покоя. Но, если на тебе большое дело, от него нет нигде покоя, да и напрасно его искать. Жизнь наша построена так, что в своих мыслях сам выходишь на задание самому себе и окружающим тебя. Но все же относительный спокойный ритм жизни налаживался.

3 июля мне сообщили товарищи, которые меня обслуживали, что ко мне на дачу собирается приехать Л. И. Брежнев.

Откровенно говоря, меня это несколько озадачило. С Брежневым я не так был близок, чтобы он просто так приехал, без особой надобности. Я мог ожидать приезда ко мне Н. В. Подгорного, который в это время отдыхал в Крыму, на даче в Мухомлатке. Ибо я не один раз бывал у него дома и на даче, да и он не «обходил» меня своим присутствием, посещениями и самыми задушевными разговорами. Но факт есть факт, а гость — «священная особа», я распорядился, чтобы достойно приняли и встретили гостя.

Часа через два появился на даче Брежнев. Я достойно и любезно его встретил. Сели на скамейку, ведем ничего не значащий разговор о погоде, воде, купанье. В это время к нам подошел внук Петя. Брежнев к нему обратился: «Мальчик, как тебя зовут?» Петя ответил. «А как тебя зовут?» — обратился он к Брежневу, тот ответил. Петя подумал немного и сказал: «А, знаю, ты дядя Ленья из кинобудки». Такой ответ меня озадачило, и Брежнев несколько был смущен, а я почему-то чувствовал какую-то виновность в «нетактичном» заключении внука. Секретарь ЦК КПСС, и вдруг похож на «дядю Леню из кинобудки»! Оказалось, что на дачу приезжал киномеханик, тоже «дядя Ленья». В общем, «недоразумение» было выяснено, и Брежнев после этого долго в разговорах и рассказах вспоминал свою встречу с моим внуком Петей и передавал ему приветы. Бывало, говорил мне: «Передай Петро, привет Пете от дяди Лени из кинобудки», — это была всегда шутка.

Брежнев предложил мне пройтись и поговорить, чтобы никто нам не мог мешать. Я предложил пройтись на пирс выкупаться и там в беседке спокойно поговорить. Предложение было принято, но о чем будет идти разговор, я понятия не имел. Брежнев начал расспрашивать меня, как мне работается, много ли трудностей, как поддерживают меня члены ЦК КПУ и в целом партийный актив? Я ответил, что объем работы огромный, работаю на этой работе сравнительно немного, и, естественно, есть трудности, недочеты, недоработки и даже возможны упущения. Что касается поддержки членов ЦК и партийного актива, то я чувствую, что имеется определенный деловой контакт и хорошая поддержка. Жаловаться нельзя, надо больше контактировать, прислушиваться, принципиально относиться к решению вопросов, тогда меньше останется времени рассуждать, кто и как к кому относится. Такой мой ответ, я почувствовал, насторожил Брежнева, и он разговор повернул по другому руслу — о работе промышленности и сельского хозяйства. Через некоторое время он якобы между прочим, невзначай задал мне вопрос: «А как к тебе относится Н. С. Хрущев?» Я ответил, что сколько с ним ни встречался, всегда вел разговор откровенно, он всегда выслушивал, давал советы. Если с чем не

соглашался, то он спокойно растолковывал мою ошибку, доказывал свою правоту. В заключение я сказал, что мне кажется, что Н. С. Хрущев ко мне относится спокойно, как руководитель к младшему. С его стороны я никогда в свой адрес не слышал ни окрика, ни грубого обращения. При этом Брежнев как-то не совсем внятно проронил слова: «Это он в глаза, а за глаза может другое говорить и говорит».

Я как-то немного растерялся, подумал, может быть Брежнев кое-что знает об «истинных» отношениях ко мне Н. С. Хрущева. Но тут же ему ответил, что Хрущев занимает такое положение, что ему нет надобности говорить одно в глаза, а другое за глаза. Да и вообще, у него такая ответственность и нагрузка, что мы должны его понимать, если он даже кое-что скажет резкое. Но он не злопамятный по своей натуре, добрый и отзывчивый человек. Брежнев при этом сказал, что я мало о нем знаю, замкнулся здесь в своей «провинции» и ничего не вижу и не чувствую. Я ответил, что кому положено, тот то и делает. «Это так, — ответил он, — но надо немного шире смотреть на происходящее. Все, что происходит в партии, стране, в хозяйстве исходит от вас, членов Президиума ЦК, решений правительства. И мы видим, что вы все единодушны в принимаемых решениях и все поддерживаете предложения Хрущева и первыми аплодируете ему. Мы с «мест» тоже все «вторим». Далеко не все так, как внешне кажется. Нам с Хрущевым трудно работать. Об этом я и приехал с тобой, Петро, поговорить откровенно, но об этом никто не должен знать».

Время подошло к обеду, я пригласил Брежнева пообедать в кругу моей семьи. Приглашение было принято, и мы провели приятно время. Подвыпивши, Брежнев начал декламировать какие-то старые, затасканные стихи. Взгромоздившись на стул, стоя, он «упивался» своей речью. За обедом несколько раз порывался апеллировать к моей супруге Ирине, что я его, Брежнева, не понимаю. Каждый раз я старался приглушить этот разговор репликой, что, мол, еще поговорим.

В это время мой сын Борис был в служебной командировке в Африке, невестка Леля была с нами, и вот в разговоре Брежнев хвастливо и самонадеянно заявил, что, мол, если хочешь, Леля, то я могу тебе устроить поездку к мужу. Тебе это ничего не будет стоить. Все это говорилось под «парами». Обед продолжался долго. И мы снова вышли на улицу с Брежневым, когда уже солнце спряталось и начало темнеть.

Возобновился снова разговор, но уже более оживленный по понятной причине. Брежнев сказал тогда мне: «Ты, Петро, должен нам помочь, поддержать нас!» Я ответил: «Не знаю, в чем вас и кого поддерживать? Расскажите, в чем суть постановки вопроса? Тогда, может быть, можно что-то сказать».

Брежнев снова сказал, что я ничего не знаю, но так работать, как мы, мол, работаем, невозможно. «Н. С. Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и приклеивает разные ярлыки, самостоятельно принимает решения. Он недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он подбирает «ключи», чтобы нас всех разогнать». Тут я ему сказал: «Не знаю о прозвищах, ярлыках и как там у вас принимаются решения, но я сам из уст Хрущева слышал, что действительно в Президиуме ЦК собрались старики и надо бы состав значительно омолодить». При этом, обращаясь ко мне, Брежнев сказал: «Я думаю, что в центральные руководящие органы надо брать людей в возрасте самое большее 45—50 лет. А на нацкомпартии, обкомы и крайкомы и того моложе. А вы как думаете?» — обратился он ко мне. Я ответил, что с ним Никита Сергеевич согласен, но со счетов опыт старших товарищей сбрасывать нельзя. Он полусуто обратился ко мне: «А вам сколько лет?» Я ответил, что пошел уже 55-й год, он шутил и сказал, что я тоже уже «старик». Я продолжал, что Хрущев беспокоится об омоложении руководящего ядра — это хорошо, должна быть преемственность.

Тут Брежнев мне сказал, что я его по этому вопросу неправильно понял. А потом, мол, надо понимать, что он только прикрывается омоложением кадров, а на самом деле хочет разогнать опытные кадры, чтобы вершить самостоятельно все дела. Брежнев снова начал говорить, что я его не хочу понять и что о его приезде, тем более о разговоре, в такой постановке вопросов никто не знает и не должен знать. Я ему ответил: «Если вы мне не доверяете, то нечего было вам ко мне ехать и вести разговор, а о конфиденциальности прошу мне лишнего раз не напоминать.» Тут Брежнев, очевидно, спохватился и сказал: «Ты, Петро, правильно меня пойми, мне тяжело все это говорить, но другого выхода у «нас» нет». Тут же снова сказал, что Хрущев над многими из нас просто издевается — нет никакой жизни. Тут же как мальчишка расплакался и сказал: «Без тебя, такой крупной организации, как Компартия Украины мы не можем предпринять что-либо, улучшающее наше положение». Я сказал Брежневу, что им всем надо собраться и откровенно и открыто поговорить с Н. С. Хрущевым о недостатках, и мне кажется, что с Никитой Сергеевичем можно вести такой разговор, он может понять.

Тут Брежнев ответил: «Ты это так говоришь потому, что не знаешь истинного положения дел. Если мы попытаемся это сделать, он нас всех поразгоняет, и в это верить нельзя».

Долго, далеко за полночь, мы вели разговор на одну и ту же тему. Зашли в дачу, перекусили, выпили по рюмке коньяка, на прощанье Брежнев меня обнял, поцеловал и сказал: «Петро,

«мы» на тебя очень надеемся». Я ответил, что нам по этому вопросу еще надо поговорить. Это вопрос чрезвычайно серьезный, и с ним надо не спеша разобраться. Брежнева отправил на своей машине, так как он сам об этом меня просил. Когда уехал Брежнев, я сам еще долго, почти до рассвета, бродил в парке и по набережной. Так и не мог уснуть до самого утра, все это меня очень взволновало и растревожило.

4 июля. Дождавшись утра, я позвонил в Мухоматку Подгорному и сказал ему, что у меня вчера был Брежнев, мы много говорили, но он просил никому о его приезде и разговорах не говорить. Подгорный сказал, что ему известно, что Брежнев был у меня, и примерное содержание наших разговоров тоже известно. Затем спросил, чем я занят, я ответил, что «переживанием» вчерашних или уже и сегодняшних разговоров и встречи. Подгорный мне сказал: «Если сможешь, подъезжай ко мне, будем вместе «переживать». Я сразу же уехал в Мухоматку и по дороге всё гадал и думал, что бы это все значило, меня этот вопрос очень тревожил.

Подгорный меня очень хорошо встретил, обнял, поцеловал. Я ему вкратце изложил содержание нашего разговора с Брежневым, он внимательно выслушал, а затем сказал: «Мне все известно». Я спросил, зачем же он меня выслушивал? Он ответил, что не знает, все ли ему рассказал Брежнев, ведь он после приезда был у меня и все рассказал. Посещением остался доволен, хотя по некоторым вопросам насторожен.

Я спросил Подгорного, а почему Брежнев приехал ко мне, а не ты, он только и сказал: «Так надо было. Позже узнаешь». Я снова спросил Подгорного, что же случилось? Он ответил, что обстановка сложная и что-то надо решать, так дальше работать нельзя. Я сказал, что кое-что я понял, потому что Брежнев в разговоре со мной даже расплакался. Подгорный переспросил меня, правда ли это. Я подтвердил. Он только и сказал: «Ты этому не очень доверяй, есть пословица, что Москва слезам не верит».

Подгорный уточнил некоторые подробности нашего разговора с Брежневым, а затем, на миг задумавшись, сказал: «Да, дела складываются очень сложно». В это время мы сидели на веранде второго этажа дачи и увидели, что появился Брежнев. Подгорный мне сказал: «Ты в разговоре не подавай вида, что я знаю о посещении тебя Брежневым».

Пришел Брежнев, как всегда, несколько «ретивый», игривый, немного навеселе. Как ни в чем не бывало, зашел новый разговор обо всем и понемногу. Наконец Брежнев начал старый разговор о трудностях работы с Хрущевым. Я снова начал

уточнять эти «трудности». Оказалось, что Хрущев очень требовательный, проводит самостоятельную линию, независимо решает вопросы, много разъезжает по стране и за границу. Сельское хозяйство превратил в свою монополию, много проводит разных «реорганизаций» в народном хозяйстве, в партии и советских органах. Разделил их на городские и сельские. Явно пренебрегает вопросами идеологии, требует конкретной работы, а не «болтовни», как он говорит.

Во внешней политике и взаимоотношениях с соцстранами и их компартиями допускает большие промахи, что отрицательно отражается на авторитете нашей партии и страны. Заигрывает с социал-демократами и капиталистическими странами Западной Европы. Не обошел вопроса об испорченных взаимоотношениях с Китаем, карибского кризиса, посылки Аджубея в Бонн и поездки в Скандинавские страны. И еще много разных «прегрешений» и недостатков. И все же при всем этом главный вопрос был тот, что он их не слушает и хочет со всеми разделаться поодиночке.

В разговоре я сказал, что все, что делалось, очевидно, принималось на Президиуме, и, как видно из всех документов и действий, все мероприятия внутривнутриполитического и внешнеполитического характера всеми поддерживались. Если есть какие отклонения от принятых решений и они имеют принципиальное значение, соберитесь все вместе, обсудите, выскажите свое мнение Хрущеву, исправьте положение.

Тут Брежнев не выдержал, почти выкрикнул: «Я уже тебе говорил, что в откровенный разговор я не верю, кто первый об этом заговорит, тот будет вышвырнут вон из состава руководства». Я довольно многозначительно посмотрел на Брежнева, а затем на Подгорного — очевидно, это было правильно понято, и тут, наконец, напряжение было снято словами Подгорного: «Довольно нам играть в жмурки, я знаю ваш разговор с Брежневым, и ты, Петр, правильно пойми все, что делается. Очевидно, надо идти по большому счету. Возможно, чтобы решить вопрос, о котором ты говоришь, надо выходить на Пленум ЦК, а без мнения Украины и членов ЦК КПСС, которые от Украины избраны, вопрос решить невозможно, ведь всем известно, что украинская партийная организация имеет большой вес и авторитет, да это и основная опора Н. С. Хрущева. Поэтому тебе надо быть готовым повести откровенный, но осторожный разговор со всеми твоими товарищами, входящими в состав ЦК КПСС, а их на Украине немало — 36 человек. Возможно, поговорить надо с доверительным активом по всем вопросам, которые мы тебе изложили». Я ответил, что ж, ради справедливого дела поговорить можно, хотя это и очень рискованный и опасный прием. Тут же я ска-

зал, что имеются три человека, с которыми я не могу повести никакого разговора. Это И. Сенин, О. Иващенко, А. Корнейчук. Эти люди прямо и даже в частном порядке могут сейчас же все передать Н. С. Хрущеву, от этого, я думаю, не будет хорошо никому.

Тут же Брежнев заявил, что он может сам «переговорить» с О. Иващенко, хвастаясь, что он с «ихним братом умеет вести беседы». На такое заявление Подгорный сказал: «Леня, ты не бери на себя много, посмотрим, как ты с треском провалишься». О многом еще мы говорили, и я снова пытался внушить мысль, что с Н. С. Хрущевым надо откровенно поговорить, но они не верили в «откровенность», просто боялись этого. Кое-что мне было известно, что Брежнев до смерти боится Хрущева, тот, в свою очередь, не уважает Брежнева, считает пустозвоном, рисовальщиком, да и немалым льстецом, причем довольно «квалифицированным». Пусть будет так, но Подгорного он уважает, доверяет ему, считает его доверенным лицом. Что же здесь? Неужели Подгорный попал под влияние Брежнева? Этого не может быть ни по уму, ни по опыту и подготовке. Остается догадка: неужели у Подгорного осталась обида за то, что Хрущев забрал его с Украины? Все может быть.

Становится одно ясным, что идет большой замысел, Брежнев и Подгорный намереваются устранить Хрущева от руководства. Но сильно бояться этого шага, тем более что он основывается на трусости и беспринципности, на жажде власти, вот и ищут опору, при этом возлагают большие надежды на партийную организацию Украины и, в частности, на мои с ними действия. И все же пока со мной ведут не совсем откровенный разговор, боятся. Но уже на этом этапе я с ними зашел очень далеко.

Во время моего пребывания в Крыму я несколько раз встречался с Брежневым и Подгорным, на одной из этих встреч условились, что для встречи и разговора с партийными работниками и хозяйственниками надо нам втроем выехать в Крымскую область. Мне было поручено подготовить маршрут и встречу с людьми. Я все время ходил под каким-то гнетом, все рассуждал сам с собой, к чему может привести вся эта «затея» и чем она может кончиться?

Прошло несколько дней, и я сообщил, что маршрут разработан. Посетим симферопольские птицефабрики, колхозы «Дружба народов» и «Россия» и один совхоз, посмотрим поля и хозяйства, благоустройство сел, побеседуем с народом. Когда я об этом сообщил Подгорному, он ответил, что нам втроем ехать

незачем, это может вызвать подозрение. Поездка моя с Брежневым не вызовет никаких сомнений, Брежнев не знает хозяйств Крымской области, я его сопровождаю, вот и все. Откровенно говоря, мне это не понравилось и несколько насто- рожило. Но делать нечего — поехал с Брежневым. С нами был секретарь Крымского обкома партии Лутак. Осмотрели птице- фабрики, поговорили с народом. Брежнев все время рисовался, зарабатывая себе «авторитет», иногда задавал недоуменные вопросы: как поставлена оплата труда, почему не хватает кор- мов, и что, мол, проработка записок Н. С. Хрущева по сельско- му хозяйству «не может вывести сельское хозяйство из трудных условий»? Все это говорилось с какой-то «многозначительно- стью», но реакция людей была довольно сдержанной. Брежнев, обращаясь ко мне, спрашивал, почему люди молчат. Я ему отвечал: «А что бы ты сказал на эти вопросы, когда мы все поддерживаем мероприятия, выдвинутые Хрущевым?» В таких случаях он просто замыкался.

Затем посетили колхоз «Дружба народов», председатель Егудин, и колхоз «Россия» — председатель Переверзев. Оба эти хозяйства многоотраслевые, они выращивают зерно, техниче- ские культуры, развито животноводство, много гектаров под виноградом и садами, большие участки орошения от местных скважин. Свои перерабатывающие заводы, виноград, овощи, фрукты. Идет большое строительство жилых массивов город- ского типа с бытовым благоустройством и общественными зданиями. Хозяйства отличные, образцовые. На свой страх и риск построенные, отступая от наших «наставлений и инструк- ций». Они все выслушивают, не возражают и все делают по- своему. Ознакомились со всем комплексом, по ходу дела завязалась беседа. Брежнев все время допрашивал, что нужно для ведения хозяйства. Долго молчали председатели, секретарь об- кома и секретарь райкома, все время поглядывали на меня. Когда я сказал, что смело высказывайте все, что вы думаете, тогда заговорили, прежде всего о материально-техническом обеспечении колхозов и совхозов — тракторами, разным сель- хозинвентарем. У колхозов деньги имеются, а купить материа- лы, сельхозмашины, автомобили и запасные части негде. Посе- тили еще один совхоз — «Жовтень». Хозяйство специализирова- лось на откорме крупного рогатого скота. Тоже много жалоб на те же проблемы, что и в колхозах, но добавляют, что в совхозах и денег нет.

После осмотра хозяйств поехали обедать в хозяйство Егуди- на, обед был на открытом воздухе, в саду. Когда немного подвыпили, а Брежнев к этому времени уже изрядно, он сразу же завел «разговор», как они, присутствующие, смотрят на

раздел обкомов и облизполкомов на городские и сельские? Долго все уходило от прямого ответа, затем Егудин сказал, что им все равно, лишь бы нам не мешали руководить, меньше вмешивались в наши дела и обеспечивали бы нас всем необходимым за наши же деньги. Брежнев продолжал разговор по поводу двух обкомов. Тогда многие присутствующие заявили: «Вы решали вопросы реорганизации партийных, советских и хозяйственных органов, вы и решайте, как дальше быть».

Брежнева такой ответ несколько насторожил, он полагал, что начнется открытое осуждение Хрущева по многим вопросам, так как он в довольно осторожной форме давал в разговоре понять, что Хрущев не во всем, мол, прав и далеко не все знает. Одним словом, разговора на эту «нужную» для Брежнева тему не состоялось.

Поздно вечером мы с Брежневым возвратились к себе на даче. По дороге он неоднократно затрагивал вопрос, почему «люди молчат». Я ответил: «А почему вы в центре молчите, если считаете, что делается не так?» Он с некоторым раздражением ответил: «Пойди поговори». Чувствовалось, что самой поездкой и ознакомлением с хозяйствами он остался доволен, но досадовал, что не состоялось «прямого и откровенного» разговора.

Через некоторое время мы решили встретиться втроем с О. Иващенко и И. Сениным, которые в это время отдыхали на даче в Алуште. Решили приехать внезапно, вроде бы мимоходом проведать их. Так и вышло, когда Брежнев, Подгорный и я появились на даче. Иващенко «напустилась» на меня, почему я не предупредил их о нашем приезде — «случайный заезд» сошел за действительность». Погуляли немного в парке. Брежнев все время стремился уединиться с Иващенко. Но, видно, что у него ничего не получалось, и Подгорный над ним подтрунивал. К обеду на дачу прибыл зять Хрущева Гонтарь и его супруга Юля, дочь Н. С. Хрущева. Тут «Леня» совсем растерялся и начал настаивать на том, чтобы мы срочно уехали. Подгорный и я уговорили его остаться на обед. Больше Брежнев не затевал разговора с Иващенко, тем более с Сениным, но зато за обедом провозгласил тост за здоровье Никиты Сергеевича. Вот этого я уж никак не ожидал.

По дороге домой Подгорный спросил Брежнева: «Ну как, Леня, поговорил с Ольгой?» В ответ он только буркнул: «Вот проклятая баба».

Еще несколько раз мы собирались по «делу» — как теперь именовался наш разговор по поводу действий Н. С. Хрущева. Я получил прямое задание провести зондаж по «делу» с членами

ЦК КПСС по разным вопросам, в том числе и по вопросам «дела». За время отпуска я 9 дней был в Москве и 4 дня в Киеве. И все время был в большом напряжении.

Август 1964 года. 7 августа закончился отпуск, прошел он удовлетворительно, хотя много было и остается причин, чтобы волноваться, нервничать и быть неуверенным даже в завтрашнем дне в связи со сложившимися обстоятельствами и ситуацией вокруг «дела», связанного с Н. С. Хрущевым. Самому мне надо иметь большую выдержку, чтобы все это переварить, «осмыслить», пережить, но конец этому напряжению должен быть. Трагедия еще в том, что к Брежневу отношусь с некоторым недоверием, слишком он «легкий» человек. Верю Подгорному, очевидно, поэтому и пошел на это довольно рискованное и серьезное «дело». Узел завязан, и развязать его, очевидно, не удастся, придется рубить. Но при рубке не только щепки летят, может и голова слететь.

Из Крыма возвращался машиной, побывал в Запорожской, Днепропетровской, Харьковской и Полтавской областях. Везде вел разговоры по хозяйству, но осторожно затрагивал вопросы и по «делу». Реакция была разная. Но особая реакция была в Днепропетровской области. Здесь я на реке Волчьей под Новомосковском встретился со Щербицким, в пределах допустимого проинформировал его о ситуации, которая складывается вокруг Н. С. Хрущева. Он воспринял это с особым злорадством, но и с большой трусостью, ведь по своей натуре он очень трусливый человек.

Прошли сильные дожди, ехать машиной было очень трудно, и я из Полтавы вылетел самолетом в Киев.

8 августа приступил к работе, вопросов накопилось очень много. Хлеба государству сдали 506,7 миллиона пудов, это против прошлого года больше на 201 миллион пудов.

8—10 августа Подгорный был в Киеве, приехал на «охоту». Встреча была хорошая, обсудили много организационных вопросов, связанных с «делом». Оба пришли к выводу: во избежание «разоблачения» все вопросы, связанные с «делом», надо форсировать.

12 августа позвонил Н. С. Хрущеву, доложил вопросы по сельскому хозяйству республики. Хлеба уже сдано 525 миллионов пудов, прошли хорошие дожди, значительно поправилась сахарная свекла. Думаем, что с гектара соберем по 230—235 центнеров, сдадим 37—39 миллионов тонн, а это 5 миллионов

тонн сахара. Доложил о том, что мы проводим большую подготовку к осеннему севу.

Разговор был спокойным, хорошим. Н. С. Хрущев поздравил с успешной работой, просил передать привет моим товарищам по работе. Эти последние слова зацепили мое сердце и душу, я думал, что он-то ничего не знает, что делается вокруг него, как-то доверительно относится ко мне, не зная моей «предательской роли». Все это нелегко переживать. Далее Хрущев спросил меня, будет ли сдано государству 750 миллионов пудов хлеба, я ответил, что за 730 даю твердую гарантию. «Хорошо», — сказал он и тут же добавил: «Смотрю я так, что недалеко то время, когда Украина сможет сдать по миллиарду пудов хлеба». Я ответил: «Мы все сделаем, Никита Сергеевич, чтобы еще выше поднять культуру земледелия и повысить урожайность». Просил еще раз посмотреть за своевременным пуском сахарных заводов — в стране ощущается большая недостача сахара.

14 августа из Москвы позвонил мне Брежнев Л. И. — интересовался, был ли днями у меня разговор с Н. С. Хрущевым. Я ответил, что разговор был, изложил суть и содержание наших бесед. Тут Брежнев не выдержал, потому что его больше всего интересовал именно этот вопрос, и спросил меня: «А о «нас» ничего не говорил и не спрашивал?» Я ответил, что других разговоров, кроме тех, что доложил, не было. Чувствовалось, что беспокойство и панический страх у Брежнева были сняты.

Никитченко в КГБ докладывал дела по работе «троек» за 1936—1939 годы. Жуткая картина, сколько погибло преданных нашему делу людей, людей разных категорий, и лишь за то, что имели свое здравое мнение и заботу о делах страны и партии. В работе «троек» чинился полный произвол.

21 августа снова в Крыму — на сей раз по печальному поводу. Там отдыхал П. Тольятти и после приступа внезапно скончался. Я срочно вылетел в Крым: надо было принять участие в организации траурной процессии. В Крым прилетел Н. С. Хрущев. Он очень тяжело переживал смерть Тольятти. На прощальном траурном митинге в Артеке он еле сдерживал слезы. Как-то осянул, постарел. Был очень огорчен, что это произошло в нашей стране.

Было решено гроб с телом Тольятти из Артека до Симферополя везти в малолитражном автобусе малым ходом в сопровождении кавалькады легковых машин с венками и портретом Тольятти. Не доезжая до перевала, автобус загорелся. Гроб с телом Тольятти поставили на открытую «Чайку», и процессия продолжала путь.

В Симферопольском порту гроб погрузили в ИЛ-18. В Рим самолет сопровождать было поручено Н. В. Подгорному, а мы возвратились в Ялту.

Н. С. Хрущев принял меня на своей даче и дал задание выехать на Северо-Крымский канал, посмотреть, что там делается и доложить ему. Я попросил у Никиты Сергеевича оказать республике помощь в уборке урожая — выделить 200 тысяч автомобилей. Дал 120 тысяч. Просил 35 тысяч военных грузовиков — разрешил 20 тысяч. Мую просьбу поддержал Греčko А. А. Хрущев улетел в Москву, я автомашиной поехал в Киев с заездом на Северо-Крымский канал.

Мировая печать очень много писала о смерти Тольятти. Много было выдумок, инсинуаций, что причиной смерти послужило якобы то, что за несколько дней до этого между П. Тольятти и Н. С. Хрущевым состоялся крупный и острый разговор по поводу Памятной записки Тольятти. Много вокруг этой записки было разговоров и среди партийного актива республики. Задавались такие вопросы: «Ни в печати, ни в партийных документах у нас ничего не говорится о Памятной записке Тольятти. А там поставлены важные вопросы не только о международном коммунистическом движении, но и по поводу внутренних дел нашей страны. Следовало бы дать партийным организациям разъяснение — документ действительно был важный». Были попытки провести какую-то дискуссию, но в печати нашей документ так и не увидел света.

Прилетел в Киев Подгорный. Я еще раз остро поставил вопрос о «деле» — оно принимает затяжной характер, и все это может кончиться не то что плохо, а просто трагично. Из истории подобных ситуаций хорошо известно, что часто бывает так, что «зачинатели» вопросов при сложной и опасной ситуации уходят в сторону, а привлеченный народ страдает. Из разговоров с Подгорным было уяснено, что он тоже недоволен бездействием и инертностью Брежнева, и вообще, заключил Подгорный, не надежный он человек. Я спросил Подгорного, как же быть в таком случае. Он неуверенно сказал: «Надо более решительно действовать, иначе нас могут предать». Я спросил Подгорного, кто же это может сделать? В ответ он только ухмыльнулся. Вместе с Подгорным провели Д. С. Коротченко. Он отдыхал в Конче-Заспе. состоялся хороший разговор. Коротченко все подтвердил, что говорил со мной по вопросу «дела». Подгорный с хорошим настроением утром 31 августа улетел в Крым закончить там свои дела. «Сразу же, — сказал, — улетаю в Москву «штурмовать Леню». При этом

пообещал мне, что нажмет на него как следует. Подгорный изложил мне содержание пакета, переданного ему через меня, и тут же добавил, что Ленья трусит и просит его скорее возвратиться в Москву, там накопилось «много дел».

В тот же день мне позвонил Брежнев и поинтересовался, вручил ли я пакет Подгорному. Я ответил, что да. «А ты содержание его не знаешь?» Я ответил, что он адресован не мне и содержание мне не может быть известно. Затем, очевидно для прѳормы, он поинтересовался состоянием в сельском хозяйстве. А затем подробно поинтересовался всеми вопросами, которые были связаны с «делом». На все вопросы были даны ответы. Тут же я сказал, что лично я обеспокоен затяжкой «дела»: Он начал меня «успокаивать» и сказал, что ведется определенная работа и по другим республикам. «Ну что ж, — ответил я, — тем лучше, легче нам будет».

Сентябрь. Позвонил мне Л. И. Брежнев, подробно поинтересовался, как идут вопросы, связанные с нашим «общим делом». Я подробно проинформировал. Брежнев, в свою очередь, сказал, что по «делу» все обстоит хорошо, передал мне привет от Полянского и Устинова.

Мне известно, что Полянский, Шелепин, Андропов и частично Демичев подрабатывали материалы к предстоящему Пленуму ЦК, но с явным креном по «делу».

Был в Чернигове, смотрел поля, город, исторические места. Так как это был выходной день, то со мной была Иринка и две пары наших приятелей. Посетили историко-краеведческий музей, осмотрели оборонный вал над Десной. Подробно ознакомились и осмотрели литературно-мемориальный музей М. М. Коцюбинского, произвел он огромное впечатление, как и все, что смотрели и с чем знакомились в Чернигове. Большие исторические ценности, народное добро и достояние. Ох, как все это надо беречь, чего по-настоящему делать не умеем! А есть просто тупые люди, наносящие огромный вред нашей вековой истории.

Переговорил с Ломако П. Ф., председателем Госплана СССР, по всем вопросам плана республики на 1965 год. Тот обещал поддержать по многим вопросам. В разговоре со мной он несколько раз порывался рассказать о его разговоре с Брежневым по «делу», и все же в разговоре до конца не раскрывался; видимо, чего-то опасался, но вместе с этим хотел дополнительно получить какие-то сведения.

Был на большом консилиуме, отметили, что у меня сильное общее нервное и физическое перенапряжение. Да я и сам чувствую большую моральную и физическую нагрузку. Очевидно, надо себя немного «пощадить», дать немного передохнуть. Сам чувствую большую усталость, так и до срыва недалеко.

Принял Балашова, директора Полтавского института свиноводства. Он написал обстоятельную записку по поводу того, что можно в нашей стране сделать для продуктивности свиноводства, если будут в достатке надлежащие корма (а не директивы и указания). Показал на примерах несостоятельность непрерывных ссылок на заграничный опыт по развитию свиноводства. Поручил специалистам поработать над запиской Балашова, отшлифовать ее и направить для сведения и ознакомления в ЦК КПСС.

Принял Шевеля Г. Г., заведующего отделом пропаганды ЦК КПУ. Обсуждали вопросы организации выпуска разоблачающих материалов — брошюры, сборники, книги по буржуазным украинским националистам. Центр буржуазной националистической пропаганды находится в Кельне (ФРГ).

11—20 сентября 1964 года. Из Софии позвонил наш посол Органов и сообщил, что наша парламентская делегация, которая находится в Болгарии, возвращается на родину. Делегация возглавляет Л. И. Брежнев. Он вместе с делегацией предполагает сделать остановку в Киеве на 2—3 часа. Состав делегации — четыре основных и семь сопровождающих товарищей.

Органов просил встретить делегацию и оказать ей знаки внимания. Выехал встретить делегацию в Бориспольский аэропорт, затем поехали вместе с Брежневым посмотреть город и заехали в ЦК КПУ, где я имел довольно «острую» беседу по затеянному «делу». Я сказал, что в «дело посвящено слишком много людей, и промедление его решения чревато большими неприятностями ни в чем не повинных людей. Брежнев пытался что-то объяснить, но все было довольно невнятно и даже «подозрительно».

Я ему твердо сказал, что надо отступить от затеянного, спустить на тормозах или же смелее двигать «дело», нечего держать людей в подвешенном состоянии. Мне показалось, что на такую постановку вопроса Брежнев реагировал болезненно. На аэродроме вся делегация и встречающие ее пообедали, и делегация улетела в Москву. На прощанье Брежнев мне сказал: «Ты, Петро, не беспокойся. Мы принимаем все меры, но как подойти к решению этого «дела», еще не знаем, дополнительно будем советоваться».

Сообщили печальную весть: в ОКБ-473 (Антонов О. К.) при летных испытаниях самолета Ан-8 произошла катастрофа, самолет разбился и сгорел. Погибло 7 человек экипажа, молодые, здоровые, умелые люди. Очень жаль. Составлена комиссия для расследования причин катастрофы. Переговорил с О. К. Антоновым и выехал на место катастрофы вместе с ним. Впечатление жуткое — обломки, куски обгорелого металла разбросаны на большой площади, моторы вошли в землю на 1,5—2 метра. На земле лежат обгорелые куски человеческих тел, трудно кого-либо опознать. Беседовал с членами комиссии, пока никакого заключения или выводов о причине катастрофы они не могут сделать. Тяжело смотреть на все это. Антонов буквально подавлен, старался его как-то поддержать, все же когда-то работали вместе, и мне его натура хорошо известна.

Принимал Корнейчука А. Е. Он сейчас председатель правления Союза писателей Украины. Беседа шла о предстоящей встрече с руководством творческой интеллигенции. Вся творческая интеллигенция и тем более руководство с большим одобрением встретили это предложение ЦК КПУ. Обсудили вопрос о достойной встрече 50-летия Советской власти и ряд других вопросов, в частности, о литературном наследии Ванды Василевской и Максима Рыльского. О памятнике Ванде в связи с ее 60-летием. Он мне рассказал, что сын Гната Юры, специалист по английскому языку, не может найти себе работу и это вызывает возмущение. По всем вопросам дал задание аппарату ЦК готовить предложения, чтобы решить их положительно.

Рассматривал вопросы перестройки села по городскому типу, о планировке и архитектурном оформлении застройки села, строительстве культурно-бытовых объектов на селе. Города наши отстали, а села от городов отстали на 200 лет. Очень много надо работать, трудно, но начинать надо. Ибо пока что одни разговоры, и они будут длиться долго по поводу стирания разницы между городом и деревней.

Удивительное однообразие освещения всех вопросов и изложения материалов в газетах «Правда» и «Известия». Какая-то «серая тоска», а ведь эти газеты определяют политику нашей прессы.

Это был канун — «лебединая песня» Хрущева. Для него наступила физическая смерть, но политическая была близка, и ее организовал Брежнев. Хрущев хотя и что-то чувствовал, но

не знал, что это было его последнее выступление как политического руководителя. Вопрос был, по существу, предрешен. И все это проходило в политических интригах, тайно, за его спиной. В протоколах, стенограммах отражается в какой-то мере ход тех или иных важных событий, тем более событий политического характера. Но протоколы и стенограммы составляются людьми, затем все эти записи редактируются, просматриваются, шлифуются, одним словом, корректируются в «должном направлении». В таких «документах» отражается только суть вопросов, и в силу сухости, сжатости «освещения» вопроса много остается в глубокой тени, а часто просто покрыто мраком «политической ночи», суть которой никогда никого не в состоянии знать и не в силах разгадать. Этому могут помочь память, личные записи самих участников этих «мероприятий».

Официальные записи производятся строго по установленному порядку, в них нельзя отразить переживаний, эмоций, чувств людей, их истинного отношения к происходящим событиям. Могут сказать, а «оживление» и возгласы в зале, смех, поддержка, возмущение или одобрение, наконец, как у нас принято говорить — «бурные аплодисменты, все встают»? Все это и другое может иметь место, но, к нашему счастью, оно не отражает истинного положения вещей. Часто это вызывается приливом мимолетных чувств или же желанием не отстать от «общего порыва одобрения». Очень часто бывает, что после «бурных аплодисментов и вставания» начинается подлинное и острое обсуждение происходящих событий и уже с глубоким анализом, а не под влиянием легкого порыва и эмоций. Политик-руководитель, который легко поддается эмоциям, лести и честолюбию, глубоко ошибается в истинной правдивости всех этих подчас «бурных» проявлений, в особенности в его личный адрес. Жизнь, тем более политическая жизнь, очень сложная и довольно коварная штука. Среди «политических деятелей», даже единомышленников всегда происходят сложные взаимоотношения, глубоко скрытая борьба и рознь, и рано или поздно все это выливается наружу с определенными и значительными последствиями и «политическими результатами». Так обстоит дело с истинными переживаниями, чувствами не протоколов и стенограмм, так, как нам часто диктуют сами обстоятельства и жизнь. На пленумах, съездах, сессиях преобладающая масса людей не знает да и не может знать всех тонкостей действия дружин закулисной политики и сложного механизма игры.

В некоторые подробности посвящается небольшой, ограниченный круг людей — своеобразной партийной элиты. Этот круг выступает едино, ибо никому из них уже отступления нет и быть не может. А остальная масса с «восторгом» и в «органи-

зованном» порядке поддерживает — отсюда единодушие, энтузиазм и беспредельная поддержка всех мероприятий и руководителя.

Но и при этой организации в массах происходят свое толкование, свой анализ, свои предположения и выводы. Это тоже свидетельство активности масс, но эта активность всегда «заключена в определенные рамки». Само собой понятно, что любую активность надо направлять, но направлять разумно, использовать ее для лучшей активности. Но вся беда нашей системы в том, что часто руководитель, а тем более если он стал «политическим лидером», не изучает глубоко настроения партийных и беспартийных масс, опирается на довольно узкий круг доверенного актива и местных руководителей, и часто получается искаженная, а подчас и откровенно неправдивая информация, искажение истинного положения дел и самой жизни народа. Подобная «информация» успокаивает руководство, в результате чего принимаются непродуманные решения, оторванные от жизни. А партийные массы, народ, в особенности молодежь, на все это остро реагируют, все «нанизывают» в своем сознании и памяти и делают определенные выводы. И хочется еще раз напомнить, что аплодисменты далеко не определяют прочности положения руководителя. Нельзя сказать, что Н. С. Хрущев не пользовался определенным авторитетом и уважением, популярностью среди партийных масс и народа. Утверждать противное, значит, погрешить против истины и истории. Речи Хрущева кончались тоже «бурными аплодисментами и вставаниями», и нельзя сказать, чтобы это ему не льстило.

Так было и накануне заседания Президиума ЦК КПСС, которое состоялось **26 сентября 1964 года**. Это был субботний день. В Свердловском зале Кремля расширенное заседание, присутствуют члены Президиума ЦК тт. Хрущев, Подгорный, Косыгин, Воронов, Суслов, Брежнев, Полянский, Кириленко, Шверник. Присутствовало много людей разных рангов и чинов. Открыл заседание Н. С. Хрущев. Основной вопрос — «О пятилетнем плане народного хозяйства страны на 1965—1970 гг.».

Немало из присутствующих членов ЦК уже знали о подготовке «мероприятий», направленных против Н. С. Хрущева. Но пока что никто точно не знал ни сроков, ни самой формы исполнения «задуманного дела». Даже сами «организаторы» находились еще в какой-то прострации, неуверенности и неопределенности. После расширенного заседания Президиума ЦК все члены и кандидаты Президиума ЦК собрались в комнате Президиума в Кремле за Свердловским залом заседания. Как обычно, началось обсуждение прошедших событий. Хрущев

обратился ко всем и спросил: «Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?» С удивительным утонченным лицемерием многие заявили, что все хорошо, просто отлично! И, к моему удивлению, больше всех хвалебные речи расточал Брежнев. Больно и обидно было все это слушать, просто становилось страшно, какая гнусная «вещь» лицемерие, и не хватило ни у кого мужества сказать правду. Позже некоторые, в том числе и Брежнев, объясняли такое гнусное поведение «тактическим приемом», чтобы, мол, не навлечь подозрений и не вызвать тревогу у Хрущева.

В открытом споре, даже в борьбе единомышленников это подлый, недостойный прием. Как впоследствии окажется, это основной «стиль» Брежнева для расчистки себе дороги к власти — заигрывание, интриги, убрать с «дороги» людей, которые многое знают о нем, помогали ему на определенном периоде, и хуже всего — имеют свое собственное мнение.

Хрущев высказал соображение о созыве очередного Пленума ЦК, дал некоторые поручения. Сам он собирался уехать в отпуск. Поручено было вести все дела по Президиуму и Секретариату Н. В. Подгорному.

В это время в ЦК создана группа Шелепина и Полянского, которая готовила материал для предстоящего Пленума ЦК, но Хрущеву не было известно, что материал готовится не по его заданию и против него. Он же, Хрущев, в разговорах утверждал что доклад к Пленуму в своей основе готов и что во время отпуска он его посмотрит, а где-то в ноябре проведем Пленум ЦК. По всему было заметно, что он не знал истинного положения, что ему готовится. Внешне держался спокойно. Вся «игра» вокруг него, безусловно, не была известна, хотя временами и чувствовалась какая-то настороженность в его обращении.

Он во многом полагался и надеялся на Украину, на ее поддержку его деятельности, доверял он товарищам, с которыми работал в Президиуме ЦК КПСС. Во всей «затее и политической игре» отводилась огромная роль Украине. Это понимали и товарищи, которые готовили материал к Пленуму, вот почему контакты по всем вопросам и информации были регулярными.

Все мы, кто знал и был посвящен в некоторые подробности подготовки «дела», ходили по острию лезвия. Хотя многие вопросы и были уже «блокированы», но опасность была громадная. Н. С. Хрущев был первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совмина СССР. В наших условиях это не ограниченная ничем власть, и, по существу, свобода действий. Его команда, одно слово — и многие из нас были бы «обезврежены», изолированы и даже уничтожены, ведь велся по существу и форме заговор против главы правительства, а чем это конча-

ется, хорошо известно. Но, несмотря на наличие сигналов и даже явных фактов «политической интриги и прямого заговора», на сей раз Хрущев проявил излишнюю доверчивость, притупил бдительность и остроту. Он очень верил в свой авторитет, доверился всякой лести и признаниям в верности ему. В подтверждение этому можно привести немало фактов. Один из них — мой разговор с Подгорным в Киеве.

Возвращаясь из Венгрии или Болгарии (это было уже накануне октябрьского Пленума ЦК), Подгорный сделал «вынужденную» посадку в Киеве «из-за погодных условий». Мы с ним встретились наедине ночью и много говорили о сложившейся обстановке. Я проинформировал его по вопросу, с кем из членов ЦК КПСС я встречался и вел беседу в разных формах. Со многими разговор был откровенным, некоторых «прощупывал» — отношение и реакция были разные, некоторые терялись и отвечали на вопрос что-то не совсем внятное. С некоторыми товарищами я просто опасался вести разговоры на эту тему, об этом я и сказал Подгорному. Он мне в ответ сказал: «Будь осторожным». Впоследствии я убедился, что опасения были не безосновательными. Н. В. Подгорный проинформировал меня о проводимой работе по «делу» и тут же сказал, что из некоторых источников известно, что многие члены и кандидаты Президиума занимают не твердую позицию, а довольно шаткую и опасную, что кое-кого даже пришлось предупредить об «ответственности» за возможные последствия, разглашения или выдачу сведений по «делу».

Суслов, Косыгин и некоторые другие занимали «осторожно-выжидательную» позицию, при этом ссылались на большой авторитет Хрущева в партии и народе и на то, как все это может отразиться на внешней политике и наших внутренних делах. Подавались голоса (Суслов): «А не вызовет ли это раскола в партии или даже гражданской войны?» Многие спрашивают, какую позицию занимает Украина, к этому времени я еще не имел разговора со всеми членами Президиума ЦК КПУ, в том числе и с Д. С. Коротченко, который долгое время в Москве и на Украине работал вместе с Хрущевым.

Позиция Коротченко была нам немного ясна, но все же некоторые вопросы вызывали настороженность. Поэтому Брежнев и Подгорный настоятельно «требовали» переговорить с ним и их проинформировать. У меня состоялся обстоятельный разговор с Коротченко, я шел на определенный риск — открыл ему все «карты» наших действий. Он немного подумал, очевидно, все взвешивал, а затем сказал: «Я Никиту знаю давно, он хороший организатор, преданный коммунист, но, очевидно, на этом посту он зарвался — считает, что он уже «вождь». Много натворил политических «ляпов», организационной неразберихи

в нашей партии. Очевидно, будет лучше для него и для партии, когда он уйдет с этого поста, да и должности Первого секретаря и Предсовмина надо разделить. В 70 лет трудно руководить и управлять таким государством, как наша страна, да еще со старческим характером Никиты». После этого я прямо спросил: «Демьян Сергеевич, что мне передать Брежневу и Подгорному?» Он ответил: «Передай, что я с вами, и если нужно, могу по этому вопросу выступить где угодно». Содержание этого разговора мной было передано в Москву.

При нашей встрече в Киеве Подгорный мне сообщил следующее: перед самым отъездом в отпуск Н. С. Хрущева у него с ним был довольно неприятный разговор, если не сказать худшего. «Пригласил меня, — говорит Подгорный, — и прямо поставил вопрос: «Что-то, т. Подгорный, идут разговоры, что существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны?» («Представляешь мое состояние и положение?» — говорил мне тогда Подгорный.) Я собрался с силами и ответил: «Откуда вы, Никита Сергеевич, это взяли?» А сам думаю, какой подлец мог выдать все это? Хотя вероятность такая могла быть. Леня (Брежнев), ты знаешь, — обращается ко мне, медлит и трусит — он даже мне сказал: «Может быть, отложить все это?» Я его выругал и сказал: «Хочешь погибать — погибай, но предавать товарищей не смей». Продолжали разговор почти всю ночь, Подгорный под конец сказал мне, что о «якобы существующей группе заговора» ему, Никите Сергеевичу, сказал его сын Сергей, которого предупредил какой-то работник КГБ.

А дело обстояло так: Игнатов Н. Г⁷⁴., будучи тогда Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, был в курсе «дела», и всех обстоятельств, связанных с организацией. По неосторожности, а может быть, бравируя «знаниями» вопросов, доверился своим приближенным. Один из них обо всем написал письмо Н. С. Хрущеву, в письме почти все было изложено, что делалось за спиной Хрущева. Когда это письмо было прочитано Хрущеву, он пригласил к себе Подгорного, показал это письмо и при этом спросил: «Вы что-нибудь по этому вопросу знаете?»

Подгорный отвечал, что ему ничего не известно и тут же предложил поручить КГБ проверить все факты, изложенные в письме, будучи уверенным в том, что КГБ даст «нужный» ход этому письму. Но Хрущев по какой-то интуиции не принял этого предложения, а сказал, что он поручает этот вопрос А. И. Микояну: пусть он вызовет Игнатова, расследует и доложит. Нависла явная угроза над всеми нами. Но через В. П. Мжаванадзе, который в то время находился в Москве, сумели своевременно предупредить Игнатова о нависшей угрозе. Игнатову было сказано, чтобы он все отрицал в беседе

с Микояном. Таким образом, письмо было передано в КГБ, оттуда оно так никуда и не пошло.

Во всем этом и других вопросах особо важную роль играли Шелепин А. Н. и Семичастный В.Е.⁷⁵ Впоследствии их Брежнев уберет так, как и многих других, которые много знали, имели свое мнение и их «нежелательно» было оставлять в руководстве. Что касается Хрущева, то его усыпили. Дело в том, что Н. С. Хрущев по своей человеческой натуре был доверчивым, верил товарищам, с кем ему приходилось работать. А главное то, что он уверовал, что его все поддерживают, авторитет его непоколебим. Он чересчур доверился, это его и погубило. Но нас всех, которые активно участвовали в «заговоре» против Хрущева, ненадолго «спасло» от прямой и организованной расправы, исходящей прямо от Брежнева.

Что же касается моральной ответственности и состояния дел при новом «руководстве» и всего того, что сейчас творится, то это тяжелый грех нас многих. Допущена прежде всего роковая ошибка: не та была взята «ставка».

С Н. В. Подгорным мы пришли к верному убеждению, что «промедление в этом вопросе смерти подобно», надо формировать события, доводить вопрос до развязки, причем максимально для этого использовать время отсутствия в Москве Н. С. Хрущева.

Днем мы с Подгорным поехали в Залесье на охоту. Там еще продолжили наш разговор. А ночью поездом Подгорный уехал в Москву, так как летной погоды не было действительно.

Началось еще более тревожное время. Надо было определяться, с кем еще провести беседу, продумать выступления, если в этом будет необходимость, и принять дополнительные меры предосторожности. Вопросы повседневной работы занимали много времени и несколько отвлекали от назойливой мысли о том, как же быть дальше, что делается в Москве, почему идет затяжка с реализацией намеченных «планов».

Я решил проехать по Киевской и Черкасской областям, посмотреть, как идут дела. Но моя командировка была прервана: **29 сентября** вечером мне позвонил в Черкассы Н. В. Подгорный и сказал, что я должен срочно вылететь в Крым, чтобы встретить Хрущева, который отправляется туда отдыхать. Просил после встречи и разговоров с ним позвонить ему или Брежневу в Москву. Срочно, прямо из Черкасс я вылетел в Симферополь для встречи с Хрущевым.

1 октября в Симферопольском порту встретил Н. С. Хруще-

ва. Он прилетел на отдых. При встрече на аэродроме он полуслушно сказал, вернее, спросил меня: «А вы почему здесь? Я-то на отдыхе, а вы должны работать». Я ответил: «Моя обязанность вас, Никита Сергеевич, встретить. Ведь вы прибыли на территорию республики, и, может быть, у вас возникнут какие-то вопросы ко мне, и я понадоблюсь вам». Он ответил: «Вопросов, пожалуй, не будет, но вы понадобитесь». Он пригласил меня к себе в машину, и мы поехали к нему на дачу. По дороге задавал некоторые вопросы, касающиеся республики. По приезде на дачу пригласил меня с ним пообедать. За обедом был разговор на разные темы, много говорил и проявлял заботу о сельском хозяйстве, о работе промышленности, о культурно-бытовых условиях народа.

Крепко ругал работников идеологического фронта, называл их «начетчиками, оторванными от реальности и жизни». Здесь он не преминул сказать довольно нелестные слова и высказывания в адрес Суслова, назвав его «человеком в футляре».

Чувствовалось, что у Хрущева была большая потребность высказаться, а может быть, найти какую-то поддержку, по крайней мере сочувствие. «Я не могу сидеть, как другие, не находя себе работы», — сказал он. При этом назвал фамилии Микояна и других «краснобаев и кривляк», упомянул и фамилию Брежнева. О Подгорном сказал, что забрал его в Москву как хорошего подготовленного работника, но пока особой отдачи от него не видит, «ожидал большего». Продолжая разговор, он сказал: «Президиум наш — это общество стариков. Надо что-то думать. В его составе много людей, которые любят поговорить, но работать — нет». Тут он снова очень нелестно отозвался о Л. И. Брежневе, назвал его «пустым человеком». Хрущев вел много разговоров о предстоящем Пленуме ЦК КПСС, заявляя при этом: «Вот соберем Пленум, там поставим каждого на свое место, укажем, как кому и где надо работать».

(Брежнев, очевидно, предчувствовал, что если допустить вопрос до Пленума, то ему первому «укажут место». Поэтому он смертельно боялся предстоящего Пленума, и у него было только два выхода: форсировать «дело» с Хрущевым или же отдать все ему. Последнего мы больше всего опасались, и по этой причине всячески настаивали на скорейшей развязке «дела».)

Говорил о том, что ему с этим составом Президиума нелегко работать. «Во-первых, — говорил он, — его надо значительно омолодить и обновить. Вот и мне уже перевалило за 70 лет, далеко не та бодрость и энергия, надо думать о достойной замене. Вот почему я стою за то, чтобы на руководящую работу выдвигать молодых, подготовленных людей 40—45 лет. Надо готовить смену, ведь мы невечные, пройдет года два, и многим

из нас надо уходить на покой. К сожалению, в составе Президиума имеются люди, которые много и довольно охотно говорят, но работать не очень любят, больше занимаются пустозвонством».

Хрущев высказывал большую озабоченность о сложностях во внешней политике, о взаимоотношениях с социалистическими странами, в особенности с Китаем. Он каждый раз в разговоре подчеркивал, что на все происходящее надо смотреть реально, и что нам еще предстоит острая классовая борьба, и что все разговоры о мире, мирном сосуществовании и разоружении — это только форма нашей работы, чтобы не допустить войны, но если мы будем слабы, то нас «сотрут в порошок». «Дураку должно быть ясно, — говорил он, — что империализм своих позиций без боя не сдаст. Вот почему приходится тратить немалые средства на создание новой военной техники, на оснащение новейшим оружием нашей армии. Всякая дипломатия хороша и имеет какой-то успех, когда она подкрепляется экономической и военной мощью».

Перед отъездом с дачи Хрущев предложил мне, если у меня есть желание, завтра поехать в горы на охоту. При этом сказал: «Я поеду пораньше, ведь я в отпуске, а вы подъезжайте к обеду».

2 октября. Когда я приехал на место охоты, то застал Н. С. Хрущева за пристрелкой ружей и карабина. Настроение у него было хорошее. Он много шутил и подсмеивался над моей стрельбой, он действительно очень хороший и даже отличный стрелок. После обеда уехали на охоту, он на муфлонов, а я на кабанов. Условились, что завтра поедem охотиться на фазанов. Когда я возвратился около 22.00 на базу с трофеем — убил кабана, то Хрущева уже не было. Мне сказали, что охота у него была удачная, он убил двух муфлонов и сразу же, где-то в 20.00, уехал в Белогорск на место фазаньей охоты. При этом передал, что, если у меня есть желание, я могу туда приехать завтра. При всей сложившейся ситуации по «делу» у меня могли закрасться любые догадки, домыслы, предположения. Откровенно говоря, я немало переволновался. И все же ночью поехал на место предстоящей охоты. В пути, а он длился почти три часа, я многое передумал. Остаток ночи почти не спал.

Утром 3 октября за мной пришли, принесли к Н. С. Хрущеву завтракать. После завтрака пошли на фазанью охоту, она была удачной. За обедом вдруг Хрущев заявил, что погода в Крыму портится, да и тут никого нет, скука. В Пицунде отдыхает Микоян, он решил завтра туда лететь. Я пытался уговаривать его остаться в Крыму. Но он решительно все

отклонил и распорядился наутро назначить вылет на Кавказ. За ужином у нас был тоже разговор на те же темы.

4 октября. Утром я проводил Хрущева в Пицунду. По возвращении в Киев я имел разговор с Подгорным и Брежневым, доложил им о моем разговоре с Н. С. Хрущевым, о его высказываниях и настроениях. Сообщил им, что Хрущев улетел в Пицунду. У меня после встречи и длительных разговоров с Хрущевым остался очень тяжелый осадок в том отношении, правильно ли мы делаем, что затеваем «дело». Ведь это же прямой политический заговор! Он переплетен с интригами и явными замыслами борьбы за власть. Но все это так далеко зашло с этим «делом», теперь уже нет у меня возможности перестроить свои позиции...

5—7 октября у меня вновь состоялись разговоры с Брежневым и Подгорным. Они мне звонили, интересовались вопросами по ходу «дела» в республике и, в свою очередь, меня проинформировали по ряду вопросов. В частности, было сказано, что в других республиках, областях и краях дела складываются хорошо. Я ответил: «Тем лучше. Нам будет легче».

Брежнев при разговоре со мной передал мне привет от Полянского и Устинова, при этом еще раз сказал, что все идет хорошо. Для меня это было больше, чем понятно. Сообщил, что был разговор с А. А. Гречко по поводу «роли» армии во всех «мероприятиях по делу» — он воспринял все с большим испугом и, по существу, ушел от прямого ответа. Р. Малиновский заявил определенно, что армия в решении внутривнутриполитических вопросов участия принимать не будет.

Руководство КГБ не только было «сориентировано», но В. Е. Семичастный принимал самое активное участие во всех «мероприятиях» и обеспечивал всю безопасность. За свою «активность», как это у нас принято, он тоже поплатился, но об этом будет сказано позже и более подробно. Так было условлено, что я должен был чаще звонить Хрущеву, информировать его о состоянии дел в республике. В этом замысле было заложено два вопроса: показать, что все обстоит спокойно, и проследить за его реакцией, настроением, высказываниями.

8 октября я позвонил Н. С. Хрущеву в Пицунду. обстоятельно доложил о состоянии дел в республике по промышленности и сельскому хозяйству. Доложил также о ходе строительства Северо-Крымского оросительного канала — он особенно этим вопросом интересовался. Хрущев задал несколько вопросов, в том числе, как идет уборка сахарной свеклы и о работе сахарных заводов. Я доложил, что копка корней идет по разра-

ботанному графику, из 175 сахарных заводов работают 170, ежедневно вырабатываем 36 тысяч тонн сахара, уже отгрузили 1200 вагонов сахара, главным образом в Москву. Разговор был спокойный, не было никаких срывов, чувствовалось, что он ни о чем не догадывается, даже несколько успокоился. Переговорил я и с помощниками Хрущева — Шуйским Г. Т. и Шевченко-А. С. У них тоже настроение было нормальное. Никаких признаков подозрения или ноток тревоги замечено не было. Шла обыденная, будничная, напряженная работа, все было сосредоточено на вопросах сельского хозяйства.

Я позвонил в Москву Брежневу, проинформировал его об окончательных результатах переговоров с членами, кандидатами и членами ревизионной комиссии ЦК КПСС, вкратце изложил высказанное ими мнение. Сказал также о том, что я звонил в Пицунду Н. С. Хрущеву, докладывал ему о ходе дел в республике. Ничего особого со стороны Н. С. не заметил. Разговор он вел спокойно, интересовался, сколько Украина сдала хлеба, я ответил, что уже сдано 720 млн. пудов. В разговоре с Брежневым я заметил какую-то неуверенность в его высказывании по «делу», и меня это встревожило. Я позвонил Н. В. Подгорному, высказал свое беспокойство. Я знал, что Подгорный занимает более определенную и решительную позицию. Подгорный меня несколько успокоил, сообщив мне, что «все идет нормально, правда, под нажимом, потому что Леня расхолодился. Но отступлений нет, Полянский и Шелепин активно «работают» с другими республиками и членами ЦК по Российской Федерации, уже собран материал для доклада на Пленуме ЦК. В. П. Мжаванадзе по нашему поручению проводит определенную работу с Мазуровым ⁷⁶ — он тогда был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии и занимал отрицательно-выжидательную позицию. Пришлось с ним вести разговор второй раз и уже на более «откровенной основе». Мне снова пришлось вести разговор с Брежневым и Подгорным, ибо уже до меня самого начали доходить слухи о том, что в Москве якобы существует группа, настроенная против Н. С. Хрущева. Это было признаком «утечки информации» и наших разговоров и замыслов — все это было опасно и чревато большими неприятностями.

Нервы у всех были напряжены до предела.

Наконец, **12 октября** я вылетел в Москву по сигналу Н. В. Подгорного. Улетая в Москву, я дал указания под разными предлогами пригласить в Киев всех членов, кандидатов и членов ревкомиссии ЦК КПСС и задержать их несколько дней в Киеве до особого указания. Все эти «организационные» меры

осуществлялись через А. Н. Соболя, второго секретаря ЦК КПУ. Подобные меры были приняты и по другим республикам. Что же касается членов ЦК от РСФСР, то они, по существу, все были уже в Москве.

В Москве я имел длительную беседу с Подгорным, Брежневым, Кириленко, Шелепиным и другими товарищами. Обсуждался главный вопрос, какую найти форму и причину, чтобы пригласить Н. С. Хрущева в Москву. Не догадается ли он обо всем и не примет ли «ответных контрмер»?

Обсуждали, какие вопросы поставить на Президиуме в присутствии Хрущева, кому выступить первому — Подгорному или Брежневу. Выступать им первыми нельзя было. Это было бы воспринято как борьба за власть. «Наивная скромность», — оно то фактически так и было! Ведь никаких идейных или организационных мотивов в подходе к свержению Хрущева не было, а подобострастие перед ним его окружения продолжалось до самого «рокового» октябрьского Пленума ЦК. До этого Хрущеву никто не сказал осуждающего слова, только одобрение и преклонение. У многих был страх за свое положение, и он вызывал скрытую неприязнь за организацию интриг вокруг Хрущева. Вот «принцип политиканства» в борьбе за власть.

12 октября почти весь день заседал Президиум ЦК КПСС без Хрущева. Там «вырабатывалась методика» проведения Президиума по прибытии и с участием Н. С. Хрущева. Заседание проходило в какой-то нервозности и страхе, а также в какой-то неуверенности. Наконец пришли к решению, что причиной для вызова Хрущева на заседание Президиума должно послужить то, что многие члены ЦК от РСФСР, Москвы, Ленинграда, Украины и Грузии задают много вопросов и требуют на них ответы по составлению 7- или 8-летнего плана. Много было вопросов по записке Н. С. Хрущева по реорганизации сельского хозяйства. Что по этим и другим вопросам, мол, требуется ваше присутствие, Никита Сергеевич, члены Президиума тоже такого мнения и считают ваш приезд крайне необходимым. Такова была «легенда». По существу же на этом Президиуме обсуждался вопрос о стиле работы Н. С. Хрущева, о мерах и методах устранения его от руководства. Раздавались робкие голоса, мол, возможно, надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и Предсовмина, оставив на посту Предсовмина Хрущева. Но, зная характер и приемы Хрущева, против этого предложения яро выступил Брежнев.

Обстановка была довольно сложной. Если бы в кое-каких звеньях получилось хотя бы малейшее колебание, то трудно было предсказать, чем все это могло закончиться. «Гордиев узел» не развязать. Пришли к единому мнению: надо рубить.

Решено было, что на Президиуме первым в обсуждении

вопроса должен выступать я — «все же голос периферии» — и сразу дать почувствовать, что Украина критикует существующие порядки и стоит за изменение стиля и методов руководства. Пришли также к единому мнению, что вечером 12 октября надо звонить в Пицунду Н. С. Хрущеву и приглашать, по существу, вызывать, требовать его приезда в Москву на заседание Президиума. По логике, звонить должен был Подгорный, так как он фактически исполнял все обязанности по ЦК. Но после некоторого обсуждения и выступления Подгорного, в котором чувствовалось его нежелание звонить (а доводы были такие, что накануне Хрущев разговаривал с Подгорным и никаких подобных вопросов не возникало, поэтому звонок Подгорного будет «нелогичным» и может вызвать некоторое подозрение), было «решено», что звонить должен Брежнев.

Где-то около 21 часа Брежнев звонит Хрущеву. Мы все находимся тут же, в комнате заседания Президиума ЦК КПСС в Кремле. При нас состоялся разговор. Брежнев волновался, терялся, и некоторые вопросы приходилось подсказывать. Чувствовалось, что Хрущев с Брежневым разговаривал строго. Последний при разговоре побледнел, губы посинели и говорил с какой-то дрожью в голосе. Все же Брежнев кое-как провел разговор, изложил суть дела и высказал просьбу, что желательно, чтобы Н. С. Хрущев прибыл в Москву 13 октября. Брежнев нам передал, что Хрущев сказал: «Что у вас там случилось? Не можете и дня обойтись без меня? Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, я с ним посоветуюсь. Позвоните мне позже».

На этом первый разговор и закончился. Чувствовалось какое-то замешательство и возбуждение.

Спустя час Брежнев снова позвонил Хрущеву, Никита Сергеевич сказал с некоторым раздражением: «Хорошо, я завтра в 11.00 вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем».

Микоян позже говорил, что Никита Сергеевич после звонка из Москвы сказал ему: «Чувствую я, Анастас Иванович, что-то недоброе». Микоян по незнанию обстановки и простоте своей успокаивал его.

Н. С. Хрущев любил рассказывать во всех подробностях и тонкостях дела, как он организовывал борьбу с «антипартийной» группой, как арестовывал Берия. Многие методы, приемы и «тактика», известные из рассказов Хрущева, были применены нами при подготовке «мероприятий» по смещению самого Н. С. Хрущева.

12 октября ночью в особняке № 7 на Ленинских горах я готовился, составляя тезисы выступления на Президиуме ЦК. Требовалось аргументированное и разоблачающее, обличаю-

щее пороки Хрущева выступление. Эта ночь запомнилась мне на всю жизнь. Она была очень тяжелой, ибо ни я, никто не знал, куда мы идем, и будет ли это лучше, но пути отступления уже были отрезаны, да и отступить некуда было.

13 октября в Москву прибыли все члены ЦК КПСС. Члены ЦК от Украины тоже по «команде» из Киева выехали в Москву и разместились все в гостинице «Москва».

Хрущев прямо с аэродрома прибыл в свой кабинет в Кремле. Не успел он оглядеться, как вся его охрана была заменена. Тут «четко» сработал В. Е. Семичастный. И в дальнейшем органы КГБ полностью контролировали всю систему охраны и всю внутреннюю и внешнюю связь. Так, все выходы на внутренний и внешний мир были блокированы. Что это было сделано правильно, мы в этом убедились позже.

В 3 часа дня в кремлевском зале заседания Президиума ЦК мы были в полном сборе — все члены Президиума, кандидаты и секретари ЦК КПСС. Ждали прибытия Н. С. Хрущева и А. И. Микояна. И ждали не без волнения, а с большим напряжением, ведь мы сидели в помещении, оторванные от внешнего мира, не зная о том, что делается вокруг нас. И полагались на информацию, поступающую от Семичастного и Шелепина. Они «обеспечивали» все; и мы в эти часы находились в их руках и их власти.

Наконец наступила долгожданная минута, когда в зал заседания вошли Н. С. Хрущев и А. И. Микоян. Все притихли. Хрущев поздоровался и спросил: «Ну что здесь случилось? Кто будет вести Президиум?» Так как место председательствующего занято не было, Хрущев занял его и открыл заседание. Нами так и было предусмотрено, что председательствовать будет Хрущев, это мол, признак еще одного проявления «демократической воли Президиума», хотя уже все заранее было распределено и известно, и все это было одной из деталей «расписанного сценария».

Заняв председательское место, Н. С. Хрущев, ни к кому не обращаясь, спросил: «Кто же будет говорить, в чем суть вопроса?» Наступило, как говорится, гробовое молчание, хотя видно было, что и Хрущев напрягает все силы, чтобы не «сорваться». Выглядит он очень усталым, осунувшимся.

После некоторого молчания и замешательства слово «для информации» взял Л. И. Брежнев — так было условлено на Президиуме до приезда Хрущева. Уже тогда даже по этому можно было определить, что основная группа членов Прези-

диума делает «ставку» на Брежнева в решении предстоящих организационных вопросов. Хотя, прямо сказать, можно и нужно было делать «ставку» и на других, которые имели большой опыт работы и более солидную подготовку, да и другими лучшими качествами обладали. Здесь конкретно речь идет о Н. В. Подгорном, и впоследствии время само это подтвердит. Но вместе с этим надо отдать должное Брежневу: он сумел сделать «информацию» острой, да иначе и быть не могло, ведь шли ва-банк.

Брежнев говорил, что в Президиуме нет коллегиальности. Многие решения принимаются непродуманно. Допускается оскорбление единомышленников по работе. Непомерно возрождается и растет культ личности Хрущева. Разделение обкомов партии на промышленные и сельские — это большая ошибка, в партии и народе это не поддерживается, неприемлемо. Последняя записка по управлению сельским хозяйством путаная. Здесь все запутано. Речь Брежнева была короткой, но правду надо сказать, содержательной, казалось аргументированной и убедительной. Но в его речи ничего не было сказано, а какова же во всех этих вопросах роль самого Президиума ЦК. Чувствовалось, что постановка всех этих «жгучих» вопросов в такой плоскости ставится впервые.

Взял слово Н. С. Хрущев. Он сказал: «Все здесь сказанное Брежневым, к моему огорчению, я, возможно, и не замечал, но мне никто никогда об этом и не говорил, а если это так, то надо бы было сказать, ведь я тоже просто человек. Кроме всего, вы ведь все меня во всем поддерживали, всегда говорили, что делается все правильно. Вас всех я принимал как единомышленников, а не противников или врагов. Вы ведь не можете сомневаться в моем честном и искреннем отношении ко всем вам. Что касается некоторых выдвинутых здесь вопросов, в том числе и разделения обкомов партии на промышленные и сельские, так ведь этот вопрос не один я решал, он обсуждался на Президиуме, а затем на Пленуме ЦК КПСС и был одобрен, в том числе и вами, здесь присутствующими. Каждое мое предложение было направлено к лучшему, а не к худшему, и каждое из них обсуждалось вместе с вами. Я предан нашей партии и народу, я, как и все, мог иметь какие-то недостатки. Так спрашивается: почему же о них мне раньше никто не сказал, разве это честно среди нас, единомышленников? Что касается допущенных грубостей к некоторым товарищам, то я приношу извинения». Вот содержание его первого выступления.

Настал самый тягостный момент, надо было начинать обсу-

ждать вопрос. Как и было установлено, надо было мне выступать первому.

О своем переживании я никогда никому не говорил. Но, когда впоследствии стало известно, что мне пришлось выступать первым, многие меня спрашивали, а не было ли страшно? Можно было бы покривить душой, поблагодарить смелостью и сказать «нет». Но все это было бы неправдой, просто ложью и противоестественно человеческим чувствам. Выступать было страшно, я сильно переживал и волновался; может быть, и речь была не совсем гладкой и последовательной. Страшно и волнительно потому, что мы идем на крупный «исторический шаг», и что будет дальше, никто четко себе из всех нас не представлял. Знали мы, что политический резонанс будет сильный. Ведь все мы только вчера всячески поддерживали все мероприятия, принимали решения, одобряли все, доказывали их правильность. Всячески поддерживали авторитет Н. С. Хрущева, да и в партии и народе Хрущев пользовался большой популярностью. Я переживал и волновался за ответственность своего слова и действия.

Лично я уважал Н. С. Хрущева за его многие положительные качества, он никогда меня не ругал, не оскорблял, даже не повышал голоса. У меня с Хрущевым было много всевозможных встреч, и каждый раз разговор проходил в деловом, требовательном, иногда поучительном тоне, как это положено между старшим и младшим по работе. А известно, что уважение как слепая любовь: если и замечаешь какие-то недостатки, то им не придаешь особого значения.

Из всей обстановки становилось ясным, что если бы некоторые члены Президиума ЦК, набравшись мужества, своевременно и резко высказывали, что думают, Хрущеву, все могло сложиться по-другому и принесло бы много пользы нашему общему делу, а события могли сложиться совершенно по-иному. Но мужество отсутствовало, слезы же и жалобы друг другу шли «потоком». Н. С. Хрущев, чувствуя, что в его адрес никаких замечаний нет, все больше веровал в свою непогрешимость. И вопрос был доведен до «точки кипения», а так как «предохранительного клапана» не было, то дело дошло до «взрыва».

Позже многие члены Президиума ЦК КПСС говорили, что «Н. С. Хрущев был горяч, несколько резок, но незлопамятен и очень общителен, берег кадры, с которыми он работал. Безусловно, он глубоко был предан нашей партии. Многие говорили, что впоследствии при новом руководстве все это было утеряно.

Одним словом, выступать было нелегко, а надо, «ставка сделана, игру вести надо».

В своем выступлении я остановился на вопросах работы промышленности, сельского хозяйства, партийно-организационных. Ущемление прав республик, бесперывные реорганизации всех звеньев порождали неуверенность, отрицательно сказывались на нормальной жизни партии и страны. Но вся порочность «наших установок» заключается в том, что неизвестно кем и когда установлено. Получается, что если кто политический руководитель, то он должен быть непререкаемым вождем, изрекать только истины, причем «глубокие и гениальные», и все эти истины должны восприниматься всем народом, партией и поддерживаться. Средства массовой информации и пропаганды наперебой восхваляют «гениальность» мыслей, непререкаемость высказываний. И все это и другое стараются «объяснить» авторитетом, порядком и дисциплиной. На самом же деле создаем культ, уверенность в непогрешимости и «гениальности», часто в угоду всему этому идем на искажение исторических фактов. Нигде, никто, ни под каким «предлогом» не может покритиковать действия руководителя, сделать замечания или высказать свою точку зрения. Фактов по этим вопросам можно привести множество, но об этом несколько позже. Страдаем мы и другой крайностью: если отстранили руководителя от власти, то тогда валим на него все и вся. Все это воспринимается в партийных рядах и в народе болезненно, со значительным недоверием к проводимым мероприятиям. Часто наспех выдвинутые лозунги мы «одобряем», много пишем, шумим, а потом забываем о них или стыдливо умалчиваем. Так было с призывом «перегнать США по производству молока, мяса на душу населения» или «в течение десяти лет предоставить каждой семье отдельную квартиру». Не один же человек это «выдумывает», а если он «выдумывает», то надо, чтобы находились силы, разумно противодействующие подобным иллюзиям и политической демагогии. Даже в религии против всякой ереси выступают остро, так почему же в политике, где затрагиваются интересы народа, допускаются такие «вольности»? Все это наносит нам огромный вред, порождает неверие.

Мне было нелегко говорить. Когда я «осмелился» сказать несколько критических замечаний в адрес Президиума ЦК, это кое-кому очень не понравилось. Еще тогда по моему выступлению Брежнев проронил: «Ну что ж, выступает кто как может и как понимает».

Свое выступление я закончил словами: «Сложные вопросы внутреннего и внешнего положения нашей партии и страны настоятельно требуют глубокого обсуждения и принятия организационных и политических мер для исправления положения. Началом этому будет настоящий Президиум ЦК, а возможно,

и Пленум ЦК КПСС, дела не терпят отлагательства, их надо срочно решать».

Во время моего выступления Н. С. Хрущев подавал несколько раз реплики, на них я давал ответы, парировал, а под конец сказал: «Никита Сергеевич, мы вас слушали много раз — послушайте один раз нас».

После меня выступил Воронов Г. И. — Председатель Совмина РСФСР. Он очень резко говорил о культе личности Н. С., нетерпимости его к замечаниям, издевательском тоне в разговоре с товарищами по работе, о порочном стиле работы.

Выступление Шелепина А. Н. Свое выступление он построил на том, что стиль работы у Никиты Сергеевича порочный. Даже в своем выступлении на данном Президиуме он пытался оправдать свои действия. В Президиуме сложилась обстановка нетерпимая, Н. С. Хрущев всем дает клички и характеристики и ни с кем не считается.

Выступление Кириленко А. П. Он сказал, что Н. С. Хрущев нарушает ленинский стиль в работе, нарушается коллегиальное руководство. «Окрики на членов Президиума и секретарей ЦК и приклеивание им ярлыков», также недопустимо, когда вся власть сосредоточена в одних руках.

Выступление Мазурова К. Т. Очень короткое выступление — держался очень скованно, чересчур трусливо. Несколько слов сказал о культе личности Н. С. Хрущева. О Казахстане было сказано, что «никто экономического эффекта не подсчитывал по освоению целинных земель, и тут имеется много сомнительных «показателей», никто никогда не подсчитывает всех затрат на производство зерна. Было сказано о принижении роли партийных организаций.

В общем, выступление «прозвучало» очень глухо и само по себе было довольно серым.

Выступление Ефремова Л. Н. Почему-то говорили, что он выступил плохо, но с этим согласиться нельзя. Надеялись, что он выступит крикливо, на высоких тонах, как он всегда выступал, но на сей раз это не получилось. Он чувствовал всю серьезность вопроса, а многое ему не было известно. В своем выступлении он затронул один вопрос — нарушение уставных норм партийной жизни в связи со всякими реорганизациями по партийной линии — и это соответствовало действительности.

Выступление Мжаванадзе В. П. Выступление было хоро-

шим, аргументированным, продуманным. Основная тема выступления — это то, что Н. С. Хрущев своим нетактичным поведением с руководителями социалистических стран внес диссонанс в общее дело «союзнчества».

У Хрущева действительно были «нотки» недозволённости с соцстранами. Поехав в Румынию, он начал «обучать» румын, как сеять и обрабатывать кукурузу, хотя румыны уже к этому времени собирали урожай в 2—2,5 раза выше, нежели мы. В Крыму я был свидетелем резкого разговора Первого секретаря ЦК ПОРП Гомулки⁷⁷ с Хрущевым. Последний «серьёзно» критиковал поляков за низкие урожаи картофеля, хотя поляки собирали урожай в 1,5—2 раза выше нашего. Тогда В. Гомулка апеллировал ко мне. «Скажи ты ему (Хрущеву), что поляки больше собирают картофеля с гектара, чем Украина, не говоря уже о всей вашей стране». И это было так. Я был в составе советской делегации в Венгрии. Н. С. Хрущев и там пытался «поучать» венгров, как вести откорм крупного рогатого скота на мясо, хотя еще тогда венгры могли служить для нас примером, образцом, и мы в этом отношении отставали от них.

Из фактов и наблюдений можно было сделать вывод, что много было «вопросов», которые задевали соцстраны, а их руководители относились к нам с «настороженностью». Хотя надо сказать откровенно, что все руководители соцстран очень уважительно относились к Н. С. Хрущеву.

Выступление Сулова М. А. Он начал свое выступление с того, что «в Президиуме ЦК КПСС нет здоровой рабочей обстановки, в практическом проведении в жизнь ленинских норм партийной жизни имеются серьёзные нарушения. Н. С. Хрущев этого не понимает или не хочет понимать. Создается такая обстановка, когда унижается достоинство человека, это разрушает все помыслы «творческой деятельности». Вокруг Н. С. Хрущева выросла группа подхалимов, льстецов, а он это поощряет, ему это нравится. В газетах, средствах массовой информации и пропаганды процветает культ Хрущева. В средствах массовой информации извращаются истинная обстановка и положение в партии и стране». (Хотя ради справедливости надо заметить, что «организатором» всей шумихи в газетах и средствах массовой информации и пропаганды являлся не кто иной, как сам Сулов.)

Выступление Гришина В. В.⁷⁸ (ВЦСПС). «Жаловался» на то, что ни по одному вопросу нельзя посоветоваться с Н. С. Хрущевым. Он, по существу, игнорирует огромную работу ВЦСПС. Хрущев убежден в том, что его мнение по любому вопросу

непогрешимо. В Президиуме ЦК нет коллегиального руководства. В работе промышленности большие недостатки. Критиковал форму проведения Пленумов ЦК КПСС, «манипуляций» с пятилетним планом: пятилетка не выходит — давайте сделаем семилетку и таким образом выполним за семь лет то, что намечалось на пять лет.

Выступление Рашидова Р.⁷⁹ Резко выступил по поводу бесконечных и не совсем продуманных реорганизаций в сельском хозяйстве. «Совершенно неправильно, что мы стремимся упразднить сельские райкомы партии». Последняя записка Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству сумбурная. Разделение обкомов приносит большой вред. В подборе кадров нарушается ленинская формулировка — «кадры подбирать по деловым и политическим признакам», кадры больше подбираются по субъективному признаку и по «настроению».

В этот день на этом заседании Президиума было закончено. В адрес Хрущева было высказано много горьких, но правдивых фактов.

Казалось бы, этот «урок» должен бы пойти на пользу дела, но жизнь подтвердила, что пороки не только не изжиты, а некоторые из них еще больше усугубились и обнажились, но об этом будет сказано позже.

Заседание Президиума закончилось поздно вечером, все разгорячены, возбуждены. Приняли решение завтра, 14 октября, продолжить заседание Президиума и созвать Пленум ЦК КПСС.

Н. С. Хрущев уехал к себе на Воробьевы горы. Вся его охрана заменена, он был полностью изолирован от внешнего и внутреннего мира, вся связь была взята под «проверку» — прослушивалась. Н. С. Хрущев, еще Первый секретарь ЦК и Предсовмина, уже не смог переговорить по телефону со своей супругой Ниной Петровной, которая находилась в командировке в Болгарии, «не состоялся» разговор и с Киевом, с дочерью Юлией Никитичной. Вся связь прослушивалась, «контролировалась».

Я после заседания поехал в постпредство Украины на ул. Станиславского, где встретился с членами Президиума ЦК КПУ (правда, не со всеми), проинформировал их о ходе заседания Президиума ЦК КПСС. Все были очень встревожены и ждали конца наших дискуссий, как говорится, с душевным трепетом. Предупредил всех, что, возможно, завтра состоится Пленум ЦК, и просил их не допустить никакой утечки из моей информации.

Ночь прошла очень тревожно, с каким-то особым волнением,

в глубоком раздумье. А думать было над чем: мучила мысль, что же нас ожидает впереди? Как показала жизнь и практика, не зря думы были о будущем.

Октябрь
14 декабря 1964 года утром, в 11 часов, возобновил свое заседание Президиум ЦК.

Первым выступил Полянский Д. С. Полянский говорил, что «наша линия выработана правильно, но поведение Никиты Сергеевича наносит вред всему здравому смыслу. Мы, члены Президиума, видим, что Хрущев потерял самоконтроль над собой, проявляет нервозность и ярость в отношениях, он не сплачивает коллектив, а, наоборот, разъединяет его. Начиная с 1953 до 1958 года был какой-то успех в сельском хозяйстве, а затем наступил застой и глубокое разочарование. Если валовая продукция в промышленности за пятилетие выросла на 48%, то по сельскому хозяйству она стоит на нуле. В деревне происходит деградация, деревня стареет, молодежь уходит из села, надо что-то делать для укрепления села. Общее снабжение населения страны сельхозпродуктами находится на крайне низком уровне и вызывает большие нарекания. В цифрах по сельскому хозяйству много «жонглерства». Старовский (ЦСУ) — это главный исполнитель всех манипуляций. Сельское хозяйство, по существу, дезорганизовано по вине Н. С. Хрущева. Поляков — заведующий сельхозотделом ЦК КПСС — это случайный человек, он был и остается подхалимом, и его надо немедленно снять с работы.

Остро критиковал Т. Лысенко⁸⁰ — «он Аракчеев в науке, а сельхознауки, как таковой, у нас нет. Есть подтасовка и подражание Хрущеву. Многие вопросы по сельскому хозяйству и его науке принимаются с ходу, необдуманно. Критика Сталина была проведена недозволенными методами в нашей партии, и это нанесло большой вред нашей идеологии, нашей партии в целом. Сам Н. С. Хрущев проявляет культ, только еще в худшем виде. Аджубей, редактор газеты «Известия», зять Хрущева, распоясался так, что стремится стоять над Президиумом ЦК КПСС. Сын Хрущева, Сергей, без году неделя как работает на производстве, и уже он Герой Социалистического Труда — обо всем этом идут в народе нехорошие разговоры. А Никита Сергеевич все это или поощряет, или не хочет замечать. (Ради справедливости надо сказать, что Сергея из подхалимских побуждений Героем сделали Брежнев и Устинов, и Хрущев все это узнал как совершившийся факт.) Никита Сергеевич заболел манией величия — ему надо уйти со всех постов с хорошим именем, и мы не будем вспоминать ему ничего».

Чувствовалось, что выступление Полянского было специально подготовлено «коллективно» — во всяком случае, была

дана «консультация», это точно известно. Дано некоторое направление и Подгорным, чтобы обострить обстановку, хотя по ходу обсуждения в этом не было никакой необходимости.

Выступление Косыгина А. Н. Он в своем выступлении сказал, что полумерами здесь не обойтись. Стиль работы и руководства у Н. С. Хрущева является не ленинским. Он на XXII съезде партии один сделал два доклада при открытии и закрытии съезда. Культ Н. С. Хрущева разросся до огромных размеров, в печати появляются хвалебные статьи и письма в его адрес. Хрущев противопоставляет себя всему коллективу Президиума ЦК КПСС, организует «групповщину» и «интриги» среди членов Президиума, он охаял доклад Сулова по идеологическим вопросам. Много вопросов решается субъективно, неправильно, он сам того не замечает, упивается властью. (Интересно было бы послушать, что бы сказал Косыгин о Брежневке, если бы ему предоставилась такая возможность?) При разработке пятилетнего плана допускается легкий подход, он легко переходит с пятилетнего плана на 7—8 — и даже 10-летний план. В решение военно-технических вопросов не привлекает к работе членов Комитета обороны. Выступление Косыгина было резкое, нервное, чувствовались нотки личной обиды и некоторой неприязни к Хрущеву. Почему это так, об этом будет сказано несколько позже.

А. И. Микоян. Выступление было насыщено большой маневренностью, рядом манипуляций. Он говорил о большом подъеме и спаде в работе Н. С. Хрущева, о его большой энергии, вместе с тем о некоторых «юзах» в политической деятельности. Говоря о внешнеполитической деятельности, он сказал, что все эти вопросы решались коллективно, и в ряде случаев небезуспешно, например, Суэцкий кризис, который был в 1956 году⁸¹. Он разрешился в нашу пользу и в пользу мира только благодаря самым решительным мерам и выдержке. Кубинский вопрос тоже показал нашу силу; хотя мы и увезли с Кубы ракеты, но мы сохранили саму Кубу и мир, показали, что у латиноамериканских стран есть надежда и защита. О взаимоотношениях с Китаем и Мао Цзэдуном⁸². Это довольно сложный вопрос, и мы должны проводить свою линию принципиально, хотя, откровенно говоря, можно было кое-что сделать больше, в некоторых вопросах не нужно было идти на резкое обострение, и, конечно, недопустимы личные оскорбления политического руководства страны, вроде как заявления, что «Мао — это старая калоша». Это не стиль и не метод разрешения политических и идеологических споров. О «рязанском деле» — это, конечно, была явная авантюра, и Н. С. пошел на поводу кое у кого, но он должен за это отвечать.

Н. С. Хрущев действительно за последнее время стал вспыл-

чив, раздражителен, допускает оскорбление товарищей — очевидно, это связано с определенными трудностями. Но какой бы резкий разговор с ним ни состоялся, потом к нему всегда можно подойти поговорить, если есть необходимость объясниться, — он всегда выслушает, он не злопамятный, объективный в оценке поведения товарищей. Много здесь говорили о культе Хрущева, я обвиняю в этом прежде всего нашу прессу, средства массовой информации, пропаганду, это они раздувают культ. Косыгин здесь говорил, что Н. С. Хрущеву надо пойти в отставку, вряд ли можно с этим согласиться — может быть, стоит, наверняка стоит разделить посты. Н. С. Хрущев пользуется авторитетом у нас и во внешнем мире. Для такого масштаба деятельности он еще не стар, а Косыгин молод и рассуждает не совсем правильно и продуманно. Надо крепко покритиковать Никиту Сергеевича, он исправит положение, а нам всем надо ему больше помогать.

Н. В. Подгорный. Начал свою речь с того, что выступление А. И. Микояна назвал неправильным. Если по поднятию его культа он и не давал прямых указаний, так он все это одобрял и молчаливо соглашался, и это наносит большой вред нашему общему делу. Много допущено ошибок в руководстве сельским хозяйством и промышленностью. О состоянии готовности страны к обороне мы не в курсе дела. Никита Сергеевич допустил много ошибок и просчетов в вопросах сплочения социалистического лагеря. Подгорный вносит предложение созвать Пленум ЦК КПСС, разделить посты. Никиту Сергеевича освободить от всех обязанностей. Как это отразится? Определенные издержки будем нести, но это делать надо. (Что думал потом Подгорный о культе Брежнева? Ведь такого еще не было никогда.)

Л. И. Брежнев. Начал свое выступление с того, что сказал: «У Н. С. Хрущева нет скромности, очень большое властолюбие, он возносит свой культ через печать, радио, телевидение, он все это видит, но не пресекает». На этом, собственно говоря, и закончилось его выступление.

На этом закончились и выступления. Спросили секретарей ЦК КПСС Ильичева, Рудакова, Титова, Демичева, Андропова и председателя КПК Шверника, согласны ли они с постановкой такого вопроса и нет ли у них своих предложений. Все заявили свое согласие. Микоян попросил слова и в нем присоединился ко всему, что было сказано.

Много было сказано горькой правды, но кое-что и предвзято, иное из-за страха. Но самое горькое то, что через десять лет с того времени культ процветал во сто крат больше, чем он был

при Хрущеве. Внешнеполитические вопросы были далеко не на таком уровне, чтобы ими восторгаться. Экономика страны и материальное благосостояние народа далеки от приличных. Народ переставал верить, а это самое опасное.

Выступление Н. С. Хрущева. Он был сильно расстроен, просто подавлен, чувствовал, что он бессилен во всех отношениях и изолирован. И все же он нашел в себе силы и мужество сказать, что он благодарит за то, что в его адрес сказали кое-что и положительное. Он дал высокую оценку коллективу, сказав при этом: «Я рад за Президиум, что он такой зрелый и все, что сейчас делается, мог сделать, это победа нашей партии, в этом есть и моя крупинка. Я не могу с вами бороться — идеология и основа у нас с вами одна, я уйду и драться не буду». Он еще раз извинился за то, что, может быть, когда-то в отношении кого-либо из товарищей допустил оскорбление. Продолжая далее свое выступление, он сказал: «Мне предъявили ряд обвинений, с которыми я не могу согласиться, а ряд положений я сейчас просто не могу вспомнить и парировать их. Какая главная моя ошибка? Это слабость характера, доверчивость и доброта, может быть, еще что, чего я сам не замечал. Но и вы ведь все здесь присутствующие о них мне никогда откровенно не говорили. Меня обвиняют в том, что я совмещаю два поста: Первого секретаря ЦК и Предсовмина, но вы все должны согласиться, что я лично не добивался этого. Моя ошибка в том, что я нерешительно противился вашему настоянию в этом вопросе. Первый секретарь ЦК и председатель Бюро ЦК по РСФСР — вполне достаточно забот, но многие из вас, в том числе и вы, тов. Брежнев, настаивали на том, чтобы я принял пост Предсовмина СССР. Я признаю, что допускал некоторую грубость и нетактичность по отношению к науке, в частности к Академии наук, но то, что их надо заставлять работать, остается истиной.

Н. С. Хрущев аргументированно выступил по принятым мерам в событиях по Суэцкому каналу в 1956 году, мероприятиях по Карибскому кризису, связанных с событиями на Кубе, когда пришлось увезти оттуда ракеты, но сохранить Кубу. О мероприятиях, проводимых в ГДР по установлению границы в Берлине. Все эти меры он оценил как положительные и сказал, что по-другому решить их нельзя было. Продолжая выступление, Хрущев сказал: «Все эти меры хорошие, и они вами всеми были в свое время одобрены, так почему сейчас поднимается вопрос и ставится все это мне в вину? Некоторые говорят здесь о более решительных мерах с нашей стороны против Китая, его политики. Говорить можно все, но вот как сделать конкретно, никто не может даже порекомендовать. Отношения

с Китаем — это вопрос очень сложный. Вы с этим вопросом тоже столкнетесь не один раз и будете иметь много сложностей и неприятностей».

«Я понимаю, — сказал Н. С. Хрущев, — что это моя последняя политическая речь — лебединая песня. На Пленуме я выступать не буду, но хотел бы обратиться к Пленуму с просьбой». С какой, Н. С. Хрущев не сказал. Ему этого сделать и не разрешили. На глазах у Н. С. Хрущева появились слезы, и он сказал: «Очевидно, так у нас водится, что заслужил или не заслужил, но при определенных обстоятельствах получай». Дальше Хрущев сказал: «Я сам думал, что надо было уходить, что со многими вопросами я не справляюсь. Страдал я от того, что не мог с вами встречаться почаще и обсуждать вопросы просто, по-человечески. Здесь говорили о моем зазнайстве. Очевидно, при нормальном положении вам надо было меня в какой-то мере оберегать от этого порока, а это значит, надо было мне прямо и откровенно в нашем кругу говорить об этом, но для этого тоже нужна была прежде всего честность и смелость, но речь сейчас идет не об этом. Напишите заявление о моем уходе, об отставке, я его подпишу — я полагаюсь на вас в этом вопросе».

Н. С. Хрущев далее заявил: «Если нужно, я уеду из Москвы». Кто-то подал реплику: «Зачем это делать? Не нужно». Это нашло всеобщую поддержку — решили оставить Хрущева в Москве и соответственно материально обеспечить. Н. С. Хрущев еще нашел в себе силы и под конец своего выступления сказал: «Если у вас пойдут дела хорошо, я буду только радоваться и следить за сообщениями газет».

Было решено Пленум ЦК провести 14 октября в 18.00 в Свердловском зале Кремля. Пленум решили провести только по организационным вопросам, позже созвать Пленум и на нем рассмотреть ряд вопросов. Надо было обговорить ряд вопросов, и прежде всего, кто будет делать на Пленуме доклад или информацию. Против ожидания всех нас доклад поручили сделать Сулову. И это далеко не было понятно — ведь Сулов почти в последнюю очередь был информирован о предстоящих крупных политических событиях, он, по сути, никакого отношения не имел к составлению доклада. Доклад составляла группа товарищей: Шелепин, Полянский, принимали участие Андропов и Демичев. Почему поручили выступить с докладом Сулову, было загадкой, но позже прояснилось. Брежнев уже тогда опасался молодых — Шелепина, Полянского, Семичастного и других. Брежнев не хотел сам выступать из-за «скромности». Можно было бы поручить выступить Подгорному, но последний отказался. Поручить сделать доклад кому-либо из моло-

дых — этого Брежнев просто побоялся, опасен рост их авторитета.

Пришли также к заключению, что на Пленуме не открывать обсуждения доклада. «Чтобы не разжигать страстей», — говорил Брежнев. Но тут дело было не в «страстях». Открыть обсуждение доклада, значит, дать слово и Хрущеву — ведь о нем идет речь? А что он может сказать, тем более в адрес Брежнева да и других, это было небезопасно. Решили принять постановление Пленума без обсуждения доклада. Но оказалось, резолюция Пленума не была подготовлена, и это вызвало некоторое замешательство.

Обсуждался вопрос, как довести до партии и народа принятые организационные вопросы Пленума ЦК. Было решено, что 15—16 октября в республиках пройдут партийные активы и на них надо довести до сведения решение Пленума ЦК КПСС. Немаловажным был вопрос, как довести до сведения решение Пленума об освобождении Хрущева братским партиям. Как оказалось, это был не из последних вопросов.

Некоторые коммунистические и рабочие партии восприняли решение Пленума с большой для них неожиданностью и даже некоторой тревогой. Поступило немало запросов, что случилось? Вчера еще Н. С. Хрущев был в зените политической славы и ореола, а сегодня неожиданно даже для большинства советских коммунистов его освобождают от всех постов. Телефонные и письменные запросы поступили от Венгрии, Болгарии, ГДР и других компартий. Какую информацию дать в печать и в какой форме составить письмо об отставке Хрущева?

Естественно, встал вопрос, кого избрать Первым секретарем ЦК КПСС. В то время назывались только три кандидатуры: Брежнев, Подгорный или Косыгин. Безусловно, чаша весов была на стороне Подгорного, но он сам отказался, мотивируя тем, что Брежнев моложе и уже, мол, так сложилось, что якобы он, Брежнев, должен занять этот пост. Когда назвали фамилию Брежнева, возражений, конечно, не было, но надо было видеть, как Брежнев просиял.

Тут же он внес предложение, что надо учредить должность второго секретаря и что избрать на эту должность Подгорного. Все согласились, но когда через несколько часов вышли на Пленум, то этот вопрос на повестке дня уже не стоял. Для нас осталось загадкой, на каком этапе и кто перерешил наше общее мнение, принятое за 2—3 часа перед Пленумом. Обсудили вопрос о разделении постов — Первого секретаря ЦК и Предсовмина. Председателем Совмина Пленуму «рекомендовали» А. Н. Косыгина, это было обусловлено еще раньше, когда подготавливались все «мероприятия» по Хрущеву, аргумент, что он может быть Председателем Совмина, окончательно склонил

его к намеченным «мероприятиям» по устранению Н. С. Хрущева от политической деятельности.

Во время заседания Президиума ЦК КПСС, это было 14 октября, как раз в разгар выступлений, тов. Шелепин передал мне перехваченную записку О. И. Иващенко, члена ЦК КПСС, секретаря ЦК КПУ. Вот ее содержание: «Заседает Президиум, что-то происходит. Я согласна, что нужно говорить о недостатках, но нельзя прибегать к крайним мерам. В Америке надвигается фашизм. Это ему на руку. Брежнев честолюбив, властолюбив. Шелест держит развязный тон, они вместе. Можно критиковать, но это не значит, что нужно убирать. Русским и украинцам нужен вожак, к нему все тянутся. Брежнев говорит одним одно, а другим другое. Шелест сказал, когда обсуждали надпись на какой-то вазе: «Некоторые вожди засиделись».

С этой запиской были ознакомлены сразу же Подгорный и Брежнев. Сам факт появления этой записки встревожил нас, и были приняты дополнительные меры предосторожности. Я вышел из зала заседания, позвонил Н. А. Соболю — это второй секретарь ЦК КПУ, и сказал ему, чтобы за Иващенко был установлен контроль. Это означало привязать ее к определенному месту и контролировать ее действия.

В 16.00 в постпредстве Украины перед Пленумом ЦК КПСС мной были собраны члены, кандидаты и члены ревизионной комиссии ЦК КПСС, избранные от украинской партийной организации. Проинформировал их о состоявшемся заседании Президиума ЦК, о его решении и о созыве Пленума ЦК, о том, что Н. С. Хрущев подал заявление об уходе в отставку со всех постов и что Президиум удовлетворил его просьбу. Во время моей информации была гробовая тишина и чувствовалась большая напряженность. Я призвал членов, кандидатов в члены ЦК и членов ревизионной комиссии ЦК поддержать на Пленуме решение Президиума ЦК КПСС. После информации наступила пауза тяжелой тишины. Но вот член ЦК КПСС И. С. Сенин, первый заместитель Председателя Совмина республики, задает вопрос: «А что Н. С. Хрущев сам подал заявление или его вынудили к этому?» Пришлось снова «разъяснить», и это «разъяснение» — чувствовал я — было не очень убедительным. Тогда последовал второй вопрос: «Можно ли будет задать вопрос на Пленуме и выступить там?» Я ответил, что задавать вопросы никому не возбраняется, что касается выступлений, то, насколько мне известно, этот вопрос на Пленуме не будет обсуждаться, а после информации или доклада будет принято постановление Пленума. О. И. Иващенко задала вопрос: «А почему не оставить Н. С. Хрущева на одной из должностей и как освобожде-

ние Хрущева может отразиться на международных отношениях?» Мной был дан ответ, что Н. С. Хрущев подал заявление и он уходит на заслуженный отдых, остается жить в Москве. Что касается международной реакции, в том числе и некоторой реакции в компартиях соцстран, то, возможно, мы будем иметь какие-то издержки. Но главное то, что намеченная генеральная линия XX—XXI—XXII съездов КПСС остается в силе, и мы ее должны проводить в жизнь. Был задан еще один вопрос: «А кого же рекомендуют на Первого секретаря ЦК КПСС?» От прямого ответа я ушел, формально ответил, что это дело Пленума ЦК, но посты будут разделены, и на Предсовмина рекомендуется А. Н. Косыгин. На этом совещание и моя информация членам ЦК были закончены. О проведенном совещании с членами ЦК я тут же доложил Подгорному и Брежневу, сказал о настроении и задаваемых вопросах. Они уточнили некоторые положения, на этом и закончилась с нашей стороны подготовка к Пленуму ЦК.

14 октября в 18.00 в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК. По поручению Президиума ЦК открыл заседание Н. В. Подгорный.

На повестке дня один вопрос — организационный. С докладом выступил М. А. Сулов, сказав несколько слов о положительных моментах работы ЦК, он перешел к изложению сути вопроса по Хрущеву.

Н. С. Хрущев в президиуме, в стороне, понурил голову. Думаю, что ему было очень и очень тяжело, это надо было набраться мужества все выслушать и вытерпеть. Может быть, это было и излишним, что он присутствовал на Пленуме, это ведь для него непоправимая тяжелая морально-политическая травма. В докладе Сулова было высказано все, что было сказано в течение двух дней заседания Президиума ЦК, но некоторые вопросы еще больше обострены. Чувствовалось, что была проведена «большая работа» среди членов ЦК, то и дело раздавались выкрики «правильно», но это, как правило, одни и те же крикуны, они бывают во все времена. Хрущеву они тоже кричали «правильно».

В основном же Пленум проходил с большим напряжением, каждый серьезный человек чувствовал ответственность за принимаемый акт и думал о будущем: а что будет дальше? И этот вопрос был законным. То, что есть, мы знаем, видим, понимаем, оцениваем, критикуем, делаем выводы. А что будет, это неизвестность, это потрясающе. Ведь для многих остается много непонятного и загадочного: что же случилось? Только вчера Хрущев был в политическом ореоле — «преданный ленинец», а сегодня его нещадно «развенчивают». Не повторятся ли

все те «ошибки и недостатки», за которые мы осуждаем Хрущева и делаем организационные выводы? В дальнейшем жизнь покажет, что основания для такого беспокойства имелись.

Доклад Суслова длился около 2 часов, после доклада вопросов никаких не «поступило», обсуждения доклада тоже не было. Решение Пленума было принято с поспешностью, просто «штурмом». В один миг освободили Н. С. Хрущева от должности Первого секретаря ЦК и Предсовмина, вывели из состава Президиума ЦК. Членом ЦК оставили, правда, те же «крикуны» подавали голос, чтобы вывести его из состава ЦК. Но за это надо было голосовать тайно, и была некоторая опасность, а вдруг что? «Удовлетворили просьбу Н. С. Хрущева об уходе его на пенсию». Как только это решение было принято, сделали перерыв.

Н. С. Хрущев, понунив голову, придавленный, просто раздавленный, уехал и до своей кончины не был в Свердловском зале.

Так закончилась политическая карьера этого энергичного, общительного, своеобразного человека. Он, безусловно, был хороший коммунист, предан партии и народу, энергичен и добросовестен, хотя и допускал отдельные ошибки и промахи, но он действительно много проявлял заботы о народе.

Пленум ЦК должен был решить организационные вопросы: избрать первого секретаря и, как было условлено, второго секретаря. Первым секретарем был избран Л. И. Брежнев, о втором секретаре умолчали, что для многих из нас, знавших договоренность, осталось тайной.

Думается, что Брежнев подговорил некоторых товарищей, и в первую очередь Суслова, отказаться от мысли об избрании второго секретаря.

Но истинная подоплека здесь была другая — Брежнев уже тогда не хотел делить партийную власть или кому-либо уступить ее хоть частицу. Очень было заметно, что Брежнев очень доволен происшедшими событиями, он даже начал по-особому себя вести, поднял голову, появилось что-то артистическое, и дальше все это будет проявляться в невероятных приемах. Об этом будут говорить в партии и народе.

Приняли решение об отмене созыва ноябрьского Пленума ЦК, так как вопросы не были подготовлены. Последнее время Хрущев «увлекался» записками в Президиум ЦК. Кроме известной записки по сельскому хозяйству, он написал записку о реорганизации печати — создание какого-то объединения — своеобразной монополии, уже был подготовлен проект решения. Его пришлось отложить.

В ЦК состоялось совещание первых секретарей ЦК нацкомпартий, ответственных работников ЦК, редакторов партийных газет и журналов. На совещании обсуждался один вопрос, как лучше довести решения Пленума ЦК КПСС до партийного актива и разъяснить происшедшие события. Рекомендовать на партийных активах союзных республик лично выступить первым секретарям ЦК нацкомпартии с информацией. Подтвердить партийному активу, что генеральная линия партии остается прежней, надо еще больше поднять роль партийных комитетов. Все рассказать о Пленуме, какая была обстановка, как он проходил. Откровенно все рассказать о Н. С. Хрущеве, ничего и не скрывать, но не смаковать этот вопрос. Сказать, что «просьба Н. С. Хрущева «удовлетворена» — он ушел на заслуженный отдых. Вот примерные тезисы и направления наших выступлений. Но я-то больше других знаю, каким способом мы «удовлетворили просьбу» Хрущева, и мне далеко не по себе то, что среди членов Президиума, в особенности это заметно по поведению Брежнева, происходит какое-то торжество «победы». А по существу — какая победа? Ведь, откровенно говоря, мы совершили гнусную политическую подлость исподтишка, путем заговора и интриг, приставив к виску Н. С. Хрущева «политический револьвер», принудили его пойти в отставку. Все как было при дворцовых переворотах. Я знаю, как отстраняли Н. С. Хрущева от власти. Это не дает успокоение и наводит на грустные размышления. А как будет дальше?

Еще будучи в Москве, я дал задание созвать 15 октября на 18—19.00 партийный актив республики.

15 октября. Заседание проходило в здании Верховного Совета. Было более двух тысяч человек. Особо готовиться не было времени, да для меня все было ясно, так как мной весь ход событий был зафиксирован в блокноте. Из Москвы я попросил своего помощника Н. Т. Кучера подготовить некоторые выкладки и положения. С аэродрома Жуляны прямо поехал на партийный актив. Нельзя сказать, чтобы я не волновался, хотя и возвратился в Киев с «победой», но торжествовать не было от чего, да и рано. Меня самого тревожили многие вопросы, однако я был уверен, что партийный актив правильно все поймет и одобрит решение Пленума ЦК, но внутреннее волнение было очень велико. Никогда никому не верьте, что, мол, он перед сложными вопросами не волнуется. Это или частое вранье, бравада, либо полнейшая безответственность за порученное дело.

В печати и по радио еще не было никаких сообщений о прошедшем Пленуме ЦК. Но многие из актива интуитивно

чувствовали, что произошло или происходит что-то весьма важное, значимое, поэтому была общая настороженность. Все, что я говорил в своей информации о Пленуме и организационных выводах, для всех буквально было новостью и неожиданностью. Подробно, но в пределах допустимого, было сказано о заседании Президиума ЦК и как обсуждались там все вопросы. Сказал, что Президиум обсудил вопрос о Н. С. Хрущеве и счел необходимым вынести этот вопрос на Пленум ЦК; подробно осветил работу Пленума и принятое им решение, которое будет завтра опубликовано в печати. Сказал, что доклад Сулова публиковаться не будет. О заявлении Н. С. Хрущева будет сообщено также в печати.

Надо в спокойной форме довести до сведения партийных масс о решении Пленума ЦК, не делая из этого особой сенсации. Все положения, которые произошли в партии разъяснить и беспартийным. Наша партия монополитна. Ее ленинское ядро ЦК КПСС оказалось на высоте задач и приняло правильное решение. Заверил ЦК КПСС от имени КПУ, что мы все целиком и полностью поддерживаем и одобряем решения Пленума ЦК КПСС. На этом я и закончил свое выступление. Актив прошел с большим внутренним напряжением. Приняли постановление актива, одобряющее решение Пленума.

С того времени прошло много лет, но прямо надо сказать, что многие вопросы, за которые критиковали Хрущева, так до сих пор и остались нерешенными. А некоторые положения даже усугубились.

Все закончилось, все отшумело, «праздник победы» прошел, настоящая жизнь требовала своего, надо было снова много думать над реорганизацией партийных и советских органов в центре и областях, подбирать и расставляли кадры.

Начало работы при Л. И. Брежневe.

Подгорный мне говорил: «Не будь с ним слишком откровенным»

Наступила 47-я годовщина Октября, шло много поздравлений, писем, телеграмм, телефонных звонков. С поздравлением позвонили мне А. Н. Шелепин и В. П. Мжаванадзе и довольно туманно повели разговор, что, мол, некоторые члены ЦК КПСС «скрипят», идет разговор, что они остались за бортом, тогда как они играли немаловажную роль в подготовке октябрьского Пленума ЦК. Далее они более ясно сказали, что «в общем происходят ненормальности, группа членов ЦК, в частности Игнатов, Аристов, Фурцева, Патолычев и другие, высказывают свое недовольство и претендуют на руководящие роли в Президиуме ЦК, говорят о своих заслугах. Они очень нелестно и неуважительно высказываются о Брежневe». Спрашивали моего мнения. Я откровенно высказался, что на данном этапе никаких группировок допустить нельзя, это опасно, и все-таки этому надо дать самый решительный отпор.

В областях проходят партийные активы по итогам октябрьского Пленума ЦК, в частности, из Одессы и Запорожья сообщили, что на активах даже были выкрики: «Да здравствует октябрьский Пленум!» Говорилось о том, что, мол, накормили народ, теперь все есть в магазинах. Привычка — шумим по любому поводу, мы умеем поднять народ, что часто не думаем о последствиях и пользе этой шумихи.

На 47-ю годовщину Октября был приглашен Чжоу Энь Лай, надеялись нормализовать отношения с Китаем, и по этому вопросу велись переговоры. Правда, китайцы требовали от нас невозможного, прежде всего, чтобы мы отказались от принятых решений XXII съезда КПСС, в частности, по культу Сталина, чтобы мы решительно осудили международную деятельность Н. С. Хрущева и, прежде всего, его отношение к Китаю.

Во время приема в Кремле произошел довольно неприятный инцидент. Р. Я. Малиновский, министр обороны, очевидно, по-

двыпив, непродуманно и в резкой форме нелестно высказался в адрес Мао. Он примерно так сказал: «Вот мы убрали Хрущева, уберите и вы Мао Цзедуна, и все будет хорошо». Чжоу Энь Лай воспринял все это как оскорбительный выпад против «вождя». Президиум ЦК КПСС вынужден был более двух часов вести переговоры с Чжоу Энь Лаем, чтобы в какой-то мере сгладить неприятный инцидент. Малиновскому было сделано соответствующее внушение. Чжоу Энь Лай сразу же уехал на родину, по существу, прервал переговоры.

* * *

Наступил 1965 год. Встречал Новый год в кругу семьи и близких мне людей, собралась хорошая компания, было весело, хорошо. Встреча затянулась до 7 часов утра. Пришел новый год, в дневнике было написано:

«Вот и начался новый, 1965 год, что он принесет? Должен, обязан, мы его просим очень принести счастье, успехи в работе, здоровье, выполнение планов и заданий для блага народа. Уверен, что 1965 год будет годом хорошим во всех отношениях — это так».

С первых дней января пошли разговоры о съезде колхозников страны. Хорошо бы начать эту работу со съездов колхозников союзных республик. Такое предложение и внесла Украина.

Дал задание соответствующим товарищам подготовить вопросы для Президиума ЦК КПУ по изучению партийного подполья на Украине и исследованию быта и культуры современного села.

11 января из Москвы позвонил В. К. Малин — заведующий особым сектором ЦК КПСС. Он сообщил, что на 12 января назначается заседание Президиума ЦК, надо мне быть.

12—14 января заседали, вопросов много, а беспорядка и неразберихи еще больше.

Был установлен никому не нужный и ничего не дающий, кроме формализма, порядок, что все члены, кандидаты в члены Президиума ЦК и секретари обязаны высказывать свое мнение по любому вопросу. Это была ложная демократия и настоящая говорильня. Более того, считалось, чем длиннее речь, тем активнее человек принимает участие в обсуждаемом вопросе. В противном случае подавалась реплика: «Ну что ж, он сказал несколько слов». Главное было больше говорить, а не глубина знаний или содержание сказанного. Очень пространные речи произносили Брежнев и в особенности Косыгин.

На этом заседании обговаривались вопросы: о совещании коммунистических, рабочих и социалистических партий; о занятых позициях Китая и Албанией в международном коммунистическом движении. О положении на Кипре, в Турции и Греции. О положении во Вьетнаме. Остро обсуждался вопрос о направлении работы средств массовой информации. По этому вопросу больше всего выступал Брежнев. Он так «убедительно» говорил, что иногда было похоже даже на правду. Он говорил, что если нам и придется показывать руководство, то надо показывать коллективный разум, а не восхваление культа одной личности. Были, как казалось тогда, выработаны хорошие, принципиальные положения. Но, как показала впоследствии жизнь, это были только благие намерения, и если на первых порах что-то изменилось, то спустя некоторое время шумиха, трескотня, восхваление успехов стали вроде бы нормой, даже начали находить всему оправдания. А восхваления культа руководителя было раздуто до невероятных размеров, и это тоже начало «признаваться» нормой — хотя все это не так давно нами же подвергалось жесткой критике.

На этом Президиуме решался вопрос о созыве в феврале Пленума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Было принято решение, что за достигнутые успехи надо наградить свекловодов страны.

2 марта в ЦК КПУ принял Янгеля М. К. Это замечательный человек, большая умница, чрезвычайно работоспособный, инициативный и смелый, принципиальный, бескомпромиссный. Многие этого не прощали, и ему трудно было работать. Он лишен отвратительных качеств — лести, подхалимства, заискивания. Поэтому его разумные, прямые высказывания и предложения часто не воспринимались, а подчас даже глушились. Я всесторонне его поддерживал. Он это чувствовал и многое мне рассказывал и раскрывал всю подноготную игры. На самом деле в ряде вопросов создавалась тревожная обстановка и далеко не блестящие дела с оснащением армии ракетами, здесь шла непонятная возня, междоусобная борьба.

По этому важному вопросу я решил проинформировать и откровенно все высказать Брежневу и попросил у него помощи в производстве ракет Янгеля, в особенности ракеты Е-67. Помощи, конечно, не получил, а неприятности имел: «Что вы этими вопросами занимаетесь? Нам все известно!» После такого ответа особой инициативы не проявись.

6—10 марта был в ГДР на Лейпцигской ярмарке — была встреча с членами Политбюро СЕПГ и лично с Ульбрихтом. Он не очень лестно отзывался о Брежневе, считая его довольно

«легким» человеком, выскочкой с определенными склонностями к артистичности и саморекламе. Впоследствии его высказывания отразились на нем же. Брежнев это «вспомнит». Разговоры с немцами были интересны, но они на нас смотрят несколько свысока. Мы на ярмарке были представлены бедно, нам надо очень много работать над вопросами конструкций, качества и эстетики нашей продукции, культуры оформления. Одним словом, есть над чем задуматься, а главное недопустимо кичиться и самоуспокаиваться, что у нас все хорошо и самое лучшее.

После приезда проинформировал обо всем виденном и слышанном Брежнева и Подгорного; кое-что им не понравилось, но скрыть я не мог и неправдивую информацию давать тоже не мог. Хотя я сам себя не один раз укорял за откровенность и прямоту высказывания. Но лучше пережить временные неприятности и быть честным и правдивым перед самим собой и своим народом, чем всю жизнь лстивым и пресмыкающимся. Жить честно и правдивому всегда было нелегко, тем более в наше время.

20 апреля позвонил мне В. П. Мжаванадзе, он интересовался вопросами состояния дел в Москве — имелось в виду, как себя чувствует Брежнев и не нужно ли ему оказать какую-либо дополнительную поддержку. О делах в Москве я его подробно проинформировал.

Продолжается идеологическая перепалка с Китаем. Это требует всемерного повышения бдительности и усилия уровня организационной и политической работы в партии. «Надо всемерно повышать бдительность, но не допускать того, чтобы ее превратили в подозрительность. Развертывая внутрипартийную демократию, одновременно надо в партийных рядах наводить порядок, укреплять дисциплину, вести решительную борьбу с демагогами, неустойчивыми элементами, давать всем подобным нездоровым явлениям решительный отпор». Эти мысли мной неоднократно высказывались на заседаниях Президиума ЦК КПСС, Пленумах ЦК и в беседах с Брежневым. Он мои высказывания воспринимал нервозно, ревностно, почему, трудно было тогда понять. Ведь все высказывания носили характер совета и отражали истинное положение дел. В моем дневнике появилась тогда запись: «Во внешней дисциплинированности больше показного, чем внутреннего содержания. Часто прорывается показная, ненужная сторона дела, а отсюда и показное желание. По характеру трусливый, злобный, мстительный, человек своими действиями пытается подорвать авторитет товарищей, с которыми он работает». Эти мысли меня постоянно мучили, тревожили, я их в осторожной форме высказал Н. В. Подгорно-

му, он меня чисто по-товарищески предупредил: «Не будь слишком откровенным с Брежневым». На некоторое время я «закрылся», но, видно, характер брал свое, и я снова излагал свои мысли так, как я понимал вещи, что соответствовало действительности и истине.

28—29 апреля по многим делам республики был обстоятельный разговор с Брежневым и Подгорным, и снова возникли многие острые вопросы.

Первомайские праздники прошли более-менее спокойно — правда, порезали два портрета Брежнева, кое-где посрывали флаги. За праздничные дни по республике 24 случая особо опасных преступлений, из них 10 убийств.

14 мая позвонил Брежневу, просил его направить на строительство рисовых чеков воинские подразделения. Доложил, как прошло республиканское совещание молодых ученых, такое совещание было проведено впервые в Советском Союзе. Сказал ему, что мы направили в ЦК записку о работе с иностранными студентами. Сообщил, что в Киеве открылся Бориспольский аэропорт международного значения. Потом он по своей значимости стал одним из известных в Европе.

В это время было разослано заявление Серова, бывшего председателя КГБ. Он попал в «немилость» — при нашей системе это часто бывает. С заявлением ознакомился и высказал свои соображения, мол к Серову предъявлена излишняя жестокость. Нужно ли это нам делать? Ведь все, что он делал, он делал не от себя лично, а по заданию — высказал это и Брежневу.

10—12 июня проходило заседание Президиума ЦК КПСС. Основные вопросы — организация управления промышленностью. О предстоящем пятилетнем плане. О подготовке к XXIII съезду КПСС.

По первому вопросу информацию сделал А. Н. Косыгин — речь его была не совсем собранной, неубедительной. Большие нападки были на систему совнархозов: якобы из-за них у нас довольно вялая экономика страны, и при них снизились якобы все технико-экономические показатели в промышленности и строительстве, упала производительность труда, на вложенный рубль нет должной отдачи, снизился национальный доход. И вообще все грехи в экономическом развитии приписывались совнархозам. Все это было натянуто и не отвечало действительности, просто надо было принизить роль совнархозов, чтобы перейти к новой реорганизации, созданию министерств, хотя

немногим больше года все ратовали за создание совнархозов, всячески их поддерживали, говорили, что это «единственно правильный ленинский курс».

После Косыгина выступил Брежнев. Он в довольно осторожной форме поддержал Косыгина, зная, что почти все республики неохотно идут на создание министерств, и не потому, что они строго придерживаются системы совнархозов, а потому, что в пользу создания министерств не было приведено аргументированных доказательств. Однако Л. И. Брежнев дал нам понять, что вопрос идет о централизации управления промышленностью. В подтверждение этого он приводил ряд примеров местничества — мол, имеет место оторванность партийных комитетов от производства, плохая работа Госплана, но это тоже не было убедительным. На этом и закончилось обсуждение этого важного вопроса.

Мы все поняли, что вопрос о создании министерств был предрешен. Оставалось теперь одно: добиться того, чтобы были созданы союзно-республиканские министерства по отдельным отраслям промышленности, чтобы в республике оставалась технико-экономическая организация, опора и влияние на промышленное производство, на ведение хозяйства.

2 сентября было заседание Президиума ЦК КПСС, рассматривались вопросы: о мероприятиях по улучшению руководства промышленностью, о созыве Пленума ЦК КПСС, о созыве сессии Верховного Совета СССР, некоторые международные и хозяйственные вопросы.

Еще когда я пришел на заседание Президиума, заметил некоторое настороженное отношение ко мне. Товарищи, которые всегда тепло и радушно относились ко мне, при разговорах со мной не смотрят в глаза, как-то заметно уходят от конкретных разговоров. Я почувствовал, что произошла очередная интрига.

В конце заседания Брежнев объявил, что есть еще один вопрос, который ставится в неофициальном порядке: вопрос о записке тов. Шелеста по внешнеполитическим вопросам (о работе Внешторга). Я сразу понял всю натянутость ко мне товарищей, они предвзвительно уже были «подготовлены» к этому разговору. Н. В. Подгорный, когда получил эту записку, то направил Патоличеву и Новикову, чтобы они разобрались, изучили вопрос и внесли предложения. Казалось бы, чего проще: рассмотреть записку, если она заслуживает внимания — дать предложения, если вопросы неправильно освещены — дать разъяснения. И на этом конец делу. Но нет, вокруг этой записки преднамеренно был раздут вопрос, якобы в ней искажается ленинская внешняя политика.

Только впоследствии мне стало известно, что всю «проработку моей записки» организовал Брежнев с его интриганскими замашками. Он этим самым пытался найти поддержку своего довольно шаткого авторитета. Подгорный в то время работал секретарем ЦК КПСС, имел прочное положение, к нему тянулся партийный актив и аппарат ЦК КПСС. Опасаясь роста авторитета Подгорного и большого влияния украинской партийной организации, Брежнев начал разные интриги исподволь против Подгорного. Я во всех мероприятиях поддерживал Подгорного, видя его разумные предложения и меры.

Моя записка явилась поводом для того, чтобы организовать «критику» не только меня и Подгорного, но и вылить ушат грязи на партийную организацию Украины и ее кадры. И эта далеко не благовидная роль была поручена Брежневым Шелепину, Демичеву, Сулову, Косыгину и некоторым другим. Причем чувствовалось, что проведена тщательная подготовка, даже выработан определенный сценарий всей процедуры обсуждения. В мой адрес было высказано много «острой критики» — говорили о моей неосмотрительности, незрелости, что мою записку могут в своих целях использовать классовые враги. Якобы эта записка направлена на подрыв монополии внешней торговли, на расшатывание единства народа.

Все выступающие говорили, что они «этого» от меня не ожидали. А я слушал и сам не понимал, что я сделал, чтобы вызвать такую «бурю в стакане воды». Но когда в речах начали проскальзывать вопросы, связанные с тем, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, что идеологическая работа, особенно среди молодежи, ослаблена, а пропаганда дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо — стало ясно. Это все было измышлением, неправдой и беспардонной ложью. На этом заседании некоторые ораторы договорились до того, что на Украине очень чтят Т. Г. Шевченко, что он среди народа, в особенности среди молодежи, является чуть ли не кумиром, и что это ни что иное как проявление национализма, крамола.

В горячке или преднамеренно было наговорено много глупостей и оскорблений, необоснованных обвинений в адрес руководителей республики. Утверждалось, что, мол, Украина претендует на особое положение, проявляет местничество. Говорили и о том, что нарушается государственная и плановая дисциплина. В этом конкретно пытались обвинить Казанца, Кальченко, Скабу. Договорились даже до того, что на Украине слишком много говорят на украинском языке и что даже вывески на магазинах и названия улиц написаны на украинском языке.

Севастополь-де — город русской славы, а в нем есть надписи на украинском языке. Выходило так, что славу Севастополю создавали только русские. И вообще дошли некоторые до того, что объявили украинский язык искаженным русским языком. Во всем этом проявлялся самый оголтелый шовинизм, и в особенности это было в выступлениях Шелепина, Сулова, Демичева, Косыгина. Впоследствии им всем за это стыдно было, но какво всю эту организованную Брежневым клевету на украинский народ, партийную организацию пережить! Да и в мой адрес была организована самая настоящая клевета и политическая травля.

Подгорного обвинили в каком-то «кураторстве» над Украиной. Продолжая обсуждение моего письма-записки, начали говорить о том, что, мол, на Украине в руководстве ЦК, аппарате и в обкомах партии нет русских. Все это было враньем, интриганством, разгулом шовинистических страстей.

Спокойно выступил лишь А. И. Микоян, разумно, предупреждая, что такое «обсуждение» вопроса доводит до определенных перегибов и может вызвать нежелательные политические эксцессы. Шелепин не унимался, предлагал даже сделать «организационные выводы», собрать Пленум ЦК КПУ и там все вопросы обсудить.

Я выступил, отверг все необоснованные обвинения в адрес партийной организации Украины и руководства. Что касается записки, то я сказал, что, может быть, надо было посоветоваться, прежде чем писать ее, но если так стоит вопрос, то тогда я никаких записок в ЦК писать не буду, ибо каждую из них могут истолковать превратно. «Что касается, — сказал я Шелепину, — оргвыводов, то вы мало в чем разбираетесь, что делается на Украине, и если хотите созвать Пленум, то созывайте, послушайте, что вам там скажут!»

Очевидно, это возымело свое действие, потому что Брежнев заявил, что, мол, мы только обсуждаем этот вопрос, а не делаем никаких выводов.

Подгорный выступил очень резко, отверг все необоснованные обвинения в адрес партийной организации Украины и его лично. Дал достойную отповедь секретарю ЦК Демичеву по поводу нападок на Скрышника⁸³; он сказал Демичеву: «Хорошо было бы, если бы все коммунисты, в том числе и вы, тов. Демичев, хотя бы немного были похожи своими делами на тов. Скрышника. Это был настоящий коммунист».

Выступление Брежнева носило характер примирения, оно было расплывчато, неопределенно, неуверенно, чувствовалось, что он лавирует. К чему-то совсем неуместно и неразумно вспомнил об украинизации при Скрышнике, непростительно издевательски высказался об украинском языке, а это значит

о культуре и украинском народе. Сам заварил всю эту кашу, но до конца расхлебать ее побоялся, показал свою полную несостоятельность, но при этом проявил большие свои «способности» к интриганству. Если бы он в то время решил созвать Пленум ЦК КПУ и обо всем этом, что было сказано в адрес партийной организации Украины, узнали члены ЦК КПУ и партийный актив, то еще неизвестно, чем это могло кончиться для «затейников» этого неразумного дела. Я перед Брежневым настаивал созвать Пленум, пусть кто-либо придет и все, что говорилось здесь, на Президиуме, выскажет членам ЦК Украины! Брежнев опасался этого. Он, очевидно, понимал, что в то время членами ЦК КПУ всему этому поклелу был бы дан самый настоящий политический бой и наверняка кое-кому из центра несдобровать было бы.

Между тем дело показывало, что интересы Украины по внешнеполитическим вопросам игнорировались. В то время как в Узбекистане, Казахстане, Туркмении, Таджикской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской республиках еще в 1961 году были организованы торговые палаты, на Украине не решался этот вопрос.

Все же было принято решение подготовить предложение по моему письму.

Обо всем, что произошло на Президиуме ЦК КПСС, как нас «обсуждали», я, естественно, проинформировал членов Президиума ЦК КПУ, было это воспринято нездорово.

Спустя два месяца после разбора моего заявления-письма было все-таки принято решение, в котором осуждалось как политически неправильное мое письмо в ЦК. От всего этого у меня на душе остался тяжелый осадок, я думал: где же правда и откровенное обсуждение всех вопросов единомышленниками? Я убедился, что все это только на словах, в политике — интриги, недоверие, борьба за свое влияние, а дела страны и судьбы народа — это дело третьестепенное, словами об интересах народа прикрывается все и вся.

Брежнев, чувствуя свою слабость и непопулярность, все время держался за Подгорного, и если бы не Подгорный, Брежнева буквально на второй год убрали бы. Чувствуя, что я все время нахожусь в тесном контакте с Подгорным, он, Брежнев, и ко мне часто обращался за советами и консультациями, я же относился ко всему этому довольно натянуто, хотя Подгорный меня уговаривал: «Петро, забудь, все в жизни бывает». Да, действительно, в жизни всяко бывает, и можно все простить и пересмотреть, все, кроме подлости и интриганства.

7 сентября получил дерзкую и глупо необоснованную в обви-

нениях записку Шелепина — она была разслана по Президиуму ЦК КПСС. В этом «документе» обвинялось руководство республики в местничестве и, оказывается, оно проявлялось в том, что мы для «тылов» черной металлургии республики, которая составляет 52% союзного производства, взяли несколько тысяч тонн сверх плана производства металла для ремонтных целей, так как Госплан совершенно не выделял для этих нужд металла. Весь огонь в записке был сосредоточен на И. П. Казанце, и это по двум причинам: потому, что Казанец так же, как и я, всегда защищал интересы республики, исходя из ответственности в промышленности, понимая, что от того, как будет работать по выполнению планов Украина, зависит в целом успех по стране. Вторая причина — это чтобы разъединить наши общие с Казанцем усилия в постановке принципиальных вопросов в интересах общего дела. Шелепин, конечно же, эту записку написал с «подачи» и согласия Брежнева.

Через некоторое время Казанца пригласили в Москву и под благовидным предлогом, по существу, устранили его от работы Предсовмина республики, предложив ему должность министра черной металлургии Союза. Хотя Казанец и отказывался от этого «выдвижения», ему довольно прозрачно дали понять, что он может «потерять все». Так «хитросплетениями» Брежнева началась расправа с кадрами, которые имели свое мнение и толкование в важных государственных вопросах, которые не обладали угодничеством и подхалимством. Шелепин в этом эпизоде был Брежневым использован как орудие, ибо впоследствии он сам попал в опалу и был безо всякого повода освобожден от работы и обязанностей члена Политбюро ЦК, но это уже другой заход по «расстановке» кадров — убрать всех товарищей, кто активно помогал Брежневу прийти к власти и кто представлял маломальскую для него опасность, имея свое мнение.

15 сентября мне позвонил Брежнев, поинтересовался обстановкой в республике, сообщил, что подготовлено постановление по моей записке по внешнеторговым вопросам — я не стал допрашивать, какого содержания постановление, его, видно, этот вопрос задел, он мне задал вопрос: «А почему ты, Петр Ефимович, не интересуешься содержанием постановления?» Я ему ответил: «Мне все равно, потому что я считаю, что вопрос мой не заслуживал такого «пристрастного» обсуждения». Затем Брежнев спросил, получил ли я записку Шелепина? Я ответил, что получил и что мы готовим ответ. Брежнев насторожился и спросил: «А какого содержания?» Я ответил, что в записке Шелепина руководству республики, всей партий-

ной организации Украины брошено незаслуженное и несправедливое обвинение и что мы это без ответа оставить не можем. Брежнев мне как-то растерянно сказал: «Подумайте, может быть, не стоит разжигать страсти». Я ответил, что не мы первые начали разжигать страсти и что без ответа это оставить нельзя, я с запиской ознакомил всех членов Президиума ЦК КПУ и что мы приступили к составлению ответа.

Позвонил Н. В. Подгорный, тоже поинтересовался запиской Шелепина и какая у нас на нее реакция, я также ответил, что мы готовим ответ, Подгорный сказал, что, может быть, не стоит писать ответа, потому что это получит большой резонанс и так затеяли «большую закулисную игру», не дав расшифровки этой игре. Из разговоров с Подгорным я понял, что Брежнев не владеет положением дел и ради своего «укрепления» готов пожертвовать любым из нас, лишь бы удержаться в своем довольно шатком положении.

7 октября 1965 года я уехал в Москву для того, чтобы окончательно согласовать все кадровые вопросы во всех инстанциях, в частности, о Предсовмина вместо Казанца. Кадры министров республики согласовал в Секретариате ЦК КПСС с секретарями ЦК тт. Подгорным, Шелепиным, Устиновым, Рудаковым. Существенных замечаний не было, все представленные кандидатуры прошли. Все кандидатуры по союзно-республиканским министерствам были согласованы с союзными министерствами, и замечаний тоже не было.

На приеме у Л. И. Брежнева тоже не было никаких вопросов по министрам, за исключением некоторых уточнений по отдельным кандидатурам. Его больше всего интересовал вопрос кандидатуры на пост Председателя Совмина республики. Я ему высказал точку зрения всех членов Президиума ЦК КПУ, что мы остановились на кандидатуре А. П. Ляшко, первыми заместителями Соболев и Кальченко.

Он выслушал мои предложения, но было уже по его выражению видно, что у него есть другое предложение, и это в противовес единодушному мнению Президиума ЦК КПУ, кроме того, чувствовалось, что он какую-то кандидатуру уже обговорил с частью членов Президиума ЦК КПСС помимо нашей воли и предложений. Тут же Брежнев мне заявил, что Ляшко, мол, мало известен. Это было неправдой. Ляшко пять или шесть лет работал первым секретарем Донецкого обкома партии, самой крупной области страны, он был членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, работал больше года секретарем ЦК КПУ. И видите ли, для Брежнева он мало известен! Зашел вопрос о Кальченко, что можно и его взять на Предсовмина — это кандидатура известная. При этом Брежнев

сказал, стоит ли возвращаться к этой кандидатуре, он уже был председателем, и как поймут это? «Как будто бы у нас нет кадров», заявил он. Как оказалось впоследствии, это было особого рода силовой «прием», что было совершенно нелогично в его действиях.

С первого захода не определились с кандидатурой на Предсовмина, несмотря на то, что от нас были конкретные предложения. Чувствовалось, что Брежнев что-то вынашивает. Ему активно помогают Шелепин и Устинов, но окончательно карт не раскрывают.

Наконец я узнаю, что речь идет о том, чтобы вернуть на этот пост Щербицкого — он был освобожден при Н. С. Хрущеве и работал первым секретарем Днепропетровского обкома партии. Освобожден он был правильно — это невоспитанный человек в партийном отношении, малокультурный, груб и дерзок в обращении с товарищами по работе, большой нытик. А что касается его известности, то в сравнении с Ляшко Щербицкий был мало известен, неавторитетен среди партийного актива и непопулярен среди народа. А логики совсем не было: если Кальченко нерационально возвращать на Председателя Совмина, то почему можно Щербицкого?

Брежнев не уверен в себе, но через других проводит свою линию. Я возражаю против кандидатуры Щербицкого, при этом ссылаюсь и на мнение Президиума ЦК КПУ. Категорически возражает против кандидатуры Щербицкого Подгорный, обосновывая и аргументируя свой возражения. Вопрос согласований принимает довольно затаяжной характер, Шелепин делает довольно прозрачный намек, что, мол, надо соглашаться на кандидатуру Щербицкого — восстановить, мол, «справедливость» в отношении его освобождения.

На 9 октября Брежнев назначил мне прием, чтобы продолжить разговор о кандидатуре на Предсовмина республики, но сам в это время уехал на охоту, и я вынужден был ждать его в Москве. Дела в Москве, конечно, у меня были, но обидя за такую нетактичность осталась. Мне стало позже известно, что у Брежнева с Подгорным произошел крупный разговор по кандидатуре Щербицкого. Подгорный сказал Брежневу, что идет беспринципный подбор кадров не по деловым качествам, а по знакомству, потому что, мол, вместе работали, по личной «преданности». Подгорный поддерживал кандидатуры Ляшко и предложение Президиума ЦК КПУ.

12 октября я был принят Брежневым, он долго говорил со мной ко кандидатуре Щербицкого, требуя моего согласия, я сказал, что этого вопроса сам не могу решить, так как имеется

мнение Президиума ЦК КПУ. Брежнев ответил на это: «Ты дай согласие, а с членами Президиума мы сообща можем договориться». Под воздействием Брежнева, некоторых секретарей ЦК КПСС скрепя сердце я дал согласие, но это согласие было вынужденно — под напором и нажимом. Ко мне и решению Президиума ЦК КПУ был применен недозволённый «прием с подножкой».

При мне Брежнев позвонил Подгорному и сказал, что Петр Ефимович дал свое согласие на Щербицкого.

В разговоре со мной Подгорный сказал: «Петр, тебя уговорили как слона, будешь иметь большие неприятности, сам пеняй на себя». На первых порах я не очень придавал значения этим словам, хотя что-то сосало, тревожило, огорчало. Был я еще расстроен тем, что с мнением Президиума ЦК КПУ никто не посчитался, да вроде бы и я сам от него отступил. На душе был отвратительный осадок с каким-то скверным предчувствием. Впоследствии я оценил слова Н. В. Подгорного, но было поздно. А главная моя ошибка в том, что я надеялся и полагался на партийную, просто человеческую добропорядочность Брежнева и Щербицкого, а ее у них не оказалось, да, очевидно, ее никогда у них и не было.

Возвратился в Киев. В тот же день провел Президиум ЦК КПУ по кадрам, в том числе и по кандидатуре на предсовмина. Я почувствовал, что члены Президиума были в недоумении и далеко не одобрительно отнеслись к этому — с их мнением не согласились, это и мне был укор. А что я мог сделать при применении «политически организованного приема с подножкой?» Я проиграл и чувствовал, что мои товарищи по работе тоже были этим огорчены. Партийно-советский актив республики к такому решению отнесся совсем сдержанно и даже неодобрительно. Но дело сделано, надо было работать, а работать было нелегко.

Решением Секретариата ЦК КПСС сняли с работы прославленного китобойца Соляника, предъявив ему смехотворное обвинение — неодобрительный отзыв о «руководстве», вот и все. Мы же, ЦК КПУ, даже не были привлечены к разбору «дела» Соляника, с ним просто расправились.

6—7 ноября — торжественное заседание, посвященное 48-й годовщине Октября, проходило в Октябрьском дворце. Доклад делал Грушецкий — вяло, нудно, косноязычно, неграмотно, просто стыдно было слушать. Сам не понимаю, как это можно было допустить.

Парад и демонстрация прошли хорошо, настроение у людей хорошее, никаких политических проявлений не было. Правда, в Киеве в некоторых почтовых ящиках и кое-где на улицах были обнаружены листовки с «возмущением», что идет полная русификация Украины, а мы, руководители, не придаем должного значения украинскому языку.

О том, как прошли праздники, и о листовках доложил Брежневу.

10 ноября принимал О. Т. Гончара⁸⁴ — председателя Союза писателей Украины. Обсуждали вопросы предстоящего съезда писателей республики, организации литературного музея республики. О том, как отметить 75-летие П. Г. Тычины. Затем разговор зашел о И. Светличном и И. Дзюбе⁸⁵. Гончар говорил, что это способные и талантливые молодые люди, но они имеют недостатки, с ними надо кропотливо работать, что их напрасно зачисляют в националисты, и, если мы с ними не будем работать, их можно действительно оттолкнуть. Далее Гончар сказал, что Светличный и Дзюба нигде не работают, и это их тоже тяготит.

12 ноября был разговор с Брежневым Л. И. Я доложил, что сахарной свеклы сдадим 40—41 млн. пудов. Совещание секретарей обкомов КПУ по вопросу подготовки к XXIII съезду КПСС прошло хорошо. Комплектация министерств закончена и размещение тоже, входим в новое русло работы. Урожай зерновых по республике составит 18,5 центнера с гектара, в том числе кукурузы 24,6. Доложил ряд других вопросов, в том числе по подбору и расстановке кадров.

В конце нашего разговора Брежнев затронул вопрос об А. И. Микояне: мол, уже стар — ему исполнилось в то время 70 лет. Продолжая разговор о Микояне, Брежнев с каким-то пренебрежением сказал о нем, что он увлекся мемуарами — стоит подумать о его замене, оживить работу Верховного Совета. Я молча воспринял этот разговор, но сам подумал, что Микояна Брежнев хочет убрать из состава Политбюро потому, что А. И. Микоян имел свое мнение и суждение и часто на Президиуме ЦК КПСС вступал с Брежневым в крупные разговоры по принципиальным вопросам. Впоследствии я также понял, что велась подготовка к тому, чтобы Н. В. Подгорного убрать с должности секретаря ЦК КПСС, переместить его на «почетную должность» Председателя Президиума Верховного Совета, вот и «старался» Брежнев и другие.

Довольно странное и непонятное явление в ЦК КПСС: кое-кто из скороспеченных «теоретиков», и главным образом Сус-

лов, без повода и причин начали поднимать национальные вопросы, явно с позиций шовинистических — не партийных, тем более не ленинских. Иногда просто искусственно создавались национальные вопросы, хотя каждому разумному человеку ясно, что национальные вопросы не должны заслонять социальных проблем, которые должны находиться прежде всего в центре внимания партии. Каждому, не оторванному от жизни человеку, тем более политику, должно быть ясно, что активная работа в экономической и политической областях, направленная в интересах народа нашей страны, снимает много вопросов и обеспечивает успех строительства нового общества, намного легче решает и все национальные вопросы.

* * *

1 января 1966 года записал в дневнике: «Вот и пришел Новый, молодой, бодрый, уверенный в своих успехах и действиях 1966 год, для тебя старый, 1965 год подготовил неплохие условия и почву. Будем надеяться, что новый год принесет народу больше радости, благополучия, счастья. Все должно быть хорошо».

3 января, первый рабочий день. Пригласил к себе товарищей, которые работают над материалами к докладу на XXIII съезде КПУ и выступления на съезде. Разрыв между съездами всего 10 дней, и работы будет очень много.

До съезда КПУ осталось 2,5 месяца, он назначен на 15 марта. В связи с предстоящим съездом возникает много кадровых вопросов и перемещений. Тем более что имеется прямое указание центра сделать «омоложение» кадров. Первый секретарь обкома должен быть не старше 40—45 лет, соответственно с этой директивой должно пройти омоложение и других кадров.

Но впоследствии эта директива была предана забвению, причина та, что московское руководство испугалось «молодых».

Рассматривал почту. Отдельно мне доложили о «Письме 77»⁸⁶ и о письме И. Дзюбы на 214 страницах. Надо было принимать срочные и решительные меры. Было поручено Скабе и Кандуфору подготовить предложения, чтобы их рассмотреть на Секретариате ЦК и принять меры. О наших мероприятиях по этим вопросам было доложено в ЦК КПСС Сулову, Капитонову, Пигалеву. Явно было видно, что кое-где поднимают голову националистические элементы.

11 января — заседание Президиума ЦК КПУ. На нем мной был остро поставлен вопрос об усилении идеологической рабо-

ты, особое внимание надо было обратить на вопросы литературы, искусства, а также интернациональное воспитание и дружбу народов — все эти вопросы должны быть в центре внимания нашей идеологической работы. Надо вести самую решительную борьбу, но разумно, с проявлением национальной ограниченности и замкнутости. На этом Президиуме обсуждался вопрос дальнейшего развития философских наук, а также практические экономические вопросы.

Все вопросы обсуждались организованно, остро, по ним были приняты соответствующие решения. Президиум прошел хорошо.

13 января мной в ЦК КПУ было проведено совещание, в нем участвовали украинские писатели, преподаватели Университета и ВПШ, крупные историки, работники ЦК КПСС по вопросам науки и пропаганды: Гончар, Бажан, Назаренко, Чеканюк, Дубина, Копнин, Ямпольский, Шамота, Новаченко, Головка, Иванов, Скаба, Шевель, Кандуфор. На совещании рассматривался вопрос о том, чтобы дать критическую оценку «вредным идеологическим документам», поступившим в ЦК КПУ. Речь шла прежде всего о трактате И. Дзюбы «Интернационализм или русификация» и «Письме 77». Было договорено, что эта группа товарищей к 25 января даст в ЦК обстоятельный и обоснованный документ, разоблачающий «Письмо 77» и «Интернационализм или русификация», написанный Дзюбой.

О. Т. Гончар отказался участвовать в работе этой комиссии, о чем он в письменном виде уведомил ЦК. Такой поступок нас всех огорчил. Впоследствии к нему пришлось применять некоторые меры воздействия, и это себя оправдало. Правда, были не в меру «горячие» головы, которые требовали чуть ли не исключения Гончара из партии, вывода его из состава ЦК и отзыва из депутатов, глубокой его идеологической «проработки» — это были левацкие загибы. Пойти по этому пути, значит навредить нашему общему делу — оттолкнуть, а может быть, и потерять талантливого писателя и влиятельного человека среди творческой интеллигенции. По этому вопросу пришлось выдержать немалый напор со стороны ретивых «ортодоксов-марксистов». В особенности по этому вопросу свирепствовали Грушецкий и Ватченко, да и в ЦК КПСС нашлись такие «деятели», которые жаждали «политической крови».

Мою позицию в отношении Гончара неизменно поддерживал Н. В. Подгорный, он-то лучше других разбирался в этом сложном деле. Некоторые даже требовали арестовать Гончара. Когда я об этом рассказал Подгорному, он ответил: «Знаешь, Петро, нас с тобой арестуют, никакой черт и слова не скажет. О Гончаре заговорит мир, да и вообще, какой идиот вынашива-

ет такую «идею»?» Советовался я с Подгорным, чтобы еще больше укрепить свое мнение и действия, занятые мной по отношению к Гончару.

18 января рассматривал тезисы отчетного доклада XXIII съезду КПУ и выступления на XXIII съезде КПСС. В частности, рассматривал вопросы, не предполагается ли на XXIII съезде внесение каких-либо новых теоретических положений в оценку современной эпохи, закономерность развития революций — строительства социалистического и коммунистического обществ. Не будут ли уточняться некоторые положения в решениях XX—XXII съездов КПСС, в частности, по Программе КПСС, о которой идет много ненужных разговоров среди коммунистов и народа. Программу приняли, о ней много говорили, доводили до сознания народа и вдруг отступили, в особенности по социально-экономическим вопросам и материальным благам. А в программе ведь были записаны конкретные сроки, что и когда сделать для народа, а народ все помнит. О возможных уточнениях оценки культа личности Сталина — особенно его роли и влияния на международное коммунистическое и рабочее движение. О «вмешательстве» Сталина во внутренние дела братских партий. Все эти и другие вопросы интересовали коммунистов, общественность. Они и нас волновали.

28 января. На беседе у меня А. Е. Корнейчук. Беседа прошла в хорошем тоне, он рассказывал много интересного о жизни внутри писательского мира, о работе Шевченковского комитета. Я предостерег: надо, чтобы к Гончару подошли осторожно, с пониманием. Это сложный вопрос, и рубить сплеча, как кое-кто предлагает, это значит наделать много вреда общему делу. На предложение возглавить писательскую организацию Украины А. Е. Корнейчук дал согласие с большой охотой.

Принял Ищука А. О. — декана кафедры филологии Киевского университета имени Т. Г. Шевченко. Сам Ищук старый коммунист, очень интересный человек, имеющий свои взгляды и суждения. Мне из «информаций» было известно, что якобы он неправильно трактует некоторые вопросы национальной политики. Когда я с ним начал беседовать, все больше убеждался, что он стоит на правильных ленинских позициях по национальным вопросам. Он твердо и убежденно заявил, что национальные чувства часто разжигают некоторые шовинистические элементы. О письме Дзюбы он отозвался отрицательно, обещал принять участие в работе комиссии и дачи письменного заключения на письмо. Ищук является очень влиятельной фигурой среди студентов и творческой интеллигенции, особенно среди

писателей, а это в данном случае очень важный фактор, и мне лично было важно его мнение по ряду вопросов, в том числе по работе среди студенческой молодежи.

14 февраля. Вот и «стукнуло» мне 58 лет, и много и мало. Много потому, что скоро шестьдесят, а это уже пенсионный возраст, мало потому, что сделано хотя и немало, но хочется сделать больше, считаю, что я в большом долгу перед партией, перед народом. Я на большой «вышке», и хочется оправдать это. Личной жизни у меня нет, а как ее хочется, хотя бы немножко, ведь это так важно для настроения, для работы — это огромный стимул. С сыновьями и Иринкой все хорошо, а как хочется посмотреть, что будет хотя бы через 10 лет с внуками Петей и Димой — мирной им, счастливой жизни! Хочется еще много сказать, а еще больше сделать. Многие поздравили меня с днем рождения.

29 марта 1966 года начал работу XXIII съезд КПСС. Весь день длился отчетный доклад ЦК, с ним выступил Л. И. Брежнев.

Отчетный доклад ревизионной комиссии ЦК сделала ее председатель Муравьева Н. Т. По отчетным докладам первым выступил первый секретарь МГК КПСС т. Егорычев⁸⁷, за ним слово было представлено Украине — от наших делегатов выступило 6 человек: Шелест, Воротников, Бузницкий, Щербицкий, Холявко, Ватченко. Все выступления были хорошие. Итоги голосования по избранию в состав ЦК были далеко не дружные — 42 человека получили по 35 — 45 голосов против. Некоторые члены счетной комиссии позвонили мне и сказали, что против меня голосовало два человека, как утверждали члены комиссии, я в двух бюллетенях был зачеркнут случайно, можно было бы и не считать, но доложили руководству — Брежневу. Он сказал оставить так, даже радовался этому, и потому, что он хотел иметь меньше голосов против, хотя мне стало известно, что поданные голоса против Брежнева были скрыты.

Съезд продолжался 8 дней. В Киев я попал только 10 апреля.

22 апреля. Разъясняя решения XXIII съезда, мы всячески старались подтвердить, что никакого отхода от решений XX—XXII съездов и октябрьского Пленума (1964) ЦК КПСС нет. Что на съезде царил атмосфера деловитости и спокойствия. Продемонстрирована большая сплоченность братских партий вокруг КПСС, а ее огромный авторитет растет. На съезде не были затронуты острые вопросы о Сталине, Хрущеве, о Китае, а кое-кто пытался поднять эти вопросы. Вся работа по разъяснению решений съезда была направлена на то, чтобы, как

мы тогда говорили в узком кругу, «укрепить авторитет нового руководства». Но вскоре оказалось, что это «укрепление» начало принимать противоположную сторону.

Брежнев явно «играл» в демократию. На заседаниях Президиума ЦК много и подолгу говорили все и по любому вопросу, больше стало хвалебных речей, нежели деловых и критических обсуждений важных вопросов. Брежнев сам мог говорить часами и по любому вопросу, все это часто порождало скороспелые, внешне благополучные, а на самом деле пустые, серые предложения, которые часто оформлялись решениями и постановлениями, и это наносило огромный вред.

25 апреля 1966 года. Открылся XX съезд комсомола Украины — это большое политическое событие. Подготовился к выступлению на съезде на 30—35 минут, взял для выступления самый злободневный круг вопросов: идейная и классовая закалка молодежи, борьба с проявлениями буржуазного национализма, борьба против растленной буржуазной идеологии и морали, повышение политической бдительности. Развитие патриотизма и честное служение своему народу.

Было дано задание Никитченко, Шульженко (КГБ), Скабе, Шевелю, Кандуфору (ЦК КПУ), Глуху (прокуратура) подготовить материалы о недостойном поведении Костенко, Драча, Сверстюка, Дзюбы, чтобы показать их негативную и вредную роль и предостеречь от возможных неприятных последствий. Все эти вопросы были изложены на съезде комсомола и на съезде писателей Украины, и это возымело свои действия, кое-кто из молодежи решительно отошел от неправильных и вредных действий.

6—10 мая. Кажется, на горизонте все спокойно, но борьба не прекращается ни на минуту, появилось множество «документов», в которых критикуются наши порядки и система. Многие вопросы, выдвинутые в этих «документах», должны нас беспокоить и из этого надо делать выводы, даже если об этом говорят наши враги, надо анализировать сказанное, а не отбиваться наотмашь. Это ведь сделать легко, а пользы от этого никакой, и проблемы не решаем, а загоняем вглубь.

Примирение и компромиссы играют роль лишь передышек. После них конфликт может разгореться с еще большей силой. Достигнуть какого-то компромисса или даже подписать какой-то документ и полагаться на него абсолютно — значит придаваться политической иллюзии.

В нашей политической и идеологической работе надо учиты-

вать и то, что никто не может дать гарантии, что наш народ не устал непрерывно слушать речи о преимуществах социализма, не в полной мере их ощущая до сих пор. Когда об этом в откровенной беседе заходил разговор, Брежневу очень не нравился такой разговор, он считал, что у нас все идет хорошо — просто отлично.

28 мая. Мне сообщили, что я включен в состав делегации на XIII съезд КПЧ.

30 мая вся делегация во главе с Брежневым вылетела в Прагу. 31 мая открылся XIII съезд КПЧ, доклад на съезде сделал А. Новотный. В докладе чувствовались напряженность и скованность, и это отражалось и на выступлениях делегатов съезда. Выступления делегатов неконкретны, путаны — для них социализм и коммунизм понятия абстрактные. Политическая обстановка в стране и партии напряженная, почему-то в докладе и выступлениях большое внимание уделялось интеллигенции и студентам, много было критики в их адрес, совершенно мало говорилось о роли рабочего класса. Экономическое положение страны сложное, промышленность утратила свою конкурентную способность на внешнем рынке. Чувствовались ложная «демократизация» и некоторое заигрывание с партийным активом. Обстановка в Президиуме ЦК КПЧ была непростая. Большую роль в решении всех вопросов играли Гундрих, Дубчек⁸⁸ и Кольдер.

На съезде присутствовало 76 делегаций коммунистических, рабочих и социалистических партий. Выступление главы нашей делегации было встречено хорошо, хотя и чувствовалась некоторая сдержанность.

В это же время в Праге было проведено совещание-переговоры глав делегаций соцстран. Обсуждались вопросы: общая обстановка и задачи компартий и рабочих партий по внешнеполитическим акциям в Европе. О работе совета Варшавского Договора. Об оживлении деятельности Совета Экономической Взаимопомощи⁸⁹.

Много было спорных вопросов и дебатов, особенно активно и уверенно вели себя В. Гомулка (Польша) и В. Ульбрихт (ГДР). Они, по существу, вели совещание, чувствовалась их эрудиция, подготовка политических деятелей. Брежнев по многим вопросам просто тушевался, даже терялся.

10 июня. А. И. Кириченко, бывший Первый секретарь ЦК КПУ и секретарь ЦК КПСС, ныне персональный пенсионер, живет в Москве, просится на Украину, в Киев, и хочет рабо-

тать. Посоветовался с членами Президиума ЦК. Недружно поддержали это предложение, не выдвигая мотивов против, робко, без аргументов возражали Кальченко, Щербицкий, Грушецкий. Но наконец-то договорились, что дам согласие на переезд и работу в Киеве Кириченко. Мне было поручено по этому вопросу переговорить с руководством ЦК КПСС.

При моем разговоре по этому вопросу Н. Подгорный дал сразу согласие и вообще отнесся к решению вопроса положительно, сказал, что плохо, когда мы теряем чувство товарищества и дружбы, когда у товарищей меняется партийно-служебное положение. Брежнев к этому вопросу отнесся довольно настроенно, долго мне не говорил ни да, ни нет, все изучал этот «весьма сложный» вопрос. Так и не был решен вопрос о Кириченко.

Я убежден, что такой подход к делу наносит только вред. Человек с определенным политическим и организационным опытом в 50—55 лет уходит на пенсию и не приносит никакой пользы. Вообще у нас довольно странное и вредное отношение к бывшим крупным партийным работникам: когда они уходят с работы или «уходят» их, то вокруг них почти всегда какая-то пелена тумана. Был человек, и нет его, был авторитет, и нет его, был хороший работник, и нет его! А когда сошел с политической сцены, то о нем сразу же «забывают», даже сторонятся. Такова, если не горше, судьба каждого крупного партийного работника. И это в нашей партии, партии коммунистов-единомышленников!

Почему А. Кириченко так рано сошел с политической арены? Ведь он был секретарем ЦК КПСС. Говорят, что у него был тяжелый характер. Я его немного тоже знаю, работал под его руководством — характер у него был нелегкий, подчас ветреный и вспыльчивый, но не подлый. Не могу подтвердить лично, но идут большие разговоры, что Брежнев приложил немало «стараний» к тому, чтобы убрать Кириченко с политической арены, очевидно, в этом большая доля правды есть. Брежнев много вел разных интриг и говорил гадости о Кириченко, он неоднократно обращался к Н. С. Хрущеву, плакал в его кабинете, жаловался на «невynosимый» характер Кириченко, когда тот, будучи секретарем ЦК КПСС, предъявлял требования к Брежневу. Хрущев на первых порах действительно ни одного серьезного вопроса не решал без Кириченко. И вдруг такой крутой поворот. Тут была использована какая-то оплошность и слабость Кириченко, не исключены провокация и интриги, наговоры на него Хрущеву. И во всем этом «деле» была далеко не последняя роль Брежнева. Всеми доступными и недоступными средствами и гнусными приемами довели «дело» до того, что склонили Хрущева, и он дал согласие

устранить Кириченко. Тут Н. С. Хрущевым была допущена непростительная ошибка и опрометчивость, которая стоила впоследствии поста Первого секретаря ЦК КПСС. Его же «доброжелатели» использовали все против Хрущева.

15 августа. Старшему сыну Борису исполнилось 33 года, много прошло времени, а кажется, это было вчера, когда он был нелегким мальчишкой. Много и им пережито, времена были нелегкие. Хорошо, просто спасение было, что Ирина такая женщина, она вложила много сил, здоровья, чтобы воспитать Бориса. Сейчас уже у него характер уравновешенный, хочется, чтобы сложилась хорошо его судьба.

16 августа. Со стороны Китая продолжают большую клевету и провокации, мы никакого отпора не даем, терпеть дальше все это — значит терять свое достоинство. Люди возмущаются, руководители молчат, безмолвствуют средства массовой информации. Давать отповедь китайцам у Брежнева нет смелости, кое-кто из идеологов поддерживает его. Но ничего хорошего из этого не выйдет.

Пытался по этому вопросу высказать свое мнение — не нравится, но ведь все равно придется вести борьбу, а наше «молчание» работает не на нас. Китайцы говорят: «Кремль молчит — значит, отвечать нечего».

17 августа. Автомашинной выехал в Запорожье, по дороге встречался с секретарями обкомов партии Киевской, Полтавской, Харьковской, Днепропетровской областей. Все информировали о состоянии дел. Культура полей, в особенности в Полтавской области, низкая. Видно, надо принимать дополнительные меры, повысить требовательность к работникам сельского хозяйства, в особенности к председателям колхозов, директорам совхозов и специалистам, в первую очередь к агрономам. В культуре земледелия залог повышения урожайности зерновых и всех сельхозкультур. Ох, как нам надо поднимать культуру земледелия по стране в целом!

В Запорожье посетил моторный завод и ОКБ-478, внимательно ознакомился с производством завода и конструкторскими разработками ОКБ. Вручил заводу орден Ленина, главному конструктору Ивченко Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Ивченко совсем плохо себя чувствует, разбит параличом. Группе рабочих и ИТР завода и ОКБ вручил ордена и медали. Все прошло хорошо, организовано.

25 августа. Из Симферополя в 10.00 в Киев прилетели

Брежнев и Подгорный. План их пребывания: осмотр выставки птицеводства, она произвела огромное впечатление. Во второй половине дня уехали в Яготин на охоту на уток. Брежневу и Подгорному подарили по отличному ружью «Черчилль». Остались довольны.

26 августа вечером состоялась в Залесье встреча с членами Политбюро ЦК КПУ — все шло хорошо, пока не вмешался подвыпивший «шляхтич» Щербицкий со своими глупыми и неуместными вопросами. Это вызвало раздражение наших гостей — остался неприятный осадок. Пришлось Коротченко Д. С. поправлять положение — опытный человек выступил хорошо и поставил на место бурбона Щербицкого.

Охота в Залесье прошла успешно, только Брежнев убил четырех кабанов и оленя. Утром 27 августа с Бориспольского аэродрома проводили гостей. Они улетели в Астрахань на охоту на гусей. Во время пребывания Брежнева в Киеве договорился с ним, что я продлю свой отпуск на несколько дней: еду в Болгарию — страшно устал.

28 августа. Встретился с Председателем Совмина ЧССР Юзефом Ленартом, уже тогда в разговоре с ним можно было определить, что в Чехословакии назревает политический кризис. О моей встрече и выводах я написал обстоятельную информацию в ЦК КПСС. Подготовил информацию в ЦК и о реакции разных слоев населения на «культурную революцию» в Китае⁹⁰. Имеются разные толкования и оценки, много непонятного, надо выждать, что будет дальше. Делать политические выводы и заключения, что в этом провал Мао — это по меньшей мере преждевременно и смешно, ведь о Китае мы почти ничего не знаем. Китайцы — мудрый и коварный народ, а тем более его «водители». Сразу не разгадаешь, ясно одно, что дальнейшие политические и идеологические осложнения с Китаем и его народом воспринимаются с опасением и тревогой — все это надо учитывать.

29 августа. Стало много поступать писем на А. Титаренко из Запорожья, где он раньше работал. Пришлось принимать дополнительные меры, чтобы смягчить обстановку, не допустить подрыва авторитета секретаря ЦК КПУ. Надо брать на себя определенную ответственность. Ну что ж, без ответственности нельзя быть на ответственной работе.

Декабрь 1966 года. Первого числа выехал машиной в командировку в Винницкую, Хмельницкую, Тернопольскую, Станиславскую области. В этих областях я уже не однажды бывал, но

надо было обновить впечатление, познакомиться на месте с делами, встретиться с людьми. Все это освежает мысль, пополняет опыт. Одним словом, не отрываешься от земли, от реальной жизни.

5 декабря я прибыл в Тернопольскую область. Поздно ночью ко мне попросился на прием для личной беседы Начальник областного управления КГБ Л. Ступак. Беседа проходила с глазу на глаз. Долго и обстоятельно беседовали с ним, ибо в области были сложные обстоятельства: здесь около 30 тысяч бывших оуновцев⁹¹, многие из них возвратились из заключений и поселений. Открыто себя не проявляют, но при определенных сложных обстоятельствах они могут сыграть отрицательную роль. Далеко не все они политически и идеологически разоружились, да и особой лояльности к нам не проявляют.

Затем самоинициативно Ступак мне рассказал следующее: «Днями в области с целью проверки работы Областного управления КГБ из Москвы была большая группа работников Союзного КГБ. Особых недостатков они не нашли, но кое-какие существенные замечания высказали.

Затем разговор с москвичами по их инициативе зашел о Л. И. Брежневе. Они очень отрицательно высказывались о нем. Москвичи его не любят и как политического руководителя, государственного деятеля всерьез не принимают. О нем в народе и партийном активе говорят, что это «случайный человек, стал во главе партии и руководства страны на волне политической перетасовки в «верхних» этажах политической власти. Он пришел вследствие «дворцового переворота», организованного им самим при активной поддержке хотя и не глупых людей, но доверчивых. Брежнев ни умом, ни организаторскими способностями далеко не блещет, хозяйства страны не знает, нигде на конкретной самостоятельной хозяйственной работе не был. Он большой интриган, артист, но артист не для большой сцены, а так, для провинциальных подмостков. Он большой корыстолюбец и властолюбец, изрядный пьяница, бабник и развратник. Можно только удивляться — как это могло случиться, что такой человек с такими личными качествами стал во главе ЦК КПСС». Много еще было сказано нелестного и просто убийственного в адрес Брежнева. Дальше Ступак, ссылаясь на москвичей, сказал: «Самое горькое и печальное, что он при помощи интриг, подхалимов и льстецов, приемов демагогии может долго продержаться у власти, а это, кроме огромного вреда для народа, нашей партии, ничего не даст».

Откровенно скажу, что все то, что я услышал от Ступака, меня ошарашило. Хотя кое-какие замашки, выходки, проделки мне были известны, да не один раз мне говорил об этом

откровенно Н. Подгорный. Но одно дело, когда мы кое-что знаем и говорим, а другое дело, когда все эти «достоинства» руководителя становятся известны и обсуждаются среди партийного актива, тем более среди работников КГБ. Я попросил т. Ступака назвать фамилии работников КГБ из Москвы, он долго не хотел говорить, колебался, но все же назвал одну фамилию — майор Лукьянов. Мое положение было довольно сложным и двойственным. Я не мог об этом молчать, тем более скрыть этот разговор. Но... И все же пришел к решению: обо всем мной услышанном в какой-то форме довести до сведения Л. Брежнева. Однако для большей убедительности и основания нужен был какой-то повод. Я о рассказанном мне попросил т. Ступака изложить все письменно. Он немного колебался и все же сам пришел к выводу, что по другому он поступить не может. К утру я получил письмо от Ступака и, откровенно говоря, долго размышлял: как мне теперь поступить с «документом»? Я посоветовался с Н. Подгорным, высказал свое намерение лично доложить обо всем Л. Брежневу. Подгорный, выслушав все, только сказал: «Смотри сам, как поступить, но имей в виду — тебя могут неправильно понять».

Но поступить мне по-другому, как казалось, было нельзя. Письмо у меня, разговор со Ступаком был, я не уверен, что он по своей инициативе не проинформирует свою вышестоящую инстанцию. В письме еще говорилось, что: «Брежнев низкопробный интриган, он играет в демократию, а как его демократия совмещается с организованным им заговором против Н. С. Хрущева? Брежнев исключался из комсомола за моральное, бытовое разложение». После всего этого я не мог умолчать и не сказать все Брежневу.

Возвратился из командировки. Дел накопилось много, одной специальной почты и телеграмм разбирать надо десятки часов, да текущих дел очень много.

Утром 8 декабря лично позвонил мне Л. Брежнев и просил завтра, к двенадцати часам быть у него, причем сказал, что за мной в Киев он высылает самолет ИЛ-18, чего раньше не было. Я сразу же подумал, что, очевидно, Подгорный в какой-то форме довел до сведения Брежнева информацию о письме Ступака и поэтому Брежнев проявляет такую «заботу» обо мне. При разговоре со мной Брежнев сказал: «Ты, П. Е., вылетай пораньше, нам надо с тобой встретиться и поговорить до заседания Политбюро ЦК, которое состоится в 13.00».

9 декабря в 12.30 я уже был в ЦК КПСС. Когда я зашел в приемную Брежнева, мне сказали, что он уже обо мне

справлялся и ждет меня. В кабинете Л. Брежнева состоялась наша встреча и полуторачасовая беседа. Я докладывал ему о состоянии дел в республике, но он все это слушал довольно рассеянно. По его поведению, какой-то нервозности я замечал, что он с большим нетерпением ждет от меня другого. На его вопрос: «Ну, а что дальше?» — я подробно изложил весь разговор со Ступаком. Не скажу, что мне было приятно все это говорить Брежневу. Он слушал с особой растерянностью. Затем я ему передал письмо Ступака, адресованное мне лично. Брежнев прочел его при мне, изменился в лице, губы посинели. Мне, откровенно говоря, было жалко на него смотреть. Затем Л. Брежнев спросил меня, кто знает о моей беседе со Ступаком и о содержании этого письма? Я ответил, что об этом никто не знает, кроме меня, и тут же добавил, что в самой сжатой форме сообщил это Н. Подгорному, о чем он, очевидно, уже знал. Брежнев промолчал.

В 15.30 состоялось заседание Политбюро, вопросов было много, и довольно сложных и острых, в частности об электрификации сельского хозяйства всей страны. Брежнев вел заседание как-то неуверенно, нервничал, проявлял нерешительность.

Я неоднократно подвергал сомнению свой поступок, что сообщил и передал письмо Брежневу. Вскоре мой честный, добрый «жест» начал в какой-то степени сказываться. Исподволь началось отчуждение и охлаждение отношений, и все больше оно нарастало.

Подходил конец года. Надо продумать вопрос, как подвести итоги проделанной народом республики огромной работы во всех отраслях народного хозяйства, науки, культуры, социальных вопросах. Год был нелегким, сделано немало, но и недоработок еще хватает. Надо продумать, как их устранить в наступающем году.

Приближался юбилей — 19 декабря исполнится 60 лет Л. И. Брежневу. Все члены Политбюро пришли к заключению, что эту дату надо отметить скромно. Собрали с членов Политбюро, кандидатов и секретарей ЦК КПСС деньги, чтобы приобрести личный подарок юбиляру от товарищей по работе. Что касается правительственной награды, то было принято решение представить его к ордену Ленина и Золотой Звезде Героя Социалистического Труда. (Одну Звезду Героя Социалистического Труда он уже имел еще при Н. С. Хрущеве.)

Но Брежневу хотелось другого, он хотел быть Героем Советского Союза и начал упрашивать Подгорного внести предложение о присвоении ему (Брежневу) звания Героя Советского Союза. Н. В. Подгорный отказывался это делать, приводил

аргументы против, но Брежнев просил, вымогал, вымаливал Героя, ссылаясь на то, что якобы его в войну представляли к этому званию. Но ведь прошло больше двадцати лет, как закончилась война. За что же награждать таким высоким званием в мирное время? Обо всем этом Н. Подгорный со мной неоднократно говорил, высказывал свое возмущение и даже советовался со мной, что делать, как поступить. Я высказал откровенно свое мнение, что присвоение звания Героя Советского Союза будет воспринято отрицательно, в особенности военными и фронтовиками. Подгорный в разговоре со мной сказал: «Я с тобой согласен, но Брежнев берет меня просто измором, больше такого «напора» я выдержать не могу, да и не хочу окончательно портить с ним взаимоотношения». Я ответил: «Как хотите. Я завизировал документ на звание Героя Социалистического Труда. Менять свое решение не буду». Брежнев сломил «сопротивление» Подгорного, а дальше уже ни у кого возражений не нашлось.

Так Брежнев стал Героем Советского Союза. А потом пошел «звездопад», но это без меня — я уже был не у дел — на пенсии. Итак, появился новый четырежды Герой Советского Союза! Среди партийного актива, народа, среди кадровых военных, фронтовиков было много нелестных отзывов в адрес Брежнева. Но самая печальная и страшная сторона дела: все, кто присутствовал при вручении «заслуженных звезд», отчаянно рупоплескали с явным налетом подхалимства и лести. А какой вред и последствия горькие от этого всего могут быть, надо только задуматься.

Провели большое совещание в Киеве по вопросу подготовки проведения празднования 50-летия Великого Октября, тут же было принято решение о созыве Пленума ЦК КПУ во второй половине января 1967 года, на котором обсудим подготовку к 50-летию Октября. Накануне, 26 декабря, мне позвонил Н. В. Подгорный и сказал, что собирается приехать в Киев на несколько дней, я ему ответил, что буду рад встретиться. Мы говорили по всем вопросам. Он мне рассказывал об обстановке в центре. По многим вопросам высказывал свое несогласие и возмущение по поводу поведения Брежнева, но дружески меня предупредил, чтобы я не очень был откровенен, особенно с Брежневым, потому что им все истолковывается по своему «узкому умозаключению». Подгорный как-то мимоходом сказал, что больше надо ориентироваться на А. Шелепина и Д. Полянского, возможно, на А. Кириленко, но последний неустойчивый человек, очень мнительный, далеко не лишен подхалимства. Подгорный заключил: «Вести себя во всех отношениях надо очень осмотрительно и осторожно».

Вот в такой обстановке приходилось работать Первому секретарю ЦК КПУ и члену Политбюро ЦК КПСС. Оказывается, надо было больше думать, как себя вести, не говорить откровенно, зажимать свою инициативу, отвлекать этим самым внимание от основной работы, от решения жгучих и неотложных вопросов повседневной работы. Можно себе представить общую обстановку в «высших кругах партийного руководства». А кто создавал такую обстановку? Это уже само собой понятно. Во время пребывания Н. Подгорного в Киеве Л. Брежнев мне два-три раза на день звонил и все интересовался, расспрашивал, чем занимается Николай Викторович и где он находится, с кем встречается.

Рано утром **27 декабря** мне снова позвонил Брежнев, интересовался, где Подгорный, я ему сказал, что вчера улетел в Крым. Кажется, он успокоился. Начал интересоваться обстановкой в республике, я ему доложил, какие мероприятия мы проводим по итогам декабрьского Пленума ЦК КПСС. Каждый член Политбюро ЦК КПУ выступили с докладом в 2—3 областях по итогам декабрьского Пленума ЦК. В течение января 1967 года мы проведем партийные активы по всем 25 областям Украины.

Брежнев сообщил мне, что он будет выступать с докладом на московском городском партийном активе, затем в Минске, возможно, в Горьком. Он также сказал мне, что хотел бы выступить с докладом на Украине, и советовался со мной, в какой области ему выступить. Речь шла о Харьковской, Луганской, Донецкой областях — остановились на Донецкой области. Я сообщил Брежневу, что после московского актива мы проведем киевский актив, думаю выступить на нем с учетом опыта Москвы.

Затем разговор опять перешел на пребывание Н. Подгорного в Киеве: Брежнев ревниво и придирчиво вновь «допрашивал» меня, где был Подгорный, что делал, как прошла охота, с кем встречался, кому и куда он звонил? Я был несколько обескуражен таким подробным и особым интересом. Как мог, успокоил Брежнева, сказал, что ничего особенного не случилось, все было в норме и что Н. Подгорный действительно отдыхал, охотился и, как он сам сказал: «Хоть немного отдохнул и отоспался». Что касается встреч, то он встречался и разговаривал только с членами Политбюро и секретарями ЦК КПУ. «А звонил он, мне известно, только вам из моего кабинета в моем присутствии». Я почувствовал, что мне в какой-то мере удалось успокоить Брежнева.

Имел обстоятельную беседу с Ф. П. Головченко, первым секретарем Киевского обкома партии. Обсудили вопрос и план проведения партийного актива по итогам декабрьского Пленума ЦК КПСС. По области накопилось много сложных вопросов, в том числе организационных и кадровых. Обратил внимание Головченко на незаслуженное игнорирование Кобыльчака, секретаря обкома партии, ведающего сельским хозяйством в области, я его знаю только с хорошей, деловой, принципиальной стороны, когда он в мою еще бытность первым секретарем обкома работал первым секретарем райкома партии. Дела в районе шли не очень хорошо. Много поступает сигналов на грубости В. Соколова, второго секретаря обкома. И. Стафийчук, председатель облисполкома, имеет большое влияние на Головченко, в результате чего многие вопросы решаются не с принципиальных позиций. Зашел разговор о Ботвине, первом секретаре Киевского горкома КПУ, он большой «либерал», слишком заигрывает с партийным активом, но сам по себе как человек неплохой, как работник добросовестный, его всячески надо поддерживать и, если нужно, «корректировать».

Принял первого секретаря Киевского горкома партии А. П. Ботвина, разговор был довольно обстоятельный, в основном по городскому хозяйству. По моему предложению намечено построить в Киеве 8 плавательных бассейнов, из них два уже в первом квартале предполагается сдать в эксплуатацию. Надо форсировать реконструкцию Центрального стадиона, довести его вместимость до 100—105 тысяч человек. Надо срочно рассмотреть Генеральный план развития города Киева. Контролировать ход строительства Дворца культуры «Украина», его строительство идет по титулу «киноконцертного зала». Надо обратить особое внимание на Дарницу — район большой, в основном рабочий. Здесь не решено много социально-бытовых вопросов, особенно плохо с медицинскими и детскими учреждениями. Были рассмотрены и ряд других вопросов: работа промышленных и строительных организаций, работа городского транспорта, торговли, бытового обслуживания. Особое внимание было обращено на разворот идеологической работы и пропаганду в связи с 50-летием Великого Октября. Об открытии памятника известному революционному деятелю Д. З. Мануильскому⁹², на открытие пригласили сына Мануильского, полковника ВВС.

* * *

Вот и наступил юбилейный год Великого Октября! Хотелось бы, чтобы 1967 год принес народу больше радости и материаль-

ного благополучия. Наш народ заслужил гораздо большего, чем он имеет и мы ему даем. Международные дела очень сложны, экономика нашей страны напряжена до предела, много не решено важных вопросов, а еще больше путаницы, разных шараханий. Очень плохо, что многие жгучие проблемы мы не решаем, а загоняем вглубь. Создаем мнимое благополучие, мало относимся критически к реальным жизненным вопросам. Надо надеяться, что 1967 год будет лучшим во всех отношениях.

5 января состоялся партийный актив города и области. Доклад и выступления прошли неплохо, и все же что-то тревожит. Нет должной организованности, порядка и дисциплины, хватки, присущей, как это подобает, столичной партийной организации. Надо с городом и областью работать еще очень много и настойчиво. В этот же день в 19.00 поездом выехал в Донецк на партийный актив, где Л. Брежнев должен выступить с докладом.

6 января встретил его и через несколько часов после прибытия поехали с ним в Горловку и Енакиево. Здесь были встречи с металлургами, шахтерами, машиностроителями, химиками. Везде свои проблемы. Не хватает жилья, социально-бытовых, культурных учреждений, не очень обильно и с продуктами питания. Большие жалобы на общественное питание и торговлю. Все эти и другие вопросы надо решать. От них призывами вроде «надо лучше работать» не отделаешься.

Донецкий партийный актив состоялся **7 января**. Брежнева принимали неплохо, но вместе с тем с каким-то оттенком холодности. Он этим был несколько обеспокоен и все время спрашивал меня: «Ну как прошел доклад? Какое он произвел впечатление?» Я «успокаивал» его, говорил, что все идет хорошо. Хотя, откровенно говоря, его рисовка, артистические приемы, никому не нужное заигрывание с шахтерами, металлургами, машиностроителями, химиками и учеными Донецкого края были встречены партийным активом неодобрительно.

После актива смотрели концерт самодеятельности — отличный концерт. Получили большое удовольствие, прикоснулись к народному творчеству. В резиденции Брежнева с руководством области продолжили разговор за ужином, возникло много вопросов — дончаки больше обращались по всем вопросам ко мне. Брежневу это не нравилось, и пришлось «нивелировать», хотя это и было противно моим взглядам, духу, истине.

Вместе с Л. Брежневым посетили завод имени Ильича, рабочий поселок Сартана.

Из Донецка Л. Брежнев уехал в Москву в 19.00. Поздно ночью выехал и я в Киев.

9—19 января. Из Москвы мне позвонил Н. Подгорный. Он подробно интересовался всем ходом пребывания Брежнева в Донецке. Я его обо всем проинформировал, сказал, что он выехал в Москву. Каждый раз, когда они допрашивали друг о друге, что кто делает, с кем встречается и разговаривает, мне казалось, что они не могут жить друг без друга, а больше закрадывалась мысль, что они в чем-то друг другу не доверяют.

На металлургическом заводе имени Орджоникидзе над мартеновским цехом № 3 обрушилась крыша — погибло 8 человек. Очень жалко людей. Назначена специальная комиссия для расследования причин и виновников катастрофы, принятия мер по ликвидации аварии. По предварительным расчетам, мартеновский цех не будет работать 8—10 дней — большая потеря в выплавке стали. Дано указание Совмину республики оказать помощь семьям погибших рабочих. Об аварии и человеческих жертвах, принимаемых мерах по ликвидации аварии шифровкой доложил в Москву.

Был в Харькове три дня, выступал с докладом по итогам Пленума ЦК КПСС на областном и городском активе, а также присутствовал на военном гарнизонном партийном активе. Харьковскому политехническому институту вручил орден Ленина. В институте посетил и ознакомился с лабораториями, встречался с профессорско-преподавательским коллективом института, со студентами. Посетил студенческое общежитие «Гигант», где были интересные встречи и разговоры. Вспомнил свои студенческие годы в этом общежитии, хорошее было время, жалко, что быстро и давно прошло.

За время отсутствия моего в Киеве накопилось много почты, разных неотложных вопросов. Обратил внимание товарищей по работе, что некоторые поручения выполняются плохо и не в установленные сроки и что надо усилить контроль и исполнение.

20—28 января. Отметим день рождения старшему внуку Пете, ему 6 лет. Хороший, с характером мальчик. Очень хочется знать, как сложится у него жизнь, что из него выйдет. Очень хотелось бы, чтобы он был здоровым, волевым, сильным, умным, добрым, честным человеком. Будем надеяться, что все так и будет.

На заводе «Реле-автоматика» 150 человек — вся смена сборочного — не приступили к работе. Это вызвано было тем, что

неправильно, с большим нарушением была проведена работа по пересмотру норм выработки. По существу, это забастовка — политический и экономический эксцесс, и тут рабочие правы. Но почему горком, обком партии два дня скрывали этот инцидент от ЦК КПУ? Пожурил партийное руководство обкома и горкома, профсоюзных деятелей, партийное и хозяйственное руководство завода. Поручил разобраться, виновных в произошедшем строго наказать. Категорически предупредил: к рабочим никаких «санкций» не применять.

Мой день рождения **14 февраля** — вот и «стукнуло» 59; все, что было за эти годы, кажется, было вчера. Получил много поздравлений, телеграмм, писем, звонков — это хорошо и приятно, когда о твоём существовании помнят. За огромным объемом работы личная жизнь ушла далеко на задний план. Поработать можно еще хорошо и плодотворно, было бы здоровье. День рождения отметили в узком семейном кругу. Иринка все предусмотрела, все приготовила как полагается отличной хозяйке дома. Все прошло хорошо, на каком-то подъеме, с человеческой теплотой, а это придает силы, энергию для нелегкой работы.

Работа очень объемная и разнохарактерная. Приходится рассматривать все вопросы, вплоть до взаимоотношений партийных, советских, хозяйственных, работников культуры, науки «высокого» ранга. Вот и сейчас первый секретарь Днепродзержинского горкома партии Добрик написал заявление в ЦК КПУ на первого секретаря Днепропетровского обкома партии Ватченко. Кроме того, Добрик звонил лично мне и просил защиты от хамского обращения с ним. Добрик в своем заявлении обвиняет Ватченко в грубости, нетактичности, вопиющей бескультурности. Так, к сожалению, оно и есть. На него много поступает жалоб, что он груб, со всеми в области обращается некультурно, к народу относится пренебрежительно, высокомерно. Интеллигенция его просто ненавидит и прозвала его метко «унтер Пришибеев». И держится такой «руководитель» в своем кресле под теплым крылом Л. Брежнева (земляки ведь!). Пришлось «разъяснить» Ватченко, как-то примирить их с Добриком, и он даже извинился перед Добриком.

С **19 февраля** отдыхали под Ленинградом в поселке Запорожье у Ладожского озера. Разместились в домике лесничего, так что по утрам во двор приходил олень за своим пайком — куском хлеба. Он был совсем ручным. В. С. Толстик¹⁴⁴, первый секретарь Ленинградского обкома партии, все отлично организовал для отдыха.

Побывал в Ленинграде, посетил завод, на котором я был директором. Руководство и коллектив завода хорошо встретили, состоялась задушевная беседа.

В Ленинграде посмотрели много достопримечательностей и исторических мест, в том числе: Музей обороны Ленинграда, Пискаревское кладбище, Домик Петра I, Эрмитаж, Монетный двор, были на «Авроре», в Петропавловской крепости и других исторических местах. В «Запорожье» все было организовано хорошо: рыбная ловля, охота на лосей, поездка на санях, катанье на лыжах; на Ладоге — подледный лов рыбы. Я заметил, что между Толстиковым и Романовым⁹³, секретарем Ленинградского горкома партии, были какие-то нелады. Я объективно занимал сторону С. Толстикова. Поблагодарил ленинградцев за хорошую организацию отдыха и внимание. 5 марта поездом из Ленинграда выехал в Киев.

После отпуска, 6 марта, приступил к работе, чувствую, что отдохнул хорошо, немного отвлекся от повседневных забот и трудностей.

Позвонил в Москву, разговаривал с М. Суловым и Н. Подгорным, особых новостей нет. Но в разговоре Подгорный дал мне понять, чтобы я с Л. Брежневым был настороже, ибо у него большая «ревнивая реакция» на мою активную деятельность, прямые и открытые высказывания и «предложения». Он болезненно переживает, когда ко мне хорошо и с уважением относятся партийный актив, крупные советские и хозяйственные работники — это все его просто переворачивает. Я поблагодарил Николая Викторовича за «сигнал». И подумал: самое недостойное и позорное явление для руководителя, тем более такого ранга, когда он с завистью и подозрением относится к активной деятельности работника, члена ЦК КПСС — тем более члена Политбюро ЦК. Ну что же, посмотрим, что будет дальше, я своей активности и деятельности в работе снижать не намерен, работаю ведь не на «босса».

Появление статьи и карикатуры в сатирическом журнале «Перец» на министра сельского хозяйства СССР В. Мацкевича, как на браконьера, в Москве было воспринято далеко не однозначно. Но уже тогда у смелых журналистов, таких, каким был редактор журнала «Перец» К. Макивчук, прорывалась смелость критиковать, несмотря на чины и ранги.

Позвонил Л. И. Брежнев, разговор по телефону продолжался более 35 минут. Общая информация и обмен мнениями по

ряду важных вопросов. Брежнев жаловался на переутомление — это его частые «приемы», он говорил: «Приходится буквально все вопросы решать самому», подчеркивая при этом: «Ведь я-де Генеральный секретарь». Разговор шел о работе промышленности, сельском хозяйстве, сложном международном положении в мире.

Позвонил в Москву, переговорил с Л. Брежневым и Н. Подгорным, переговорил по кадровым вопросам. Предстоит сессия Верховного Совета УССР. Председателем Президиума Верховного Совета будем избирать Д. С. Коротченко. Его бывший заместитель С. А. Ковпак⁹⁴ подал заявление с просьбой не рекомендовать его на заместителя Председателя Верховного Совета республики: ему исполняется 80 лет, и он по состоянию здоровья не может исполнять этот высокий пост. Просит установить ему пенсию, его просьбу удовлетворили. Я просил Брежнева и Подгорного установить Сидору Артемьевичу приличную пенсию. Ковпак — знаменитая личность. Дважды Герой Советского Союза, руководитель крупнейшего партизанского подразделения — гроза немецких захватчиков в период Великой Отечественной войны. Легендарный герой украинского народа.

Вместо Ковпака рекомендуется С. О. Стеценко — председатель Черкасского облисполкома, авторитетный человек, тоже бывший партизан. У нас обсуждалась кандидатура на этот пост и Е. В. Федорова⁹⁵, тоже известного партизанского командира, дважды Героя Советского Союза. Но остановились на кандидатуре Стеценко, наша кандидатура Москвой была принята.

Переговорил с П. Н. Демичевым о наших замечаниях по тезисам к 50-летию Октябрьской социалистической революции. Они относились к вопросу большого показа национальных республик в деле укрепления дружбы народов, Союза Советских Социалистических Республик. Демичев с нашими замечаниями согласился. Сказал ему об отрицательной реакции на вышедшие мемуары Шульгина⁹⁶ (бывшего крупного сахарозаводчика на Украине, члена царской думы): не к стати эти воспоминания именно к 50-летию Октября. Демичев не мог дать вразумительного ответа на поставленный вопрос, обещал разобраться, а что разбираться, когда уже напечатано, как говорится «что написано пером, не вырубишь топором».

29 марта в 20.30 мне позвонил Л. Брежнев, просил срочно прилететь в Москву на заседание Политбюро ЦК КПСС. После заседания был у Брежнева на длительной беседе. Обсуждали работу промышленности, строительства, транспорта, социальные вопросы. Я ему высказал свои соображения, что для

поднятия на должный уровень всех тех вопросов надо больше дать инициативы на места, союзным республикам, снять многие «центропробки». Он на эти предложения реагировал с кислой миной, упирал на то, что нельзя терять власть центра — так мы ни к чему и не пришли, остались в натянутых отношениях.

По сельскому хозяйству разговор шел главным образом о том, как реализовать решения Пленумов ЦК КПСС по этому вопросу. Брежнев в беседе со мной сетовал на то, что он чувствует какое-то сопротивление со стороны Госплана в вопросах развития сельского хозяйства страны. Это, говорил Брежнев, влияние Косыгина. Он не понимает сельского хозяйства, не разбирается в нем. Я Брежневу сказал, что А. Н. Косыгин хорошо разбирается в экономике, финансировании, банковском кредите, и он правильно ставит ряд вопросов, что в сельское хозяйство мы вкладываем большие средства, а отдачу получаем малую. Надо сельскому хозяйству не на словах, а на деле оказывать помощь, прежде всего в материально-техническом обеспечении, давать больше и качественных сельскохозяйственных машин, тракторов, комбайнов, автомашин, стройматериалов, больше заняться социальными вопросами села.

Обсуждая вопросы о переходе на пятидневную рабочую неделю, я ему откровенно высказал свое мнение, что мы к этому важному шагу не подготовлены. В разговоре я почувствовал, что поколебал мнение Брежнева, но ему отступить в этом вопросе было уже поздно. У нас ведь как заведено: если руководством даже допущена явная ошибка, то мы ее не признаем, и это часто усугубляет наше положение дел. А признать, исправить допущенную ошибку — этим можно только укрепить авторитет в народе, этим показать свою силу, мудрость. Нет, у нас «не принято». Это почему-то считается зазорным.

1—12 апреля. Позвонил мне командующий киевским военным округом И. И. Якубовский /как члену военного совета округа и сообщил, что скончался министр обороны страны маршал Малиновский Р. О. и что Якубовский улетает в Москву на его похороны. Очень жалко было Малиновского. Я его хорошо знал, честный, прямой, хороший был человек, прославленный военачальник.

Принимал и имел обстоятельную беседу с ответственным редактором журнала «Все свет» О. И. Полторацким. В беседе я ему в спокойной и деликатной форме высказал свои опасения по поводу чересчур модернистского направления в журнале. В частности, шел разговор об И. Дзюбе. Он не глупый человек, хороший писатель, преданный своему народу, но подчас у него

появляется «политическое донкихотство», которое наносит вред нашему общему делу, в том числе развитию украинской культуры и языку. В. Кравчук из Канады (общество ТОУК) в своем трактате-меморандуме написал много в искаженной форме об украинском языке.

В разговоре с Подторацким мы пришли к заключению, что надо бы дать в журнале достойную отповедь на этот «меморандум», но все надо делать в пределах разумного.

В эти же дни на Украине находилась канадская делегация во главе с Тимом Баком, председателем национального комитета Компартии Канады. Очень много приходилось нашим товарищам работать с этой делегацией. В особенности с В. Кравчуком — это умный и опытный человек и политик, но многие вопросы трактует со своей «колокольни», в особенности вопросы национальной политики.

13—28 апреля. Рассматривал некоторые материалы, предложения, замечания к написанной мной книге о комсомоле и молодежи «Историческое призвание молодежи»⁹⁷. Хочется добиться того, чтобы книга явилась бы вкладом в историографию комсомола и нашей славной молодежи.

У каждого из нас есть свой круг обязанностей. Все обязанности должны быть ответственными. Круг наших обязанностей — это общее понятие персональной ответственности и дисциплины перед моим народом и государством. При моей загрузке нелегко накапливать материал и писать. Все это делается за счет отдыха, отпуска, сна, но я доведу эту книгу, и в ней мою мысль до конца, постараюсь отразить героизм нашей молодежи в труде и ратных подвигах. Книгу о молодежи посвящаю 50-летию Октября, и она должна стать моим посильным вкладом в политическую литературу по воспитанию нашей молодежи.

Как всегда было, с Украины много уходит кадров на выдвижение, повышение, и я не встречал еще человека, который, проработав на Украине даже немного, не вспоминал бы с большой теплотой об этом времени. Все пережитое в работе, творчестве на Украине остается теплым источником в памяти человека на всю жизнь. Так уж давно сложилось, что на Украине к кадрам относятся требовательно, бережливо и уважительно. Правда, это дается нелегко, ведь работа с кадрами очень ответственное, сложное дело.

Получена печальная весть: при завершении второго космического полета в аппарате «Союз-1» погиб летчик-космонавт

Комаров Владимир Михайлович, полковник-инженер. Очень жалко, он был способный, умный, пытливый, культурный, образованный молодой человек. Это была первая жертва в полете космонавтов. В. М. Комаров неоднократно официально и неофициально бывал на Украине и в Киеве. У него здесь было много личных друзей. Дал поручение, чтобы внесли предложение, как увековечить его имя на Украине.

В этот же день произошла трагедия на мосту им. Патона. С моста в Днепр свалился автобус, погибли 45 человек. Обстоятельства трагедии расследуются. Два человека спаслись чудом — они выпрыгнули из окна автобуса.

Из Ялты позвонил Д. С. Полянский, где он отдыхает. У него осталось хорошее впечатление о городе, его руководителях, о порядке, но все же высказал «серьезное» замечание, что якобы министр торговли Украины А. Сахновский дал указание на всех торговых точках Крыма переписать названия на украинский язык. (Это было неправдой.) Были вывески смешанные (и украинские, и русские). Но вот оказалось, на Украине еще одна «крамола». Полянский только отражал мнение и настроение высокопоставленных, но убогих и ущербных «идеологов». До чего же ограниченность мысли, на что тратятся время и энергия. Почему же в Грузии, Азербайджане, Армении, Узбекистане, Казахстане, Прибалтийских республиках это не вызывает никаких замечаний? Только ограниченность, бескультурье, шовинистический душок у недалководидных работников, и в первую очередь это относится к М. Сулову. Кроме вреда, это ничего не дает, а горькие последствия мы еще будем пожирать.

Поступили первые сведения о Светлане Аллилуевой⁹⁸, якобы о ее неправильном поведении, об изъятии какой-то книги у ее любовника. Все это сказано так «приглушенно», что даже члены Политбюро не все понимали, что же все-таки произошло.

Я приехал в Москву на заседание Политбюро. На повестке дня много сложных и важных вопросов. Перед заседанием Политбюро, примерно за час, меня пригласил к себе в кабинет Л. Брежнев. После общих разговоров о состоянии дел в республике, стране, в том числе и по некоторым вопросам повестки дня, вдруг Брежнев мне сказал: «Имей в виду, что сегодня мы будем решать вопрос об освобождении Семичастного от должности председателя КГБ СССР». Для меня это было совершенно неожиданной «новостью». Я кое-что знал, но далеко не все,

какую роль играли органы КГБ и лично В. Е. Семичастный в период подготовки и самого октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года, где Н. С. Хрущев отстранен от руководства со всех постов, партийных и государственных. Безусловно, приход к руководству партией Л. Брежнева во многом зависел от личного участия во всех делах Семичастного, и, казалось бы, Брежнев ему лично должен был быть многим обязан. Внешне, казалось, не было никаких причин и поводов для освобождения Семичастного. Да об этом никогда ни на каких уровнях и разговора не было.

Единственная «причина» (по-брежневски) освобождения Семичастного было то, что он много знал о всей «кухне» смещения Хрущева (как я значительно позже узнал от самого В. Е. Семичастного, Брежнев предлагал ему физическое уничтожение Н. С. Хрущева, что Семичастный категорически отверг). Он всегда мог высказать свое мнение.

Я задал Брежневу вопрос: «А какая причина освобождения Семичастного?» Брежнев уклонился от прямого ответа, но сказал: «Много поводов к этому, позже узнаешь все. Я пригласил тебя, чтобы посоветоваться, где лучше использовать на работе Семичастного. Мы не намерены оставлять его в Москве». Я снова задал вопрос: «А почему, какая причина?» Тут Брежнев почти с раздражением сказал: «Я же тебе сказал, что позже все узнаешь» (так я до сих пор ничего и не узнал). Продолжая свой разговор, Брежнев сказал: «Не хочется его и обижать сильно, может быть, ты что предложишь на Украине, где использовать на работе Семичастного?» Больше вопросов я Брежневу не задавал, да и он вел себя как-то нервно, на меня все это произвело гнетущее впечатление. С большим трудом я пересилил себя, чтобы вести разговор на эту тему. А у самого роилась мысль: что же мог такое сделать Семичастный, чтобы с ним так расправляться? И какая же существует система слежки, если сам председатель КГБ попал под «колпак подозрения»? Мне стало страшно, и мелькнула мысль, что такая участь ждет каждого, кто в какой-то степени был причастен к приходу к власти Брежнева. (Моя мысль была не лишена оснований. Так оно впоследствии и получилось со многими.)

Мной было высказано мнение, что Семичастный еще молодой человек, энергичный, неплохой организатор, работал на крупной партийной и комсомольской работе. Может быть, его можно использовать на партийной работе в качестве первого секретаря обкома партии на Украине. Такая возможность представляется в Кировоградской области, и это у нас будет воспринято хорошо.

Л. Брежнев на некоторое мгновение задумался: «Нет, на партийной работе использовать его нежелательно, может быть,

когда и станет этот вопрос. Сейчас — нет. Какие другие предложения у тебя есть и не возражаешь ли ты, чтобы он работал на Украине?» Я четко и ясно ответил: «Не возражаю. С удовольствием примем и все сделаем, чтобы ему работалось хорошо». Я предложил использовать Семичастного на советской работе в качестве заместителя председателя Совмина республики, тут же Брежнев подал реплику: «Первого», я ответил, что имеется два первых заместителя, Брежнев ответил: «Это не преграда. Пиши записку в ЦК КПСС, учредим еще дополнительную должность первого зама». Под конец беседы Брежнев даже поблагодарил меня за участие в решении такого, как он сказал, «деликатного вопроса».

После этой «беседы» я поехал в Кремль, где обычно проходит заседание Политбюро, на нем обсуждался ряд вопросов. В кратком промежутке Брежнев из нагрудного кармана вынул какую-то бумажку, посмотрел и сказал: «Позовите Семичастного». В зал заседания вошел В. Семичастный, чувствовалось, что он не знал, по какому вопросу его пригласили на заседание Политбюро, смотрел на нас с каким-то недоумением, даже немного казался растерянным, но держался хорошо, уверенно. Брежнев объявляет: «Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном». «А что обсуждать?» — подал Семичастный реплику. Последовал ответ Брежнева: «Есть предложение освободить вас от занимаемой должности председателя КГБ СССР в связи с переходом на другую работу». В. Семичастный подал голос: «За что? Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна». По всей реакции было видно, что многие члены Политбюро и секретари были не в курсе этого вопроса. Я же был просто поражен, что с Семичастным перед решением этого вопроса никто не переговорил, все это произошло так внезапно, что Семичастному даже не дали опомниться. Этим подлым, коварным, трусливым приемом Брежнев пользовался не один раз при «перестановке кадров» разных рангов. Семичастный снова подал голос: «За что? Это же неправильно!» Последовал грубый окрик Л. Брежнева: «Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа». Семичастный снова вставил реплику: «А ведь меня по этим вопросам никто не проверял, и со мной до этого дня никто не разговаривал. Почему же все это решается так скоропалительно?» Брежнев с каким-то раздражением сказал: «А случай с С. Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США?» Семичастный снова сказал: «Поездка С. Аллилуевой в Индию не санкционировалась органами КГБ, здесь были другие санкции». Впоследствии нам стало известно, что поездка Аллилуевой состоялась по санкции и настоянию А. И. Микояна.

Несмотря ни на что, решение было принято: «Освободить Семичастного В. Е. от работы председателя КГБ в связи с переходом на другую работу». Тут же Брежнев заявил: «Семичастный назначается первым заместителем Предсовмина Украины. Вопрос этот с тов. Шелестом П. Е. согласован, они принимают его на Украину». В. Е. Семичастный сказал: «У меня семья в Москве, к тому же я не знаком с этой работой и прошу, если это возможно, оставить меня в Москве, предоставив работу». На что последовал ответ Л. Брежнева: «Вопрос уже решен». Тут же Брежневым было внесено предложение председателем КГБ утвердить Ю. В. Андропова, замечто было, что для самого Андропова этот вопрос был не совсем ожидаемым и даже «желательным». Но он сказал: «Может быть, не надо этого делать? Я в этих вопросах совершенно не разбираюсь, и мне будет очень трудно освоить эту сложную работу». Но вопрос был решен «самым коллегиальным и демократическим образом». Сразу же поехала комиссия ЦК КПСС в КГБ в составе: М. Суслов, А. Кириленко, И. Капитонов, созвали коллегию КГБ и объявили решение Политбюро. На следующий день вышел Указ о «переменах в руководстве КГБ».

Я подписал письмо-«просьбу» утвердить В. Е. Семичастного первым заместителем Предсовмина УССР. Вот так был решен вопрос с В. Семичастным, а он стал членом правительства Украины, не будучи ее депутатом.

23 мая В. Е. Семичастный приехал в Киев, у нас с ним состоялась продолжительная, обстоятельная беседа по всей сложившейся вокруг него ситуации. Он был потрясен и растерян. Я как мог его успокаивал, говорил, что он погрузится в интересную работу и постепенно отойдет от этого неожиданного для него удара. На его вопросы ко мне, почему с ним так поступил Л. Брежнев, я ничего вразумительного или даже убедительного не мог сказать, так как сам истинной причины не знал, а предположениями в таких вопросах руководствоваться нельзя, просто недопустимо. Одно было ясно, что освобождение произошло скоропалительно, в грубой и нетактичной, недостойной форме. От такой формы «перемещения кадров» авторитет у руководителя не добавится, а наоборот.

29 мая вышел Указ Президиума Верховного Совета УССР — Семичастный стал первым заместителем Совмина республики, не будучи «избранником народа». Подхалимы, льстецы будут говорить, что «сделано смело, гениально», но это неправда. Нельзя сказать, что «перестановка» в руководстве КГБ прошла незамеченной или бесследно. Было много толкований, кривотолков и догадок, в том числе и в иностранных

средствах массовой информации. Многие партийные, советские, военные руководители недоумевали по такого решения и делали правильные предположения и выводы, что это все было сделано Брежневым из-за боязни разоблачения его предложения Семичастному физически устранить Н. С. Хрущева. И в целом из-за боязни и трусости перед ростом авторитета молодых, деятельных людей. Я с этими выводами был согласен.

Семичастный приступил к работе. У меня бывал нередко, и я всячески помогал ему побыстрее войти в курс дела. Спустя короткое время он полностью освоил порученное ему дело.

Это было **17 июня**. Мне позвонил Л. Брежнев. Он был сильно обеспокоен и расстроен происходящими событиями в международной обстановке и особенно событиями по Ближнему Востоку⁹⁹. Брежнев сообщил мне, что принимается решение о срочной поездке Н. В. Подгорного в ОАР, и далее сказал: «Надо спасти положение, принять все меры для поддержки и укрепления веры в Насера¹⁰⁰». Далее Брежнев сказал, что днями Пленум ЦК рассмотрит вопрос событий на Ближнем Востоке. Продолжая разговор, он говорил, что Насер допустил большие политические и военные просчеты, и при этом он утверждал, что «Израиль и США не добились успеха». Это было с его стороны, по меньшей мере, политической наивностью, если не безответственной политической демагогией. Такая оценка положения дел недопустима для политического деятеля такого ранга.

19 июня в 11 часов утра началось заседание Политбюро ЦК по ближневосточному вопросу: настроение у всех какое-то гнетущее. После воинственных, хвастливых заявлений Насера мы не ожидали, что так молниеносно будет разгромлена арабская армия, в результате так низко падет авторитет Насера как политического деятеля в арабском мире. На него ведь делалась ставка как на «лидера арабского прогрессивного мира». И вот этот «лидер» стоит на краю пропасти, утрачено политическое влияние; растерянность, боязнь, неопределенность. Армия деморализована, утратила боеспособность. Большинство военной техники захвачено Израилем: танки, орудия, пулеметы, стрелковое оружие частично уничтожены. Много оружия осталось у израильтян как трофеи.

Не без основания ходят слухи, что Румыния закупает трофейные танки у Израиля, а танки ведь нашего производства. Нам, очевидно, придется все начинать сначала: политику, тактику, дипломатию, оружие. Недешево будет обходиться все это

для нашего народа, страны. Четкость и ясность действий США и Израиля на Ближнем Востоке определились. Отстранение от власти Насера преследует цели: дальнейший раскол арабского единства, установление политического и экономического диктата в ближневосточном регионе.

Ближневосточные события очень серьезно затрагивают нашу страну, наше присутствие и влияние в Средиземном море, да и географически это близко к нашим границам. Л. Брежнев успокаивал себя тем, что, мол, «проиграно одно сражение в войне. Политическая же борьба арабского народа против США и Израиля будет продолжаться». Это были «успокоительные» рассуждения. Нет, не так! Всего за 6 дней была проиграна война.

20—21 июня. Состоялся Пленум ЦК КПСС, на нем рассматривался вопрос: «О положении на Ближнем Востоке». С докладом выступил Л. Брежнев, доклад, выступления по докладу и заключительное слово — все прошло хорошо. Говорили, что мое выступление было на должном уровне, с этим меня поздравили все члены Политбюро, хорошо о нем отозвался и Л. Брежнев.

На Пленуме с резкой критикой о состоянии обороны страны, в том числе и обороны Москвы, выступил первый секретарь МГК КПСС т. Егорычев. Он говорил сущую правду, в том числе и в адрес Л. Брежнева как Председателя Комитета обороны. Но кому из «политиков» она, эта критика, нравится? После Пленума пошли «обоймой» политические мероприятия: митинги, собрания, доклады, выступления — и все в поддержку арабов и осуждения Израиля; его агрессивной политики и практических действий. Но вся эта шумиха не имела никакого воздействия на США и Израиль. В республике 2% еврейского населения, но они проявляют организованность и единство.

Пытаемся найти евреев, которые бы выступили с публичным осуждением Израиля, кое-где удастся, но это проходит формально, неубедительно. Наш военный Черноморский флот почти весь ушел в Средиземное море, его личный состав, учебные, боевые подразделения, береговые части охвачены высоким патриотическим чувством, боевым духом. Моряки, авиаторы почти поголовно изъявляют желание быть добровольно зачисленными в десантные части.

22—30 июня. Много ежедневных будничных забот, сложностей и трудностей. Вот и сегодня — прошло уже 26 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Уже выросло целое поколение молодых людей, не знающих этого страшного време-

ни. Горько и больно вспомнить, сколько труда, жертв, крови, сирот, калек, сколько слез и неизлеченных ран, физических и моральных, принесла эта бойня. А мы недостаточно уделяем внимания фронтовикам, семьям погибших, инвалидам и калекам, работникам тыла в эти тяжкие времена. Мало занимаемся поисками без вести пропавших. Наши люди очень нуждаются в достойной признательности за ратные подвиги и изнурительный труд во время Великой Отечественной войны. Наш народ очень терпелив, но конец всякому терпению чреват опасными событиями. Нам надо все делать, чтобы не повторилась катастрофа, а все ли делается для этого? Не много ли мы допускаем самоуспокоенности и надежд на «мирное» сосуществование? Надо все делать, чтобы быть уверенными в безопасности своей страны.

Позвонил мне из Праги наш посол С. В. Червоненко, сообщил, что А. Новотный собирается посетить Киев. С ним будет его супруга и один человек охраны. Червоненко просил меня уделить должное внимание Новотному. Я ему сообщил, что мне этот вопрос известен из других каналов, и я уже рассматривал его. Разместим А. Новотного в особняке за городом в Валках, покажем Институт искусственных алмазов и твердых сплавов, Институт кибернетики, Днепр во всей его красоте. Если он пожелает посетить Львов и Запорожье, то предоставим транспорт, самолет или автомашины, по его желанию. Червоненко остался доволен и дополнительно сообщил, что Антонин Новотный из Киева собирается на 10—12 дней поехать в Крым, там немного отдохнуть. Вся намеченная программа пребывания А. Новотного в республике была выполнена.

Позвонил мне Л. Брежнев (наконец его «прорвало»!), сказал: «Московская городская партийная организация нуждается в укреплении и Егорычева стоило бы заменить». Это «здоровая, партийная реакция» руководителя партии на критическое выступление на Пленуме ЦК КПСС стоила первому секретарю МГК КПСС должности. Брежнев на первого секретаря МГК предложил кандидатуру В. Гришина — он тогда работал председателем ВЦСПС. «Все согласились», — сообщил Брежнев мне. Я тоже молчаливо согласился, хотя в душе не было согласия. Я думал, что нельзя так поступать и обращаться с кадрами только за то, что они имеют свое мнение и говорят правду. Многие играли в прятки со своей совестью и принципиальностью. Брежнев все больше проявлял свои «способности и задатки» расправы с неугодными ему кадрами.

2—5 июля. Прошло ровно 5 лет, как я был избран на

Пленуме ЦК КПУ Первым секретарем ЦК КПУ. В напряженной работе даже не заметил, как «проскочило» это время. Сделано много нужного и полезного за это время, и все же дел еще, кажется, непочатый край, день за днем пять лет упорной, напряженной, очень трудной работы. Уже основательно освоился с объемом работы, но напряжение в работе еще больше, работаю просто на износ.

7 июля на Бориспольском аэродроме встречали А. Новотного, прилетевшего из Москвы после встречи и переговоров с Л. Брежневым. В его резиденции в этот же день наметили программу ознакомления с Киевом и показ Института и производства по технологии изготовления искусственных алмазов, посещение колхоза «Дружба» и осмотра новой застройки села Ксаверовки, ознакомление с работой научно-исследовательского белоцерковского института по животноводству.

На второй день Новотный осматривал новостройки и достопримечательности Киева, в том числе и новый Дворец пионеров. Он остался всем очень доволен. В ЦК КПУ состоялась встреча-беседа А. Новотного с членами Политбюро и секретарями ЦК КПУ. Новотный поделился своими впечатлениями о встрече и беседе с Л. Брежневым. Речь прежде всего шла об оживлении деятельности СЭВ, о широком научно-техническом сотрудничестве. Затронуты были вопросы международного положения и взаимоотношений между социалистическими странами.

Новотный высказал твердое мнение: «Румыния отходит от соцстран, и нет у нас вопросов, по которым бы мы были вместе с ними».

Обсуждался вопрос о созыве международного совещания коммунистических и рабочих партий. О внутреннем положении своей страны А. Новотный высказался с большой болью и озабоченностью, он сказал: «Среди интеллигенции, и в особенности среди писателей, журналистов, некоторых экономистов, много людей правого толка. Обостряется идеологическая борьба, очень большое влияние Запада в политических, идеологических, культурных и экономических вопросах. Немало наших экономистов откровенно высказывают мнение, что в экономических вопросах, техническом, технологическом развитии Чехословакии надо держать курс на Запад. Средства массовой информации почти полностью находятся под влиянием правых прозападных элементов. Больше того, в Брно начала выходить газета «Свободное руде право» — как орган так называемого «Свободного легального Центрального Комитета КПЧ». В газете содержатся злобные выпады против Советского Союза, клевета на руководителей КПЧ и призывы к их физическому

уничтожению. Правительство страны теряет авторитет и власть, и его всячески приходится поднимать и укреплять. Большие нападки на органы госбезопасности и армию. В ЦК КПЧ пошли группировки, и их «формируют» словацкие националистические элементы из интеллигенции». А. Новотный весьма неодобрительно отозвался о А. Дубчеке и Г. Гусаке¹⁰¹, характеризовал их как националистических политиканов, карьеристов и интриганов. Все эти и другие вопросы он раскрыл всем членам Политбюро ЦК КПУ.

Хотя А. Новотный и говорил, что он удовлетворен переговорами с Л. Брежневым, но чувствовалось, что он не все договаривал. Новотный ожидал получить полную поддержку, но во время переговоров Брежнев ему заявил: «Что делается у вас в стране и партии, это ваше внутреннее дело — сами и разбирайтесь!» Думаю, что Новотный это сказал нам с надеждой, что его слова все будут переданы Брежневу, так нами и было сделано.

Но реакция Брежнева настолько «подкосила» А. Новотного, что он не в состоянии был справиться со всеми сложностями в партии и стране без нашей прямой поддержки. И когда наступил последний критический момент, Новотный был отстранен от должности Первого секретаря ЦК КПЧ. Л. Брежнев тогда говорил, что если бы Новотный откровенно и правдиво информировал его, то можно было бы его поддержать, подправить, и дела пошли бы правильно. Здесь Брежнев лукавит, неправильно говорит. Он знал всю правду и истинную обстановку, и не только от Новотного, но и от нашего посла в Чехословакии С. Червоненко и из других источников.

Вопрос с Чехословакией был пущен на самотек.

И вообще можно было бы не допустить того, что произошло в Чехословакии, если бы сам Л. Брежнев занял правильную политическую позицию.

На Политбюро ЦК КПУ слушали вопрос о состоянии ПВО на Украине, докладывал командующий армией ПВО генерал А. И. Покрышкин. Мягко говоря, складывается грустная картина, просто преступление, что у нас такое положение со средствами противовоздушной обороны. Большой недокомплект личного состава, отсталая техника, к тому же плохое ее укрытие, ненадежная связь и оповещение, в республике много оголенных, уязвимых, беззащитных важнейших жизненных объектов. И в то же время снижаем технику и личный состав, отправляем боевые самолеты и дивизионы ракет в ОАР на «прикрытие» Каира. В случае непредвиденных обстоятельств республика остается беззащитной, виновников в этом тяжелом вопросе тогда не найдешь.

По этому тревожному, чрезвычайно важному вопросу высказал свое мнение Л. Брежнев. Мою информацию он воспринял с олимпийским спокойствием и сказал мне: «Вы в эти вопросы не вмешивайтесь, есть общий план, мы им и руководствуемся».

Позвонил мне врач А. Рагуля и сообщил, что серьезно заболел мой младший брат Митя, он работает учителем в старших классах школы, преподает математику и физику, находится на хорошем счету. Рагуля рекомендует срочно отправить брата во Львов на два месяца на лечение. Надо все сделать, чтобы спасти Митю, хороший парень, честный человек, инвалид Отечественной войны. В армии пробыл 9 лет, прошел всю финскую и Отечественную войны, имел три тяжелых ранения, награжден воинскими наградами. У него сложилась неудачная личная жизнь, он остался одиноким. За большой загрузкой, за делами и заботами, работой не имею возможности даже встретиться, как следует поговорить с родным и братом и сестрой. Это плохо, очень плохо, и когда-нибудь я об этом буду очень жалеть.

Из Крыма мне позвонил Н. Подгорный, где он отдыхает, там же отдыхает и Л. Брежнев. Почему-то он очень интересовался моим отпуском, когда и куда я еду отдыхать. Я сообщил, что с семьей еду отдыхать в Крым, но перед этим заеду на несколько дней в Херсонскую область и побуду на острове Бирючем. Затем Подгорный поинтересовался, куда и когда в отпуск едет В. Семичастный. Я сказал, что Семичастный уходит, кажется, в отпуск с первого сентября, а когда и куда он едет, этим вопросом не интересовался, не знаю.

Я понял, что Л. Брежнев пристально ведет «слежку» за Семичастным. Он опасается его общения с А. Шелепиным и другими молодыми кадрами. Я лично за Семичастным ничего особенного не замечал, он честный и прямой человек, к делу относится добросовестно, старается вникнуть в малознакомую ему работу. Безусловно, он был угнетен, ожесточен, при упоминании имени Брежнева, казалось, по его телу проходил ток высокого напряжения, и трудно себе представить, что бы В. Семичастный мог сделать с Брежневым, если бы ему предоставилась такая возможность. Но то, что Семичастный высокопорядочный человек, я никогда не сомневался.

Каждый грамотный, даже немного способный, обязан писать дневники, свои заметки. Это укрепляет мысль, расширяет кругозор, дает свободу мысли. Глубже понимаешь материал и саму тему, над которой ты работаешь. Вот сейчас работаю

над материалом по Украине, интересный набор материала — история украинского народа и современная его жизнь. Я чувствую, что кое-кто из московских «деятелей» к этой моей книге отнесется недоброжелательно, а то и совсем враждебно. Но я делаю полезное дело не только для себя, а и для будущих поколений, оставляю след моих суждений и мыслей, и история будет на моей стороне. А что остается после человека, если он не изложил своих мыслей, убеждений исторической правды? Один глennyй прах.

В Канаде собирается конгресс «свободных украинцев», он будет рассматривать тему: «Революция и ее итоги на Украине». Стараются «убедить», что Украина является колонией, а ее природное богатство истощается, украинский народ не является хозяином своей судьбы. Выдвигают тезис: «Задача украинской нации — присоединиться к свободному миру». Все это имеет определенное влияние на умы неустойчивых, подверженных шатанию людей. Нам надо повышать политическую бдительность, по-настоящему находить формы и методы, завладевать умами, мыслями и чувствами наших людей, этим самым завоевывать их доверие.

А в нашей идеологической пропаганде, организаторской работе много формализма, штампа, излишней централизации. Наши люди часто с трудом и даже с неохотой, формально воспринимают малоквалифицированную, но «централизованную» пропаганду.

Принято постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Постановление нужное, но есть опасение, что все это потонет в формализме — скоро это постановление забудется, хотя с полгода вокруг этой темы основательно пошумим, а потом все забудется, так как было уже не раз. За все это обидно и делается страшно: куда мы идем?

Антонов О. К. доложил мне, что тяжелый транспортный самолет Ан-12 установил мировой рекорд, поднял на высоту 10—12 тысяч метров груз в 100 тонн. Поздравил Олега Константиновича, весь его конструкторский и производственный коллектив. Конструкторское бюро Антонова очень выросло по сравнению с тем временем, когда я работал директором авиационного завода по выпуску антоновских самолетов.

5 ноября 1967 года. Находился в Москве на Пленуме ЦК КПСС и сессии Верховного Совета, состоялось совместное торжественное заседание, посвященное пятидесятилетию Вели-

кой Октябрьской революции. Все прошло по-деловому, с определенным оттенком торжественности, было много выступлений, приветствий, в том числе и от зарубежных гостей.

6—13 ноября. Провели торжественное заседание в Киеве по случаю 50-летия Великого Октября, я выступал с докладом. Говорили, что доклад удался. Итак, пошел 51-й год Великой Октябрьской революции, что он нам принесет? Очень хочется, чтобы было хорошо всему многонациональному народу нашей страны. Нашим сыновьям, внукам, правнукам, чтобы они отпраздновали 100-летия Октября. К этому времени должны быть разительные успехи нашей Родины, надо только более разумно вести наше хозяйство, экономику, социальные вопросы, науку, технику, культуру, направлять их по правильному руслу. Союзные республики должны получить больше свободы, самостоятельных действий в экономике, политике, социальных вопросах, культурном развитии. Все это должно, безусловно, проводиться в рамках союзной федерации. Пока это мечты, но когда-нибудь мы неизбежно должны будем прийти к этому — другого пути у нас нет.

Выпал обильный первый снег, прихватил морозец, выехали в Залесье на охоту. После охоты кто-то из присутствующих охотников, будучи навеселе, сказал мне: «За событиями вам надо следить и наблюдать. Имейте в виду, что в отношении вас поведение Щербицкого подлое». Тогда не придал этому особого значения, не хотелось верить, а осадок остался неприятный. Но стал замечать его неискренность, двурушничество, жалею, что в свое время дал «согласие» на возвращение его в Киев на должность Председателя Совмина республики. Держать такую змею возле себя опасно. Часто вспоминаю сказанные слова Н. Подгорного: «Ты, Петро, еще об этом пожалеешь, помни, что это подлый человек». Но что ж делать, собственный локоть не укусишь.

Побеседовал с Н. А. Сободем, поинтересовался, как ему работает в Совмине, какие взаимоотношения с товарищами по работе. Соболев откровенно дал мне понять, что со Щербицким работать очень тяжело — мало в чем понимает, много говорит, ни с кем не считается, все сам знает. Очень неодобрительно Николай Александрович о Щербицком отзывался, да я и сам о нем не слыхал хороших человеческих слов.

24—30 ноября. Принял главного редактора украинской энциклопедии, известного писателя и поэта Николая Платоновича Бажана. Разговор шел по делам издания энциклопедии. Откуда-то, а понятно откуда, на Н. Бажана идет давление, чтобы он не

давал развернутой энциклопедической справки, а тем более портрета на Н. С. Хрущева, С. В. Косиора¹⁰², Н. А. Скряпника, В. Я. Чубаря¹⁰³, Г. И. Петровского¹⁰⁴ и других политических и общественных деятелей. Больше того, в таком же плане шел разговор об О. Т. Гончаре. Как грубо у нас позволено вторгаться в историю, исказить и фальсифицировать ее. Я считаю, что это преступление некоторых «политиков-идеологов» перед историей, народом, нашим поколением. Дал прямое указание объективно освещать деятельность, давать биографические данные, помещать портреты согласно принятым нормам и положению.

С Н. Бажаном обсудили вопросы, связанные с выпуском трехтомной энциклопедии по кибернетике.

6—13 декабря. Был в ЦК КПСС на приеме у Л. Брежнева, беседа продолжалась 2,5 часа. Я ему высказал все наболевшие вопросы: о том, что если мы не примем срочных мер, то железнодорожный транспорт станет серьезным тормозом развития экономики и всего народного хозяйства страны; о большой нехватке леса для строительства, и не потому, что его нет, а потому, что он, срубленный, гниет, вывезти не на чем; о том, что агломерат, лучшие сорта железной руды отправляем за границу, а наши металлургические агрегаты работают в полмощности, все это дорого обходится стране. То же самое с газом: отправляем за границу, а у самих не хватает топлива для промышленности, электростанций, бытовых нужд. Если возникает какой вопрос, то, чтобы его решить, требуются десятки согласований, а время уходит. На постановочные вопросы республики вообще часто нет никакой реакции, даже не дают ответов. Был поставлен еще ряд вопросов. Все это очень не понравилось Л. Брежневу, и он временами разговаривал с некоторым раздражением. Многих вопросов он не знал, а в большинстве вопросов не разобрался даже элементарно.

Я знал, что такой разговор мне «даром» не пройдет, но я не мог играть со своей совестью.

Все вопросы, связанные с 50-летием Украины, были решены.

11 декабря мой день начался с печального известия: в 5 часов 30 минут утра после тяжелой болезни скончался Сидор Артемьевич Ковпак, дважды Герой Советского Союза, национальный герой, партизанский командир в период Великой Отечественной войны. Очень жалко Сидора Артемьевича. Поручил проработать все вопросы, связанные с похоронами и увековечением памяти С. А. Ковпака. Похоронили его со всеми воинскими почестями, на похороны приехали партизаны со всех концов страны.

14—18 декабря. Был в командировке в Харькове и Луганске, принимал участие и выступал на торжественных сессиях областных Советов депутатов трудящихся, посвященных 50-летию Советской Украины. Особенно торжественно праздники проходили в Харькове. Тут ведь в 1917 году была провозглашена Советская власть, а Харьков был столицей республики до 1934 года, затем столица Украины перебазировалась в Киев.

Участвовал на закладке камня, где впоследствии будет сооружен памятник-монумент в ознаменование 50-летия Украинской Советской Социалистической Республики.

Харьков — один из крупных центров не только республики, а и страны. Здесь впервые в мире был расщеплен атом, ядро атома положило начало новой, небывалой доселе атомной науке. И очень плохо, что мы об этом мало говорим, а еще меньше помним. На здании, где произошло огромное событие, нет никаких мемориальных знаков. Дал поручение продумать этот вопрос и отметить это важнейшее событие в развитии науки. Хотя есть мудрое изречение, что науку надо направлять, в противном случае она может привести к всемирной катастрофе человечества.

Познакомился с научно-производственным институтом по разработке и изготовлению бортовой аппаратуры для ракет различного назначения. Это наш основной институт и производство по бортовым станциям, директор института А. Сергеев давал обстоятельные пояснения и демонстрацию на стендах приборов. Очень тонкое, интересное и сложное производство; высококвалифицированный коллектив конструкторов, инженеров, технологов, рабочих. В Луганске посетил и ознакомился с заводом имени Октябрьской революции — это тепловозостроительный высококвалифицированный коллектив, выпускает 80% тепловозов страны. Хорошее предприятие, но у него много своих нужд, и прежде всего большой недостаток жилья, надо ему оказать должную помощь. Коллектив завода с большими, интересными революционными и рабочими традициями. На заводе была хорошая встреча. Посмотрел отличный спортивный комплекс, новую городскую библиотеку, новый небольшой, но очень красивый аэропорт.

1968-й.

«Можно было обойтись без вторжения в Чехословакию»

Наступил новый, **1968** год, что он нам принесет нового, хорошего? Думаю, много всякого рода сложностей и недостатков во всех отраслях деятельности как нашего центрального правительства, так и на местах.

Контрольные цифры народнохозяйственного плана устанавливаются волевым, далеко не разумным порядком. Мы много говорим о научном планировании, но его даже в самом зародыше нет. В свое время Н. С. Хрущев был обвинен в волюнтаризме, но сейчас он, этот самый волюнтаризм, при Л. Брежневеве превзошел все границы. Происходит частая и необоснованная смена кадров. Это отрицательно сказывается на делах, вызывает нервозность и неуверенность в работе. Кадры легко обвиняются в нерешительности, а если проявляешь инициативу, то в местничестве. На местах инициатива скована чрезмерным централизмом, все ждут директив. А возможно ли все из центра предусмотреть директивами?

11—21 января. Стало известно, что в Польше, в Варшаве, были организованы большое студенческое выступление, митинги, демонстрации, направленные против польского правительства и ПОРП. В этом вопросе В. Гомулка проявил твердость. Его политика в данном случае сочеталась и с достаточной гибкостью. Он часть студентов направил на производство, в армию, остальную часть эшелонам вывез на почтительное расстояние за пределы Варшавы и велел приобщить их к сельскохозяйственному труду, пока они не повзрослеют и не наберутся ума и жизненного опыта.

14 февраля. Во всех центральных и республиканских газетах помещен Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда. Поздравления

от ЦК КПСС, Совета Министров и Верховного Совета СССР. Партия, страна высоко оценили мой скромный труд, я глубоко тронут этой высокой оценкой и очень благодарен ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, всем товарищам и организациям, которые меня поздравили. Вечером все члены и кандидаты Политбюро, и секретари ЦК КПУ с семьями собрались у меня, поздравили с днем рождения и присвоением мне высокого звания Героя Социалистического Труда. На этом торжественном вечере были моя старшая сестра Мария и младший брат Митя. Много было сказано хороших, теплых слов в мой адрес, как обычно делается в этих случаях, но все это быстро проходящее, для реализации всех моих замыслов, направленных на повышение материального состояния трудового человека, нужно здоровье, энергия, работоспособность.

19 февраля вечером поездом выехал в Москву. В здании Верховного Совета 20 февраля Н. В. Подгорный вручил мне орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и тепло поздравили с высокой наградой. В этот же день был на приеме у Л. И. Брежнева, обстоятельно беседовали с ним и пытались как-то разобраться в очень сложной политической обстановке в Чехословакии. На январском Пленуме ЦК КПЧ А. Новотный был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК. Он остался пока президентом страны. Первым секретарем ЦК КПЧ был избран А. Дубчек, его толком никто из руководства ЦК КПСС не знает. По этому вопросу у нас возникает определенная озабоченность, даже тревога.

21—25 февраля. Наша делегация, возглавляемая Л. Брежневым, 21 февраля вылетела в Прагу. В составе делегации были К. Катушев — первый секретарь Горьковского обкома партии, В. Куличенко — первый секретарь Сталинградского обкома партии. В Праге ощущается какой-то политический парадокс: 20-летие образования Чехословацкой республики и победы над реакцией. И в то же время явно чувствуется, что нарастает реакция правооппортунистических элементов. Контрреволюция набирает силу в Чехословакии. Мероприятия по празднованию 20-летия чехословацкой революции, как ее именуют сами чехословацкие руководители, внешне проходили спокойно, даже чинно. А. Дубчек на торжественном заседании сделал довольно оптимистический, даже напыщенный доклад. Был парад войск и смотр рабочей милиции, на котором А. Дубчек произнес довольно хвастливую необоснованно упрощенную речь: «Смотрите, какая мощная сила, если надо, мы выведем эти отряды на улицы Праги и подавим любую контрреволюцию». Наивность А. Дубчека была в том, что он не разбирался и не

понимал всей политической сложности и обстановки. Никто пока что открыто против существования законов и порядков не выступал. Но тайно действовала «ползучая контрреволюция». Действовали скрытные силы, завладевшие всеми средствами массовой информации, всякого рода клубы и общества. Проходит большая атака на КПЧ, органы безопасности, экономическую политику страны. Весь «ход действий», чувствовалось, направляли опытная рука ЦРУ и разведорганы ФРГ. К сожалению, наша разведка была слабо внедрена. Средства массовой информации, правооппортунистические элементы восхваляли А. Дубчека как «великого реформатора» и поборника за демократию и в то же время использовали его как слепое орудие в борьбе против КПЧ и порядка в стране. Всячески вносилась политическая и экономическая дестабилизация, принимаемые законы не выполнялись, больше того, открыто игнорировались.

Он же, Дубчек, поверив в свою «особую миссию», начал чувствовать себя «вождем» новой демократии. Но получилось так: что вчера было силой демократии в КПЧ, сегодня стало слабостью прогрессивных сил КПЧ, и настоящая демократия стала перед серьезным испытанием. В то время, когда А. Дубчек был первым секретарем Словацкой коммунистической партии, именно она сыграла решающую роль в отстранении А. Новотного от руководства партией Чехословакии. Став первым секретарем КПЧ А. Дубчек почувствовал себя первым действующим лицом, но это был только мираж.

В КПЧ наметился раскол. Правые элементы восхваляли Дубчека. Ему эта роль очень импонировала. Пошла атака на КПЧ, чехословацкое правительство, его политику, на органы государственной безопасности, органы МВД, прокуратуру, армию. Всему этому активно способствовали все средства массовой информации, что и привело к полной дестабилизации состояния Чехословакии, породило до некоторой степени национальную рознь, прежде всего между чехами и словаками, когда последние в адрес чехов говорили оскорбительные слова.

Пусть простит меня читатель моих дневниковых записей, если сегодня, спустя 20 лет, я возвращусь к нашим сегодняшним дням и в свою родную страну, Советский Союз. Состояние моей страны во многом схоже с Чехословакией того времени. Экономика, социальные вопросы, экология страны находятся в плачевном положении. Материальное состояние трудового народа в тяжелом положении. Под девизом гласности, демократии всех средств массовой информации идет оголтелая атака на партию, ее идеологию, политическую систему. На этой волне идет разгул анархии, неповиновение законам, упадок всякой дисцип-

лины и порядка, ответственности за порученное дело. Начатая перестройка (а все это я бы назвал реформой) основательно буксует, и неизвестно, когда и как мы выедем из этой «глубокой колеи». Идет открытая атака на органы государственной безопасности, МВД, армию, прокуратуру, правоохранительные органы. Народ от всего этого устал — он ждет от верховной власти порядка и спокойствия. Межнациональная рознь разъедает страну. Мне, прожившему много лет (я только в партии 62 года, всю жизнь трудился не покладая рук), страшно смотреть, куда мы идем и что мы оставим своим внукам, правнукам, всему будущему поколению. Настал роковой час. Всем нам нужно опомниться, взяться за разум и конкретные дела, покончив с пустословием. Нас спасти некому будет — мы стоим над пропастью.

После этих тяжелых раздумий возвращаюсь в Чехословакию, в февраль месяц 1968 года. Будучи в Праге, Л. Брежнев пытался выяснить истинную обстановку и обстоятельства в партии и стране. Но безапелляционные заверения А. Дубчека, что в КПЧ и стране все идет хорошо и им положение полностью контролируется, как-то успокоили его. Дубчек вел себя слишком восторженно и даже заносчиво. Мне было больно и обидно смотреть на Л. Брежнева. Он, не добившись никакой ясности и определенности от «руководства» КПЧ, как-то обмяк, растерялся перед наглым поведением Дубчека.

Он, Дубчек, совершенно не выслушивал Брежнева, да видно было, что и не хотел выслушивать. Высказывал совершенно противоречивые мнения и толкования того, что происходило в КПЧ и стране.

При такой ситуации и обстановке Брежневу ничего не осталось делать, как улететь в Москву, не дождавшись конца празднования. Свой отъезд Брежнев мотивировал необходимостью быть на праздновании Дня Советской Армии 23 февраля. Вечером 22 февраля Л. Брежнев улетел в Москву, оставив меня вместо себя как руководителя делегации.

В эти дни у меня было много встреч и обстоятельных бесед с некоторыми руководителями партии и правительства Чехословакии, в частности, с Кольдером, Якишем, Биляком, Ленартом и другими чехословацкими товарищами. Была обстоятельная беседа с нашим послом С. Червоненко. Все они проявляли большую тревогу по поводу стабилизации в партии и стране, разгула анархии, неуправляемости страной.

А. Дубчек уже идет на поводу правых элементов, чем явно способствует политической и экономической дестабилизации страны.

25 февраля. После всех торжественных процедур и приемов вечером вся наша делегация вылетела на родину с тяжелым осадком. По договоренности с Брежневым я должен был лететь в Киев, собраться с мыслями и по приезде в Москву доложить все подробно о моих встречах, переговорах и впечатлениях.

Но Киев по погодным условиям наш самолет не принял, и я со всей делегацией полетел в Москву. Поздно, в тот же вечер, была встреча и беседа с Л. Брежневым, которого я подробно проинформировал о моих встречах, переговорах и моем личном впечатлении. Как я тогда заметил, все это произвело на Брежнева тяжелое, даже, можно сказать, шоковое впечатление.

Март. Принял Д. Павлычко, с ним был очень обстоятельный и серьезный разговор. Я ему откровенно сказал и даже пожурил за то, что он свой талант направляет и тратит далеко не по назначению и что он может пожалеть об этом, но, может быть, это будет поздно. Он со всеми моими доводами и высказываниями согласился. Из разговора с Д. Павлычко выяснилось, что мне надо встретиться и провести серьезную беседу с Секретариатом Союза писателей Украины. Для этого важного дела обязательно выкрою из моего сжатого режима время.

Поступило заявление на И. С. Грушецкого, что его отец, оставаясь на оккупированной территории, сотрудничал с немцами. Он был старый — собирал продовольствие и теплые зимние вещи для немецкой армии. По этому заявлению я побеседовал с Грушецким, беседа была довольно приятной. Он дал письменное объяснение, но сам толком ничего не мог объяснить, только утверждал, что отца немцы расстреляли. Сам Грушецкий во время войны почти все время находился в Красной Армии. Но заявители утверждают, что отца Грушецкого расстреляли партизаны. Поручил органам разобраться с этим делом, но оно так и осталось «темным», как говорят, списано за давностью. Но Грушецкий после этого заявления поубавил свою прыть.

С 22 по 25 марта 1968 года в Дрездене проходило совещание по чехословацким событиям. В нем приняли участие от советской стороны Л. Брежнев (глава делегации), Н. Подгорный, М. Сулов, Б. Пономарев, П. Шелест. Болгарская делегация во главе с Т. Живковым, венгерская делегация во главе с Я. Кадаром. Чехословацкую делегацию возглавлял А. Дубчек, польскую — В. Гомулка. Делегация ГДР была представлена во главе с В. Ульбрихтом. Н. Чаушеску¹⁰⁵ (Румыния) не был при-

глашен из-за опасения, что он мог внести резонанс в обсуждаемый вопрос по Чехословакии. Накануне дрезденской встречи нам не были известны определенные мнения и соображения Гомулки, Ульбрихта, Кадара, Живкова по событиям в Чехословакии. Но им все было известно, что в составе руководства КПЧ сколачивается довольно влиятельная группа, в нее входят Шик ¹⁰⁶, Смирковский, Кригель и другие, которые яростно ведут нападки на политику и экономику, проводимую КПЧ, порочат всю 20-летнюю деятельность КПЧ.

Чувствовалось, что формируется второй центр КПЧ. Начались травля и гонения на преданные кадры. Снят с работы министр обороны ЧССР — это прямой удар по Варшавскому Договору. Освобожден от работы министр иностранных дел ЧССР — это удар по внешнеполитическим и экономическим вопросам.

22 марта открылось совещание. Немецкими товарищами все хорошо было организовано: помещения для проведения совещания, размещение делегаций и бытовые условия — как это умеют делать немцы.

По договоренности с главами делегаций Л. Брежнев сделал обзорную информацию о политической обстановке в Чехословакии. Некоторые вопросы Брежневым были освещены очень тускло, невнятно и неубедительно, и это, безусловно, не могло не сказаться на всем ходе совещания. Попросили А. Дубчека выступить и осветить положение, происходящие события в партии и стране и меры, принимаемые по урегулированию и наведению порядка в КПЧ и стране.

Как участник совещания тезисно, из дневниковых записей излагаю все выступления на Дрезденском совещании.

Выступление А. Дубчека было неорганизованным, несобранным, довольно путаным и неубедительным. Во время его выступления Ленарт и Кольдер пытались внести какую-то ясность и коррективы, одновременно проявляя озабоченность и тревогу за состояние дел в КПЧ и стране. Но со стороны Дубчека последовал раздражительный и повелительный окрик, и оба они замолчали. Дубчек говорил: «Положение партии и ее руководящая роль за последнее время нарушены, и вина в этом руководства Новотного. У него было много субъективизма, что отрицательно сказалось на всей политической деятельности партии. Мы сейчас развернули дискуссию в партии, чтобы укрепить дисциплину и порядок. Надо добиться демократизации, возрождения прогрессивных сил страны. У нас нет антагонистических классов — есть рабочие, крестьяне, интеллигенция — все они активно участвуют в формировании политики

партии. Мы считаем, что новые условия в партии должны быть. А то, кто и что печатает — это не столь важно, такие явления не впервые в рабочем движении. Мы не скрываем, что в нашей работе есть, появляются крайности и действуют силы, нам противные. Кадровой политикой мы владеем». Затем последовала «клятва» Дубчека в верности внешней политике и решениям XIII съезда КПЧ.

Но факты говорили о другом. На кадры, стоящие на правильных партийных позициях, идет гонение, их шельмуют, снимают с работы. Из 10 секретарей крайкомов партии уже заменили 8, часто партийные кадры выдвигаются без ЦК КПЧ на собраниях, митингах разных клубов и обществ. (Горько все это даже сейчас вспоминать, тем более что аналогичные явления происходили в период перестройки у нас в партии. Куда мы идем и где остановимся?)

Выступление В. Гомулки было резким, правдивым, грамотным, аргументированным. Он сказал: «Нас тревожат состояние и обстановка в КПЧ и стране, и мы полностью согласны с анализом, изложенным в выступлении Брежнева, о состоянии дел в Чехословакии. Здесь налицо существует контрреволюционная опасность, и еще не поздно преградить ей путь, а это прежде всего зависит от чехословацких товарищей. Но у нас складывается впечатление, что Дубчек недооценивает всей складывающейся обстановки и надвигающейся большой опасности. Мы не хотим вмешиваться во внутренние дела страны и партии, но в истории бывают такие крутые повороты, обстоятельства, которые требовательно ставят вопрос, что нам общими силами надо преградить путь «ползучей контрреволюции». В свое время у нас в Польше, да и в Венгрии тоже начиналось так. Интеллектуалы требовали свободы, демократии, свободы печати, защиты культуры — одним словом, выступали с митинговой демагогией». Выступление В. Гомулки было сконцентрированным, с политическим анализом событий, его речь прозвучала гораздо сильнее и решительнее, чем других выступающих, в том числе и Л. Брежнева. Гомулка по праву завладел инициативой на Дрезденском совещании.

Выступление Я. Кадар начал со следующего: «Наше экономическое, политическое и военное сотрудничество должно играть основную роль — всяческое укрепление социалистического содружества. Варшавский Договор, дела СЭВ обязывают нас более строго относиться к событиям в наших странах. В Чехословакии события волнуют мировую общественность, и мне кажется, что они напоминают критическую обстановку накануне венгерских событий в 1956 году. Чехословацкие това-

рищи заявляют, что им происходящие события в стране и партии лучше видны и известны, чем нам, и что они свои кадры знают лучше, чем мы. Я хочу напомнить, что у нас в Венгрии на первых порах Имре Надь¹⁰⁷ тоже не был контрреволюционером. Партия не может стоять у руководства, если ЦК КПЧ самоустраивается от руководства. К тому же явствует, что нет должной дисциплины среди членов ЦК КПЧ. Мы все хотим, чтобы вы серьезно и глубоко поняли наше беспокойство за состояние в вашей партии и стране». Выступление Я. Кадара несколько снизило и остудило накал, поднятый в речи Гомулки.

В. Ульбрихт свою речь начал так: «Наш рабочий класс, партия обеспокоены происходящими событиями в Чехословакии, ФРГ, используя все средства, ведет ожесточенную атаку против ГДР. Под влиянием демагогически настроенных отдельных интеллигентов, студенчества, вы, тов. Дубчек, предаете интересы рабочего класса, партии, безрассудно меняете и избиваете лучшие кадры вашей партии и страны. У нас должен быть единый фронт, а вы своими действиями даете возможность империалистам вбивать клин для подрыва социалистического лагеря и его содружества. Надо изолировать, а потом и разгромить враждебные элементы, которые наносят нашему общему народному делу непоправимый вред. Вам надо набраться мужества и сказать, что у вас налицо существует враждебная деятельность отдельных элементов и что всеми средствами в интересах своего народа надо их пресекать». В выступлении Ульбрихта была нота тревоги и беспокойства, что события в Чехословакии могут отрицательно отразиться на состоянии дел в ГДР.

Часть участников попыталась смягчить формулировку: предалась даже не принимать никакого решения, а дать в печати только сообщение о Дрезденском совещании без какой-либо расшифровки и трактовки.

Против смягчения формулировки резко выступили Гомулка и Ульбрихт. Венгры и болгары занимали нечеткую позицию, чехословаки всячески добивались смягчения оценок и формулировок о событиях в их стране. Получилась какая-то недоговоренность между Брежневым, Ульбрихтом и Гомулкой, даже появилась определенная натянутость. К чехословакам мало прислушивались, их только «обвиняли и требовали», а чего — сами толком не знали. Руководствовались только страхом, что, возможно, «чехословацкие идеи» могут переброситься на восточные страны социалистического содружества, а тогда социалистический блок потеряет свою силу. (Как ни прискорбно, но это случилось уже в наше «перестроечное» время, почти через 18

лет. И к чему это приведет, трудно предсказать и представить. И кто в этом резком переломе виновен?)

Как был упущен момент и кто в этом виновен? Во время Дрезденского совещания была кульминационная точка для принятия всех необходимых мер для пресечения разгула анархии и социальной демагогии в Чехословакии. В то время, пожалуй, только так можно было оценивать происходящие политические события в этой стране. В Дрездене с очевидной ясностью стало видно, что Л. Брежнев был допущен грубый политический и тактический просчет с январским Пленумом ЦК КПЧ, на котором А. Новотный с нашего согласия был устранен от должности Первого секретаря ЦК КПЧ, а позже был устранен и Ю. Ленарт, Председатель Совета Министров страны. При этих руководителях можно было найти в партии и стране здоровые силы для того, чтобы укротить анархию, социальную демагогию и локализовать враждебные силы. Дубчека нельзя было принимать как серьезного политика. При крайней необходимости при А. Новотном по просьбе руководства страны можно было бы спокойно ввести только советские войска, это не вызвало бы больших трений политического резонанса.

После январского Пленума ЦК КПЧ А. Дубчек и И. Черник, Председатель Совета Министров страны, заявляли, что они «владеют положением и что никакой опасности сползания партии и страны вправо не может быть». Это было неправдой, просто обманом, чтобы усыпить тревогу за состояние дел в Чехословакии. Так оно и получилось. А Дрезден предупреждал, настаивал, требовал глубокого анализа происходящих событий в Чехословакии. Кто же виновен в упущении момента? Можно много говорить, рассуждать, тем более людям, стоящим далеко от фактических дел и событий того сложного времени. Одно ясно, что большая вина ложится лично на Л. И. Брежнева: он своими неорганизованными действиями довел дело до ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию без ведома правительства страны, что впоследствии имело большие политические международные издержки для нашей страны и партии. Говорилось много красивых, напыщенных слов, и, к великому сожалению, они в народе и партии принимались за чистую монету. Но в большой политике видимость и сущность не тождественны. Часто самонадеянность и иллюзорность «политиков» заводят сложные дела в тупик. (Здесь уместно отметить роль А. Дубчека в современной Чехословакии. Он ведь стоял у власти, и это при нем прокурор Праги дает указание, что КПЧ вне закона. Что это — «демократия» или разгул анархии и беззакония? КПЧ, как всякая партия, имеет право на политическое существование).

26—30 марта 1968 года. Из Дрездена в Киев возвратился 25 марта. За время моего отсутствия накопилось множество текущих неотложных ежедневных забот. Провел совещание с секретарями ЦК КПУ и заслушал подробную информацию о подготовке вопросов к предстоящему Пленуму ЦК КПУ. Членов Политбюро и секретарей ЦК КПУ подробно проинформировал о прошедшем совещании в Дрездене. Высказал свое мнение, впечатление и тревогу за происходящие события в Чехословакии: в случае неприятия организационных, политических мер могут быть тяжелые последствия и политические осложнения.

Принял О. Т. Гончара, был обстоятельный разговор о его романе «Собор». Он вызвал много разговоров и неоднозначных оценок, и это уже хорошо. Значит, он не остался незамеченным и безразличным для широкого круга людей. О. Гончар правильно возмущается, почему для украинского Главлита дает на «Собор» рецензию работник КГБ Украины П. Калош, ведающий вопросами идеологии. Это неправильно. Мною было дано указание прекратить это. Рецензию должен давать специалист. Московские издательства готовы издать роман «Собор» в переводе на русский язык, но тормозом является то, что некоторые газеты республики дают необъективную, неквалифицированную оценку произведению. Особенно в этом усердствует днепропетровская областная газета. Первый секретарь обкома А. Ватченко, очевидно, усматривает в «главном герое» свою собственную персону. В «Соборе» выведен один руководящий деятель, который считает себя очень «идейным коммунистом», но своего отца, старого кадрового рабочего металлургического завода, вышедшего на пенсию, чтобы избавиться от «лишней обузы», поместил в дом престарелых. Все факты совпадали — действие происходит в Днепропетровской области. Родной отец Ватченко находится в доме престарелых. Ватченко груб, бескультурен, злоблив, кажется, что он ненавидит все человечество. Только в этом суть и причина ополчения Ватченко на Гончара. Хотя последний всячески уверяет, что он не имел в виду конкретно Ватченко как отрицательного типа в своем романе «Собор».

Во время встречи с О. Гончаром обсудили вопросы предстоящего совещания с секретарями Союза писателей Украины. Я лично посоветовал Гончару более четко и определенно занимать принципиальные позиции во всех вопросах.

Потом при моем активном содействии был издан «Собор» Гончара в Москве и имел немалый успех как на Украине, так и в стране. «Собор» был издан немалым тиражом и в украинском издательстве.

Принял и имел обстоятельную беседу с первым секретарем Киевского горкома КПУ — Бовиным А. П. Он доложил мне обстоятельства распространения политических и националистических листовок в Киевском университете имени Т. Г. Шевченко и сельскохозяйственной академии. В этих двух учебных заведениях обнаружено 600 листовок. Намечены меры по предотвращению распространения подобных листовок.

В Союзе художников киевской организации складывается нездоровая обстановка в организационном, творческом, политическом отношении. Обсудили и этот вопрос, наметили меры по улучшению работы среди художников.

28 марта звонили первые секретари обкомов партии. Н. К. Кириченко, секретарь Крымского обкома, докладывал, что складывается тяжелое положение с питьевой водой в Симферополе, в здравницах Черноморского побережья, даже в Севастополе. Дал поручение срочно проверить, как выполняется Совмином республике постановление ЦК КПУ и Совмина, принятое по обеспечению Крыма питьевой водой. Поручил дополнительно найти деньги, материальные ресурсы для коренного решения вопроса обеспечения Крыма питьевой водой.

Первый секретарь Днепропетровского обкома партии А. Ватченко позвонил и с какой-то особой яростью обрушился на О. Т. Гончара, на его роман «Собор». Он все утверждает об идейной порочности этого художественного произведения. Я-то понимал, что «специалист» он в литературе да и в идеологических вопросах довольно посредственный. Озлобленность его заключается в том, что он в «Соборе» видит себя как негативного героя, вот и вся его «объективность суждения». Мне было известно, что он лично «организовал» в областной газете «Заря» рецензию на «Собор», и это было сделано неквалифицированно и необъективно. С негативными явлениями борьбу надо вести, но никак не с позиций А. Ватченко.

Позвонил первый секретарь Иваново-Франковского обкома партии Я. П. Погребняк, информировал о положении в области и сообщил, что кое в каких местах начали проявлять себя бывшие оуновцы, а их в области насчитывается больше 40 тысяч человек. На месте принимаются меры по усилению идеологической и организаторской работы среди населения.

Сообщил, что военные художники-умельцы создали диора-

му боев за освобождение г. Станислава. Погребняк просил представить некоторых художников к присвоению им звания заслуженных. Поручил отделу ЦК КПУ внести предложения по этому вопросу.

Вместе с прокурором республики И. Глухом и председателем КГБ В. Никитченко рассматривали довольно два щекотливых и сложных вопроса о деле А. Шухевича и внучке Ив. Франко — Зиновии Франко.

Но начну по порядку. Крупный организатор оуновского движения в Западной Украине В. Шухевич в свое время был арестован и в заключении якобы скончался. Его сын А. Шухевич еще мальчишкой был заключен в лагерь для малолетних. Впоследствии был осужден якобы за антисоветские высказывания. Ему сейчас 35 лет, в лагерях и тюрьмах он провел около 20 лет, срок его заключения официально истек. Но его по «мотивам», что очень обозлен, не освобождают; «мотивируют» некоторые юристы тем, что все это станет гласным. Что касается его озлобленности: то каким он при его положении может быть? А гласность, так это же жизненная правда, и от нее никуда не уйти. Дал поручение подготовить предложение, обязательно надо Шухевича из-под стражи освободить. Дать ему свободно жить. Через некоторое время мне было доложено, что В. Шухевич был освобожден, возвратился на родину. А спустя год мне доложили, что он обзавелся семьей, работает на стройке.

Внучка Ив. Франко, по докладу органов, вела недостойные разговоры, якобы она передала за границу какие-то «материалы». По письму «органов» ее исключили из членов партии, уволили с работы. В защиту З. Франко выступила газета «Ново життя» чехословацких украинцев. В Канаде был поднят большой шум по поводу такой акции с З. Франко. После разговоров в республиканской прокуратуре Франко написала «покаянное» письмо. После тщательного разбора дал поручение на работе восстановить, в партии восстановить, провести с З. Франко разъяснительно-воспитательную работу.

9 апреля. В Свердловском зале Кремля в 10 часов утра начал работу Пленум ЦК КПСС с повесткой дня: «О международном положении и борьбе КПСС за сплочение мирового коммунистического движения». Доклад Л. Брежнева длился 3 часа, все вопросы были изложены более-менее логично, даже с попыткой некоторого анализа состояния международного положения. Но много в докладе было положений и мест, утверждений, которые вызывали сомнения, иллюзии и самонадеянность. Международная обстановка накалена до предела. Очень слож-

ное и напряженное положение в Чехословакии, Польше. Румыния и Югославия занимают самостоятельную, далеко не определенную позицию, чем создают большие осложнения. В Европе заметно оживил свою деятельность сионистский центр, который, по всем данным, находится в Брюсселе. В него входят 36 европейских групп, крупные банкиры, промышленники, ученые. Профессор философии Брюссельского университета Хаин Перельман и израильский посол в Бельгии, по существу, руководят сионистским центром и всей пропагандистской кампанией против Польши. На В. Гомулку бешено обрушилась вся мировая печать сионистов. Его всячески поносят, критикуют, помещают разного рода карикатуры. В США и Израиле ведется подготовка к тому, чтобы после окончания войны во Вьетнаме или снижения ее активности им вплотную заняться Восточной Европой. Родилась теория «наведения мостов»: при помощи этих «мостов», утверждает враждебная пропаганда, произойдет «необратимый распад социалистического лагеря». Наши «идеологи» это не разгадывают, не понимают всей сложной игры, а доказывать им противное трудно: большая тупость и политическая ограниченность.

В связи с событиями в Чехословакии уже стало ясно, что «монолитность» КПЧ как руководящей политической силы рухнула, партия, по существу, сама себя «разгромила». Итоги дрезденского совещания реакционными кругами Чехословакии приняты в штыки и используются для нагнетания антисоветских настроений, во всем чувствуется, что происходит процесс перерождения социалистической Чехословакии в буржуазную республику.

11—18 апреля. Накопилось много текущих вопросов: проанализировать состояние дел в работе промышленности, строительстве, транспорте, по социальным и политическим вопросам. Рассмотреть кадровые вопросы со многими перемещениями. Провести большую подготовку по проведению областных и городских партийно-хозяйственных активов по итогам работы апрельского Пленума ЦК.

Для разговора пригласил к себе секретаря ЦК КПУ, ведающего идеологическими вопросами, Овчаренко и заведующего отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПУ Цветкова. Рассматривали вопросы, связанные с работой научных учреждений, высших учебных заведений республики. Пришли к заключению, что нам надо больше изучать состояние преподавания, улучшения содержания лекций на экономических, гуманитарных кафедрах и факультетах в университетах и вузах республики. Особое внимание надо обратить на состояние дел в Кие-

вском университете имени Т. Г. Шевченко. Здесь по-прежнему немало недоразумений, политических вывихов, распространение разного рода листовок и прокламаций. И все это делается не со стороны студентов или преподавателей, а со стороны посторонних посетителей, так как в университет имеется свободный доступ. Принято было решение ограничить свободное посещение здания университета.

Всем составом Политбюро и аппаратом ЦК КПУ рассматривали проект архитектурно-художественного сооружения и оформления Корсунь-Шевченковской панорамы — места разгрома крупного немецко-фашистского военного соединения. И строительство обелиска в ознаменование города-героя Киева. По обоим проектам было сделано много деловых, конкретных, полезных, рациональных замечаний.

Снова состоялась встреча и беседа с О. Т. Гончаром. Он просил дать поручение группе грамотных, квалифицированных, объективных товарищей разобраться с «оценкой» романа «Сбор», данной в газетах «Заря» (Днепропетровская область) и «Житомирский комсомолец». Пообещал. Дано задание группе квалифицированных объективных товарищей проанализировать весь критический и позитивный материал, что касается оценки произведения, и все материалы представить в ЦК КПУ. В тактичной и настоящей форме высказал ему замечания о его слишком самоуверенном мнении по некоторым вопросам, которыми он сам мало владеет. Порекомендовал быть более осмотрительным и осторожным. В противном случае его могут спротоцировать и использовать в неблагоприятных целях. Олес Терентьевич поблагодарил меня за откровенный разговор и совет.

Зашел разговор о создании музея Запорожской Сечи на острове Хортица. Гончар к этой идее и замыслу отнесся с большим интересом и принял активное участие в подготовке материалов, внес ряд разумных предложений.

Из информации Ю. Ильницького и В. Никитченко (КГБ) мне стало известно, что В. Биляк и А. Костелянский из Словакии высказали желание в Ужгороде встретиться со мной. Было бы хорошо получить информацию о состоянии дел в Чехословакии из первоисточников. Но мне сделать это самостоятельно, без разрешения Москвы, нельзя.

30 апреля. В канун праздника Первого мая я позвонил Л. Брежневу, поздравил его с наступающим праздником. Изложил свои соображения о возможной моей встрече в Ужгороде

с Биляком и Костелянским по их просьбе. На мое сообщение реакция у Брежнева была какой-то беспокойной, настороженной, даже настроение как-то понизилось. Он только и нашелся сказать: «Лучше было бы, если бы Биляк и Костелянский для встречи с тобой приехали в Киев». А как они могли это сделать, под каким предлогом, Л. Брежнев даже не подумал. Так этот вопрос и остался открытым. Хотя позже все же мне пришлось в Ужгороде встретиться с А. Костелянским и В. Биляком. Но время было упущено.

В Майские праздники не работать три дня — это расточительство драгоценного времени!

4—7 мая. В Киев мне позвонил Л. И. Брежнев и сообщил, что в Москву предстоит приезд чехословацких руководителей А. Дубчека, А. Черника, Ю. Смирковского, В. Биляка. Первоначально эта встреча руководителей двух стран намечалась в Киеве. Дела в Чехословакии так далеко зашли, что эта встреча мало что даст. Но посмотрим — жизнь покажет, время внесет коррективы.

Мне позвонил Л. Брежнев, просил 7 мая быть в Москве, в ЦК КПСС, где состоится совещание с участием В. Гомулки и Т. Живкова по чехословацким событиям. Брежнев попросил меня взять с собой Ю. Ильницкого, первого секретаря Закарпатского обкома партии. Он может многое рассказать того, что мы не можем получить из официальной информации. Вынашивается «идея» всеми силами действовать через Словакию. Возможен вылет группы товарищей в Братиславу (что маловероятно). До поздней ночи изучал все материалы по Словакии. В Чехословакии действительно обстановка довольно сложная и противоречивая, а мер мы не принимаем никаких, кроме пространственных разговоров.

Утром 7 мая в кабинете Л. Брежнева проходило совещание по чехословацким событиям, совещание носило острый характер. В. Гомулка и Т. Живков настаивали на самых срочных мерах по нормализации обстановки в Чехословакии. На совещании выступил Ю. Ильницкий. Он много рассказал о том, что действительно происходит в Чехословакии: партийный актив, органы государственной безопасности бьют тревогу, что в Чехословакии идет разгул правых элементов, не исключается вопрос участия в этих акциях иностранных разведок по наведению «мостов» между Западом и Востоком. Ильницкий рассеял брежневскую иллюзию действовать через Словакию. Не поможет и поездка в Братиславу: по этому вопросу не было ничего подготовленного, проработанного, кроме желаний.

В своем выступлении В. Гомулка высказал столько горьких слов и логических доказательств, что все это вызвало у Брежнева какую-то растерянность. Гомулка говорил: «Дальше работать с Дубчеком так, как вы, товарищ Брежнев, — это безнадежный случай. Ваша «политика целования» ни к чему хорошему не может привести. В Чехословакии сейчас открыты клапаны, но взрывные силы политической и социальной демагогии были накоплены и раньше. В особенности они проявились после январского Пленума ЦК КПЧ, когда к партийной власти пришел А. Дубчек. Большинство членов КПЧ не только не выполняют программу своей партии, но они ее и не знают. В стране политическая анархия, которую используют путаники разного политического толка и прямые враги социалистического развития страны. Газеты «Смена» и «Праце» в руках каких-то мерзавцев, которых контролирует и направляет зарубежная разведка. Тактическая линия Дубчека «дружбы с Советским Союзом и социалистическими странами» — это только ширма.

В КПЧ существует второй ЦК, и он руководит всеми средствами, в том числе массовой информации, созданием разного рода клубов, расчищает путь контрреволюции в Чехословакии. Здоровые силы в КПЧ и ЦК имеются, но их некому возглавить, а мы по этому вопросу ничего не делаем. Ясно видно, что Дубчек самовлюбленный, политически близорукий, беспомощный. Он, по существу, является сам «знаменем» правых сил, которые ведут страну к «ползучей контрреволюции в стране». В своем выступлении Т. Живков отметил: «Действие клубов разного толка — это не что иное, как попытка формирования партий разного толка и направлений. Первомайская демонстрация, особенно в Праге, показала, что правые ревизионисты, контрреволюционные элементы начали явно брать верх, а противодействия им со стороны ЦК КПЧ, и прежде всего его руководства, нет». На совещании отмечалось, что «Программа действий»¹⁶⁶, утвержденная апрельским Пленумом ЦК КПЧ, поощряет активную деятельность правых сил в партии. Сами здоровые силы партии «Программу действий» оценивают как «небольшой ноль».

Из «Программы действий» вытекало равноправие всех без разбора идеологий, полная легализация буржуазной идеологии. Эту «Программу» не только не надо было поддерживать, а против нее надо было решительно вести борьбу. Странно, что на первых порах наши идеологи, и в первом порядке из них — Суслов, Пономарев, а под их влиянием и Л. Брежнев, не разобравшись с истинным содержанием «Программы», чуть ли не приняли ее за начавшуюся политическую стабилизацию в Чехословакии. Политическое поведение А. Дубчека открыло путь, нездоровым демагогическим силам в партии».

Обсуждение событий в Чехословакии носило острый характер, но все баталии оказались бесплодными: слова расходились с делами и действиями. Возник вопрос и о проверке крепости Варшавского Договора. Чтобы его проверить на практике, предполагалось проведение маневров советских войск на территории Чехословакии и Закарпатской области Украины.

19—20 мая. Тщательно ознакомился с информационным материалом, поступившим из разных источников по Чехии и Словакии к предстоящей встрече с А. Костелянским и В. Биляком.

21 мая. Позвонил мне Ю. Ильницкий, секретарь Закарпатского обкома КПУ, и сообщил, что моя встреча с В. Биляком и А. Костелянским может состояться 24—25 мая. Они просят разместить их на ночлег 23 мая на нашей территории, и очень скрытно, незаметно — опасались того, что на них будет гонение за контакты с нами. Уточнили все организационные вопросы встречи и «скрытного» размещения Биляка и Костелянского. Определились, что разместим их на ночлег и там же проведем первую встречу и переговоры (на даче в горах — это недалеко от Ужгорода). Переговорил с министром МВД республики И. Головченко и с председателем КГБ Украины В. Никитченко об обстановке по их ведомствам в республике. По их докладам, все спокойно, эксцессов и политических выпадов нет.

В этот же день был телефонный разговор с Л. Брежневым, обсуждали все тонкости вопроса моей предстоящей встречи и переговоров с А. Костелянским и В. Биляком, о состоянии дел в КПЧ и стране в целом, о политической обстановке. Нежелательные явления начинают проявляться и у нас — появились памфлеты на наше руководство страны. Брежнев просил меня после встречи с чехословацкими товарищами ему все подробно доложить.

Вечером **22 мая** поездом выехал в Ужгород на встречу и митинг, посвященные передаче эстафеты дружбы на границе с Чехословакией. Митинг и встреча состоялись 23 мая. На трибуне руководители Украины и Словакии, перед трибуной пионеры Советского Союза и ЧССР салютуют событиям. На площади собралось много народа: украинцы, русские, чехи, словаки, венгры и другие национальности. Люди все держат себя как единая семья. Многие знают друг друга десятки лет. Исполнены гимны СССР и ЧССР, выступления, приветствия руководителей Украины и Словакии.

Хотя внешне, казалось, проходило все хорошо, но на трибуне все же чувствовалась какая-то натаянность, даже холодность. А вот среди молодежи, взрослого населения разных националь-

ностей царило полное взаимопонимание — просто братское отношение. Люди расположились на большой поляне, разожгли костры, готовят еду, пьют «пивечко», поют песни, пляшут. Трудовому народу ни к чему эта «высокая политика». Они далеки от какой бы то ни было вражды между собой. Они жили и хотят жить в согласии и дружбе. Все, что затевается в Чехословакии, — это дело политических экстремистов, мелких политиканов, рвущихся к власти во вред трудовому народу.

Во второй половине дня эта теплая встреча народа на границе была несколько омрачена холодной дождливой погодой. И все же от этой народной встречи как-то было тепло на душе.

В Ужгороде дважды встречался и имел длительные беседы с В. Биляком и А. Костелянским. Первая встреча состоялась за городом, в Карпатах, в домике, где мы в беседе провели почти всю ночь. Вторая — в Ужгороде, в помещении Закарпатского обкома партии. Старался обе беседы как можно точнее запомнить, кроме этого, записал техникой, ведь надо будет писать в ЦК КПСС подробную и точную информацию, ибо эта информация для нас имеет большое значение — это первоисточник, объективный, правдивый. Надо учесть еще важное обстоятельство, что я очень мало говорил, только слушал и уточнял некоторые вопросы.

Вот тезисное изложение беседы.

Биляк и Костелянский подробно информировали меня об обстановке в партии и стране перед майским Пленумом ЦК КПЧ. О сложностях борьбы с правыми. А. Дубчек растерялся, и он не способен (да, очевидно, и нет особого желания это делать) разоблачить роль правых элементов в стране и правых сил в партии. Единства действий в Президиуме ЦК КПЧ нет. Мы, словаки, в борьбе за марксистско-ленинскую линию в партии будем бороться до конца, не отступим ни на шаг. Очевидно, нам, словакам, вместе с вами снова освобождать чехов». Продолжая свою речь, В. Биляк сказал: «Для охлаждения горячих голов надо срочно проводить маневры ваших войск на территории Чехословакии. При появлении русского солдата все эти политические крысы попрячутся в своих щелях. Появление одного вашего И. Якубовского (командующий войсками Варшавского Договора) многим охладит головы. В борьбе против правых элементов смелее станет себя вести народ, в том числе и коммунисты.

Среди партийного актива и работников госбезопасности много случаев самоубийств под воздействием угроз со стороны правых. Со стороны правых элементов идут открытые угрозы: «Скоро придет время, когда будем вешать всех коммунистов вниз головой, за ноги». Явочным порядком экстремистские

элементы требуют и добиваются отставки коммунистов — руководителей обкомов, горкомов, стоящих на ленинских позициях, и часто добиваются этого. Происходят убийства секретарей партийных организаций предприятий, колхозов, такие явления есть даже в Словакии. В сельскохозяйственные кооперативы проникают бывшие кулаки, угрожают руководителям хозяйств, секретарям партийных организаций, требуют возврата им земли и имущества. На железнодорожных узлах организуется саботаж, чтобы затруднить передвижение советских войск, идущих на маневры согласно планам Варшавского Договора, отключают водокolonки для заправки водой паровозов, выводят из строя стрелочные переводы.

Мы все боимся предстоящего Пленума ЦК КПЧ, у нас нет полной уверенности в нашей победе из-за разобщенности в составе Президиума, у нас нет и организационных планов наших действий. А. Дубчек не способен что-либо сделать, хотя бы для «стабилизации» нашего горького состояния. Если через месяц мы не овладеем положением, то погибнет Дубчек и мы вместе с ним. Я разговариваю много с А. Дубчком, говорю ему: «Саша (а сам плачу), вернись ты в Братиславу, не за то ты взялся, Саша». Если бы сегодня Словакия отошла от линии ЦК КПЧ, то это бы привело к развалу Чехословацкой республики. Мы будем делать все, чтобы сохранить Чехословакию как социалистическую страну. В Словакии пошли угрозы в адрес коммунистов-активистов. Если что случится чрезвычайное, то мы просим вас в Ужгороде приютить наших жен и детей. В Словакии приказы министра МВД не выполняются, так как нам известно, что он входит в другой «центр», возглавляемый Кригелем и Шпачеком.

Потерять Чехословакию — это равнозначно потере завоеваний в Великой Отечественной войне. Такого допустить нельзя, на карте Европы Чехословакия занимает очень важное место, черные силы просто хотят шантажировать весь социалистический лагерь. Вы наши друзья и этого не допустите, мы готовы открыто пойти против ползучей контрреволюции, вплоть до вооруженного столкновения, и мы уверены, что вы в наш трудный час нам можете. Может быть, при такой ситуации этот «апостол» А. Дубчек протрезвел бы и начал бы действовать решительно».

Бияк снова возвратился к характеристике А. Дубчека, он сказал: «Дубчек сейчас самый популярный человек в стране, правые элементы его почитают как свое «знамя», тонко и хитро используют его в своих подлых целях. Самого Дубчека я считаю честным, но очень честолюбивым, он явно не политик такого масштаба. Он уверовал, его убедили, ему внушили, что Чехословакия может показать пример нового развития социалистиче-

ского общества, новой, социалистической демократии, что Чехословакия станет «пупом мира», но я опасуюсь, что этот пупок может развязаться и вызвать сильную боллезнь живота».

Я задал В. Биляку наводящий вопрос: «На кого вы можете равняться в своей борьбе против правых сил? Кто и где ваши здоровые силы?» Биляк дал характеристики на некоторых руководителях КПЧ и правительства.

О. Кольдер. Биляк о нем сказал, что это честный, хороший, преданный коммунист, сам рабочий, но мало тактичный в обращении с товарищами, за последнее время злоупотребляет спиртными напитками. На сто процентов доверяет А. Дубчеку, доверяет и Дубчек ему. Против Кольдера, правда, резко настроены, видят в нем опасного человека, и при первой же сложной обстановке они постараются убрать его с политической арены руками самого Дубчека.

Ж. Лопарт. Человек честный, по специальности инженер, разбирается в технике и экономике, несколько напуган событиями, происходящими в стране и партии, недостаточно решителен в своих действиях. На него можно положиться при должных обстоятельствах, хотя в своих позициях бывает шаток. Он собирается выступить на Пленуме ЦК и раскрыть ошибку Дубчека, но Саща (Дубчек) ему не рекомендует этого делать. Лопарт находится в растерянности, замкнулся. Неоднократно советовался со мной. Я его всячески поддерживаю.

И. Яшик. Это принципиальный коммунист, твердо стоит на ленинских позициях, считает, что без Советского Союза не может быть социалистической Чехословакии. Против него тоже правые ведут ожесточенную атаку, пытаются, где только возможно и невозможно, находить, создавать повод для его компрометации.

Ч. Цисарж. Много лет знает Москву, неоднократно бывал в Советском Союзе, внешне хорошо относился к вам. Но сейчас он повернулся к вам на 180 градусов, у него появилось даже какое-то презрительное отношение к русским. Что случилось, я сам не пойму, очевидно, под влиянием правых переродился. Цисарж имеет в Чехословакии и в самой Чехии большое влияние, способен пойти ради достижения своей цели на любую политическую аферу.

Ж. Индра. Самый честный и правдивый из всех секретарей ЦК КПЧ. Ему 46 лет, инженер-железнодорожник, имеет практический руководящий опыт работы на производстве. Неплохо разбирается в экономике. Культурный, вдумчивый, характер принципиальный, но, к сожалению, у него недостаточна школа политического руководства. Дубчек мог бы на него опереться в своей работе, но он его как-то игнорирует, видя в нем своего соперника.

В. Биляк. О нем скажу от себя лично. Я и раньше его знал. Накоротке встречались с ним, много от закарпатских товарищей слышал о нем. Это хороший, крепкий коммунист, сам украинец, уроженец нашего Закарпатья, его мать, сестры, братья живут в горном селении Закарпатской области. Биляк их часто навещает. Он имеет хорошие деловые контакты с партийными и советскими работниками Закарпатской области, в особенности с первым секретарем обкома Ю. Ильницьким. Они даже дружили семьями. В. Биляк политически грамотный, культурный, начитанный человек, хорошо знает историю края, а особенно период австро-венгерского владычества. У меня осталось впечатление о Биляке как о принципиальном человеке, стоящем на правильных позициях, хитроватом дальновидном политике. Вот, казалось мне тогда, на кого мы должны были делать ставку при стабилизации положения в Чехословакии. Но у нас были «политики-интернационалисты», которые прежде всего смотрели, кто он по национальности. Украинец? Нет, для Чехословакии не подходит. Политическая тупость, и мы на этом много теряем.

Дальше В. Биляк рассказал некоторые тонкости деятельности А. Дубчека: «По его, Дубчека, предложению в угоду правым силам отдел в ЦК КПЧ по вопросам безопасности и обороны был ликвидирован, в результате чего ЦК, по существу, был лишен инструмента — органа по руководству деятельностью административных органов, армии и госбезопасности». Дал подробную характеристику деятельности правооппортунистическому центру в КПЧ — назвал следующие фамилии: И. Смирковский, О. Шик, Ф. Кригель, Ч. Цисарж, В. Славик, В. Прхлик, М. Вацулик, Б. Шимен. Силы этого центра определяют тактику и стратегию антипартийной борьбы внутри КПЧ. Это, по существу, другой ЦК КПЧ. В районах и областях хорошо продуманы и организованы группы и ячейки для борьбы с коммунистами, стоящими на правильных позициях.

Мы с Биляком условились поддерживать связь. Он просил, чтобы была оказана надлежащая помощь здоровым силам в партии и государстве. Я заверил В. Биляка, что все вопросы доверительного порядка мной будут доложены лично Л. Брежневу. Политическая и экономическая обстановка в партии и стране мной будет доложена в официальной информации в Политбюро ЦК КПСС. Договорились с Биляком, что после майского Пленума ЦК КПЧ встретимся обязательно. Он об этом через соответствующие каналы даст мне знать.

Вот так и получилось, что первая встреча с В. Биляком состоялась до майского Пленума, может быть, это и к лучшему.

Просматривал обильную почту, изучал материалы по пред-

стоящей встрече с Секретариатом писателей и ведущими писателями Украины.

На теплоходе по Днепру отправились в хозяйство «Тетерев» человек 35—40 писателей во главе с Секретариатом Союза писателей Украины на прогулку и деловую неофициальную встречу. Были откровенные, но вместе с этим и острые вопросы, беседа проходила во взаимном понимании всех непростых вопросов. Надо и в дальнейшем больше иметь с ними контактов, помогать им разбираться в сложных вопросах внешней и внутренней политики, социальных, национальных, духовных вопросах, безусловно, разумнее тактично направлять их творческую деятельность.

Много возникло вопросов по событиям в Чехословакии — эта тема их очень занимала и тревожила. Считаю, что встречи в такой обстановке и рождают взаимное доверие, и вызывают на откровенные разговоры. В Москве в отделе культуры и Секретариате ЦК КПСС поначалу к проведению этой встречи отнеслись хорошо. На встрече были Д. Овчаренко, секретарь ЦК КПУ, ведающий идеологией, и мой помощник по идеологическим вопросам Г. Кучер.

Несколько скептически к этой встрече отнеслись В. Щербицкий и А. Ватченко. Я почти уверен, что эти два «деятели» попробуют при удобном случае этот шаг против меня преподнести как «заигрывание» с интеллигенцией. А спрашивается, с кем «заигрывание»? Среди них много коммунистов, просто добropорядочных людей, а область их работы довольно сложная, они постоянно нуждаются в поддержке, внимании, направлении и, конечно же, не в сухой, казенной, тем более неквалифицированной критике их деятельности. Впоследствии так и получилось. Был сделан донос, клевета, измышление на мои действия при встрече с писателями, и я получил из центра солидное внушение — с этим я не согласился, но «рубец» остался. Разумное дело было воспринято неправильно.

Июнь. Накануне был во Львове, встречался в обкоме с партийно-хозяйственным активом области и города. Был проведен анализ работы промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта. Начальник железной дороги А. Богданович докладывал о работе железной дороги, особенно выделил вопрос о мерах, связанных с перевозкой войск на территорию Чехословакии для проведения маневров. Имеется много затруднений в связи с нехваткой подвижного состава. Чехословацкие железнодорожники настроены недоброжелательно к проводимым маневрам, в ряде случаев проявляется организованный

саботаж, закрывают на замки водопроводные колонки, чем лишают возможности заправить водой паровозы. Машинисты отказываются вести паровозы и тепловозы по своей территории с нашей военной техникой и солдатами. Мы стараемся ставить своих машинистов, но их не пропускают пограничники на свою территорию. Чувствуется, что с нашей стороны не была проведена надлежащая подготовительная работа, не были глубоко продуманы все вопросы, а главное — явное нежелание чехословацкого руководства проводить такие маневры. В связи с этим могут быть еще большие осложнения.

Заодно поехал в Закарпатскую область, в район Мукачева, где был на танковых учениях крупного воинского подразделения на самой границе с Чехословакией. Настроение у солдат, офицеров, высшего командного состава хорошее, у гражданского населения обеих сопредельных сторон — несколько настроенное.

Чем только не приходится заниматься Первому секретарю ЦК КПУ! Вот и сейчас приехал из Краснодарского края С. Майстренко с просьбой от крайкома партии и крайисполкома — просят отпустить им племенного молодняка красностепной породы крупного рогатого скота. На юге Украины эта порода скота зарекомендовала себя очень хорошо как молочная, с высокой жирностью молока, неприхотливая в содержании. Правда, кое-кто к этой породе скота относится скептически, но это происходит по незнанию всех качеств этой породы.

С А. Майстренко поговорили о делах его совхоза. Сразу видно, хороший хозяин, ведет рентабельно очень крупное хозяйство: достаточно сказать, одной пахотной земли совхоз имеет 15 тысяч гектаров.

Дал указание заместителю министра сельского хозяйства отпустить 350 голов племенного молодняка. Этим самым удовлетворили просьбу краснодарцев.

Позвонил мне первый секретарь Луганского обкома КПУ В. Шевченко, он сообщил, что положение в сельском хозяйстве области тяжелое. Много озимой пшеницы пересеяно кукурузой. Она составляет 370 тысяч гектаров — это почти 50% всех посевных площадей зерновых. Не хватает технических средств по уходу и обработке такого количества кукурузы. Озимые, которые остались, находятся в угнетенном состоянии.

Сообщили печальную весть: начальник шахты — горный инженер, член КПСС, 1931 года рождения, лежал в больнице 20 дней и там покончил жизнь самоубийством — повесился, причи-

ны самоубийства выясняются. Очень хороший был человек, как работник и специалист отличный, шахта находилась на передовых позициях по всем показателям. Очень жалко молодую жизнь.

Некоторая часть молодежи, и прежде всего студенты, журналисты слабо разбираются в сложной обстановке в Чехословакии, вследствие чего возникают вопросы нездорового толкования, вроде того, что обществу нужна «безбрежная демократия». А что это такое «безбрежная демократия» — мало кто разбирается, а это ведь приведет к полной анархии.

Член КПСС художник А. Черников написал письмо в ЦК КПСС, в котором призывает не вмешиваться в дела Чехословакии.

Принял и был обстоятельный разговор с художественным руководителем украинского ансамбля Г. Вирским, только что возвратившимся из гастролей со своим коллективом из Чехословакии. Он говорил: «Как искусство принимали наш ансамбль хорошо. В то же время не обошлось без политических провокаций. Была какая-то настороженность, даже отчужденность».

Послал информацию в ЦК КПСС о моей встрече с руководством Союза писателей Украины, обсуждении вопросов развития украинской культуры, литературы, искусства, языка, дальнейшего развития и поддержке инициативы творческой интеллигенции. Все это вместе взятое будет укреплять, возрождать духовную культуру народа.

На этой встрече с руководством Союза писателей и ведущими писателями Украины было поставлено много вопросов, которые в кабинетных условиях выяснить невозможно, тем более иметь откровенный разговор и открытое суждение по наболевшим вопросам.

Продумывал вопросы предстоящей встречи с журналистами Украины. А с ними есть о чем поговорить и их послушать. Если правильно повести диалог, то они могут многое сделать в области пропаганды и проведения в жизнь политики нашего государства, контролировать выполнение решений партии и правительства, стоять на защите правовых норм нашего государства.

Поручил секретарю ЦК Овчаренко, ведающему идеологическими вопросами, подготовить все связанное с проведением совещания журналистов и доложить мне.

Мне из Москвы позвонил главный редактор газеты «Изве-

сти» — Лев Иванович Толкунов. Посоветовались об организации статьи в «Известиях» ученого специалиста по книге О. Гончара «Собор». Пришли к заключению, что если выступит центральная газета с объективной, квалифицированной рецензией, то будут сняты многие кривотолки и необъективность в оценке «Собора». О. Гончар находится в угнетенном состоянии. Я его всячески поддерживаю. Как-то у меня зашел разговор с Н. Подгорным о Гончаре. Он мне тогда сказал: «О. Гончар хороший писатель, но как всякий творческий работник имеет свои взгляды, которые не всегда могут совпадать с официальной позицией. О. Гончар надо продолжать всячески поддерживать. Если его без оснований подвергать критике, тем более притеснять, необъективно к нему относиться, то все это буржуазная пресса и использует против нас же».

Командующий Киевским военным округом докладывал о предстоящем большом, ответственном боевом учении в районе Чернигова на реке Десне. В учении участвуют моторизованная пехота, танковые, ракетные части, воздушный десант, дотонные подразделения. Просил найти возможность мне присутствовать на заключительном этапе учений. Пообещал и был. Это было грандиозное, захватывающее зрелище, встречался с воинами, участвовавшими в этих боевых учениях.

7—14 июня. Позвонил мне заведующий общим Отделом ЦК КПСС К. У. Черненко¹⁰⁹ и сообщил, что он мне специальным нарочным высылает мемуары Н. С. Хрущева на 450 машинописных страницах. Срок ознакомления два дня. Нас, членов Политбюро, только сейчас знакомят с этими мемуарами, а их уже давно напечатали за границей. И как этот материал туда мог попасть, мы, члены Политбюро, не знаем. На первых порах мы опровергали, что-де нет никаких мемуаров, что это, мол, провокация, но оказалось, что они есть. В мемуарах написано много о И. В. Сталине и о других политических деятелях того времени. По стилю и изложенным фактам чувствуется, что это писал Хрущев: его формулировки, факты, которые он неоднократно приводил в разговорах. Я подобно, добросовестно прочел, даже изучил записки Хрущева и ничего предосудительного не нашел. Материал через двое суток отправил в Москву.

По поводу этих записок Никиту Сергеевича Хрущева вызывали в ЦК КПСС. Говорят, что там был очень «крутой» разговор. На него это сильно повлияло, он сильно переживал, заболел, после этого так и не поправился. Н. С. Хрущев был честный, прямой, очень порядочный человек, безусловно, преданный своему народу. Теперешним многим руководителям

надо бы многому учиться, дорасти до его понимания всех государственных дел и реальности как во внешней, так и во внутренней политике.

В США — произведено покушение на сенатора Р. Кеннеди, кандидата в президенты Америки. Р. Кеннеди умер. Таким образом, на политической арене уже погибло два брата Кеннеди. Вот вам и хваленая демократия США. Вот она, политическая борьба за власть. Да что говорить, давно известно, что борьба за власть всегда сопровождалась казнями, убийствами, заключениями в тюрьмы, интригами и предательством. Века об этом говорят, пишут, меняются только формы и методы, а суть, содержание борьбы остаются такими же, как тысячи лет тому назад.

Из поступающих материалов, информации, почты, зарубежных сообщений, личного анализа прихожу к выводу, что в Чехословакии назревает неотвратимая политическая катастрофа. Крайне непонятно, почему некоторые товарищи из руководства, и в первую очередь Л. Брежнев, так легко к этому относятся, непростительно медлят с решительными организационно-политическими мерами. У Л. Брежнева о А. Дубчеке совершенно превратное создало мнение и представление, он с ним «сюсюкает», переходит на панибратство: «Саша, Саша» — а Саша даже его не выслушивает, не то что прислушивается к нему. Уже совершенно стало ясным, что Дубчек не в состоянии, не может быть точкой опоры для КПЧ. Очевидно, по природе, по призванию А. Дубчек «реформист», думает честно, но своими поступками, действиями выражает настроение буржуазно-либеральной интеллигенции. Это поведение классического либерала: он во всем и на все стороны раскланивается, стремится всем угодить, со всеми быть добрым. Так ведь, по преданию, Иисуса Христа тоже распяли за доброту. А. Дубчек воплощает характерные черты: изобилие пышных, цветастых фраз по скудности и нищете их содержания.

Дубчек и Черник занимают центристскую позицию, а по существу, стали в ряды правооппортунистических элементов анархо-синдикалистами. Но, к сожалению, всего этого еще мало для Л. Брежнева, чтобы наконец отказаться от беспринципности и политического сюсюканья, а пойти на более радикальные меры, опираясь на здоровые силы КПЧ и страны, решить вопросы политическим способом.

Из отделов ЦК КПЧ и Совмина запросил данные о положении дел в высших учебных заведениях республики со студенче-

скими общежитиями. Оказалось, картина удручающая: по 2,5—3 метра квадратных приходится на человека, и это при скудной норме 6 кв. метров. Общежитий вообще не хватает. Свыше 85 тысяч студентов размещаются на частных квартирах. Далеко не везде при вузах имеются столовые, буфеты, нет точек бытового обслуживания. Плохо поставлено медицинское и культурное обслуживание, не решены вопросы семейного быта студентов. Неплохо было бы иметь единый студенческий устав и клятву — все это было бы организующей, дисциплинирующей и воспитательной стороной для будущих молодых специалистов разных отраслей хозяйства. По всем этим вопросам дал поручение отделам ЦК КПЧ, ЦК комсомола республики, отделу Совмина подготовить конкретные предложения по устранению существующих недостатков и созданию нормальных условий для жилья и быта студентов. Возглавить всю группу по подготовке материала поручил Л. Цветкову, заведующему отделом ЦК КПУ по науке, высшим учебным заведениям.

Позвонил мне Л. Брежнев и рассказал о его встрече в Москве с Й. Смирковским, который приезжал в Москву во главе парламентской делегации Чехословакии. По разговору чувствовалось, что Смирковский произвел на Л. Брежнева весьма «положительное» впечатление, потому что он восторгался его умом, эрудицией, его прямотой в разговоре, а выводы-то были спешными и опрометчивыми. У Л. Брежнева была особая слабость в оценке людей. Он мог с первой встречи и неглубокого разговора сделать о человеке весьма положительные выводы и заключения, так оказалось и со Смирковским.

Я проинформировал Брежнева о своем впечатлении, о настроении людей в западных областях, в которых я побывал накануне. Здесь как-то острее народ ощущает тревожные события в Чехословакии, они больше получают информации через непосредственное общение с жителями пограничных районов. Поэтому они дают более реальную объективную оценку всем событиям, происходящим в Чехословакии.

15—23 июня. Проводим организационную подготовку к съезду учителей республики, надо этому событию придать особое значение, поприсутствовать на съезде всему составу Политбюро ЦК КПУ.

Встретился с творческим коллективом киностудии имени Довженко, поговорил с коллективом по оживлению работы студии. Неважно там идут дела. Очень большое увлечение мистикой, архаическими сюжетами, мало хороших картин на современную тематику.

Звонили мне первые секретари обкомов. Кобыльчак (Кировоградская область) сообщил, что урожай зерновых в целом по области будет 17—18 центнеров с гектара, это составит валовый сбор зерна около 900 тысяч тонн против плана 1400 тысяч тонн. Эту катастрофу сделала жара. Приходится перебрасывать из области в область грубые корма, сено, даже солому.

Н. Кириченко сообщил, что ему звонил Л. Брежнев, интересовался состоянием дел в сельском хозяйстве. По области урожай зерновых низкий, всего 17 центнеров, следовательно, валовый сбор составит всего около 950 тысяч тонн. На поливных землях урожай лучше, план заготовки по рису будет выполнен. Виноградники и сады находятся в неплохом состоянии. Кириченко жаловался на нехватку полиэтиленовой пленки для парников по выращиванию ранней рассады овощных культур.

В Чехословакии прошли дни украинской культуры. Из Чехословакии возвратились П. Тронько, В. Смоколенко. Докладывали довольно сложную обстановку в Чехословакии, и она все время обостряется. Наши товарищи рассказывают, что в ЧССР для политического тумана пускают и такую версию, что А. Новотный не был настоящим другом Союза. Это настоящая клевета. Можно допустить, что А. Новотный высказывал свое недовольство по некоторым принципиальным вопросам о неразумных действиях нашего руководства, и правда то, что Новотным «пожертвовали» неизвестно ради чего, но об этом история еще скажет свое слово.

В составе украинской делегации на днях культуры в Чехословакии был А. Клоков, герой Советского Союза, почетный гражданин Праги, хороший боевой побратим Л. Свободы, Президента Чехословакии. Клоков мне рассказал, что он встречался со Свободой, тот отозвался далеко не лестно о действиях А. Дубчека. Встречался и имел длительные беседы с А. Дубчеком и Клоков. У него осталось удручающее впечатление о Дубчеке — ничего толкового, вразумительного, что происходит в партии и стране, Дубчек не мог сказать Клокову.

Дни чехословацкой культуры на Украине назначены на 25 сентября. Трудно сказать, состоится ли это культурное и нужное мероприятие при нынешней ситуации в Чехословакии.

Позвонил мне Л. Брежнев, поговорили о текущих делах в стране, республике, о международных делах и событиях в Чехословакии. В разговоре со мной Брежнев довольно нелестно отозвался о некоторых членах Политбюро, об их позиции по

отношению к событиям в Чехословакии (в частности, упомянул Сулова и Косыгина), не раскрывая суть вопроса. В общем, в составе Политбюро не было твердого единства в подходах к решению вопроса по Чехословакии. Брежнев сам бросался из одной крайности в другую под воздействием глав государств Варшавского Договора, и в первую очередь на него сильное влияние было со стороны В. Ульбрихта и В. Гомулки. Оба они были гораздо подготовленнее, чем Л. Брежнев, в организационном и политическом отношении.

Брежнев настаивал на скорейшей моей встрече с В. Биляком. Это было очень важно — получить новую объективную информацию о состоянии дел в КПЧ и стране, что поможет нам правильно подойти к стабилизации состояния в Чехословакии, опираясь на здоровые силы в Чехословакии.

Но намеченная встреча с Биляком откладывалась; он снова улетел в Прагу. Есть определенные основания считать, что Биляк не может встретиться со мной из-за того, что этому всячески препятствует А. Дубчек.

23—30 июня. Был в Москве на сессии Верховного Совета СССР. Во время прохождения сессии два-три раза собиралось Политбюро для обсуждения сложившейся политической ситуации в Чехословакии. Впечатление остается удручающим, обстановка очень сложная, здесь мы теряем позицию за позицией, упущен момент после дрезденского совещания укрепить свое влияние и позиции в Европе.

В Чехословакии кадры, стоящие на правильных позициях, шельмуются, избиваются. А. Дубчек к этим действиям правых относится примирительно, с ссылкой на развитие «демократических» начал. В. Биляк, очевидно, в ближайшее время будет отстранен от руководства партией в Словакии.

Готовится письмо ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ. В нем излагается наша позиция, что чехословацкое руководство, подписавшее совместно с руководством Советского Союза, Болгарией, ГДР, Польшей, Венгрией Дрезденскую декларацию, ее не выполняет, больше того, политическая ситуация за прошедшее время в Чехословакии значительно обострилась. Страны, входящие в Варшавский Договор (за исключением Румынии), настоятельно предлагают принять более решительные меры. Л. Брежнев сам своего твердого мнения не имеет, растерялся. В то же время не прислушивается к советам.

Обсуждался вопрос о взаимной, а вернее говоря, о безвозмездной помощи многим странам. Растраниживание денег

и материальных ресурсов, народного добра на весь мир. Эта безрассудная «помощь» нам ничего не дает, только все от нас требуют в качестве «интернационального долга». Ленин не так понимал и говорил об «интернациональном долге». Недопустимо, даже преступно, чтобы за счет своего народа, в ущерб своей стране раздавать народное добро. Надолго ли хватит? Все это очень дорого обходится, и если бы обо всем этом знал народ и ему дали бы сказать слово, то кое-кому из руководства наверняка не поздоровилось бы. Но откуда ему все это знать? Ведь все делается под прикрытием политического камуфляжа, да так «хитроумно», что даже мы, члены Политбюро, узнаем только из присланных документов «для ознакомления».

5 июля. Нахожусь в Москве, пригласили на Политбюро ЦК КПСС. Рассматривается вопрос о чрезвычайно сложной политической обстановке в КПЧ и самой Чехословакии. Информации С. Червоненко и В. Зимянина, главного редактора газеты «Правда», только что возвратившегося из Чехословакии.

Всю информацию, ход обсуждения ситуации в Чехословакии излагаю по моим дневниковым записям.

С. Червоненко: «Обстановка в Чехословакии довольно сложная, неустойчивая и опасная и для КПЧ, и социалистического направления развития. Майский Пленум ЦК КПЧ мог бы послужить опорой для стабилизации положения в партии и стране, но нет организованности, смелости, умения, да, пожалуй, и желания у руководства партии и правительства. Это в первую очередь относится к А. Дубчеку и Председателю Совета Министров Чернику. Опубликование «2000 слов»¹¹⁰ — это удар по КПЧ, социалистическому строю в стране, деморализация партийных, государственных, хозяйственных кадров. Правые имеют четкую организационную структуру, отработанную тактику. Всем этим руководит «второй центр», в который входят, руководят и направляют всю работу: Кригель, Шик, Славик, Цисарж, Павелка и другие. Этот центр имеет разветвленную сеть на периферии. Правые выступают с антисоветских позиций. Центристская примиренческая позиция А. Дубчека и Черника своими действиями помогает ползучей контрреволюции. Руководство ЦК КПЧ и правительство проявляют непоследовательность, «балансируют». Нет четкой программы действий, направленной на стабилизацию положения в партии и стране, на борьбу против правых экстремистов.

Некоторые члены Президиума ЦК КПЧ настаивают на решительных мерах по наведению порядка и дисциплины в партии и государстве, но руководство к этим требованиям

не прислушивается, на меры стабилизации не идет. Для должного наведения порядка, укрепления дисциплины в партии и государстве время еще не упущено, но оно работает против нас.

Часть здоровых сил: Кольдер, Индра, Швестска, Биляк и другие — если и будут на предстоящем съезде избраны в состав ЦК, что вызывает большое сомнение, то, безусловно, членами Президиума ЦК КПЧ они избраны не будут. По всей вероятности, на съезде победят правые. Партия начнет «размываться», сползает вправо, будут потеряны социалистические завоевания в стране. Словакия может выйти из состава Чехословакии, и это будет не сепаратизм, а спасение своего народа от разгрома, сохранение социалистического развития страны.

Все средства массовой информации находятся в руках правых элементов. Уже полгода идет разговор, что надо средства массовой информации взять под какой-то контроль, дальше разговоров дело не идет. При желании это можно осуществить за неделю.

Положение нашего посольства находится в довольно сложном и деликатном положении. К нам в посольство приходят здоровые силы партии, правительства, рабочие, крестьяне, некоторые слои интеллигенции и спрашивают, что же будет дальше с их страной».

В заключение своей информации С. Червоненко высказал свои конкретные предложения, что делать и как вести себя дальше по его разумению:

1. От ЦК КПСС написать письмо руководству КПЧ, в котором изложить свое понимание происходящих событий в их стране, указав на неискреннее поведение руководства по выполнению взятых обязательств перед странами Варшавского Договора по стабилизации положения в стране. Письмо должно быть аргументированное, требовательное, ультимативное.

2. Провести организационные меры, чтобы Кригель был избран из второго центра КПЧ.

3. Провести более смелые и решительные поиски здоровых сил внутри страны, чтобы на них можно было опереться в решительной борьбе против правых и ползучей контрреволюции. Наша нерешительность в течение двух месяцев ни к чему определенному не привела, хоть мы и работаем со Сморковским.

4. Упущен момент после Дрезденского совещания. Еще тогда было ясно, что правые берут верх, сильно активизируются. Еще на том этапе нам надо было опираться на Ленарта, Новотного, Ломского, Давида. Дубчека надо было политически изолировать и не принимать в расчет, ибо по натуре своей он демагог.

5. Хотя этот вопрос сейчас и очень сложный, но для спасения Чехословакии возможно продумать вопрос о вводе наших войск в Чехословакию.

После выступления С. Червоненко обсуждали проект письма

ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ. Обсуждали активно. Мною было внесено предложение, что письмо надо доработать: в нем надо отразить не только отношения по партийной линии, но и вопросы экономических связей и работы СЭВ. Собрать совещание братских партий, строго напомнить чехословацким руководителям об их ответственности за обязательства по Варшавскому Договору. Оставлять войска в Чехословакии после маневров нет смысла, тем более учитывая их незначительную численность. Да и правые элементы могут использовать против нас пребывание войск после маневров.

Следующим информацию делал главный редактор газеты «Правда» В. Зимянин. «У меня был длительный и обстоятельный разговор с А. Дубчеком. Положение в КПЧ, стране очень острое и сложное, партия, по существу, расколота, гонение на активных, стоящих на правильных позициях партийных работников проводится с беспощадной силой. 200 человек бывших ответственных партийных работников выброшены на улицу без какого-либо материального обеспечения.

А. Дубчек очень агрессивно отвечал на все мои вопросы, касающиеся разработанных мер по стабилизации обстановки в партии и стране. Правые силы, контрреволюционные элементы, социал-демократы — все сомкнулись в один «блок» и ведут бешеную атаку против КПЧ и социалистической Чехословакии. Дубчек отрицает, что в Чехословакии существует антисоветизм. Он, по существу, давал яростный бой каждому нашему вопросу. Я приглашал Дубчека приехать в Москву — поговорить, посоветоваться, но он молча ушел от этого вопроса и ничего из моего приглашения не получилось». В это время последовала реплика от Л. Брежнева: «Вы нарисовали довольно мрачную картину, а что делать, по вашему мнению?» Раздались голоса: «Да, да вы там были, знакомились с обстановкой на месте. Скажите, что же нужно делать?» Надо отдать должное В. Зимянину, он сделал паузу и продолжил информацию: «Нельзя медлить и проявлять нерешительность. Твердая наша позиция может побудить к активизации здоровые силы в КПЧ и стране и вынудить Дубчека отказаться от своего поста. Это создаст реальную возможность образовать в Чехословакии временное революционное правительство, которое сможет принять решение о выдворении из страны всех иностранных представителей массовой информации и взять под свой контроль средства массовой информации страны. Опубликовать в нашей центральной печати статью: «К положению в Чехословакии». Организовать заявление министра обороны и министра иностранных дел Чехословакии о «2000 слов», использовать это заявление для определенного давления на правые элементы. Поднять роль

чехословацкого Общества ветеранов войны и организовать для них выпуск многотиражной газеты, чтобы они в ней имели возможность излагать свои позиции на происходящие события в партии и стране и вести открытую борьбу с правооппортунистическими элементами.

Военные учения наших войск на территории Чехословакии были нужными и полезными. Выяснилось, что чехословацкая армия значительно потеряла свою боеспособность: 20—25% офицерского состава армии стоит на стороне «демократических реформ в армии». Нашим войскам часто чинят препятствия в проведении учений, в грубой форме предлагают освободить полигоны, возражают против наших регулировщиков при передислокации наших войск. Имеются случаи, когда нашим армейским частям отказывают в закупке продуктов питания для армии. И все же надо оставить наши войска после окончания маневров на 5—6 дней под предлогом разбора учений и проведения парада войск, а за это время что-то еще дополнительно прозондировать, выяснить обстановку».

(На нашей границе с Чехословакией сосредоточено 18 дивизий разных родов войск. Чехословацкая армия насчитывает 200 тысяч человек, и она почти вся сосредоточена на наших границах. Провели совещание в Дрездене, Москве, готовим совещание в Варшаве, а положение в Чехословакии не только не улучшается, а осложняется. В странах Варшавского Договора большая озабоченность и тревога, правые силы дезорганизуют партию, дезинформируют, будоражат народ).

Продолжая свою речь, В. Зимянин говорил: «Подготовка к XIV съезду КПЧ идет «вправо», направлена на раскол партии, выборы в государственные органы проходят без коммунистов. Нам надо действовать более решительно. Это, конечно, может вызвать большой взрыв пропаганды правых, но это поднимет и наш авторитет среди здоровых сил партии и государства, и они будут действовать более смело и решительно. Уже стало совершенно ясно, что А. Дубчек стоит ближе к правым, чем к здоровым силам в партии и государстве. Когда я спросил у Черника его мнение о «2000 слов», он мне заявил: «А у нас в Чехословакии кто что хочет, тот то и пишет». Дубчек и Черник нас успокаивают, на самом деле своим поведением, действиями способствуют развалу партии. На встречу с нами и откровенный разговор не идут, больше того, всячески уклоняются.

Мы много говорим, совещаемся, но до сих пор не помогли конкретно здоровым силам в чехословацкой партии выработать программу их борьбы против правых элементов, а ведь в Чехословакии создалась очень трудная обстановка, грозящая развалом не только партии, но и государству. Надо срочно созвать

совещание братских партий, где обсудить положение в Чехословакии, мы должны решительно защищать интересы Варшавского Договора. Негативные явления, происходящие в Чехословакии, могут распространиться на Румынию и Югославию, поэтому на совещание надо пригласить Н. Чаушеску и Б. Тито. Как сказал Петр Ефимович, наше письмо Президиуму ЦК КПЧ надо переработать. Кроме партийных отношений, в нем надо отразить: экономические, государственные отношения, обязательства по Варшавскому Договору. Оставляя против воли чехословацкого руководства наши войска после маневров нет никакого смысла».

Выступил Л. Брежнев. «Мы обсудили сложный вопрос, анализировали, нет ли ошибок в политических оценках сложившейся ситуации в КПЧ и в целом в стране? Приходим к выводу, что ошибок в нашей оценке о происходящих событиях нет. Руководители КПЧ и страны не владеют положением дел, и, как явствует, рассчитывать на стабилизацию дел в Чехословакии нам надеяться нечего. Подготовка к XIV съезду КПЧ проходит в борьбе против руководящей роли КПЧ. Оживили свою деятельность правые антисоциалистические элементы и контрреволюционные силы. Все они вместе стремятся ликвидировать социалистические завоевания чехословацкого народа. Мы должны быть готовыми дать должный ответ на возможные нападки на нас за то, что якобы мы без причин вмешиваемся в чехословацкие дела. Но наш долг помочь чехословацкому народу навести порядок в стране».

После обсуждения пришли к выводу, что возникает крайняя необходимость встречи братских партий по чехословацкому вопросу. Следует подготовить серию статей в газетах по разоблачению истинной сути «2000 слов», систематически атаковать происки правых сил. Были намечены мероприятия по реализации нашего совещания: внести поправки и изменения в письмо ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ. Ввиду того, что все заверения руководства КПЧ не соответствуют действительности, у нас имеются все основания действовать более решительно. Посылку письма было решено направить через наше посольство. Высказывалось мнение, что, кроме посылки письма, целесообразно поехать тройке — Л. Брежневу, Н. Подгорному, А. Косыгину — в Чехословакию, там провести заседание Президиума ЦК КПЧ, где чехословацкому руководству высказать все откровенно и ультимативно. (Но последняя затея поездки тройки не состоялась: их в Чехословакии никто не ждал.)

Нужно добиться очистки Президиума ЦК КПЧ от правых элементов, а средств массовой информации от демагогических,

оппортунистических, контрреволюционных элементов. Формировать здоровые силы и опираться на них в нашей работе по наведению порядка в Чехословакии. Войска после маневров не выводить, а, возможно, произвести дополнительный резерв войск.

Все эти вопросы, по существу, были подготовкой к варшавским переговорам. Письмо Президиуму ЦК КПЧ было кардинально переделано с учетом высказанных замечаний и дополнений, включены вопросы интернационализма, сплоченности стран социализма, значения учения марксизма-ленинизма для нашей идеологии, все это было изложено глубоко, убедительно.

Было решено проинформировать руководство всех социалистических стран, кроме Румынии и Югославии. И все же состояние оставалось каким-то тягостным, с неприятным осадком.

6—8 июля. В ЦК КПУ состоялось совещание первых секретарей обкомов партии и председателей облисполкомов, обсудили вопросы: о планировании и производстве товаров широкого потребления и выполнении промфинпланов по каждой области; о состоянии в сельском хозяйстве с разбором каждой области, наших мерах, чтобы не допустить сброса крупного рогатого скота в связи с большой нехваткой грубых кормов, не говоря уже о концентрированных кормах.

Рассмотрели вопросы конкретного реагирования на заявления, письма и жалобы трудящихся. Есть факты вопиющей бюрократии, граничащей с социальным преступлением, вот один из них. В Крыму, в Алуште, действует санаторий «Горное солнце» для туберкулезных больных. Санаторий рассчитан всего на 250 человек. Здесь проходят лечение ветераны труда, Великой Отечественной войны. Питание очень плохое: на день для таких больных отпускается всего 1 рубль 20 копеек! Кто установил эту сумму? Больные буквально голодают. Об этом сообщил в ЦК КПУ в своем письме персональный пенсионер Белоус И. Ф., член партии с 1918 года.

Дал задание расследовать и исправить положение дел. Виновников за преступление строго наказать.

Провел ознакомление членов ЦК КПУ и ответственных работников аппарата ЦК КПУ с письмом ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ по событиям, происходящим в этой партии в стране. Очень тревожный документ. Он был опубликован в нашей печати. Из этого письма явствует, что нам надо действовать более массивно и решительно, ибо время работает уже не на нас.

9 июля. Позвонил мне Л. Брежнев и сообщил, что решением Политбюро ЦК КПСС я включен в состав делегации на варша-

вское совещание по событиям в Чехословакии. Там появились новые документы, кроме «2000 слов» — «Письмо народной милиции советскому народу»¹¹¹, «Письмо 99 рабочих и служащих завода «Авто-Прага»¹¹². Эти письма выражали верность делу социализма и дружбы с Советским Союзом. Обстановка накалялась, были все основания допускать, что страна стоит на грани кровавой трагедии. В разговоре Брежнев настоятельно просил меня найти возможность встретиться с В. Биляком и возможно решительно действовать через Словакию на события в Чехословакии.

Само собой было понятно, что словаки этого щекотливого и опасного для них вопроса не поднимут. Но если бы мы действовали более инициативно, поисково, то наверняка нашли бы активную поддержку в вопросе локализации негативных явлений в чехословацком обществе, поддержку со стороны здоровых сил в Словакии.

10 июля. Поздно вечером мне позвонил из Ужгорода в Киев Ю. Ильницкий, первый секретарь обкома. Рассказал о своей встрече и разговорах с А. Костелянским, который его информировал об обстановке в Словакии и Чехословакии в целом.

В Словакии затеяна какая-то возня вокруг так называемой «федерализации» в партийных органах КПЧ: словаки требуют, чтобы в новый состав ЦК КПЧ было избрано по 75 чехов и словаков, а также были бы избраны представители из Моравии. Если это ультимативное требование не будет выполнено, то словацкая делегация уйдет с XIV съезда КПЧ.

В Братиславе перед съездом словацкой партии формируется новое руководство ЦК. Здесь всплыла новая кандидатура на пост Первого секретаря ЦК СКП, некий Г. Гусак, он же автор разных «комбинаций» с федерализацией. В. Биляк, по существу, устранен от подготовки съезда. Уже предreshены вопросы, кто будет избран в высшее партийное руководство на предстоящем съезде КПЧ. Твердо называют Дубчека, Смирковского, Черника. О Биляке умалчивают. Открыто говорят, что Кольдер, Индра, Барбирек, Швестка не будут избраны в состав Президиума ЦК КПЧ.

Руководство КПЧ заявляет, что «на «2000 слов» не надо обращать внимания. Сами чехословаки не будут этим «документом» пользоваться в практической работе. По результатам наших экономических, политических, социальных реформ на базе демократического социализма через 3—4 года вы сами поймете, что по-другому быть не может. А мы в Чехословакии построим такое социалистическое общество, что даже капиталисты нам будут завидовать. Вы нас ругаете, так в свое время было и с югославами, а сейчас вы с ними обнимаетесь и целуете»

тесь». Продолжая информацию, А. Костелянский говорил: «Письмо ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ вызывает возмущение у руководства КПЧ. Они же высказывают мнение о замене почти полностью нашего дипломатического корпуса в ЧССР. Нашего посла С. Червоненко чехи обвиняют в необъективной информации руководства Москвы о положении в Чехословакии, при этом заявляют: если нас придавит контрреволюция (Значит, такая опасность существует! — Авт.), то мы сами обратимся к вам за помощью как братья. А пока что мы сами будем разбираться со своими делами».

Вот такая была общая информация Ю. Ильницкого, полученная им от А. Костелянского. В. Биляк через Ю. Ильницкого получил мое приглашение отдохнуть с семьей на Черноморском побережье в Крыму или на Кавказе. Костелянский передал через Ильницкого: «Василь сам не знает, как ему поступить, он очень хотел бы отдохнуть в Союзе, но ему предложили поехать на отдых в Румынию». Ясно, что В. Биляка всячески старается А. Дубчек изолировать от контактов с нами.

11 июля. Утром позвонил я в Москву Л. Брежневу, подробно передал всю полученную информацию по Чехословакии. Кроме этого, я послал письменную информацию по этому же вопросу в ЦК КПСС. Брежнев выслушал мою информацию очень внимательно, задавал уточняющие вопросы. Чувствовалось, что он обеспокоен дальнейшими политическими и социальными осложнениями в Чехословакии. Сам впервые открыто признал, что много упущено времени для принятия организационных и решительных мер. Понял, что Биляка, как стоящего на здоровых позициях, мы можем потерять, а что приобретем в лице Гусака, никто не знал. Одно ясно, что эта кандидатура в политическом и тактическом плане остается для нас пока не совсем ясной.

Как говорят политика — политикой, а своими повседневными делами надо заниматься — этого настоятельно требует сама жизнь.

Принял и имел обстоятельную беседу с главным конструктором ракет Янгелем и директором Южного машиностроительного завода Макаровым. Заводу и конструкторскому бюро на дальнейшее развитие нового ракетостроения отпущено 200 миллионов рублей. Макаров и Янгель приехали ко мне посоветоваться, попросить помощи, как лучше, побыстрее организовать работу по освоению отпущенных средств и новых тем по ракетостроению. Разговор был полезным, предметным, наместили общие мероприятия по реализации задуманных планов работы.

В этой беседе принял активное участие заведующий оборонным отделом ЦК КПУ Руденко. Ему же было поручено контролировать выполнение намеченных планов.

В Киев мне позвонил К. У. Черненко и сообщил, что мне 12 июля утром надо быть в Москве в ЦК КПСС. В 15.00 поездом выезжаем в Варшаву на совещание.

13 июля 1968 года. По прибытии в Варшаву наша делегация встретила с польской делегацией, велись переговоры по процедурным вопросам. Все усложнилось тем, что чехословацкие руководители отказались приехать на совещание в Варшаву. Венгерская делегация как-то охладела к чехословацким событиям, внесла предложение, что без чехословаков нет смысла проводить совещание, но слишком большой был политический накал, чтобы откладывать варшавское совещание.

Чехословацкая Академия наук обратилась к Академии наук СССР, породненные обкомы к нашим обкомам с апелляциями на якобы наши неправильные действия в отношении происходящих событий в Чехословакии.

На предварительном совещании нашей делегации с польской делегацией В. Гомулка довольно резко высказывался в наш адрес — прямо называл основного виновника Л. Брежнева в нерешительных действиях. Он говорил: «В большой политике, тов. Брежнев, нельзя, недопустимо руководствоваться эмоциями, тут надо проявлять дальновидность, принципиальность, решительность, правдивость перед союзниками и честность в действиях. А вы, тов. Брежнев, верите в разные небывлицы и обман со стороны Дубчека, он просто водит вас за нос, а вы нас успокаивали, хотя знали истинное положение дел в Чехословакии. Вы ведь в достаточной степени хорошо информированы из многих источников. Многие тысячи людей, и в первую очередь вашей страны, головы сложили за создание, утверждение социалистической Чехословакии, а теперь вы не принимаете надлежащих мер к пресечению ползучей контрреволюции в Чехословакии. А ведь мы первые еще на Дрезденском совещании сказали, что в Чехословакии активно действуют контрреволюционные элементы, инспирируемые разведками США и ФРГ».

Выступление В. Гомулки было резким, даже несколько раздражительным, но в своей основе правильным. Л. Брежнев после такого выступления Гомулки как-то растерялся, да и нам; членам делегации, было неприятно выслушивать такие обвинения в адрес нашего лидера, но в выступлении Гомулки была хоть и горькая, но правда. Продолжая свою речь, Гомулка прямо говорит Брежневу: «Почему вы до сих пор не ставите

вопрос о вводе войск в Чехословакию? Почему до сих пор в Чехословакии активно не поддерживают здоровые силы и из них не сформирована солидная группа, которая бы обратилась с просьбой оказать стране, партии помощь? Это можно было бы давно сделать, а чтобы этих людей не подвергать опасности, надо было бы их вывезти из Чехословакии. Но при этом люди должны быть гарантированы, что после их обращения последуют действия, а не пустые разговоры».

14 июля в 10 часов утра в здании Совета Министров Польской республики открылось в Варшаве совещание.

На правах хозяина открыл его В. Гомулка. По моим дневниковым записям, вот что он сказал: «В Чехословакии продолжает обостряться политическая обстановка, вот по этому вопросу мы и собрались в Варшаве по предложению тов. Брежнева». Далее он излагает оценку состояния дел в Чехословакии со стороны ПОРП и правительства Польши. «По этому вопросу мы уже собирались три раза: в Дрездене, Москве и вот в Варшаве. А положение в Чехословакии не только не стабилизировалось, а даже усугубилось со времени Дрезденского совещания, и вот результат — чехословаки даже отказались участвовать в этом нашем совещании. Такое поведение чехословацких руководителей — это прямой вызов всем странам Варшавского Договора. В Дрездене мнение наших партий в оценке событий в Чехословакии было единым, была подписана нами Дрезденская декларация. Подписали ее и руководители Чехословакии. Мы все направляли письма чехословацким руководителям по оценке положения в КПЧ и страны в целом.

Чехи игнорировали настоящее совещание, что же нам делать дальше? Есть мнение послать чехословацким руководителям письмо от пяти стран Варшавского Договора, в котором изложить все наши опасения за происходящие события в Чехословакии. Но нам надо подумать, что может дать это письмо? Безусловно, что оно может активизировать здоровые силы, но на нем могут сыграть и наши противники, экстремистские и националистические элементы. Нас упрекают в том, что мы своими действиями нарушаем суверенитет Чехословакии, а что такое суверенитет без порядка, дисциплины, с разгулом анархии? Это дырявая лодка, на которой можно потонуть нам всем вместе. Надо напомнить чехословацким руководителям, что мы не можем допустить развал Варшавского Договора, сказать им, что мы не имеем права забывать наших понесенных жертв за Чехословакию. ПОРП считает, что в Чехословакии происходит отход КПЧ от принципов марксизма-ленинизма, перерастание ее в социал-демократическую партию худшего вида и формы,

и это может произойти на чрезвычайном XIV съезде КПЧ. Я вношу предложение написать не письмо, а обращение пяти братских партий к ЦК КПЧ, к чехословацкому народу и, безусловно, это обращение опубликовать в печати.

Процесс «мирного перерастания социализма в капитализм» мы не глубоко изучили. Это не что иное как контрреволюционный процесс, это хорошо нам всем известно. Речь может идти не о возрождении капитализма типа западного образца. Позиция рабочего класса, социальная структура современного общества не может допустить этого. Хотя база для контрреволюции в Чехословакии имеется, эту базу составляет все прошлое от буржуазной Чехословакии, а также сильное влияние западной буржуазной идеологии. На нас тоже идет воздействие буржуазной идеологии, но ей мы противопоставляем нашу марксистско-ленинскую идеологию. Реформация социалистического строя в Чехословакии — это прежде всего выхолащивание классовости. Руководители Чехословакии во всем ориентируются на Запад, туда же ориентируют и свою экономику. Но даже в крупных капиталистических странах Европы: Италии, Франции, Англии и других странах — государственные предприятия занимают 55—60% удельного веса; в особенности это относится к крупным промышленным предприятиям. Как же после этого понимать чехословацкое руководство, когда оно идет на поводу у своих экономистов, которые в своих программах ставят прямо вопрос о возврате промышленных предприятий в частные владения?

Надо прямо сказать что СЭВ плохо справляется со своими обязанностями. Мы весьма недостаточно используем по линии СЭВа наши возможности для укрепления разумной интеграции экономики социалистических стран.

Социализм — это не только политическая, государственная система, в которой собственность на средства производства находится в руках народа, общества, это и социальная забота о своем народе, ответственность за общее дело в стране, дружба народов, интернациональные связи.

Нельзя верить, что в КПЧ не было возможности активно влиять на средства массовой информации в защиту политики партии, социалистических завоеваний. Руководством КПЧ не было принято должных мер в этом направлении, что способствовало созданию обстановки политического, морального террора и угнетения, свободы для правых сил и контрреволюции.

Преданные, честные хозяйственные, партийные, военные, правоохранительные кадры терроризируются, рабочий класс обманывается демагогией и политическими иллюзиями. На XIV съезде КПЧ будет принят новый Устав, но, как видно по его проекту, он не укрепит партию, а еще больше разложит.

В проекте нового Устава предусматривается свобода действий коммуниста, отсутствует даже понятие «демократический централизм», хотя в КПЧ он уже сейчас отсутствует. По всему видно, что после принятия такого устава партия Чехословакии хоть и может называть себя коммунистической, но она не будет стоять на марксистско-ленинских позициях. Фракции в партии несовместимы со строгой партийной дисциплиной на основе демократического централизма. Наши партии являются руководящими партиями, они несут ответственность за состояние дел во всех отраслях народного хозяйства, науки, культуры, политики, идеологии, социальных вопросов, морального и нравственного состояния общества, соблюдение правовых норм и строгое выполнение государственных законов.

КПЧ скатывается в бездну беспорядков, вседозволенности, анархии под видом демократии. Опасность такого положения таит в себе удар по социалистическому строю, международному коммунистическому и рабочему движению, распространяется ревизионизм учения марксизма-ленинизма, правые течения, шовинистические и националистические течения. Наша сила в Варшавском Договоре — ведь этот договор не только военно-оборонительный, но экономический, политический, идеологический — это договор нашего сплочения и дружбы наших народов.

Чехословацкое руководство, по существу, выступает против всего этого. Как же мы можем все терпеть? В Европе сейчас довольно сложная политическая обстановка. Чехословацкое руководство своими действиями нарушает и без этого довольно хрупкое равновесие политических сил, что в недалеком будущем может принести непредсказуемые политические последствия в странах Восточной Европы. Нерушимость наших границ, крепость нашего социалистического союза заключается в нашем единстве, в силе и мощи Советского Союза. Чехословакия отталкивается от общего нашего дела, нарушает нашу общую договоренность о консультациях по внешнеполитическим вопросам, заигрывает с ФРГ, приглашает Брандта¹¹³ в Чехословакию. О чем могут идти переговоры? Ведь всем нам это безразлично. И вопрос не в том, чтобы представить Чехословакию только в черных красках, а чтобы разобраться во всей сложной ситуации, дать правильную политическую оценку, сделать анализ всему, что же происходит в Чехословакии и КПЧ? И вот чехословацкое руководство игнорировало наше предложение — как же все это понимать?»

После выступления В. Гомулки сделали перерыв в работе совещания. Его выступление на всех нас произвело большое впечатление, оставило тяжелый осадок, он говорил резко, но

с большой долей правды. Но вся беда в том, что мы обсуждаем «порядки» в Чехословакии без чехословаков, пытаемся решить их «дела» за них, но без них. Безусловно, все это может отрицательно сказаться на дальнейших взаимоотношениях с чехословацким руководством и может еще больше усугубить, обострить политическую обстановку в Чехословакии.

Выступление Я. Кадара — Венгрия. Он выражает удовлетворение самой организацией этой встречи и далее говорит: «Положение в Чехословакии очень сложное, и это потребовало от нас еще раз собраться и обсудить его. Хочу проинформировать о решении нашего Политбюро о повторном приглашении чехословацких руководителей принять участие в нашем настоящем совещании. Мы сказали им, что если даже вы не приедете на совещание в Варшаву, то все равно совещание пяти стран Варшавского Договора состоится. Накануне нашего отъезда в Варшаву поздно вечером, в 22.00, мы получили от Дубчека и Черника запрос о личной встрече и доверительной беседе на венгерской территории. Мы решили встретиться с гг. Дубчек и Черником. Об этом позвонили в Москву А. Суслову. На второй день встреча состоялась. Она продолжалась 4 часа (с 17.00 до 21.00). С нашей стороны на встрече были: Кадар, Фок, с чехословацкой стороны — Дубчек и Черник. Они нам долго говорили о «2000 слов», как документе, ничего не значащем и никакой опасности не представляющем.

Второй вопрос — это настоящее совещание пяти стран. Почему они решили не принимать в нем участия? Первая причина — это то, что в своих письмах братские партии дали неправильную и тенденциозную оценку положению дел в их стране и в КПЧ. Вторая причина: почему их, чехов, не пригласили на совещание в Москву?

На все эти вопросы мы чехословацким руководителям сказали, что Президиум ЦК КПЧ допускает большую ошибку, приняв решение отказаться от участия в совещании в Варшаве. Дубчек ответил на это: «Мы принимаем коллективное обсуждение нашей ситуации, но почему тогда нас не пригласили на московское совещание?» Мы им задали встречный вопрос: почему, на каком основании вы не принимаете приглашение на Варшавское совещание пяти братских партий? У нас больше оснований на обиду, мы откровенно спрашивали их: куда и с кем они?

Оба они при нашем откровенном разговоре плакали (здесь последовала реплика Л. Брежнева: «Они всегда плачут»). Я. Кадар не обратил никакого внимания на реплику Брежнева и продолжал свое выступление: «Что же нам делать, — спрашивали чехословацкие руководители, — что же, перед нами теперь

закрыты двери?» От этой встречи и разговоров сложилось впечатление, что Дубчек и Черник растеряны, как-то надломлены и стремятся найти выход из создавшейся сложной для них ситуации, они говорили, что хотели бы иметь одностороннюю встречу с советскими товарищами, но последние якобы от этой встречи уклоняются. Это было сказано с особой обидой, но мне кажется, что это проявление с их стороны очередной демагогии. Мы им сказали, что вы, чехи, сами виноваты в том, что очутились в таком положении».

Продолжая свою речь, Я. Кадар сказал: «Теперь позвольте высказать нашу оценку о состоянии политической ситуации в Чехословакии. После московского совещания мы еще раз на нашем Политбюро обсуждали, изучали, анализировали все события в Чехословакии и пришли к убеждению, что здесь происходят опасные политические, экономические, социальные, идеологические процессы. Но с оценкой, что там происходит контрреволюция, мы не совсем согласны. Я бы определил так, что в Чехословакии происходят процессы опасные, и нам надо принять все меры для локализации этих явлений, опираясь на здоровые силы в Чехословакии.

Тов. Гомулка сказал, что КПЧ перерождается в социал-демократическую партию, там ревизионизм, нет гарантии в том, что XIV съезд КПЧ останется на марксистско-ленинских позициях. Вряд ли можно и с этими утверждениями тов. В. Гомулки согласиться. Правда, положение в Чехословакии усложняется, решения майского Пленума ЦК КПЧ не претворяются в жизнь, а теперь еще складываются дополнительные трудности в связи с отказом чехов участвовать в настоящем совещании, и это уже затрагивает нас всех. Президиум ЦК КПЧ противопоставил себя всем партиям — странам, входящим в Варшавский Договор, и можно опасаться, что руководство КПЧ и правительство, чтобы оправдать свой отказ участвовать в совещании в Варшаве, всю вину свалят на нас.

И тут мы должны решительно выступить против радикалов, которые засели в Президиуме ЦК КПЧ. Мы предъявили чехословацкому руководству свои претензии по вопросу опубликования ими статей в их газетах об Имре Наде. Это нападки на нашу партию и социалистические страны.

Словакия тоже поражена стихией, разбродом и анархией, там собрано 7500 подписей под «платформой 2000 слов», здесь есть подписи разных людей — рабочих, партийных работников, служащих, даже военных. В Словакии тоже партийные организации деморализованы. Сам состав КПЧ довольно разношерстный, в идеологическом отношении сложный, в партии много бывших социал-демократов, одних только бенешевцев¹⁷³ вступило в КПЧ свыше 250 тысяч человек.

Положение тревожное, опасное, чревато непредсказуемыми последствиями. В такой обстановке нам нужны здоровые силы в КПЧ, которые можно было бы поддерживать и опираться в наших действиях. Важен вопрос поддержки наших мероприятий коммунистическими и рабочими партиями капиталистических стран. Негативные процессы в Чехословакии углубляются, положение ухудшается с каждым днем, вызывает опасность разброса этого негативного явления на другие страны социалистического содружества. Поэтому наши меры должны быть более решительными, вместе с тем продуманными и осмысленными, нам надо помочь здоровым силам всеми путями и средствами».

Выступление В. Ульбрихта — ГДР. «Наше Политбюро приветствует созыв Варшавского совещания. Мы полагали, что в сложнейшей обстановке в Чехословакии руководство КПЧ и правительство Чехословакии, руководствуясь здравым смыслом и крайней необходимостью, пришлет свою делегацию на наше совещание, тем более после опубликования «платформы 2000 слов». Но, видно, руководство партии и страны не в состоянии справиться с разгулявшейся анархией и правыми силами в их стране. И нам ясно, что события в Чехословакии затрагивают интересы не только чехов.

Тов. Я. Кадар здесь говорил, что «в Чехословакии действуют только ревизионистские силы». Вряд ли можно с этим утверждением согласиться. Что же тогда назвать контрреволюцией, если не «платформу 2000 слов»? Бонн и Папа римский, оказывается, правильнее оценивают события в Чехословакии: они поставили условие — как только окончательно будет разгромлена КПЧ, так они установят дипломатические отношения с Чехословакией.

Если мы не примем решительных мер для локализации и стабилизации положения в Чехословакии, то, тов. Кадар, следующий удар будет направлен против вас, вашего народа, и если вы не считаете «платформу 2000 слов» контрреволюционной, то вы находитесь в очень трудном положении. Тов. В. Гомулка правильно оценивает состояние и политическую ситуацию в Чехословакии.

При этом надо еще учесть подрывную деятельность разведывательных органов ФРГ, США. В Праге выступает представитель США и называет Польскую социалистическую республику социал-фашистской страной. Дубчек при этом присутствует и молчит. Чехословацкие представители ведут скрытные переговоры с судетскими немцами, поведение руководства КПЧ после опубликования «платформы 2000 слов» стало подло-предательским.

Силы Варшавского Договора должны вмешаться в дела Чехословакии. Через средства массовой информации и пропаганду идет массовая атака на здоровые силы, их атакуют политическим и идеологическим террором. Нет случайности в том, что Н. Чаушеску и Б. Тито откровенно выражают свою поддержку происходящим событиям в Чехословакии. Мы располагаем данными, что вынашивается идея создания малой Антанты — Чехословакия, Румыния, Югославия и ФРГ.

Дубчек, тов. Брежнев, не такой наивный, как вам кажется. Он знает, куда ведет дело. Их путь к единению с Западной Европой — это отрыв от Советского Союза и социалистических стран. Для западных деятелей, и в первую очередь для ФРГ, США, соблазнительная политика, и они избрали своей первой мишенью Чехословакию. Штраус¹⁴ подготавливает экономический, политический, идеологический, социальный проект для Европы, основная идея которого заключается в том, чтобы разобщить, деформировать социалистические страны, установить буржуазно-капиталистические порядки и законы.

Чехословацкий экономист пишет, что вся экономическая и социальная политика за все годы существования социалистической Чехословакии была неправильна, и призывает к резкому повороту в экономической и социальной политике Запада. Демагогически призывает к «новым» формам экономических и социальных реформ. В наше тяжелое время ожесточенной «холодной войны» идеологическую, политическую, организационную работу надо поднимать на более высокий уровень, в противном случае «наведение мостов» разрушит, уничтожит союз социалистических стран.

Мы за то, чтобы написать открытое письмо к ЦК КПЧ и рабочим и изложить в нем всю сложность политической ситуации, дать оценку контрреволюционным группировкам, показать вмешательство империалистических разведок в дела Чехословакии. Может быть, нам всем поехать в Чехословакию и разъяснить нашу точку зрения на происходящие события, высказать наши меры. (Но, очевидно, Ульбрихт забывается, что в Прагу нас никто не приглашал. Как это поехать в Прагу, когда чехи не захотели с нами встречаться в Варшаве? А какой будет международный резонанс, если мы явимся в Прагу, а там с нами не захотят не то что встречаться, а и разговаривать?) Рабочая милиция должна устранить все правые и вредные элементы из редакций журналов, газет, из всех средств массовой информации. Может, Словакия «потребует помощи», тогда надо провести нам маневры наших войск и затем оставить их там».

Выступление Т. Живкова — Болгария. «Мы, представители

на этом совещании ЦК и Политбюро БКП, разделяем правильную оценку, сделанную тт. Гомулкой и Ульбрихтом о событиях в Чехословакии, одновременно не можем согласиться с оценкой, данной Я. Кадаром. (Перед выступлением Живкова у него был длительный разговор с Брежневым, и это, безусловно, повлияло на ход его мыслей, высказываний и дачи оценки выступлениям Ульбрихта, Гомулки и Кадара.) Как мы понимаем, в Чехословакии контрреволюционная обстановка, подорваны устои диктатуры пролетариата, ведется огонь по здоровым силам, налицо капитулянтство перед правыми элементами, происходит идеологический и политический террор здоровых сил — они парализованы. КПЧ потеряла руль управления, и речь теперь идет о судьбе социалистических завоеваний в Чехословакии. Видимо, все наши средства влияния, пути переговоров, встреч, консультаций исчерпаны. Судьба страны в руках Дубчека и Черника. Внутренние здоровые силы КПЧ не в состоянии что-либо сделать без нашего активного вмешательства. Опираясь на наши партии, народы, вооруженные силы Варшавского Договора, нам надо помочь восстановить марксистско-ленинское содержание КПЧ, восстановить советские органы в Чехословакии. Мы понимаем, что это сделать будет далеко нелегко, будет большой шум, даже возможна авантюра вооруженного сопротивления, возможны осложнения в международном коммунистическом и рабочем движении. Но мы дадим предметный урок контрреволюционным силам, правым элементам, империалистическим проискам. Этим самым удар будет нанесен по антипартийным, правым, националистическим элементам в наших странах».

А обстановка в то время в Европе действительно была довольно сложной, напряженной, на все накладывала свою зловещую печать «холодная война», и она временами была на грани перерастания в горячую войну. Активизировались антисоциалистические элементы во всех социалистических странах, и можно было ожидать самого худшего исхода. Вот почему руководители Польши, ГДР, Болгарии так настоятельно требовали принятия более решительных мер к событиям в Чехословакии, они не были уверены, что подобное не может «вспыхнуть» в их странах.

Тов. Живков перед своим выступлением и после него подошел ко мне и просил, чтобы я передал Брежневу, что надо ему вести себя более решительно: «Войска все равно придется вводить, но чем раньше это мы сделаем, тем лучше», — говорил Живков. Я, естественно, эти слова Живкова передал Л. Брежневу.

Выступление Л. Брежнева. Он благодарит за понимание вопроса на таком высоком уровне нашей встречи. «Самый сложный вопрос в Чехословакии — это то, что он затрагивает интересы всех нас, это общность линии в международных вопросах, нашей идеологии, политике, экономических связях по линии СЭВ, наконец, наших общих узах — Варшавском Договоре.

Отказ Президиума ЦК КПЧ участвовать в этом совещании в корне меняет обстановку и создает новую, более сложную и напряженную ситуацию. Не столь важно, кто и как будет характеризовать обстановку в Чехословакии, ясно одно, что там открыто действует контрреволюция». (Это было сказано в адрес Я. Кадара — не называя его фамилии, но все поняли этот «намек», хорошо, что он был хоть более-менее тактичным. Но Кадар воспринял это болезненно, как-то нервно заерзал на своем месте. Затем переговорил со своей делегацией.) Далее Брежнев говорил: «То, что происходит в Чехословакии, это далеко не внутринациональный вопрос, это кровно международный вопрос, он затрагивает интересы социалистических стран, всего прогрессивного коммунистического и рабочего движения. Реакционные силы империализма хотят нанести удар, пытаются поставить под угрозу социалистическое развитие и в других странах. Нельзя исключать, что империалистические происки не могут пойти на военную провокацию для достижения своих коварных целей.

События в Чехословакии далеко не всем понятны, они вызывают заблуждения даже среди некоторых коммунистов наших стран, не говоря уже о коммунистических партиях Европы, и это прежде всего касается французской и итальянской коммунистических партий, тут мы тоже можем столкнуться с некоторыми политическими и идеологическими затруднениями. Как известно, на Дрезденском совещании в общей декларации была достигнута договоренность, что чехословацкие товарищи примут меры к наведению порядка. КПЧ и правительство страны возьмут в свои руки ход событий, нормализуют положение в партии и стране. Но, как мы видим, именно сейчас усилилась правая эскалация.

В самой «Программе действий» заложено ослабление КПЧ и равное партнерство с другими партиями, причем, рассматривая отдельные ошибки, не ищут отдельных личностей, а в целом обвиняют КПЧ и социалистический строй. Появились прямые выпады против Советского Союза и других социалистических стран, и прежде всего против Польши, Германской Демократической Республики, Болгарии, фракционность в партии, отход от демократического централизма, превращение партии в плохой дискуссионный клуб, где идут беспринципные дискус-

сии и злостное критиканство КПЧ». Продолжая свою речь, Л. Брежнев говорил: «Почти действует, и активно действует открытый центр и очень активно использует девиз «С Дубчком против дубчековцев». Преследуются и компрометируются лучшие люди КПЧ, которые стоят на правильных позициях. Это Кольдер, Индра, Мишек, Биляк и другие. Теперь очень отчетливо видно, как КПЧ с января этого года упускает руководство в стране и партии.

А за это время более открыто и нагло выступает махровая контрреволюция, и это уже становится чрезвычайно опасным явлением. Очевидно, пришло время действовать более решительно, ибо обстановка не позволяет поступать по-другому. Какие же, на наш взгляд, нужно принимать меры? Мы считаем, что действия должны быть коллективными, и готовы представить наши предложения. Может быть, надо нам найти возможность встретиться со здоровыми силами КПЧ, при этом им надо оказать самую ощутимую помощь по всем направлениям. Наша печать, все средства массовой информации должны решительно и методически, аргументированно разоблачать опасное положение в Чехословакии.

Мы знаем, что могут найтись такие люди, что скажут и о нашем совещании как прямом вмешательстве во внутренние дела КПЧ и страны. Но в Чехословакии происходят события — политические, социальные в острой идеологической борьбе, затрагивающей интересы всех социалистических стран, и мы не можем стоять в стороне, ибо мы интернационалисты. Наши отношения с Чехословакией скреплены кровью, договорными союзническими обязательствами, а пустые разговоры и демагогия по этому вопросу неуместны и вредны. КПСС, правительство, народ готовы оказать всемерную помощь социалистической Чехословакии против происков и действий контрреволюции».

Брежнев так ничего нового и не сказал, повторил ранее сказанное предыдущими ораторами, больше того, даже некоторые положения смягчил. А жалко! Можно бы было и крайне нужно было бы сказать поопределеннее и внести более конкретные предложения, тем более по организации здоровых сил в Чехословакии и необходимости опираться на них в своих мероприятиях. Возможно, тогда и не потребовался бы ввод войск Варшавского Договора.

Официально был объявлен перерыв совещания, но фактически продолжали работу, шла острая дискуссия по ряду важных вопросов.

В. Гомулка: «Почему мы все должны ехать в Прагу, кто нас туда приглашает и что практически нам это даст? Нас снова

будут водить за нос, а нам надо на этом совещании выработать конкретные предложения, а главное — действия. Пока мы отсюда разъедемся, войска должны были бы войти в Чехословакию, но дело в том, что мы к этому не готовы ни политически, ни организационно — вот наша «оперативность».

В. Ульбрихт: «Нам прежде всего надо бы опереться на внутренние здоровые силы, изложить им нашу программу действий. Мы должны им только помогать в их действиях. Пока это только теоретические рассуждения и благие пожелания. Мы до сих пор не удосужились их организовать и сплотить».

Л. Брежнев: «Весь вопрос упирается в Дубчека. Он центрист и явно смыкается с правыми. Мы на данном этапе предлагаем письмо, в котором дадим оценку происходящим событиям и поддержим здоровые силы, окрылим их». (Но это были только пустые слова и благие пожелания Брежнева, дело в том, что никаких организованных здоровых сил нет и «окрылять» пока что некого, да и у этих разрозненных сил никаких крыльев нет, а если и появляется какой-то даже намек на них, то их жестоко обрезают.)

Я. Кадар: «С этим Президиумом ЦК КПЧ ничего сделать нельзя, нужны организованные здоровые силы, если этого не будет, надо принимать другие организационные меры».

В. Гомулка и Т. Живков поддерживают предложение осылке письма от имени пяти социалистических стран — участниц Варшавского совещания. Письмо должно быть документом, который бы развенчивал платформу «2000 слов», дал понять, что мы не поддерживаем политику Дубчека, воодушевил здоровые силы страны. Оно должно быть рассчитано на поддержку рабочего класса, крестьянства, прогрессивной технической и творческой интеллигенции Чехословакии.

Наконец все пришли к единому мнению, что письмо надо написать, возник вопрос: как, на каком уровне, где и когда его вручить?

Решили, что письмо надо вручить непосредственно Президиуму ЦК КПЧ, и поручили эту миссию выполнить нашему послу в Чехословакии С. Червоненко. Принято было решение, что это письмо будет опубликовано во всех центральных газетах пяти социалистических стран — участниц Варшавского совещания. Пришли к заключению, что двусторонних встреч с чехословацким руководством не проводить до тех пор, пока не состоится коллективная встреча.

По делегациям роздан проект письма, представленный поляками, но это, по существу, переработанный наш текст письма. Проект письма вызывает острую дискуссию. Пришли к заклю-

чению, что письмо надо основательно переработать, отредактировать, уточнить ряд принципиальных вопросов. Обязательно в нем надо сказать одобряющие слова по адресу здоровых сил в КПЧ, стране; о демократическом централизме как неременном условии консолидации, укреплении дисциплины и руководящей роли КПЧ.

После перерыва и бурных дискуссий по вопросу формы и содержания письма повторно взял слово Кадар. «Тут были некоторые замечания, даже упреки в мой адрес по моему выступлению, на них я не буду останавливаться, нет особой надобности в этом, но скажу: каждый из нас должен, обязан говорить, рассуждать так, как он думает, а не так, как кому-то чего-то хочется. Я отвечу на замечания в мой адрес общими словами. Мы пристально следим за развивающимися негативными событиями в Чехословакии. Отказ руководителей Чехословакии участвовать в настоящем совещании еще больше усложнил обстановку и опасность для КПЧ и страны в целом. Мы согласны со всеми высказанными опасениями, что теперешняя обстановка может привести к тяжелым последствиям не только в Чехословакии, и готовы принять участие в любой акции по локализации опасности и наведении порядка, оказать помощь здоровым силам Чехословакии».

Л. Брежнев закрывает совещание до следующего дня, тут же от делегаций создается рабочая комиссия по доработке письма, председателем комиссии утверждается секретарь ЦК ПОРП Клишко. Брежнев выражает удовлетворение и приветствует тот факт, что все пришли к единому заключению послать письмо Президиуму ЦК КПЧ.

15 июля. Рано утром до открытия заседания совещания я осмотрел Варшаву. Очень интересный город, много можно позаимствовать: чистоту города, порядок, бережное отношение к архитектурным ансамблям, много зелени, парков, зеленых лужаек. Варшава произвела на меня хорошее впечатление, тем более что я в ней был впервые.

15 июля в 9 часов утра совещание возобновляет свою работу. Председательствует Т. Живков. Слово предоставляется председателю комиссии Клишко. Снова развернулась дискуссия по уточнению некоторых вопросов, формулировок и самой редакции письма. Выступает Л. Брежнев, просит дать нашей делегации 30—40 минут для обдумывания некоторых вопросов и на доработку письма — согласились. Комиссия удаляется на доработку письма.

Мы продолжаем пленарное заседание, обсуждается вопрос о форме и содержании коммюнике Варшавского совещания. ПОРП предложила проект этого документа, после некоторых уточнений и добавлений коммюнике также отправляется в комиссию для доработки. Наконец предоставляется слово председателю комиссии по окончательной редакции письма Президиуму ЦК КПЧ и текста коммюнике о Варшавском совещании. Клишко докладывает, что оба документа окончательно согласованы и их можно подписывать. Письмо Президиуму ЦК КПЧ и коммюнике Совещания.

Решается вопрос о форме доведения этих документов до широкой мировой общественности. Пришли к согласию передать по радио на национальных языках и опубликовать в печати. Обсуждался вопрос о том, что надо быть готовыми к тому, что антисоциалистические элементы обрушатся на эти документы. Поэтому нам надо разработать определенные контрмеры и нашу единую платформу действий, разоблачая «2000 слов» и всячески поддерживая здоровые силы Чехословакии. Вопрос стал конкретно: как же быть дальше? Чехи не приняли участия в Варшавском совещании. После письма 5 партий в Чехословакии еще с большей силой могут разыгаться политические страсти. Правые элементы все это могут использовать в своих антисоциалистических целях, а что же нам делать дальше?

И снова разгорелась дискуссия. В. Ульбрихт предлагает: «Никому не проводить двусторонних встреч с чехословаками, но обязательно в конце июля или первой половине августа в Праге снова провести совещание, чтобы окончательно решить вопрос, как быть дальше? ГДР располагает материалами и публикует их в печати — покажет, что разведка США имеет прямое отношение к дестабилизации положения в Чехословакии».

В заключение Ульбрихт от имени всех делегаций благодарит польских товарищей за хорошую организацию совещания. Говорит о политическом и организационном значении принятых документов на этом совещании. На этом Варшавское совещание было закрыто.

Сама организация совещания, со всех точек зрения, была отличной. Что касается письма, то это действительно серьезный, глубоко пронизанный беспокойством за судьбу Чехословакии политический документ. Как оценят, поймут его чехи в целом, это в большой мере будет зависеть от политической зрелости, партийного и государственного руководства Чехословакии. (Все, что здесь изложено по Варшавскому совещанию, записано моей собственной рукой. Чтобы велась стенограмма совещания, я этого не видел, но даже, если она и есть,

то в ней не будет такой детализации, как это изложено в моих дневниковых записях.)

15 июля в 18.00 московского времени наша делегация поездом выехала на родину. По дороге в Москву сделали кратковременную остановку в Бресте, осмотрели Брестскую крепость, затем поехали в Беловежскую Пущу, осмотрели и познакомились с этим замечательным, уникальным уголком природы и животного мира. Тут же был решен вопрос о созыве Пленума ЦК КПСС, где намечалось рассмотреть вопрос об итогах Варшавского совещания. 16 июля в 17.00 вся делегация поездом прибыла в Москву.

17 июля в 10 часов утра открылся Пленум ЦК, с докладом «Об итогах Варшавского совещания пяти социалистических стран» выступил Л. Брежнев. Доклад был острый, отражал действительную обстановку и политическую ситуацию в Чехословакии и его руководстве. Многие члены ЦК КПСС мало были информированы об истинном положении событий и все восприняли по-новому и с большой тревогой. На что мы, многие члены Политбюро ЦК, были хорошо информированы и были участниками многих совещаний по чехословацкому вопросу, и то, когда в докладе Брежнева все было преподнесено в «едином политическом букете», то временами становилось не по себе.

На Пленуме чувствовались большая напряженность, политическое беспокойство. Все выступления по докладу были по-своему интересны и полезны. Говорили, что мое выступление тоже прозвучало довольно веско и внушительно, со знанием дела и глубокой оценкой политического состояния происходящих событий в Чехословакии и вытекающими из этого нашими задачами и решениями. По общей оценке, Пленум прошел хорошо, организованно: единодушно принято решение, одобряющее деятельность нашей делегации на Варшавском совещании. Л. Брежнев обстоятельно изложил весь ход совещания, все материалы и документы, которые были приняты на совещании. Умолчал только об острых вопросах, которые возникали на совещании нашей делегации с польской делегацией накануне открытия Варшавского совещания.

Пленум ЦК КПСС рекомендовал всем нацкомпартиям Союза, обкомам, крайкомам провести партийно-советские активы, на которых изложить все вопросы по итогам работы Пленума ЦК, Варшавского совещания, суть и значение письма пяти компартий социалистических стран к Президиуму ЦК КПЧ.

19 июля в Киеве состоялся областной и городской партийно-

советский, хозяйственный актив с моей информацией-докладом о Варшавском совещании и об итогах Пленума ЦК КПСС. Для доклада информации у меня материалов, фактов было больше, чем достаточно, и все свежие. Актив прошел живо, было задано много вопросов.

Поздно вечером я позвонил в Москву, доложил Л. Брежневу о прошедшем активе, он поинтересовался, какая реакция народа, какие были заданы вопросы. Я ему дал исчерпывающие ответы. В разговоре Брежнев мне сказал, что он мне днями, а возможно, завтра позвонит, и добавил: «Есть для тебя одно очень важное поручение». Я не стал уточнять вопроса, только сказал, что жду его звонка.

20 июля. Воскресенье. Я на работе, рассматриваю разнообразную почту, а ее за мое отсутствие накопилось очень много. Обстановка в мире, экономическая, политическая, идеологическая, социальная, очень напряженная, сложная и довольно противоречивая. Осложняются дела в Европе, и основная причина этого — опасные события в Чехословакии.

Усиливается антисоветская пропаганда в пограничных районах Дальнего Востока. Китай закупил в ФРГ в компании «Телефункен» 70 мощных радиопередающих станций и использует их для передачи на нас враждебной пропаганды. Китай на границе с нами сосредоточил свыше 70 дивизий, разрабатываются планы военных действий и крупных пограничных конфликтов. На нашу территорию засылают шпионов. Сосредоточивается особое внимание на внесение межнациональной розни, используя религиозные чувства населения. На нашу страну идет много радиопередач на молодежные темы. Китайцы пытаются дезориентировать, привить молодежи нигилизм.

Во второй половине дня мне из Москвы позвонил Л. Брежнев и сказал, что я срочно сегодня, 20 июля, должен вылететь в Будапешт, где у меня состоится встреча и беседа с Я. Кадаром: «Он тебе все расскажет, как тебе надо действовать». И добавил: «У тебя должна состояться встреча на Балатоне с Биляком. Он там отдыхает с группой чехословацких товарищей. Надо себя там вести осторожно, незаметно, чтобы не привлечь внимания остальных чехословаков. При встрече с Василем — действующим самостоятельно, ориентируйся по обстановке и настроению В. Биляка». Из Москвы в Киев в 13.00 вылетел специальный военно-транспортный самолет ВВС, на котором я должен лететь в Будапешт с посадкой на военном аэродроме нашей Южной группы войск. Со мной вылетают прикрепленные из КГБ, техник с приборами скрытой записи, мой помощник А. Пахаренко.

Из Бориспольского аэропорта вылетели в 17.00 на Будапешт. На военном аэродроме меня встречали представители военной администрации и представитель ЦК Венгерской партии. Была подана машина Кадара, чтобы не привлекать внимание посольской машиной, и меня никто не встречал из нашего посольства. После встречи с Кадаром я все же побывал в нашем посольстве, была встреча и беседа с послом Ф. Титовым и всем посольским корпусом. Они много рассказывали о реакции в Венгрии на чехословацкие события. В самой Венгрии было много своих трудностей, и Я. Кадару приходится немало лавировать.

Встреча с Я. Кадаром состоялась в здании ЦК, в его кабинете, при неизменном присутствии его симпатичной обаятельной Нади. Настроение у Я. Кадара было хорошее, он меня уже ожидал. По поручению Л. Брежнева передал привет Кадару от Брежнева, Подгорного, Косыгина и всех членов Политбюро. Кадар поблагодарил за переданные приветы и лучшие пожелания. Тут же мы с ним обговорили все вопросы о моей поездке на Балатон для встречи с В. Биляком. Для сопровождения меня Кадар выделил своего доверенного человека — заведующего отделом международных отношений ЦК ВСРП. «Разместитесь, — сказал Кадар, — на моей даче: это будет хорошим прикрытием. Вы мой гость. Что касается встречи с Биляком, то вы должны сами ориентироваться. Он знает, что вы должны прилететь в Будапешт и что вы должны быть на Балатоне, но когда и где должна состояться встреча, ему это неизвестно. Все это надо организовать на месте по приезде на Балатон».

По поручению Л. Брежнева я информировал Я. Кадара о прошедшем Пленуме ЦК КПСС и обсуждении его документов по стране, по республикам, краям и областям. На Пленуме ЦК КПСС деятельность нашей делегации на Варшавском совещании была одобрена. Кадар, в свою очередь, рассказал, что Президиум их ЦК только одобрил деятельность их делегации на Варшавском совещании. Он располагает данными, что в целом партия и народ поддерживают мероприятия, направленные на урегулирование положения в КПЧ и стране. Продолжая разговор, Кадар сказал: «Жалко, что чехословацкие товарищи до сих пор не понимают или не хотят понять всей серьезности и, главное, опасности для КПЧ и всей их страны».

Кадар рассказал мне, что он сегодня, 20 июля утром, около двух часов беседовал в ЦК с чехословацкими товарищами, в том числе и со Швесткой (редактором «Руде право»). «Разговор произошел случайно, при следующих обстоятельствах: наш редактор партийной газеты давно и хорошо знаком со Швесткой,

они даже дружат между собой. На днях он с нашего разрешения посетил Прагу, имел там обстоятельные беседы на разных уровнях. Наш редактор пригласил Швестку приехать к нам в Будапешт пообщаться с журналистами и немного отдохнуть на Балатоне. Швестка сообщил, что в КПЧ и стране довольно сложная обстановка, и в самом ЦК, и в средствах массовой информации, где правые элементы захватили все ключевые позиции и успешно активизируют свою деятельность.»

После длительной, но очень нужной и полезной с точки зрения выяснения всех позиций беседы с Я. Кадаром я выехал на Балатон. Прибыли мы туда уже в сумерках, было около 19.00 по местному времени. Разместились на личной даче Кадара. Домик небольшой, двухэтажный, довольно удобный и уютный, расположен на самом берегу озера. Балатон принял нас не очень дружелюбно, похолодало, дул сильный ветер, на озере вздымались желто-грязные волны, создавая большой шум. Я вышел на берег озера на прогулку с надеждой встретиться с В. Биляком, так как мне говорили венгерские товарищи, что он в это время делает прогулки. Хотя я и знал дачу, где Биляк расположился с семьей, зайти не решился, чтобы не привлечь внимания чехов.

Время шло, уже 21.00, а связь с Биляком не была установлена. Принял решение послать своих товарищей, прибывших со мной вместе, А. Пахаренко и К. Глушко в клуб посмотреть Биляка. Они мне доложили, что Биляк там, и они, чехословаки и венгры, ведут между собой какую-то горячую, оживленную беседу. Пришлось прибегнуть к помощи венгерского товарища, прикрепленного ко мне Я. Кадаром, он пошел в клуб и незаметно сообщил Биляку, что я приехал и жду его встречи у дачи Кадара. Но Биляк попросил назначить встречу на берегу озера в 22.00.

Я вышел на набережную: темень, шум волн, ветер, трудно даже на близком расстоянии узнать человека, тем более слышать его голос. Назначенное время истекает, а Биляка нет. И вдруг прошел близко возле меня человек. Я чуть было не окликнул его: «Василь», но все же сдержался. Впоследствии выяснилось, что это проходил человек, высланный на «разведку». Через некоторое время появился и сам Василь, я его окликнул, и он отозвался. Так мы встретились. Сперва решили встречу провести на набережной у дачи Кадара, но ветер и шум волн Балатона нам очень мешали, к тому же нельзя было произвести запись нашей беседы.

Мы перешли в помещение дачи, и наша беседа продолжалась с 23.00 до 5 часов утра. Вот как была выслушана и записана, запомнилась беседа, весь наш разговор.

В. Биляк в своем рассказе главным образом останавливался на общей обстановке и характеристике состояния дел в КПЧ и в целом в стране. Он говорил, что в ЦК КПЧ, в стране, в особенности среди правых элементов, был какой-то шок, страх, даже паника, когда было опубликовано письмо пяти партий Варшавского Договора. Кригель оформил себе заграничный паспорт, а Дубчек заявил, что письмо — это нож в сердце. Но вместе с этим еще больше поднялся националистический угар, много говорят о том, что письмо пяти партий — это посягательство на суверенитет Чехословакии. Происходит усиленное разжигание антисоветской истерии.

«Обстановка такова, что самые ярые, отъявленные противники партии готовы поддержать нас, коммунистов, лишь бы быть вместе против Советского Союза. А Дубчек и Черник уверовали в то, что эти люди поддерживают их политику.» Продолжая беседу, В. Биляк сказал: «Откровенно скажу, что вы далеко неудачно выбрали место для проведения совещания, а именно Варшаву. Причин тут много, но одна из них, и немаловажная — это воинственная позиция, занятая Гомулкой по отношению к нашему руководству.

С вами, с Советским Союзом, двусторонняя встреча крайне нужна. Если ее в ближайшее время не будет, то это может привести к окончательному разрыву и отходу КПЧ от общей нашей линии, а это означает ее развал. Мы, я имею в виду своих товарищей, выступаем за скорейшую встречу с вами. Но вы правильно делаете, что для встречи и переговоров не хотите ехать в Прагу. Если вы приедете в Прагу, то эти «швейки» подумают, что они победили.

Думаю, что всем составом Президиума они на двустороннюю встречу с вами не пойдут — боятся. Вместе с тем Черник, Смрковский, Кригель, Дубчек боятся ехать на встречу с вами в Советский Союз: боятся того, что вы их больше не выпустите в Чехословакию. Если состоится с вами двусторонняя встреча, то надо вопросы ставить остро, требовательно, конкретно, определить сроки исправления положения в стране, предупредить о возможных серьезных последствиях. Безусловно, потребовать закрытия всех западных границ с Чехословакией».

Продолжая свою речь, Биляк сказал: «Я вам лично и откровенно говорю, что нас надо прикрыть вашим «зонтиком» от резких нападков руководителей Польши и ГДР, так как это вызывает обоснованное раздражение, негодование, ибо они говорят много необъективного». Дальше Биляк говорил: «Наша экономика расшатана до предела, нам надо оказать помощь солидными кредитами. Подготовка к XIV съезду КПЧ идет плохо, мы не уверены, что мы можем победить на этом съезде, хотя А. Дубчек возлагает на победу все надежды, но

оснований для такой надежды нет. Устав КПЧ ревизионистский, да его и готовили правые элементы. Если мы опубликуем этот устав, то нас раскритикуют все коммунистические и рабочие партии, и ни одна из них не приедет на наш съезд».

Я попросил Биляка сказать свое мнение о Смирковском. Он определил его четырьмя словами: «Это же политическая проститутка». Больше ничего на сей раз не сказал о Смирковском. Продолжая разговор, Биляк сказал: «Черник находится под полным влиянием югославского посла, буквально от него не выходит и по всем вопросам ведет с ним консультации. Мы ждали даже прилета в Прагу Тито, готовили ему грандиозный прием и пышную встречу. Тито уже был у себя в аэропорту, но по какой-то причине его Прага не приняла». (В. Биляк не знал истинной причины отказа Праги принять самолет Тито, а суть в том, что мы заявили ультиматум против прилета Тито в Прагу, руководство Чехословакии испугалось и дало отбой.)

Я задал Биляку вопрос: «Скажите, кто у вас в Президиуме ЦК КПЧ стоит на правильных позициях, на кого можно рассчитывать в вопросах организации сильного блока здоровых сил?» Биляк назвал десятка полтора людей. Из них на первом месте — Индру, Кольдера, Швестку, Ригу, Барбирека, Пиллера, Я. Капека. Не обошел и себя. После этого я спросил его: «Так почему же вы активно не действуете?» Биляк немного подумал и заявил: «Мы боимся, что нас могут обвинить в измене родине, а отсюда все последствия, мы все готовы всеми способами вас поддержать, но что нам делать, мы не знаем». Я Биляку сказал: «Нам от вас нужно письмо, в котором бы была изложена ваша просьба о помощи. Мы даем полную гарантию, что письмо не будет обнародовано, также и его авторы». Биляк на это ответил: «Вы поймите нас, нам стыдно: не сделав ничего в своей стране, обращаться к вам за помощью. Что вы о нас можете подумать?»

Биляк далее продолжал: «У нас подготовлены некоторые мероприятия, мобилизован наш преданный, партийный, советский актив, за нами стоит и в случае особой опасности за нами пойдет рабочая милиция и многие военные. Подготовлена наша программа и заявление». (Когда он все это говорил, я чувствовал, что он говорит с какой-то неуверенностью, и мне казалось, что он желаемое выдает за действительность.) Я сказал В. Биляку, что они явно упускают время активной борьбы. «Нет, — решительно сказал Биляк, — мы этого не допустим, не хватит сил, к вам обратимся за помощью». — «А не лучше ли было бы, чтобы ваша группа сейчас написала нам письмо о помощи? Это будет для вас гарантия более организованно, смелее вести борьбу против разгула правых, усилятся ваши действия?» — «Да, это бы усилило нашу организованность и ре-

шительные действия». Перед Биляком я открыто поставил вопрос: «Может быть действовать через Словакию?» Немного задумавшись над моим вопросом, Биляк сказал: «Посмотрим, если в этом будет крайняя нужда, то мы можем обойтись без чехов, чтобы спасти Чехословакию». Далее Биляк говорит, что они упустили время, даже момент дачи решительного боя правым на их «платформу 2000 слов». В ответ на это я Биляку сказал: «Вы допустили ошибку, упустили момент укрепления своего влияния и организации борьбы против разгула правых, что отказались участвовать в Варшавском совещании. А Пленум ЦК КПЧ, которого вы так добивались и полагались на него, больших надежд вам, по существу, не дал, а еще больше расшатал ряды КПЧ». В ответ на это Биляк сказал: «Это был не Пленум, а балаган, цирк. На нас было организовано давление, и мы на этом Пленуме ничего не могли сделать». — «Так может быть и на вашем предстоящем съезде КПЧ», — говорю я Биляку. Он отвечает: «Мы тогда к вам обратимся за помощью». Я ему ответил: «Ваша просьба о помощи может опоздать, нам обращение нужно сегодня». Биляк на мой вопрос промолчал.

Ведя дальше разговор, он говорил: «Нам нужен конфликт, мы можем выступить через неделю, но вы правы, что время уже работает не на нас. Когда мы окончательно обсуждали вопрос о возможной поездке в Союз для переговоров с вами, то Черник, Смрковский, Кригель заявили, что они боятся ехать в Москву, а Дубчек, в свою очередь, заявил: «А я без вас не поеду». Вот так у нас и решают важнейшие дела и сложные вопросы».

Биляк говорит о «свободе слова» и печати и приводит такой факт: «После злополучного Пленума ЦК я возвратился в Братиславу. Представители печати, радио, кино обратились ко мне с вопросами, что я могу сказать о прошедшем Варшавском совещании и письме пяти партий социалистических стран, входящих в Варшавский Договор? Я сказал, что отношусь к совещанию и письму пяти соцстран положительно, к их голосу и разуму нам надо было бы прислушаться. После этого вся печать на меня обрушилась с руганью и угрозами, радио моих слов не передало, а у телевидения при съемках вдруг все лампы в юпитерах «перегорели».

Все ведь знают, что у нас с вами существует союзнический договор, вот по этому вопросу журналисты обратились к Чернику и Смрковскому высказать свое мнение в связи с Варшавским Договором и письмом пяти социалистических стран. Черник и Смрковский ничего более умного не могли сказать, как порекомендовать журналистам до 14 августа нигде ничего об этом не писать». Я спросил Биляка, а что означает 14 августа?

Биляк прямо на это не мог дать ответ, но позже сказал: «Потом будете писать о том, как Советская Армия оккупирует нашу страну», — сказали Черник и Смирковский журналистам».

Наша беседа с В. Биляком носила откровенный характер, но все же чувствовалась какая-то скованность, настороженность, и Василь некоторые вопросы не раскрывал, не договаривал до конца.

Наступил рассвет, мы оба изрядно устали, но оба были довольны встречей, проведенной беседой. Выпили с ним по бокалу венгерского токая, тепло распрощались. Я обещал В. Биляку всю нашу беседу, весь наш разговор лично передать Л. Брежневу и запиской доложить Политбюро ЦК КПСС.

21 июля 1968 года. С этого дня оставалось ровно месяц, как войска Варшавского Договора вторгнутся на территорию Чехословакии, но до этого произойдет еще много очень важных политических событий, обстановка еще больше усложнится.

После кратковременного отдыха с Балатона возвратился в Будапешт. Как и было условлено с Я. Кадаром, я заехал в ЦК к нему и в пределах необходимого и доступного проинформировал его о моей встрече и беседе с Биляком, о его настроении и тяжелых мыслях.

Кадар с большим интересом и вниманием слушал мою информацию, в ходе нашего разговора задавал мне некоторые уточняющие вопросы. При прощании Кадар через меня передал привет Л. Брежневу и всем членам Политбюро ЦК КПСС. Затем я посетил посольство СССР, где встретился и имел беседу с послом Ф. Е. Титовым и всем дипломатическим корпусом, было много вопросов в связи с событиями в Чехословакии. Попросил Титова, чтобы он позвонил в ЦК КПСС и сообщил, что я сегодня вылетаю в Москву.

В 18.00 я прилетел в Москву. Меня встретили товарищи по поручению Брежнева и попросили ехать прямо к нему на квартиру, на Кутузовский проспект он меня уже с нетерпением ждет.

Моя встреча с Л. Брежневым, разговор, информация о встрече с Биляком и нашем с ним разговоре затянулись до поздней ночи. Брежнев подробно уточнял все вопросы и высказывания Биляка, мои вопросы и ответы Биляка. Настроение Л. Брежнева было довольно игривое, хотя я повода к этому не видел. Мы с ним выпили по две рюмки коньяка. Он поблагодарил меня за проведенную работу, сказал, что он это не забудет никогда. Даже сказал: «Ты, Петро, настоящий друг и товарищ».

Впоследствии он действительно «не забыл» про меня — не

нужен ему оказался человек, много знающий обо всем, в том числе и лично о нем. Тепло простились. Он меня даже обнял и поцеловал. (Но я уже тогда замечал всю фальшь, лицемерие этих фарисейских приемов-поцелуев Иуды.) Также Брежнев мне сказал, чтобы я был готов завтра доложить на Политбюро о моей поездке в Будапешт — на Балатон, о встрече и беседах с В. Биляком и Я. Кадаром.

22 июля 1968 года. В 10 часов утра заседание Политбюро ЦК КПСС: слушается информация о моей поездке в Будапешт и на Балатон, о встречах, беседах, разговорах с Я. Кадаром и В. Биляком, подробно изложил все вопросы моих встреч и бесед. Подчеркнул особо вопрос о том, что, возможно, мы получим от группы чехословацких товарищей письмо с просьбой об оказании Чехословакии помощи. Этот вопрос заинтересовал всех. Информация моя была заслушана с большим вниманием, много было задано уточняющих вопросов, на которые я дал ответы.

Политбюро дало высокую оценку проведенной мной работы, одобрило мою деятельность по выполнению порученного мне вопроса. На этом Политбюро были разработаны мероприятия, связанные с событиями в Чехословакии, прежде всего о вывозе всех наших граждан из Чехословакии, за исключением дипломатического корпуса, так как там начали проявляться гонения против наших туристов, отдыхающих на курортах, в лечебницах, экскурсантов и других категорий граждан СССР, прибывающих по частным делам. Принято было решение о возможной двусторонней встрече с чехословацкими руководителями на их территории, но не в Праге. Поручено было мне и Ю. Андропову подработать вопрос о месте проведения этого совещания.

23—24 июля 1968 года. За время моего отсутствия и поездки в Будапешт, на Балатон и Москву накопилось много дел. Они ведь не могут ждать, а их за нас никто не будет решать. По возвращении в Киев провел совещание с секретарями ЦК КПУ, кратко проинформировал о моем пребывании в Будапеште, Москве. Дал поручение: всех наших людей по всем ведомствам и каналам в течение 2—3 дней надо вывезти из Чехословакии. Напряжение там нарастает, обстановка сильно обострилась.

Переговорил со многими первыми секретарями обкомов, председателями облисполкомов, зав. отделами ЦК КПУ, заместителями предсовмина, министрами. Вопросов возникает много, и довольно сложных, и их надо срочно решать.

Позвонил Т. Поплевкин (Николаевская область), доложил, что область продала государству уже 29 млн. пудов, на фураж осталось всего 62% к реальной потребности, а теперь у государства будем закупать фуражное зерно по очень завышенной цене, таким образом, колхоз часто работает себе в убыток. Сколько раз об этом говорилось в центре, писались письма — от центра реакции никакой. Тов. Поплевкин доложил, что промышленность области работает удовлетворительно, но имеются большие перебои с материально-техническим обеспечением. Решили важный кадровый вопрос (о председателе облисполкома). Остановились на кандидатуре А. Кулиша. Он сам по специальности ветеринарный врач, имеет практический опыт по своей специальности и организаторской, хозяйственной работе.

Переговорил с И. Кобыльчаком, первым секретарем Кировоградского обкома партии, область сдала уже 19 миллионов пудов хлеба, засыпано фуража 65% к потребности, создан межколхозный страховой семенной фонд области. Кобыльчак сообщил печальную весть — какой-то бандит у здания правления колхоза в присутствии и на глазах многих людей молотком убил председателя колхоза. Дал указание прокуратуре, следственным органам, органам МВД и КГБ принять самые срочные меры по розыску преступника и судить его по самым строгим законам. Результаты опубликовать в печати.

Позвонил мне первый секретарь Закарпатского обкома партии Ю. Ильницький, просит разрешения встретиться на границе со словацкими товарищами, они хотят его о чем-то важном проинформировать. Разрешил — информацию в ЦК КПУ Ильницький пришлет после встречи. Уточнил с ним некоторые вопросы по железнодорожной станции Чиерна-над-Тисой. Это большая приграничная узловая станция, от нас идет прямая широкая железнодорожная колея на чехословацкую территорию. На станции имеется зал ожидания, поселок рабочий, живут в основном ж/д рабочие. Наш пограничный железнодорожный разъезд от Чопа находится в 16 километрах, недалеко от реки Тиса. От чехословацкой границы это метров 800.

Поручил первому заместителю председателя Совета Министров республики Н. Т. Кальченко связаться по ВЧ с командующими Прикарпатского и Одесского военных округов, уточнить у них, в какие места назначения отправить 7 тысяч автомашин. Они крайне нужны в этих округах в связи с оттоном дивизий резервистов. В связи с военными учениями в приграничной зоне с Чехословакией надо принять меры к тому, чтобы максимально обеспечить население товарами

первой необходимости, по линии Советов провести разъяснительную работу.

На Секретариате ЦК КПУ отчитывались председатели Волынского и Черниговского обкомов партии. В этих областях плохо обстоят дела с преподаванием и усвоением студентами и учащимися средних школ общественных наук, особенно в сельских местностях. С радиофикацией, телевидением, телефонизацией обстоит дело очень плохо. Надо принимать самые срочные меры, чтобы поправить дела. На наши письма, просьбы, которые мы направляем по этим вопросам в ЦК КПСС, Совет Министров, в Госплан, чтобы республике были выделены технические средства, никакой реакции. И в этих областях радио, телевидение почти не действуют, в то же время западные радиостанции прослушиваются, и телевидение просматривается. Поручил уже в третий раз написать письмо с просьбой в центр.

В Обуховском районе Киевской области строительство Трипольской ТЭС (теплоэлектрическая станция) идет очень медленно, плановые сроки затягиваются, за последнее время производительность труда на стройке снизилась на 26%. Киевский обком партии, облисполком, отделы ЦК КПУ упустили контроль за ходом строительства. Поручил усилить его за строительством и качеством работ на станции, доложить ЦК КПУ о принятых мерах. Иначе многие промышленные объекты и жилые массивы в зиму останутся без тепла и электроэнергии.

Считывал окончательный вариант моей книги «Историческое призвание молодежи». Сделал много исправлений, замечаний, уточнений, добавлений. Получается интересная, исторически правдивая, на фактическом материале, нужная книга для нашей молодежи, подрастающего поколения. Получено немало предварительных хороших рецензий. Издавать книгу взялось издательство «Молодая гвардия» (Москва).

Зашел ко мне Александр Иванович Покрышкин, гроза и ас воздушного боя в период Великой Отечественной войны, недаром фашистские летчики при его появлении в воздухе объявляли: «Ахтунг, ахтунг! В небе Покрышкин».

Александр Иванович на Украине командовал противоздушной армией, работал добросовестно, у нас с ним были хорошие деловые контакты, мне приходилось много помогать этой армии в строительных материалах для офицерского состава, в общем работали дружно, не один раз я бывал в подразделениях его армии, имел беседы с летчиками, присутствовал на показательных учениях — «боях». А. Покрышкин получил но-

вое назначение — заместителя командующего ПВО страны. Повышение большое, но уезжать с Украины ему не хотелось. Тепло с ним простились, пообещали поддержать связь. Так и получилось, когда волей «судьбы» я оказался в Москве, мы снова встретились как старые друзья, дружили лично и семьями. Я первый ему сообщил радостную весть, когда ему было присвоено звание маршала авиации. Жалко мне его, он рано ушел из жизни. Мне пришлось провозить его в последний путь.

Разбирал текущую почту, все сложнее и опаснее складывается обстановка в Чехословакии, надо принимать более решительные меры, иначе поздно будет, может пролиться большая кровь, мы в первую очередь понесем большие издержки, в том числе и политические. Выехал в Закарпатскую область, в Чоп, а оттуда на место, где предполагается проведение двусторонней встречи — в Чиерне-над-Тисой, чтобы окончательно определиться и на месте осмотреть, как и где будем располагаться на этом железнодорожном разъезде. Ведь все будет проходить на территории республики, и все неурядицы могут сказаться на мне.

25 июля мне из Москвы позвонил Ю. В. Андропов, переговоры по вопросам подготовки, размещения, санитарных условий, охраны, питания. С Ю. Андроповым окончательно остановились на варианте Чиерны-над-Тисой. Правда, жить участникам совещания придется в вагонах, тут же питаться, вагоны будут стоять на разъезде под усиленной охраной. Андропов доверительно, очевидно по совету Л. Брежнева, сообщил мне, что дела в Чехословакии еще больше усложняются, но двойственную позицию в принятии определенных решений занимают некоторые товарищи из Политбюро. Назвал фамилии Сулова, Косыгина, Подгорного. Брежнев ищет опору. У него появилась какая-то растерянность, нерешительность, вокруг него образовывается сложная ситуация. Я сказал Ю. Андропову, что мое мнение по этому вопросу известно, я об этом вопросе не один раз говорил, писал, давал информацию. По событиям в Чехословакии надо переходить от бесконечных разговоров к конкретным делам. Ю. В. Андропов с моими сообщениями целиком согласился.

Позвонил мне Ю. Ильницкий из Закарпатской области и сообщил, что чехи еще окончательно не определились, где проводить встречу, некоторые члены Президиума ЦК КПЧ настаивают на том, чтобы встреча состоялась в Кошицах, и делается это преднамеренно, неспроста. В Кошицах в 1945 году была принята программа Бенеша, так она у них именуется «Кошицкая

программа»¹¹⁵ — на нее больше всего и опираются правореви-
зионистские элементы Чехословакии. Заведующий международ-
ным отделом ЦК КПЧ больше склонен на организацию встречи
в Чиерне-над-Тисой и почти настаивает на этом, нам надо
поддерживать его. Мы с Ю. Андроповым предложили как един-
ственный вариант Чиерну-над-Тисой. Руководством наше пред-
ложение было принято.

Позвонил Ю. Андропову и сообщил ему, что в Чопе, в Чиер-
не-над-Тисой появились корреспонденты и фотографы из США
и ФРГ. Еще окончательно не был решен вопрос о месте
проведения совещания, а они уже «пронюхали». Они говорят,
что ими будут засняты участники совещания, а возможно,
и переход советскими войсками чехословацкой границы. Про-
сил Ю. Андропова принять надлежащие меры. Осложняется
вопрос с В. Биляком, его пытаются всеми способами не допу-
стить на совещание в Чиерну. Все делается под благовидными
предлогами: на время совещания оставить его в Праге.

Принял И. Н. Еремеева, Героя Советского Союза, почетно-
го гражданина Праги. Он освобождал Прагу от фашистов. Он
мне подробно рассказал о своей встрече и разговорах с Л. Сво-
бодой, теперешним президентом Чехословакии. Еремеев знает
Людвига Свободу с тех пор, когда он еще под Харьковом
формировал Чехословацкий корпус для борьбы с фашистскими
завоевателями. Ему тогда было около пятидесяти лет, он был
в звании генерал-майора. И. Еремеев воевал вместе с Л. Свобо-
дой, и вместе освобождали Прагу. С тех пор они дружат,
доверительно друг к другу относятся.

В беседах между Л. Свободой и И. Еремеевым Свобода
заявил, что он очень обеспокоен положением в их стране.
В Дубчека, как политического руководителя, способного спра-
виться со сложностями в стране, не верит, и чем скорее он будет
заменен, тем лучше будет для страны, для народа. «Я же был
и остаюсь всегда с Советским Союзом, я воевал вместе с вами
против фашистов, и спас меня Советский Союз — Сталин,
когда я в 1950 году сидел в одиночной камере в чехословацкой
тюрьме. У нас говорят: где Людвиг, там дружба с Советским
Союзом — это говорят в первую очередь рабочие, крестьяне.
Но под видом заботы о моем здоровье Дубчек не пускает меня
к рабочим и крестьянам. Я не могу сделать то, что хочу. Мне
мало доверяют в моей же стране, а со стороны советских
товарищей я не чувствую определенной поддержки. Мне очень
трудно — сам Дубчек называет меня старым дураком и сталини-
стом».

Л. Свобода в разговоре с Еремеевым просил его, «чтобы их

беседа была бы полностью через меня доведена до руководства Советского Союза. Связь с ним можно держать через генерала Холода, начальника военного гарнизона Праги. Генерал Холод — это доверенное лицо Людвиг Свободы. О моей встрече и беседе с Еремеевым я подробно доложил Л. Брежневу и Ю. Андропову. Кроме того, послал письменную информацию в ЦК КПСС, в которой изложил свои предложения, в частности, внес предложение послать Еремеева в группу войск для связи с чехословаками и поддержания тесной связи с Людвигом Свободой. Что касается самого Л. Свободы, то его следует с нашей стороны всячески поддерживать и информировать о наших мероприятиях по Чехословакии. В нем мы можем иметь надежного союзника по локализации тревожных событий в Чехословакии.

27 июля 1968 года. Заседание Политбюро ЦК КПСС — обсуждаем тезисы выступления главы делегации Брежнева на двусторонней встрече руководителей КПСС и КПЧ. Окончательно решен вопрос, что 29 июля в Чиерне-над-Тисой состоится двусторонняя встреча. В ней принимают участие все члены и кандидаты Политбюро ЦК КПСС и члены и кандидаты Президиума ЦК КПЧ. Наши тезисы в своей основе подготовлены неплохо, но в лекционном плане. Лекции чехам мы читали, начиная с Дрезденского совещания, а толк какой? На том этапе, может быть, и нужны были элементы лекционного порядка. А сейчас должен быть спрос и отчет. Непонятно также и то, зачем мы в наших тезисах затрагиваем решения XX съезда КПСС и культ личности Сталина. Перед кем и зачем мы раскрываем наши военные расходы и обязательства по сельскому хозяйству? Уместно ли нам в этом нашем документе критиковать Югославию? Надо подчеркнуть тезис защиты позиции варшавского письма пяти социалистических стран. Неплохо было бы сказать о роли СЭВ, высказать критику по концепции Шика.

Все эти и другие вопросы мной были высказаны в порядке замечаний и предложений к тезисам.

Во время заседания состоялся телефонный разговор Брежнева с Кадаром. Как нам сообщил Брежнев, у Кадара хорошее настроение — он поддерживает все наши мероприятия. Говорит, что мы должны иметь обязательно двустороннюю встречу с чехами. Нам дорог международный авторитет всех соцстран, и мы должны действовать сообща. Брежнев по тезисам высказал свои соображения так: «Материал подготовлен хорошо, но переговоры не экономические, а политические. Отсюда и встреча должна носить политический характер. Мы должны изложить нашу позицию, отстаивать политику братства между пар-

тиями и народами, классовую суть совместных действий по разгрому фашизма. После этого только наступили экономические процессы. Что касается коммунике встречи, то пусть проект представят чехи».

27 июля с Внуковского аэродрома всем составом Политбюро тремя самолетами ИЛ-18 отдельными группами вылетели на военный аэродром в Мукачеве. Прибыли все самолеты в 16.00. От Мукачева до Чопа 56 километров проехали машинами. Я ехал в машине вместе с Косыгиным, он искренне восторгался селами, чистотой и порядком в Закарпатье. В Чопе разместился в поезде по закрепленным вагонам.

Утром **28 июля** поездом выехали на наш пограничный разъезд, расставили поезда, сделали соответствующие разрывы для пропуска поездов в Чехословакию. Организовали связь, охрану. Приступили к жизни в полевых условиях. Место стоянки немного облагородили, проложили дорожки к вагонам, оборудовали общие места. Людей с техническим персоналом, медициной, охраной набралось очень много. Все приступили к исполнению своих обязанностей. Правда, были и такие, что начали из лодок ловлю рыбы в Тисе. Хорошо, что я в свой «состав» из трех вагонов захватил вагон-ресторан с полным набором продуктов питания: хоть подкармливай москвичей. В 800 метрах от нас находится граница, видны наши и чехословацкие пограничники. А в километрах 5—6 в глубине нашей территории находятся наши легкие походные механизированные воинские подразделения. Километрах в 30 — настоящие большие танковые и артиллерийские части.

Распорядок нам предстоял следующий: утром наш состав пересекает границу на станции Чиерна, работаем до обеда, возвращаемся к себе — обедаем, затем снова пересекаем границу. Почевать к себе на разъезд, на нашу стоянку, и так каждый день.

29 июля 1968 года, 10 часов утра. Наш поезд пересекает границу, и мы через 15 минут прибываем на чехословацкую территорию на станцию Чиерна-над-Тисой. Нас встречают члены Президиума ЦК КПЧ, и мы с перрона направляемся к месту заседания. На станции собралось немало народа — нас приветствуют, но очень сдержанно. Зато раздаются истошные возгласы: «Берегите Дубчека! Берегите Дубчека! Берегите Дубчека!!» Брежнев, не разобрав, что выкрикивают, спросил меня, я ему ответил, что кричат. Не очень нам было приятно слушать эти выкрики, вроде бы мы приехали украсть Дубчека.

Охрана всего порядка совещания обеспечивалась нашей

и чехословцкой стороной. Очень много было корреспондентов из разных стран, но большинство с Запада. Совещание проходит в маленьком помещении, не то зал заседания, не то столовая или красный уголок. Итак, в 11 часов утра открылось совещание. Чехи по одну, мы по другую сторону длинного стола, накрытого зеленым сукном.

Коротким вступительным словом Дубчек открыл совещание. Он сказал: «Члены Президиума ЦК КПЧ решили встретиться с вами, чтобы на позитивной основе найти возможность устранить недоразумения. Приветствую вас, дорогие друзья». Далее Дубчек говорит, что они считают необходимым через ЧТА (Чехословацкое телеграфное агентство) и ТАСС дать сообщение об открытии настоящего совещания. «Мы также считаем, — говорит Дубчек, — что на нашем совещании должна быть непринужденная обстановка. Первое слово предлагаю предоставить тов. Брежневу».

Л. Брежнев поблагодарил за приветствие и выразил одобрение, что члены делегаций будут выступать по своей инициативе. Он изложил тезисы, которые были отработаны и утверждены на Политбюро ЦК КПСС еще в Москве.

После этого выступил А. Дубчек. Он сказал: «Я считаю, что все вопросы нам надо обсудить без лишней драматизации положения дел в Чехословакии. Мы все здесь представители нашего народа, а наш народ всегда стремился к Советскому Союзу. Но нельзя допустить, чтобы Советский Союз задерживал использование наших возможностей для развития нашей страны, тем более нами самими. Правда, у нас имеются некоторые элементы, которые открыто и скрытно выступают против Советского Союза. Но у нас нет отхода от социализма, нет контрреволюции, и мы не согласны с письмом Варшавского совещания. Варшавское совещание и его решение — это ошибочное решение, и мы не можем согласиться с его выводами. Оно нарушает наши права и противоречит международному коммунистическому движению, оно не соответствует нормам и взаимоотношениям между социалистическими странами. Это нарушение наших прав, вмешательство в наши внутренние дела. Мы сами в достаточной степени способны у себя в стране разобраться, как нам вести свои дела. Мы критикуем вас, почему вы воспрепятствовали проведению двустороннего совещания с нами других социалистических стран и партий? Почему мы должны ездить для решения наших вопросов в другие страны, тем более что к нам там предвзято и с пренебрежением относятся? Участники Варшавского совещания односторонне подошли к оценке событий

в Чехословакии. Если дискутировать честно, открыто, то тогда ставится вопрос: почему вы, участники Варшавского совещания, не опубликовали в своей печати ответа ЦК КПЧ на варшавское письмо? Варшавское совещание, его решения нанесли огромный урон международному коммунистическому движению. Вам ведь известно, что нас, КПЧ, поддерживают многие братские партии и, мягко говоря, выражают недоумение по варшавскому решению. Мы заверяем вас в нашей дружбе с Советским Союзом и тут же говорим, что мы остаемся на своих прежних позициях. Одностороннее ограничение наших возможностей в нашем развитии? Мы с этим не можем согласиться. А кто бы согласился из вас, подписавших варшавское письмо?

Нас обвиняют в отсутствии охраны западных границ. Такое обвинение необоснованно, это выдумка. Мы ведь не меньше других заинтересованы в укреплении порядка в нашей собственной стране. Мы стоим за Варшавский Договор, но вместе с тем мы не можем допустить подавления нашего развития. По Варшавскому Договору у нас с вами нет никаких расхождений. После проведенных маневров, а срок их давно закончен, ваши войска находятся на территории Чехословакии. Это вызывает кривотолки. Выводом войск мы хотели снять некоторые ненужные острые вопросы и нормализовать положение. Ибо пребывание ваших войск у нас вызывает возбуждение и отрицательно действует на наш народ. Несмотря на наши неоднократные просьбы вывести войска после маневров, они без всякого основания задерживаются на нашей территории. А маршал Якубовский распоряжается всем как у себя дома. На наши просьбы вывести войска реагирует с раздражением и даже с какой-то угрозой.

Чехословакия заинтересована в сотрудничестве по линии СЭВ. Наше отношение к нему позитивное, только его деятельность надо значительно улучшить на взаимовыгодных условиях. Мы ведь поддерживаем все послевоенные договора с вами. Но мы категорически возражаем и отвергаем выдвинутое против нас обвинение о том, что якобы мы имеем особые связи с ФРГ. Почему вы не предьявляете в этом плане претензий другим социалистическим странам, которые имеют торговые и экономические связи с ФРГ? Речь идет о том, что вы не понимаете нашей политики, нашего влияния молодежных и профсоюзных организаций на ФРГ. Мы тоже за мирное сосуществование, за интернациональную помощь. Мы ведь не в малой мере тоже помогаем Вьетнаму.

КПЧ считает: чтобы выработать правильную линию, найти свое место и определиться, нам надо провести широкую дискуссию, и обязательно с участием румын и югославов. Мы вам объясняем, что Пленум ЦК КПЧ уже принял решение по

Варшавскому совещанию и письму, и мы все делаем, чтобы не допустить контрреволюции. Активность КПЧ повышается, «2000 слов» не получили поддержки в народе. Мы выступаем и против «К-231»¹¹⁶, и он может прекратить свое существование по мере окончания реабилитации.

Печать, средства массовой информации еще не в наших руках, и мы не можем этого отрицать. Майский Пленум ЦК КПЧ подтвердил, что правые элементы активизируются, но контрреволюции у нас в стране нет. Развитие нашей страны не дает оснований делать оценку, что в стране происходит контрреволюция. Поэтому массы не поддерживают варшавское письмо. Происходит разное понимание политики нашей партии. Поэтому письмо братских партий бюрократическое, оно вбивает клин между братскими партиями.

Вопросы, затрагивающие нашу самостоятельность, нами воспринимаются чрезвычайно болезненно. Письмо пяти братских партий отняло у нас много времени, сил, оторвало нас от плодотворной подготовки к XIV съезду КПЧ. Я искренне говорю, что мы могли бы разработать мероприятия, издать законы, запрещающие действие клубов, высказывание других суждений, но разве это совместимо и направлено на развитие демократии в социалистическом обществе?

Мы историю КПЧ будем писать с января 1968 года, а после XIV съезда КПЧ мы наметим главные мероприятия, чтобы окончательно восстановить авторитет партии. На съезде будет 934 делегата, в состав нового ЦК КПЧ войдет много новых людей, в том числе и молодежи. Мы и сейчас считаем, что в партии происходит нормальный процесс, а новый устав защищает в КПЧ демократию. Мы принимаем меры, чтобы не было предъявлено необоснованных обвинений партийным функционерам. КПЧ пользуется большим авторитетом среди молодежи, в подтверждение этого можно привести пример: когда студенты затеяли вольнку, я пошел к ним, и мы решили все вопросы. Они меня слушаются — признают за вождя.

Наш Национальный фронт является политической гарантией социалистического строя в нашей стране. Нелегальный комитет по организации социал-демократической партии существует, но он не может нарушить единство рабочего движения, да мы этого и не допустим. Если же этот комитет выступит открыто, то мы примем соответствующие меры. Что касается студенческой газеты, то она будет закрыта».

Продолжая свое выступление, Дубчек говорит: «После съезда нами будет проводиться экономическая политика по образцу других социалистических стран, при этом мы не исключаем того, что будет допущена практика частного предпринимательства. А восстановление самоуправления повысит социалистиче-

ские тенденции, и это соответствует марксизму-ленинизму. Мы понимаем, что нам надо принять меры по укреплению средств массовой информации. Мы поручили правительству Черника навести в этом вопросе порядок». Тут Брежнев перебил Дубчека: «А что может сделать правительство в отношении партийного органа «Руде право», в котором публикуются антипартийные материалы?»¹¹⁷ Дубчек пристально посмотрел на Брежнева, ничего не сказал и продолжил свою речь: «Вы односторонне оцениваете наше положение, не считаетесь с мнением народа, масс. Партия не может пойти по своему пути, не преодолевая вместе с народом возникших трудностей. Решение проблем требует времени — мы пробуем идти несколько другим путем, а вы идете другим, своим путем. Что же у вас нет трудностей и ошибок? Но вы о них умалчиваете, не обнажаете, а мы не боимся сказать правду своему народу.

Мы считаем, что КПЧ владеет положением дел в стране. Мы хотим принять решение, в котором призвать в ряды партии лучшую молодежь. Вы посмотрите, что делается в Венгрии. Там огромное влияние Запада во всех областях жизни страны, а западные границы, по существу, открыты, и вы об этом молчите, или, может быть, вам это неизвестно? Наши же западные границы находятся в полном порядке. Наша политика — создать универсальную модель социализма, у нас своя специфика — следовательно, есть отличительные черты работы нашей партии. Мы нашими действиями внесем большой вклад в международное рабочее движение и дружбу с Советским Союзом. Наши отношения должны укрепляться — и это не декларация, а глубокие, искренние чувства. Варшавская встреча — сепаратная встреча. Она даже нанесла вред нашей дружбе. Я призываю отойти от варшавского письма. Оно, безусловно, было направлено на подрыв и развал единства социалистических стран. Наше историческое прошлое и настоящее, наше положение требуют уважения к нам в ваших действиях. Мы ведь тоже не только причастны к социалистическому лагерю, а так же, как и вы, являемся его членом. Так, спрашивается, почему к нам допускается такая политическая бестактность? Пленумы ЦК наших партий стоят на разных позициях».

Выступление Дубчека было очень острым, носило наступательный характер и произвело на всех нас, членов советской делегации, удручающее впечатление, вызвав особую тревогу. Он почти все отрицает, обвиняет пять социалистических стран и их партии и руководителей, подписавших варшавское письмо. Он явно апеллирует к другим партиям, и прежде всего — к Югославии и Румынии. Все дело ведет к разрыву Чехословакии с соцстранами. Задуматься было над чем, и все это вызыва-

ло тревогу. Брежнев после выступления Дубчека буквально изменился в лице — растерялся, посинел, а на следующий день заболел и слег.

Объявлен перерыв на два с половиной часа, мы не поехали обедать к себе, а нас чехи угостили кое-чем, в том числе традиционным пивом. Мы, все члены делегации, проводили большую работу с чехословацкой делегацией. Толкования и реакция на выступления Дубчека среди чехословаков были разные, но оставалось одно ясным, что напряжение нарастало и предстояли большие трудности на этих переговорах. Предстоял настоящий политический бой, а к чему все это приведет, трудно даже предположить — время покажет.

После перерыва, довольно длительного, в 19.30 выступил Й. Черник: «Я считаю, что переговоры идут между друзьями, и мы понимаем, что наша общая озабоченность у вас вызывает большую тревогу, чем у нас. И я разделяю точку зрения, высказанную на этом совещании тов. Дубчеком. Речь идет о том, кто и как понимает контрреволюцию. У нас сейчас происходит процесс просоциалистический. В зависимости от характера процесса, его оценки надо принимать и меры. Мы заверяем вас, что КПЧ — ваш верный друг и товарищ. Мы просим понять нашу озабоченность, так как после опубликования на весь мир письма пяти стран Варшавского совещания нам трудно стало работать, тем более согласиться с его содержанием и тоном. Каждому ясно, что КПЧ формировалась под воздействием КПСС и лично тов. Сталина. Тогда, еще в 1946 году, КПЧ добилась больших успехов в нашем рабочем классе, что в значительной мере способствовало подготовке революции 1948 года, провозглашению страны народно-демократической республикой.

Мы не выступаем против заслуг или охаивания прошлого КПЧ, но вместе с тем мы говорим, что КПЧ никогда не пользовалась таким авторитетом, как после января 1968 года. Не может быть, чтобы социализм в Чехословакии шел по другому пути, чем марксистско-ленинский путь. Но мы хотим, чтобы критика наших недостатков была бы более лояльной, мы хотим сами решать свои внутренние партийные и государственные дела. Варшавское письмо так написано, что оно взбудоражило народ и партию: ведь у нас каждый пятый взрослый человек является членом КПЧ. То, что вам кажется антисоциалистическим, в определенной ситуации может быть политически выгодно. Мы не понимаем, не знаем, в чем вы нас обвиняете. Мы ведем курс правильно. Майский Пленум ЦК КПЧ

определил главное направление в деятельности и усилении руководящей роли КПЧ. Мы все делаем, чтобы удерживать все политические средства нашего воздействия и завоевания истинного доверия к КПЧ среди народа, чтобы в стране была свобода слова, печати. И если вы все это критикуете и отвергаете, то это идет не на пользу нам, КПЧ, и вам, КПСС. Органы власти, все административные средства воздействия, органы безопасности находятся в наших руках. Правда, имеется некоторая непоследовательность у отдельных руководителей, но мы это исправим. Нам надо все строить заново. Мы сейчас не имеем ни права, ни возможности принять решительные меры, тем более незаконные меры против людей, по-иному мыслящих.

Что касается роста социал-демократической и народной партий, то мы отрицаем их как политическую силу, и вам не стоит этого преувеличивать. Социал-демократическая партия в Чехословакии существует с 1951 года, в Остраве даже правые социал-демократы хотят вступать в ряды КПЧ. Через три дня будет принят закон, и социал-демократическая партия прекратит свое существование. Видим ли мы контрреволюционную ситуацию у нас, как кое-кому это кажется? Мы такой обстановки у себя не видим. Может быть, это плохо? Но ведь обстановку в стране мы знаем лучше, чем может быть, она кажется со стороны, тем более если к оценке состояния дел подходить предвзято, необъективно. Сегодняшнее руководство пользуется в КПЧ и народе авторитетом как никогда и как никакое руководство. Нашей партии не угрожает никакая опасность, пока она с народом.

С военным учением получилось недоразумение. Вы объявили одно, а делаете другое. Без всяких на то оснований ваши военные, их подразделения задерживаются на нашей территории. Как я, как глава правительства, могу объяснить это народу и 65 тысячам коммунистов, которые находятся в нашей армии? А к нам по этому вопросу идут запросы: кто же мы в нашей собственной стране — правительство или кто?

Наши западные границы в надлежащем порядке: ограничено передвижение в пограничных районах, введен строгий визовый режим. Правда, за последнее время было 420 случаев нарушения границы. Так в других социалистических странах их не меньше! Возрос туризм на 20%, а всего за последние годы в нашей стране побывало 406 тысяч человек, и мы считаем это явление нормальным, тем более если сравнивать с другими странами социалистического блока. Что же касается приезда в нашу страну по частным визам, то у нас за год было 88 тысяч человек, а по обменным визам между ГДР и ФРГ прошло за год около двух миллионов человек.

Вся наша внешняя политика и укрепление дружбы с Совет-

ским Союзом направлены на то, чтобы еще больше укреплялся Варшавский Договор. Мы понимаем и знаем, нам об этом говорит и история, что наша страна несколько раз была объектом разбойничьих действий немецких империалистов. Наша политическая и экономическая деятельность ориентирована на Советский Союз и повышение деятельности СЭВ. Наша реформа не имеет ничего общего с югославской экономикой, 70—72% нашей экономической деятельности связано с социалистическими странами. У нас сложная экономическая ситуация. Мы обратились к вам за помощью, чтобы вы дали нам кредиты, но в ответ мы слышим голос: «А не будет ли этот кредит подарком для контрреволюции? «Такая постановка вопроса нас оскорбляет. Поверьте нам, что для нас именно сейчас крайне необходимы кредиты и экономическая поддержка».

На этом Черник свою речь закончил. Брежнев задал Чернику следующие вопросы:

«Зачем вы связываете свои национальные чувства с варшавским письмом?

Что это такое — «консерваторы» и «прогрессисты»?¹¹⁸

Какие это правые силы, почему вы не говорите, может быть, вам чем надо помочь?

Почему вы выдумываете, что вы были «марионетками» на Дрезденском совещании? Что же вы его не признаете?

За что вручен орден Пеликана?¹¹⁹

Почему вы не призываете Шика к порядку? От него уже голова болит.

Члены вашего правительства выступают против вас. Как вы реагируете на это?»

Черник не стал отвечать на эти вопросы. Встал Дубчек и сказал: «Тов. Брежнев, а не кажется вам, что в ваших вопросах тоже есть вмешательство в наши дела?» На некоторые вопросы Дубчек все же дал ответы, но в довольно резкой форме, и Брежнев замолчал.

Выступление А. Н. Косыгина. Его речь была в пределах утвержденных тезисов. Он остановился на экономических вопросах, на связях по СЭВ. Много говорил об огромных природных наших ресурсах, о разведке и добыче нефти, газа, угля, о лесных богатствах нашей страны. И что все это можно было бы в пределах программы СЭВ хорошо использовать и чехам. Чехословаки с большим интересом прослушали речь Косыгина. Но мне казалось, что он напрасно дает векселя на раздачу сырьевых ресурсов нашей страны: мы не сырьевой придаток, и ресурсы не бесконечны.

Выступление Ю. Смирковского. Речь его сводилась к следующему: «До января 1968 года напряжение в партии и стране было огромное, обстановка сложная. Все это могло привести к кризису, который, возможно, надо было бы решать силой. Эти наши сегодняшние переговоры — второй критический момент в нашей партии после января 1968 года. Мандат для настоящих переговоров мы получили от своего народа — за исключением 10—12% сил противников социализма. Мы хотим «упрощенный способ социализма, чтобы социалистический строй имел свое лицо». Одновременно мы не можем, не смеем допустить раскола с КПСС — это наш основной момент. То, что огромная волна в международном масштабе поднялась в нашу поддержку, это не может принести нам свободу. Свобода раз и навсегда нам принесена Советским Союзом, да мы и не можем существовать без вас. КПЧ считает: чтобы выработать правильную линию, найти свое место и определиться, нам надо провести широкую дискуссию с обязательным привлечением румын и югославов. Мы вам объясняем, что после январского Пленума ЦК КПЧ мы вынуждены были снять с работы секретарей обкомов, которые не были согласны с новой политикой. Отрицательных явлений в нашей жизни и деятельности становится все меньше, журналисты теперь хорошо ориентируются.

О статье Павелка. По своему содержанию она неправильна, исторически звучит фальшиво. Этот человек может организовать провокацию, но не он решает дело. То же можно сказать и о Свитаке. Он в клубе «К-231», но не он основной функционер, и он не решает дело.

О выступлении студентов. Они симпатизируют нам и поддерживают КПЧ, и мы все вопросы хотим с ними урегулировать политическим способом, без применения административных мер.

Какая ситуация сейчас в стране? КПЧ пользуется авторитетом как никогда. Происходит консолидация наших сил. Мы надеемся на XIV съезд КПЧ, от которого мы многого ждем, и мы в своей политической деятельности оттолкнемся от него. Вы верьте нам. У нас имеются недостатки, но просим доверять нам, мы республику никуда не отдадим. Если появится какая-либо у нас опасность, мы ее сами ликвидируем, но чтобы только между нами отношения оставались честные и правдивые. Вот вы не захотели приехать к нам в другой город. А что было бы, если бы приехали? Вас бы приветствовали так же, как здесь, в пограничной зоне. Наш народ за дружбу с Советским Союзом».

На этом первый день совещания закончился. Он для нас ничего отрадного не принес. Обстановка накалялась, напряжение росло.

Поздно ночью, около 24.00, мы поездом возвратились на

свою территорию. Вся делегация в вагоне Брежнева собралась для совета. Что же делать дальше? Как направить совещание по желаемому для нас руслу, чтобы оно принесло положительные результаты? Из выступлений Дубчека, Черника, Смрковского видно, что вопрос обостряется. Чехи явно идут на конфронтацию и считают себя уже чуть ли не «победителями». Среди нашей делегации было единство — повернуть ход совещания по нашему желанию. Л. И. Брежнев до крайности нервничает, теряется, его бьет лихорадка. Он жалуется на сильную головную боль и рези в животе. На нашем совещании пришли к решению, что завтра, 30 июля, с утра, до пленарного заседания, нужно собрать совещание «четверок»: с нашей стороны — Брежнев, Подгорный, Косыгин, Суслов; со стороны чехов — Дубчек, Черник, Свобода, Смрковский. На заседании этих «четверок» выработать совместные действия, добиться какого-то взаимного понимания, выработать общую платформу. Хотя по ходу дела каждый из нас понимал и видел, что сделать в этом отношении почти ничего невозможно. Но у нас другого выхода не было. Обсуждались и другие предложения — прервать переговоры, уехать в Москву, проконсультироваться с пятью соцстранами, подписавшими варшавское письмо, а затем «действовать». Но как действовать и на кого опереться в Чехословакии в наших «действиях»? Вопрос оставался довольно неопределенным и туманным.

После совещания разошлись в свои вагоны почти в четвертом часу ночи. Спалось плохо, тревожно, мучила неопределенность завтрашнего дня.

30 июля 1968 года. 9 часов утра, наш поезд снова отправляется на чехословацкую территорию. Вот и граница. Как положено, стоят наши пограничники и чехословацкие, но уже заметно усиленными нарядами. Состав на границе совсем замедляет ход, чувствуется полнейшая пограничная напряженность, только и того, что не проверяют наши документы, но наши пограничники передают по всем правилам состав чехословацким пограничникам. На перроне нас встречают члены Президиума ЦК КПЧ, но на сей раз еще более сдержанно. И снова выкрики: «Берегите Дубчека!» Сегодня на площади перед зданием, где проходят переговоры, собралось довольно много народа. Чувствовалось, что все это специально организовано и подобран для этого специальный состав. Весь этот народ был выстроен в каре. Чехи нам вроде бы невзначай предложили пройти возле народа, поприветствовать его. Люди были какими-то угрюмыми и напряженными. Нас приветствовали довольно сдержанно. При появлении Дубчека его приветствовали просто неистово, ему бросали цветы, провозглашали здравницы в его честь. Где-то

далеко и глухо был один-два выкрика в честь дружбы народов СССР и ЧССР, КПСС и КПЧ. Но чувствовалось, что это был «дежурный», вынужденный лозунг.

«Четверки» ушли на совещание, мы, остальные члены делегации, беседовали с чехословацкой делегацией, проверяя и «щупая» друг друга, выясняли настроение друг друга. Время тянулось мучительно долго, совещание «четверок» продолжалось более четырех часов. После совещания собралась вся наша делегация. Брежнев проинформировал нас о том, как проходило совещание «четверок». При этом он сказал: «Разговор был очень острый, чехи нас заверили в своей к нам дружбе. Мы добились того, что визиты в Чехословакию Тито и Чаушеску были отложены. Но напряжение не снято, предстоят сложные переговоры».

Брежнев окончательно заболел — головная боль и расстройство желудка. Очевидно, сказалось нервное напряжение, и он ушел к себе в вагон, оставив за себя Сулова.

Открылось пленарное заседание нашего совещания.

Первым выступает Л. Свобода. Он сказал: «В самые трудные времена мюнхенского периода Советский Союз выступал за Чехословацкую республику, но правительство того времени не приняло предложения Страны Советов¹²⁰. Наш народ никогда не забудет, что именно Советский Союз, Советская Армия спасли чехов и словаков от фашистского порабощения и угнетения. Наша свобода скреплена священной братской кровью. Фашизм хотел уничтожить 70 миллионов славян, и заслуга Советского Союза перед всеми народами Европы за их спасение от фашистского уничтожения. В Чехословакии построен социализм — Советский Союз может жить без Чехословакии, а Чехословакия не может и не хочет жить без Советского Союза. Поймите, товарищи, что если у нас и выступают отдельные правые, даже контрреволюционные элементы, то они не представляют трудового народа нашей страны».

До сих пор Л. Свобода выступал без текста, и это было остро, логично, убедительно, просто хорошо. Но вот пошло выступление Л. Свободы по написанному тексту — оно бесцветно, неубедительно, кто-то написал ему текст, а он, бедняга, даже не может его хорошо прочесть, путается, сбивается, нервничает. Дежурная критика прошлого партийного руководства, и все это звучит фальшиво, неубедительно. Одним словом, как говорят, с «чужого голоса». И вообще когда критикуют людей, бывших у власти, то это как-то даже возвеличивает людей, бывших у власти. И ничтожно выглядит человек, критикующий прошлое, а не настоящее; ведь для критики настоящего нужен характер и смелость.

В заключение своего выступления Л. Свобода сказал: «Наш народ хочет дружбы с Советским Союзом. Наши различные взгляды на некоторые вопросы не могут повлиять на дружбу наших народов и стран социалистического общества».

Выступление М. А. Суслова. Он не отступает от основных тезисов, хотя сама обстановка этого требует. Его речь носит сугубо «теоретический» характер. Кажется, все сказано правильно, даже убедительно, торжественно и высокопарно. Но все это в данной сложной обстановке мало кого трогает, а в особенности чехословаков. Речь Суслова ими была прослушана с каким-то скептицизмом. Они видят, что это говорит закоренелый догматик, человек, оторвавшийся от жизни. Суслов закончил свою речь словами: «Дружба наших партий и народов основана на марксистско-ленинской основе».

Выступление В. Биляка. Вот смысл и содержание его речи: «Хочу сказать вам, товарищи, чтобы вы поняли, что нам трудно, всему Президиуму ЦК КПЧ, а в особенности отдельным членам Президиума. Мы критикуем друг друга, но мы работаем в ненормальных условиях. Не Президиум определяет и решает главные вопросы нашей политики, а средства массовой информации, которыми мы почти не владеем, а второй центр глушит нашу работу. Нет стихийности в том, что вас так встречают. Все это организовано, и мне лично стыдно за то, что вас так встречают у нас, тем более когда проходят такие важные переговоры между нашими партиями. Смирковский говорит, что дисциплина должна быть во всем. Это так, но если дисциплина направлена против своих друзей, то это уже очень плохо. Вашим опасениям я верю больше, чем нашим гольдштюкерам»¹²¹.

Биляк говорил остро, страстно, нервничал. Продолжая свою речь, он говорил: «Я хочу сказать, что никто из нас не хочет возвращаться к старому, и вы этого не хотите. Но мы в нашем Президиуме говорим с разных позиций. У нас через голову ЦК многие члены ЦК ведут каждый по-своему борьбу с нашими ошибками. Нам надо бы больше работать над сплочением наших сил, не ослаблять КПЧ, не предавать все прошлое нашего общества уничтожающей «критике», не искажать исторических фактов и самой истории — ведь в ней подвиг народа! Мы не использовали ваш опыт в борьбе с ошибками, мы не должны, не имеем права замалчивать наши трудности и сложности. У нас появилось много доктринеров, которые каждый своими методами старается «лечить наше общество».

Наша «Программа действий» не стала действием. В ней мы много наобещали того, что не сделали и не можем сделать.

У нас даже в Президиуме идет дележ на «прогрессистов» и «консерваторов». А кто защищает ленинизм и Советский Союз, того считают чуть ли не врагом народа. При таком положении откуда может быть руководство страной со стороны КПЧ?

О варшавском письме пяти социалистических стран. Оно имеет свои отдельные погрешности, но я лично под 80% его содержания могу подписаться. Разведка наша работает, но вся ее работа направлена против тех людей, которые стоят на правильных ленинских позициях. Мы приняли майскую резолюцию, но мы ее не разъяснили людям, даже всем членам КПЧ. В то же время правые элементы используют нашу резолюцию для ослабления КПЧ и социалистических завоеваний.

Тактика наших противников хитрая, продуманная. Они стараются на все ключевые позиции поставить свои кадры, овладеть этими командными позициями, чтобы проводить свою линию. Мы говорим, что достигли «объединения» народа, но это сделано на антисоветизме, национализме, на боязни за свой суверенитет. И это сделали не мы, а наши противники. Ведутся ужасные нападки на тех, кто защищает правильную линию КПЧ. Швестка, Кольдер, руководители рабочей милиции — они считаются «консерваторами». Против них выступают «прогрессисты», подписавшие «2000 слов». У нас существует атмосфера духовного террора. Мы почему-то не осмеливаемся открыто сказать, что у нас ползет антисоветизм. А январь наш все дальше уходит от нас.

Кто сказал, что нам угрожает Советский Союз? Эту мысль нам навязывают извне, а мы запутались и даже этого настоящему не можем объяснить своему народу. А что такое «демократический социализм»? Почему социализм должен быть с каким-то приложением? Мы ушли так далеко, как само классовое содержание нашей борьбы. Умышленно и по глупости каждый день по радио и телевидению идет критика политики КПЧ. Мы дезориентируем и обманываем людей». Биляк зачитывает письмо старого коммуниста, которое тот прислал в ЦК КПЧ. В этом письме он предупреждает о потере классового чутья и об опасностях развала КПЧ. Биляк делает вывод: «Мы зашли слишком далеко».

Продолжая свою речь, он сказал: «Мы управляем лозунгами. Ни одна партия, если она зрелая и ответственная, ее руководители не могут управлять страной одними лозунгами и призывами. В стране и КПЧ должны быть авторитеты, но не культовые царьки. Мы сейчас очутились в очень трудном положении. Нам надо со всем тщательно разобраться, разработать четкий план устранения наших серьезных недостатков. Я считаю, что в народе будет трагедия, если Дубчек уйдет, но»

если наступит разрыв с КПСС, то нам нельзя будет ни жить, ни работать».

Брежнев на этом заседании уже не было. Он плохо себя чувствовал, ушел в свой вагон и не слышал выступления Биляка.

Выступление Кольдера — члена Президиума ЦК КПЧ. Он в своем выступлении сказал: «По всему ходу нашего совещания видно, что нам расходиться нельзя до тех пор, пока мы позитивно не решим все вопросы, не договоримся о всех деталях и совместных действиях. Нам надо было раньше собраться. В нашей стране происходит какой-то психоз вокруг организации ответа на варшавское письмо. Происходит невероятное давление на тех, кто в какой-то мере поддерживает письмо пяти стран. Идут угрозы в их адрес. Я лично нахожусь в таком состоянии, что скоро буду просить убежища у вас, тов. Шелест. Перед самой этой встречей организовали письмо — ответ на варшавское письмо. Дубчек и Смирковский думали, что они смогут управлять этим процессом, но оказалось, что их в этом деле тоже никто не слушает и не признает. В политическом новаторстве не должно быть тумана, мы должны защитить Майскую революцию. Демократия должна быть, но что делать, как поступить, чтобы остановить антисоветские настроения, их рост, воспрепятствовать психозу? Мы пока что ясного ответа на все эти вопросы не имеем. Я не могу сказать, что Советский Союз когда-либо вмешивался в дела нашей республики или КПЧ. Дубчеку давно было сказано, что надо навести должный порядок в органах массовой информации и пропаганде, иначе не будет никаких положительных результатов выполнения нашей программы. У нас много несогласованности, но мы едины в том, что КПЧ должна полностью овладеть положением дел. Но даже и в этом мы подходим к положению вещей по-разному. Нет в Президиуме единства в оценке тенденции контрреволюции. «2000 слов». Им не дана характеристика и оценка как платформе разложения рядов КПЧ. В этой программе дается всем государственным и общественным организациям четкое направление ревизионистских действий.

О социал-демократах, их действиях и роли. Я далек от того, чтобы пугать ими, но нельзя не принимать мер к их действиям. Это было бы просто опасным, у них имеются контакты, даже прочные связи с Западом. Я согласен с Биляком, что у нас существует опасность справа, но наши органы, в частности МВД, не делают правильного анализа действиям правых.

Суть наших многих вопросов и недостатков заключается в самом Президиуме. Мы не умеем реализовать даже наши собственные решения. Ослабление дисциплины лежит в наших

разногласиях, у нас отсутствует демократический централизм. В партийном аппарате разложение. Он занят закулисной политикой, политиканством и интригами. Организатором всей этой антипартийности является Главачек, заведующий орготделом ЦК КПЧ. Мы же с этим не ведем борьбы, почему-то стыдливо об этом умалчиваем. Идет шельмование В. Биляка, Ю. Ленарта, выражается им недоверие. Есть даже решение ЦК прекратить все это, но мы не доводим до конца ничего, не делаем выводов, не идем на обострение конфликтов. После января имеются и негативные явления, и надо бы давно их устранить. И опасения ваши мы признаем. Нам надо принципиально и решительно устранить наши недостатки. У нас имеются планы, мероприятия, и их нам надо реализовать, но до тех пор, пока мы полностью не овладеем средствами массовой информации, мы ничего не сможем сделать, а для овладения этими средствами мы почти ничего не делаем».

Смрковский дает справку по средствам массовой информации. Высказывает свое несогласие и недовольство по поводу острой оценки положения дел, высказанной Биляком и Кольдером. Вообще Смрковский владеет словом и языком неплохо. Слушая его, можно даже кое-чему поверить: он обладает ораторским искусством, хитрый и не глупый политический демагог.

Объявляется перерыв на обед. Мы уезжаем на свою территорию. Брежнев болен и не появляется. Чувствуется, что он не столько болен, сколько растерян и подавлен. Ведь уже становится ясным, что встреча и переговоры в Чиерне-над-Тисой ничего хорошего не дадут — они на грани провала. А как же быть дальше? Вот вопрос из вопросов.

Пообедали, поговорили, разговор не клеится, снова поездом поехали на чехословацкую территорию.

Брежнев, не поехал к чехословакам, он «болеет» — остался в вагоне на нашей территории.

После перерыва первым выступает А. Шелепин. Выступление было принципиальным, в рамках наших общих тезисов. Он говорил об острой классовой борьбе в мире, о политической бдительности, о единстве действий профсоюзных органов. В общем выступление было неплохое, но в классически выдержанных формах начетничества. Хотя некоторые вопросы взаимоотношений профсоюзов были обострены.

Выступление Пилера — члена Президиума КПЧ, секретаря Среднечешского обкома партии. Он сказал: «Антисоветские выступления у нас не находят массовой поддержки. В целом

люди Чехословакии ценят дружбу с Советским Союзом и его народом». Он останавливается на состоянии партии и правительства до января 1968 года, как они плохо работали, в особенности правительство. Продолжая свою речь, Пилер говорит: «Какая ошибка, которая произошла после января месяца? Я убежден, главная ошибка заключается в том, что кое-кто хочет свалить всю вину на прежнюю деятельность ЦК КПЧ, и в первую очередь на одного А. Новотного. Если он и виноват, то не он один. Для объективности дела надо было дать оценку деятельности каждому члену Президиума ЦК КПЧ. Тогда мы могли бы с чистой совестью и объективно смотреть на происходящие события и смелее держать в своих руках положение дел в партии и стране. А поскольку мы не смогли овладеть положением дел, за нас овладели им другие. В нашем руководстве возник какой-то вакуум. Враждебные силы воспользовались этим и постепенно захватывали посты, овладевали положением дел. У нас же пошла борьба личностей. Даже трудно определить, кто и за что борется. Громадная ошибка была и та, что некоторые начали чрезвычайно заботиться о своей личной популярности. (Здесь Пилер явно сделал намек на Дубчека и Смирковского.) Мы сами в течение трех месяцев, а может быть и больше, просто захватили некоторых чересчур ретивых работников информации. Мы потеряли чутье, что каждый коммунист должен отвечать за свои действия, вплоть до строгой ответственности, даже исключения из партии. А некоторым людям вообще не стоило и даже опасно предоставлять трибуну массовой пропаганды. Многие перепутали демократию с анархией. Мы даже не смогли предпринять необходимых мер к организации массовой информации и пропаганды, чтобы прийти подготовленными на это ответственное совещание».

Далее Пилер сказал, что Среднечешская партийная организация стоит на правильных позициях. «Здесь говорили, что для нормализации положения мешают советские войска, оставшиеся после маневров. Это не соответствует действительности. У нас советские войска были встречены аплодисментами. Наш народ в своей основе хорошо относится к советскому народу». Далее Пилер говорит: «Если нас считают защитниками дружбы с Советским Союзом, то мы должны с большой гордостью ходить даже в «консерваторах», как кое-кто нас считает. Мы должны предъявить более решительные требования к нашим кадрам, не должны оставлять без должной реакции вопросы разглашения партийной тайны, когда вопросы решаются на Президиуме ЦК КПЧ, и это сразу же становится достоянием западных корреспондентов. В подготовке к XIV съезду КПЧ при обсуждении нашего устава должен быть в центре вопрос о демократическом централизме в нашей партии. Мы до сих пор

не решили кадровых вопросов, связанных с предстоящим съездом и новым составом ЦК, и, по существу, не владем этим вопросом. И вообще можно было бы избежать многих ошибок, недоработок в борьбе с правыми элементами, если бы мы были более решительными в наших действиях».

Выступление Барбирека, кандидата от Словакии в члены Президиума ЦК КПЧ. Барбирек сказал: «Тов. Дубчек и Черник охарактеризовали положение в КПЧ. Надо серьезно задуматься над всем высказанным и над тем, что будет еще сказано, над всеми критическими замечаниями. А главное, принять решительные меры, чтобы не на словах, а на деле доказать наше стремление к наведению порядка в КПЧ, стране, в партийном и государственном аппарате. Мы не оцениваем так, что у нас разгул контрреволюции. Но у нас имеются крупные недостатки и ошибки. Дубчек неоднократно говорил о «правой опасности», а дело именно и состоит в том, что имеется большая угроза нашей партии именно «справа». Наше влияние на многие дела в стране слабое, решения майского Пленума не выполняются. Средства массовой пропаганды не в наших руках, и в этом наш большой недостаток. Большая наша слабость в организационно-политическом руководстве и влиянии КПЧ на дела в стране.

Но мы просим советских товарищей понять наши специфические условия. Односторонний подход был бы нереален в решении наших сложных задач. Я не вижу ничего принципиального, чтобы в Чехословакии не устраивало Советский Союз. Нам, обеим сторонам, надо обдумать наши действия, направленные на оздоровление дел в КПЧ и стране. Естественно, что это можно сделать только при руководящей роли КПЧ. Мы не можем допустить разрыва с Советским Союзом. Это просто невозможно».

Выступление Риго (Словакия), кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ. «Хочу откровенно сказать вам, советские товарищи, что дело Чехословакии — это не только наше дело. Это уже сейчас международное дело. Варшавская встреча по нашему вопросу, но без нашего участия, не могла не вызвать бурной волны, в том числе и возмущений. Вы пытаетесь нагнать на нас страх внешним давлением, но и при этом мы все равно не можем во многом с вами согласиться. В том числе и по дискриминации нашей самостоятельности.

Наше руководство еще не разработало мероприятий, направленных на стабилизацию положения, но это не означает, что кто-либо имеет право лишать нас самостоятельности и решать наши вопросы за нас. Опубликование «2000 слов» не имеют каких-либо последствий, да у нас с вами и различные

взгляды на эти вопросы. О работе нашего руководства можно сказать, что у нас нет должного единства. Но мы едины в понимании руководящей роли КПЧ, в кадровой политике. По новому уставу КПЧ, его сути и содержанию у нас нет единого мнения и разное понимание роли демократического централизма. Мы чересчур подогреваем политические формы борьбы и совершенно игнорируем другие формы борьбы за упрочение своего влияния. Нет ясности, кто будет в ЦК КПЧ, в Президиуме, секретарями ЦК после съезда. Все это не может не ослаблять нас и не усиливать наших противников».

Выступление Й. Шпачека, члена Президиума КПЧ. Он сказал: «Я согласен с оценкой, данной нашими товарищами, положению дел в нашей партии. Вместе с тем разделяю ваши опасения за положение в КПЧ. Но Варшавская встреча и письмо пяти партий, принятое на этой встрече, еще больше затрудняют и усугубляют наше положение. В Чехословакии существует много проблем, и мы ими не владеем, и, очевидно, нам не так легко будет овладеть ими. Мы многое упустили в подготовке партийного актива к овладению положением дел. Президиум часто заседает, но почему-то не в полном составе: на него многих членов Президиума не приглашают. Таким образом, многие из нас не знают истинного положения дел. Мы не разделяем мнения, что за 20 лет существования Чехословацкой республики ничего не сделано. Мы против такой оценки, хотя мы действительно могли бы сделать больше и лучше. Нам наши проблемы надо рассматривать самим и самим их решать. В Президиуме происходят дискуссии, и думаю, что в процессе этих дискуссий мы будем приходить к единому мнению.

Существует опасность справа, но ее не следует переоценивать. Надо только правильно определиться, чтобы устранить сами корни опасности. Одновременно хочу сказать, что ликвидировать проблемы в нашей политике не так легко, ибо они имеют свои корни еще до января 1968 года. А сейчас наступила большая депрессия среди партийного актива. В настоящее время изменилась тактика правых сил, и мы должны с этим считаться, но после майского Пленума ЦК КПЧ правые силы начали несколько сбавлять, уступать в своей силе. Я не идеализирую обстановку в КПЧ, но мы можем прямо сказать, что правые силы отступают. Можно и так сказать, что, очевидно, мы проявили поспешность в принятии нашего решения и письма ЦК КПЧ по варшавскому письму. Нам надо разработать много мероприятий по решению наших собственных проблем, а решить их можем только мы сами. За нас никто решение принимать не будет, да и не должен это делать».

Это уже второй день нашего заседания. Я получил записку следующего содержания: «Дорогой тов. Шелест! Только сейчас я Вас узнал. Искренне целую Вас! Л. Свобода». Я лично с Людвигом Свободой встречался несколько раз в Киеве; под Харьковом, в Соколове. Он мне много рассказывал, как он в войну 1914 года попал к нам в плен и жил на улице Керосинной в Киеве. В один из его приездов я по его просьбе ездил с ним на Керосинную улицу, где он предавался давним воспоминаниям. Очевидно, Свобода все это вспомнил и написал мне записку. Во время перерыва между совещаниями мы встретились, вспоминали наши встречи и имели с ним доверительную беседу. Л. Свобода был очень озабочен всем происходящим в стране и КПЧ.

После перерыва продолжались выступления. Первым выступил Шелест — член Политбюро ЦК КПСС. Выступление изложено тезисно. «Дорогие чехословацкие товарищи! В своих выступлениях гг. Брежнев, Косыгин, Сулов, Шелепин уже высказали наши опасения и мнения о положении дел в КПЧ и Чехословацкой республике. Все высказанное наша делегация полностью разделяет и подтверждает. В развитие этого еще будет высказано многое другими членами нашей делегации. Советская Украина — составная и неотделимая часть СССР. У нас 46 миллионов населения, многих национальностей, почти 2,5 миллиона коммунистов. Мы с вами, чешские друзья, непосредственные соседи, и, как положено соседям, друг о друге знаем многое, что подчас посторонним неизвестно и незаметно. Сейчас у вас проходят дни украинской культуры и искусства. Нам известно, что все проходит хорошо. Мы, в свою очередь, готовы с радушием в сентябре принять ваших работников искусства и культуры у себя на Украине. Чехи, словаки, украинцы, русские не один раз встречались на границе в дни фестиваля дружбы наших народов. Были теплые встречи в Соколове, Киеве, Фастове, Белой Церкви. На Украине зарождались воинские чехословацкие подразделения, которые вместе с Красной Армией вели ожесточенные бои с фашистскими войсками. Пролита совместно кровь в борьбе за освобождение наших народов. В украинской земле похоронены славные сыны и дочери чешского и словацкого народов, отдавшие свои жизни за освобождение от фашистской нечисти нашей земли. Мы видим и слушаем ваши передачи по радио и телевидению, читаем ваши газеты, и нам тем более обидно за то, что делается в дружественной нам Чехословакии. Я не буду говорить о доянварском времени, хотя скажу, что огульно охаивать все — значит лить воду на мельницу наших врагов.

Теперешнее положение КПЧ и республики в целом довольно сложное, налицо проявление контрреволюционных выступ-

лений. Социал-демократы явно ведут дело к реставрации буржуазной республики. И в связи со всем этим становится обидно и досадно, что нынешнее руководство даже не хочет этого замечать. В своем выступлении т. Дубчек сказал: «У нас нет контрреволюции, мы не отходим от социализма, и мы несогласны с варшавским письмом». Он даже назвал варшавское письмо «бюрократическим сочинением». Больше того, он заявил, что «варшавское совещание — это ошибка». Тов. Дубчек утверждает, что КПЧ контролирует положение дел в стране. Так ли это на самом деле? Анализ дела показывает другое. Вы разберитесь, не допустите поспешности в оценке истинного положения дел. Вы говорите о нашем якобы одностороннем подходе к оценке положения, что с нашей стороны это нереальный подход и что нет нужды по этим вопросам вести полемику. Нет, тт. Дубчек и Черник, не только надо вести полемику, а надо показать вам всю несостоятельность ваших заявлений и утверждений.

В вашей стране происходит антисоветская истерия, идет сбор подписей против варшавского письма пяти партий, и при этом вы, тов. Дубчек, говорите, что вы не организовывали эти подписи. Если верить вашим заявлениям, то тогда спрашивается, а кто же организатор сбора подписей? Ваши утверждения, что вы не имеете отношения к организации подписей, не соответствуют истинной правде. Вы накануне отъезда на настоящее совещание, 27 июля 1968 года, обращаясь по радио к народу, сделали следующее заявление: «Мы думаем о вашем доверии к нам. Я хочу вас заверить, что мы читаем те резолюции и письма, которые вы нам присылаете и в них единодушно поддерживаете нас. Я заверяю вас, что будем поступать так, чтобы мы могли с чистой совестью встретиться и говорить с вами, ведь мы должны защищать вас. Уважаемые друзья! Ваше доверие дало нам мандат на защиту интересов рабочих, крестьян, интеллигенции...» И это сказано накануне совещания. Спрашивается, от кого вы собираетесь защищать свой народ? Вы говорите о поддержке вас всем народом. Но мы располагаем и другими данными. В вашем же народе высказываются недоумение и возмущение по поводу «акций» сбора подписей. Народ запугивают, говорят, «не подпишешь — попадешь в «консерваторы» со всеми вытекающими последствиями от этого определения». Во всем вашем выступлении вы, тов. Дубчек, старались вбить клин, посорить нас с братскими партиями, подписавшими варшавское письмо. Не случайно у вас бытует «теория зонтика» — вы, мол, советские, должны нас прикрыть от нападок Польши и ГДР. Разве это партийная постанова вопроса? И при этом вы говорите, что вы интернационалисты. Правда, в вашем выступлении говорится, что вы выполняете свой интернацио-

нальный долг, оказываете помощь Вьетнаму. А как же могло быть по-другому? Не может же Советский Союз нести все эти непомерные тяжести! Вы заявляете, что владеете положением, при этом желаемое явно выдаете за действительное. Нет, очевидно, надобности еще раз говорить о средствах массовой информации, которые почти полностью находятся в руках наших противников. По всем признакам видно, что вы утрачиваете марксистско-ленинский курс. «2000 слов» — это ведь просто контрреволюционное «сочинение», и оно сотнями тысяч издается у вас, а через специальные каналы засылается к нам на Украину. Разве вы не знаете об этих изданиях? И вы говорите, что владеете положением. Как тогда все это понимать?

От вас идет разгул шовинизма, национализма. Ваши «писак-ки» дошли до того, что в своих листовках требуют пересмотра границ, высказывают претензии на закарпатские земли. И это делается членами КПЧ в научных и учебных заведениях. Как это понимать? Контрреволюция или реваншизм? И с чьего голоса все это подается?

Я участник Дрезденского совещания и могу сопоставить, что за это время изменилось в вашем поведении. Заверения, некоторые признания, обещания — все осталось то же, что и было сказано в Дрездене. Только положение в КПЧ и стране не только не улучшилось, а гораздо осложнилось. Выступления тт. Дубчека и Черника почти ничем не отличаются от дрезденских, только они стали более развязными. Правые используют ваше примиренчество, могут окончательно овладеть массами, и ваша же «общественность» вас и выбросит за борт. Вы можете строго ответить перед историей и народом за свои действия, за отход от принципов марксизма-ленинизма. Товарищ Дубчек и Черник нас убеждают: «Нет ничего страшного. Вы нам верьте, не бойтесь». Что можно сказать на это? Да для вас самих самое страшное и трагичное то, что вы сами все больше и больше не верите этому. Даете свободу, основание и возможность действовать контрреволюционным и империалистическим силам. Империалистические круги спят и видят наши раздоры. Киссинджер заявил: «КПЧ должна стать незаживающей раной на теле Советского Союза». Вот в чем истинное намерение империалистов. Это надо вам всем помнить, в особенности тов. Кригелю». (Здесь Кригель не выдержал и подал голос: «А почему мне? И вообще почему вы, тов. Шелест, все время смотрите на меня?») Я ответил довольно спокойно: «Вы сами хорошо знаете, тов. Кригель, все, о чем здесь идет речь». И продолжал: «Надо помнить всем, в особенности господам империалистам, что тело Советского Союза здоровое. Если же понадобится, наш народ, партия имеют все возможности и необходимые средства излечить рану, вплоть до операционного

вмешательства. Товарищи, подумайте, куда вы идете, чем все это может закончиться. Все это может быть трагично для народа. Тов. Дубчек, поймите, если вас буржуазная идеология использует как знамя борьбы против марксистско-ленинской идеологии, сравнивают вас с Масариком¹²², то кому вы служите? Римско-католическая церковь служит молебны за ваши успехи и здоровье. А ведь известно, что, если враг тебя хвалит, ищи свою ошибку, где и когда ты ее совершил. Не самолюбуйтесь, ибо это может быть мыльным пузырем, закатом политической карьеры, а главное, могут быть большие политические и экономические издержки для вашей страны и для КПЧ».

Мое выступление произвело сильное впечатление, вызвало даже какую-то растерянность среди чехословаков и явилось для них неожиданным. Дубчек сразу же после моего выступления взял слово и заявил, что моя речь имеет тон обвинения КПЧ. «Также неверно, — сказал он, — что мы отходим от марксизма-ленинизма. Листовки по Закарпатской области — это случайное дело, может, это делают случайные люди, ничего общего не имеющие с политикой КПЧ».

Смрковский (сразу же после моего выступления буквально побежал в свой вагон, оттуда связался с Прагой и передал корреспондентам и своим единомышленникам, что самое резкое выступление — Шелеста, и оно бьет в самое сердце). Чувствовалось, что мое выступление не на шутку растревожило чехов. Многие чехословацкие товарищи подходили ко мне и говорили, что выступление несколько резковатое, но в своей основе правдивое и правильное.

Брежнев моего выступления не слышал, но я надеюсь, что ему передали и содержание, и реакцию на него чехословаков. Отношение Брежнева к моему выступлению осталось мне неизвестным. Но весь состав нашей делегации его одобрил.

Все наши товарищи целиком и полностью разделяли форму, тон и содержание моего выступления. Сам же я считал, что терять нам нечего. От этого совещания мы не приобрели ничего, а больше потеряли, потому что чехословацкое руководство выступило чуть ли не обвинителем и победителем. Я решил все высказать открыто, все, что знал о них, что думал, и то, что отвечало действительной обстановке в КПЧ и стране.

Суслов, который замещал Брежнева во время его «болезни», после моего выступления и оценки его Дубчеком просто растерялся, струсил, доложил все Брежневу и, как мне говорили, считал, что надо бы пойти несколько на смягчение. Суслов даже рекомендовал мне за резкость принести извинение чехам. Я категорически отказался от такой позорной и трусливой «миссии». Тогда Суслов «нашел форму примирения» — вечером

пойти в состав к чехам на «кружку пива». Я тоже отказался идти, но за мной пришли чехословаки, Биляк и Кольдер, и я согласился пойти на эту «кружку пива». Это было позорное для нас «примирение», искусственно созданное и притянутое за уши без нужды и необходимости. Все это были выкрутасы, политиканство Суслова. Хотя и выпили не только по кружке пива, но никакого откровенного разговора не состоялось, да его и не могло быть. В разгар этой «дружеской» встречи и «примирения» ко мне за столик (встреча была в вагоне-ресторане) подсел Ю. Смрковский; уже будучи в хорошем подпитии, после «кружки пива», он по-дружески хлопнул меня по плечу ладонью и сказал: «Тов. Шелест, а ты правильно выступил; может быть, кое-что и обострил, но ведь правильно. У нас нет руководителя. Дубчек — это не руководитель, это дерьмо. Нам надо другого руководителя, сильного, волевого». И в этом проявилась борьба за власть в чехословацком руководстве. Я об этом эпизоде беседы моей со Смрковским за «кружкой пива» рассказал Брежневу, Подгорному и Косыгину. Поздно вечером после «примирения» мы возвратились на свою территорию.

Всей делегацией собрались в вагоне у Брежнева. Тот совсем разбитый, немощный, растерянный. Обсуждаем вопрос, как же быть дальше. Ведь ясно, что совещание в Чиерне-над-Тисой не удалось. Ничего хорошего, кроме обострения с Чехословакией, оно не принесло. Чехи чувствуют себя победителями. Правда, хорошо то, что мы окончательно убедились в занимаемой позиции чехословацким «руководством» и выяснили тот разброд, который царит в Президиуме ЦК КПЧ. Но ведь совещание не эти цели преследовало.

Со всей очевидностью встал вопрос, что надо собираться всем соцстранам, подписавшим варшавское письмо к чехословакам. Но когда собираться и где? Предлагали Москву и Киев. Я даже дал задание проработать все вопросы, связанные с приемом всех делегаций в Киеве, и мы могли бы отлично принять там все делегации. Но мы были почти уверены, что чехи не поедут к нам так же, как не поедут и в другую страну. Возможно, поехали бы только в Венгрию. Надо было по поводу предстоящего совещания переговорить с руководителями Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии. Здесь тоже могли быть некоторые осложнения, в особенности со стороны Гомулки и Ульбрихта.

31 июля мы снова едем к чехам. На сей раз совещание проводим совершенно закрытое. Удален весь технический аппарат, секретари, стенографистки, переводчики, помощники. Перед открытием совещания «четверки» снова пошли на совеща-

ние. После длительного и бурного совещания «четверок» наконец началось закрытое совещание. Вопреки договоренности Дубчек пригласил на совещание своего помощника. Острота всех вопросов была на пределе. И все же стороны договорились не прерывать отношений, попытаться еще раз встретиться со всеми партиями — участниками Варшавского совещания. Не давать никакого повода буржуазной печати, внешнему миру для утверждений, что совещание в Чиерне-над-Тисой, по существу, зашло в тупик. По договоренности «четверок» и членов Политбюро ЦК КПСС и членов Президиума ЦК КПЧ на совещании выступил Брежнев. Выглядел он довольно серо, устало, плохо собой владел. Тут, очевидно, сказалось все: «болезнь» и неудача совещания.

Брежнев сказал следующее: «Мы собрались, чтобы решить все вопросы, которые носят острый характер. Очевидно, за один раз их не решить, и нам придется еще раз собраться, ибо осталось много нерешенных вопросов. Нам надо дать сообщение для печати, что встреча состоится в Братиславе (в Словакии). Совещание будут продолжать шесть братских партий: Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии и Советского Союза. На этом совещании принять своеобразную декларацию, в которой отразить, что мы все верны Варшавскому Договору, принципам марксизма-ленинизма, интернациональному долгу и другим вопросы. Этим документом мы продемострируем нашу сплоченность и силу перед империализмом, усилим безопасность в Европе. Но нам надо еще переговорить с братскими партиями, спросить их согласия, определить сроки совещания, но не затягивать, возможно, провести его в пятницу или субботу — 2—3 августа.

Мы поставили некоторые условия, в том числе никаких претензий к выступлениям с обеих сторон. При этом чехословацким товарищам надо взять в свои руки всю массовую пропаганду. Если вы этого не сделаете, то может возникнуть сложная, очень сложная ситуация. Принять меры к ликвидации всяких политических клубов. При переговорах с братскими партиями они могут спросить нас, а что изменилось в Чехословакии после Варшавского совещания? Какая необходимость нам собираться снова? Мы надеемся, что чехословацкие товарищи примут все необходимые меры, чтобы совещание прошло хорошо, а все заверения и обещания не останутся одними словами. Вы должны принять все меры для укрепления единства в Президиуме ЦК КПЧ. Мы, со своей стороны, для наведения порядка и недопущения разгрома КПЧ и утраты социалистических завоеваний в Чехословакии пойдем на все, на самые крайние меры».

Ультимативный, требовательный тон произвел на нас на всех, в том числе и на чехов, большое впечатление. Наконец-то Брежнев понял, по крайней мере заговорил об этом, и политика его заигрывания и лобызания с Дубчеком провалилась, нанеся огромный вред. Но общее впечатление оставалось довольно тяжелым. На этом совещание в Чиерне-над-Тисой и закончилось сюзом работу. Предстояла встреча в Братиславе; все же чехословаки вынудили нас согласиться поехать на совещание к ним.

Мы возвратились на свою территорию. Состояние было просто гнетущее — беспокойное, тревожное. Еще было рано, где-то около 16.00. Я зашел в вагон к Брежневу и предложил ему поехать половить форель, немного отдохнуть и развеяться. Он был совсем подавлен, жаловался на головную боль, глотал непрерывно какие-то таблетки и, сославшись на усталость, поехать отказался. Подгорный без Брежнева тоже не поехал. Я зашел в вагон к Косыгину и предложил поехать ему. Он дал согласие, и мы вместе с ним в одной машине поехали в горы. По дороге мы в лесах видели большое скопление разных воинских подразделений и родов войск — танкистов, артиллеристов, ракетчиков, мотопехоту. Я был крайне удивлен, когда Косыгин задал мне вопрос: «А что это за войска?» Я ему сказал, что на обратном пути остановимся, поговорим с военными и выясним, что к чему. Он заколебался: «А стоит ли?»

Приехали в хозяйство. Здесь все хорошо было организовано. Косыгин поймал несколько штук форелей и остался очень доволен. Посидели с закарпатскими товарищами, поговорили. Косыгин интересовался всем, что есть в Закарпатской области. На обратном пути я воспользовался тем, что за рулем нашей машины был шофер из Киева Федя Нетецкий, который меня обслуживает. Я ему просто сказал, чтобы он остановился у одного из воинских подразделений. Совершенно стихийно на каком-то подковообразном, большой величины бруствере, собралось много солдат и офицеров-танкистов. Я представил Косыгина. Его очень хорошо и тепло встретили. В свою очередь, он попытался представить меня, но сразу же раздалась возгласы: «Мы знаем тов. Шелеста». Косыгин даже немного удивился этому, но тут ничего удивительного не было: я не один раз бывал в воинских частях, которые здесь проводили «маневры», а сами танкисты были призваны из резерва. Среди них механизаторы из областей Украины, и я со многими встречался и даже знал лично.

Косыгин завязал разговор. Жалоб или просьб никаких, один вопрос: до чего договорились в Чиерне? Косыгин откровенно сказал, что переговоры были трудными и, по существу, ни до чего не договорились. Раздалась полушутливые возгласы: «Ска-

жите нам, по каким вопросам не договорились, мы вам можем помочь». Мы тепло распростились и уехали. По дороге Косыгин мне сказал: «А хорошо сделали, что остановились и побеседовали с людьми — отличное у них настроение». Мы приехали к составам, но еще горел свет в вагоне Брежнева и Подгорного. Зашли к ним, показали наш улов. Рассказали, как съездили, какая была встреча с солдатами и офицерами. Брежнев и Подгорный пожалели, что не поехали с нами в горы немного развезься и встретиться с военными.

1 августа 1968 года мы были на пограничной станции Чоп. Оттуда наш путь лежал на Братиславу. Мне приходится первый раз поездом ехать в Чехословакию. Будем проезжать малые Татры — одно из красивейших мест Чехословацкой республики. Меня, кроме самого совещания братских партий, очень интересует встреча с В. Биляком и получение у него нас интересующего «письма» — при одном из разговоров с Биляком в Чиерне он мне сказал, что письмо будет, и он мне его передаст. В положительные результаты братиславского совещания верится с большим трудом. Хочется, чтобы был результат, но дело так далеко зашло, что уже ничему не веришь.

2 августа наш состав прибыл в Братиславу. Встреча была строго официальная, даже холодная. Разместились в гостинице «Интурист» на окраине города, над Дунаем. Тут же будет проходить и совещание. К вечеру 2 августа стали прибывать делегации других социалистических стран. А пока что мы знакомимся с красивыми окрестностями, в особенности красив Дунай в этом месте. Словаки нам говорили, что мы находимся в 30 километрах от австрийской границы, и в ясную погоду хорошо виден австрийский пограничный город.

Поздно вечером я все же сумел встретиться и переговорить с В. Биляком. Все это было сделано с большой предосторожностью. Я Биляку напомнил, что мы ждем от него и его группы обещанного письма. Биляк при разговоре со мной был страшно взволнован и чем-то расстроен, но от своего обещания не отказывался, только просил с этим вопросом повременить до завтрашнего дня. Причина такого решения Биляка мне не совсем была ясна. Я посоветовался со связным нашим Савченко, работником КГБ, он знал, что я должен получить от Биляка письмо. Решили выждать время, дать немного времени Биляку прийти в себя, ведь шаг он делает ответственный и рискованный.

Ночь была тревожной. Наша делегация собралась в номере

у Брежнева для обсуждения текущих вопросов, связанных с предстоящим совещанием. Разговоры наши были скованны и осторожны. Мы понимали, что нас могут подслушивать, да в этом и не было никаких сомнений.

3 августа 1968 года. В 12.00 по московскому времени в Братиславе открылось общее пленарное заседание делегаций шести социалистических стран. Открыл совещание и сказал вступительное слово Дубчек. Содержание его выступления. Он приветствует всех членов делегаций поименно во главе с руководителем делегации. Благодарит четыре партии за то, что они с пониманием отнеслись к предложению КПСС и КПЧ собраться на это совещание в Братиславе. Совещание в Чиерне-над-Тисой не дало должных результатов, хотя и выяснило много вопросов, которые тоже надо решать. Мы придаем особое значение настоящему, братиславскому совещанию, на котором нам предстоит выработать единый план действий против империалистических происков. Варшавский Договор и вытекающие из него обязательства каждой страны в отдельности обязывают нас быть на страже мира в Европе. Дубчек в своем выступлении затрагивает работу СЭВ и совершенствование его деятельности, одновременно говорит о том, что надо всячески развивать наши связи с мировой экономикой. «Мы все здесь присутствующие кровно заинтересованы в европейской безопасности и признаем все послевоенные границы, в том числе и, безусловно, границы ГДР. Мирное сосуществование, успешное проведение всех акций международного коммунистического движения — в этом тоже наш общий интерес. КПЧ считает, что в международном коммунистическом движении необходимо перманентно проводить дискуссии между партиями». Дальше Дубчек говорит, какую декларацию должно принять настоящее совещание. Этот вопрос вызвал острейшую дискуссию. Тогда Дубчек предложил составить комиссию в составе первых секретарей ЦК и председателей правительств от каждой делегации для выработки заключительного документа совещания. Предлагает также форму и содержание сообщения для печати о начавшемся совещании в Братиславе.

Комиссия уходит на совещание, заседает при закрытых дверях больше семи часов без перерыва. Мы, члены делегации, между собой ведем разговоры на разные темы, чувствуется напряженность. Меня не покидает мысль о встрече с Биляком.

К вечеру я все же встретился с Биляком, и мы с ним условились, что в 20.00 он заходит в общественный туалет, там должен к этому времени появиться и я, и он мне через нашего

работника КГБ Савченко передаст письмо. Так и было. Мы встретились «случайно» в туалете, и Савченко мне незаметно, из рук в руки, передал конверт, в котором было долгожданное письмо. В нем излагалась обстановка в КПЧ и стране, разгул правых элементов, политический и моральный террор против коммунистов — людей, стоящих на правильных позициях. Завоевания социализма находятся под угрозой. В стране идет антисоветский разгул, экономика и политика Чехословакии полностью сориентированы на Запад. В стране очень тревожная и довольно сложная обстановка. В письме высказывается просьба, чтобы мы в случае надобности вмешались и преградили путь контрреволюции, не допустили развязывания гражданской войны и кровопролития. Письмо подписали: Индра, Биляк, Кольдер, Барбирек, Капек, Риго, Пилер, Швестка, Кофман, Ленарт, Штроугал. Надо было нам на этих людей и ориентироваться, повести с ними активную работу, можно было бы при этом наверняка не допустить грубого одностороннего военного вмешательства в чехословацкие дела. Пусть бы чехи сами решали все вопросы без нашей помощи, можно было бы распределить так обязанности сформированного руководства республики и КПЧ:

Индра — Первый секретарь ЦК КПЧ,

Биляк — Предсовмина ЧССР,

Кольдер — Председатель Народного фронта,

Свобода — Президент ЧССР.

Но, к сожалению, работать с ними никто не работал. Брежнев витал в «облаках» большой стратегии и политики. В то же время он смертельно боялся Гомулки и Ульбрихта.

О содержании полученного мной письма никто не знал, кроме меня и его авторов. Наконец комиссия закончила свою работу, появился Брежнев, я подошел к нему и сказал: «Леонид Ильич! У меня есть хорошие новости». Он как-то насторожился, но я поспешил сказать ему, что получил письмо от Биляка, и тут же передал это письмо ему. Он его взял трясущимися руками, бледный, совсем растерянный, даже, больше того, потрясенный. Ведь он теперь перед Гомулкой и Ульбрихтом может выглядеть «героем»: он получил от «здоровых сил» письмо, которое дает право более свободно действовать, а это в то время многое значило. При вручении письма Брежневу он поблагодарил меня, сказал: «Спасибо тебе, Петро, мы этого не забудем». Понимай как хочешь, что не забудут? И действительно, Брежнев меня «не забыл» — при первой же возможности избавился от лишнего свидетеля и активного участника всех дел с Чехословакией.

Поздно вечером возобновилось пленарное заседание нашего

совещания. На нем обсуждались вопросы, выработанные комиссией. После зачтения текста заявления, некоторых поправок и замечаний текст принимается.

Брежнев зачитывает коммюнике об окончании совещания в Братиславе. По установившейся традиции, чехи предложили выработанное заявление подписать в ратуше — согласились.

Все делегации поехали в центр города в ратушу. Перед ратушей большая площадь, зажатая со всех сторон строениями, а сам подъезд к ратуше по узкой улочке. На площади к нашему приезду собралось очень много людей. В торжественной обстановке, при юпитерах, многочисленных фоторепортерах и корреспондентах подписывается всеми членами делегаций письменное заявление. От имени соцстран с краткой речью выступил Брежнев. Затем Дубчек благодарит за все, отдает должное принятому документу.

Итак, подписан еще один «документ», но что он даст конкретного — никто вразумительно не может сказать. Все делегации вышли на балкон ратуши — на площади собралось уже очень много народа, буквально вся площадь запружена, стоит невообразимый шум, гам, возгласы, и не поймешь, то ли одобрения, то ли негодования и возмущения. Но в общем было довольно неопределенно и неприятно. Уезжаем на прием, который устраивают чехи в каком-то парке. Я уже сейчас не помню, как получилось, но я оказался в одной машине с Брежневым и Дубчек. Нашу машину буквально зажали и оттеснили на тротуар, проехать не было никакой возможности. Пришлось основательно поработать охране, чтобы освободить проезд. Мы еще не успели покинуть площадь, как там открылся митинг с речами и возгласами. Смирковский с балкона ратуши произносит какую-то «зажигательную» речь, толпа буквально беснуется — речь идет вразрез только что принятому и подписанному документу. Брежнев спросил Дубчека, что происходит на площади, кто это выступает? Дубчек ответил, что он не знает, но, прислушавшись к речи и манере, а также голосу, сказал, что это выступает Смирковский. Последовал вопрос Брежнева: «А что, он был уполномочен выступать?» — «Нет, его никто не уполномочивал выступать, — тут же сказал Дубчек, — вот так у нас все и делается». Все это производило удручающее впечатление хаоса, неразберихи и политического разброда. Впоследствии, когда Смирковский спросили, что он делал на площади, он невозмутимо ответил: «Поздравил соотечественников». С чем и как — не распространялся.

Прием был в каком-то парке возле старого дворца. Поздний

вечер, почти ночь. Довольно неуютно, холодно. Многие делегации, даже не выдержав протокольного времени, покинули этот прием. Наша делегация была до самого конца. Несмотря на то, что многие члены делегации настаивали на том, чтобы уехать пораньше, Брежнев, подвыпивши, начал «философствовать» с Дубчеком и Смирковским. Наконец настало долгожданное время, и мы с приема поехали прямо в свои вагоны. Чехи нас провожали тоже не очень «горячо», но чувствовалось, что с большим «удовлетворением и облегчением», что наконец от нас избавились.

5 августа в 2 часа ночи состав прибыл в Киев, меня вышли провожать Брежнев, Косыгин, Подгорный, мы тепло простились, и они последовали на Москву. На вокзале меня встречали Ирина и Боря, все хорошо, только я устал просто чертовски и на работу поехал только к 18.00.

После Братиславского совещания положение в Чехословакии, в мире и в особенности в Европе еще больше обострилось. Пошли нападки на нашу страну, партию, с разнообразными эпитетами: «Советский Союз сохранил полицейский режим, как это было при царе в России», «Мы победим Москву техническим нокаутом», «Когда нам будет очень плохо, маршал Тито нам поможет», «Тито — свобода, гордость народа», «Если выдержали 20 лет, то эти дни выдержим». Так говорили правые, так трубила почти вся пресса, радио, телевидение.

А вот что говорили политические деятели. Смирковский: «Братиславская встреча подтвердила правильность нашего пути, мы здесь защитили суверенитет нашей страны, нашей партии. Мы сказали свое твердое слово о невмешательстве в наши внутренние дела и предотвратили раскол между другими социалистическими странами. КПЧ и правительство будут теперь стараться по собственной инициативе к сближению с Югославией и Румынией». Цисарж: «В результате братиславского заявления мы, наша партия получили время и простор для выполнения своих намерений».

В поддержку Дубчека выпускаются специальные значки и медали «Дубчек-клуб». Вся чехословацкая печать после кратковременного перерыва с новой силой развернула антисоветские выступления. Определенные термины в политическом языке определяют уровень, направленность и «качество» неизменных нападок в печати на Варшавское совещание пяти партий. Идет демагогия вроде: «Тезис о едином мировоззрении — непоколебимая верность марксизму-ленинизму — не может уступить противоречий», «Требуем двустороннего соглашения ЧССР — Югославия против любого нападения», «Чехословакия

должна выплатить большой долг», «Тито — это герой, наш единственный друг и союзник».

Намечается организация «малой Антанты» в составе Чехословакии, Югославии, Румынии. Снова эти мысли оживают. Хотя официально об этом молчат (ведь все-таки опасно открыто об этом говорить), но радио Чехословакии объявило, что народ выдвигает идею о создании «малой Антанты» и заключении договора о взаимной помощи при любой агрессии. Чехословакия хочет играть роль посредника между Москвой, Бухарестом и Белградом. В печати раскрываются все подробности и детали закрытых переговоров в Чиерне-над-Тисой и Братиславе. Из Чехословакии наши друзья нас предупреждают, предостерегают, что Дубчек с нами, вернее говоря, с Брежневым, играет в «кошки-мышки» до съезда, который будет означать победу правых. Вот теперь Брежнев своими действиями создал такую ситуацию, что действительно для сохранения социализма в Чехословакии остается только один путь — ввод советских войск. Вот до чего довел гнилой либерализм, политическое сюсюканье, верхоглядство Брежнева! Правые вне партии сблочкировались с правыми в партии. Черник заявил: «Нашу политику мы защитили, никто не проиграл, никто не выиграл, все осталось по-старому».

Идет организованное обвинение против Биляка — его обвиняют в деформации прошлого, задержке демократизации в Словакии, в торможении федерализации страны. Против него в Словакии выступает группа правых, и среди них не последнюю роль играет Г. Гусак.

На одном из заседаний Президиума ЦК КПЧ (Словакия) он заявил: «В Праге носит разнузданный характер деятельность контрреволюции». Перед зданием ЦК КПЧ собралась толпа в 500—600 человек, бросали камни в окна здания ЦК и орали: «Свиньи, убирайтесь вон!» В Праге открыто собираются подписи о роспуске КПЧ. Правые умышленно раздувают культ личности Дубчека и под этим покровом творят свои дела. Ясно, что нам надо для решения всех сложных вопросов иметь хладнокровие, но не равнодушие, и тем более безразличие. Надо всегда понимать, что могут быть одинаковые преступления, но нет одинаковых преступников.

5—10 августа 1968 года. За время отсутствия накопилось много срочных вопросов. Разбирал почту, ее очень много, проинформировал членов Политбюро ЦК КПУ о прошедших совещаниях в Чиерне-над-Тисой и Братиславе.

Пришлось подробно разбираться с письмом Костерчука, директора Черниговского пединститута. Костерчук открыто

высказывает свое несогласие с нашими действиями по отношению к Чехословакии. Вопрос непростой, коммунист высказывает свое мнение, и оно расходится с нашими действиями. Можно все это «заглушить» одним окриком, но какая от этого будет польза? Посоветовался по этому вопросу с Капитоновым.

Переговорил с Цукановым, помощником Брежнева, по поводу отпуска, он ответил, что обстановка довольно сложная, и Брежнев не знает, как ему быть. «Но если и поедете в отпуск, то дней через 5—6. Очевидно, вам всем придется собраться в Крыму».

По просьбе комсомольцев 20-х годов, с которыми в свое время работал, состоялась встреча. Я принял в ЦК КПУ тт. Шостака С. И., Мырленко А. И., Старунского Е. Ф. Хорошо и откровенно обо всем поговорили по многим вопросам. Решили вопрос о проведении III слета ветеранов комсомола Изюмщины, посвященного 50-летию ВЛКСМ. Встреча прошла тепло, вспомнили совместную работу, старых товарищей, живых и погибших от рук кулаков и бандитов, о борьбе с бандитизмом в ЧОНе. Да немало потерь понесла бывшая комсомолия и в ходе Великой Отечественной войны.

Кальченко и Лутак докладывали мне расчеты по хлебофуражному балансу, дела складываются неважно. Если выполнить план хлебосдачи в 617 миллионов пудов, то на нужды фуража останется всего 50—55% к потребности. Хлеб государству очень нужен, но и без зерна не получишь ни мяса, ни молока. А мяса повсеместно не хватает, много справедливых нареканий. Идет 51-я годовщина Октября, а мы, по существу, вдоволь еще свой народ и не накормили.

Международная обстановка такова, что нам коренным образом надо усиливать нашу пропагандистскую и идеологическую работу. А это в значительной мере надо делать через средства массовой пропаганды, прежде всего через газеты, журналы, но увьи! Наши «умники» идеологи, вроде известного Суслова, под предлогом нехватки бумаги и нерентабельности сокращают выпуск газет и журналов, а некоторые совсем закрывают. Пришлось писать письмо в ЦК КПСС, но оно попало к тому же «мудрецу» Суслову, а это можно считать, что вопрос канул.

Надо провести совещание журналистов республики. Выступить перед ними, рассказать о всей сложности международной ситуации и главным образом сосредоточить внимание на европейских вопросах. Принять меры к усилению нашей контрпро-

паганды. Все эти вопросы обсудил с Овчаренко и поручил ему подготовить конкретные предложения.

10 августа вечером поездом выехал в Крым на отдых. Погода в Крыму стоит прекрасная, море чудесное. Только бы отдохнуть, но не тут-то было.

13—15 августа. Проводим совещание. Присутствуют: Брежнев, Подгорный, Косыгин, Сулов, Шелест, Пономарев, Щербицкий. Вопрос весьма важный — положение в Чехословакии обострилось до крайнего предела, видны грани гражданской войны в стране. Вопрос стоит так: «кто — кого» — либо правые элементы, имея поддержку международной реакции, завершат свое черное дело, либо прогрессивные силы отразят происки правых сил и отстоят дело социализма в Чехословакии.

КПЧ парализована, а государственный аппарат и весь строй на грани развала. Правые сильно активизировали свою деятельность.

16 августа. Обстановка складывалась так, что нам в Крыму нечего было делать, и мы все, за исключением Щербицкого, вылетели в Москву. Работали там до поздней ночи 16 и весь день 17 августа. Чехословацкие руководители совершенно не владеют положением в стране и партии. Братиславское заявление пяти партий не выполняется, правые элементы и социал-демократы используют его в целях разжигания национализма и антикоммунизма. Все напряжено до крайнего предела. Если сейчас не принять самых крайних и крутых мер, можно развязать гражданскую войну в Чехословакии и потерять ее как социалистическую страну, создать чрезвычайное положение в Европе, вплоть до крупных военных столкновений, а возможно, и войны.

Не так легко было решиться пойти на крайние меры, но все же упущено, и другого решения и выхода нет. Все понимаем, что этот шаг может быть чреват политическими и военными осложнениями.

18 августа в Москву прибыли делегации социалистических стран. С нашей стороны в совещании участвуют все члены Политбюро. Вопрос стоит уже конкретно: для спасения КПЧ, социалистической Чехословакии мы теперь вынуждены идти на самые крайние меры — вводить войска в Чехословакию. Если бы ситуация не была запущена, можно было обойтись без вторжения в Чехословакию.

О положении и состоянии дел в Чехословакии информацию делает Брежнев. На первых порах стоял вопрос, что Советский Союз вводит только свои войска. Все же пришли к решению, что лучше будет, если в Чехословакию будут введены войска Варшавского Договора. Обсуждаются форма и тактика. Выступающие главы делегаций подчеркивают, что после Чьерны и Братиславы положение в Чехословакии еще больше осложнилось, и надо теперь принимать крайние меры. Обсуждается вопрос, стоит ли вводить войска ГДР в Чехословакию, ведь это вызовет ассоциацию оккупации Чехословакии немцами. Ульбрихт настаивает на том, чтобы войска ГДР тоже приняли участие в этой варшавской операции. «Ведь мы тоже входим в Варшавский Договор», — говорит Ульбрихт.

Выступление Гомулки. «Мы согласны со всеми мероприятиями, ибо исчерпаны все способы, а в свое время мы не сделали правильных выводов. Что касается обращения к чехословацкому народу и правительству, то у меня есть сомнение, нужно ли это делать сейчас и всем пяти странам. Да и не это сейчас главное. Об этом нам надо было думать раньше. К тому же документ составлен очень длинный и написан каким-то тяжелым суконным языком. Его надо основательно отредактировать, сократить и отшлифовать. Возможно, его нужно выпустить спустя 2—3 дня после ввода войск. Нам надо создать комиссию для координации политических акций, организовать охрану здоровых сил, и в первую очередь подписавших письмо. Составить письмо-обращение к армии Чехословакии, чтобы избежать излишнего кровопролития».

Выступление Ульбрихта. «Данная Брежневым оценка состояния дел в Чехословакии правильная. Мы благодарим Политбюро ЦК КПСС за проделанную работу и выработку мероприятий». Далее Ульбрихт говорит, что он, будучи в Карловых Варах на лечении, встречался с руководством КПЧ. «И я убедился, что Дубчек не хочет выполнять взятые обязательства в Чьерне и Братиславе. Идеология Дубчека — правая. Дубчек — это смесь социал-демократа и «швейковщины». Теперь, когда время упущено, надо учитывать, что многие хорошие силы тоже подверглись правому влиянию или ушли к ним, видя нашу в прошлом никчемную игру с Дубчеком. Нам надо снова много работать с людьми, и здоровые силы, если они еще сохранились, должны разработать свой план действий, привлечь на свою сторону рабочий класс. Мы им должны в этом помочь!»

Выступление Живкова. «Мы полностью поддерживаем все мероприятия и будем всеми средствами участвовать в защите

социалистических завоеваний в Чехословакии. Мы, наконец, видим мужество и решимость Политбюро ЦК КПСС. Документ подготовлен хорошо. Положение, которое сложится в Чехословакии после ввода войск, поставило перед нами новые проблемы».

Выступление Кадыра. «Согласен с оценкой Политбюро ЦК КПСС политического положения в Чехословакии. Очевидно, что все проводимые мероприятия оказались недостаточно эффективными для нормализации положения дел в КПЧ и стране. По согласованию с советским руководством у меня еще были контакты с Дубчеком. Разговор был безрезультатный. Он отошел еще дальше вправо. Нам надо здраво оценить здоровые силы, поддержать их в такой форме, в какой они просят. Выполнить их просьбу о военной помощи. Мы считаем, что политические средства со старым руководством исчерпаны и другого пути у нас нет».

Выступление Брежнева. Он благодарит за единую оценку положения в Чехословакии, за единство в предстоящих действиях. Призвал к тому, чтобы совместно доработать документ-обращение к чехословацкому народу. Подготовить информацию для всех братских партий (кроме Югославии, Румынии, Китая и Кореи) о предстоящей акции, вернее говоря, сообщении братским партиям послать после свершившегося факта. Оработать правительственные сообщения пяти стран о событиях в Чехословакии и о вынужденных военных акциях. Каждая страна публикует свои сообщения в печати.

Определили, каким количеством и родом войск участвует каждая страна. Общее руководство всеми операциями войск поручено осуществлять штабу войск Варшавского Договора. Все вопросы с братскими партиями — Польшей, ГДР, Венгрией, Болгарией — были обсуждены и единодушно приняты, даже несколько на подъеме, но это был чисто нервный подъем.

19 августа. 10 часов утра. Началось заседание Политбюро ЦК КПСС. На первую часть были приглашены все первые секретари ЦК нацкомпартий, председатели Совминов и председатели Президиумов Верховных Советов республик. Их проинформировали о политическом положении в Чехословакии и в пределах допустимого — о наших возможных мерах и акциях. Обязали еще больше усилить организаторскую и политическую работу на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, в учреждениях, учебных заведениях, среди всего населе-

ния. Проявить больше бдительности во всех отношениях. Все приглашенные из республик в тот же день вылетели к себе домой. Политбюро всем составом продолжает заседать. Обсуждаются уже конкретные вопросы политических и военных акций. Много было разговоров, категоричности, туманности и даже темноты со стороны Брежнева. Военные развесили на стенках карты всей предстоящей операции, детально, глубоко со знанием дела доложили оперативную обстановку — направление ударов и захват плацдармов. Чувствовалось, что военные товарищи хорошо владеют обстановкой и положением дел. Докладывали министр обороны маршал Гречко и начальник Генерального штаба Захаров.

Но было немало и НО! К этому времени ФРГ на границе с Чехословакией было сконцентрировано много войск НАТО: они тоже проводили маневры. Как они себя поведут во время нашей операции, никто ни за что не мог поручиться. Второй немаловажный вопрос: как отреагирует на наше вступление в страну чехословацкая армия, по крайней мере ее отдельные подразделения. Если чехословацкая армия окажет сопротивление — это уже крупное кровопролитие, гибель людей двух социалистических стран. При такой ситуации не исключено вмешательство войск НАТО, а это уже крупный военный конфликт, а возможно, и война в Европе. Этот вопрос не мог не тревожить всех нас.

Наконец, политический и организационный вопрос. Войдут наши войска в Чехословакию, а дальше что? Ведь войска вступают в страну без согласия правительства и руководства КПЧ. Ожидать, что теперешнее руководство страны и КПЧ положительно отнесется к этой акции, это больше чем политическая наивность. На кого же опереться внутри страны? Тоже вопрос совершенно неясен, больше того, он просто темный. Брежнев до крайности нервничал, осунулся, бросался из одной крайности в другую — и ничего конкретного. Вместо того, чтобы работать над главными вопросами политического решения в Чехословакии в связи с нашей военной акцией, он давал «ценные указания» военным по чисто стратегическим, тактическим вопросам. Видите ли, объявился новый военный «стратег и тактик» — смешно было смотреть на все это и слушать эти «указания». Смешно, но вместе с этим печально и грустно. А было такое состояние, что никто не мог ясно себе представить, как может повернуться дело.

Чтобы хотя бы как-то исключить возможное сопротивление со стороны чехословацких войск, было поручено Гречко лично переговорить с министром обороны Чехословакии генералом Дзуром. Гречко переговорил по «дружески» с Дзуром накануне вступления наших войск на территорию Чехословакии. Гречко

Дзуру сказал, что если со стороны чехословацкой армии при нашем вступлении последует хоть один выстрел, то он, Дзур, за это головой ответит, и больше того — заявил, что тот будет висеть на первом дереве.

И все же накануне нашей операции Брежнев позвонил Л. Свободе и просил его с пониманием отнестись к нашей акции, дать указание войскам не оказывать сопротивления. Это, конечно, в первую очередь и исключило столкновение нашей и чехословацкой армий, а следовательно, предотвратило вмешательство войск НАТО. Но все же оставалось НО! Если наши противники узнают колебания, опасения и замешательство наше, то они могут воспользоваться этим и нанести упреждающий удар, по крайней мере сорвать наши замыслы, а это уже был бы громадный скандал. Политический вопрос, на кого же нам опереться в Чехословакии, так и остался нерешенным, и это впоследствии может вызвать большие осложнения и трудности даже для нашей армии.

Всю ночь с **20 на 21 августа** находился на работе в ЦК КПУ, следил за развитием событий.

21 августа. В 00 часов объединенные вооруженные силы Варшавского Договора пяти стран вошли на территорию Чехословакии. В 4 часа утра уже были в Братиславе, Кошице, Острове. В 8 часов утра — в 20 километрах от Праги. В это же время в предместьях Праги был выброшен крупный воздушный десант с боевой техникой, артиллерией, бронетранспортерами, легкими танками и машинами боевой пехоты.

В 7 часов 50 минут было передано заявление ТАСС о вступлении союзных войск на территорию Чехословакии.

В 8 часов утра получено информационное сообщение для членов ЦК КПСС, секретарей нацкомпартий, крайкомов и обкомов от Политбюро ЦК КПСС о вступлении наших войск на территорию Чехословакии. Стало известно, что чехословацкой армии не поступало указаний об оказании сопротивления.

В 9 часов утра начали поступать из областей сообщения, что везде все спокойно. Такая же информация поступила от Головченко (МВД) и Никитченко (КГБ). Но окончательные выводы о полном спокойствии у нас и в Чехословакии делать было еще рано и опрометчиво. Кое-кто, и в первую очередь Брежнев, полагал, что с вводом войск положение в Чехословакии «нормализуется» — это было политической иллюзией и чрезмерной самонадеянностью. Предстояла еще большая и сложная борьба. Ведь ясно, что руководящий новый центр в Чехословакии мы не

сумели создать, и в этом первейшая вина Брежнева. Он полагался на авось, хотя его неоднократно предупреждали и некоторые члены Политбюро ЦК КПСС, а также в особенности Гомулка и Ульбрихт, что в Чехословакии надо готовить из здоровых сил руководство страны и партии.

В середине дня переговорил с Л. Брежневым. Доложил ему, что из докладов секретарей обкомов, органов информации и административных органов обстановка на местах спокойная. Реакция населения и в войсках военных округов, и Черноморского флота положительная на нашу акцию. По радиоперехватам замечено, что в Праге, Братиславе, Будапеште, Бухаресте, Белграде создается мнение о всяческой поддержке Дубчека, Черника, Свободы. Румынское и югославское радио раздражено злобствуют по поводу вторжения войск Варшавского Договора в Чехословакию. По сообщениям из Закарпатской и Черновицкой областей видно, как истерично вопит Н. Чаушеску. Чехословацкие специалисты, находящиеся в Донбассе — в Горловке и Макеевке — на монтаже оборудования, сегодня с утра не вышли на работу: звонят в Москву, в свое посольство, выясняют обстановку.

В приемную ЦК КПУ позвонил какой-то молодой человек, назвал студентом Киевского университета и заявил: «Передайте тов. Шелесту, что мы не верим в правдивость материалов, изложенных в «Правде» по поводу Чехословакии. Мы, молодежь страны, сделаем то, что сделала молодежь Чехословакии. Мы не согласны с тем, что наши войска вторглись в Чехословакию».

Мы перехватили выступление Чаушеску по радио в Бухаресте в связи со вступлением наших войск в Чехословакию. Очень «паскудное», но довольно воинственное, разжигающее политические страсти выступление. Румыния организывает «народную гвардию», вооружает рабочих, усиливает пограничные заставы и посты. В пограничных районах Румынии и Украины создается во взаимоотношениях большое напряжение. Брежнев попросил написать информацию в ЦК КПСС. Выполнил поручение.

22 августа 1968 года. Из Москвы мне в Киев позвонил А. Кириленко, по поручению руководства, как он сказал, проинформировал меня о положении дел в Чехословакии. Правые действуют организованно и продуманно. Работает против нас несколько передвижных радиостанций, пока что мы их не можем запеленговать и обезвредить. Две радиостанции нами сожжены, но за них был настоящий бой.

Плохо обстоит дело с Пленумом ЦК КПЧ и Национальным собранием: они осудили наши действия и ввод войск. Мы хотим выйти на прямую связь с Дубчеком и Черником, но что из этого получится, толком никто не может сказать. После вступления союзнических войск Дубчек, Черник, Смрковский, Кригель, Шпачек, Млынарж, Славик, по существу, предали интересы КПЧ, интересы чехословацкого народа, международное коммунистическое движение — был предпринят новый «авантюристический» шаг: с 20 на 21 августа Президиум ЦК КПЧ принял и опубликовал заявление, в котором критикуются действия Советского Союза и социалистических стран, войска которых участвуют в операции. Высказывается резкое несогласие с вводом войск и предъявляется требование немедленного их вывода.

Правые силы, прикрываясь решением и заявлением Президиума ЦК КПЧ, открыли широкую кампанию антисоветской истерии. С помощью средств массовой информации дезориентируют народ, сеют невероятную панику. Правительство, Национальное собрание и другие государственные и общественные организации, руководствуясь решением Президиума ЦК КПЧ и под давлением правых, тоже приняли документы с острым антисоветским содержанием. В это время за спиной ЦК КПЧ созван чрезвычайный съезд КПЧ. Правые рассчитывают захватить все ключевые позиции и объявить всестороннюю борьбу против Советского Союза, мобилизовать против нас не только внутренние, но и внешние антисоветские силы. Такова была информация со стороны Кириленко. Он ждал, что я скажу. Не дождавшись моего ответа, Кириленко добавил: «В Югославии происходят подобные действия, как и в Румынии. Итальянская, французская компартии открыто и резко заявили о своем несогласии с нашими действиями по Чехословакии».

Я высказал свое личное мнение, что для наведения «порядка» и сохранения нашего политического престижа надо срочно создавать временное революционное правительство в Чехословакии. Назначить перерегистрацию членов КПЧ и этим самым очиститься от правых элементов в КПЧ. Принять все меры для того, чтобы не допустить созыва чрезвычайного съезда КПЧ. Вся сложность обстановки указывает на неоправданную затяжку наших политических действий, организационной стороны дела. Тут проявилась несостоятельность, допущена медлительность, трусость, игра в «большое миротворчество» — гнилой либерализм, и это все еще для нас скажется. Если военные выполнили блестяще операцию (о чем даже западные военные круги НАТО говорят, что они не ожидали столь организованного и быстрого передвижения русских войск — для них действительно это было большой неожиданностью, и, может быть, это и сковало, парализовало их ответные действия), то политически

ничего не сделано. Войска ввели, а положение обострилось? Кириленко молчит.

Наступило почти катастрофическое положение. Наши войска в Чехословакии, а порядки там правых, антисоциалистических, антисоветских элементов. ЦК, правительство, Национальное собрание выступают против нас, наших действий, требуют немедленного вывода наших войск из страны. Подавлять все силой — чревато опасностью вызвать в стране гражданскую войну и возможное вмешательство войск НАТО. Оставаться там и бездействовать — значит обречь себя на позор, презрение, показать наше бессилие. Вот к такому острому, просто катастрофическому положению мы пришли, хотя и имеем силу. Это результат мягкотелого, неорганизованного действия, и в этом прежде всего был виноват Брежнев. Наши разведка и военные не могут определить, где собирается чрезвычайный съезд КПЧ, а следовательно, предпринять меры к его срыву. Поступает много писем в ЦК КПУ и ЦК КПСС, распространяются листовки, где поддерживается Чехословакия. Ползут слухи, что Брежнев снят с работы.

Туристы ГДР, Венгрии, Польши, находящиеся у нас, ведут себя вызывающе. В этих и других странах над нашими туристами просто издеваются — провоцируют, унижают, ругают. За 21—22 августа в Чехословакии погибло наших солдат и офицеров 20 человек, ранено 65, сожжено 10 танков, вертолет. Были случаи обстрела наших колонн и подразделений. Подпольные правые радиостанции продолжают действовать, выходят на связь с Западом, просят военной помощи. Наше промедление в принятии теперь уже каких-то чрезвычайных политических мер и организационных действий, может быть даже более жестких, чревато большими осложнениями, и могут быть самые непредвиденные последствия.

Обстановка в Чехословакии чрезвычайно сложная. Несмотря на все принимаемые нами меры помешать созыву съезда, он прошел. И теперь именуется «Чрезвычайный Высочанский съезд КПЧ». На съезде избран ЦК и Президиум. В его составе Дубчек. От здоровых сил, в том числе и от тех, от которых получено письмо в Братиславе, в Президиум никто не вошел. Многие не попали и в состав ЦК КПЧ.

Наконец Брежнев «решился» — дал указание разведке и военным скрытым образом вывезти из Чехословакии, помимо их воли и желания, Дубчека, Черника, Смрковского, Кригеля, Шимона, Шпачека. Никитченко, председатель КГБ Украины, получил указание из КГБ СССР подготовить на 6—8 человек места изолирования (но не в тюрьме), обеспечить надлежащую

охрану и безопасность, хорошее питание. Он обратился ко мне лично за советом где «их» (кого, он не знал) разместить, так как «они» придут в Ужгород и там их временно, до особого указания, надо содержать. Я ему порекомендовал разместить в особняках специального назначения в горах под Ужгородом. Все 6 человек в разное время в бронетранспортерах были скрытно вывезены в Ужгород, а затем отдельно друг от друга, изолированно помещены в загородных особняках в Карпатах, местечке Каменец.

Дубчек и Черник во время их «транспортировки» уже на месте вели себя чрезвычайно нервозно, плакали, требовали объяснения, что с ними будет. Но кто и что им мог сказать? Смирковский и Кригель вели себя почти дерзко, вызывающе, заявляли протесты. Шпачек и Шимон — безразлично, испуганно, но держались с достоинством.

В это время, когда проводилась операция «Каменец — Москва», Высочанский правый центр ставил перед собой задачу: выработать законченную антисоветскую платформу. В ней содержались ультимативные требования к КПСС, Советскому Союзу о невмешательстве в их дела и выводе войск. Открыто провозглашался разрыв с КПСС и другими партиями, участвовавшими в Варшавском совещании и военных акциях. Требовали отлучить их от международного коммунистического и рабочего движения. Центральный орган (газета «Руде право») полностью находится в руках правых и с 21 августа по 5 сентября печатал антисоветские провокационные статьи.

Чехословацкий вопрос превратился в узловой пункт антисоветской империалистической пропаганды. Шик и Гаек «уполномочили» себя защищать право Чехословакии в ООН¹²³. Гаек в Совете Безопасности ООН выступил с резкой антисоветской речью. Таким образом, чехословацкий вопрос уже официально перерос в международный вопрос. Осложнения нарастали, да и не могло быть иначе — из страны скрытно вывезено к нам все руководство: Первый секретарь ЦК КПЧ Дубчек, Председатель Совмина ЧССР Черник, Председатель Национального собрания Смирковский и три человека из руководства ЦК КПЧ — Кригель, Шимон, Шпачек. По существу, вести можно было разговор только со Свободой, Президентом Чехословацкой республики. И на него были все надежды. Только через него можно в какой-то мере разрядить просто катастрофическую обстановку. Разговор со Свободой состоялся. Он был далеко не легким, почти унижительным для нашей стороны.

23 августа в 22.00 из Ужгорода в Москву были доставлены все «политические заложники». Дубчека и Черника встречали

на обычном «служебном» уровне. Наконец решился и вопрос официального представительства. Свобода дал согласие приехать в Москву, но при условии, что он делегацию возьмет по своему усмотрению (но, конечно, с нашими «коррективами»). Свободу в Москве встречали с почетом, как подобает президенту.

В составе делегации Свободы были: Гусак, Биляк — по нашему настоянию, Индра, Пиллер, Дзур, Кучера. К ним в Москве присоединились Дубчек, Черник, Смирковский и другие.

24 августа был на работе до 24.00, просматривал почту — устал чертовски. Переговорил с Кириленко. Он сообщил, что обстановка довольно сложная. Прибывшая чехословацкая делегация со Свободой и к ним присоединившиеся Дубчек и Черник все время горячо обсуждают сложившуюся обстановку в стране и КПЧ. Между ними происходят большие споры, ссоры, разногласия. На наиболее правильных, приемлемых для нас позиций стоят: Свобода, Биляк, Гусак. Вся делегация между собой перессорилась. Дубчек много пьет, впадает в истерию. Индра заболел — расстройство нервной системы и, очевидно, в переговорах участвовать не будет. А ведь на него могла быть основная «ставка» при формировании нового правительства и руководства КПЧ — этим положение еще более осложняется. Кригель категорически отказался участвовать в обсуждении каких бы то ни было вопросов и принятии документов. Он считает, что единственно правильный документ — это принятое заявление Президиума ЦК КПЧ. Смирковский тоже колеблется как «маятник», при этом сильно хитрит. Дубчек и Черник между собой окончательно поссорились, даже переругались.

25 августа. В воскресенье рано утром разговаривал с Брежневым, Кириленко, Андроповым, обстановка сложнейшая. В тот же день в 11.00 вылетел в Москву на «переговоры» с чехословацкой делегацией. 25-го из Праги в Москву еще прибыло «подкрепление» к чехословацкой делегации по просьбе Л. Свободы. Это были: Швестка, Риго, Барбирек, Якиш, Ленарт, Млынарж. Таким образом, на переговорах из руководящего состава партии и правительства от чехов должны были участвовать 19 человек. Но было не так. Индра заболел. Кригеля, ввиду его «особой» и довольно четкой позиции, непримиримой и для нас неприемлемой, к переговорам не допустили. Больше того, изолировали от всей делегации.

25—27 августа 1968 года в Москве проходят «переговоры» с чехословаками. С нашей стороны в них участвуют все члены Политбюро ЦК КПСС. Если вообще ту «встречу» можно на-

звать «переговорами», когда основное руководство КПЧ и правительства было скрытно вывезено из Чехословакии и с применением силы, то можно представить, насколько сложно проходили эти «переговоры».

В это время в Словакии при активном участии уполномоченных Высочанского ЦК КПЧ — Водслоня, Грединовой, Садовского — правооппортунистические деятели Компартии Словакии Павлинда, Зрак, А. Тяжкий, Фальтъян, Гаренчар через представителей Братиславского горкома партии создали чрезвычайный съезд КПЧ. Все данные говорят о том, что ко всему этому прямо был причастен и Гусак. Съезд проходил в обстановке националистической антисоветской атмосферы. Он целиком и полностью присоединился и поддержал решения Высочанского съезда. Съезд принял обращение к пяти компартиям, подписавшим варшавское письмо. В этом обращении высказывалось несогласие со всеми положениями варшавского письма и было требование вывода советских войск с территории Чехословакии. Все это еще в большей мере нагнетало и накаляло политическую обстановку в Чехословакии. У нас это вызывало сильное беспокойство, и мы обратились к словацким товарищам с просьбой принять какие-то меры, чтобы съезд не принял окончательного решения. Гусак и Биляк несколько раз звонили в Братиславу и наконец добились того, что съезд прервал свою работу до 28 августа.

Наши «переговоры» с чехословаками продолжались. Документы несколько раз переделывались, отрабатывались, уточнялись, редактировались. В процессе обсуждения основного документа — «Договора» — были большие дискуссии и просьбы с обеих сторон. Но нам «просить» было гораздо легче: наши войска находятся в Чехословакии, а все партийное и государственное руководство ЧССР — в Москве и кое-кто, а именно Дубчек, Черник, Сморковский, Кригель, Шпачек и Шимон — на «особом» положении, в качестве политических заложников.

В документах наших «переговоров» надо было «узаконить» пребывание союзных войск на территории Чехословацкой республики, официально констатировать, что в Чехословакии существует контрреволюционная обстановка. Документ должен был зафиксировать и такие обязательства: чехословацкое руководство не на словах, а на деле в определенные сроки добьется нормализации положения в стране, очистит центральные партийные и государственные органы от правых элементов, восстановит руководящую роль КПЧ и авторитет государственной власти; ликвидирует все политические клубы, исключит все

контрреволюционные элементы из политической жизни страны; укрепит международные связи ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими странами-союзниками. Особое место в документе должен был занимать вопрос о союзнической верности Варшавскому Договору.

На четвертый день совещания был составлен совместный протокол. Он должен служить исходным пунктом для конструктивной работы и деятельности по нормализации положения дел в Чехословакии и взаимоотношений между ЧССР и СССР и нашими партиями. На основе этого протокола должны были разрабатываться конкретные документы по разным вопросам и аспектам взаимоотношений между нашими странами и партиями.

Протокол подписали все участники совещания с обеих сторон. Только Кригель отказался подписать этот «документ», несмотря на то, что к нему дважды обращались — один раз возили протокол к Кригелю в его «резиденцию», а второй раз его привезли в Кремль, где проходило совещание. Он и там уже при всех отказался это сделать. Подходило к концу наше совещание. Постепенно улегались страсти, определялись отношения, но до полного нормального взаимопонимания еще было очень далеко.

Весь состав Президиума ЦК КПЧ был приглашен в Москву с определенной целью. Мы намеревались сформировать новое правительство Чехословацкой республики, которое бы утвердил Президент Л. Свобода, а также определиться с руководством ЦК КПЧ. Затем все это обнародовать, и пусть новые люди берут бразды правления страной и партией. Но предполагаемые «руководители» испугались, трусили, боялись ответственности за обстановку в стране и партии. Индра заболел — у него нервное расстройство, а на него делалась ставка как на первое лицо. Остальные «здоровые» силы просто растерялись. И все это было еще одним подтверждением и свидетельством тому, что мы глубоко серьезно и со знанием дела не работали над вопросом сплочения здоровых сил, а они сами далеко не были готовы к ответственному и серьезному повороту дел.

Осложнило все это и еще то обстоятельство, что как-то на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС, когда обсуждался вопрос о чехословацких делах, Брежнев заявил: «Давайте сделаем так, чтобы я занимался в комплексе вопросами Чехословакии. Тем более что я изучил некоторые особенности страны и кадры. Если вы мне доверяете (сказал он для красного словца), то я все буду делать, чтобы уладить все вопросы

с Чехословакией». Как бывает у нас в таких случаях, почти все «завопили»: «Да! Правильно, Леонид Ильич!» На этом основании Брежнев возомнил, что он действительно большой специалист по урегулированию политических вопросов в Чехословакии. Но ведь, кроме высокого о себе мнения, надо еще иметь понятие в вопросах, за которые ты берешься, умение прислушиваться к мнению других членов Политбюро ЦК КПСС. Одним словом, с общего попустительства, высокого самомнения и, безусловно, вины, в первую очередь самого Брежнева, не было подготовлено разумного предложения по созданию чехословацкого нового руководства из среды здоровых сил.

Встал вопрос — как же быть? А другого выхода и не было, как возвратит в Чехословакию «политических» заложников в их прежнем качестве — Дубчека, Черника, Смрковского и других. Свобода, Биляк, Ленарт, Кольдер таким оборотом дела были до крайности обеспокоены. Они сами чувствовали и откровенно со мной говорили, что Дубчек и Черник неспособны повести дело так, чтобы выполнить московский только что подписанный протокол. Биляк, Кольдер, Ленарт, Пиллер, Яшик и другие опасались того, что каким-то образом может раскрыться то, что они подписали письмо, и тогда им, конечно, не сдобровать — они попадают в число «изменников родины».

Стоял и другой очень серьезный вопрос. Силой вывезены из своей страны и находившиеся несколько дней в изоляции Дубчек, Черник, Смрковский, Кригель не могли так просто пережить и примириться с этим, нам простить. Да просто чисто по-человечески, из гордости такие поступки «друзей» так легко не проходят и не забываются. Может быть, не совсем применимо в данном случае, но ведь говорится: «Побежденный, даже прощенный враг никогда не будет другом». Возвращение вывезенной «шестерки» в их прежнем положении ставит под большое сомнение выполнение московского протокола.

Чехословацкие представители стали собираться на родину. В. Биляк подошел ко мне и попросил связать его по телефону с семьей — женой, сыном и дочерью, которые в это время находились в Киеве как «политические эмигранты». Просьба Биляка была удовлетворена. Он переговорил с семьей и, кроме того, передал через меня письмо своей жене. Кстати, о дочери Биляка. В разгар самых острых августовских событий его дочь находилась с туристической группой в Лондоне. Биляк меня попросил что-то предпринять, чтобы дочь вывезти на Украину к матери и брату. Меры были приняты — через соответствующие органы и каналы дочь Биляка была доставлена в Киев. За границей по поводу исчезновения дочери Биляка даже был поднят большой шум. Нам надо было продумать ответ и на эту реакцию.

Кригель ввиду его «особой» позиции почти все время находился в изоляции и, несмотря на неоднократные просьбы чехов, от подписи протокола отказался. С нашей стороны все это вызывало «негодование», но мы ничего сделать не могли, и Кригель вместе со всеми чехословаками возвращается в свою страну как «герой». Очевидно, это встревожило Брежнева, и он предложил не выпускать из Советского Союза Кригеля. Но на каком основании мы имеем право его задерживать? Этот вопрос никого не интересовал; было бы сказано, а исполнить есть кому. Если мы его задержим у себя на том основании, что он отказался подписать протокол, то Кригель в Чехословакии станет кумиром правых. Предложение Брежнева было более чем сомнительным. Но если смотреть объективно на поведение Кригеля, то оно вызывало уважение — это был мужественный поступок. А мужество есть мужество, оно покоряет любые сердца. Нет никаких оснований задерживать в нашей стране гражданина ЧССР, да это и было бы проявлением нашей трусости перед одним человеком, который высказал свое несогласие с нами. Чехословаки были встревожены таким возможным «решением» в отношении Кригеля. Ко мне несколько раз подходили Свобода, Биляк, Черник и просили, чтобы я передал их просьбу об отпуске Кригеля на родину. Я их просьбу передавал Брежневу, но он в каком-то угаре мнимого успеха «победы» над чехами и слушать об этом не хотел. Мне пришлось передать просьбу чехословаков Подгорному и Косыгину. Подгорный сразу понял несостоятельность решения о задержке у нас Кригеля, он сказал: «Что мы, сами хотим из него сделать героя? Конечно, пусть уезжает вместе со всеми». Косыгин несколько колебался принимать такое решение. Все же посоветовались все троем — Брежнев, Подгорный, Косыгин и в моем присутствии решили отпустить Кригеля. Об этом решении я поставил в известность Л. Свободу, он только и мог сказать: «Ну, что ж. Разумно».

Кригеля из его «резиденции» везли в закрытой машине на аэродром, и он не знал, куда его везут. Впоследствии он говорил: «Я думал, что меня отправляют прямо в Сибирь, и я к этому был готов». Но Кригель улетел одним самолетом вместе со всеми чехословаками в Прагу.

Итак, закончился еще один очень тяжелый этап. Но все же ждать в ближайшее время каких-либо существенных перемен в Чехословакии было трудно. Брежнев находился в чрезвычайно иллюзорном настроении, чувствовал себя «победителем» — все это политический мираж и самонадеянность. Все трудности еще впереди.

28—29 августа продолжил свою работу съезд СКП (Словацкой коммунистической партии). Гусака избрали Первым секретарем ЦК СКП, что, безусловно, состоялось на националистической волне. Нам надо быть настороже.

28 августа вечером возвратился в Киев, устал страшно, да и впечатление от всего, что происходило в Москве, осталось тягостное.

29—30 августа. Переговорил с секретарями обкомов по текущим хозяйственным, организационным и политическим вопросам. В своей основе реакция населения по информации секретарей на коммюнике по нашим переговорам с чехами в Москве положительная. Но в Киеве в двух местах и некоторых других городах республики появились листовки и надписи в общественных местах против КПСС, Брежнева — за свободу слова, поддержку чехословацких событий и осуждение нашего военного вмешательства в чехословацкие дела и политическое давление на ростки нового в Чехословакии. Приняты меры к локализации и розыску авторов листовок и надписей.

Имеет место, в частности в Крыму, Одессе, Ворошиловграде, когда отдельные члены партии, беспартийные, даже в учебных заведениях высказывают свое несогласие с нашими акциями по Чехословакии. Это все должно нас настораживать.

1—10 сентября состоялась встреча со студентами и профессорско-преподавательским составом Киевского университета имени Т. Г. Шевченко. Встреча проходила в актовом зале, было много студентов и преподавателей. Я всех поздравил с началом учебного года. Рассказал об обстановке и положении дел в стране и республике. Затронул вопросы международного положения — в частности, обстановку в Чехословакии. Ответил на заданные вопросы. Встреча прошла хорошо, эта встреча крайне необходима была.

На второй день после встречи я получил письмо ругательного, оскорбительного содержания по моему адресу. Почему, мол, я лезу к студентам, что я о Чехословакии говорил неправду, а по Союзу и республике приукрасил положение дел. Тон записки был не только дерзкий, но и оскорбительный не только для меня лично, но и для нашей системы. Мне было до боли обидно, неприятно — я немало времени находился под впечатлением этой дерзости. Записка была написана на украинском языке, в стихотворной форме. Подпись: «Студенты слушали тебя».

Принял и обстоятельно беседовал с Тяжельниковым, первым секретарем ЦК ВЛКСМ, и первым секретарем ЦК ЛКСМУ Капто. Обсудили вопросы о мероприятиях совещания участников Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной и боевой славы. Просили выступить на совещании — дал согласие. Надо подготовиться минут на 20, не больше.

9 сентября. В Ужгороде состоялась встреча военных делегаций Советского Союза и Чехословакии. Возглавляют делегации с нашей стороны А. Гречко, с чехословацкой Дзур. Совещание проходило в Мукачеве. Я дал указание Ильницкому уделить максимум внимания этому событию.

Ожидается приезд Живкова в Москву, он просит кредит в 300 тысяч валютных рублей. Экономика в Болгарии просто трещит. Живков совмещает посты Секретаря ЦК и Председателя Государственного совета. У нашего руководства котируется невысоко, сам по себе немного легкомысленный в политических вопросах и в хозяйстве разбирается очень слабо.

10 сентября. Поступил анонимный сигнал, что Серобаба, редактор газеты «Правда Украины», ведет себя интригански, пытается внести какой-то разлад в действия членов Политбюро ЦК КПУ. Из сигналов свидетельствует, что это импонирует Ляшко, так как Серобаба о нем много говорит как об идеальном «руководителе». Решил поговорить с обоими. Они чувствовали себя не совсем уверенно. Какой-то и где-то разговор по этому поводу был. Подло, чем занимаются люди. Вопрос идейности, добросовестности, порядочности и культуры руководящих работников — это первостепенный вопрос для нашего авторитета среди народа. К сожалению, среди партийных, советских руководящих кадров много просто «хлама и хамья», а бескультурие, интриганство и карьеризм часто просто процветают. Вот, не так давно Овчаренко, секретарь ЦК, жаловался на Ватченко, секретаря Днепропетровского обкома партии, как на страшного грубияна, просто невоспитанного человека, высокомерного хама.

11—16 сентября. В некоторых газетах и журналах пошла «атака» на Олега Кошевого. Подвергают сомнению, что он был комиссаром и командиром молодогвардейцев, нашлись новые на это претенденты. Развенчать ореол молодогвардейцев — это значит нанести непоправимый ущерб воспитанию молодежи. Зачем разрушать даже легенду, если она создана? Позвонил в ЦК КПСС, попросил, чтобы вмешались и прекратили «разрушение» святого — о молодогвардейцах.

Принял Руднева, контр-адмирала, начальника Политотдела Черноморского флота. Военные моряки предлагают — в целях сохранения военной тайны закрыть Севастополь для свободного доступа, в особенности для иностранцев. Передал мне мнение адмирала Горшкова, главнокомандующего Военно-Морским Флотом страны, что нынешний командующий Черноморским флотом адмирал Чурсин по состоянию здоровья должен уйти в отставку. Обсуждается кандидатура вместо Чурсина адмирала Сысоева. Руднев говорил, что много приходится командному, политическому составу и всем коммунистам работать над освоением сложной новой техники — новых кораблей всех систем и сложнейшего на них оборудования. Приглашал посетить корабли Черноморского флота.

Октябрь 1968 года. Прошло незаметно лето — устал страшно, ведь с событиями чехословацкими и заботами по республике так летом и не удалось побыть в отпуске. Хотя бы дней десять использовать положенного отпуска.

Состоялся разговор с Брежневым и Подгорным. Я доложил обстановку в республике по работе промышленности и сельского хозяйства. Озимый сев почти закончен. Большая задержка происходит с вывозкой сахарной свеклы, не хватает автотранспорта, 20 тысяч автомашин, которые по решению должны уже были возвратиться из Казахстана, задерживаются, а без них мы затанем вывозку свеклы, будут большие потери.

Рассказал о наших трудностях и сложностях в составлении народнохозяйственного плана республики на 1969 год. Обсудили вопросы подготовки к предстоящему Пленуму ЦК КПСС. Брежнев и Подгорный посветили меня в некоторые детали положения в Чехословакии.

Переговорил с Кунаевым¹²⁴, первым секретарем КП Казахстана. Проявляет азиатскую хитрость, ссылается на МПС, что не дает платформ и он не может отправить 20 тысяч машин, которые ушли с Украины на вывозку хлеба. На самом деле вагоны есть, а Кунаев не принимает никаких мер к выполнению решения ЦК и Совмина о переброске машин к нам для вывозки сахарной свеклы. Вот такие порядки у нас и дисциплина.

В Донбассе большие сложности с обеспечением питания, в особенности мясом, государственных фондов явно не хватает. А на рынке килограмм мяса 2,5—3 рубля. Среди шахтеров, горняков, металлургов, машиностроителей, химиков, строителей просто идет открытый ропот. А что я могу сделать при нашей «зацентрализованной» системе, где все давно расписано,

все распределено, даже то, что еще не произведено. Мы же не имеем права даже израсходовать на нужды республики то, что произвели сверх плана. Из республики отправляется огромное количество продуктов животноводства — даже за границу, а свой собственный рабочий класс, «хозяин» страны, держим на минимальном пайке.

1—8 ноября. Занимался разбором почты, а ее очень много скопилось за дни моего пребывания в Москве.

По случаю 25-летия освобождения Киева провели митинг на командном пункте в Петровцах. Здесь же выступил Свобода, затем возложили венки у могилы Неизвестного солдата и у памятника Ватутину. На торжественном заседании, посвященном 25-летию освобождения Киева, было много делегаций от городов-героев. Выступило много военных.

После торжественного заседания, парада, демонстрации, посвященных 51-й годовщине Октября, во второй половине дня с членами Политбюро ЦК КПУ был в Залесье — хорошо провели время. Был горячий, принципиальный спор по вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства в стране — это в связи с Пленумом ЦК КПСС. Ну, что ж, поспорили-то хорошо, а дела остались на том же уровне.

8 ноября вечером выехал в Москву для поездки в Варшаву на V съезд ПОРП. Делегацию возглавляет Брежнев.

10 ноября утром поездом наша делегация прибыла в Варшаву. Состав делегации: Брежнев — глава делегации, Гришин — Москва, Шелест — Украина, Киселев — Белоруссия, Аристов — посол в Польше, Катусhev — секретарь ЦК.

11 ноября в 10 часов утра Гомулка открывает V съезд ПОРП. Избирается президиум съезда — председательствует Герек.

13 ноября вечером ко мне в резиденцию запросился Герек — первый секретарь Котовицкого воеводства ПОРП, и с ним три секретаря воеводства и председатель исполкома воеводства. Мне сразу трудно было определить, чем было вызвано это посещение. Я в первую очередь отнес это за счет того, что Котовицкое воеводство имеет тесные связи с нашим Донбассом. Разговор был интересный, разносторонний и довольно откровенный. Из этого разговора я почувствовал, что вокруг Гомулки сгущаются тучи, хотя сам Герек подчеркнуто говорил: «Наш Вацлав». Поляки тогда мне подарили хорошую картину «Крестьянская девушка».

15 ноября 1968 года прилетели из Праги Дубчек, Черник и Гусак для того, чтобы встретиться и переговорить с Брежневым в связи с предстоящим Пленумом ЦК КПЧ. На этой встрече от нашей делегации были Катушев и я. Главные вопросы, которые обсуждались в этих переговорах, были следующие: объяснить партии и Пленуму, какие причины побудили ввод наших войск. О необходимости взять средства массовой информации в свои руки. О варшавском письме пяти соцстран и верно-сти Варшавскому Договору. Классовый подход к оценке происходящих событий в Чехословакии. Об учении марксизма-ленинизма как основе нашей идеологии. Наличие антисоциалистических, контрреволюционных элементов в стране и борьба с ними. Роль КПЧ как руководящей партии, о демократическом централизме как основе дисциплины в партии. Об ответственности руководства партии за состояние дел и выполнение московского протокола.

Вот такие вопросы мы должны были поставить перед чехами в наших с ними переговорах.

Предстоящий Пленум ЦК КПЧ должен быть особо принципиальным.

Переговоры начались в 0 часов 15 минут. Первым выступил Брежнев. Он сказал: «Этот ваш Пленум будет иметь большое значение. А главное, чтобы документы Пленума отражали марксистско-ленинское понимание обстановки в партии и стране. Мы отмечаем, что вами проведена определенная положительная работа. Но вместе с этим мы делаем принципиальное замечание по проекту постановления Пленума, по толкованию отдельных принципиальных формулировок. Очевидно, вам надо подумать по поводу формулировки о причинах ввода войск, об акции 21 августа. Ваша трактовка этого вопроса не дает уверенности в том, что ее не используют правые элементы в своих целях. Известна роль средств массовой информации и пропаганды, однако в проекте документов Пленума роль их отражена неправильно, больше того, вы даете положительную оценку средствам массовой информации, что не соответствует положению дела.

Опасность обстановки слабо отражена, даже вредно сказано, что в КПЧ якобы существует опасность как справа, так и слева. Создается впечатление, что идет фракционная борьба в партии, в общем все это создает довольно мрачную картину». По ряду вопросов проекта постановления Пленума ЦК КПЧ предлагаются наши формулировки.

Чехословаки внешне отнеслись якобы «спокойно» к нашим

замечаниям. Однако концовка, заключительная, подытоживающая часть проекта постановления Пленума была очень путаной, сложной, замысловатой, давала возможность трактовки по-разному. Но ее чехословаки отстаивали остро и настойчиво, и мы их не «убедили».

Наше совещание затянулось до 3 часов 30 минут утра. Из всех разговоров чувствовалось, что Дубчек все больше попадает в изоляцию между Черником и Гусаком.

Нами много было высказано критических замечаний в адрес Дубчека. В Чехословакии выпущена листовка с портретом Ленина и Дубчека. В ФРГ одна из фирм выпустила золотую медаль с изображением Дубчека.

Ноябрьский Пленум ЦК КПЧ должен был решить много вопросов, прежде всего нормализовать положение в стране и улучшить взаимоотношения с нами и другими странами, подписавшими варшавское письмо. Надежд возлагали много, а результат — усиление психоза, попытка создать единый в стране антисоветский фронт. Личная трагедия студента Яна Палаха, который заживо себя сжег, приобрела политическую окраску. А это, в свою очередь, послужило поводом к разжиганию антисоветского психоза, и в особенности среди молодежи Чехословакии, волной ударяло и по некоторой части нашей молодежи. Встреча в Варшаве с чехословацкими руководителями хотя и не дала положительных, тем более ощутимых результатов, зато нам удалось выяснить многие подробности положения дел в Чехословакии. Руководители соцстран, прежде всего Гомулка, конечно, а затем Ульбрихт, Живков и Кадар узнали о нашей встрече с чехами и, конечно же, поинтересовались, как проходила беседа и что нового в Чехословакии? Брежневу пришлось рассказывать о нашей встрече с руководством КПЧ и правительства. Разговор этот был довольно неприятный. Гомулка и в особенности Ульбрихт снова ополчились на Брежнева за то, что он «затянул кризис» в Чехословакии.

16 ноября в первой половине дня закрылся V съезд ПОРП. Вечером наша делегация выехала на родину. По пути остановились в Бресте, оттуда поехали в Беловежскую Пущу. Провели там вечер и день. Мне лично ни место, ни порядки не понравились. Надо для такого хозяйства иметь общую культуру гораздо выше.

Вечером **17 ноября** поездом Киев — Брест выехал домой, 18 ноября был уже в Киеве. Встречали все члены Политбюро ЦК КПУ.

19—25 ноября. Работал над докладом на Пленум ЦК КПУ

по вопросам зернового хозяйства. Пленум и вопрос, на нем стоящий, очень ответственный — это, по существу, программа наших действий по поднятию урожайности зерновых и культуры земледелия.

Принял Терлецкого, доктора исторических наук, главного редактора журнала «Коммунист». Характеристика товарищей на Терлецкого хорошая, да я и сам его немного знаю по работе в Киевском обкоме партии. Высокая деловая квалификация, принципиален, политически стоек, имеет свое мнение и умеет его отстаивать. Обходительный с людьми, требовательный в работе.

Пленум ЦК КПУ состоялся **22—23 ноября**. Доклад мой длился 2 часа 25 минут. Говорят, что был содержательный, принципиальный, интересный. Выступления тоже были хорошие — принципиальные, много внесено интересных предложений и критических замечаний. Пленум принял решение, в котором намечены конкретные мероприятия по резкому увеличению урожайности зерновых на основе поднятия в комплексе культуры земледелия. Увеличение валовых сборов зерна и продажи его в ближайшие годы не менее одного миллиарда пудов, при полном обеспечении хозяйства и в целом республики собственными семенами и зернофуражом для развития животноводства.

Принимал секретарей обкомов, членов ЦК КПУ, решал кадровые вопросы.

Шульгин, первый секретарь Донецкого горкома партии. Принимал его по поводу назначения министром дорожного строительства республики. Надо направить его в Москву для знакомства и, по существу, для утверждения.

Дегтярев, первый секретарь Донецкого обкома партии. Обсуждали вопросы: о специализации по сельскому хозяйству области. Приходим к заключению, что область главным образом должна иметь «крен» мясо-молочного и овощного направления. Население области составляет почти 5 миллионов человек, крупная индустрия, завозить все продукты животноводства и овощи просто невозможно. Обеспокоены, что за последнее время в Донбассе снижаются темпы жилищного строительства, надо принимать меры к исправлению положения. На Дегтярева поступило анонимное письмо очень нехорошего содержания. Я с ним ознакомил Дегтярева — не очень это приятная «процедура», но куда денешься. Поговорили по этому поводу. В письме много натянутого и предвзятого.

Бубновский, первый секретарь Хмельницкого обкома партии. Обсуждали вопрос, когда вручить орден Красного Знамени Шепетовской городской комсомольской организации. О развитии в Шепетовке промышленности. В городе много населения, и среди них молодежи не трудоустроено, не занято полезно-общественным трудом, а жить на что-то надо.

Ильницкий, первый секретарь Закарпатского обкома партии. Рассказывал о Г. Гусаке, о том, как он «спихнул» В. Биляка, о его националистических замашках и политических штатаниях. Гусак среди партийного актива Словакии и Чехословакии в целом котируется довольно низко. И вообще трудно понять, на какой «волне» он всплывает на политическую арену? Да это так, случай судьбы в жизни.

25 ноября. Позвонил Брежневу. Доложил о прошедшем Пленуме ЦК КПУ по поднятию урожайности зерновых и культуры земледелия.

Он одобрительно отозвался о Пленуме и наших мероприятиях по повышению урожайности зерновых, при этом сказал: «Вопросы состояния сельского хозяйства всех нас очень тревожат, дела у нас идут здесь очень туго. И то, что вы сделали на Пленуме, заслуживает всяческого одобрения и поддержки». Попросил разрешения у Брежнева уехать в отпуск в Кисловодск — разрешил. Одновременно я спросил его, когда он и куда собирается ехать отдыхать. Он ответил, бравируя, как всегда: «Пойду отдыхать при коммунизме». Мол, идите вы все в отпуск, а он не может, на нем все «держится» — нехорошо это. Думает дожить до «коммунизма»?!

25 ноября вечером поездом выехал в Кисловодск на отдых. Не прошло и пяти дней отдыха, как мне из Москвы позвонили, что в первых числах декабря в Киеве предполагается встреча с чехословацкими руководителями. Попросили продумать все вопросы, связанные с проведением этого совещания.

5 декабря. Из Кисловодска срочно вылетел в Киев, от Минвод до Киева летел 1 час 50 минут. Полет был очень тяжелый из-за метеорологических условий: сильный порывистый ветер, обильный снег, мороз, происходило сильное обледенение самолета. Видимость при взлете в Минеральных Водах и при посадке в Киеве почти нулевая.

По прибытии в Киев я приступил к разработке мероприятий по совещанию, и мной был предложен вариант: провести совещание под Киевом, в охотничьем хозяйстве Залесье. Здесь

было где хорошо разместить всех участников встречи, имелось помещение для заседания, кинозал, бильярдная, блок питания, хорошее помещение для обслуживающего персонала. Можно хорошо организовать охрану. От Бориспольского аэропорта всего 25—30 километров. Свои соображения доложил Брежневу. Он согласился.

7 декабря утром на Бориспольском аэродроме встречали Брежнева, Подгорного, Косыгина, Кузнецова, Катусева. В этот же день в 12.00 прибыл на этот же аэродром самолет из Праги с чехословацкой делегацией. Переговоры в Залесье начались 7 декабря в 14.00 и закончились 8 декабря. Роль и значение киевской встречи и переговоров заключались в том, чтобы способствовать восстановлению и укреплению взаимного доверия между нами и чехословаками. Положение в Чехословакии оставалось довольно сложным. Правые стояли на двуличной, лицемерной платформе, старались удерживать существующую ситуацию на точке «кипения». Держали страну в состоянии нервозности и политической напряженности.

Переговоры в Киеве, по существу, ничего нового не дали и не выяснили новых обстоятельств. Чехословаки в переговорах вели себя довольно скованно. Одно оставалось ясным, что уход Дубчека с поста оставался абсолютно необходимым, и, может быть, после этого партия и общественность страны выйдут из заколдованного круга кризисных ситуаций. Дубчек и Черник все больше теряли определяющее значение в партии и государстве.

После окончания совещания все вместе пообедали, но разговор совершенно не клеился. Чехи были сильно омрачены.

Пригласил всех участников совещания на охоту на кабанов с вышек, все чехи отказались и спешно собрались улетать к себе домой.

Я их проводил в Борисполь на аэродром. А московские гости уехали на охоту, и охота была очень удачной.

9 декабря я проводил всех гостей в Москву, а сам в тот же день улетел в Кисловодск продолжить свой отпуск.

После отпуска с новой силой окунулся в работу. Подходит конец года, и еще больше видно, какие громадные трудности в нашей экономике, в планировании народного хозяйства. Мы все трубим, что оно у нас ведется на «научной основе» — все это звучит как насмешка над наукой. Вся наша беда в том, что в нашем хозяйстве почти все делается «волевым» способом — «надо, надо». Надо, безусловно, но надо делать с пониманием

и разумом. «Волевой» прием основательно лихорадит всю нашу экономику. А научное планирование — это одно пожелание, разговоры, обман, иллюзия. Но зачем же мы тогда о нем столько говорим, кого обманываем? Металлургическая промышленность республики план 1968 года не выполняет, и это результат чрезмерной перегрузки. Фондов на развитие предприятий нет, компрометируется и подрывается доверие к «новой экономической реформе». Позвонил Соломенцеву, секретарю ЦК: просил его вмешаться, возможно, скорректировать план по черной металлургии. Но что он может сделать? В лучшем случае «посочувствовать». За год надо было ввести в республике 923 промышленных объекта, на которых уже с 1960-го планируется выпуск продукции, а вводим только 184 объекта — что же дальше? Снова предлагают установить «новые реальные сроки», «новые обязательства» — снова надоевшая до чертиков говорильня.

Плохо со сдачей жилья, для выполнения планов не хватает леса, кровли, цемента, металла, а мы все «берем» дополнительные и встречные «обязательства». Сколько же эта неразбериха, бестолковщина стоят государству! Как все это пагубно отражается на нашей экономике, морально-политическом состоянии людей — ведь они все видят. Только переброска военных машин из области в область на уборку урожая обходится в сезон республике свыше 20 млн. рублей. А кто когда считал, во что обходится государству и как ложится на себестоимость сельскохозяйственной продукции переброска сельскохозяйственной техники, автомашин, людей на уборку урожая в Казахстан?

Поступило много телеграмм и звонков с новогодними поздравлениями. Новый год встречали за городом, в Залесье, в семейном кругу. Хорошо, что была приглашена молодежь — она всегда вносит оживление. Пошел снег, погода стоит отличная, на улице зажгли огромный костер. Позвонил А. Н. Косыгин, поздравил с наступающим Новым годом, я его поблагодарил и тоже поздравил с Новым годом. Встреча Нового года прошла хорошо, весело, живо. С Петей, старшим внуком, ездил на охоту, он остался доволен: дал ему даже выстрелить.

От шума, гама, веселья да немножко от выпитого и шума внуков немного устал, но хорошо. Почувствовал по-настоящему семейную обстановку.

Утверждение брежневщины.

«Это был спектакль по очень плохому сценарию»

Вот и наступил новый, тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Что он нам принесет?

2 января. Рабочий день, просматривал почту, переговорил со многими секретарями обкомов. Рассматривал вопросы предстоящего республиканского совещания работников высшей школы. Очень волнует меня культурное, бытовое обслуживание студентов. Нет у нас в стране в этом вопросе ни порядка, ни системы, да и заботы тоже. Как всегда, много говорим, но мало делаем.

Переговорил с академиком В. П. Глушко, просил его подготовить материалы ознакомительного характера о перспективах развития кибернетической науки.

3—15 января. Рассматривал результаты и доклады работы бригад ЦК КПУ, проводивших проверку работы обкомов партии Сумского и Волынского. Проверяющие доложили, что первый секретарь обкома Калита скрывает недостатки в работе. С районными руководителями груб и резок. Беспеременно в районы посылает разного рода комиссии, уполномоченных. От такого стиля руководства всегда было мало толку, тем более если все это делается в грубой форме и с недоверием к местным руководителям.

По Сумской области первый секретарь обкома Ищенко жалуется на председателя облисполкома Науменко, что последний по многим вопросам его на бюро обкома не поддерживает, в результате чего сложилась довольно напряженная обстановка. Надо со всеми вопросами подробно разобраться и принять меры, поправлять дела, ибо такая обстановка отрицательно отражается на делах в областях.

До чего же желчный и нечеловечный И. Грушецкий! У него нет хороших людей — его «сверхидейная» бдительность — его болезненная мания. Очевидно, все это происходит от его личной неполноценности. Он безграмотный, тупой, ограниченный человек и все жаждет каких-то «жертв и крови». В отношении к людям у него нет ничего человеческого, теплого, вот бы был «исправный гестаповец». Почему, по какому праву он взелся на поэта Дмитра Павлычко, приписывая ему все «грехи» с самых малых лет? Да, он, Павлычко, еще в юности участвовал в какой-то молодежной организации, которые были тогда в Западной Украине. Он выступал со статьей в чехословацком журнале «Дружно вперед» и якобы, по заключению Грушецкого, с националистическим уклоном. О том, что Антонович дал хорошую рецензию на творчество Павлычко, он тоже в этом «виноват». Грушецкий говорит, что Павлычко зарабатывает себе авторитет, но что он «хитрит» и в душе «зарозумилый». Допустили, мол, ошибку, что Павлычко взяли в Киев, что в политическом отношении ему верить нельзя. Надо-де «дело» Павлычко рассмотреть в партийном порядке и освободить его от должности секретаря Союза писателей Украины. И много других «дел» Грушецкий приписывал Павлычко. Но если бы это было только с Павлычко! Нет, Грушецкий на каждого писателя, на всю творческую интеллигенцию смотрел как на каких-то потенциальных «политических врагов». Жестокий, несправедливый и опасный человек Грушецкий. А когда дело касалось его лично, то Грушецкий сразу нюни распускал — как это было, когда на него поступило заявление, что его отец сотрудничал с немцами во время оккупации. Все жестокие, несправедливые люди являются трусами — и больше всего боятся за свою личную шкуру. И это в нашей партии «единомышленников».

Был на приеме Никитченко В. Ф., председатель КГБ республики. Он был на коллегии КГБ СССР, где слушали отчет Одесского областного управления КГБ, сделан был ряд замечаний. Разрабатываем мероприятия по устранению недостатков.

Много распространяется литературы, листовок, писем по политическим, национальным правам человека, свободе слова, печати, демократии и другим вопросам. Но наши органы не могут найти «корня», откуда все это идет. Москва тоже пока мечется и ничего не может сделать по пресечению этого явления.

Второе Главное управление КГБ СССР, контрразведка, ведет себя трусливо, с какой-то особой предосторожностью, все

это отражается на работе по разоблачению истинных наших врагов и противников.

В одном из министерств республики заместитель министра, он же и заместитель секретаря парткома министерства, оказался сыном полиция, надо о нем решать вопрос.

Заместитель заведующего отделом пропаганды Черкасского обкома партии Ицков написал много анонимных писем, заявлений и листовок политического содержания, в том числе и о своем несогласии с нашими действиями по Чехословакии. Надо как-то без особой огласки решать вопрос с Ицковым. О диссиденте Черновиле надо собрать все материалы, обобщить все и предъявить Черновилу обвинения. Но все это можно делать только с санкции Москвы, но при этом, если мы промедлим, нас же и обвинят в примиренчестве к «фронде».

В Крыму уже прописано на общих основаниях 150 человек — граждан татарской национальности. Много идет разговоров о памятнике чекистам, автор Бородай. Неудачный он получился, очевидно, придется переделывать.

7—8 января. Приболел, повысилась температура, был дома. Много читал и рассматривал почту. Буржуазная пропаганда и идеологи много пишут и дают трактовок об И. В. Сталине, и, надо сказать, в целом объективно, по крайней мере гораздо объективнее, чем мы сами, особенно наши сегодняшние «вожди», они просто боятся употребить имя Сталина. А надо бы научиться некоторым нашим «руководителям» как тактично критиковать, так и объективно освещать его политическую и организаторскую деятельность. И. В. Сталин был тридцать лет во главе партии и государства, самые трудные годы после гражданской войны, экономической разрухи, голода и холода, полного окружения капиталистическими странами. Первые пятилетки, стахановское движение во всех отраслях народного хозяйства. Покорение Северного полюса и Арктики, перелет через Северный полюс в Америку. Индустриализация и коллективизация страны. Укрепление обороноспособности нашего государства. Победа партии, народа во главе со Сталиным в Великой Отечественной войне. Ведь в бой шли с возгласами: «За Родину! За Сталина!» Ведь это был лозунг партии и народа, не сам его выдумал Сталин. Восстановление страны, ее экономики, народного хозяйства после войны. Успехи в укреплении обороны страны и технического прогресса. Все это делала страна, народ, партия, но был и Сталин, и о нем говорили, с ним воспиталось целое поколение. Почему же об этом мол-

чать? Ведь это история не только партии Сталина, а история народа. Были промахи и ошибки, о них тоже надо говорить. История есть история, ее грубо попирать никому не дано права, иначе это разочаровывает людей, пагубно отражается на воспитании молодежи.

9 января. Принял Гончара О. Т. Обсудили вопросы: о создании Киевской городской столичной писательской организации. Гончар жаловался на то, что Грушецкий вызывает к себе писателей, ведет с ними разговор в грубой, нетактичной форме, запугивает. Особенно он обрушился на Павлычко и Збанацкого¹²⁵. Ведущие писатели возмущаются поведением Грушецкого и просят в ЦК защиты. Гончар просит дать ему творческий отпуск — работает он над новым романом, в котором фабулой будет дружба народов.

В разговоре со мной свой «Собор» Олесь защищает, и правильно делает, а кто же разумный и любящий свое дитя не будет его защищать? «Собор» уже вышел в свет.

Обговорили сроки и повестку дня пленума Союза писателей Украины. Надо все вопросы хорошо продумать и принять меры, чтобы не допустить произвола, в особенности со стороны таких «деятелей», как Грушецкий и Ватченко.

Разбирал почту, возникает много вопросов, которые надо решать. Надо хорошо и глубоко продумать, как мы в нашей республике, печати, литературе, искусстве будем освещать подготовку и проведение дней, связанных со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина.

Обсуждали вопросы с Патонем Б. А.: об эффективности работы институтов АН; о подготовке основных материалов по научно-техническому прогрессу и науке; о сотрудничестве АН Украины в системе СЭВ и с учеными капиталистических стран; о предстоящих выборах в Академию наук Украины; о мероприятиях в связи с 50-летием АН Украины. На все вопросы надо было дать ответ, чтобы в работе была уверенность.

15—16 января находился в Шепетовке — прибыл туда поездом и в вагоне ночевал. В Шепетовке вручил городской комсомольской организации орден Красного Знамени и познакомился с Шепетовкой и этими краями. Посетил сахарный завод, один из старейших заводов на Украине. Несмотря на его «старость», впечатление производит хорошее. В г. Славуте был на заводе керамических сантехнических изделий. Хорошие люди — патриоты завода, в особенности главный инже-

нер Нина Кривонос — молодой специалист. Завод отличный, порядки и традиции тоже.

16 января вручил Шепетовской городской комсомольской организации орден Красного Знамени. Все прошло хорошо, организовано, с большим подъемом. Шепетовская комсомольская организация очень боевая, надо их поддержать во всех отношениях, дать задание, чтобы кое-какие промышленные предприятия построить в самой Шепетовке. Ведь это легенда! Нельзя упускать это из виду — ведь это родина Николая Островского, ему здесь сооружен отличный памятник. Вожаки комсомольской организации Шепетовки Виталий и Женя, секретари горкома комсомола, чудесные ребята.

В Москве произошел довольно неприятный случай: при въезде в Кремль машины с космонавтами по ней было сделано несколько выстрелов. Водитель машины убит, в машине девять пулевых пробоин, легко ранен мотоциклист эскорта, у космонавта царапины на лице от разбитых стекол машины. Вторая машина шла с «руководителями» — по всему видно, что стрелявший обозначился и открыл огонь по первой машине.

Кто же он, стрелявший? Младший лейтенант топографической части, 22 года, уроженец г. Ломоносова Ленинградской области. В 1958 году добровольно вступил в армию. При задержании он сказал, что не согласен с внутренней и внешней политикой, проводимой нынешним руководством ЦК КПСС. Младший лейтенант Кузнецов в своей воинской части взял два пистолета с боеприпасами, прилетел из Ленинграда в Москву, где у него была знакомая девушка, теперь она замужем за милиционером. Кузнецов попросил у нее обмундирование мужа и в нем проник в Кремль к Оружейной палате, где наводил «порядок». С появлением машин он из двух пистолетов открыл стрельбу по первой машине. Кузнецова сразу же задержали — объявили «ненормальным». А так ли это? Да, кроме этого, наша потеря бдительности.

Чехословацкие события показали, что переброска наших войск через Карпаты дело очень трудное и опасное — это очень «узкое» место. И нам кажется, что этот вопрос надо решать срочно, — надо написать письмо в ЦК КПСС о строительстве и реконструкции автомобильной дороги через Карпаты.

В тот же день переговорил с В. И. Капитоновым по поводу назначения персональной пенсии союзного значения И. И. Вивдиченко. На этом совещании дал задание секретарю ЦК подго-

товить неотложные и перспективные вопросы для постановки их перед руководством ЦК КПСС.

30 января 1969 года. Заседание Политбюро ЦК КПСС. Решался ряд важных вопросов, но поражает абстрактность в подходе к решению конкретных насущных, актуальных вопросов. Захлестывают все и вся «всеобъемлющие» проблемы. А как надо иметь больше реализма, трезвого подхода, знания жизни, истинного положения вещей. Часто разрабатываем «общирные мероприятия» и мало задумываемся, что же они на самом деле дают нам, а зачастую к этим «мероприятиям» и не возвращаемся. Ох, как заедает живое дело формализм.

31 января был на приеме у Суслова М. А. Поставил много вопросов в связи с предстоящим празднованием 50-летия Академии наук Украины. Наши предложения выслушал, молчит или поддакивает, но не решает.

Говорил о несправедливости при выборах в АН СССР — от большой республики Украины в составе союзной академии очень мало ученых, хотя и достойных этого; о строительстве дороги через Карпаты; о политическом плакате — его значении и поощрении плакатистов; об организации сельскохозяйственной Академии наук в республике. Обратил внимание, что наши западные области очень отстают в своем развитии от пограничных областей и районов Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши. Нам надо уделить больше внимания промышленно-культурному, экономическому развитию пограничных областей и районов на Западе. Высказал Суслову свое мнение, что у нас мало глубоких, продуманных статей в наших журналах и газетах по интернациональному воспитанию. А если и появляются статьи, то в своем большинстве они ходульные, неубедительные, а иногда даже искажают истинную ленинскую национальную политику. Это все наносит большой вред нашему общему делу. Суслов тоже молчит. В лучшем случае что-то «мычит» не совсем внятное. Еще раз убедился, что Суслов — человек в футляре: как будто все понимает, поддакивает, поддерживает, но ничего не решает. Грубо говоря, он напоминает социал-согласателя, политикана-приспособленца на все времена. Трудно с такими «руководителями» работать, от них всегда можно ждать чего угодно. Неизвестно, когда, но будет предано гласности, чего больше принес партии такой «деятель», как Суслов, — пользы или вреда. Скорее второго.

Февраль 1969 года. Первого февраля возвратился из Москвы в Киев с каким-то тягостным чувством неудовлетворенности. Я еще раз убедился в том, что, чтобы решить конкретный

вопрос, нужно большое упорство, настойчивость, доказательства и подчас даже крупный разговор. А такая постановка вопросов «начальству» не нравится, и оно поглядывает на тебя искоса — мол, беспокойный человек.

Разбирал почту, нужна очень чувствительная реакция, чтобы понять всю сложность обстановки как внутренней, так и внешней.

В помещении Верховного Совета УССР проходило партийно-хозяйственное совещание работников угольной промышленности республики. Присутствуют: министр Братченко, заведующий Отделом ЦК КПСС, ведающий углем, ответственные работники Госплана СССР. Совещание было полезным и прошло хорошо. Мое выступление длилось 50 минут, в нем не были обойдены никакие острые углы. Шахтеры отнеслись с большим пониманием к нашим трудностям и недостаткам. С людьми надо говорить прямо, откровенно — не завораживать их словоблудием, все равно эта фальшь быстро распознается.

Дегтярев (Донецк) сообщил, что отзывы шахтеров на совещание очень хорошие, а все потому, что говорили правду, хотя это и нелегко, тем более если она горькая.

Выслушал товарищей по работе, их высказывания о плохом и хорошем настроении избирателей. Там, где не проявляют элементарной заботы о людях, не работают с ними, обращаются грубо, бюрократически, там настроение плохое, больше того — просто озлобленное. А вообще надо менять форму работы с людьми, и в особенности в предвыборных кампаниях, уж больно много обещаний, формализма, казенщины.

13—23 февраля 1969 года. Обстановка довольно сложная, в особенности среди молодежи, студенчества, творческой интеллигенции, интеллектуалов. Немало молодых ученых, в том числе и по специальным наукам, почти открыто высказывают свое несогласие по проведению нашей политики в вопросах истории, национальной политики. Открыто заявляют, что 3—4% молодежи, может быть, поддерживают «генеральную линию» — остальные фальшивят и лицемерят. Ученые, профессора часто приспособляются, боятся навлечь на себя гнев, если они скажут правду. Вот в таких условиях надо готовить республиканский слет студентов, как ни трудно и сложно, но проводить надо. Если при этих условиях мы не будем работать с молодежью, будут работать за нас и против нас. К сожалению, в Москве многие из руководства всей сложности обстановки не понимают по причине оторванности от жизни и, больше того, убеждены, что все идет хорошо. Пытаются разрешить сложные вопросы «ораторским искусством», и то далеко и не

всегда удачно. Вредно и опасно, когда молодежь перестанет окончательно нам верить.

Тяжелое положение складывается на юге Украины, гибнут озимые, так как там большие морозы при отсутствии снежного покрова. Начались сильные пыльные бури, ветер 35—40 м/с, просто ураганы. Причинен большой урон не только сельскому хозяйству, но и промышленным предприятиям. В Донецкой, Запорожской, Днепропетровской, Херсонской областях пылью попереметало дороги, кое-где переметы на дорогах и у посадок достигают 2—2,5 метра высоты. На дорогах стоят по 300—400 автомашин и автобусов с людьми.

Москва. Заседание Политбюро ЦК КПСС. Обсуждали вопросы мероприятий по ликвидации последствий стихийного бедствия на юге Украины (сильные ветры, ураганы, в ряде мест повалены опоры электропередачи, много сорвано крыш, разрушено жилых домов и общественных зданий) в области сельского хозяйства и промышленности. Выступил на Политбюро с информацией положения дел в республике, внес ряд конкретных предложений. Многие к ним отнеслись с пониманием и должной положительной оценкой. Но странное явление: Брежнев ерзал на стуле, как будто бы я говорил в своих предложениях о его личных недостатках. Странно, плохо, опасно, когда руководитель разумные предложения, от кого бы они ни исходили, воспринимает с какой-то особой «осторожностью», даже опаской. Что будет дальше, посмотрим, но это ненормально и не может создавать свободного обсуждения важных государственных и народнохозяйственных, тем более политических вопросов.

В ЦК КПУ провел совещание с членами Политбюро, секретарями ЦК и заведующими отделами ЦК КПУ. Проинформировал, как обсуждались вопросы в ЦК КПСС, какое принято решение и что нам надо делать в области сельского хозяйства в связи со стихийным бедствием. Намечен ряд конкретных мероприятий.

Получил анонимное письмо на 19 страницах — содержание предупредительно-угрожающее, террористического порядка. В нем сказано, что я как член Политбюро ЦК КПСС обязан предупредить Брежнева, что если он не изменит своей политики, то будет плохо. Далее продолжалось: «Народ его не любит и не верит ему, он много говорит и мало чего делает». Я предупредился в этом письме, что «если я не выполню требования, то буду нести ответственность». Письмо, адресованное Брежневу, Подгорному, Косыгину, было написано на машинке. Оно

было злобное, дерзкое. Познакомившись с этим письмом, я его отправил в Москву, в КГБ, со своей «сопроводителкой» с просьбой принять меры к розыску автора письма. В подтверждение угрозы мне в мой адрес пришла посылка с ручной гранатой и запалом, набором боевых патронов к винтовке, карабином и пистолетам разных систем, все это, очевидно, в подтверждение того, что писавший располагает определенным «арсеналом» оружия, и шутить тут, мол, нечего. Вместе с письмом на имя Брежнева, Подгорного, Косыгина получил и я лично письмо. Вот его содержание:

«Петр Ефимович!!! На Ваше имя 12 февраля с/г выслана бандероль из Москвы (Шелесту П. Е.), получите ее в п/о № 21, напротив памятника Ватулину. В бандероль вложена гостайна, поэтому распечатайте ее лично и доставьте адресату — спешите, так как там указаны сроки, за промедление Вас не похвалят. Выбрали первым адресатом Вас, потому что Вы как приближенный лучше всего исполните наши требования. За неисполнение — СМЕРТЬ!!! Игнорировать нас и хорохориться не советуем, тем более не имеет смысла, так как мы доведем содержание другим способом, а как будете выглядеть Вы? Рассчитываем на Ваше содействие нашей партии, на Ваш здравый ум...»

На конверте: «Срочно, г. Киев, ул. Орджоникидзе, ЦК КПУ, Шелесту П. Е. (лично)». Письмо, посылка с гранатой, запалом и патронами, лично письмо мне с угрозой — все это довольно неприятные сюрпризы. И естественно не мог я ко всему этому отнестись спокойно, тем более безразлично. Дал органам КГБ задание расследовать, сообщил обо всем в Москву, в ЦК КПСС.

23 февраля выехал в Крым на отдых. Чертовски устал, нервы напряжены до предела. Отдыхал на даче № 2. Хорошо, что была возможность пользоваться бассейном на даче № 1, где раньше всегда отдыхал Н. С. Хрущев.

Погода стояла хорошая, и отдых прошел с большой пользой. На даче хорошо отметили день 8 Марта.

26 марта возвратился в Киев и приступил к работе. Вопросов накопилось уйма, а времени совсем не хватает. Приходится работать много, до 23—24 часов. При такой нагрузке надолго не хватит.

Дал задание Совмину УССР форсировать строительство санатория «Днепр» на побережье Черного моря у Ботанического сада, расширить территорию еще на 2 гектара, перепроектировать бассейн, значительно его увеличить.

1 апреля 1969 года. Стоит холодная, мерзкая погода, лежит снег, на две недели запаздываем с весенним севом. Были у меня на приеме корреспонденты газеты «Правда», жаловались, что они работают в довольно стесненных условиях. Дал задание срочно подобрать хорошее помещение для корпункта «Правды». Плохо, очень плохо, что этот вопрос не решался много лет.

Дал задание И. Грушецкому — пусть сделает хоть одно полезное дело, выяснит: почему по Российской Федерации ответственным работникам одинаковой категории с Украиной и другими республиками персональные пенсии союзного значения назначаются выше. Просил подготовить справку.

2 апреля. Добрик приехал в ЦК КПУ на прием, но уже в качестве первого секретаря Ивано-Франковского обкома партии. Я его очень внимательно выслушал по всем вопросам. Дал некоторые советы, рекомендации. Ориентируется он неплохо, впечатление первое тоже неплохое, но больно много говорит — это излишне.

7 апреля в 4 часа утра скончался Д. С. Коротченко. Очень жалко. Это для нас большая утрата, хороший человек, отличный коммунист. Прошел он нелегкий путь. По поводу смерти Демьяна Сергеевича я позвонил Брежневу и попросил его поместить некролог в центральной прессе, пообещал. Но странное дело, больше ничего не сказал, только особо беспокоился о том, чтобы мы не торопились, хотя мы и не собирались, с кандидатурой на пост Председателя Президиума Верховного Совета. Почему этот вопрос больше всего его тревожит, а не смерть старого коммуниста? Не успел остыть труп, а уже плетутся какие-то интриги, и это тоже называется политикой. Нами создана комиссия по похоронам Д. С. Коротченко, объявлен траур по республике.

Позже позвонили мне Подгорный и Брежнев, выразили свое личное соболезнование по поводу тяжелой утраты. Просили от их имени возложить венок, передать соболезнование семье покойного. На похороны из центра никого не прислали. В 15.00 8 апреля похоронили Демьяна Сергеевича со всеми почестями. Большая утрата. А для меня лично был большой удар — это был настоящий старший товарищ, настоящий человек, с которым я мог по любому вопросу откровенно поговорить, посоветоваться. Многое я от него узнавал, многому учился. Тяжело, очень тяжело.

12 апреля принял Ягудина И. А. — председателя колхоза

«Дружба народов» (Крым). Умный и прямой он человек. Обсудили много вопросов, выходящих из письма Д. С. Полянского в ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Брежневу не понравилось, что Полянский откровенно изложил плачевное состояние сельского хозяйства и заключил, что пора заняться не разговорами, а настоящим делом. Думаю, что это так просто не пройдет Полянскому — «Леня» ему это вспомнит. Но время и дело покажут.

15—17 апреля. Провели торжественный Пленум ЦК КПУ, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. С докладом выступал я. Много пришлось поработать, немало было волнений, но все прошло хорошо.

Первый секретарь Крымского обкома КПУ Кириченко сообщил, что в Севастополе создана группа молодежи в 18—20 человек, все они дети крупных морских офицеров, закончили десятилетки. Руководитель группы Вергинская, дочь адмирала. Эта группа изготавляла и распространяла листовки, в которых высказывается несогласие с политической линией нынешнего руководства, открыто высказывают мнение о необходимости замены нынешних политических деятелей. Ставится вопрос, что Брежнев должен быть убран, устранен от руководства партией, говорится о его несостоятельности как политика и случайного человека в руководстве.

Крымские татары написали письмо на 68 страницах, где они выставляют свои требования об их возврате в Крым. Клеймят позором родину за такое к ним отношение.

Дал задание Шевелю и Никитченко написать книгу, в которой бы разоблачались все «концепции», высказанные в письме, подготовить мероприятия и проинформировать по этому вопросу ЦК КПСС.

Председатель КГБ Никитченко доложил мне некоторые специальные вопросы: о посылке «своих людей» в представительство ЮНЕСКО. Просил правильно пользоваться материалами, которые поступают в ЦК КПУ от органов КГБ. Говорил о неправильном поведении Пересаденко, который пользуется тем, что он, работник ЦК КПУ, вызывает работников КГБ по несущественным и непрямым вопросам, относящимся к деятельности КГБ.

Никитченко как член коллегии КГБ СССР высказывал свою озабоченность, что вопросы контрразведки в комитете запущены. Руководитель управления контрразведки Федорчук балагур и мало в чем разбирается. Защиты производства и науки от

проникновения туда иностранной разведки, по существу, нет, все «оголено».

18—19 апреля. Овчаренко, секретарь ЦК, ведающий вопросами пропаганды и идеологии, доложил об установлении в Париже памятника Т. Г. Шевченко и о наших мероприятиях в связи с этим событием. Говорили о мероприятиях по коренному улучшению работы киностудии имени Довженко; о работе издательства «Молодь» и установлении должного контроля за его деятельностью; о декаде грузинской культуры и искусства на Украине; о мероприятиях в связи с поездкой в Италию ансамбля Вирского.

В Чехословакии происходят некоторые перемены. Дубчек отозван с поста Первого секретаря ЦК КПЧ — это первая стадия решения чехословацкого вопроса. Первым секретарем ЦК КПЧ избран Г. Гусак, в этом может быть новый этап в борьбе за процесс к лучшему. Гусак мало известен и опыта у него мало. В Президиуме ЦК КПЧ еще много правых, нельзя доверяться первым положительным сдвигам в Чехословакии.

Позвонил мне Н. В. Подгорный. Говорили о состоянии дел в республике, о состоянии полевых работ и посевов. Подгорный рассказал мне о предстоящих обменах с Кореей, Монголией и Болгарией. Он просил меня передать нашу дачу № 16 в Алуште Четвертому Главному управлению Минздрава СССР под детское учреждение. Я согласился.

Но я чувствовал, что все эти разговоры не главные. Главный вопрос — это кандидатура на пост Председателя Президиума Верховного Совета УССР.

Подгорный спросил меня: «С тобой разговаривал Брежнев по поводу кандидатуры на пост Председателя Президиума Верховного Совета УССР?» Я ответил, что разговор был в общем плане, а не конкретно о ком-либо. Брежнев говорил, что спешить с решением этого вопроса не стоит. На это Подгорный мне сказал: «Имей в виду, что Брежнев может с тобой повести разговор о кандидатуре Ватченко. Я возражаю против этой кандидатуры». Я ответил, что я тоже буду возражать, да и наши товарищи не поддержат. Ватченко груб в обращении с людьми и высокомерен с товарищами. Интеллигенция республики его просто ненавидит. Ни содержанием, ни внешностью Ватченко на эту должность не подходит. Подгорный согласился целиком и полностью с моим мнением. Я ему назвал возможные кандидатуры на пост Председателя Президиума Верховного Совета УССР: Н. Т. Кальченко, А. Ляшко, Г. И. Ващенко.

Переговорил с Кириленко о представлении Лутака к награждению орденом Ленина в связи с 50-летием. Кириленко передал мне, что обсуждается вопрос о моей поездке в Болгарию во главе парламентской делегации Верховного Совета СССР.

30 апреля во второй половине дня позвонил мне Брежнев, поздравил с наступающим праздником Первого мая, передал поздравления семье и товарищам по работе. Разговор был ровный, но чувствуется его неискренность и какая-то игра. Надо чего-то ждать, что-то его тревожит.

Вот и Первое мая. Мое краткое выступление перед трудящимися, затем демонстрация. Все прошло хорошо. По республике особых эксцессов тоже не было. Все праздничные дни в поле работали хорошо, организованно, ведь разгар полевых работ.

Продолжаю готовить лекцию для слушателей Высшей партийной школы по теме: «О стиле партийной работы». Получилось 100 страниц. Просят моего разрешения издать материал отдельной брошюрой — дал согласие¹²⁶.

Сегодня 9 Мая — День Победы, из Москвы возвратился в Киев. В этот день особенно вспоминаешь о жертвах, утратах, трагедиях. Надо не терять чувства меры, всегда быть наготове — укреплять обороноспособность страны, наращивать ее экономическую и оборонную мощь.

Принимал академика Пасичника, он твердо и откровенно говорит о деспотизме в Академии наук Патона. Указывает на гонение на Глушко, и это в действительности имеет место. Пасичник поднимает вопрос о создании на Украине атомного центра со строительством ускорителя. Надо поддержать эту разумную мысль.

Переговорил с А. Н. Косыгиным по формированию пятилетнего плана развития народного хозяйства республики на 1971—1975 годы. В особенности тревожат вопросы энергетических ресурсов, увеличение и наращивание мощностей по углю, газу. Что из этого разговора получится, трудно сейчас что-то сказать. Но пусть знают, что для республики и страны в целом эти вопросы очень важны.

Принял Келдыша М. В.¹²⁷, президента Академии наук СССР. Состоялся очень интересный и полезный разговор. Обсуждали вопросы: о выборах в АН СССР, я высказал свое мнение, что неправильно, когда от Украины в Академию наук СССР изби-

рают в пять раз меньше, чем от Ленинграда, и в три раза меньше, чем от Новосибирска. Не является ли это некоторой дискриминацией ученых такой крупной республики, как Украина? Обсудили вопросы о создании двух институтов: ядерных исследований и изучения проблем загрязнения атмосферы, водоемов и грунтов. О создании завода по производству уникальной аппаратуры для научных целей и специальных работ. О создании и финансировании научных центров на Украине. Келдыш со всеми выдвинутыми вопросами согласился, обещал нам помогать. Но все это зависит не только от него, и далеко не от него.

21—28 мая. В Болгарии во главе парламентской делегации. Визиту парламентской делегации болгары придали большую политическую весомость. Во многих мероприятиях по работе с парламентской делегацией принимали участие Т. Живков и многие члены Политбюро ЦК БКП. Везде, по всей стране, где приходилось бывать, был оказан радушный прием, особенно в г. Русе, где мне был вручен золотой герб города. В Болгарии проводится много интересного и заслуживающего внимания. В особенности мероприятия по сельскому хозяйству — орошению, строительству тепличных комбинатов, а также по строительству кооперативного жилья, курортов и благоустройству городов. Неплохо было бы, если бы мы кое-что позаимствовали.

За поездку в Болгарию отчитался на Политбюро ЦК КПСС.

30 мая был в Москве, где окончательно решил главные кадровые вопросы. А. П. Ляшко рекомендуется Председателем Президиума Верховного Совета УССР. Вторым секретарем ЦК КПУ рекомендуется И. К. Лутак, не допускаю ли я здесь ошибки?

Июнь 1969 года. По возвращении в Киев проинформировал членов Политбюро ЦК КПУ о предстоящих кадровых изменениях, которые надо будет провести через решения Политбюро ЦК КПУ и Пленум ЦК КПУ. Проинформировал членов Политбюро ЦК КПУ о поездке в Болгарию. Высказал свое хорошее впечатление по сельскому хозяйству и промышленности. В Болгарии существует несколько натянутая политическая обстановка. Сообщил, что имеется решение Политбюро ЦК КПСС о награждении Лутака И. К. орденом Ленина в связи с его 50-летием.

2—6 июня. Позвонил Брежнев и спросил, нет ли у меня замечаний по его выступлению на предстоящем в Москве Меж-

дународном совещании коммунистических и рабочих партий. Я на это ответил, что свои замечания отослал его помощникам и просил их доложить об этом. Далее Брежнев спросил, как воспринимаются кадровые перемещения по республике. Ответил, что в целом неплохо, но по Лутаку, очевидно, будет много разного рода суждений среди партийного актива республики. Затем Брежнев пригласил меня на открытие Международного совещания коммунистических и рабочих партий¹²⁸. Надо ехать. Было

16 июня 1969 года я снова в Москве. Идут дни заключительного заседания Совещания, предстоит принять итоговый документ совещания. Слушали доклад редакционной комиссии совещания. По поручению комиссии докладывает все документы совещания В. Пономарев.

Выступает представитель Итальянской коммунистической партии Берлингюэр¹²⁹ и заявляет, что итальянская делегация поддерживает документы в защиту мира и по празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Что же касается основного документа Совещания как «программы» действия, то Доминиканская и Итальянская коммунистические партии высказали свои соображения, но их не учли, поэтому в такой редакции самого документа они подписывать не будут. Выступил представитель Доминиканской партии и заявил: «Мы готовы бороться за восстановление подлинного демократического международного движения».

Документ о защите мира принимается единогласно.

Шесть партий, в том числе и Куба, подписали основной документ Совещания с отражением своих замечаний и оговорок. Доминиканская партия не подписала основного документа.

Совещание подходило к концу. На нем было выявлено немало несогласованностей, даже несогласий принципиального порядка и крупных политических оговорок. Нельзя было идеализировать абсолютное единство мнений, взглядов и действий, монолитность. Много имеется трудностей, от них уходить или их прятать нельзя, ибо это вредит делу.

17 июня 1969 года закрытие Совещания. Председательствует Арисменди. Секретариат Совещания вносит предложение о процедуре подписания документов и коммюнике о Совещании. По содержанию коммюнике замечания и оговорки делает Швейцарская партия труда и представитель Марокко. Наконец подписаны документы, принят коммюнике. Председательствующий говорит: «Все мы испытываем крайне возвышенное чувство в наших больших деяниях. Из всего видно, что единство наше возможно, и оно укрепляется на основе марксистско-ленинских

принципов. За нашим совещанием следил весь мир. В его адрес поступило 19 тысяч писем и телеграмм от советских людей. Мы выражаем КПСС и Венгерской рабочей партии благодарность за организацию настоящего совещания».

Военнослужащий из Харькова Алтуньян и математик из Киева Плющ вдвоем написали письмо и разослали во многие инстанции. В письме открыто выражают несогласие с проводимой внутренней и внешней политикой. Нынешний режим сравнивают со сталинским. В письме оскорбительно ругают и критикуют Брежнева. Вспоминают хорошо Хрущева, жалеют о том, что он не смог довести дело до более справедливой демократизации в нашей стране. Дал задание расследовать и доложить.

Из ВПШ поступило в ЦК КПУ на мое имя анонимное письмо. В нем также выражается несогласие с проводимой внешней и внутренней политикой. Резко критикуется Брежнев, обвиняют его в несерьезности, верхоглядстве, паясничанье, политической недалёкозоркости и иллюзорности, выражают ему политическое недоверие и считают, что это недоразумение, что он стал во главе нашей партии.

Об обоих письмах сообщил в Москву, думаю, что там это будет воспринято с неодобрением, ведь у нас о таких фактах принято молчать. Я этого делать не могу. Это не мое личное дело. Молчать — значит усугублять и так нездоровые и неприятные в нашей партии дела. Брежнев при попустительстве членов Политбюро, подхалимстве и лести многих из его окружения и аппарата допускает много «чуждачеств», а это далеко не на пользу нашей партии и делу.

Работал над тезисами выступления на Пленуме ЦК КПСС по итогам Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Доклад на Пленуме делает Брежнев. Подготовить выступление по такому сложному вопросу не так просто. Надо увязать вопросы идеологической и организационной работы. Наши задачи в области укрепления оборонной и экономической мощи страны — на этой, и только на этой основе можно вести серьезный разговор об укреплении международного авторитета нашей страны. Политическим словоблудием, призывами, декларациями никакому делу не поможешь.

Принимал Цветкова, заведующего Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПУ. Подписал письмо о категоричности Института физических исследований ЦК КПУ. В президиуме Академии наук УССР много стариков, хорошие ученые, но

нам надо смотреть вперед, в перспективу, надо продвигать молодежь, пусть учится, входит в курс дела, им ведь работать в будущем. Рассматривал вопросы кадров, в том числе и ректоров высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Тут тоже надо продвигать молодежь.

Подписал ряд писем в ЦК КПСС, имеющих принципиальное значение: несогласны мы в республике с предложениями Непорожного об упразднении Министерства электростанций и энергетики на Украине. Такое решение ослабит внимание к развитию энергетики на местах. Подписал письмо по вопросу развития кибернетической науки, ее влиянию на народное хозяйство, на технический прогресс. По этому вопросу у меня была обстоятельная беседа с академиком В. М. Глушковым.

Подписал письмо в ЦК КПСС с просьбой о награждении Днепропетровского Южного машиностроительного завода орденом Ленина. Это крупное оборонное предприятие.

9 июля. Заседание Президиума Верховного Совета, а в 15.00 — заседание Политбюро ЦК КПСС, вопросов много, и важные.

10 июля. В Москве открывается сессия Верховного Совета. На сессии Верховного Совета с докладом о международном положении выступил А. А. Громыко.

Сразу же после доклада, в 16.00, вылетел в Киев для встречи партийно-правительственной делегации ГДР. Делегация прибывает из Ленинграда. Позвонил первый секретарь обкома КПСС В. С. Толстикова и сообщил, что делегация в Киев вылетает 11 июля в 12 часов 15 минут.

11 июля. В Бориспольском порту встретили делегацию. Старшими в делегации были Штоф и Хоннекер. Ульбрихт остался в Москве, чувствует недомогание.

В первый день провели встречу в ЦК КПУ, все прошло хорошо. На второй день после официальных дел основной состав делегации пригласил в Залесье пообедать. Была очень хорошая остановка для откровенных разговоров. Показали гостиницу и домик с подвалом, где распили не одну бутылку вина. Немцы надурняка любят выпить, и выпили они изрядно. Присутствовал и Абросимов, посол в ГДР, остался доволен, заявил, что немцы довольны и запомнят это посещение надолго.

Всем присутствующим были вручены охотничьи сувениры. **13 июля** тепло распростились. Делегация отбыла в Москву. Представители ЦК КПСС и МИДа тоже дали высокую оценку приему делегации в Киеве.

По линии ЦК КПСС на отдых в Крым пригласили Садовского и Солотко из Словакии, но надлежащих условий не создали: питание плохое, связи нет, организации экскурсий и культурных мероприятий тоже нет. Об этом я случайно узнал, принял меры к исправлению положения, ведь это на территории республики, могут и о нас подумать плохо, хотя мы к этому не имеем никакого отношения. Вот так: умеем пригласить, но не умеем обслужить. Об этом факте сообщил в ЦК КПСС.

Внучка Ив. Франко и Лысенко, сотрудник Института литературы АН, написали письмо в Верховный Совет Союза с требованием предоставления крымским татарам автономии в Крыму. Это проходит одна линия — недовольство национальной политикой на Украине. Надо тщательно разобраться и принять необходимые меры.

21 июля американцы высадили человека на Луну, это большое достижение в освоении космоса и изучении небесных светил. Очень обидно, что этот приоритет не за нами. Отстаем мы в освоении космоса, хотя все это стоит огромных средств. Хотя мы и говорим, что все это делается во имя науки, интересов народного хозяйства, на самом деле главный лейтмотив освоения космоса — это использование его в военных целях. Придет время, когда мы открыто заговорим и будем заключать соглашения о том, чтобы не использовать космическое пространство в военных целях.

Рассматривал вопросы Института экономики Академии наук УССР. Много сложных социальных и идеологических вопросов, которые надо решать, но это все далеко, а подчас и совсем не зависит от нас. Директор Института экономики АН УССР С. Ямпольский опубликовал в своем журнале демографическую справку по Украине — все в ней правда, но она вызвала недовольство «сверху». Мы умышленно скрываем правду от народа. А в общем, вопросами демографии в стране никто не занимается, правительство и ЦК этим вопросом не интересуются или умышленно от него уходят.

По моему заданию Дмитерко, Коротич, Подоляк написали хорошую статью против «концепции» Дзюбы. Прочел письмо Павлычка и Дмитерко, в котором они разоблачают Дзюбу — хорошо написали, просто молодцы. Но, кроме «разоблачений», надо много работать с творческой интеллигенцией, у нее ведь возникает много вопросов, и правильных вопросов, и на них

надо смело и откровенно давать ответы, а не загонять их в подполье, а задавшему вопрос приклеивать ярлык.

Стало известно, что в Колумбийском институте имеются дневники Винниченко¹³⁰. Надо бы для истории, для потомства их иметь. Но думаю, что это не поддержит Москва, да еще могут и обвинить в «национализме». В Москве есть «политические деятели», такие, что всего, что не русское, боятся, больше того, относятся с некоторым недоверием, пренебрежением, проявляют самый махровый великодержавный шовинизм. К таким «деятелям» прежде всего относится Сулов.

В командировке был до 3 августа.

4 августа принял Павловского И. Г., Куликова В. Г. и многих генералов из Москвы. Вопросы кадровые: хотят заменить первого заместителя командующего и начальника штаба (Киевского военного округа) ВО генерала Чижа. Непонятно. Чиж хороший военачальник, хороший коммунист и человек. Может быть, дело в возрасте и требуется передвинуть, но почему не говорят куда. Вот так у нас часто с хорошими, принципиальными людьми и поступают. Попросил Павловского повременить, еще раз подумать и дать конкретное предложение о работе Чижа. В такой работе, которую я исполняю, мало приятного бывает, все больше сложности, заботы, судьбы людей.

Наконец восторжествовала правда, в партии восстановили Хитриченко, известного бывшего партизанского командира, партизанского вожака. Он был оклеветан и исключен из партии уже после войны. Мне лично приходилось много заниматься реабилитацией Хитриченко, еще будучи первым секретарем Киевского обкома партии.

Принял Патона, президента Академии наук, речь шла о капитальном строительстве объектов АН. Нужно 100—110 млн. рублей, а запланировали всего 40 млн. Дал поручение Розенко (Госплан УССР) изыскать дополнительно средства для Академии. Посмотрели справку по электрошлаковому переплаву стали, по этому вопросу надо написать письмо в ЦК КПСС. Не уделяется в Союзе этому вопросу внимания, а это ведь качественная сталь. Зато мы уже всем капиталистическим странам, в том числе и Японии, продали лицензию по электрошлаковому переплаву. В то же время сами почти ничего не делаем в этом отношении. На Украине мы все делаем на самоинициативе, но на ней при нашей системе далеко не уедем. Окончательно рассмотрели вопрос строительства библиотеки Академии наук стоимостью примерно до 20 млн. рублей.

11—12 августа. В ГДР переиздали мою книгу «Историческое призвание молодежи». Печать, издание, иллюстрации, фотографии — все просто отлично. Нам бы научиться так издавать.

Позвонили первый секретарь Кировоградского обкома партии Кобыльчак и первый секретарь Николаевского обкома Погребняк, доложили обстановку в областях, одновременно сообщили, что им звонил Брежнев, интересовался хлебом и животноводством. Брежнев от меня обо всем хорошо информирован, что это, недоверие мне? Нет, это «прием демократического общения», показ «заботы» о состоянии дела, заигрывание с кадрами, одним словом, «артистичность руководства».

Рассматривал вопросы о ходе строительства оборонных объектов, которые надо строго контролировать. В работе Харьковского руководства допускается поспешность в решении многих важных вопросов. Знаю, что за последнее время сложились плохие взаимоотношения между директором завода имени Малышева Соичем и главным инженером этого завода Лычагиным. Все это отражается на работе этого крупного оборонного предприятия. Со стороны министерства и обкома партии проявляется беспринципность в оценке истинного положения дел. Я знал позицию Соича и воспротивился его освобождению.

Получил решение Политбюро и Совмина Союзов, в котором разрешается Внешторгу продать капстранам 380 тысяч тонн подсолнечных жмыхов, а это ведь белок, и его явно не хватает для нужд нашего животноводства. Что же, он у нас лишний? Позвонил по этому вопросу Сулову, высказал свое несогласие с таким решением, а что толку из этого — он ведь в этих делах «как в темном лесу». Меня убеждают, что это золото, валюта. Все равно неразумно продавать то, чего у нас самих не хватает. Просил отложить реализацию этого вопроса, так как львиная доля жмыха за границу должна идти с Украины.

В Крыму, в районе Ялты, отдыхают Брежнев и Подгорный. Давно приглашал их посетить новые рисовые плантации, Асканию-Нова и о. Бирючий. Наметил маршрут поездки: Красный Перекоп, Армянск, осмотр рисовых полей и поливной кукурузы на Северо-Крымском канале. Затем Каланчак, Чаплынка, Новая Аскания-Нова. Осмотр строительства Каховского оросительного канала. Отдых и охота на острове Бирючем. Я этим маршрутом проезжал несколько раз, есть что посмотреть. Позвонил в Крым, переговорил с Брежневым и Подгорным, трудно их понять, а в общем, чувствуется, что смотреть они не хотят.

Принял Ботвина и Гусева (Киев). Обсуждались вопросы: сооружение монумента в ознаменование воссоединения Украины с Россией; об инженерных и коммунальных службах Киева; об архитектурном оформлении Киева — город должен иметь свое лицо. Все эти вопросы непростые, они требуют много забот, смелости, но делать все это надо.

В Запорожье, в лагере заключенных уголовников, произошел бунт, убит подполковник МВД — заместитель начальника лагеря. Уголовники забаррикадировались, скрывают убийцу. Принимаются меры к наведению порядка. Нежелательно применять оружие, ибо могут быть жертвами и невинные люди.

Принял консула Чехословакии в связи с его назначением. Беседа была довольно откровенной по всем вопросам. И все же по всему видно, что чехи не скоро простят и забудут «акцию» 21 августа 1968 года.

Позвонил Д. С. Полянский, ставит вопросы, чтобы мы дали дополнительно к плану 3 млн. тонн хлеба. Но это нереально, конечно, можно сдать, но тогда на фураж останется 58—60% к потребности. Хлеба в стране заготовлено пока что 55,7 млн. тонн. Это очень мало. Я высказал и Полянскому свое мнение, что нам нельзя продавать жмых за границу, а самим держать наше животноводство на истощенном белковом пайке. Он согласен, но тоже ничего не может сделать, чтобы отменить такое не совсем разумное решение. Косыгин всячески выкручивается с валютными делами, а «Брежнев ничего не понимает ни в валюте, ни в жмыхах. Вот все и идет «по воле волн».

Снова по телетайпу и телеграфу передаются провокационные сообщения и нелестные отзывы о «деятельности» Брежнева. Нет у нас за этими средствами надлежащего контроля. Дал строгое задание проработать вопросы контроля.

Рассматривал материал по книге «Украина наша советская»¹³¹ — материал просмотрен специалистами, они не знают, кто автор, рецензии даны хорошие, положительные. Назаренко и Орел тоже дают положительный отзыв, хотя я их несколько раз спрашивал по этому вопросу, просил откровенно высказать свое мнение. Но я сам чувствую, что материал подобран хорошо.

Мне позвонил Брежнев, он тоже отдыхает в Крыму и пригласил меня слетать в Астрахань на охоту, главным образом на

гусей. Брежнев, Подгорный, Косыгин, Гречко и я прилетели в Астрахань, здесь стоит сильная жара и ураганный ветер. На аэродроме нас встречали секретарь обкома и председатель облисполкома. Вертолетами перелетели в дельту Волги к охотничьим домикам. С воздуха были видны сотни рукавов Волги, впадающих в лиман Каспийского моря. Очень красивое зрелище, чудо природы. Охота и рыбалка были отличными, каждый из нас убил не менее десятка гусей. Поймали несколько штук осетров и тут же сделали свежую икру. Провели хорошо время, но основательно были искусаны комарами, их там миллиарды. На охоте были 27—30 августа, в Крым возвратились с хорошими охотничьими трофеями.

4 сентября из Крыма в Москву проводили Брежнева, много говорили по вопросам сельского хозяйства, он бросается из одной в другую крайность. В Ореанде отдыхает Ленарт, по поручению ЦК КПСС я должен с ним встретиться и переговорить по многим вопросам обстановки в Чехословакии.

11 сентября мы с Ленартом встретились, много и подробно говорили об обстановке в КПЧ и стране, невеселые там дела. Послал информацию в ЦК КПСС о встрече с Ленартом и содержание нашего разговора.

Поехал посмотреть санаторий «Черноморский», встретиться и поговорить с отдыхающими. Все отдыхающие довольны, благодарят за решение вопроса обеспечения путевками руководящего состава республики. Думаю, что я сделал доброе дело.

Всю семью поездом отправил в Киев, а сам с Борей машинами выехал из Крыма в Киев. По дороге посетил колхоз «Дружба народов». Хозяйство отличное. Заехал на о. Бирючий, там хорошо поохотились на оленей и гусей.

28 сентября машиной выехал на Запорожье. По дороге застал большой дождь, вследствие чего задержались в дороге и в Запорожье приехали поздно вечером. Утром 29 сентября самолетом вылетел в Киев, в тот же день приступил к работе, о чем сообщил в Москву.

Принял генерала Головкина, начальника политотдела КВО. Он уезжает в Москву, зашел проститься, был очень взволнован, очень не хотелось ему уезжать из Киева.

Разбор почты, очень много материалов по Чехословакии о Пленуме ЦК КПЧ. Антисоветизм в Чехословакии пока не прекращается.

5 октября получил шифротелеграмму для всех за подписью Брежнева и Косыгина. В ней предлагается усилить сельхозработы. Дал задание разработать дополнительные мероприятия и подготовить к 15 октября информацию в ЦК КПСС о принятых мерах, что требуется и в шифротелеграмме.

В этот же день позвонил мне Подгорный, разговор был общий, обо всем понемногу, но я чувствовал, что он чего-то недоговаривал и позвонил неспроста, хотя пока не могу найти ключа для разгадки его звонка. Но по всему чувствуется, что в руководстве происходят какие-то трения и закулисная «игра». В тот же день из разговора с Кириленко кое-что стало проясняться. Была большая стычка между Косыгиным и Шелепиным, не думаю, чтобы Шелепин сам пошел на обострение с Косыгиным. Это все проделки и приемы Брежнева — он давно и часто в разговорах даже с нами, из «провинции», отзывался о нем далеко не лестно. Но Брежнев опасается сам идти на конфликт с Косыгиным, т. к. Косыгин пользуется гораздо большим авторитетом, чем Брежнев. Косыгин все же знает хозяйство страны, экономику, финансы, плановую работу, кредитное дело, технику и технологию. Обо всем этом Брежнев в лучшем случае имеет элементарное понятие, а в некоторых вопросах является просто профаном-зазнайкой. Вот он и хочет сделать «подкоп» под Косыгина чужими руками, ибо сам он боится, поэтому и натравил Шелепина против Косыгина. Брежнев это умеет, у него интриги получаются.

Идут переговоры с поляками по экономическим вопросам — переговоры довольно трудные. Мы не можем удовлетворить всех запросов и требований поляков, в особенности по поставке им зерна. Гомулка разговаривает довольно резко, горячится. Он заявил: «...а что же мне прикажете за помощью обращаться к Западу?» В общем, от этих «дружеских и конструктивных» переговоров остается тяжелое, удручающее впечатление. От нас наши «друзья» — соцстраны часто требуют невозможного, и мы, к сожалению, делаем уступки в ущерб своей экономике и интересам своего собственного народа, и все это прикрываем интернациональным «долгом». Не в состоянии все это выдерживать наша экономика — все возрастающие запросы и требования наших многочисленных «друзей и союзников». Они же каждый раз нам «намекают» на жизнь в западных державах. А пока что во многих вопросах бытовых, социальных благ наш народ по его обеспечению отстает от наших «союзников», и когда этому будет конец? Наш народ заслужил лучшего к нему отношения и больших материальных благ.

Мне стало известно, что в столичной гостинице «Украина» очень грязно, оборудование старое и плохое, «замызганное» белье далеко не первой свежести, нет должной культуры и порядка. И это в гостинице, носящей название «Украина». Дал задание первому заму Предсовмина Соболю разобраться, навести порядок, доложить.

8 октября. Подписали телеграмму в ЦК КПСС и Совмин Союза о завершении хлебосдачи. Продали государству 780 млн. пудов хлеба, засыпали семенные фонды, оставили на фураж 62% к расчетной потребности, минимальное количество выдали на трудодень механизаторам и всем колхозникам.

Позвонил мне Щербина Б. Е., первый секретарь Тюменского обкома КПСС, благодарил за отличный строительный студенческий отряд с Украины. Просил на следующий год в Тюменскую область направить 10 тысяч человек. Заработок каждого студента за два месяца работы составил 800—900 рублей, это очень хорошо. В республике на важнейших стройках промышленности, сельского хозяйства не хватает рабочей силы, из-за этого темпы строительства значительно снижаются. Но мы не можем организовать студенческие отряды строителей прежде всего потому, что жестоко лимитируют заработную плату, она очень низкая, на уровне строительных рабочих. Вопросы этого не «пробить» — везде «центрпробка».

Позвонил мне Кулаков, секретарь ЦК КПСС, сообщил, что перед съездом колхозников должен состояться Пленум ЦК КПСС. Я задал ему со своей стороны ряд вопросов и прежде всего: когда из Казахстана на Украину придут автомашины, предназначенные для вывозки сахарной свеклы, почему не публикуют сообщение по Украине, что она выполнила план продажи государству хлеба? Ответа вразумительного не получил, но для меня это не было какой-то новостью.

10—25 октября. Состоялся разговор с Брежневым по многим вопросам. Высказал ему свое мнение, что многие наши руководители в центре занимаются внешнеполитическими вопросами, и почти никто не занимается конкретно, глубоко, предметно внутренними делами в собственной стране. А дел у нас невпроворот, и уходить от них нельзя, а главное, наши успехи во внешнеполитических вопросах целиком зависят от нашей крепости внутренней, от веры народа в наши дела, от выполнения наших планов и обещаний, которые мы даем народу. А в этих вопросах у нас далеко не все в порядке. Прежде всего надо проявлять не на словах, а на деле настоящую заботу о своем

народе. Прикрываться внешними делами, не проявляя настоящей заботы о своем народе,— это преступление перед ним.

Не понравился Брежневу такой разговор, а напрасно: ведь я говорил правду и высказывал не только свое личное мнение или мнение какой-то группы скептиков, нет, этого требует сама жизнь, и это можно было видеть давно, если бы у руководства было поменьше догматиков и начетчиков. Все это вместе взятое когда-то скажётся, откликнется на наших делах.

Принял Макарова, Янгеля, Ватченко по вопросам работы Южного машиностроительного завода. Надо оказывать существенную помощь заводу в изготовлении оснастки, иначе будет сорван выпуск новой ракеты на заводе. Разобрали все вопросы подробно, присутствовал и заведующий оборонным отделом ЦК КПУ Руденко Я. К., он же мной и был командирован на завод для подготовки всех мероприятий по оказанию помощи заводу. По этому вопросу будет принято решение Политбюро ЦК КПУ.

Из Праги мне позвонил наш посол С. Червоненко, просил уделить максимум внимания партийно-правительственной делегации Чехословакии, которая прибывает в Киев. Рекомендует где-то провести импровизированный митинг с выступлениями чехов и наших. Об этом просил меня и Брежнев. Дал задание отработать все вопросы, связанные с пребыванием чехословацкой делегации в Киеве.

19 октября принял Федорова А. Ф., дважды Героя Советского Союза, министра социального обеспечения УССР. Федоров после смерти Ковпака стал олицетворением и фактическим представителем партизан на Украине.

Обсудили вопросы, о строительстве, расширении и оборудовании домов престарелых людей. Домов явно не хватает, а те, которые имеются, находятся в жалком состоянии. На Украине в домах престарелых находится 46 тысяч человек, и это люди, в большинстве своем отдавшие все свое здоровье за Советскую власть, а что они видят, какой за ними уход? Много мы ведем разговоров об обеспечении старости, но дела далеки от слов. А старость, она ведь никого не минует. Партизаны Украины поднимают вопрос о том, чтобы они имели единый партизанский билет — удостоверение и нагрудный знак. Да разве при нашей «централизации» возможно самостоятельно решить этот небольшой, но очень нужный для боевых партизан вопрос?! Они ведь этого скромного внимания заслужили, да кто об этом сейчас думает?

В Щорском районе Черниговской области есть село Елено.

Во время войны из этого села все были в партизанах. Село немцы полностью уничтожили, погибло много людей. Надо бы это село восстановить как памятник героизма людей. Федоров по этому вопросу дважды обращался к Щербицкому, чтобы он помог это сделать, но разве этот сухарь, чурбан, иезуит, может понять желание и жажду людей, перенесших горе и страдание? Заверил Федорова, что я это начинание поддержу. Федоров жаловался на Наумова, тоже одного из руководителей партизанского движения, что он в своей книге «Западный рейс» искажает факты и действительность партизанского движения. Надо поручить разобраться, принять меры к примирению этих двух прославленных партизанских командиров. Их вражда между собой не приносит пользы никому, вред от этого огромный.

Принял Капто, первого секретаря ЦК ЛКСМУ. Речь шла об улучшении работы издательства ЦК комсомола, выхода журналов и газет: в работе издательства, в редакциях журналов и газет имеется много недостатков, промахов и идеологических срывов; о проведении комсомольских областных конференций и подготовке к съезду комсомола Украины, который должен состояться в марте 1970 года; о военно-патриотическом воспитании молодежи: в этом отношении работа проводится, но все это ведется формально, казенно, молодежью воспринимается плохо, туго, ибо нет души, теплоты, искренности в этой работе.

21 октября. Рано утром позвонил мне Брежнев, первый вопрос о сдаче хлеба. Я его проинформировал, что озимые в плохом состоянии. Мы сдали хлеба максимум, что могли; если сдавать больше, то животноводство оставим без кормов, а отсюда все последствия с производством мяса, молока. Хотя Брежневу мой разговор не понравился, все же я настоял на своем. Рассказал ему, что с транспортом в республике просто трагедия, все это отражается на работе промышленности, сельского хозяйства. В то же время мы далеко не по-хозяйски ведем дело, загружаем транспорт, перевозим автомашины, комбайны в Казахстан и обратно, это за несколько тысяч километров, занимаем десятки тысяч вагонов, которые заняты 3—4 месяца. Это обходится государству, безусловно, в сотни миллионов рублей, но никто этого не считает. Даже при этом маневрировании автотранспорта не хватает. Вот и сейчас: кончается октябрь, а машины из Казахстана на Украину еще не возвратились. Обещают прислать к 10—15 ноября, а сахарная свекла лежит в поле, теряет свои качества, сахаристость. Сахарные заводы работают наполовину загрузки их мощностей, вот и терьем минимум только на этом 700—800 тысяч тонн сахара.

И этот разговор не понравился Брежневу, ему нравится, когда все «одобряешь и поддерживаешь», а не высказываешь свое мнение и суждение. А я так работать не могу и не хочу, не желаю. Все это противно моему естеству.

В разговоре с Брежневым зашла речь о предстоящем 90-летию И. В. Сталина. Брежнев поднял этот вопрос: стоит ли в печати освещать 90-летие Сталина? Я даже удивился постановке этого вопроса и сказал, что Сталин — это большой «кусочек» нашей истории, труда наших людей, со Сталиным мы разгромили фашизм, и умолчать о Сталине — это значит исказить нашу историю, надо, безусловно, найти форму осветить, отразить дату рождения Сталина.

Вышла из печати моя книга «Коммунист — активный боец партии» — в 100 тысяч тиражом. Много я потрудился над этой книгой, пришлось перевернуть уйму разного материала.

Был острый и откровенный разговор с Лутаком. Его окружение плохое, подогревают его и даже провоцируют, а он сам падок, и от него всего можно ожидать, надо к нему более внимательно присмотреться.

Был на приеме Никитченко (КГБ). Обсуждали кадровые вопросы. О неправильном отношении Зырянова, командующего пограничными войсками СССР, к Иванову, командующему Западным пограничным округом, надо разобраться со всеми этими довольно запутанными вопросами. Крымские татары активизируют свою «деятельность», проводят сбор подписей, совещания, собрания, надо все время за их действиями пристально следить, усилить оперативный состав КГБ по Крымской области, оснастить оперативных работников необходимой техникой. Никитченко сам удивлен и у него возникают подозрения, что кто-то из КГБ обо всем информирует Дзюбу, ибо все мероприятия, которые проводятся, становятся известны. Это очень скверные и опасные дела.

Поиски автора письма и приславшего мне в посылке гранату пока не дали никаких результатов.

24 октября. В 16.00 в Киев прибыла партийно-правительственная делегация Чехословакии. Провели беседу в ЦК КПУ, делегация осмотрела город, побывала в Институте сверхтвердых сплавов и искусственных алмазов, где перед коллективом выступил Черник. Во второй половине дня были и Залесье. Здесь провели хорошо время.

Утром **25 октября** осмотрели метрополитен. Посетили

с. Кодаки, осмотрели хозяйство колхоза имени Ильича и новую застройку села. В колхозе состоялся митинг, где выступил В. Биляк, все прошло хорошо. В 14.30 был дан обед в честь чехословацкой делегации. В 17.00 делегация улетела в Москву. За время пребывания делегации в Киеве мне несколько раз звонил Брежнев, все интересовался, как идут дела. Докладывал, что все проходит нормально.

28 октября. Пленум ЦК КПУ, отчитывается Укрпрофсовет. Доклад Клименко сделал плохой, чувствуется, что он уже выработался, очевидно, надо укреплять Укрпрофсовет, а Василя Клименко отправлять на отдых с почестями. Хороший он человек, отличный коммунист и товарищ, но дело требует укрепления этого участка работы.

3 ноября был на приеме у Брежнева, поставил перед ним ряд вопросов и проинформировал по некоторым. Сказал ему, что мы 12 ноября проводим республиканский съезд колхозников. Еще раз высказал ему свое мнение о крайней необходимости создания Межколхозсоюза, как демократической, ответственной, инициативной, предприимчивой формы управления колхозами. О кадрах: я предложил на пост секретаря ЦК КПУ по сельскому хозяйству взять Кобыльчака или Борисенко вместо Лутака, который стал вторым секретарем ЦК КПУ. Брежнев согласился с моими предложениями и сказал: «Кого выберете, сами решайте на месте». Переговорил об укреплении Укрпрофсовета — Клименко уходит на пенсию, вместо него берем Сологуба, второго секретаря Донецкого обкома партии. Исходя из опыта республики, высказал соображения о создании в стране межколхозного страхового семенного фонда. Заговорили о приближающей дате — 90-летию со дня рождения И. В. Сталина. Я высказал мысль, что надо бы на могиле Сталина установить памятник-бюст у Кремлевской стены, так, как это сделано многим политическим деятелям. Опасаться этого не стоит, в народе и партии это будет воспринято хорошо. По этому вопросу Брежнев колебался, «ежился» и определенного мне ничего не сказал.

Брежнев, в свою очередь, передо мной поставил вопросы о якобы существующих фактах национализма в республике, что по этому вопросу якобы много поступает писем в ЦК КПСС. И из разговоров я понял, что главный «национальный» вопрос — это языковой вопрос. Брежнев мне задал вопрос, почему наш Политиздат и издательство «Молодь» издают литературу не на русском языке. Я ответил: «Да потому, что есть украинский язык, и на нем разговаривают 75—80% населения республики. К тому же, названные издательства издают литера-

туру, периодические издания на украинском, русском, даже румынском и словацком языках. А если, — говорил я, — мы будем выпускать литературу только на русском языке, то тогда кто же будет выпускать ее на украинском? Москва, что ли? И почему этот вопрос не ставится перед другими республиками?» Я сказал, что я хотел бы познакомиться с письмами, идущими в ЦК КПСС по этим вопросам. Брежнев промолчал. Чувствовалось, что тут действует какая-то сила, пытающаяся внести раздор между народами. Такая постановка вопроса о языке — это же проявление отъявленного шовинизма. Разве не может понять «вождь» всю несостоятельность и вредность постановки этого вопроса? Всем этим я был огорчен и возмущен до глубины души. Тем более я знал, видел, мы все делали и делаем для интернационального воспитания кадров нашего народа. Я всегда, везде могу заявить и подтвердить, что украинский народ по своему складу народ интернациональный. Но, как говорится, в хорошей семье тоже могут быть уродцы, ведь это не только касается Украины. Иногда этих «уродов» порождает не менее уродливое и пренебрежительное отношение к острым национальным и справедливым стремлениям — сохранению своего языка, культуры, обычаев, наконец вековых традиций.

Когда-нибудь история рассудит всех. Во всяком случае, вопросы национальной политики — это вопросы очень сложные. Произошли немалые социальные и экономические изменения, и руководствоваться старыми мерками, значит, не решать назревающих вопросов. А у нас этими вопросами никто не занимается. «Оцениваются» все сложные вопросы интернациональным, патриотическим воспитанием, слиянием наций, культур и языков. Причем во всех этих вопросах — «теоретических» выкладках и практических делах — много «философского тумана», путаницы и, конечно же, искажения ленинских понятий в национальных вопросах.

Донбасс совершенно задыхается без воды как для производства, так и для быта. Очень много жалоб и справедливых нареканий. В проекте плана работы по каналу Днепр — Донбасс на 1970 год изъяты 10 млн. рублей.

Сегодня, **20 ноября**, подписал письмо на имя Брежнева и Косыгина с просьбой восстановить деньги на проектные работы по каналу. По этому вопросу лично переговорил с А. Н. Косыгиным — обещал помочь. Но надо еще определиться с подрядчиком по строительству канала, им может быть только союзное министерство, вот снова узел. А Донбасс без воды дальше не может существовать.

Позвонил мне из Москвы Капитонов, сообщил, что умер К. Е. Ворошилов. Очень жалко, ушла еще одна легендарная личность для нашего народа. Надо послать рабочую делегацию от Луганщины, венок от нашей республики. Председатель комиссии по похоронам Н. В. Подгорный, похороны состоятся 6 декабря у Кремлевской стены.

Я официально поставил вопрос о переименовании Луганской области в Ворошиловградскую область.

Посетили киностудию имени Довженко, был просмотр созданного нового кинофильма «Почтовый роман» — о лейтенанте Шмидте. Много было споров, разговоров, предложений. Но одно ясно, что это удача коллектива студии. Все хорошо, исторически правдиво освещено, трогательно, романтично, сурово, тревожно, показаны люди большой воли и мужества.

На заводе «Ленинская кузница» состоится отчетно-выборное партийное собрание, готовлюсь там выступить. Перед собранием посетил завод, побывал в цехах, отделах, побеседовал с рабочими, конструкторами, ИТР, служащими. Рабочие ставят много острых вопросов: о жестких нормах выработки, о реальной заработной плате, производительности труда и материально-техническом обеспечении предприятия, об улучшении работы городского транспорта, снабжении продуктами питания.

В своем выступлении на партийном собрании остановился на вопросах: составления народнохозяйственного плана на 1970 год, его главном направлении, специфике, значении; о работе промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства республики в текущем году и задачах на будущее, о трудностях, с которыми нам приходится сталкиваться.

Несколько недель назад мной было получено письмо от дочери бывшего председателя сельского Совета с. Дымовки по известному нашумевшему в свое время делу «Малиновщина»¹³². Я поручил расследовать. Докладывал Грушецкий: Малиновский никогда не был селькором, он бывший бандит. А затем, пристроившись, действовал как подкулачник против комитета бедноты, местной партийной ячейки. Создал дело «Малиновщина» Сосновский, провокатор-троцкист, бывший корреспондент газеты «Правда». Убил Малиновского его младший родной брат в отместку за издевательство. В момент острой классовой борьбы на селе кулаки и троцкисты спровоцировали «дымовское дело»: по нему были осуждены 9 человек сельских активистов, трое из них были расстреляны. Надо всех осужденных реабилитировать, музей и памятник Малино-

вскому в с. Дымовке ликвидировать. Провести сход в с. Дымовке, где обо всем рассказать, как было и как восторжествовала правда.

Чтобы все это провести в жизнь, надо согласовать вопрос с ЦК КПСС — ведь по «дымовщине» было решение ЦК ВКП(б) за подписью Сталина. Приняли свое решение в Политбюро ЦК КПУ, послали записку в ЦК КПСС. Итак, через десятки лет «Малиновщина» и убийство «селькора» были развенчаны.

19 декабря. Во время работы сессии на заседании Политбюро рассматривали вопрос: публиковать ли статью в «Правде» в связи с 90-летием И. В. Сталина. Много было разных толкований. Ярыми противниками публикации статьи были Суслов и Пономарев. После большой «дискуссии» Брежнев всех поименно попросил высказать мнение по этому вопросу. Как-то получилось, что начали с меня — однозначно высказался за публикацию статьи. Подавляющее большинство высказалось так же, к нам присоединился Брежнев, тогда Суслов и Пономарев свое предложение сняли. Итак, статья публикуется. Вечером этого же дня отмечали 63-летие Брежнева, он сильно постарел.

22 декабря. Выслушал доклад министра МВД УССР Головченко И. Х.: по борьбе с преступностью у нас далеко не все сделано. За текущий год совершено 80 тысяч крупных преступлений. Против прошлого года преступность, в том числе и особо опасная, выросла на 4%. Поручил разработать дополнительные меры по борьбе с растущей преступностью.

Министр водного хозяйства республики А. Н. Гаркуша докладывал о ходе строительства оросительных систем. На 1970 год выделено на строительные работы по министерству 266 млн. рублей, и их надо разумно освоить. Надо форсировать строительство канала Каховской оросительной системы, Северо-Крымский оросительный канал. Начинать разворот работ по каналу Днепр — Донбасс. Гаркуша докладывал, что в связи с переходом на пятидневную неделю работы простой механизмов значительно увеличился.

Подписал информацию в ЦК КПСС и специально позвонил Суслову, сообщил, какая хорошая реакция среди партийного актива и в целом среди народа на статью в «Правде» в связи с 90-летием И. В. Сталина.

Суслов выслушал, но промолчал, очевидно, понял, почему я ему позвонил по этому поводу.

Переговорил со всеми членами Политбюро ЦК КПУ по поводу предстоящих выборов президента Академии наук Украины. Приняли решение, что президентом АН УССР рекомендовать Б. А. Патона. Поручено мне переговорить с Патонам и сказать ему все его недостатки: он должен более внимательно относиться к кадрам и вообще вести правильную кадровую политику, не зазнаваться — ведь он президент не потому, что самый «умный и талантливый», есть люди, подготовленнее далеко не хуже его, даже поталантливее и с большим научным багажом, с ними-то и надо считаться и советоваться.

29—30 декабря. Поступило много поздравлений с наступающим Новым, 1970 годом. Я поздравил с наступающим Новым годом аппарат ЦК КПУ. Все прошло очень хорошо.

Вот и закончился 1969 год. Наступили семидесятые годы — новое десятилетие, хочется, чтобы было все хорошо.

* * *

В узком кругу члены Политбюро ЦК КПУ, некоторые министры, военные, представители интеллигенции с семьями проводили 1969 год и встретили **Новый, 1970 год!** Звонили и поздравляли с Новым годом Брежнев и Подгорный, я всем передал их новогодние поздравления. Время провели хорошо!

Январь. Просматривал некоторые свои заметки-записи. Прошло вот уже 16 лет, как я ушел с хозяйственной работы — директора авиационного завода — на партийную работу. Хозяйственная работа — это настоящая творческая работа, результаты ее ощущаешь ежедневно и конкретно. О работе на производстве я часто вспоминаю и скучаю, временами о ней жалею, что мои многие замыслы не были доведены до конца. Партийная работа дала мне очень много, но я также уверен и считаю, что без должного опыта хозяйственно-инженерной или какой другой конкретной ответственной работы на производстве настоящего партийного работника не получится. Будет начетчик, «талмудист», фразер-философ, бабагур и даже, может быть, политический демагог. Партийная работа сложная, трудная, чрезмерно ответственная. Я чувствую, что на ней уже основательно «подносился», хотя и приобрел огромный опыт. Сила и задор тоже еще не исчерпаны далеко.

Принял заместителя Председателя Совмина Латвийской республики Крумеля. В Риге сооружается памятник «Латышским стрелкам»¹³³ — дело нужное. Необходимо выделить 450 кв. ме-

тров гранита, кроме нас, им никто не поможет. Гранита явно не хватает, а мы очень слабо развиваем эту отрасль, нет отечественного оборудования, пил, полировочных станков. А валюты для закупки за границей этого оборудования не выделяют. При всех трудностях и строгих фондах все же дал указание выделить латышам гранит.

Позвонил в ЦК КПСС Сулову и сообщил, что на Украине из-за нехватки бумаги резко сокращаются тиражи выпускаемых газет, в том числе и центральных, республиканских. Высказал свое мнение, что это просто недопустимо. Сулов «выслушал» — на этом дело и закончилось. Сообщил ему также, что в § 14 Тезисов к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина допущена грубая ошибка и искажение¹³⁴ и что это непростительно. Через некоторое время в «Правде» дали справку — отнесли за счет «опечатки».

1—10 февраля. По всей республике свирепствует грипп, очень много болеет людей — это очень плохо. Некоторые школы, детские учреждения закрыты. Дал задание Министерству здравоохранения усилить профилактическую работу.

Принял генералов-пограничников (Западный пограничный округ). Они информировали меня о состоянии с охраной границ — далеко не все в порядке. Технических средств не хватает, да они и не отвечают современным требованиям, очень слабые. Таможенный досмотр поверхностный, в результате чего к нам в страну завозится много разного оружия и разной вредной идеологической литературы и порнографии. В ряде пунктов охрана настолько слаба, что переход границы может быть почти свободным, бесконтрольным. Пребывание иностранных граждан на нашей территории не контролируется. Возможна засылка людей с любыми заданиями и на длительные сроки. По этому вопросу переговорил с Андроповым Ю. В.

Разбор почты. Много возникает вопросов, идет какое-то нагромождение различных «мероприятий», и главное, что кое-кто из руководства эти мероприятия фетишизирует, верит в них как в магическое средство, а ведь это чепуха. Не успеешь опомниться, осмыслить одно мероприятие, как за ним идет второе, третье, какая-то волна этих «мероприятий». Устает народ от всех этих «политических и организационных мероприятий», теряет остроту и реакцию восприятия.

Вот и сейчас новое письмо ЦК КПСС, Совмина и ВЦСПС «Об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве». На первый взгляд

призыв правильный, но ведь под него должна быть подведена база, а народное хозяйство, производство далеко не обеспечиваются материально-техническим снабжением, новейшим оборудованием. Вот и получаются пустые слова. Пошумим вокруг этого «исторического» документа недели две, а там и забудем о нем, потому что нет основы для реализации намеченного.

Снова ставится вопрос «О серьезных нарушениях государственной дисциплины в городском строительстве и жилищном хозяйстве». Совсем зажата местная инициатива развития нужд городского хозяйства и рационального строительства жилищ. Нельзя ведь применять одни и те же стандарты для районов Крайнего Севера, Коми и Южного берега Крыма или всего Черноморского побережья. Стрижем все под одну гребенку.

14 февраля. Вот и «стукнуло» 62 года — много и вместе с тем мало, ведь только по-настоящему глубоко начинаешь познавать жизнь, всю ее сложность и трудность. Когда был моложе, меньше опыта, острота есть, но нет глубокого анализа жизни, сравнений и выводов, полнейшей отдачи делу. С годами повышается ответственность не только за себя лично, но и за то, что ты делаешь для страны, народа, партии. Хочется еще поработать плотно лет 6—8, было бы хорошо. Прошло много лет от юности и молодости, а многие события так ясно видятся, что кажется, все происходило вчера.

Получил много поздравлений с днем рождения, это хорошо, не забывают товарищи. Все зав. отделами ЦК КПУ во главе с секретарем парткома зашли ко мне поздравить с днем рождения, вручили огромную корзину цветов. Я их поблагодарил. Правду скажу, немного грустновато — время неумолимо катит. А человек изобрел часы, календарь и наивно думает, что он управляет временем. Нет, время неумолимо. Часы, минуты, секунды идут независимо от воли человека. Человеку остается одно — разумно, с пользой дела распорядиться этим временем. Хотя мы не ценим часы, а минуты и секунды просто не замечаем, не бережем, а напрасно.

По-прежнему очень тревожит вопрос железнодорожного транспорта. В большом запустении находятся подъездные железнодорожные пути и подвижной состав промышленных предприятий. Все это отрицательно отражается на нормальной работе всех отраслей хозяйства нашей республики. Плохую работу железнодорожного транспорта мы ощущаем особо, ибо у нас огромный грузооборот. Написал несколько записок в ЦК КПСС и Совмин, пока реакции никакой, но кое у кого раздражение вызывает. Но кому-то же эти вопросы ставить надо —

Брежнев и Косыгин этих вопросов не понимают, и оба уже увлеклись международными «делами» — визитами, приемами, телеграммами. И глубоко не вникают и не знают действительного состояния экономики нашей страны. Есть немало умных, толковых, знающих хорошо хозяйство, экономику страны людей в министерствах, комитетах, которые подсказывают руководству, но все это делается довольно осторожно, чтобы не навлечь на себя гнев. А дела в стране далеко не такие блестящие, как их кое-кто старается показать. За все больно и горько.

Утром **17 февраля** из Москвы позвонила Ирина. Операция у Дарьи Петровны, ее мамы, началась в 10 часов утра — говорят, что проходит нормально, обнаружена опухоль еще неизвестного происхождения — будем надеяться, что все обойдется благополучно. Операция, тем более такая, и в 77 лет — это трудная и тяжелая штука.

18 февраля я позвонил Л. И. Брежневу. Проинформировал его о том, над какими вопросами мы в республике работаем, что решили, в чем нуждаемся, какие переживаем трудности. Высказал Брежневу, уже в который раз, о реорганизационном зуде, несогласии с ликвидацией промышленных министерств в республике. Прямо сказал ему, что за последнее время почему-то все занимаются международными «делами», а кто же будет решать неотложные, давно назревшие острые вопросы внутри страны? Ведь у нас в ряде вопросов плохо обстоят дела. Брежнев просто промолчал по этим вопросам, только сказал, что мне, очевидно, в ближайшее время придется выехать в Москву — есть вопросы.

20 февраля. Умер Андрей Малышко — очень жалко. Тычина, Малышко ушли, из старой плеяды остался М. Бажан. А кто же есть из молодых, на кого взять курс, кто может достойно в будущем представлять поэзию Украины? Этот вопрос заслуживает особого внимания, надо кропотливо выращивать новых поэтов.

Планируется строительство атомной электростанции на Керченском полуострове. Поступают протесты, возражения против этого, опасно для рыбных запасов Азовского и Черного морей. Поручил основательно разобраться и доложить.

20 марта. Просто обыкновенные житейские будничные дела. Из Косовского района Ивано-Франковской области приехал в ЦК КПУ Шкойденюк, мастер художественной резьбы по дереву, привез портрет В. И. Ленина своей работы, подарил его

ЦК КПУ по случаю 100-летия. Хорошая, просто отличная работа. Портрет передали в Музей Ленина. Я его за труды и отлично выполненную работу поблагодарил и подарил ему наручные часы.

Когда я работал в Ленинграде директором авиационного завода, со мной работал моим заместителем по материально-техническому обеспечению, финансам и коммерческим делам Петр Щукин, старый балтиец, участник штурма Зимнего. Сейчас ему уже 74 года. При оформлении пенсии происходит какая-то задержка, ведь у нас бюрократии хоть отбавляй. Щукин просит меня оказать ему содействие в оформлении законной пенсии. Вмешался в дело, помог оформить соответствующую пенсию.

26—27 марта. Был в Москве. На заседании Политбюро обсуждалось множество вопросов — крупных, мелких, нужных и просто ничего не стоящих. Обсуждался вопрос реализации решений декабрьского Пленума ЦК КПСС — как они были восприняты народом. Все мы говорим, что хорошо. Это нам так кажется, а вернее, так хочется, тем более Брежневу, ведь он считает, что главное — сказать, тем более все им сказанное воспринимается с «особым восторгом» — самообман, иллюзия, в жизни бывает не так. После Пленума ничего существенного и не произошло.

Рассмотрели вопрос о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, решили в составе депутатов дополнительно увеличить на 2—2,5% рабочих и на 1—1,5% женщин. Все это чистейший формализм. Что произойдет, если на 20—40 человек больше будет рабочих или доярок и свинок в составе депутатов? Улучшится от этого деятельность «советского парламента»? Думаю, что нет. Надо поднять значимость всех депутатов, дать больше прав в решении вопросов нашему парламенту, ибо он сейчас просто «фиксирующий орган» — на сессиях никакой критики, дискуссий, высказываний, откровенных мнений нет.

Возрастной состав в руководящих кадрах в центре — это больной вопрос. Молодежи нет, вот Брежнев и придумал «формулу»: в решении кадровой политики надо в каждом отдельном случае подходить к возрасту «с пониманием». Как ни подходи, возраст есть возраст, и то, что состав Политбюро стар (за малым исключением, всем далеко за 60 лет), никого не тревожит, а многие просто думают, что они незаменимы.

Обсуждались вопросы внешнеполитической деятельности. Впервые по предложению Брежнева открыто встал вопрос о наших контактах с США. Дано задание нашему послу в США Добрынину прозондировать почву насчет переговоров. Косыгин

должен был установить общение и контакты с послом США. Вопрос этот оживился после того, как нам стало известно о контактах КНР с США. Наша подготовка по поводу предстоящих контактов с США, на мой взгляд, проводится поспешно, без должной подготовки, в ущерб нашей гордости и самостоятельности.

Решили перенести Пленум по сельскому хозяйству на май, с не совсем убедительной формулировкой: «Проведем празднование 25-летия разгрома фашизма в Германии, а затем уже Пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству». Основная причина переноса Пленума — это неподготовленность его. Обсуждался вопрос о принципах хлебозаготовок и валовых сборах зерна. В следующей пятилетке ежегодно надо собирать не менее 20 млн. тонн зерна — заготовки в год должны составлять 3,7—3,8 млрд. пудов, в том числе не менее 12 млн. пудов риса. Эти и другие цифры назвал в своем выступлении Брежнев, он также повел разговор о сверхплановой продаже хлеба государству каждым хозяйством, исходя из экономической целесообразности. Был также поставлен вопрос об увеличении экспорта хлеба, и в первую очередь в соцстраны. Он поставил задачу в ближайшие 3—4 года производить в год не менее 18 млн. тонн мяса. Шел разговор о его записке в ЦК КПСС по вопросам животноводства, в записке, правда, ничего нового нет: факты, положение, сопоставление наших «достижений» с фактическим положением дел в сельском хозяйстве в США. В какой раз все это делается! За последние записки мы критиковали Хрущева, теперь пишем сами.

3 апреля. Разбирал вопросы трудного положения с обеспечением жильем шахтеров, металлургов, особенно в Донецкой, Ворошиловградской и Днепропетровской областях. К тому же в распределении жилья допускается полнейший произвол. В Днепропетровской области незаконно забирают у металлургов, горняков, машиностроителей 15—20% жилья, поступает в ЦК много жалоб на произвол и грубость секретаря обкома Ватченко.

Строго поговорил с Ватченко, предупредил его об ответственности за чинимый произвол. Дал задание секретарю ЦК Титаренко и заведующему Отделом тяжелой промышленности ЦК КПУ подготовить письмо в ЦК КПСС и Совет Министров с просьбой оказать помощь в вопросах увеличения строительства жилья для шахтеров и металлургов Украины.

3 мая вылетел в Москву для поездки в Чехословакию в составе партийно-правительственной делегации на празднование 25-летия освобождения Чехословакии от фашистских захватчи-

ков и подписание договора с Чехословакией. В составе делегации: Брежнев, Косыгин, Шелест, Машеров, Катушев, Червошенко.

5 мая 1970 года в 12.00 делегация прибыла в Прагу. Внешне встреча прошла хорошо. В 13.00 официальный визит всей делегации к Гусаку, Свободе, Штроугалу, разговор идет на общие, ничего не значащие темы — о погоде, об урожае.

Брежнев, как всегда, завел разговор, как он «воевал» в Чехословакии, и из его рассказов складывается такое впечатление, что если бы не его «действия», то не быть бы вовремя освобожденной Чехословакии. Затем начал рассказывать, как он работал в Молдавии и какие были тогда успехи в этой республике. Довольно странная манера для «руководителя» такого ранга везде себя выпячивать — довольно неприятно режет ухо. Наконец передал чехословацким товарищам привет от всех членов Политбюро ЦК КПСС и затронул самый главный и существенный вопрос — о направлении наших предстоящих переговоров.

Г. Гусак в общей беседе сообщает нашей делегации, что экономическое положение и политическое состояние в стране улучшаются. «Но мы, — говорит Гусак, — реально смотрим на все предстоящие трудности и на то, что у нас есть сейчас». Брежнев перебивает Гусака, сбивается на общие, ничего не значащие разговоры.

В общий разговор включается Косыгин — его интересует вопрос двух выходных дней в Чехословакии, и тут же Косыгин делает безапелляционное заключение, что «два выходных дня — это великое дело». Так были посеяны семена наших двух выходных дней. Семена брошены, но перед этим никто не проверял «их всхожесть и готовность почвы». Думаю, что нам еще рано было переходить на два выходных дня, разумнее было бы продумать вопросы, как уплотнить рабочий день, поднять заинтересованность в работе и реальную заработную плату рабочих, ИТР и служащих.

Брежнев снова долго, назойливо и нудно рассказывает о времени освобождения Чехословакии от фашистских войск, о теплой встрече в те времена советских воинов пражанами. Затем без всякой связи говорит о состоянии посевов, погодных условиях для сельского хозяйства нашей страны.

10 мая из Москвы возвратился в Киев. Поручил специальной группе товарищей выехать в Измаил и разобраться на месте по полученному оттуда письму. Дела там неважные: в городе большое количество людей, не занятых работой. Город не благоустроен, жилья не хватает, культурно-просветительных

учреждений нет; порт на Дунае в дупотопном состоянии. И это наш пограничный город с Румынией! Надо решить все вопросы положительно. Сказал об этом Щербицкому, но ему трудно что вдолбить.

Сегодня тяжелая операция у Дарьи Петровны, это уже вторая такая. Как она ее выдержит, милая старушка. Очень жалко бабушку, и все же будем надеяться на лучший исход. Если бы человек не верил в это, невозможно было бы жить.

Принял Маленкина (народный контроль), был крутой разговор с ним. Я его спросил, почему он защищает особую независимость республиканских органов, в том числе и от Секретариата ЦК КПУ — по этому вопросу жаловались мне. Разговор был острый. Мне кажется, что он все понял. Маленкин информировал меня о работе народного контроля республики: сохранность социалистической собственности, контроль за установкой оборудования, внедрение научных разработок.

14 мая. Рассматривал вопросы, связанные с созданием этнографического музея Украины, а также мемориала в честь Запорожской Сечи на острове Хортица. Все это крайне нужно для истории нашего народа, для поколения, для воспитания патриотических чувств. Очень плохо, что некоторые украинцы не знают истории своего народа и не хотят делать ничего по увековечению культуры, быта и борьбы своего народа. А судьба украинского народа очень сложная, трудная, интересная, героическая, страдальческая и вместе с тем счастливая. Пройдут поколения, и может все стереться из памяти, не останется следов. Почему мы интересуемся античным миром, миром культур Востока, Африки? А мир своего народа предаем забвению. Это могут делать только тупые люди, предатели своего народа, не помнящие родства, кровности своего собственного народа. Таким «представителем» является Щербицкий, да недалеко от него и Ватченко. Подобные люди у власти опасны для своего собственного народа.

2—5 июня. Был в командировке по областям. Поездка через Черниговскую область в Сумскую, ее посмотрел более подробно. Заехал в Шостку, побывал на химических заводах, в том числе и на заводе по производству цветной киноплёнки. Возвращался в Киев через Полтаву, здесь и ночевал.

В Полтаве получил тяжелое известие: умерла Дарья Петровна — мать Иринки, моя, по существу, вторая мать. Очень жалко и тяжело, она была хорошим, душевным человеком,

умной женщиной, очень тяжело и жалко, утрата невозполнима. Все делалось для ее спасения, но, видно, судьба сильнее всего.

Еще один удар — большая утрата, скоропостижно, просто внезапно умер в поезде Борис Шульженко, первый заместитель председателя Комитета госбезопасности УССР. Потеряли молодого, энергичного человека, отличного работника, хорошего, честного и преданного коммуниста.

6 июня. Тяжелые, очень тяжелые дни. Нужно хоронить мать Ирины, бабушку, ох как жалко ее, бедная мучилась долго, были нестерпимые боли. Не верится, что Дарья Петровны нет с нами, не будет слышен ее голос, спокойная всегда речь, умные, убедительные мысли, слова да и действия. Мама перед смертью знала все, чувствовала свой конец, но держалась спокойно. Дала наказ, высказала свои последние пожелания. Очень тяжело Иринке — спасибо людям, друзьям, поддерживают в этот тяжелый час. Отдали все почести покойнице. Виталий, любимый внук бабушки, очень сильно переживает.

На **7 июня** назначены похороны, гроб с бабушкиным телом стоит у нас дома, цветов, венков много, много и людей. Но еще пришли друзья мои и иринкины, очень тяжело, но все же на народе немного легче, а может, и нет: чем больше сдерживаешься, тем тяжелее. Очень разволновался, когда пришли работники ЦК КПУ выразить свои соболезнования. Было соболезнование помещено в газетах республиканских и местных. Ирина поехала на кладбище. Я не смог, мне почему-то так было тяжело, что заболело сердце. Похоронили, по обычаю сделали гражданские поминки, людей было много. Итак, ушла от нас бабушка навсегда.

14 июня 1970 года. День выборов в Верховный Совет VIII созыва. По донесениям и информациям из разных каналов, пока идет все нормально, особых осложнений нет. Хотя имеют место отказы идти голосовать по причинам низкой заработной платы, отсутствия квартир, неправильного отношения на производстве или по месту работы, нарушения законности и неправильного осуждения за мелкие преступления. И все же при большой работе по всем «направлениям» выборы провели нормально. Меня поздравили с избранием депутатом Верховного Совета. По избирательному округу 189 471 избиратель, голосовали все. За кандидата в депутаты подано 188 973 голоса, против проголосовало 478 человек, на прошлых выборах был против 631 человек.

18 июня. Смотрел во МХАТе спектакль «Дни Турбиных» М. Булгакова¹³⁵. Показан кусочек борьбы, переживаний, сложной истории, судьбы и трагедии людей на Украине, жизнь и поиски выхода из создавшегося положения. Так, как оно есть на сцене, так было в действительности — это мог написать только Булгаков. Прекрасный спектакль, отличная игра. Недаром этот спектакль И. В. Сталин, говорят, смотрел 6 раз.

23—28 июня. Командировка в южные области республики, был в Киевской, Черкасской, Кировоградской, Николаевской, Херсонской областях. Посмотрел поля, примерно определился с местными областными работниками с состоянием урожайности и предстоящими хлебозаготовками. Общее впечатление неплохое. Детально ознакомился и осмотрел строительство Каховского оросительного канала, грандиозное сооружение, но много еще нерешенных вопросов надо решать и помогать строителям. Передохнул на о. Бирючем, чудесный уголок — море и степные просторы острова.

18 июля. Позвонил мне Ю. В. Андропов, сообщил, что днями в Киев приедут его заместитель Цвигун и Федорчук, новый председатель КГБ на Украине вместо Никитченко. Мне очень жалко В. Ф. Никитченко, отличный разумный работник, имеет свое мнение и может его отстаивать. А таких людей недолюбливают «вожди». На первого заместителя председателя КГБ рекомендую С. И. Крикуна. Москва куражится.

20 июля. Принял Цвигуна, Никитченко, Федорчука. Окончательно решил вопрос об освобождении Никитченко в связи с его «переходом на другую работу» — он уезжает в Москву. Федорчук назначается на его место. На Украине своя сложность и своя специфика в работе органов КГБ. Аппарат комитета квалифицированный, но его можно неправильно использовать и задерживать. Посмотрим, что получится, но я ничего хорошего от этой перемены не жду.

После приема Цвигуна мне позвонил Андропов, что-то больше обеспокоен, все это не зря, что-то в той замене кроется.

29 июля. Утром вылетел в Крым на отдых, со мной находят-ся Ирина, брат Митя и старший внук Петя. Погода стоит хорошая, отдых проходит нормально, хотя почты идет очень много, минимум 5 часов в день рассматриваю ее. Да 1—2 часа уходит на телефонные разговоры с Киевом, Москвой, областями, и все нужно.

28 августа. Пригласил Косыгина поехать посмотреть рисо-

вые поля и некоторые колхозы и хозяйства Крымской области. Он, против обыкновения, дал согласие с большой охотой, это, очевидно, потому, что в Крыму в это время не было Брежнева. Рисовые поля посмотрели в Красноперекопском районе на Северо-Крымском канале. Рис отличный, огромные плантации. На Косыгина это произвело большое впечатление, он подробно всем интересовался. Затем посетили комплексное хозяйство — колхоз «Дружба народов». Здесь осмотрели виноградники, сады, в том числе и пальметные, животноводческий комплекс, винзавод и консервный завод, новый поселок городского типа. Косыгин заявил, что он нигде и никогда такого хозяйства не видел. Вечером в Симферополе в особняке хорошо посидели, Косыгин изрядно выпил, поздно ночью я его еле довез на дачу. Он попросил меня никому о его состоянии не говорить. Как можно это сделать, если были вместе? Не стоит об этом просить, должна быть честность.

Ирина получила вызов, приглашение от нашего представителя в ООН Паляничко посетить США. По этому вопросу посоветовался с А. А. Громько, он отнесся к этому положительно и даже одобрительно: «Пусть поедет посмотрит иной мир и свет». Даже предложил Иринке лететь в его самолете — он летел на очередную сессию ООН.

9 сентября. Принял Федорчука, нового председателя КГБ республики. Состоялся крупный и строгий разговор: он начал заниматься несвойственными делами: превышением власти и законности, контрольными функциями за советским и партийным активом. Звонит утром на работу министрам и проверяет, находятся ли они на работе. Проверяет, как поставлена учеба министров и какая тематика занятий. Открыто критикует прежнее руководство КГБ — Никитченко, его методы и формы работы и увлечение «техницизмом», мол, науку вводили, а агентуру растеряли, да и наружная служба поставлена из рук вон прох.

Я откровенно высказал Федорчуку все и сказал, что не стоит ему лезть в дела, ему не свойственные. Лучший способ наладить работу органов КГБ — это работать, а не заниматься критиканством предшественника, так я сказал Федорчуку. По всему видно, что не понравился такой мой разговор ему. Думаю и уверен в том, что действует он так не по своей инициативе — не такой он «герой». Он явно имеет «директиву» комитета, а комитет без одобрения и прямого указания и санкции Брежнева не мог пойти на такой шаг. Брежнев делает ставку на КГБ как «орудие» всесторонней информации и укрепления своего личного «авторитета» в партии. Это позорное явление в нашей

партии. Оказывается, говорить правду, даже в партийных органах, опасно, надо следить за каждым своим словом, хотя ты его и говоришь справедливо. За всем следят, все доносят, даже ты сам не знаешь, кто это может сделать. Установлена сплошная агентура и слежка. Как это все отвратительно!

С Федорчуком разобрали все вопросы укрепления органов КГБ и некоторые перемещение кадров. Я подписал письмо в ЦК КПСС с просьбой увеличить штаб работников КГБ на Украине. Надо создавать везде городские и районные отделы КГБ, усилить оперативные отделы. Отдел агентуры работает плохо, процент отдачи низок, всего 35—40%. Информация в ЦК от органов часто поступает не по существу, безответственная и низкого качества. Надо организовать разведывательные профилактические мероприятия по особо режимным предприятиям. Федорчук доложил, что при комитете создана специальная инспекция в количестве 20 человек для проверки работы и помощи областным управлениям КГБ. Обсудили вопросы размещения комитета, надо строить дополнительно помещение на 3—3,5 тысячи кв. метров. Дал согласие. Обсудили вопросы, где разместить специальные курсы, вечернюю школу и специальную школу кулинарии.

Обсуждали вопрос о первом заместителе, я снова назвал кандидатуру С. Крикуна. Кадровые перемещения: Фесенко из Крыма забрать на Киевское областное управление КГБ, в Крым переместить Логвиненко из Херсона, на Херсонское управление Жабченко из Закарпатья.

19 сентября. Seriously заболел Янгель, глубокий инфаркт, и это не первый у него. Срочно своим самолетом в Днепропетровск направил бригаду квалифицированных врачей. Сообщают, что состояние такое, что имеется большая опасность для жизни. Сообщил об этом в приемную Брежнева, его самого на месте не было. Разговаривал с Сусловым. Сообщил ему о Янгеле, но для него это «темный лес» — никакой реакции, ни вопросов, ни интереса. Сухой, странный и трудный человек, я даже жалел, что ему позвонил по этому вопросу.

Мне стало известно, что Федорчук занимает явно экстремистскую позицию, проявляет чересчур большую «активность и смелость». Безусловно, делает все это не самостоятельно, а с санкции и поддержки Москвы, и больше того: не только с санкции, а по прямому указанию и плану.

Все кадры КГБ перемещаются по республике только с санкции Андропова. Об этом лично докладывается Брежневу. Недостойно ведет себя Федорчук по отношению к Никитченко: обвиняет его в том, что он ослабил дисциплину в комитете

и органах КГБ. Почему киевские евреи писали письма в Израиль? (Как будто они меньше пишут из других мест, из той же Москвы?) «Докапывается», почему не было настоящей борьбы против националистов и «труда» Дзюбы. По его мнению, борьба тогда, когда просто без разбора сажают в тюрьму. Федорчук заявил: «Мы работаем на Союз, мы интернационалисты, и никакой Украины в нашей работе нет». От таких тупоголовых и рождаются националисты. Федорчук недопустимо груб с аппаратом комитета, высокомерен с товарищами на работе. Очень интересуется, чем занимается ЦК КПУ и Совмин республики. Ряд разумных технических мероприятий в работе комитета отменены. Научный отдел постепенно упраздняется. Ясно, что новый человек самостоятельно так действовать не может. Все эти и другие вопросы мне изложил Крикун. Молчать не буду, ибо не согласен с тем, что партийные органы и их руководители ставятся под контроль КГБ. Пусть в Москве знают, что мне все известно. Знаю, что при прямой постановке этого вопроса будут «юлить», и в первую очередь Брежнев, ибо он организатор этого позорного явления в партии.

16 октября. Был на приеме у Л. И. Брежнева, главный разговор — это о предстоящем XXIV съезде КПУ. Я прямо спросил у Брежнева, как мне ориентироваться на предстоящем съезде? Брежнев мне ответил: «Претензий к тебе у нас нет, работа у тебя ладится, работой спокойню».

Как-то на одном из заседаний он подал реплику, что, мол, на Украине три первых заместителя Председателя Совмина. Я тогда промолчал. Сейчас ему сказал: «Третий первый заместитель Предсовмина Семичастный ведь утвержден по твоей просьбе!» Он промолчал.

Я ему снова высказал свое мнение о нецелесообразности перевода работать на пятидневную неделю работников сельского хозяйства, торговли, МВД, бытового обслуживания. Он по этим вопросам колебался, но я видел, что никаких конкретных решений он принять не может. Хотя мы в республике в этих организациях работаем по шестидневной неделе.

Брежнев в беседе пожаловался, как всегда, на занятость и усталость. Думает, взять отпуск на 2—3 недели — передохнуть. Готовится к переговорам с вьетнамцами, к приему Кастро.

Снова пойдет «международная карусель», а внутренними делами страны заниматься некогда, да они потруднее и посложнее и требуют конкретной отдачи.

Зашел разговор о поощрении трудящихся за выполнение пятилетки, и тогда впервые заговорили об учреждении ордена Трудовой славы трех степеней.

20 октября. Террористы-литовцы угнали наш самолет в Турцию, стюардесса Наташа Курченко убита, тяжело ранен второй пилот. Турки самолет, экипаж и пассажиров возвратили. Террористов — нет, несмотря на наши требования на правительственном уровне с нами даже турки не считаются.

21 октября. Посетил новостройки — жилые массивы Киева: Водопарк, Березняки, Русановку. Был на квартирах у рабочих, посетил культурно-бытовые и торговые учреждения. Кое-где уже начинают строить и оборудовать прилично. Посетил Институт теоретической физики в Феофании, институт построен отлично, немало приложил труда к этому и сын Виталий.

24 октября. Сегодня Виталию ровно 30 лет — юбилейная дата, надо с Иринкой пойти поздравить его с днем рождения. Время катит неумолимо, не так давно был мальчик, хилый, болезненный. Сколько ему времени, труда, души и сердца отдала Иринка, чтобы его выводить. А теперь вот уже доктор физико-математических наук, член-корреспондент Украинской АН. У него пока все идет хорошо. Было бы здоровье, лад в семье, здоровье детей, внуков.

6 ноября. Очевидно, в поезде в Донбасс и Николаев я сильно простыл. Температура 39,2°, не смог присутствовать на торжественном заседании, посвященном Октябрьским дням, на параде и демонстрации. Дают усиленные порции антибиотиков. Сильная слабость, основательно «пошаливает» сердце. Провалился в постели 10 дней, очень слаб, надо быть поосторожнее.

17 ноября. После болезни первый день вышел на работу. Из Харькова позвонил Овчаренко, секретарь ЦК КПУ, проинформировал, как проходит там выездной пленум Союза писателей Украины. Обсуждают вопрос, как лучше писателям освещать в своих романах, повестях, стихах, поэмах рабочий класс, его героический труд. Эта тема мной была подсказана О. Гончару.

18 ноября. Прошло больше девяти дней, как 7 ноября с дачи в Конче-Заспе бесследно исчез сын секретаря ЦК КПУ Борисенко. Жене был 21 год, студент. Была на даче вечеринка молодежи, и вот загадочное исчезновение, и пока бесследно. Борисенко и его супруга просто подавлены таким несчастьем. Стараюсь его всячески поддержать, дал задание дополнительно разработать меры по поиску Жени.

Рассматривал почту — очень много разной пакости, как местной, так и зарубежной. Все же надо крепче держать курс

строгости, но строгости разумной. В своей основе человек понимает, что жизнь довольно обременительная штука. Наряду с человеческими трагедиями в жизни разыгрываются комедии в государственном масштабе. Шума много, а ведь из невозможного нельзя сделать возможное. Общество, строй наш хорош, но им надо разумно управлять, не пользоваться прикрытием народа и данной им властью, а нести ответственность.

26 ноября — 1 декабря. Был в Армении, делегацию возглавлял Брежнев. Молодцы армяне, умеют сохранить и сберечь свои национальные традиции и богатство культуры. В Ереване много интересных построек, памятников старины и современности, город чистый, опрятный. На праздновании были все первые секретари нацкомпартий республик. Как-то вечером все собрались вместе поужинать, за тостами пошло безудержное восхваление Брежнева. В особенности выделялся Алиев¹³⁶. В своей речи он сказал: «Закавказские республики живут дружно, поддерживают друг друга во всех мероприятиях. Наш аксакал В. П. Мжаванадзе нас направляет, и мы с ним советуемся по всем вопросам». Все сказанное Алиевым об «аксакале» нами всеми было воспринято как шутка, вместе с тем и как высказанное уважение молодых партийных работников к старейшему партийному работнику Василию Павловичу. Брежнев же, как, казалось, и «полушутя», придал «аксакалу» какое-то особое значение. Он, Брежнев, даже насторожился и начал подавать не совсем умные реплики, предостерегать от групповщины, национальной обособленности. Все это произвело неприятное впечатление. Брежнев во всех этих вопросах насторожен и чрезвычайно пуглив.

16—19 декабря. Заседание Политбюро ЦК. Брежнев выступил с информацией о событиях в Польше. Еще до этого пришлось много прочесть почты, информации, донесений о положении в Польше — все это нас очень тревожило.

О событиях в Польше. Само по себе ясно, что в любой социальной формации, с народом надо работать, ибо само собой ничего не приходит и закрепляется. Руководящая партия, правительство всегда должны находить форму и средства, чтобы удовлетворить законные требования народа — рабочего класса.

Известно, что идея — вещь серьезная, но это то самое дитя, которое при неразумном обращении с ним может пожрать своих родителей. Политический руководитель, у которого логика слепой убежденности затмевает реальность, неуступчив, нетверд, в крутой политической обстановке может быть даже опасен. Терпение народа может однажды истощиться от бесконечных

обещаний и упований на лучшие времена. Что же все-таки произошло в Польше?

Нет сомнений в том, что разведка империализма при поддержке внутренней реакции попыталась в Польше взять реванш за поражение в Чехословакии. В самой Польше «горючего материала» для этого больше чем достаточно. Формально началось с того, что рабочие судовой верфи Гданьска, Гдыни, Штеттина выступили с протестом против повышения цен на мясо, масло, сахар и другие продукты питания. Это использовали реакционные и уголовные элементы, выступили открыто против властей ПОРП и лично против Гомулки. Начались грабежи магазинов, погром милиции и органов госбезопасности, применение насилия против представителей власти. Обстановка была довольно сложная, и решительные действия Гомулки надо было поддер-
жать.

Но Брежнев, информируя о событиях в Польше, хотя и проявил определенную озабоченность и тревогу, помнил еще недавние события в Чехословакии. (Тем более что это ему очень «памятно» — ведь когда было принято решение вводить войска в Чехословакию, то Брежнев упал в обморок, и его врачи долго выводили из шокового состояния. И все же внутренне чувствовалось, что Брежнев против мер, проводимых Гомулкой, а если сказать прямо, то он был не столько против проводимых мер, сколько лично против Гомулки. Он даже как-то выразился: «Вот и допрыгался дед. Нам надо, — говорил он, — что-то делать — позвонить Гомулке, написать письмо, надо решать вопрос и с нашим послом в Польше». Одним словом, «надо, надо».

Дошло дело до того, что он, Брежнев, вроде злорадствуя, рассуждал, что если «уйдет» Гомулка, то на кого там можно будет опереться, кто может стать во главе ПОРП, как информировать нашу партию о событиях в Польше? Хотя было очевидно, что сами поляки еще не разобрались во всей сложной обстановке и не приняли всех мер для наведения порядка в своей собственной стране. Но Брежнев принимал решение, как у себя дома: вроде бы речь шла о каком-то секретаре ЦК нацкомпартии союзной республики или даже о секретаре крайкома или обкома партии. Со стороны все это воспринималось очень нехорошо, больше того, гнусно, ибо главной «подоплекой» такого поведения Брежнева была личная неприязнь к Гомулке. Брежнев его побаивался, просто «дрожал» перед его авторитетом, резкостью и откровенностью высказываний Гомулки в адрес Брежнева. Мстительный и трусливый, Брежнев, решил воспользоваться сложной политической ситуацией и убрать Гомулку с политической арены. Прием был нечестный, нехороший, но в «политике», оказывается, все допустимо.

А развитие событий в Польше принимало все больше тревожный характер. Рабочие Гданьска, Штеттина, Гдыни вышли на улицу, сожгли здание обкома ПОРП, среди партийных и административных работников имеются жертвы. Зачинщики всей «волынки», как тогда говорили, были арестованы, но волна неповиновения властям после этих мер все более нарастала.

В ряде случаев было применено оружие, и со стороны демонстрантов тоже появились жертвы. На верфи рабочие построили баррикады, властями с верфи было уволено 7 тысяч рабочих, на работе оставили 1000 человек, которые более-менее к действиям властей относились лояльно. К рабочим на улице присоединились подростки, молодежь, учащиеся. Волна протеста все больше нарастала, и уже появилась политическая платформа: выдвигаются требования изменить состав ЦК, созвать внеочередной съезд партии, дать полную свободу слова, печати, повысить заработную плату на 50%, освободить всех арестованных и осужденных по событиям 1968 года. Как утверждают, контрреволюция подняла голову. По радио, телевидению перед рабочими выступил председатель Госсовата ПНР Циранкевич. Это на какое-то время возымело свое действие, но только на время. С новой силой пошли беспорядки, грабежи, разбой, сопротивление властям. После предупреждения было применено оружие — убито, по предварительным данным, 30—35 человек. Имеются раненые с обеих сторон. Обстановка накалялась, и надо было принимать какое-то решение.

Брежнев при нас, членах Политбюро ЦК КПСС, звонит Гомулке и ведет с ним разговор. Вот его содержание.

Гомулка говорит: «Обстановка довольно сложная, противники ведут бешеную агитацию против партии и ее руководства, контрреволюция поднимает голову. Выдвигаются требования, что к власти должны прийти другие, которым можно было бы выразить доверие. О политическом урегулировании не может быть и речи, отступить нельзя, и, если жгут обкомы, то надо принимать меры. Отменить, как вы, тов. Брежнев, рекомендуете, наши решения, это значит признать поражение партии. У нас все члены Политбюро работают дружно, и у нас единое мнение». Гомулка на вопрос Брежнева: «Может быть, вам написать письмо?» — ответил: «А что вы можете написать? Мы ведь сами ответственные люди, и нам виднее, что надо делать в своей собственной стране». Гомулка сказал, что это контрреволюция, и мы в своей стране этого не хотим: в результате всего этого Польша может уйти из социалистического лагеря.

Нам надо было бы все мероприятия поддерживать. Это внутреннее дело, и Гомулка, опытный политик и волевой человек, мог бы свободно справиться с положением дел.

Но Брежнев повел линию на явное устранение Гомулки: ему

его «фон» очень не подходил. Вокруг Гомулки пошла закулисная игра. Косыгину было поручено переговорить с Циранкевичем, в плане «политического» урегулирования повести разговор с окружением Гомулки. Через два-три дня в разговоре по телефону с Косыгиным Циранкевич заявил: «Мы несколько раз собирались и отдельно от Гомулки обсуждали вопрос. И приходим к заключению, что нам надо поднять заработную плату рабочим, расследовать, кто виноват в убийстве рабочих, кто первый дал приказ открыть огонь по рабочим. Очевидно, придется пересмотреть некоторые наши решения по ценам. Люди от нас ждут экономического и политического решения и урегулирования вопроса. Об этой нашей экономической, политической и организационной платформе, — заявил Циранкевич, — Гомулка ничего не знает»(!)

Таким образом, за спиной Гомулки проводится работа против него и под непосредственным «вдохновением» Брежнева. На нашем Политбюро Брежнев уже конкретно ставит вопрос о смещении Гомулки, только вот не знает, кем его заменить. Кто-то назвал фамилию Герека, но тут Брежнев, сказал: «Я его не знаю». Странно, а почему он должен знать всех в чужой стране, тем более что в своей собственной стране он большинства первых секретарей не знает ни в лицо, ни по фамилии.

При нас состоялся еще один разговор Брежнева с Гомулкой. Последний «высказал в довольно резкой форме недоумение тем, что Брежнев так грубо и нетактично вмешивается во внутренние дела Польши». При этом сказал: «Тов. Брежнев, у вас в собственной стране в достаточной степени есть над чем задуматься и чем заняться, а мы у себя сами разберемся». В ответ на это Брежнев Гомулке заявил: «Тогда, тов. Гомулка, мы вас в такой ситуации поддержать не можем. Не вводить же нам войска в Польшу для наведения порядка? И ради спасения дела социализма вам лучше уйти с поста Первого секретаря ПОРП».

Гомулка, горячий, но умный политический деятель, понял, что при такой постановке вопроса ему оставаться в руководстве партии нельзя. Гомулка заявил: «Если это касается сохранения единства социалистического лагеря, то я, человек, прошедший не один десяток лет в тюрьме, даже в одиночке, я должен понимать, за что я боролся, готов сейчас все сделать для спасения социалистического лагеря, но я понимаю, что не в этом все дело. Как считаете, так и делайте — я остаюсь честным и преданным коммунистическим идеалам. Думаю, тов. Брежнев, что все, что вы делаете, это не искренне, а преследует другие цели».

21 декабря состоялся Пленум ЦК ПОРП: освободили от

обязанностей Первого секретаря ЦК ПОРП Гомулку, второго секретаря ЦК ПОРП Клишко (до этого был вторым человеком в Польше, надо сказать, очень умным и самостоятельным, имеющим свое мнение человеком), Спихальского, председателя польского сейма. Они все стояли на защите национальных интересов своей страны. Но вот состоялся Пленум ЦК ПОРП — Гомулка, Клишко, Яшук, Спихальский освобождены от занимаемых должностей. Дело «сделано» — Брежнев добился своего. Гомулка устранил с политической арены.

Это было **22 декабря**. Политбюро ЦК КПСС. Обсуждается вопрос взаимоотношений с Китаем. Делают информацию Ильичев и Толстиков. Переговоры по пограничным вопросам проходят тяжело. Вот уже 14 месяцев ведем эти переговоры, Китай все время в переговорах меняет тактику. В последнее время вышел сборник в Китае — похабно-клеветнического содержания против СССР. Ильичев и Толстиков говорят, что нам нечего ожидать улучшения отношений с Китаем даже по государственной линии. Но мы, как всегда, любим говорить и ищем конструктивное решение вопросов.

Информация т. Ильичева. Он говорит: «Переговоры по пограничным вопросам проходят тяжело и очень затяжные, они ведутся уже 14 месяцев, а вопросы ни с места. Китайцы в переговорах все время меняют тактику, и нам нечего ожидать улучшения даже по государственной линии. Переговоры проходят в острой обстановке, политической и идеологической борьбе. Резкость отношений далеко выходит за пределы нормальных дипломатических отношений. Чжоу Энь Лай пристально следит за переговорами. Все записывается и контролируется. Нас очень «опекают», отгораживают от политической жизни Китая, и мы, по существу, изолированы от всего. Нас на предприятия и в коммуны не пускают. Очень убогая жизнь страны, в первую очередь в культурном отношении, почти все музеи закрыты.

Китайцы во всеуслышанье заявляют, что Советский Союз больше заинтересован в ведении переговоров. Но китайцы не допускают иллюзий по поводу ведения с нами переговоров по пограничным вопросам. Мы в переговорах всячески ведем защиту наших национальных интересов и в этом имеем определенный политический выигрыш, хотя до сих пор ни одно слово и не легло на бумагу как основа договора. В переговорах 1964 года китайцы предъявляли свои претензии на 524 кв. километра. Но тогда договор тоже не был подписан. Сейчас они настаивают на временных мерах по всей границе, чем затрагиваются все 7,5 тысячи километров наших границ с Китаем.

Китайцы отбрасывают идеологическую сторону в ведении переговоров, настаивают на чисто государственном соглашении. Спор сейчас идет главным образом по западным участкам границы. Китайцы предлагают предусмотреть в договоре пункты о ненападении и исключении вооруженных конфликтов. Мы считаем, что нам надо прозондировать возможность встречи с китайцами на высшем уровне. Добиться на всех границах статус-кво, решать все вопросы только мирным способом. Всячески обеспечить ведение наших переговоров идеологически, хотя идеологическая обеспеченность наша поставлена очень слабо».

Выступление Толстикова. «За два месяца моего пребывания в Китае в качестве посла мне трудно охватить сложность всех вопросов. Одно ясно, что нами выработан и взят правильный курс на ведение переговоров, и надо надеяться, что он даст свои результаты. Каждый раз при встрече на переговорах китайцы вынуждены маневрировать».

Что касается внутривосточного положения в стране, то за последнее время заметно, что в ряде случаев возвращаются на свою прежнюю работу старые кадры, ранее ошельмованные. Возможно, в недалеком будущем наступит какой-то спад антисоветчины, хотя полной уверенности в этом повороте нет. За последнее время заметно улучшилось материальное обеспечение населения, хотя большинство продовольственных продуктов распределяется по карточной системе. Китайцы работают очень хорошо, труд у них в большом почете, и они умеют работать. В стране проводится глубокая антисоветская обработка всего населения страны, начиная с детского возраста. Выпускается очень много дешевой, массовой идеологической литературы, которая широко распространяется среди населения в целях пропаганды и антисоветизма.

Думать сейчас о том, что Китай на нас может напасть, нет оснований. Экономический потенциал Китая слаб. Но, несмотря на это, нам о Китае надо думать. Антисоветизм в Китае превращен в государственный принцип, в их конституции записано о борьбе против Советского Союза, и китайцы нас считают врагом № 1. Внешнеполитическая деятельность Китая сейчас очень активная, в ней четко просматриваются желания внести раскол и разлад во взаимоотношения между социалистическими странами. Они полностью стараются использовать ООН в борьбе против нас. У нас не должно быть иллюзий насчет того, что будет подписан договор с Китаем по пограничным вопросам. Никаких односторонних уступок допустить нельзя. Что касается «временных» мер, то мы должны исходить из того, что нет ничего постоянного, чем временное положение, этого тоже нельзя допустить».

После выступлений Ильичева и Толстикова — довольно квалифицированных, прямых и откровенных, произошло какое-то замешательство. Брежнев только и мог сказать: «Что же нам делать в этом плане?» Все приуныли, молчат. Тогда Брежнев сказал: «Может быть, стоит послушать Громыко и Гречко?»

Выступление Громыко. «Ни на одно предложение со стороны Китая нам нельзя идти, ибо это будут односторонние уступки Китаю. Мы во всех отношениях и вопросах должны исходить из интересов нашей безопасности. Предложить китайцам отвод войск (развод войск). Вести разговор о восточной границе, о заключении договора о ненападении, запрещении пропаганды войны в Китае, не допустить китайцев в проток Казакевича. Как всю эту работу нам надо проводить? Мы пока ответа не можем дать, но во всем должны быть тщательность и осторожность».

Выступление Зарьянова, командующего пограничными войсками КГБ СССР. Делает глубокий экскурс в историю пограничных вопросов и взаимоотношений на этой основе между нами и Китаем. «В Китае даже не было карт границ с нами, мы им их дали в 1960 году, и китайцы, по существу, пользуются нашими пограничными картами. История переговоров с китайцами по пограничным вопросам — давнишняя история, и она тянется с Советским Союзом еще с 1924 года. Вот мы и ведем эти переговоры периодически уже 46 лет. Последние переговоры перед сегодняшними были в 1964 году. Каждый раз при встречах китайцы пытаются поднять вопросы границ 275-летней давности. На многих участках у нас с Китаем граница условная, на 3,5-тысячной протяженности границы имеется всего 40 пограничных знаков. Только если выровнять границу по существующим пограничным знакам, то надо китайцам отдать более 7 тысяч квадратных километров нашей территории. Отвод войск не должен размывать наши границы».

Выступление Гречко, министра обороны СССР. «Антисоветская ненависть охватила все стороны Китая. Своими действиями Китай собирается взять реванш и отобрать у нас 1,5 млн. километров нашей территории. Мы укрепляем оборону этого участка нашей страны. Китай проводит широкие военные мероприятия, строит подземные заводы, аэродромы, изготавливает и закупает новое оружие. Мы располагаем данными, что Китай к 1971 году изготовит 45—50 ядерных бомб. Мы не можем ко всему этому относиться равнодушно. Надо, конечно, добиваться заключения договора с Китаем, но самим быть ко всему готовыми».

Выступление Кутакова, члена делегации по ведению переговоров с Китаем. «Западный участок границы имеет 17 спорных пограничных пунктов. На восточной границе 9 спорных участков. Все это усложняет наши переговоры. Мы хотели бы четко знать, как же дальше себя вести нам, нашей делегации на переговорах? На ближайшее будущее, а может быть, и на долгие времена Китай останется нашим сильным и коварным врагом на востоке нашей страны».

Выступление Косыгина. «Главная сложность наших взаимоотношений с Китаем — это идеологический вопрос. Борьба предстоит длительная и упорная, и она с нашей стороны должна быть квалифицированной. Нам пора бы найти форму и спросить китайцев, как они полагают, существует ли договор, заключенный между нашими странами?» С этим вопросом Косыгин прямо обратился к Толстикову. Последний ответил: «Кто заключал, тот и должен знать, а потом, Алексей Николаевич, Вы можете об этом спросить китайцев». Произошло какое-то замешательство, Косыгин промолчал, но, продолжая свое выступление, сказал: «Может быть, провести у нас пресс-конференцию по договору с Китаем?»

Выступление Подгорного. «Линия китайского руководства антисоветская. Вопросы идеологического понимания — это главные вопросы наших взаимоотношений с Китаем».

Выступление Кириленко. «Нам надо находить какое-то решение, хотя это и нелегко сделать, просто скажем, очень трудно. Может быть, необходимо создать комиссию — пусть она подготовит материалы для дальнейшей работы нашей правительственной комиссии на переговорах. Во взаимоотношениях с Китаем надо выработать общую платформу действий с социалистическими странами».

Выступление Суслова. «Нам надо предпринять ближайшие шаги по дальнейшим взаимоотношениям с Китаем. Послать информационное письмо для партийных организаций нашей страны о ходе переговоров с Китаем. Проинформировать и соцстраны о наших переговорах с китайцами и теми трудностями, которые имеются в этом деле».

Выступление Брежнева. «Наши отношения с Китаем, к счастью, не затронули и не сделали ощутимых издержек, связанных с международным коммунистическим движением. Но сложность большая, и нам надо иметь перечень шагов, что мы

должны будем делать дальше во взаимоотношениях с Китаем. Мы должны также отдавать себе ясный отчет, какую цель мы преследуем, ведя с китайцами эти переговоры. Для дальнейших действий во взаимоотношениях с Китаем мы должны иметь свои четкие мероприятия. Обратит особое внимание на работу радиостанций, работающих на Китай, а также на радиопередачи из Китая. Вопросы идеологии, пограничные переговоры, наша военная готовность должны быть всегда в центре внимания».

От обсуждения китайского вопроса остался тяжелый и тревожный осадок. Какая бы была наша большая внешнеполитическая победа и насколько бы мы укрепили свою силу, если бы Китай был вместе с нами!

19 декабря. Возвратился из Москвы в Киев. Провел совещание и сделал информацию секретарям ЦК КПУ по вопросам, обсуждаемым в Москве: о переговорах с Китаем и наших с ним взаимоотношениях; о событиях в Польше; о наших внутренних задачах.

20 декабря. По телефону переговорил со всеми первыми секретарями обкомов партии. Обсуждались вопросы: усиление внимания к вопросам организации труда, заработной плате, бытовым вопросам; обеспечение населения топливом; улучшение общественного питания, работа магазинов, всей торговой сети; улучшение работы транспорта, в особенности городского. Постановили давать разъяснение по провокационным слухам о якобы обмене денег и повышении розничных цен на продукты питания и промышленные товары. Проинформировал о событиях в Польше — они, эти события, дали какую-то встряску и нам.

По всему видно, что 1971 год будет напряженным во всех отношениях, в нем предстоит и много крупных событий, в том числе XXIV съезд партии. Но главное, чтобы он был годом мирным, а в мире так неспокойно. А для нас опасностей много в разных районах мира. На Дальнем Востоке Китай выступил явным пособником действий империалистов. Международный сионизм с огромными материальными средствами и глубокой сионистской идеологией стоит на службе у империалистов, в первую очередь в США. Очень сложный узел Ближний Восток, Африка, Азия. В Европе своя особенность и сложность: тут не прекращаются реваншистские происки, нефашисты поднимают голову все больше и больше. Хотя мы и имеем договор с капстранами Восточной Европы, в том числе и с ФРГ, но мы «цену» этим соглашениям должны знать.

Наши взаимоотношения с соцстранами различные и довольно сложные, идеализировать их недопустимо, на крутых поворотах все возможно. Нам не следует увлекаться «победами» и успехами во внешней нашей политике и международном коммунистическом движении. Мнимые победы могут привести к притуплению бдительности у руководства партии и народа.

История, идеология, правда и справедливость — вот что должно быть для нас свято, на чем мы должны воспитывать народ, подрастающее поколение. Но сколько же всем этим святым мы злоупотребляем! История часто компилируется и фальсифицируется в угоду мелкой политике и отдельным «политиканам», идеология часто ретушируется до состояния ее неузнаваемости, и все это вызывает недоверие.

Люди хорошо знают жизнь, и они никогда и ничего не принимают на слепую веру.

* * *

1971 год. 1 января. День снежный, морозный, по-настоящему новогодний. Был с семьей в Залесье — хорошо с внуками побродили по лесу, покатались на санях, отличные были лошади. Вечером был на вышке, убил кабана.

4 января. Первый рабочий день 1971 года. Дал задание подготовить материалы к харьковской и киевской партийным областным конференциям. Позвонил Погребняк, первый секретарь Николаевского обкома партии, проинформировал о состоянии дел в области. Благодарил за награждение города Николаева орденом Трудового Красного Знамени. Все рабочие города, в особенности судостроители, эту весть восприняли очень хорошо.

5 января. Знакомился с воспоминаниями Н. С. Хрущева. Написано много, больше 800 страниц. По стилю, слогу и изложенным фактам чувствуется, что это писал сам Хрущев. Зарубежная пропаганда всячески пытается этот материал использовать против нас. Авторитет руководителей страны и вся наша система будут подвергнуты аналитической критике. А действительно, у нас немало пороков, и это при нашей неплохой системе. Вся беда в том, что мы часто отступаем от этой хорошей системы. Если бы мы ее строго придерживались, ох насколько было бы лучше и как бы укреплялась вера народа в то, что мы делаем.

6 января. Идет много запросов, даже нареканий в связи с награждением людей по итогам пятилетки. Очень плохо, что

пошли по производственному принципу: все орденские знаки распределили по отраслям. А по некоторым отраслям высокими наградами и награждать некого. Вот и награждаем орденом Ленина заведующего столовой, парикмахера, заведующего магазином, сельпо. А на крупных предприятиях часто директор завода получает орден Знак Почета, а рабочий, проработавший на заводе 30—35 лет, награждается медалью. Получилось не награждение за достойный труд, а распределение орденов и медалей. Теряется значимость награждения. И мы выступали против такой «отраслевой системы», но с нами не посчитались, вот и получается чепуха. И правильно, что идут жалобы и запросы.

Рассмотрел вопросы, связанные с дальнейшим расширением и развитием автомобильного завода «Запорожец». О работе конструкторского бюро по авиационным моторам на Запорожском моторном заводе, о дальнейшем улучшении авиационного моторостроения.

Получил сигнал, что в средней школе № 40 имеется группа клязников, которая терроризирует весь учительский коллектив. Нахально выдают себя за агентов КГБ, этим запугивают людей. При проверке выяснилось, что это довольно темные люди — в прошлом сотрудничали с немецкими оккупантами. Дал задание соответствующим органам навести порядок.

5—7 февраля. Находился в Харькове. Посетил новый моторный завод, фабрики «Кутузовка» и «Украинка», Институт холода. Много увидел интересного. И вместе с тем имеются крупные недостатки в организации труда, обеспечении предприятий сырьем. Много жалоб на нехватку жилья, работу предприятий общественного питания, городской транспорт. Был на областной партийной конференции, очень хорошая, крепкая партийная организация, настоящая рабочая. В этой партийной организации воспитывался и я как молодой коммунист.

8 февраля. В Москве на заседании Политбюро ЦК КПСС рассматривал вопрос: «О директивах развития народного хозяйства на 1971—1975 гг. к XXIV съезду КПСС».

По этому вопросу докладывал Косыгин. Он изложил основные направления и укрупненные цифры по директивам. Особо остановился на вопросах энергетики, топливно-энергетическом балансе, в котором 60% будут занимать газ и нефть. Косыгин сказал, что в стране 15 тысяч решающих счетных машин, они стоят в общей сложности свыше 20 миллиардов рублей, но они не используются, просто стоят — не включены в общую систему управления нашим народным хозяйством.

Далее Косыгин остановился на вопросах развития сельского хозяйства и социально-культурных вопросах. Доклад Косыгина на Политбюро не обсуждался. Выступил только Брежнев. Он сказал, что в представленном материале мы достигли каких-то оптимальных показателей. В какой-то степени воля Политбюро и решение Пленумов ЦК в директивах учтены. Он предлагает «одобрить» директивы. Далее сказал, что пятилетка будет очень напряженная, но для нас это не ново. Затем начали обсуждать формулировку пятилетки, какой придать ей фон, в том числе и по социально-экономическим вопросам. Было поручено провести окончательную редакционную обработку директив и опубликовать их 14 февраля.

Обсуждается вопрос, связанный с предстоящим XXIV съездом КПСС, было решено на съезд пригласить все коммунистические и рабочие партии, кроме Китая, Албании, Австрии и Японии.

Как же быть с Кубой? Предстоящие переговоры с Кубой вызвали оживленный интерес среди членов Политбюро ЦК и руководящего состава Совмина и министерств, но вместе с интересом и определенную озабоченность. Дело в том, что нашу экономику часто отягощают неразумные растраты средств и материальных ресурсов, причем все это делается в ущерб своей собственной экономике и материальным интересам своего собственного народа. В ряде случаев все это делается безрассудно, безрасчетно и безответственно перед своим народом, да и малоответственно с точки зрения государственных интересов.

Куба для нашей страны обходится очень дорого — около 1,5 млн. рублей в день. Действительное же положение на Кубе далеко не такое, как его преподносят нам печать, радио, телевидение. Все это делается в целях пропаганды. Кубинская экономика находится в катастрофическом состоянии, политическая обстановка очень неустойчивая. При таком положении Кубы никто точно не может сказать, чем все это может кончиться. Пока что мы, Советский Союз, Кубу держим на своем полном иждивении. Ежегодно отправляем на Кубу 900 тысяч, а то и миллион тонн хлеба. Это обходится — «одна булка на семью в день». Завозим туда сливочное масло, мясо, картофель, рыбу, лук, растительное масло и другие продукты питания, и это, чтобы прокормить свыше 9 млн. кубинцев. По нашим договорам мы обязаны Кубе дать товаров на 750—800 млн. рублей в 1971 году. Куба нам поставляет товаров на 200 млн. рублей, и то при условии поставки нам сахара по цене 120 рублей за тонну — это в два раза дороже среднемировой рыночной цены. Только на этом мы в год теряем 320 млн. рублей. Куба только неоплаченных нам кредитов имеет на 3,5 млрд. рублей, к 1975 году эта задолженность возрастет до 6—7 млрд.

рублей. А общая задолженность по всем странам, которым мы помогаем — это главным образом страны Индокитая, Ближнего Востока, Латинской Америки, африканские страны, Куба, — составляет свыше 35 млрд. рублей. Какая экономика все это может выдержать? В вопросах экономической помощи Кубе мы потворствуем, по многим вопросам кубинцы ведут себя просто безответственно, а мы не найдем мудрости, смелости, благоразумия и в конце концов нашей гордости остановится на каких-то рубежах, осмотреться, что же мы делаем, к чему это все ведет и может еще привести, и ради чего все это делается?

Прошло более 13 лет, как установилась на Кубе личная власть Фиделя — никаких организационных, конституционных, правовых реформ в стране не проведено. Партия, ее органы совершенно недемократичны, а назначены Ф. Кастро. Он до сих пор ходит и разъезжает по своему Острову свободы в военной форме, с пистолетом на боку, разъезжает на джипах, с многочисленной охраной автоматчиков. Выступает по 5—6 часов подряд, как правило, трудно определить его настоящее политическое кредо и идеологическое лицо. Хотя у нас кое-кто, и в первую очередь наш «идеолог» М. Сулов, успел Ф. Кастро «окрестить» марксистом-ленинцем. Как это все делается легковерно и легкомысленно, с огромной политической слепотой!

Мы говорим, что Куба — это наша социалистическая база, революционный оплот всего в 90 милях от США. Наивные рассуждения. «Карибский кризис» показал всю несостоятельность таких суждений.

США с Кубой могут расправиться в течение 5—6 часов, но они сейчас не хотят этого делать, им невыгодно нарушать с нами договор по Кубе. США за Кубу сделают свой реванш на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Не исключено, что первый удар будет нанесен по Чили. Вопрос Кубы очень сложный, трудный, много неясностей, а перспектива к лучшему покрыта густым туманом. Все эти и другие вопросы высказывались на Политбюро ЦК КПСС.

Брежнев, пытаясь найти «козла отпущения» в вопросах взаимоотношений с Кубой по экономическим вопросам и задолженности, в своем выступлении обрушился на Минвнешторг.

Патоличев в спокойной и довольно убедительной форме дал справку. Он сказал: «Внешняя торговля должна быть коммерческой торговлей, а не благотворительной миссией и «скорой помощью» в экономических вопросах. И мы сами (Министерство внешней торговли) без решения ЦК и правительства ничего не делаем. Всякая экономическая «помощь» должна проводиться через другие каналы. Что касается Минвнешторга, то

оно за пятилетку дало стране 36 миллиардов рублей прибыли». Все сказанное Патолитчевым Брежнев молча «проглотил», и это вызвало даже какое-то замешательство.

12 февраля. Позвонил мне Капитонов, просил развернутые данные на В. И. Дрозденко и характеристику на него, при этом сказал, что есть такое мнение забрать его на дипломатическую работу — послом. Куда, еще окончательно не решили, но, вероятно, в Румынию. Просил прислать Дрозденко в ЦК КПСС для беседы. Жалко отпускать Дрозденко, да он и сам расстроен этим «известием», просится остаться на Украине на любой работе, не хочет уезжать. А что я могу сделать? Тем более чувствую, что в отношении его линия занята «специально»: продолжается болезнь мнительности Брежнева, боязнь того, чтобы не допустить блокировки молодых кадров с В. Семичастным и другими молодыми, энергичными кадрами, хотя все это надумано от страха. Нельзя же жить без общения с близкими людьми и товарищами по работе. Везде проявляется «особая настроенность».

13 февраля. Доложили по школе № 40. Интриганам, терроризировавшими коллектив, оказались грязные люди — Лазаренко и Волкова, последняя сотрудничала и сожительствовала с немецкими офицерами, была у немцев переводчицей. Теперь в школе преподает немецкий язык. Лазаренко тоже какой-то проходимец, выдававший себя за сотрудника КГБ. И вот такие «люди» воспитывают наше молодое, подрастающее поколение. И сколько еще есть таких фактов.

14 февраля. Мой день рождения — вот и «стукнуло» 63. Немало, но чувствую себя неплохо. Получил много поздравлений от друзей, знакомых и многих людей, которых я лично не знаю. Из Москвы получил поздравления от Брежнева, Косыгина, Подгорного, Полянского, Андропова, Кулакова и других товарищей по Политбюро и ЦК. Мой день рождения вечером хорошо отметили в кругу семьи и близких товарищей и знакомых.

Вышла из печати моя книга «Украина наша советская». Первые отзывы неплохие. Да объективные и разумные люди по-другому и не могут отнестись к этому. Не претендую на что-то особое, но то, что она в идейном, партийном, историческом плане отвечает действительности и истине, этого не отберешь. (Хотя истину и нельзя отобрать, но извратить ее при желании можно, что впоследствии и было сделано с моей книгой).

15 февраля. Принял Патона. Состоялся крупный, обстоя-

тельный разговор, до некоторой степени не совсем приятный, но он нужный и неизбежный. Я Патону высказал все претензии, связанные со снижением развития науки в республике, и тем, что с его стороны нет должной защиты интересов развития фундаментальных наук. В кадровой политике делается ставка на совсем не тех людей. Честные и настоящие ученые, такие, как Пасичник и другие, отстраняются и игнорируются в науке. Сказал Патону, что иногда бывает «научный террор», с которым нелегко бороться, что с его стороны замечается пренебрежительное отношение к некоторым работникам ЦК, в частности, к секретарю ЦК Овчаренко. «Вы заявляете: «В ЦК в науке никто не разбирается». Вы внешне ведете себя неплохо, но у Вас имеются нотки неискренности перед ЦК. Вы потворствуете разным кулуарным разговорам о кадровых перемещениях в республике. В Академии наук мало ответственности за работу академических институтов. Грубое Ваше отношение с подчиненными граничит с зазнайством». Разговор проходил довольно спокойно, но, конечно, был не из приятных.

Затем вместе с Патонем Б. Е. обсудили ряд практических вопросов: о создании пяти научных центров по зонам Украины и создании шести специальных институтов в научных центрах. О дополнительных выборах целевым назначением в Академию наук — 10 человек академиков и 24 человека членов-корреспондентов.

17 февраля. В Житомире на заводе щитоавтоматики 250 рабочих отказались от работы, по существу — забастовка. Причина: неразумные действия администрации завода в вопросах пересмотра норм выработки. Дал задание срочно принять меры, провести с рабочими спокойную беседу, исправить положение дел, не применять к рабочим никаких административных мер воздействия.

19 февраля. В 10 часов утра в Октябрьском дворце открылась XV областная партийная конференция Киевщины. Предстоит мое выступление. Здесь буду избираться делегатом на XXIV съезд КПСС и КПУ. Конференция прошла организованно, выступления тоже были неплохие. Очень неудачно выступил Козаченко, пришлось подправлять, и основательно, воспринято хорошо.

24 февраля. Выехал в Залесье для встречи с представителем КГБ СССР Ю. В. Андроповым. Он специально приехал в Киев по заданию Брежнева, а заодно и на республиканское совещание КГБ. Но совещание было прикрытием. С Андроповым мы много говорили по общеполитическим вопросам, о состоянии

дел в партии, стране. Андропов приехал явно с заданием выяснить мои мысли и позиции перед съездом партии. Мне было известно, что еще тогда Брежнев замыслил переместить меня на другую работу: на Украине я ему очень сильно мозолил глаза. Несмотря на все это, в разговорах с Андроповым я откровенно высказал свои соображения, в том числе и недостатки в стиле руководства центра. О Брежневе сказал, что его всячески надо поддерживать, но нельзя на Политбюро устраивать беспредметную говорильню, «базар» — надо начатые дела доводить до конца, более предметно и глубоко заниматься экономикой собственной страны. Может быть, я говорил резко, но зато правду, и я уверен, что содержание и даже подробности нашего разговора Андропов передаст Брежневу, но ведь для него это не будет новостью — я ведь сам об этом говорил Брежневу, и не один раз. В общем, беседа с Андроповым прошла хорошо, но чувствую, что она для меня даром не пройдет.

9 марта. Был в Москве в ЦК КПСС у Кириленко, а затем выехал в Завидово к Брежневу. Вместе с ним обсудил все вопросы, связанные с предстоящим съездом КПУ, оставил ему для ознакомления и возможных замечаний мой доклад на съезде КПУ. Согласовал вопрос об увеличении состава ЦК КПУ на 36 человек, в том числе до 15 членов Политбюро ЦК КПУ. Доложил персональный состав ЦК, вот тут и зашел вопрос о Семичастном. Я Брежневу сказал, что Семичастный является первым заместителем Председателя Совмина. Брежнев на это мое замечание промолчал, только сказал: «Да не все же заслуживающие этого могут быть членами ЦК».

Рассмотрели состав членов и кандидатов Политбюро ЦК КПУ. Я предложил ввести кандидатом в члены Политбюро Салманова, командующего Киевским военным округом, так уже было у нас заведено. Брежнев отрицательно отнесся к этому и сказал: «Еще молодой, новый, надо присмотреться». Почему-то очень интересовался кандидатурой первого секретаря Донецкого обкома партии Дегтярева. Я дал вполне заслуживающую положительную характеристику Дегтяреву и тут же спросил, о чем идет речь. Ответ Брежнева был: «Да мы на него имеем некоторые виды». Но тут же вроде бы в «шутку» сказал: «Нет, пусть останется, хоть один будет первый секретарь русский». Я тут же ответил Брежневу, что у нас в республике 70 национальностей, и мы никогда не делим, тем более коммунистов по национальностям. А что касается русских, то, как вы видите, их в этом составе ЦК КПУ находится 40%, а среди первых секретарей обкомов партии 6 человек русских — это

Андреев, Всеволожский, Дегтярев и ряд других. Среди руководящего административного состава республики русских 58%.

Я откровенно сказал Брежневу, что часто национальный вопрос мы, руководители, создаем сами. Это вопрос гнилой интеллигенции и некоторых чересчур «идейных деятелей». Простой рабочий народ этого вопроса не чувствует, ибо для него такого вопроса нет. Неумная постановка этого вопроса может только разжигать рознь между народами, а это только на пользу нашим идейным врагам. Брежнев все это мной сказанное выслушал и, очевидно, поняв, что наговорил много лишнего и неправильного, тут же примирительно сказал: «Это я так просто сказал, что за национальным вопросом надо смотреть». Я сказал на это, что за всем надо смотреть. На этом наш разговор был закончен, но все же все вопросы, связанные со съездом, я согласовал.

16 марта. Позвонил в Москву. Переговорил с Брежневым по всем вопросам проведения съезда, в том числе и по кадровым. Доложил Брежневу, что все члены Политбюро ЦК КПУ высказались за кандидатуру Погребняка и Сологуба. Брежнев наконец согласился с нашими предложениями и пожелал успехов в работе съезда.

В этот же день переговорил по телефону с Подгорным. Разговор был хорошим, откровенным. Он не разделяет мнения о «социальном крене» в кадрах по русскому вопросу, даже отрицательно отнесся к этому, при этом сказал, что этот вопрос кем-то муссируется и создается специально. Он отрицательно высказался по вопросу выпуска моей книги «Украина наша советская». Он прямо сказал, что в такой обстановке не надо было этого делать, потому что некоторые «деятели» на этом подыгрывают, и основательно. Подгорный пожурил меня за то, что я, будучи в Москве, не зашел к нему, даже не позвонил, я и сам признал, что это было с моей стороны ошибкой и нетактично. Фон мне перед съездом создали довольно сложный. Я от всего этого страшно устал, и это не может не сказаться на состоянии моего здоровья.

Переговорил с Шелепиным по вопросу Клименко и Сологуба. Он согласился, а что ему оставалось делать?

21 марта. Был в Москве со Щербицким. Ляшко был у Брежнева на приеме, много сложных вопросов. Брежнев опасается обструкции в его личный адрес на предстоящем Пленуме ЦК КПСС. В разговоре с нами он, по существу, добивался поддержки, ведь от Украины многое зависит. По всем вопросам

договорились. Мы выразили свою поддержку ему при любой ситуации. Брежнев после беседы с нами оживился.

22 марта. В Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК КПСС, но с самого начала был так «заорганизован», что ни о какой «вылазке», как говорилось, не могло быть и речи. Все бралось на «ура» — кто громче, тот «активнее», а «ура» кричать у нас любителей и мастеров, к великому сожалению, немало. Ведь просто и безответственно, ни о чем думать не надо, за тебя уже все продумано — только громче кричи «Правильно!» — и ты в активе и замечен начальством. После Пленума Брежнев просто воспрял, его даже не узнать, появился особый гонор.

Работал над замечаниями по докладу Брежнева к XXIV съезду КПСС. В докладе очень сильный упор на раздел о благосостоянии народа. Можем ли мы все сделать, о чем идет речь? Не может ли показаться, что это заигрывание с народом, а впоследствии вызовет разные толкования? По вопросам производительности труда сказано очень слабо: «Что сделаем, то и распределять будем». Очень нечетко и глухо звучит. В докладе сказано, что за время между съездами из рядов партии исключено 300 тысяч человек, стоит ли об этом говорить? Может быть, лучше сказать о росте рядов партии, а одновременно и о том, что мы очищаемся от балласта, не оглашая цифры.

О скрытых повышении цен на товары народного потребления не стоит говорить, уйти лучше от этого вопроса, иначе не будет понятно, как это при нашем планировании, организации хозяйства могут быть скрытые повышения цен, это бы значило, что мы не владеем положением дел в нашей экономике и финансах. Много и довольно назойливо говорим о преимуществах социалистической экономики и кризисе капиталистического хозяйства. А в адрес капитализма мы столько говорим проклятий, что если бы наши слова оправдались хотя бы на одну тысячную долю, то капитализм давно бы уже погиб.

24 марта. Почти всем составом Политбюро ЦК КПУ были на киностудии имени Довженко, просматривали кинофильм «Білий птах з чорною ознакою». Фильм сделан хорошо и заслуживает внимания, безусловно, будет воспринят зрителем хорошо и получит высокую оценку специалистов и даже, возможно, будет отмечен. Сказал Добрику, что по вопросу оценки фильмов есть кому заниматься и без него.

Не совсем понятно поведение Щербицкого: он два раза принимал профессора Никольского по вопросам краткого курса

истории КПУ. Известно, что Никольский занимает по многим вопросам освещения истории КПУ неправильную позицию, подчас с большим шовинистическим душком. По этому вопросу переговорил со Щербицким: крутится, как вьюн на сковородке, не прямой и далеко не честный он человек, просто продажный.

30 марта. Кремль, Дворец съездов. Открылся XXIV съезд нашей партии, событие огромной политической важности. Съезд открыл Н. В. Подгорный. Весь первый день съезда был посвящен докладу Брежнева. Изложен был доклад хорошо, правда, во многих местах не обошлось без ненужных эмоций и напыщенности, но такова манера докладчика. Съезд продолжал свою работу до 8 апреля. В докладе и решениях съезда взяты большие планы и обязательства, выданы большие политические и экономические векселя по социально-экономическим вопросам, росту материально-бытовых условий народа нашей страны. Сумеет ли все это выполнить, чтобы наконец оправдаться надежды трудового народа? Мы уже принимали Программу партии по социально-экономическим вопросам на XXII съезде. Многие теперешние руководители голосовали за нее, рукоплескали ей. Теперь об этой программе постыдно и даже смущенно умалчиваем, ведь надо же нести за нее ответственность, не хватает для этого смелости открыто все сказать народу, что произошло. Нашли «лучший» способ — втихомолку все свалить на «волюнтаризм» Хрущева.

На второй день съезда дали мне слово для выступления. В своем выступлении доложил съезду о работе Компартии Украины за отчетный период. О достигнутых успехах в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, культуре, науке. Сказал о наших недостатках и недоработках. Поставил некоторые вопросы, заслуживающие особого внимания, в частности, о росте производительности труда, о развитии железнодорожного и автомобильного транспорта и о строительстве автомагистральных дорог, о развитии энергетической базы республики, о незаслуженном забвении и ошибке в развитии угольной промышленности и особенно Донецкого угольного бассейна. Был поставлен и ряд других важных вопросов. Выступление было спокойное, убедительное, съездом воспринималось хорошо.

Съезд прошел хорошо, организованно, обидно, что среди военных, которые вошли в состав ЦК КПСС, в голосовании большой разницей. На съезде больше всего против голосов получили Воронов и Шелепин (по 36 голосов), этого не могло быть без определенной «проведенной работе» с ведома и согласия Брежнева. Получил и я два голоса против, как это произо-

шло, трудно сказать, одно только ясно, из счетной комиссии Добрик мне сказал, что по всему видно, что зачеркивали фамилию Шелепина, краем задели и мою. В счетной комиссии так и посчитали, но когда доложили «начальству», то оставили так как есть, решили по-иному, чем думала счетная комиссия. Этим «перекрыли» другие вопросы. Брежнев, по подсчетам «комиссии», не имел ни одного голоса против, но это не так, ибо бюллетени посчитали недействительными, а против были. Ну что ж, так «надо» держать авторитет.

Состоялся Пленум ЦК КПСС, избрали Политбюро ЦК КПСС из 15 человек, добавили до прежнего количества 4 человека, в том числе и Щербицкого, со мной по вопросу избрания Щербицкого разговора не было. В кулуарах много было разговоров якобы о моем переходе после съезда работать в Москву. Причем этот разговор был в разных вариантах, но со мной на эту тему никто не вел разговора, хотя я чувствовал, что вокруг меня происходит какая-то возня. Избрание Щербицкого в состав Политбюро — это сигнал не в мою пользу, хотя Брежнев это и прикрывает значимостью республики, но ведь республика всегда имела свою значимость, а такого не было, чтобы в составе было от республики два человека в Политбюро членами. Ну что ж, посмотрим, что будет дальше. Брежнев совсем осмелел, начинает проявлять «вождизм», и со стороны все это выглядит очень смело, но и печально. Повторяется все сначала, за что критиковали Хрущева.

16 апреля. Под Киевом, в районе хутора Быковня, в лесу обнаружено 200 могил-холмиков с останками захоронения. При вскрытии могил принимали участие и делали заключение судмедэксперты. Они установили, что в этом месте было расстреляно не менее 500 человек, в том числе мужчины, женщины, подростки. Имеются следы насилия, многие были расстреляны со связанными руками. Было вместе с останками обнаружено много личных вещей: металлические кружки, ложки, расчески, кошельки, сумки, некоторые безделушки. Был лично на месте — жуткая картина человеческой трагедии. Следственные органы ведут расследование, кто эти несчастные, когда это произошло и кто виновник этой трагедии. Многие вещи с иностранными марками и клеймами. Сделали перезахоронение, вырыли экскаватором общую могилу, сложили в большие деревянные ящики, вот так и захоронили — просто зарыли. Кто эти люди, за что их казнили и кто казнил, пока ничего не известно, но ведь можно найти следы и этого преступления.

17 апреля. Прошел партийный актив Киевской области

и Киева по итогам работы XXIV съезда КПСС. Я делал доклад. Все прошло хорошо. До меня дошли слухи, что среди интеллигенции, в особенности творческой, ходят «тревожные» слухи в связи с якобы моим уходом на работу в Москву. Многие высказывают опасение, что если это произойдет, то для интеллигенции будет плохо, да я и сам в этом уверен. Пройдет разгул необоснованных обвинений и притеснений. Ведь чтобы сдерживать все несправедливости и отметить их, надо на себя брать определенную ответственность. А кто ее на себя возьмет из этого состава «претендентов» на руководство республикой?

22 апреля. День рождения В. И. Ленина, всесоюзный субботник, все члены Политбюро, руководство города и Дарницкого района были на субботнике на территории: очистка парка, посадка деревьев. Все прошло хорошо.

А вечером в тот же день встречали и провожали на Киевском вокзале Брежнева. Он с делегацией едет на съезд Болгарской компартии. От Украины в составе делегации Щербицкий, вот и начал его Брежнев приобщать.

18 мая. В зале Верховного Совета в 11.00 открылся съезд писателей Украины, присутствуют все члены Политбюро ЦК КПУ. Мое выступление и оглашение приветствия съезду от ЦК КПУ заняло 45 минут. Открытие и выступления прошли хорошо.

Вечером рассматривал почту, имел разговор с товарищами по работе. Имел крупный разговор с секретарем ЦК КПУ Титаренко, последний заявил, что он не подписал и не подпишет постановление Секретариата ЦК КПУ по поводу рекомендации Д. Павлычко в состав Секретариата Союза писателей Украины. Я с ним откровенно повел разговор. «Что это значит? — спросил я его. — Какой вы специалист в области литературы? Чье это влияние?» Выяснилось, что «влияние» это было «днепропетровцев», тупого и обозленного Ватченко и ограниченного Грушецкого. Разъяснил Титаренко его ошибочное поведение.

19 мая. Получил постановление ЦК КПСС — утверждена делегация от КПСС на XIV съезд КПЧ. Состав делегации: Брежнев — глава делегации, Гришин (Москва), Шелест (Украина), Катушев, секретарь ЦК КПСС, Рябов (Свердловск), Червоненко — посол в ЧССР. Позвонил мне в тот день же Брежнев и сообщил о включении в состав делегации, также о том, что предстоит поездка в Братиславу, и туда он не собирается лететь, и что, очевидно, мне это сделать придется. (Брежнев просто боялся возможных эксцессов в Братиславе — он ведь очень из «храбрых» и жидок на расправу).

24—29 мая. В Праге 25 мая открылся XIV съезд КПЧ. Весь день слушали доклады Гусака и Яшика. На второй день работы съезда был заслушан доклад Штроугала. В этот же день, во второй половине, выступление главы делегации КПСС Брежнева. В своей основе выступление было неплохим, но чересчур напыщенным, и нравоучительным.

На заводе состоялся митинг, присутствовало 5—6 тысяч человек. Выступление Брежнева слушали внимательно, но реакция была разная. Охрана всех мероприятий была особенно усилена. В Братиславу так никто и не поехал — опасались инцидентов, а может быть, и большего.

Под вечер 27 мая Гусак, Свобода, Брежнев пригласили меня и выехали в «Ланы» на охоту, правда, больше разговаривали и пили, чем охотились. Поздно вечером возвратились в Прагу. Свобода был очень доволен «удачной охотой».

28 мая съезд продолжал работать. Брежнев решил «блеснуть» новой техникой — показать съезду новый самолет Ту-144. В Прагу прилетел опытный образец самолета, сделали перерыв на съезде. Все вышли на улицу, специально объявили, что будет демонстрироваться новейший самолет Советского Союза. Самолет на довольно низкой высоте прошел над Прагой, над зданием, где проходил съезд. Продемонстрировали новейшее достижение авиационной техники — это было сделано хорошо, эффектно, но после этого самолет еще больше десяти лет доводили до «кондиции».

29 мая. Закрытие работы съезда, и в тот же день после грандиозного приема наша делегация вылетела в Москву. Я у Брежнева отпросился из Праги и своим самолетом вылетел прямо в Киев. При встрече я прямо в здании аэропорта проинформировал членов Политбюро ЦК КПУ о прошедшем XIV съезде КПЧ, о трудностях экономического и политического порядка. Высказал мнение, что чехи нам не скоро забудут и простят 21 августа 1968 года, да и вообще забудут ли и простят ли когда-либо, ибо все это вошло в историю не как наша политическая победа. А людям можно толковать что угодно и как угодно, но настоящая история лжи не признает.

8—15 июня. Командировка в южные области. Посмотрел поля, встречался со многими людьми разных профессий, у людей много интересных мыслей и предложений.

10 июня. По поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил орден Ленина судостроительному заводу, на следующий день — херсонскому совхозу «Бильшовьский наступ».

Хозяйство в степной и засушливой полосе области выращивает урожай озимой пшеницы по 40—45 центнеров с гектара, очень культура земледелия высокая, хозяйство организованное. Осмотрел и познакомился с ходом строительства Каховского оросительного канала. Посетил «Легендарную тачанку» — грандиозное сооружение, чудесно сделано, как монументальный памятник. Я лично доволен тем, что в свое время взял на себя смелость и ответственность за сооружение «Легендарной тачанки». Руководствовался принципом: делаем все это в память погибших в боях за освобождение Таврии, делаем для наших потомков на века.

13 июня отдыхал на о. Бирючем, чудесное место, хороший был отдых, со мной был старший сын Борис.

Дал задание срочно создать комиссию по учету и сохранности больших исторических ценностей и богатств, обнаруженных при раскопках скифских могил в Днепропетровской области в Орджоникидзевском районе. Много обнаружено золотых украшений, изумительной чеканки.

27 июня вылетел в Москву, где должно быть заседание Президиума Верховного Совета, а 29 июля открытие съезда писателей Союза СССР, где присутствуют все члены Политбюро ЦК КПСС.

30 июля в 6 часов утра сообщили о трагической гибели космонавтов: Добровольского, Волкова, Пацаева. Очень жалко ребят. Они выполнили задание, были в космосе 24 суток и при спуске погибли: произошла разгерметизация гондолы приземления. Приземлились они уже мертвыми. Космос требует еще много жертв. На Политбюро обсуждали вопрос гибели космонавтов. Чувствуется отсутствие Королева, нет должного порядка. А кто ответит за эти прекрасные молодые жизни? Нет ответственного, как и во многих делах в стране.

Новая забота — сборные дома показали себя в эксплуатации очень плохо: дают большую течь в местах стыков, и ветер их просто продувает. Много жалоб идет в ЦК КПУ. Дал задание продумать вопросы резкого улучшения качества выпускаемой продукции на ДСК. Очевидно, придется перейти на новые формы работы, изыскать новые изоляционные материалы.

Заведующий отделом химической промышленности ЦК Авилов докладывает, что Совмин УССР безответственно отнесся к поручению ЦК по подготовке предложения по производ-

ству изоляционной пленки для Каховского канала и лавсановых фильтров для процеживания молока. Страшные тугодумы и безответственные люди! Снова придется вести крупный разговор со Щербицким.

Позвонил мне Косыгин А. Н., сообщил, что по моей просьбе выделяют нам 400 тонн сырья для производства пленки для изоляционных работ на Каховском канале.

4 июля. Позвонил в Москву, в ЦК КПСС, переговорил с Черненко К. У. Уточнил, что отпуск по графику членов Политбюро мне предоставляется с 25 июля. Я попросил Черненко ускорить выпуск постановления ЦК и Совмина по развитию угледобычи по Донбассу.

Происходит раскопка кургана у Николаева, обнаружено свыше 1000 наименований золотых вещей скифских времен, надо принять меры к сохранности их и оприходовать в фонд республики.

Поднимается снова вопрос профилактики и борьбы с венерическими заболеваниями и тулячеством. Сделал поручение соответствующим инстанциям дать предложение и разработать мероприятия.

5 июля. Внимательно рассмотрели вопрос о строительстве в Киеве радицентра — сильно в этих вопросах мы отстаем. На кинофестивале в Москве фильм студии имени Довженко «Білий птах з чорною ознакою» получил первую премию. После этого чего стоит шумиха безграмотных Грушецкого, Ватченко и других «деятели»? Дал задание тщательно подготовиться к совещанию в ЦК КПУ по идейно-теоретическим вопросам. Очень слабо у нас эти вопросы разрабатываются, а в печати часто освещаются примитивно, что вызывает путаницу и даже идейный разброд.

20 июля. Надо провести серьезную подготовку к предстоящему идеологическому совещанию, ибо вопрос довольно сложный. В идеологической работе много формализма, а еще больше самонадеянности в том, что все, что мы говорим, воспринимается всеми беспрекословно. Нельзя нашей пропагандой, идеологией непрерывно и назойливо поучать человека, поглощать его индивидуальность. Ведь от этого пользы мало, а вред может быть огромный, причем он скажется позже. Нельзя жить девизом: «Не мудри, а делай то, что тебе велено».

22 июля. Очень беспокоит чистота и грамотность украинского языка. В него много проникает западно-европейского «суржика». Украинский язык со временем может потерять свою чистоту, певучесть, глубину, колорит. Дано задание продумать предложения по этому вопросу, возможно, надо посоветоваться с учеными, филологами, языковедами, писателями, пусть они выскажут свое мнение и предложения, как уберечь прекрасный украинский язык от засорения.

Сентябрь 1971 года. Позвонил мне в Крым Брежнев. Поинтересовался ходом хлебозаготовок и сельхозработ, затем пригласил под Москву, в Завидово, на 4—7 сентября на утиную охоту. Прилетел в Москву. Погода стоит холодная, дождь.

На охоте были Брежнев, Подгорный, Гречко, Машеров, наезжали Полянский и Демичев. Много говорили обо всем, меньше всего о делах. Много пили. Охоту эту для начальства организовал Гречко, ведь Завидово — это хозяйство Гречко. После первого дня охоты, вечером, когда за столом изрядно выпили, Брежнев пригласил к столу какую-то девушку — все время лизался ей и буквально распустил слюни, а затем исчез с ней на всю ночь. На второй день охоты Брежнев взял к себе в лодку свою ночную спутницу. Подобные «эксперименты» он повторял каждый раз, на любой охоте. Каждый раз было противно смотреть на этот ничем не прикрытый разврат. А что скажешь? И кто может об этом сказать? Между собой ведем разговоры. Гречко с «благословения» Брежнева нам с Машеровым подарил хорошие охотничьи финские костюмы.

Вечером 7 сентября я вылетел в Киев, а 9 сентября приступил после отпуска к работе.

Иринка собралась поехать в Англию, но по линии КГБ Крикун и Чебриков из Москвы сообщил, что ехать нельзя, не рекомендуют, возможны, как они говорят, провокации. Истинная ли это причина, неизвестно, но жаль, что Иринка не побудет в Англии. Во всяком случае, при такой ситуации дал отбой с поездкой.

На 78-м году трудной и сложной, но вместе с тем и интересной жизни скончался Н. С. Хрущев. По-человечески мне его жалко. Он был честный, добросовестный человек, неплохой руководитель, преданный коммунист. Много сделал позлonych дел для народа, хотя многое и недорабатывал. Но он искренне стремился, старался, болел за дело. В большой политике, как и в самой жизни, много иллюзий, и Хрущев иногда увлекался. Но он честно служил своему народу и партии. В том, что так

случилось с ним не только он, и прежде всего не он один, виноват. Ведь в политической деятельности отвечает не только тот, кто ведет, а и те, которые позволяют себя «вести». В политике, тем более в большой политике, всегда происходит самая утонченная ложь и обман, а в борьбе за власть часто ближайшие соратники идут на интриганство, лесть, обман, искажение истины и даже преступление, как было с Хрущевым. Почему с ним так поступили, история еще об этом скажет свое слово.

12 сентября. Состоялся телефонный разговор с Брежневым по ряду вопросов. В ходе разговоров Брежнев задал мне вопрос, давать ли сообщение от ЦК КПСС и Совмина СССР в связи с кончиной Н. С. Хрущева. Чувствовалось, что в этом вопросе он сомневается. Кто-то его сбивает. Можно почти с уверенностью сказать, что это была работа Сулова — он ведь недалекий, черствый и мстительный человек. И если бы Хрущев еще хотя бы немного времени задержался на своем посту, то он убрал бы Сулова: ведь он ему цену знал отлично.

По разговору чувствовалось, что и сам Брежнев не очень был склонен давать такое сообщение в печати от имени ЦК КПСС и Совмина. Я высказался однозначно за сообщение от ЦК КПСС и Совмина. Также сказал о том, что Хрущев заслуживает похорон у Кремлевской стены. На мое предложение Брежнев категорично высказался против, при этом заявил: «Как нас поймут?» Да, вот именно, как нас поймут? А дело ведь не в понимании, а в желании самого Брежнева, а он явно не хотел этого.

Часто в наших средствах массовой информации неправильно, искаженно представляется наш рабочий класс, которого якобы целиком поглощает труд. Это клевета на рабочего человека. Не может человек труда жить одним производством, одним трудом. Если бы так, то тогда труд поглощал бы все его духовные качества и потребности. Ведь рабочий живет не единым хлебом. Человек по своей природе является художником, творцом. Он вносит в жизнь красоту, а красота неотъемлемая от глубокого знания жизни и окружающей среды.

13 сентября. С секретарями ЦК КПУ рассматривал вопросы: о работе Президиума АН и работе отдельных институтов Академии наук, некоторые из них малоэффективны. Обсуждался вопрос о создании Комитета по науке в республике — это диктуется самим делом. Но ведь этого вопроса без Москвы мы решить не можем, а там навряд ли поймут постановку этого вопроса правильно. Того и смотри, получишь обвинение в «исключительности». Рассказал секретарям ЦК КПУ о моих

впечатлениях от встречи и с Параджановым. Я сказал, что он немного с «вывихами», но безусловно талантливый человек. А какой талант был без странностей и «вывихов»? Надо над каждым талантливым человеком кропотливо работать, направлять его ум, энергию в нужное русло, а не отвергать все и бить наотмашь. К сожалению, в искусстве, науке, технических изобретениях у нас часто бьют, и таким отношением к творческой работе мы наносим огромный вред. Пользы не извлекаем никакой.

Плохо мы изучаем и на практике применяем огромный опыт и наследие педагога Макаренко. Вызывает беспокойство постановка воспитательной работы в детских домах. Дал задание по всем вопросам подготовить предложения.

14 сентября. В Крыму намечается встреча Брежнева с канцлером ФРГ с Вилли Брандтом. Брежнев буквально рвется к этой встрече, возлагает на нее самые радужные надежды. Известно, что все политики страдают большим честолюбием, а их дела не всегда диктуются разумом. В азартной политической игре задача умного политика не потерять меру реальности. Зрячий, но не желающий видеть реальные вещи — дважды слепец, а его домыслы, иллюзии, фантазия могут в определенный период обернуться в трагедию для народа и страны. Я дал задание первому секретарю Крымского обкома партии Кириченко все тщательно просмотреть и подготовиться к встрече Брежнева в Крыму.

18 сентября. В Крыму закончилась встреча-переговоры Брежнева и Брандтом. Подписано коммюнике, и, как всегда, много шумихи вокруг этого «исторического» события. А шум поднимаем преждевременно. Политическое лицо Брандта является не вполне ясным, Брежнев же в особом восторге от этой встречи. Он считает себя непогрешимым, а чувство интуиции, как он говорит, ему правильно подсказывает. Но ведь интуиция, тем более в политике, всегда может обмануть.

5—12 октября. Находился в ГДР с парламентской делегацией. Утром 5 октября делегация вылетела в Берлин, и в этот же день была встречена в Народной палате. 6 октября участие и выступление на торжественном заседании, посвященном 22-й годовщине образования ГДР. Все прошло хорошо, но над своим выступлением пришлось основательно поработать. Московский вариант был сухой, сугубо официальный, просто «дубовый». 7 октября — ознакомление и осмотр Берлина, его новостроек, осмотр пограничной стены от Западного Берлина. Посетили

телебашню и осмотрели с нее весь город, как восточную, так и западную часть Берлина. Очень сложна жизнь этого города. В нем живет один народ, одна нация, а по-разному. Мне кажется, что так долго продолжаться не может. Берлин всегда будет камнем преткновения, яблоком раздора политических игр и интриг. Рано или поздно, но проблема Большого Берлина должна решаться. Но как это сделать, на какой основе, пока что трудно себе представить и предположить.

8 октября машинами отбыли в Дрезден, где состоялся большой митинг дружбы. Пришлось выступать. Затем посещение района жилого строительства и школы с преподаванием русского языка. Конечно же, посещение, осмотр и ознакомление с Дрезденской картинной галереей. **9 октября** посетил сельскохозяйственный кооператив. Организация и порядки отличные, высокая культура земледелия, урожаем собирают по 45—50 центнеров с гектара. Животноводство тоже на высоком уровне. Оплата работников кооператива высокая — в среднем работник получает в месяц 200—250 марок.

В этот же день побывали в нашей группе войск. Осмотрели технику, посетили танковое подразделение, познакомились с жизнью и бытом солдат и офицеров. Встретился со многими знакомыми, в том числе с Андреем Лукьяновым — он тут проходит службу в качестве офицера. Оказалось, в войсках здесь много земляков. Все прошло отлично.

10 октября осмотрели достопримечательности «Саксонской Швейцарии» — изумительно красивый уголок, чудо природы. Много желающих посетить эту часть Германии, но немцы и умеют показать. 11 октября Хонеккер в ЦК СЕПГ принял всю делегацию. Беседа прошла довольно оживленно. Во второй половине дня я один поехал за город посетить Ульбрихта и Штофа. Оба они болеют. По всему видно, что Хонеккер не с большим желанием дал согласие на мое посещение Ульбрихта. Оба они, Штоф и Ульбрихт, обрадовались моему поезду. Штоф уже выздоравливает, а Ульбрихт еще тяжело болен. Ульбрихт особенно обрадовался моему приезду, даже проследил за стариком. Я ему передал привет и наилучшие пожелания от Брежнева и Подгорного. Он искренне поблагодарил. В ходе беседы с ним Ульбрихт жаловался на притеснение его «молодыми». Они не считаются ни с каким его опытом и заслугами. Ульбрихт сказал, что он по этому вопросу написал письмо Брежневу, но от него даже ответа не получил, не то что какой-либо помощи. Раньше этого не могло бы быть. Продолжая беседу, Ульбрихт сказал, что Брежнев начинает страдать признаками зазнайства. Просил меня переговорить с ним по ряду

вопросов и просил дать ответ на его письмо. Главный же вопрос — это его место в связи с предстоящими выборами в Народную палату. Ульбрихт при этом сказал, что если мы не поможем, то он окажется за бортом. Ульбрихт надеялся скоро поправиться и в новом составе занять пост Председателя Госсовета. На деле Ульбрихт физически слаб и угнетен морально. Жена Ульбрихта Лота всячески поддерживает мужа, но она очень обозлена за несправедливость на новое руководство, а особенно на Хонеккера, который всячески игнорирует Ульбрихта, а тот от этого морально сильно страдает. Если Ульбрихта не поддержать, то он скоро погибнет, особенно под моральным гнетом и холодным невниманием. Лечащие врачи утверждают, что кризис у Ульбрихта не прошел. Почему же такое отношение к Ульбрихту? Ведь Хонеккер стал Первым секретарем ЦК СЕПГ только благодаря Ульбрихту. Откуда такая холодность, отчужденность, безразличие, даже презрение к старому заслуженному коммунисту, бывшему руководителю ГДР? Видно, что это общий «стиль» нашей «братской коммунистической морали». Все это очень печально, но факты говорят сами за себя. Трудно простому коммунисту, народу разобраться в клубке политических интриг политической верхушки. В политике свое искусство-соперничество, лесть, интриги. В ней видимость и сущность далеко не тождественны. Тут всегда балансируют силы.

Вечером на приеме по случаю 22-й годовщины ГДР Хонеккер высказал мне много обид, в частности, на то, что руководство КПСС не всегда правильно оценивает политическую сложность ситуации в ГДР.

14 октября. На заседании Политбюро ЦК КПСС среди многих вопросов был и мой доклад об итогах поездки парламентской делегации в ГДР. Мой краткий отчет сводился к следующему: «Делегацию принимали везде хорошо, беседы, встречи носили откровенный радушный характер. Все мероприятия, связанные с пребыванием делегации, широко освещались всеми средствами массовой пропаганды. Дружба, интернационализм, роль великой Страны Советов были главными темами разговора. Некоторые руководители ГДР обратили внимание на скудность освещения в нашей печати пребывания парламентской делегации в ГДР. В выступлениях и беседах руководителей ГДР и рядовых немцев подчеркивались вопросы единства идеологических действий наших партий и народов. Во всех мероприятиях, связанных с пребыванием нашей делегации, участвовало много молодежи, и она проявляла особенно дружеские отношения к нашей делегации. Немецкие друзья подчеркивали удачный

выбор времени пребывания парламентской делегации, приуроченного к 22-й годовщине ГДР. Участие делегации в торжествах, приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совмина СССР придали особую торжественность этому празднику ГДР. Делегация посетила ГДР за месяц до выборов в Народную палату. Все это немецкие друзья используют в своей работе. Общее впечатление у всех членов делегации от посещения ГДР осталось хорошее, и надо идти на большие контакты.

Какие вопросы тревожат руководство ГДР: нехватка промышленных и бытовых товаров, нехватка кормов для животноводства. Главнейший вопрос — это наши переговоры с ФРГ на основе четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. По их инициативе я дважды встречался с Хонеккером и членами Политбюро ЦК партии, и в обеих встречах немцы поднимали вопрос о переговорах с Брандтом и высказывали мысли:

«1. Брандт отступает от данных обещаний при переговорах в Крыму с Брежневым.

2. После известного звонка Брежнева мы пошли на некоторые уступки, а теперь Брандт и его соратники используют это как нашу слабость. Мы интересуемся, до каких пор в руководстве КПСС не будут считаться с нашим мнением?

3. В ФРГ развернулась бешеная пропаганда против ГДР и его руководства. Доходит до политических провокаций и авантюр. Мы заявляем, что молчать не будем, будем давать отпор, критиковать политику Бонна и выступим против Брандта даже в личном плане. Нам хорошо известно его политическое лицо, его личные качества и проделки даже интимного характера. Мы все это используем, но все это пойдет в разрез с мнением советского руководства о самом Брандте и политике ФРГ. Да, за последнее время Брежнев проникся особым «доверием» к Брандту, не понимая того, что война без войны в политике всегда происходит. Самонадеянные политики считают, что их визиты, личные контакты приобретают международное значение. Это иллюзия и миф.

4. Брандт от переговоров в Крыму все получил на «серебряной тарелке», но это не значит, что ради этого мы будем терпеть несправедливость и политическую проституцию. Мы государство суверенное и можем за себя постоять. Мы видим, что то, чего ФРГ и США, Англия и Франция не добились от Советского Союза, сейчас Брандт и его союзники хотят добиться от ГДР, но мы никогда с этим не согласимся. В этой сложной обстановке и борьбе нам кажется, что мы остались одни, хотя в это мы сами не хотим верить.

Мы написали письмо в ЦК КПСС Л. И. Брежневу, в котором изложили все эти острые вопросы, высказали нашу трево-

гу. Мы просим консультаций и личных контактов с руководством КПСС по всем сложным и важным затронутым вопросам. Мы понимаем, что все вопросы переговоров в Крыму затрагивали далеко не только вопросы и интересы ГДР. И все же вопрос нашего государства — центральный вопрос в переговорах Брежнева и Брандта. Поэтому мы не понимаем, почему на наше письмо в ЦК КПСС Брежневу нет никакой реакции».

В сообщении на Политбюро я далее сказал, что при моем посещении Ульбрихта и Штофа в их загородных дачах под Берлином они поднимали вопросы, связанные с прошедшими переговорами в Крыму Брандта и Брежнева, о содержании принятого коммюнике. Оба они высказывали те же мысли, что и Хонеккер. И вообще во всех разговорах с руководителями ГДР по взаимоотношениям с ФРГ и крымской встречей чувствовалась какая-то неуверенность, растерянность, проскальзывала даже озлобленность. Все это может привести к нежелательным политическим срывам и возможным осложнениям. Тут же я высказал предложения: 1. В ближайшее время дать ответ немцам на их письмо, адресованное в ЦК КПСС на имя Л. И. Брежнева. 2. Найти возможность срочного личного контакта Л. И. Брежнева с Хонеккером. 3. В самое ближайшее время решить вопрос с посылкой нашего посла в ГДР — затяжка этого вопроса тревожит, беспокоит руководителей ГДР.

Изложение мной этих всех вопросов произвело определенное впечатление. Брежнев несколько растерялся. Чувствовалось, что о письме руководства ГДР никто из членов Политбюро не знал. Брежнев подал реплику: «Немцы все преувеличивают». И все же на этом заседании Политбюро было принято решение дать ответ немцам на их письмо, установить личные контакты с руководством ГДР, решить вопрос с послом. Чувствовалось, что весь объем сведений и откровенное изложение состояния взаимоотношений с ГДР Брежневу не понравились. Очевидно, он ожидал, что восточные немцы выскажут «восторг» по поводу его крымской встречи с Брандтом.

Видно, сказывается перенапряжение нервной системы, огромное переутомление, одновременно заболело три секретаря обкомов партии, сердечные приступы: Шевченко — Ворошиловград, Ярковой — Тернополь, Григоренко — Сумы; дал задание проследить за состоянием их здоровья.

20 октября. В политике факт — еще далеко не вся правда, это только сырье для извлечения настоящей правды, если вообще в политике существует такое понятие. Хорошо, что в Канаду не поехал Брежнев: ему там наверняка устроили бы большую провокацию, наверняка большую, чем Косыгину, вообще воз-

мутительно поведение канадского правительства: пригласили в свою страну премьер-министра Советского Союза и не обеспечили безопасность, допустили провокацию против нашей страны — покушение на главу правительства, на своего гостя. Это показывает несостоятельность правительства Канады. В демонстрациях против нашей страны прослеживается явное смыкание сионистов с буржуазными националистами и другими разными враждебными политическими группировками.

Цветков докладывал о делах в вузах и школах, требует введения чтений лекций в высших учебных заведениях на украинском языке. В областных центрах республики только за последние два-три года в русских школах число учащихся увеличилось на 30 тысяч. Украинские школы в городах уменьшаются. Это среди интеллигенции, особенно среди писателей, вызывает тревогу и возбуждение.

Анализ показывает, что среди научных работников, кандидатов, докторов наук, академиков большинство людей других национальностей, нежели украинцев. По всем национальным вопросам среди интеллигенции происходит большое брожение. Надо было бы глубоко продумать и провести высококвалифицированную научную конференцию по национальному вопросу. Предстоят выборы в Академию Наук. Речь идет о том, чтобы в членкоры рекомендовать Шевелева с перспективой его на должность директора Института истории Академии наук Украины.

Писатель В. Некрасов¹³⁷, лауреат Сталинской премии за книгу «В окопах Сталинграда», хороший писатель, умный человек, имеющий свое мнение, просится поехать в Швейцарию навестить свою родную тетку. Но ему не дают визы из-за его якобы «идеологических» взглядов. Его притесняют со всех сторон, что вызывает гнев и озлобленность. С таким человеком надо разумно поработать. Он ведь не враг, но нашим к нему отношением мы его можем сделать если не врагом, то недругом наверняка.

Я сказал Федорчуку, что у них идет напрасная «игра» вокруг сына Затонского. Как говорится, у «страха глаза велики». Сам Затонский не глупый человек, имеет свое мнение, но подчас у нас и этого довольно, чтобы попасть в «крамольного». В западных областях проживает 150 тысяч бывших оуновцев и их пособников, большинство из них держат себя довольно скрытно, нет полной уверенности, что они разоружились или хотя бы лояльно к нам относятся. Все это вместе взятое в немалой мере беспокоит нас. Федорчук также доложил мне, что по письму ЦК КПУ решился вопрос о создании горрайонов КГБ, нам

добавили штат 660 человек, теперь в этом «звене» будет работать свыше 10 тысяч человек. Он мне сообщил, что в КГБ поступил сигнал, что студенты: Ракотский, 1947 года рождения, и Козловский, 1952 года рождения, в своем окружении вынашивают идею покушения на П. Е. Шелеста как ставленника Москвы. Молодые люди высказывают свое недовольство по поводу отсутствия демократических свобод печати и всех средств массовой информации. «Идеология», — говорят они, — грубым образом навязывает все и вся, и терпеть такого дальше невозможно. Много чересчур хвастовства об «успехах» внешней и внутренней политики, а о своем собственном народе проявляется мало подлинной заботы. Государственные народные средства тратятся бесконтрольно направо и налево, под прикрытием «интернациональной помощи». Неприятно все это выслушивать, тем более что действительно некоторые наши вопросы требуют коренного пересмотра. И я действительно провожу линию Москвы. А как же может быть иначе? Однако меня Федорчук предупредил об осторожности.

Принял режиссера Бондарчука. Он уже давно ставит вопрос о создании кинофильма «Тарас Бульба» по Гоголю. Предлагает, чтобы за это большое полотно взялись бы Мосфильм и киностудия имени Довженко. Силы большие и высококвалифицированные, они хорошо бы справились с этой классикой. Бондарчук уже переделал сценарий «Тараса Бульбы», в свое время написанный насех Довженко. Я знакомился с этим сценарием — на мой взгляд, из него получился бы замечательный кинофильм. На вопрос съемки этого фильма тормозится Москвой — «мотив», что создание такого фильма «заденет национальные чувства поляков». Вот так аргумент! А как же тогда быть с гоголевской классикой и национальными чувствами украинцев? Убожество мысли некоторых наших высокопоставленных идеологов прошибить нельзя никак.

15 ноября. Позвонил мне помощник Брежнева Голиков, затребовал справку с Украины на 25—30 страниц по состоянию сельского хозяйства: готовится «труд» Брежнева по «аграрной политике КПСС».

Принял Мыколу Бажана. Он докладывал о работе энциклопедических изданий. Просил разрешения на новое издание украинской советской энциклопедии в 15 томах. Шла речь об издании энциклопедии по литературе и искусству. Обсуждались текущие вопросы работы с творческой интеллигенцией. На Бажана идут нападки за его «ортодоксальность», надо его все-сторонне поддерживать.

24 ноября. Перед открытием сессии Верховного Совета в комнате Президиума Брежнев поднял вопрос о том, что-де, мол, Подгорный внес предложение о награждении по итогам пятилетки членов Политбюро, секретарей ЦК нацкомпартий и других руководителей республик. По самой постановке этого вопроса Брежневым было явно заметно, что Брежневу это не понравилось: почему, мол, не от него исходит этот вопрос. Чувствовалось, что он этот вопрос обсуждал с некоторыми членами Политбюро. Против предложения Подгорного сразу же очень «дружно» выступили Сулов и Косыгин. Все остальные молчали, я же резко и обоснованно выступил в поддержку предложения Подгорного. Как только Брежнев почувствовал неуверенность, он сразу же снял этот вопрос с обсуждения. Но впоследствии этот вопрос был решен положительно, а некоторые члены Политбюро говорили мне, что я правильно занял позицию в этом вопросе. А когда я спросил: «А почему же вы молчали?» Последовал ответ: «Мы тут работаем, в Москве, и нам трудно было поддержать это предложение. Нас, мол, могут неправильно понять». Вот так и живем.

1 декабря. Рассматривал жалобу на редактора журнала «Коммунист Украины» Терлецкого. Говорят, что очень груб с сотрудниками. Терлецкого знаю давно, еще по работе в Киевском обкоме партии, умный, грамотный человек, очень работоспособный. Жалко такого человека терять. Поручил подробно разобраться и доложить.

В Одессе раскрыты факты крупных взяток за предоставление квартир, замешан в этом грязном деле заместитель предгорисполкома Одессы. Поручил органам разобраться подробно, виновных привлечь к строгой ответственности.

2 декабря. В ЦК КПУ поступила докладная записка от министра МВД УССР тов. Головченко И. Х. «О некотором отступлении в криминальном законодательстве». Из записки видно, что по разным постановлениям по малозначительным делам очень много привлекаем к ответственности; растет судимость. Существует Основной закон — Конституция, но ее часто по-разному толкуют, а часто применение законов идет по указке сверху. Записка заслуживает особого внимания, решил ее обсудить на Политбюро ЦК КПУ. Но оказалось, что Щербицкий проявил удивительную черствость к судьбам людей, попавшим под «криминал с указки сверху». Он поставил под сомнение правильность самой записки Головченко.

Позвонил мне из Москвы редактор газеты «Известия» Л. Т. Толкунов и сообщил, что я награжден орденом Ленина. Очень приятное и радостное известие. Хорошо, что в свое время я добился у Брежнева рассмотрения этого вопроса. Награждены все члены Политбюро ЦК КПСС и все первые секретари нацкомпартий республик. Уже и мы получили приказ о награждении орденами Ленина.

18 декабря. Позвонил мне Л. И. Брежнев, пригласил меня и Щербицкого в Москву к 18.00 на его дачу по случаю его 65-летия. Мы повезли ему подарки: картину «Золотая осень», хрустальный рог и набор напитков. На торжествах были все члены Политбюро с супругами, мы со Щербицким были одни, все это заметили. Правда, позже Брежнев говорил, что произошло какое-то недоразумение. Так ли это или нет, судить было трудно, но нам было не совсем приятно. Перед этим я послал поздравительную телеграмму юбиляру — вот ее содержание: «Дорогой Леонид Ильич! Позвольте мне от всей души и сердца искренне, с глубоким к Вам уважением поздравить Вас с днем рождения! Пожелать Вам, выдающемуся партийному и государственному деятелю нашей партии и страны, международного коммунистического и рабочего движения, доброго крепкого здоровья, благополучия, много лет жизни, больших успехов в проведении в жизнь решений партии! И по-настоящему большого Вам человеческого счастья! Ваши годы — это годы мудрости, ума и громадного жизненного опыта. Все это так нужно, необходимо для руководителя такого масштаба, как Вы. Ваши годы — это ранняя золотая осень, которая приносит огромные плоды для нашего народа! Так пусть же плодородие, энергия, здоровье будут много, много лет Вам сопутствовать! С глубоким уважением П. Шелест».

Как потом выяснилось, эта телеграмма Брежневу не понравилась, он говорил: «О какой осени идет речь, она хотя и «золотая», но «осень»? И вообще выразил недовольство, что я не назвал его «вождем» народа. Но мне казалось, что я и так много наговорил лишнего и не совсем заслуженного.

Сам вечер «торжества» прошел как-то сумбурно, довольно неорганизованно, как и ожидалось, сам «хозяин ирзядно нализался» и начал со стула читать свои завсегдашние неумные стихи. Я не мог лебезить перед юбиляром, как делали это другие, и это вызвало какой-то холодок и даже некоторую отчужденность. Я все это явно заметил, но промолчал, хотя осадок остался довольно неприятный от всего подхалимства.

25 декабря. Возвратился в Киев, проверил отправку новогодних сувениров в Москву для членов и кандидатов Политбюро.

Внесли предложение в Карпатах строить атомную электростанцию. Для этого предполагается большой снос горных селений. Навряд ли все это делать рационально. Лучше бы было осуществить регулирование рек Карпат, и в первую очередь Стрия и Днестра и на их основе построить гидроэлектростанцию. Из этого было бы больше пользы. Дал задание проработать предложение по этим вопросам.

Некий Нагорный внес предложение построить в Запорожье универсальный утилизатор мусора и всех производственных отходов. Видно, долго он мыкался с этим предложением. Газета «Правда» подхватила эту идею в статье «Голубой город Запорожье», критикуя волокиту с рассмотрением предложения Нагорного. Идея заманчивая, оригинальная, возможно, это будущее в борьбе за чистоту окружающей среды. Об этом надо подумать сейчас. Дал задание рассмотреть предложение Нагорного и подготовить ответ в «Правду».

26 декабря. Состоялась свадьба у Щербицкого — он женил своего сына Валеру. Приглашал он и меня на это «гульбище», но я не пошел. Мне стало известно, что на добром подпитии здесь обсуждалась проблема расстановки руководящих кадров в республике. Щербицкий после свадьбы заболел. Позвонил ему домой. О его коварности я ему ничего не сказал. Я все больше убеждаюсь — подлый и коварный он человек. Придет к власти (а он стремится к этому и имеет полную поддержку Брежнева — ведь он любит подхалимов и льстецов), народ и кадры хлебнут горя немало. Конечно, найдутся и у него подхалимы и лизоблюды, такие же подлые, как он сам. Но все это пройдет, а история скажет всю правду.

* * *

4 января 1972 года. Очень плохо в году получилось по республике с планом товарооборота, причина этого — нет товаров, нечем особенно торговать, да и нет заинтересованности у торговых работников. Легкая промышленность работает плохо — планы не выполняются, качество изделий низкое, ассортимент бедный. Лучшее сырье, хлопок, шерсть, кожа — все вывозится за границу, очень не по-хозяйски и неразумно все делается. Довольно печальное положение с торговлей мясом и животным маслом. Фонды еще не спущены, а того, что предусмотрено фондами, фактически в наличии нет. Болит голова: чем кормить народ будем?

7 января. Принял Братуся, министра здравоохранения

УССР, рассматривали вопросы об организации и издании медицинского журнала в республике. Дело для медицинских работников очень полезное и нужное и по самой организации пустячное, но без Москвы даже этот вопрос решить не можем — все решает центр. А разве он может знать все нужды на местах?

Увеличилось число заболеваний туберкулезом, и в особенности среди детей. Надо срочно принимать дополнительные меры по профилактике и лечению туберкулеза. Увеличилась смертность детей. Очень бурно растет число психических заболеваний населения, в том числе и среди детей. По республике десятки тысяч людей нуждаются в стационарном лечении в психиатрических лечебницах, а чем можно им помочь, когда лечебниц мало, а одними разговорами этому горю не поможешь. Больниц психиатрического направления в республике всего 20, в среднем по 500 мест, довольно скудно оборудованы. Врачебного персонала не хватает, один врач на 350—400 больных. Много людей, которым крайне нужна стационарная помощь, но определить в больницу не можем. Душевнобольные люди совершают много опасных преступлений, убийств, поджогов. По этому вопросу от республики в Москву написали два письма, но все как в «черную дыру».

8 января. Секретарь ЦК Овчаренко, ведающий вопросами идеологии, докладывает, что республику ограничили во времени по телепередачам, больше времени на себя забирает Москва. Овчаренко мне сообщил, что между Лутаком и Ляшко происходит какой-то сговор против меня. Я это и сам замечал, но не придавал этому должного значения, все занят был делами, интриганства просто не допускал. А оказалось, что все идет из Москвы, от «руководства» — через КГБ. Вот я и член Политбюро, член Президиума Верховного Совета СССР, но за мной следят, преследуют, постоянно за мной идут «хвосты». Иногда делается так противно и отвратительно, что порой хочется бросить все и уйти куда глаза глядят. Но куда и как уйдешь? Да и принесешь ли этим пользу общему делу? Нет, очевидно, против «тоталитарного руководства» не поперешь.

Очень плохо идет строительство в республике детских домов, интернатов, а нужда в них огромная. Дал задание установить контроль за ходом строительства.

Позвонил мне Федорчук (КГБ) и доложил о проведенной операции: сегодня ночью произведен обыск у лиц, причастных к «блоку»¹³⁸. Это люди, которые в своей «враждебной» деятельности смыкаются с сионистами и даже иностранной разведкой.

К «блоку» причисляют Сахарова, Якира, Солженицына (Москва), Дзюбу и Плюща (Киев). Мне известно, что эти люди совершенно разные, стоящие на разных позициях и с разной оценкой подходят к существующему положению. Надо это дело досконально изучить: сваливши всех в один «блок», не разобравшись по существу, можем принять много неправильных решений, которые не принесут пользы, а вред может быть огромный.

На заседаниях Политбюро ЦК КПСС я несколько раз говорил, что буржуазная идеология, ее диверсионные действия имеют огромное влияние на наш народ, в особенности на молодежь. Действия за границы и возможные последствия этих действий мы часто представляем себе примитивно, нет настоящей бдительности. А многие факты говорят о том, что у нас далеко не все благополучно. Вот некоторые данные за 1971 год только по Украине: перехвачено и конфисковано свыше 30 тысяч зарубежных изданий и публикаций враждебного, антисоветского содержания, в том числе националистского содержания — более 1300 документов, НТС — около 2000, сионистского — 3500, ревизионистского характера — 52. Пограничным контролем изъято больше 160 тысяч документов аналогичного содержания — и все это шло в нашу страну. В республике в 1971 году зафиксировано более 100 случаев распространения листовок враждебного содержания. В адрес советских, партийных органов было 1000 анонимных писем антисоветского, клеветнического и угрожающего порядка. Большинство писем и листовок злобных, антисоветских, где идут нападки на руководство партии, афишируются нарушения законности и Конституции. Вражеская идеология проникает глубоко, диверсия рассчитана на замедленное действие, на многие годы, даже десятилетия. Поэтому у нас должна быть бдительность как никогда. Но, к сожалению, она за последние годы ослабевает под влиянием мнимых успехов международной разрядки. Особенно кое-кому вскружил голову предстоящий визит Никсона к нам в страну. Брежнев в этом визите видит нашу «победу». Это, конечно же, наивность, но когда наивность и самоуверенность политическая, то она опасна последствиями. Мы провели розыск анонимщиков, распространителей листовок, но что это даст? Ведь не это главное. Выявили 80 человек изготовителей и распространителей листовок, 221 автора анонимных писем. 24 человека арестовано и привлечено к уголовной ответственности. А в общем очень сложная обстановка.

15 января. Машиной выехал на открытие Ладыженской ТЭС, по дороге заночевал в Виннице. Попросился приехать из Одессы Козырь. С ним в Виннице состоялся крупный и доволь-

но неприятный разговор. Его неправильное поведение вызывает возмущение, идет какая-то возня у них с Лутаком, «сколачивается» какой-то блок — надо подробно разобраться.

Ладыженская электростанция расположена в чудесном месте, в лесу, на берегу Южного Буга, отличное сооружение. Митинг прошел хорошо. Когда в своем выступлении я сообщил, что большая группа рабочих и ИТР, принимавших участие в сооружении станции, представлена к награждению, встречено было это сообщение с восторгом. Этот коллектив строителей перебрасывается на строительство крупной электростанции — Чигиринской на Днестре, и это под силу такому крупному, квалифицированному и слаженному коллективу.

16 января. По решению Совмина Союза и настоянию «идеологов» ввели новый порядок торговли водкой: установили республикам, краям, областям и городам определенный лимит продажи водочных изделий. И это называется борьбой с пьянством! В то же время спирто-водочные заводы работают на полную мощность, их продукция скапливается на складах, торговля не принимает к реализации, хотя план товарооборота явно не выполняется, тары не хватает, заводы на грани остановки. План товарооборота не выполняется, отсюда большие финансовые затруднения в республике. Позвонил в Москву Гарбузову, министру финансов, и Байбакову в Госплан, просил помощи в финансовом отношении — разводят руками, а мне нечем платить зарплату трудящимся. Байбаков мне сообщил, что в стране в результате «борьбы с пьянством» образовался дефицит в 3,5 млн. рублей, торговать нечем. Итак, «идеология и мораль» вступили в «спор» с экономикой и финансами. Пришлось «идеологам» отступить, вновь разрешили расширить торговлю водочными изделиями.

20 января. Сегодня в семейном кругу отметили день рождения старшего внука Пети, ему исполнилось 11 лет. Как быстро идет время! Поросль растет, мы же с каждым годом увядаем. Но сдаваться не хочется.

По утвержденному графику Политбюро ЦК КПСС мне с 25 января положен зимний отпуск. В таких случаях при уходе в отпуск достаточно позвонить заведующему Общим отделом и сообщить, что уйду в отпуск. И на сей раз я позвонил заместителю заведующего отделом Боголюбову. Он мне ответил, что со мной по этому вопросу хочет переговорить «сам Брежнев». Я позвонил Брежневу, доложил ему, что озимые посевы сильно повреждены морозами и «черными бурями».

Взятые монолиты для отращивания показывают, что, очевидно, пересевать придется 3—3,5 млн. гектаров — это с 9,5 млн. озимых по республике. Сообщил Брежневу, что энергетического топлива — угля, газа, мазута — явно не хватает для электростанций, промышленных предприятий и бытовых нужд. Предпринятые на месте кое-какие меры явно недостаточны, а главное, это не местное явление. Дефицит топлива образовался по всей стране, и нужно срочно принимать меры, если мы не хотим парализовать работу промышленных предприятий и вызвать еще большее недовольство трудящихся. Брежнев меня выслушал спокойно, но промолчал. Он ведь теперь «пленен угаром» международной деятельности и предстоящей встречей с Никсоном. Почему-то с большим скрипом разрешил мне отпуск на 12—15 дней. И сообщил, чтобы я готовился к предстоящему Пленуму ЦК КПСС по животноводству.

25 января. Приехал в Трускавец на лечение. Со мной приехали два помощника и до 28 января работали над моим выступлением на республиканском совещании агрономов.

Несколько раз на день звонит Лутак, все не ладится у него, много возникает вопросов. Настаивают снять с экрана кинофильм Одесской киностудии «Долгие проводы», а я ее не смотрел. Что я могу по этому поводу сказать?

В мире творится что-то невероятное: буржуазная, сионистская пропаганда пошла в наступление. Надо бы нам разработать определенные меры по борьбе с ней. Но кто это может сделать при нашей системе? США давят на все педали, есть опасения, что при встрече Брежнева с Никсоном мы можем пойти на некоторые уступки в идеологических вопросах. Правда, в разговорах речь идет о «последовательной, наступательной борьбе по разоблачению идеологии и практики сионизма, обращающей особое внимание на его враждебность миру и прогрессу». Ясно, что сионизм и его идеология несовместимы с национальными интересами народов, в том числе и основной массой еврейского населения. Особую опасность вызывает то, что международный сионизм имеет, кроме своей идеологии, прочную основу — материальную базу. Он в своих действиях смыкается с крайне правыми реакционными и контрреволюционными силами в различных капиталистических странах мира. Нам следовало бы сейчас организовать эффективную контрпропаганду через все средства массовой информации, в том числе и через АПН, но пока мы раскачиваемся, время работает против нас. Вражеская пропаганда и идеология свирепствуют, наши же идеологи во главе с «теоретиком» Сусловым вроде бы оцепенели. Буржуазная пропаганда разбирает нас по периодам,

со своей точки зрения дает толкования и оценки, мы же молчим. Почему?..

Период 1917—1937 годов буржуазная пропаганда характеризует как период «ослепительного энтузиазма масс под влиянием идеологической обработки коммунистов».

Период 1937—1953 годов — «период животного страха советских людей».

Период 1953—1963 годов — «период подачи надежд на демократизацию советского строя, попытка создания новой Конституции, соблюдения законности».

Период 1963—1971 годов — «период скептицизма, разочарования и обещаний».

Появилась «новая программа» ДДСС — Демократического движения Советского Союза. Это по сути своей самая разрушительная контрреволюционно-шовинистическая программа. Она ставит своей целью ограничить партию в ее политических и руководящих действиях, создать другие партии. Под «демократизмом» понимается свобода слова, печати, собраний, открытые выборы депутатов Верховного Совета. Упразднение или резкое ограничение действий органов КГБ — «идея свободного общества, идея общественной свободы». Все это вместе взятое смахивает на махровый анархизм. В «программе» говорится, что должна быть в стране свобода политической, экономической, культурной и национальной жизни, что «социализм лишен исторической перспективы». Сама по себе эта «программа» хотя и носит бредовый, сумбурный, контрреволюционный характер, но по своей демагогии она может стать в определенной степени притягательной. Тем более что мы не вносим десятилетиями никаких допустимых новшеств в нашу идеологическую и организационную работу. Все эти «программы и документы» и сама обстановка создают довольно неприятное, тревожное состояние.

На закрытой части Политбюро ЦК КПУ очень остро обсуждался вопрос, связанный с выводами комиссии ЦК КПУ по записке Дзюбы «Интернационализм или русификация». Комиссия дала правильную оценку, была выпущена книга, в которой критиковалась «теория и труды» Дзюбы. Об этом со мной не один раз говорилось на партийных активах. Разбирал Дзюбу Союз писателей Украины. ЦК КПСС был своевременно проинформирован о предпринимаемых мерах, все члены Политбюро были согласны и поддерживали мероприятия. Но на заседании Политбюро ЦК КПУ после информации Федорчука выступили Щербицкий, Ляшко, Лутак, Титаренко: стали признавать

«ошибки» в тактике по отношению к Дзюбе и требовать немедленного ареста Дзюбы и других. В противовес Овчаренко Скаба, Орер в своих выступлениях доказывали, что все было сделано правильно, в том числе и выводы комиссии ЦК КПУ правильны. А что касается арестов, то это дело уже органов КГБ и правосудия, а также законности. Не может же Политбюро ЦК КПУ или комиссия ЦК КПУ выносить решение об арестах! При обсуждении разгорелись страсти, делались поспешные выводы. Пришлось мне кое-что корректировать, подправлять. Но чувствую, что обстановка сложная: при поддержке Москвы сколочен какой-то «блок». Вот и получалось, что Москва решала: принимать какие-либо меры административно-воздействия или нет. А теперь оказалось, что виновны мы. Чувствую, что многие «грехи» Москва перевалит на меня. Но я все делал честно и открыто, при полной поддержке всех членов Политбюро ЦК КПУ. Да и не мог же я, не согласовав с Москвой, вынести решение Политбюро ЦК об аресте Дзюбы!

Был крупный разговор с Лутаком. Он применяет нечестные приемы в работе. Я высказал ему свое мнение, что при недоверии на такой работе невозможно работать. И все же чувствую, что это все — марионетки: ни один из них не посмел бы так себя вести и говорить, если бы не чувствовали «направляющей руки» Москвы и прежде всего со стороны Брежнева и Суслова. Видно, надо мной сгущаются тучи. Не нравятся мои откровенность и прямота постановки многих вопросов.

26 февраля. Органы КГБ настаивают: отвести кандидатуру Шевченко Д. А., доктора исторических наук, в члены-корреспонденты: якобы у них имеются данные, что он сын жандарма; исключить Дзюбу из Союза писателей Украины. А Франко Зиновия якобы согласилась «добровольно» написать открытое письмо в газету о своих «покаяниях». Подбираются к известному писателю В. Некрасову, уже вызывали его на допрос. О художнике Гончаре говорят, что он у себя на квартире имеет коллекцию стародавних икон, большой любитель искусства, но и несколько «вольнодум», хотя и член партии. КГБ домогается всю эту коллекцию «прикрыть» из-за боязни, что на квартире у Гончара собирается интеллигенция. Ставят все эти вопросы, а за моей реакцией «присматриваются». Ну что ж, и пусть. Но я не могу такие вопросы слепо, тем более тупо решать.

1 марта. Машиной выехал в районы Киевской области, посетил самые глубинные районы. Встречался с колхозниками, рабочими совхозов, ответственными руководителями хозяйств районов. Состояние озимых хорошее, животноводство же

в большом запустении: кормов не хватает, в особенности концентрированных, в результате продуктивность животноводства низкая. Больше половины колхозов и совхозов закредитованы. Оборотных средств никаких, выкупить горючее, сельхозинвентарь не на что. По сводкам, в среднем как будто бы показатели неплохие, но реальная жизнь ведь неумолима, требует конкретности и ясности, все равно приходится держать ответ перед действительностью. Сильно огорчился таким состоянием дел; ничего не поделаешь — надо организовывать помощь хозяйствам района.

2 марта. Был в пригородных районах Киевской области, в Броварском и Бориспольском. Ознакомился с работой Бортинского совхоза, впечатление хозяйство произвело хорошее, работает рентабельно, построены хорошие теплицы. Но давно надо было пересмотреть плановые нормативные показатели по урожайности всех культур. Ведь это поливные земли от сточных городских вод. А урожаи планируются как на богарные земли, нет стимула бороться за повышение урожайности всех сельхозкультур.

Побывал в совхозе Требуховском, организованном на базе бывшего колхоза. Когда-то этот колхоз был передовым хозяйством не только в Киевской области. Мы его показывали всем иностранным делегациям. Председатель колхоза Ивано Михайлович Ковбасинский, хороший организатор, настоящий умный хозяин ушел на пенсию. Создали совхоз — и такой парадокс: хозяйство резко покатилося вниз. Все им руководят, все требуют, довели хозяйство до полного запущения. Дисциплина стоит на низком уровне, оборотные средства отсутствуют, задолженность банку по кредитам составляет свыше двух миллионов рублей, в кассе наличных ни копейки. Все это производит удручающее впечатление, оставляет тяжелый осадок. Зато начальства много: райком и обком партии, Министерство совхозов — это кроме других советских и общественных, а также контролирующих организаций. Надо срочно оказывать помощь хозяйству. Нельзя допустить дискредитацию «социалистического» сектора хозяйства — ведь это совхоз.

4 марта. Провел совещание с членами Политбюро, выезжавшими в области по сельхозработам, каждый из них сделал краткое сообщение о состоянии дел в пределах 10—15 минут. Во многих местах сложилось крайне тяжелое положение. Кормов, даже грубых, нет для животноводства. С ремонтом сельхозтехники из-за отсутствия запасных частей дело обстоит довольно плохо. В ряде хозяйств нет в достаточном количестве кондиционных посевных семян, минеральных удобрений явно не

хватает. Молодежь в селах не задерживается — нет надлежащих условий, население села явно стареет. В ряде мест вместо деловой организаторской работы по устранению трудностей занимаются чепухой, натаскивают и надумывают вопросы. Народ перестает верить в наши «неимоверные успехи» в области сельского хозяйства, цены на продукты на рынке неуклонно растут, килограмм мяса 4,5—5 рублей. В госторговле мяса почти нет, крайне ограниченный ассортимент хлебобулочных изделий, большие перебои в снабжении животным и даже постным маслом. В ряде случаев в формах партийной работы допускаются прямо недозволенные приемы административования, а кое-где «выдумки», вроде проведения «показательных ленинских партийных собраний».

Обсудили все вопросы, выслушали все информации — осадок от всего довольно тяжелый. Наметили меры: создана оперативная группа по оказанию помощи в проведении весеннего сева. Организована переброска сельскохозяйственной техники в области и районы, раньше начинающие сев. Установлен контроль за подготовкой кондиционных семенных фондов. Послал информацию в ЦК КПСС.

На Украине еще считается, что положение с сельским хозяйством благополучное, а что же делается тогда в других местах?..

По информации министра сельского хозяйства В. В. Мацкевича, по Союзу погибло 14—15 млн. гектаров озимых. Это очень отразится на валовом сборе зерна и кормовой базе животноводства.

12—15 марта. Был в командировке в Хмельницкой и Тернопольской областях. Провел беседу с членами бюро обкомов партии по политическим и хозяйственным вопросам. Участвовал в работе X пленума Хмельницкого обкома партии. Переизбрали первого секретаря обкома. Посетил и ознакомился с работой радиозавода и хлопчатобумажного комбината.

16 марта. Переговорил с Москвой — Кулаковым, Подгорным, Кириленко, Косыгиным, Капитоновым. Проинформировал ЦК КПСС о делах в республике, в особенности по сельскому хозяйству. Пожаловался на то, что чиновники из Госплана бестактно ответили на нашу просьбу оказать определенную помощь концентрированными кормами для животноводства: «Не надо было сдавать республике столько хлеба государству». Отмолчались.

Нашему центральному руководству надо бы больше заниматься внутренними делами страны. Они не так уж у нас

хороши, как некоторые себе представляют, а в этом году придется особенно трудно. Но почти все «руководство» бросило в «решение» международных вопросов, да там ведь легче: поговорил, а ответственности никакой, зато радио, телевидение, печать об этом непрерывно трубят, печатают портреты.

18 марта. Дома в 15.00 собрались друзья, отметили день рождения Иринки — 59 лет. Время летит невероятно быстро. Все прошло хорошо, тепло, непринужденно, искренне поздравили именинницу.

У меня состоялся разговор с редактором газеты «Правда» Зимяниным. В передовой газете «Агроном и урожай» ни единым словом не упомянута даже республика, не то что дано освещение или опыт по проведению совещания агрономов республики — это первое совещание в Союзе. Зимянин после моего разговора с ним признал «упущение» редколлегии.

В ЦК КПУ все члены Политбюро встретились с лучшими представителями школьных ученических производственных бригад. Выступали ребята, рассказывали о своей работе, особенно хорошо выступили: Люда — село Лисоводы, Алла из Черкасс, Николай из Сум, молодой лесовод Василь из Кировоградской области. Отличные ребята, интересно было бы проследить их жизненный путь.

Выступил перед ребятами.

29 марта. В 18.00 я самолетом вылетел в Москву на заседание Политбюро. Вопросов много, и все важные. И все же меня тревожит, почему Брежнев так настаивал на моем приезде. Повадку я его уже изучил, что-то готовится, жди какой-нибудь неожиданности, неприятности. Я уже так устал от всяких интриг, что готов ко всему. 31 марта Пленум ЦК КПУ, а я совсем еще не собрался с мыслями, подготовка занимает уймю времени.

30 марта. В 11.00 в Кремле открылось заседание Политбюро ЦК КПСС. Работали допоздна по основной повестке дня. Вне повестки дня информация — доклад Андропова о враждебной пропаганде и ее влиянии, об обострении классовой и идеологической борьбы. Об антипартийных и антисоветских проявлениях внутри страны, о некоторых попытках сколачивания политических блоков. О просачивании за кордон нежелательной информации и распространении «самиздата». Началось обсуждение доклада Андропова, вот краткое изложение всех выступлений.

Первым выступил я. Главное сводилось к следующему:

«Идет острая классовая идеологическая борьба, при этом влияние буржуазной пропаганды на умы наших людей, особенно молодежи, огромное. Мы же об этом почему-то стыдливо умалчиваем, не отдавая полного отчета в пагубных последствиях этой пропаганды. Спрашивается, чего молчать и что скрывать? Раз происходит борьба, то она не может не затрагивать определенные слои населения. Мы же в этой борьбе занимаем какую-то пассивную позицию, все время твердим, что наша идеология беспредельно господствует среди нашего населения. Так мы думаем, так говорим, так пишем. Но бумага, газетные полосы — они гладкие, и на них все получается «гладко». На самом же деле имеется немало трудностей и осложнений. В ряде случаев у нас в стране действуют антипартийные и антисоветские элементы. Происходит смыкание НТС с буржуазными националистическими элементами всех мастей и оттенков и с сионистами. Китай проводит работу на оживление и поддержку эмиграционных украинских буржуазных националистов. Появился «самиздат» — «Украинские висти», в котором изложена «программа УНКП — Украинской национальной коммунистической партии. Это уже политическая организационная активизация, тем более что в этом «документе» сообщается, что имеется комитет УНКП в составе 31 человека и, по сообщению, «программу» подписало свыше 200 человек.

Против проявления национализма мы повели решительную борьбу еще в 1966 году. Когда появилась работа И. Дзюбы «Интернационализм или русификация», в ЦК КПУ была создана комиссия, которая разобрала этот труд, дала правильную оценку. Принято было решение ЦК КПУ, разоблачающее враждебность выступления Дзюбы. Мобилизовали партийную организацию на решительный отпор этим враждебным националистическим проявлениям. Нами была выпущена книга «Что и как отстаивает Дзюба». Она носила острый, критический, разоблачающий характер. Через определенные каналы мы эту книгу направили за границу, и в первую очередь в Канаду, Францию и ФРГ. Мы еще тогда ставили вопрос о привлечении к ответственности по всей строгости закона Дзюбу. Информировали обо всем ЦК КПСС. Но нам было сказано: не спешите с выводами, во всем надо разобраться, если начнем судить, что скажут и какая будет на это реакция за границей. Связи с националистически настроенными лицами идут из-за границы, и в первую очередь из ФРГ. Недавно органы КГБ арестовали некоего Добуша, подданного Бельгии. Он в нашей стране побывал (не один раз в качестве «туриста»). Он имел связь с Зиновией Франко, Осадчим, Сизоненко; через Добуша передавалась за кордон националистическая «писанина».

До сих пор органы КГБ не смогли установить, каким обра-

зом и через какие каналы «труд» Дзюбы попал за границу. Там вокруг этой писанины разжигается антисоветизм, искажается наша национальная политика. Через Добуша получено свыше 100 посылок и передавались деньги, не один раз, по 300—1200 рублей З. Франко и другим.

Нам надо пересмотреть некоторые положения по вопросам въезда иностранных туристов, в особенности из капстран, их свободного у нас действия, в том числе и международных телефонных разговоров. Мы за последнее время несколько притупили бдительность, у нас стали чуть ли не все народы братья. Расширение наших контактов даже на «высшем уровне» не должно притуплять остроту нашей бдительности. Надо, очевидно, продумать вопрос, как ограничить выезд евреев из нашей страны. По этому вопросу много идет разговоров, народ высказывает недовольство, вносит предложения установить выплату затраченных средств на образование.

Национальная политика очень сложный и тонкий вопрос, к нему надо подходить осторожно, осмотнительно. Ведь можно неразумную форму русицизма превратить в антисоветизм. У нас против всех нездоровых проявлений есть власть и сила, а какая же это власть, если она там, где нужно, не применяет силу и закон?»

Во время моего выступления Брежнев подал несколько реплик по поводу моей вышедшей в 1971 году книги «Украина наша советская», что, мол, в этой книге воспевается казачество, пропагандируется архаизм. Далее Брежнев сказал, что он-то книги сам не видел и не читал, но «так говорят». Еще Брежнев спросил, почему по «трактату» Дзюбы не принято было решительных мер — надо было больше проявить бдительности и в зародыше все глушить. «Говорят, на западе Украины кое-где поднимают голову бандеровцы и оуновцы, а их там проживает 50 тысяч человек». Чувствовалось, что Брежнев специально обостряет все эти вопросы, говорит своими словами, но не свои мысли, все наматывает, дает «канву» для подготовленных выступлений. Я удивился легкому подходу к таким важным вопросам «политического руководителя такого ранга».

Когда начались выступления других товарищей, Брежнев несколько раз выходил из-за «председательского» стола, подходил ко мне из-за спины и «дружески» клал мне на плечо руку. Это должно было означать, что, мол, все хорошо.

Выступление Кунаева. Чувствовалось, что он выступал явно под диктовку. Он говорил, что борьба с национализмом должна проводиться решительно. Все вопросы нашей национальной политики изложены в документах ЦК КПСС. На этом его речь и закончилась. Да, откровенно говоря, что он может смыслить в вопросах сложности национальной политики?

Выступление Гришина. «Нам надо дать оценку положению дел, изложенных в докладе Андропова. Выработать практические предложения по усилению наших действий. Все враждебные вылазки и действия не имеют поддержки в народе, но успокаиваться нельзя. Московская партийная организация проявляет высокую бдительность. Все вылазки разных отщепенцев не имеют никакого отношения к трудовому народу. Но нам нельзя оставлять безнаказанными виновных. Надо пресекать действия Солженицына, Якира, Сахарова и других. Их действия антисоветские, разлагающие. Национализм — это большая опасность для нашей страны».

Выступление Соломенцева. «Интернационализм — это наше большое завоевание, нам надо больше и предметнее работать с нашей молодежью. Патриотизм — главная сила в борьбе за сплоченность нашего народа. Отрицательные настроения, разные нездоровые проявления образуются на почве национализма». Далее он делает какой-то акцент на языке, при этом говорит, что «на Украине много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем это делать?» (Договорился! Получил «инструкцию», но не смог ее даже толком выполнить. Оскорбил украинский народ, его язык, а значит, и культуру, проявил великорусский шовинизм, и все сходит). Он выступил против установления гербов городов, экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. (Какой позор отказываться от своей вековой культуры! Чего можно ждать хорошего от такого рода «деятелей»?)

Выступление Пономарева. «Вопрос поставлен широко, глубоко, и на него надо давать ответ. Проявление антисоветизма часто связано с национализмом. В трактате «Интернационализм или русификация» проявлен украинский национализм. Хорошо, что ЦК КПУ дал политическую оценку всему этому, но надо было бы это сделать раньше, и более решительно вести борьбу против всех националистов. Нам надо усилить идеологическую работу. Секретариат ЦК КПСС недостаточно вел борьбу против проявления национализма во всех его формах».

Выступление Суслова. «Мы обсуждаем вопрос важный и принципиальный. Разные подонки поднимают голову, и опасность их действий нельзя недооценивать. В свое время было сказано, что «политических преступников нет у нас», и это отрицательно сказалось, притупило действия органов КГБ. Нам надо ужесточить отношение к нашим врагам, решительно рас-

правляться с ними, в особенности надо решить вопрос с Якиром, Солженицыным. Сахаров сколачивает «Комитет защиты прав человека» — от кого он хочет защищать и кого? Надо срочно разобраться с этими вопросами и принять решительные меры пресечения. Нам надо решительно нашей наступательной политикой влиять, наступать на буржуазный либерализм, который пытается проводить Сахаров и К°. Надо обратить особое внимание на работу высших учебных заведений и работу со студентами. Секретариат ЦК КПСС много смотрел за вопросами национальной политики. В частности, было принято решение по Львовской области. Но реакция на это решение со стороны ЦК КПУ была замедленной, и сейчас надо проверить, как идет выполнение этого решения. Во Львове есть такой Левинский, он ярый враг ленинизма. Он сумел использовать решение секретариата в своих враждебных целях». (Кстати сказать, этому помог известный Маланчук, за что он и критиковался в журнале «Коммунист Украины».)

Суслов закончил свое выступление словами: «Нам надо усилить идеологическую работу повсеместно».

Выступление Рашидова. «Есть и у нас люди, которые настроены антисоветски, но мы проводим большую работу. Для этого использовали постановление ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 50 лет образования СССР».

Выступление Щербицкого. «Необходимо отметить, что на Украине есть проявления национализма. Имеется взаимосвязь так называемых «демократов» с сионистами и украинскими националистами. Мы еще недостаточно ведем борьбу с проявлением национализма. Напрасно подчас восхваляем старину, поощряем создание гербов в городах. По «книге» Дзюбы мы недостаточно приняли мер, и это была наша ошибка. Идеологическая работа среди студентов и молодежи должна быть усилена. Мы неосторожно подходим к выдвиганию кадров — берем курс, как правило, на украинцев».

(Выступление Щербицкого было предательским, он себя совсем раскрыл как подхалим, карьерист, беспринципный человек).

Выступление Кириленко. «Все вопросы, которые мы сегодня обсуждаем, требуют дополнительного рассмотрения на местах. Наличие всех фактов требует более решительных мер, надо проявлять больше смелости и глушить все враждебные проявления в их зародыше. Больше должно быть остроты в нанесении ударов, необходимо отказаться от излишней осторожности в пресечении проявлений национализма. Полностью ис-

пользовать все наши возможности в борьбе против вражеских проявлений. Надо усилить интернациональное воспитание, не допускать выпячивания национальных чувств, особенностей и привилегий.

Выступление Машерова. «Надо решительно пресекать всякую враждебную деятельность. Вопросам воспитания может помочь правильная установка на всех участках. Вопрос языка — острый вопрос, и к нему надо подходить осторожно, не затрагивая национальных чувств народа. Возрождение и восхваление старины — это не наш дух. Должно быть уважительное отношение к другим народам».

Выступление Шелепина. «Нам надо определить причины внутренних и внешних международных политических осложнений. После Октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС наследство нашему руководству досталось трудное, сложное в результате ослабления идеологической работы. С Якиром и Солженицыным надо решать вопрос. Отрывки национализма не сразу изживаются и отмирают, нам надо национализм разоблачать в международном плане. В той обстановке, в какой мы сейчас находимся, нам надо провести идеологическое совещание на высоком уровне. Обратит особое внимание на преподавание социально-экономических дисциплин во всех учебных заведениях. Может быть, стоит подумать о создании комитета политической информации».

Выступление Демичева. «Обстановка на идеологическом фронте очень сложная и острая. Прямые выходы за границу Солженицына очень коварны, он опасный враг, надо его изолировать. Национализм — оружие наших идеологических врагов. «Труд» Дзюбы — зловерный, надо против него решительно выступить, укрепить идеологический фронт. О русском языке — он главный язык нашей страны. Нельзя допустить, чтобы на Украине возродилась скрипниковщина». (В этом месте речи Демичева последовала реплика Подгорного: «Давайте не заходить очень далеко, тов. Демичев, ибо Скрипник был и остался верным большевиком». Демичев после реплики Подгорного сник, замялся и на этом закончил свою далеко не умную речь.)

Выступление Мжаванадзе. Сообщил, что из Грузии уже выехали 3 тысячи евреев. Национальный вопрос — очень сложный вопрос. Все республики равны в решении всех вопросов, и ни в чем никому нельзя давать какой-либо поблажки или привилегий.

Выступление Подгорного. «Вопрос мы обсуждаем важный, и очень жалко, что на этом заседании нет всех первых секретарей союзных республик. Во всех республиках есть недостатки в идеологическом воспитании и некоторое проявление национальных чувств. Но настроение политическое в целом везде хорошее. Нам пишут очень много писем, не злопыхательских, не направленных против нашей партии, а со справедливой критикой положения дел, недостатков в нашей работе. Наши недостатки, часто формализм в решениях вопросов, остальные суждения, недостаточная убедительность — все это способствует разжиганию национализма. Национальный вопрос остается еще очень сложным вопросом, и, конечно же, досадно, что некоторые националистические элементы эти сложности используют против нас. Наша малейшая недоработка, упущение или искривление в национальных вопросах могут нанести нам большой вред. Нас каждый вопрос, связанный с национальным определением, должен занимать особо. Китай выступает за «самостоятельную Украину». Этот вопрос тоже должен нас настораживать.

Есть ли у нас база для возрождения национализма? Конечно же, нет, и тем не менее по всем национальным вопросам мы должны быть четкими в их определении. Якир, Сахаров, Солженицын, Дзюба — какое у них основание для проявления их враждебной деятельности? Да, это прежде всего влияние на них враждебной нам идеологии. Почему за кордоном начали говорить о «труде» Дзюбы и о самом Дзюбе? Да потому, что он в своем «трактате» отражает желание и помыслы идеологов Запада. Нам надо больше работать с творческой и писательской интеллигенцией. Изучать ее настроения, своевременно помогать ей устранять колебания, если они появятся. Взять, к примеру, Д. Павлычко, молодого талантливое поэта Украины. Он в свое время имел некоторые нездоровые проявления, колебания. Поработали с ним на Украине, и теперь он стоит на правильных позициях. Следовательно, как кто и с кем работает — очень важно. Считаю неправильным, когда по политическим вопросам идут сообщения в ЦК КПСС по линии КГБ, а не по линии партийных органов. Так в данном случае произошло и с Дзюбой. Нам надо получать обстоятельную политическую информацию по линии партийных органов. Все, что происходит, не стоит преувеличивать и драматизировать, но нельзя и пускать на самотек. Надо во всем быть настороженными, проявлять больше бдительности. Я не поддерживаю предложение об увеличении штата КГБ для политической информации, тем более расширении прав КГБ. Надо посмотреть, кто у нас следит за идеологическим фронтом. В связи с этим, может быть, стоит в ЦК КПСС создать орган по руководству всеми

идеологическими организациями. Якира и Солженицына надо выслать из Москвы».

Выступление Косыгина. «Вопрос национальной политики — это очень важный и сложный идеологический вопрос. Теоретически и практически он на современном этапе разработан слабо. В борьбе с фашизмом у нас был основной козырь — союз наших наций. Даже в капиталистических странах национальный вопрос является камнем преткновения в политике и социально-экономических вопросах. Вопросы политической, идеологической работы по национальному вопросу должны быть в центре внимания. Тут трудно искать причины возникновения национализма. А еще труднее его искоренять.

Мы должны применять как воспитательную, так и карательную политику. По Западной Украине проведена большая и положительная работа, но успокаиваться на этом нельзя».

Далее Косыгин говорил о кадровых вопросах и вдруг договорился до того, что сказал: «Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма». (Какая чушь!) «В нашем искусстве, театрах, кино очень много отступлений от нашей идеологии. В мемуарной литературе, особенно военной, слабо освещают роль партии, ее организаторскую силу. Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык?» (Тут, надо сказать, Косыгин совсем договорился до отъявленного великодержавного шовинизма. По такому «принципу» во всех союзных республиках должен быть отменен в школах родной язык). «Произведения Шевченко кое-где используются в националистических целях». (Конечно, все можно передернуть). «Севастополь испокон веков русский город. Почему и зачем там имеются вывески и витрины на украинском языке?» (Как видно, он оказался «сильным» знатоком национальной политики.) «О Солженицыне, Якире, Сахарове — это вопрос частный, и его надо решить отдельно».

Выступление Брежнева. «Обсуждение вопроса далеко вышло за пределы информации Андропова. Нам надо в корне пересмотреть всю работу по борьбе с враждебными элементами. Действительно, имеет место слабая информация со стороны партийных органов в ЦК КПСС. И это факт, что тов. Шелест П. Е. недостаточно информировал ЦК КПСС, а события, носившие политический характер, не взволновали его и не было по этому поводу мне звонка. Притуплена политическая ответственность со стороны руководства республики». (Это все не соответствует истине и действительности! Соответствующая информация и звонки были, но решений по ним Москва не принимала, хотя ЦК КПУ и вносил каждый раз конкретные предложения.)

Далее Брежнев продолжал: «Нам надо наступать, а не обороняться, надо вести решительную борьбу против малейшего проявления враждебности. Ведь идет процесс классовой борьбы, идеологической борьбы, надо поднять политическую бдительность. Национальный вопрос — это сложный вопрос, его надо затрагивать, но вместе с тем надо затрагивать весьма осторожно. Но и при всех условиях нельзя его упускать из поля зрения. Одновременно надо воспитывать социалистический патриотизм. Непонятно, зачем мы в литературе и искусстве воспеваем старину? Нам надо полнее, лучше в нашей воспитательной работе использовать решение ЦК КПСС по 50-летию СССР. Усилить идеологические отделы, в том числе и руководство кинокомитетом. (Здесь речь пошла о замене Романова — председателя кинокомитета.) Нам надо усилить воспитательную работу по всем звеньям, комсомолу, студенческой молодежи, профсоюзам, — все это направить на улучшение нашей политической и идеологической работы. Продумать всю гамму вопросов воспитательной работы во всех областях нашей идеологии, усилить идеологическую бдительность. Кадровые вопросы — это гвоздь всей нашей работы. Сейчас в кадрах происходит большое перемещение, и поэтому надо установить другой подход к выдвигению кадров. Надо в значительной степени обновить аппарат ЦК КПСС. Здесь много людей «засиделось». (В частности, он назвал фамилии Органова и Панюшкина из отдела заграничных кадров. А это самые добропорядочные и честные работники, но имеющие свое мнение.) Надо посмотреть расстановку кадров в центральном советском аппарате». И тут же сказал, что «плохо выдвигаются национальные кадры». «Бдительность, еще раз бдительность», — такими словами Брежнев закончил свое выступление.

Решения никакого принято не было, а в протоколе записали: «Одобрить информацию Андропова».

После этого заседания у меня остался очень тяжелый осадок. Я впервые задумался, как быть дальше? И пришел к выводу, что надо уходить, ибо в таком ералаше дальше работать было невозможно. В 24.00 я вылетел из Москвы в Киев, был дома только в 2 часа ночи.

31 марта, в 11.00 открылся Пленум ЦК КПУ. Он прошел неплохо, но настроение у меня было ужасное.

Принял И. Назаренко, директора Института марксизма-ленинизма, он проинформировал о работе института. Очень огорчен, что его предательски провалили на выборах в Академию наук. Рассказал о подлом поведении «историка» Никольского.

Он обвиняет всех и вся на Украине в сепаратизме и национализме, извращает историю КПУ. Должного отпора не получает, в Москве его кое-кто «подбадривает» (наверняка в первую очередь Суслов). Щербицкий принимал Никольского. Из этого ясно, что происходит закулисная игра. Как все это надоело и как оно вредит настоящему делу.

Принял Крикуна, первого заместителя председателя КГБ УССР. Обсуждали вопросы подготовки к Первомайским праздникам; в целях обеспечения безопасности КГБ предлагает отодвинуть трибуну вглубь на 4—5 метров. Я не согласился, сказав, что, если бояться своего народа, тогда делать нечего — надо уходить с занимаемого поста. В Киев на Первомайские праздники прибывает большое количество иностранных туристов, в том числе и евреи из США, разрабатываются необходимые мероприятия.

3 апреля. Позвонил мне Фролов, заведующий Отделом машиностроения ЦК КПСС, сообщил, какие принимаются меры по моей записке в ЦК по производству на ХТЗ тракторов Т-150. Наконец-то, кажется, доходит, что так дальше работать невозможно.

Я позвонил Куликову В. Г., начальнику Генерального штаба Министерства обороны СССР. Просил его найти возможность из списанной техники и имущества отпустить для нужд хозяйства республики тягачи, электростанции, цистерны, понтоны. Обещал разобраться и по возможности помочь.

Из Москвы позвонил мне П. А. Розенко. По моему заданию он был у Косыгина по вопросам материально-технического обеспечения водоснабжения населения республики. Почти все вопросы по моему письму и разговору с Косыгиным решены. Это хорошо.

4 апреля. Проводил Иринку, Борю и Лелю в Италию по приглашению. Пусть поедут посмотрят, пока есть возможность. Чувствую, что это последняя возможность.

10 апреля. Заседание Политбюро ЦК КПУ. Рассматривается вопрос о ходе строительства Чернобыльской атомной электростанции. Вопрос разобрали хорошо, надо принимать дополнительные меры, чтобы выправить положение. Также рассмотрели вопрос о дополнительных мерах по обеспечению водой населения и промышленных объектов республики в 1972 году. Складывается очень сложное положение.

15 апреля. Всем составом Политбюро ЦК КПУ были на субботнике в Ботаническом саду. В субботнике принимали участие вместе с нами рабочие «Арсенала», большинство молодежи, хорошие все ребята. Сам Ботанический сад неплохой, но мог быть лучше, дал задание представить мероприятия по комплексному развитию Ботанического сада АН УССР. После субботника побывал на квартирах у рабочих «Арсенала», а затем всю бригаду пригласил к себе домой — хорошо провели время.

16 апреля. В сельском хозяйстве положение сложное. На юге республики страшный засухой, большая тревога за урожай зерновых. Утверждают, что такого безводья не было на Украине 100 лет. Отсюда все беды для сельского хозяйства. Высокий год, он еще принесет немало тревог, несчастий и бед, почему-то я это чувствую сердцем и душой.

19 апреля. Позвонил мне первый секретарь Донецкого обкома партии В. И. Дегтярев и сообщил, что органы КГБ дали справку о том, что якобы отец первого секретаря райкома партии Куликовой был полтора месяца в полиции при оккупации немцами Донбасса. Опрос соседей не подтвердил эти факты, но над Куликовой уже нависла угроза о том, что ее надо освободить от должности секретаря райкома, раз есть «сигнал КГБ», хотя Куликова была во время войны совершенно малым ребенком, а сейчас работает очень хорошо, на постах первых секретарей райкомов женщин очень мало. Но теперь ее судьба никого больше не интересует. Я все же дал задание тщательно расследовать все вопросы и доложить ЦК КПУ.

Переговорил с Головченко (МВД) и Глухом, прокурором республики. Поручил побыстрее закончить следствие по Одессе, связанное со взятками по квартирам. Ввиду того, что это большая группа, условились, что судить будем отдельными группами, но строго.

20 апреля. Принимал Погребняка, секретаря ЦК, и Шевчука, заместителя Предсовмина УССР, рассматривали вопросы производства обезжиренных молочных продуктов. Этим занимаемся поневоле: не хватает молока покрывать все потребности спроса. О производстве дополнительно к плану 28 тысяч тонн животного масла, в том числе большого количества «крестьянского» — 30%. Переходящий остаток масла должен был быть 17 тысяч тонн, а фактически осталось 5 тысяч тонн. Чем будем кормить людей, трудно себе представить. Многие предприятия

по переработке молока и мяса находятся в антисанитарном состоянии и являются источником кишечных заболеваний. В Херсоне в один день от употребления некачественных молочных продуктов заболели 350 человек, в том числе 120 детей. Большая часть из заболевших госпитализирована. Послана комиссия для принятия мер на месте.

Погода в Киеве отвратительная: холод, 2 — 3 градуса тепла, ночью ожидаются заморозки до —4 градусов. Сейчас 18.00, идет обильный снег, просто невыносимо от резкой перемены погоды, настроение угнетенное, просто несносное. Все в зелени и цвету, и все под обильным снегом, просто больно на все смотреть.

Переговорил с первым секретарем Крымского обкома партии Кириченко, сказал ему, что много идет разговоров по случаю неправильных действий на местах в связи с затруднениями обеспечения населения водой, в том числе в первую очередь Севастополя, где резко ограничивается подача воды. Надо принять дополнительные меры для обеспечения водой населения. Договорился о проведении в Симферополе в первых числах мая совещания по орошаемому земледелию вместо ранее назначенного в Херсоне. Там свирепствуют кишечно-желудочные заболевания. Зарегистрировано свыше 1500 случаев, сотни человек госпитализированы. Не стоит рисковать большим заездом людей в Херсон.

30 апреля. Принял академика Глушкова В. М., послушал его обстоятельную информацию о системе управления (ГАС). Очень много сложностей для внедрения в управление народным хозяйством Государственной Автоматической Системы. Для этого надо почти в корне изменить, упростить структуру нашего управления, только тогда ГАС может принести пользу. Но у нас консерватизм — страшная сила. Если при Хрущеве несколько страдали от реорганизаций, то сейчас на все смотрят настолько консервативно, что во многом существующая структура управления народным хозяйством является тормозом. Что же лучше — смелость и знание дела или трусость и отворот от реальной жизни?

Май 1972 года. Первомайская демонстрация прошла хорошо, мое выступление тоже прозвучало неплохо. Было некоторое огорчение на обеде от отдельных лиц, чувствуется какая-то напряженность. Только в первой декаде мая празднуем 1, 2, 7, 8, 9 мая. Когда же работать? Безрассудно тратим дорогое время.

3 мая. В Меловском районе Ворошиловградской области днями открывается обелиск в честь освобождения первого села украинской земли от немецко-фашистских захватчиков. Это делается по моему предложению, надо послать на открытие кино- и фоторепортеров, корреспондентов, широко осветить это событие в средствах массовой информации. От ЦК КПУ и Совмина поставить корзину цветов.

4 мая. Позвонил Брежневу — проинформировал, как прошли Первомайские праздники, рассказал об общей политической обстановке и нежелательных проявлениях, которые произошли за дни праздников. О работе промышленности и транспорта в праздничные дни. Эти же данные сообщил и Сулову, тот просто промолчал, под конец просто буркнул что-то невнятное. Разговоры с Брежневым и Суловым были довольно сухими.

5 мая. Обсуждал вопрос с секретарями ЦК КПУ о проведении Пленума ЦК по идеологическим вопросам, в основу доклада взять материалы по подготовке к 50-летию СССР.

Ставлю уже в третий раз вопрос об организации музея истории гражданской и Великой Отечественной войн. Об организации, создании, строительстве, специального пансионата для старых большевиков. Непонятная инертность и безразличие в решении этих важных вопросов со стороны ответственных работников Совмина республики.

Писатель Бердник (фантаст) подал заявление в ЦК КПУ с жалобой на действия органов КГБ. Они его третируют, провоцируют, сделали обыск на его квартире. Он в знак протеста объявил голодовку и находится у себя на квартире. Поручил Федченко, заведующему отделом ЦК КПУ, переговорить с Бердниковым. К сожалению, все факты подтвердились. Вокруг всего этого создается нездоровый ажиотаж.

6 мая. Поступают жалобы на перебои в торговле молоком, хлебом. Хлеба расходуется значительно больше, чем прежде; комбикормов нет, население в ряде случаев скармливает хлеб скоту. Надо установить контроль, куда уходит нестандартный и черствый хлеб и сколько такого хлеба по республике. Дал задание все проверить и доложить. С хлебом в стране складывается тяжелое положение. Безусловно, придется закупать значительное количество в США, Аргентине.

Рассматривал вопросы работы отраслей оборонной промышленности. Складывается тяжелое положение с освоением и производством новейшей военной техники и вооружения. Произ-

водство ракет с разделяющимися головками (кассетных) задерживается. Производство новых танков просто тормозится. Отзывы о наших ракетах в США не очень лестные. Надо очевидно, в мае провести совещание ракетостроителей. Еще написать письмо в ЦК КПСС, в котором высказать тревогу по всем вопросам новой военной техники. Над военными нет никакого контроля, они что хотят, то и делают с военной промышленностью. Все это обходится в миллиарды рублей государству. Писать письмо в ЦК КПСС по всем этим безобразиям — это значит снова вызвать недовольство и какую-то «бешеную», хотя плохо скрываемую «ревность» Брежнева. А спрашивается, почему? Вот так и задумываешься, как же поступить?

9 мая. День Победы. В 11.00 возложение венков у обелиска Славы и Вечного огня. В 13.20 машиной выехал в Симферополь на совещание по орошаемому земледелию. По дороге посетил и ознакомился с Млиевской плодово-ягодной станцией в Черкасской области. Хорошее хозяйство, но беда наша, просто трагедия как везде: подсиживание, раздор, все это отражается на работе. Как избежать этого и когда мы избавимся от этого гнуснейшего порока?

Ночевал в Кировограде, рано утром выехал полями по Днепропетровской и Херсонской областям, поля везде хорошие. Ночевал в Новой Каховке, туда же подъехали руководители Крымской области.

11 мая осмотр орошаемых полей и поливной техники, посетил совхоз «Саки», очень интересное теплично-парниковое хозяйство, работает хорошо, рентабельно, собирает высокие урожаи овощей.

Внезапный перевод с Украины.

«Самый черный день моей жизни».

19 мая. В 10.00 в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК КПСС. Обсуждались два вопроса: 1. Об обмене партийных билетов — докладчик Капитонов. 2. О международном положении — доклад Брежнева.

По первому вопросу выступило пять человек. Затем до обеденного перерыва заслушали доклад Брежнева. Доклад Брежнева был каким-то возвышенно-торжественным, «всепобеждающим».

Во время обеденного перерыва я заметил, какую-то суету: многие из членов Политбюро как-то странно, скрытно пробирались на 3-й этаж в кабинет Брежнева, я туда приглашен не был. Поехал обедать в постпредство, со мной обедали Щербицкий, Ляшко, Дрозденко. Разговор как-то не клеился, довольно странно вел себя Щербицкий.

После обеда приступили к обсуждению доклада Брежнева. От Украины дали слово Ватченко, первому секретарю Днепропетровской области, хотя меня предупредили, чтобы я готовился выступать, и я готов был выступить.

Когда выступил четвертый оратор, Брежнев вызвал меня из зала в комнату президиума, правду скажу, что у меня что-то оборвалось — я почувствовал недоброе.

За последние месяцы между мной и Брежневым появилась какая-то холодность, натянутость, и причина мне еще не была совсем ясной. Я думал, что состоится откровенный, может быть, даже крутой и крупный разговор. Когда я вошел в комнату президиума, там сидел Брежнев и уже ждал меня; против обыкновения в прихожей стоял его порученец, меня это тоже несколько насторожило. Пошел общий, ничего не значащий разговор. Брежнев спросил, как дела, как настроение, что нового. Я старался проинформировать его о делах в республике, но, видя, что это все его совсем не интересует, умолк. Молчание продолжалось несколько минут. Затем Брежнев не без опаски повел разговор, что, мол, ты, Петр Ефимович, уже

10 лет Первым секретарем ЦК КПУ, может, пора тебе переменить обстановку. Когда долго работаешь на одном месте, притупляется чутье, надоедаешь ты людям и они тебе. Я прямо спросил его, о чем идет разговор, почему так скоропалительно и внезапно встал вопрос? Брежнев несколько замаялся, но затем сказал: «Надо сменить тебе обстановку, перейти работать в Москву». Спрашиваю, какая причина этому, молчит. Только повторяет: «Надо сменить обстановку. С твоим опытом ты нужен здесь, в Москве. А там надо омолодить кадры, надо готовить смену. Давай согласие. Все будет хорошо — это я тебе говорю». Речь пока не шла о конкретной работе. Я сказал Брежневу: «Если вы считаете, что надо омолаживать кадры, делайте это. Но ведь в центре надо тоже омолаживать кадры. Какой мне смысл в 64 года начинать новую строку в моей жизни? И если это так, как вы говорите, что только нужно мне «переменить обстановку и омолодить кадры» и других претензий ко мне нет, то отпустите меня на пенсию, я, кажется, достаточно отработал и на хозяйственной работе, и на партийной работе». Тут он взбудоражился и сказал: «Что ты ставишь вопрос о пенсии, как Воронов в свое время о переходе на другую работу?» Я ответил: «Мне неизвестно, как ставил вопрос Воронов о переходе на пенсию, да он и моложе меня. Я прошу отпустить меня на отдых». Тут, очевидно сгоряча, Брежнев сказал: «А что об этом подумает партийный актив?» Я ответил: «Подумают, что я ушел по старости и по состоянию здоровья». Брежнев резко сказал: «Ты же здоровый как бык, на тебе еще можно ездить десяток лет. С чем тебе жалко расставаться? У тебя в Москве будет все — моя личная дружба, ты всегда будешь моим домашним другом, будем вместе ездить на охоту». Я ответил, что дело не в этом и не это главное, а действительно расставаться тяжело. Только 10 лет проработал в ЦК КПУ, много остается еще неосуществленных замыслов и планов. Он мне ответил: «В Москве тоже возникнут планы и замыслы, ты пойдешь работать в Совмин зампредом». Не успел я опомниться и осмыслить это предложение, а он продолжал наседавать: «А что, тебе мало? Ведь это зам. Предсовмина такой страны! Будешь заниматься промышленностью, в том числе и военной, у тебя ведь огромный опыт, и он нам нужен в Москве». Я Брежневу ответил: «Дело не в том, мало или много, так не рассуждают, а дело в коренной ломке и целостности всей этой затеи. Вы мне скажите прямо: какая все же главная причина моей замены? Я старался работать с отдачей всех сил и умения, дела в республике идут неплохо». Брежнев на мой вопрос ответил: «По работе к тебе претензий нет, но так надо сделать для общей пользы дела. Отпустить тебя сейчас на пенсию не можем. Пройдет время, и уйдешь на пенсию, и хорошую пенсию.

А сейчас ты должен быть в Москве. Давай согласие, и все члены Политбюро правильно поймут этот твой шаг. Насчет работы, ее объема в дальнейшем посмотрим». С большой болью в сердце я сказал: «Ну что ж, если по-другому нельзя поступить, делайте как хотите». Он встал обрадованно: свершил «великое» дело, обнял меня, расцеловал и почему-то сказал: «Спасибо». На этом наш разговор с ним закончился. Он вышел в зал заседаний, а через несколько минут с большой горечью, поняв, что на этом моя политическая карьера закончилась, вышел и я в зал заседаний.

Через некоторое время, увидев, что из зала вышел Подгорный, вышел и я. Он нервно закуривает и спрашивает меня: «Ну что, говорил с тобой Брежнев и дал ли ты согласие?» Я ответил, что дал под большим напором, просился на пенсию, он не согласился меня отпустить. Подгорный ответил: «Правильно, что не отпустил на пенсию, и правильно, что ты дал согласие. Переходи в Москву, будем вместе работать, ты нужен здесь, а то останешься секретарем партийной организации Украины». Я Подгорному сказал, что мне очень тяжело. «Понимаю, нелегко. Сам вспоминаю, с какой горечью и тяжестью уходил с Украины в Москву». Я сказал ему, что было бы другое дело, когда бы я переходил работать в ЦК КПСС, а то какая огромная ломка. Подгорный мне ответил: «Ничего, все оботрется. У тебя огромный опыт и хозяйственной, и партийной работы». Во мне же бился вопрос: почему и за что?

Все произошло неожиданно, просто внезапно, а я ведь в работу вкладывал все силы, весь свой опыт, разум. Много сделано, немало осталось замыслов и планов. И тут, сам не знаю почему, я в свой дневник записал: «Мой родной край, народ, мужайся! Предстоят трудные тебе дни и годы». Но мне еще надо работать для себя, Отечества, детей внуков, Иринки. Тяжело, грустно, обидно, больно до невозможности. Трудно себе представить все это. Не ожидал никогда, что так круто будет решен вопрос. Многим будет очень тяжело в связи с моим уходом с Украины.

После Пленума ЦК КПСС, вечером, состоялось заседание Политбюро, решались некоторые вопросы. Затем Брежнев поднял вопрос о заместителе председателя Совмина, при этом сказал: «Нам надо брать в центр опытных работников. Здесь дел очень много, и ответственных. В связи с этим вносится предложение: Петра Ефимовича Шелеста утвердить заместителем Предсовмина. Человек он опытный, пусть помогает. А у нас дел много. Я с ним по этому вопросу имел разговор, он сперва не давал согласия, а затем согласился. Я приношу, Петр

Ефимович, извинения, что раньше не смог переговорить по этому вопросу». Я заметил, что для многих членов Политбюро такой оборот дела был полной неожиданностью. Знали об этом, кроме Брежнева, Подгорный, Косыгин, Суслов. Уверен, что знали и Щербицкий и Кунаев. Кто-то из присутствующих подал реплику: «А как он сам на это смотрит, что скажет?» Что скажешь в такой обстановке? Я только и сказал: «Всему есть начало и конец».

Некоторые начали меня поздравлять. Спрашивается, с чем? Брежнев, обращаясь ко мне, сказал, что задерживаться в Киеве не стоит, много дел в Москве. В это время Щербицкий подал голос, что, мол, в Киеве надо разобраться со многими вопросами. Брежнев ему в ответ сказал: «Разберетесь сами — все будет хорошо». Щербицкий отвечает: «Что же хорошего? Забрали первого секретаря и ничего не спросили». А я вижу, что у самого играющее, просто сияющее лицо, и все это было разыграно как по нотам. Подошел ко мне Косыгин — подбодрил, поздравил, сказал: «Ничего, поработаем вместе». Так появилось решение Политбюро ЦК КПСС, протокол № 47, § IV «О заместителе Председателя Совета Министров СССР. Утвердить тов. Шелеста П. Е. заместителем Председателя Совмина СССР, освободив его от обязанностей Первого секретаря ЦК Компартии Украины». Поздно вечером улетел в Киев. Со мной летели Щербицкий и Ляшко. Разговор совсем не клеился, да и не до того мне было.

Очень тяжело мне, плохо, что Брежнев со мной не поговорил обо всем откровенно, но что же сделаешь — видно, это его «почерк» так обращаться с товарищами, которые «помогали» ему прийти к власти. Напрасно он так жестоко со мной поступил, когда-то об этом история свое слово скажет, а он пожалеет.

Поздно вечером прямо с аэродрома приехал на дачу в Межгорье. На улице чудесная погода. Все в зелени, в цвету, а у меня черная тоска на сердце и душе, неодолимая тяжесть и обида. Вся семья переживает страшный удар. Многие жалеют о случившемся, и мне многих очень жалко. Очень тяжело, но надо крепиться. Ночь была кошмарной. Не раз подкатывали слезы, давило горло от незаслуженной обиды. Молодец Иринка, она тоже переживает, но все время подбадривает меня, держится хорошо, хотя, я вижу, ей очень тяжело за меня.

20 — 21 мая. Появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении заместителем Предсовмина. Я начал разбирать все свои «архивы». Многие сувениры отправил в филиал Музея В. И. Ленина и Дворец пионеров. Многие звонят,

спрашивают, что случилось. А что я могу сказать? Произвол, клевета, трусость, интриги и жестокость сыграли свою роль, причем позорную — вот причина того, что случилось.

22 мая. Пришел ко мне Я. К. Руденко, заведующий Отделом оборонной промышленности ЦК КПУ. Вижу, чувствую, что он искренне расстроен: «Украина в трауре, люди не понимают, что делается. Никто за внутреннее состояние в стране не несет ответственности и не отвечает. У нас в руководстве не любят энергичных, смелых, самостоятельных, откровенных работников. Авторитет ваш кое-кого испугал, вас просто съели». Руденко был до того огорчен случившимся, что просто у меня в кабинете расплакался, чем причинил мне еще большую боль. Подобные заявления я слышал от десятков людей. Они говорили, что со мной неправильно поступили и мы об этом можем сказать где угодно. Все, с кем мне пришлось разговаривать, высказывают мнение, что во всем этом деле сыграл самую подлую роль Щербицкий.

Решил некоторые вопросы с устройством квартир обслуживающего персонала. Свою квартиру оставил за собой — об этом сказал хозяйственникам ЦК КПУ. Некоторые кадры временно поедут со мной в Москву для определенной преемственности, осмотрятся на месте, как быть дальше.

Переговорил с некоторыми областями, везде высказывают недоумение по поводу моего «перемещения», жалеют об этом и заявляют, что творится вопиющий произвол и несправедливость. Почему этот вопрос решают без Пленума ЦК КПУ?

Когда у меня в Москве был разговор с Брежневым, я спросил его, кто же будет вместо меня. Он ушел от прямого ответа: «Посмотрим». Я ему высказал свое мнение, что на пост первого секретаря братя надо Ляшко, на второго — Иващенко из Харькова или Дегтярева из Донецка, Лутака — на Председателя Президиума Верховного Совета или же Кальченко. По остальным кандидатурам он умолчал, а по первому секретарю не выдержал, сказал: «У нас там есть член Политбюро». Вспомнил эти слова, и для меня все яснее становилась вся «кухня», затеянная с моим перемещением.

Переговорил с Кириленко, так как два дня не могу соединиться по телефону с Брежневым. Кириленко я сказал, что мне очень тяжело. Поступили со мной грубо, оскорбительно, трудно представить большую вероломность, чем допущена по отношению ко мне. Нет у нас в центре уважения, любви к инициативным, принципиальным, болеющим за дело кадрам, а существует черная зависть, боязнь и мелочная ревность. Разговор с Ки-

риленко был у меня резкий, неприятный. Чем это все может кончиться, трудно представить себе. Я сказал Кириленко, что два дня не могу дозвониться до Брежнева, но я знаю, что он у себя на месте. Я хотел уточнить, как и когда проводить Пленум ЦК КПУ и кого рекомендует ЦК КПСС на первого секретаря. Я спрашивал, почему от меня все это держится в строгом секрете?

Состоялся у меня крупный разговор со Щербицким, все, что я знал о его «действиях» в отношении меня, я ему высказал в глаза. Что он неискренний, опасный человек, большой карьерист и подхалим, что я плохо знал его и некоторых людей из близкого окружения, много доверялся им. И все же большинство работников честных, искренних, добросовестных, но им трудно будет работать с этим продажным подхалимом.

23 мая в воскресенье утром мне на дачу позвонил Лутак и сообщил, что из Москвы звонил Сулов и сообщил, чтобы я сегодня же вылетел в Москву. Я ответил Лутак, что у меня есть телефон и что если я нужен Сулову так срочно, то пусть он мне позвонит.

Через некоторое время позвонил мне Сулов и довольно сухим, официальным тоном предложил мне прибыть в Москву. Причем категорически настаивал на этом, подтверждая, что в Москве много работы в связи с приездом Никсона и что меня там «все» ждут. Я ответил Сулову, что немедленно прибыть не могу по состоянию здоровья. Да и Пленум ЦК КПУ назначен на 25 мая, хочу побыть на Пленуме, по-человечески проститься с теми, с кем мне пришлось работать на Украине не один десяток лет. Ведь я только Первым секретарем ЦК КПУ проработал около 10 лет. Сулов мне ответил: «Пленум откладывается, а вы должны быть в Москве». И тут же добавил: «Иначе будет плохо». Я уже не мог этого выдержать и сказал ему: «Тов. Сулов, вы меня не пугайте, ничего я не боюсь, хуже и страшнее не будет, чем то, что вы со мной сделали». После такого ответа Сулов притих. Я Сулову сказал, что самолетом лететь не могу по состоянию здоровья, а поездом тоже не могу выехать «немедленно», ибо у меня есть еще свои дела. На этом разговор и был закончен. Но из этих разговоров я понял, что происходит какое-то маневрирование временем. Очевидно, до них дошло настроение и высказывания среди членов ЦК КПУ и партийного актива по поводу моего такого «выдвижения» и использования кадров. Вот они и решили «сманеврировать»: отложить Пленум ЦК и провести его в мое отсутствие. Все это выглядело несолидно, глупо, трусливо, по-воровски. Как будто бы я мог предпринять что-либо другое, чем решение Политбю-

ро ЦК КПСС. Ведь я не один десяток лет в партии, да и «порядки» наши знаю хорошо. Тяжелый осадок остался от разговора с Суловым. Я-то хорошо понимал, что звонок ко мне Сулова и его разговор в таком тоне со мной — это не самоинициатива его, я ведь его «храбрость» хорошо знаю. И тем более я еще больше стал убеждаться, что Брежнев поступил со мной не по-партийному, грубо, оскорбительно, нетактично, фарисейски. Его «клятва» в дружбе — это просто прием мелкого человека, прикрытое лицемерия и трусости. Ну что ж, будем ждать (если вообще выдержу), что будет дальше.

Я собрал весь аппарат ЦК КПУ. С ним сердечно, тепло, искренне простился. И со стороны аппарата чувствовал я теплоту, уважение, но вместе с этим какое-то замешательство, смущение и недоумение: что же случилось? Поблагодарил всех за совместную работу, попросил прощения за то, что, может быть, кого когда чем обидел. Сказал, что работали мы хорошо, дружно, пожелал успехов и слаженной работы, здоровья и благополучия каждому из них. Высказал сожаление, что уезжаю до Пленума ЦК КПУ, но так складываются обстоятельства. Многие просто прослезились, пожелали мне успехов, здоровья, просили не забывать их совместной работы. А разве это возможно забыть? На встрече с аппаратом присутствовали и те, которые будут радоваться случившемуся.

Вечер 23 мая. Надо было решать судьбу своих помощников, близких людей. Они все тяжело переживают мой уход. Он затрагивает большой круг людей. Все это воспринимается с большой болезненностью, очень жалко всего. Но будем надеяться, что все обустроится: ведь нет у человека безвыходного положения, если он этого хочет.

24 мая. Члены Политбюро ЦК КПУ хотят мне устроить прощальный обед, а он мне хуже горькой редьки. Знаю, что среди этих «деятелей» немало подлецов, и смотреть мне на них противно. Обед все же состоялся, но разговора откровенного не было. Все замкнуто, натянуто. Хотя и поднимали тосты за здоровье мое и успехи в «новой работе», и большинство это делало искренне, а кое-кто и лицемерно.

Сегодня вечером поездом с Ириной выезжаю в Москву. Со мной едет помощник Пахаренко, обслуживающий персонал, «личная» охрана. На душе невероятная тоска, грусть, обида. Чем все это может кончиться, трудно даже сейчас предположить. На вокзал приехали проводить меня все члены Политбюро ЦК КПУ и, как обычно, «официальные» лица. В прощаль-

ных речах была какая-то скованность. Простились холодно. Не успел поезд, который меня везет в Москву, выйти за стрелки и семафор, как последовал звонок в Москву, что я уехал. От Суслова последовало указание: «Завтра, 25 мая, утром провести Пленум ЦК КПУ. Первым секретарем избрать Щербицкого. От ЦК КПСС никого на Пленуме не будет». Всю ночь был аврал — звонили, разыскивали членов ЦК КПУ, свозили их самолетами, автомашинами. Очевидцы и участники говорили, что все это походило на «мобилизацию военного времени», причем не на планомерную, организованную, а на растерянную и перепуганную. В 10 часов утра провели Пленум, я еще, по существу, не успел оглядеться в Москве.

25 мая. Итак, я прибыл в Москву. (Ровно 30 лет тому назад, в мае 1942 года, я из Челябинска прибыл в Москву для работы в аппарате ЦК ВКП(б/)). В Москве квартиры нет, определили на дачу, а дача — это захолустье, какая-то времянка: «поднимают» настроение.

В этот же день был в ЦК КПСС. С Брежневым не встретился: он готовится к предстоящей встрече с Никсоном. Была встреча с Кириленко и Сусловым, но разговора не получилось, так, общеизвестные, ничего не значащие «изречения». Чувствуется какая-то неловкость и неуверенность у них обоих. Я с ними заговорил, что, мол, получилось нехорошо: сегодня состоялся Пленум ЦК КПУ, можно было бы побить мне на нем, проститься с товарищами. Все же в общей сложности в ЦК проработал более 10 лет. Но пусть то, что я не был на Пленуме, будет на совести некоторых. Суслов как-то иезуитски, лицемерно, но все же смущенно и в некотором замешательстве сказал, что-де он ничего не знает о Пленуме. Но тут же спохватился и «пожалел» меня: «Может быть, и лучше, Петр Ефимович, что вас не было на Пленуме, меньше травм».

Но, конечно же, не этим руководствовались Брежнев и Суслов, когда меня, по существу, устранили от участия в работе Пленума — был страх. От этого разговора у меня остался неприятный осадок.

Того же дня был в Совмине. Управделами Смиртюков и начальник хозу Леонтьев показали мне мой кабинет, приемную, секретариат — все обставлено неплохо. Разговаривал с Мазуровым К. Т. В общих чертах он ознакомил меня с объемом работы, условиями и спецификой. Тут же откровенно сказал: «Петр Ефимович, тебе трудно будет привыкнуть, я вот уже здесь четвертый год, а привыкнуть никак не могу». Называется, «поддержал».

Переговорил с Косыгиным по телефону. Условились, что завтра, 26 мая, я должен быть у него — будем определяться с моим объемом работы. Разговор был добродушным, посмотрим, что будет дальше.

26 мая Косыгин не позвонил мне, второй день нахожусь в Москве без дела. Знакомлюсь с документами Совмина и жду, а чего жду, сам не знаю. Привычка — большая сила. Как трудно от нее отвыкать.

Сегодня в центральной печати есть сообщение о прошедшем Пленуме ЦК КПУ, нелегко было это мне читать. Додумались-таки сообщить в печати, в связи с чем я освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК КПУ и члена Политбюро ЦК КПУ.

За обедом я встретился с Косыгиным. Он сказал, что еще не определился с моими обязанностями. Но тут же повел разговор, чтобы я взялся курировать топливо и энергетику — самое тяжелое в народном хозяйстве. Я от этого «предложения» отказался, мотивируя тем, что с этими отраслями хозяйства я знаком плохо. На этом и закончился с Косыгиным разговор. Он добавил: «Еще посоветуемся».

Позвонил в Киев Лутаку и спросил его, как же это случилось, что я не успел доехать до Москвы, а вы поспешно, воровским способом провели Пленум. Лутак мне ответил, что они ни при чем: им позвонил Суслов и «дал команду». Я все же спросил Лутака, как прошел Пленум. Он ответил, что было некоторое волнение и напряжение, но «все прошло хорошо».

26 мая. Позвонил мне Брежнев уже после моей встречи с Косыгиным. Поприветствовал меня с приездом в Москву, перебросились ничего не значащими словами и репликами. Непонятна осталась для меня его фраза: «Ничего, разберемся в этом лабиринте». Им я был приглашен на подписание советско-американских соглашений и документов и на прием в посольство США. Брежнев ходит просто «победителем», как-то он в узком кругу сказал: «Я прижал Никсона по всем вопросам так, что ему деваться некуда было». Бахвальство и самонадеянность, он говорит — «вершина власти далеко не всегда есть вершина мудрости и ума».

На дачу приехал поздно. Страшно устал, тоска невыносимая, надо бы отделяться от этого состояния побыстрее, если это в моем состоянии вообще возможно сделать.

Все же не выдержал — ночью написал заявление в Политбюро ЦК КПСС. Вот его содержание, вернее, копия:

В Политбюро ЦК КПСС

Заявление

В связи с резким ухудшением здоровья и крайне угнетенным морально-физическим состоянием, вызванными всеми обстоятельствами, прошу Политбюро ЦК КПСС освободить меня от обязанностей члена Политбюро и навязанной мне должности заместителя Предсовмина. В 65 лет нет смысла начинать жизнь снова. Может быть, она хотя бы немного и сохранится такой, какой сложилась. Если заслужил, установите мне соответствующую пенсию и определенные льготы. Мой партийный и трудовой стаж известен. Возвратите меня, хотя и «искалеченного» морально, к семье, сыновьям и внукам. Многим товарищам спасибо за совместную работу и искреннее сочувствие о случившемся. Прошу Вас поверить искренности высказанных слов и моего состояния, морального и физического. Не усугубляйте мою тяжесть, не доводите до печальных нежелательных последствий. В своей работе я всегда за все платил сам. Прошу удовлетворить мою просьбу.

26 мая 1978 года

П. Шелест»

О содержании моего заявления в Политбюро кое-кто из членов Политбюро знал. Я сам поделился с ними. Некоторые отговаривают, советуют не спешить с таким заявлением, в том числе Подгорный и Полянский. Говорят, что это будет воспринято как протест. Это правильно, что в этом изложении протест, обида, возмущение несправедливостью и вероломством. Мне очень тяжело, и все же, очевидно, надо выдержать это напряжение, иначе может быть очень неприятный резонанс среди партийного актива.

28 мая. Был на работе, смотрел некоторую почту, газеты, журналы. От такого безделья просто деваться некуда. Скорее бы уж решался вопрос об обязанностях и объеме работы, чтобы как-то постепенно вводить себя в рабочую колею. Хотел выехать на предприятия в города, области, республики для ознакомления, но «порядок» такой, что без Брежнева никто никуда выехать не имеет права, хотя это и диктуется интересами дела. А Брежневу сейчас не до этого: он «творит мировую политику».

Вечером с Иринкой смотрели у Образцова «Божественную комедию».

29 мая. В 9 часов утра срочное заседание Политбюро, вопрос о ходе переговоров с американцами и подписании дополни-

тельных соглашений в 14.00, а в 15.00 прием в Колонном зале Дома союзов в честь Никсона и его проводы. Он улетает в Киев. На приеме были с Ириной — формальность, спектакль на большой сцене с плохой игрой.

Я не верю ни одному слову американскому, наверное, и у них такое же чувство к нам. При проводах Никсона из Москвы в Киев произошла «заминка» у самолета Ил-62: более 45 минут не могли завести один мотор. Пришлось менять самолет и пересаживать всех пассажиров. Думаю, что американцы из этого инцидента сделают свои выводы. У нас же все сошло гладко, хотя это просто ЧП и скандал. Но глава Аэрофлота Бугаев находится под «крышей и особой опекой» Брежнева, а за что? Известно за что!!

Вечером Ирина уехала в Киев для завершения дел, мне без нее будет еще тяжелее, жду скорейшего ее приезда в Москву.

30 мая. Уже в Москве я нахожусь пять дней, становится все тоскливее. Переговорил с Подгорным, сказал ему о своем состоянии. Он ответил: «Понимаю, нелегко все это перенести, но посмотрим, что будет дальше?» Тут же: «Заявление не подавай».

Позвонил мне Титов В. Н., работает в СЭВ, поздравил с переездом в Москву. Поговорили, он меня пытался успокоить. Все же молодец, хотя бы участливо отнесся. Вечером в 19.30 Подгорный, Полянский, Шелепин и я были на стадионе «Динамо», смотрели футбол команд «Торпедо» и «Динамо» (Москва), поговорили, но наш разговор стал достоянием «служб» и Брежнева. Немного развеялся, но плохо, очень плохо провел ночь: какие-то кошмары снились. Скорее бы все это кончалось.

31 мая. Утром позвонил мне на работу в кабинет Брежнев, поговорили по вопросам, ничего не значащим. Он сказал, что мне поставят прямую связь с ним. Что она даст, кроме лишнего подслушивающего аппарата?

В 11.00 — заседание Президиума Верховного Совета СССР — ратификация договора с ФРГ. Но это уже «блекнет». Сейчас все затмевает визит Никсона и подписание соглашений с США.

В 15.00 заседание Политбюро ЦК КПСС — итоги визита Никсона. Информация Брежнева — общая характеристика подготовки и проведения самих переговоров. Изложение «истории» подготовки и проведения переговоров на «высшем уровне». Это определение впервые было сказано Брежневым, и позаимствовано оно им было у американцев. В переговорах затронут был большой круг вопросов, в подготовке материалов для ведения

переговоров участвовало много людей. Но все вопросы решались на «высшем уровне». Переговоры были сложные, но целенаправленные. С нашей стороны по всем вопросам был большой напор на американцев. По информации Брежнева выступили: Косыгин, Подгорный, Гречко, Громыко.

Теперь говорят, что успехи внешней политики начались после XXIII съезда КПСС. А как же тогда, спрашивается, с ленинской международной политикой и предыдущими съездами партии и проводимой до этого политикой?

Брежневу явно нравились подхалимство и его восхваление его в свете с «успехами» международной политики. Но это делали немногие люди, подхалимы и политические слепцы, которые основоположения нашей международной и внешней политики приводили к истокам только XXIV съезда — это ведь искажение истории.

В разговоре с Косыгиным он мне назвал объем работы — курировать и опекать Министерство тяжелого и общего машиностроения. Я провел работу с кураторами Совмина, ознакомился с объемами работы министерства, переговорил с министрами. Теперь пошла после этого какая-то возня, много демагогий в распределении обязанностей среди многочисленных замов Косыгина. Я в разговоре с Косыгиным сказал ему, что я поставлен в смешное положение. Может быть, я вообще здесь в Москве и Совмине лишний? Об этом при встрече, решил я, скажу и Брежневу. Косыгин меня успокаивал, говорил, что все это зависит не только от него, и прежде всего не от него, и что все уладится. Очевидно, мое настроение и высказывание было передано Брежневу; ибо на второй день он мне позвонил сам и сказал, что все уже решено, так как я хотел. Мне поручается курировать министерства: 1. Министерство путей сообщения (МПС). 2. Министерство Морского флота (ММФ). 3. Министерство связи (МС). 4. Министерство здравоохранения (МЗХ). 5. Министерство медицинской промышленности. 6. Министерство транспортного строительства. 7. Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности. 8. Речной, автомобильный транспорт, автодороги. В каждой отрасли свои сложности и трудности, все эти министерства работают на всю страну, на все отрасли народного хозяйства. Но теперь у меня хоть есть обязанности, как-то определен объем работы.

Итак, я стал постоянным жителем Москвы. Вот этого я никогда не желал делать, но что ж, видно, так суждено.

1 июня. Находился на первом заседании Президиума Совми-

на: полное разочарование. Много беспредметных, лишних разговоров. Подготовка материалов слабая, половина представленных материалов откладывается. Все говорят, и «все все знают». Какая-то ложная и надуманная «демократия» в разговорах, а Косыгин почти единолично навязывает свое мнение; и по нему принимаются решения. Он тоже «все знает» и мало кого выслушивает. Министры, солидные, знающие свое дело люди, ведут себя как мальчишки на поручениях. Первое впечатление от этого «заседания» удручающее. Еще тяжелее становится от того, что в такой обстановке придется мне работать.

Утром в 8.30 из Киева позвонила мне Иринка. Очень расстроена подлостью: вокруг меня организована клевета, всякая гадость подняла голову. Надо Иринку успокоить — ей ведь тоже тяжело.

2 июня. Был в ЦК КПСС, встретился с Сусловым и Кириленко. Разговор был о работе — сказал им, что объем и обязанности в работе моей вроде бы окончательно уже определились. Я перед ними поставил вопрос: откуда идет организованная клевета и травля меня на Украине, много ненужных разговоров вокруг моего перемещения по работе? Я пока остаюсь членом Политбюро, и ненужные разговоры вредят как мне лично, так и общему делу. Они разводили руками и не могли ничего сказать. Они-де ждали в Москве Щербицкого — могли бы с ним переговорить, выяснить, но он не появился. Зато тот получил полную «консультацию» от Брежнева, как плести вокруг меня интриги и разного рода сплетни и небылицы, чтобы унижить мой авторитет, прежде всего на Украине.

В тот же день я позвонил в Киев Щербицкому. Был довольно крутой и неприятный разговор — он его запомнил на всю жизнь.

Щербицкий сам по своей натуре трусливый и мнительный, и по отношению ко мне он самостоятельно не посмел бы распространять гадости. Это все делается при поддержке и с санкции, даже организации Брежнева. Это для меня становится все более и более ясным.

4 июня. Воскресенье, выходной. Иринка в Киеве, тоска. «Скомандовал» своим прикрепленным поехать на ВДНХ — там очень много народа, стоит неимоверная жара.

Посмотрел павильон космонавтики, очень интересный. Павильон медицины бедный, просто примитивный, надо кому-то подсказать, чтобы обратили внимание на этот вопрос. Во второй половине дня был на реке Москве, прошелся по реке на катере. А день все же чертовски длинный.

5 июля. Сегодня ровно два года, как умерла Дарья Петровна, мне очень жалко ее. Толковая, умная была женщина, она была мне вместо родной матери. Она бы в этот трудный и тяжкий час во многом помогла бы нам с Ириной. До сих пор Ирина в Киеве, кончает там дела. Ей там в этот день особенно тяжело.

Позвонил мне Андропов (КГБ), предложил на выбор две дачи — в Заречье и Колчуге. Остановился на Колчуге, хотя колчугинскую дачу и называют «замком привидений». Ну что ж, в моем положении привидения просто развлечения.

6 июня. Не успел уехать Никсон, как прилетел с огромной свитой в старческом возрасте вождь Югославии Тито. Все в угаре — приемы, обеды, переговоры, снова завтрак, проводы и встречи.

Имел разговор с А. Н. Косыгиным — он заметил мое моральное и душевное состояние и сам со мной заговорил: «Петр Ефимович, у тебя сейчас центральный вопрос — не впасть в меланхолию, не допустить ослабления самоконтроля. Держаться подтянуто, ходить с поднятой головой, гордо: ведь на тебе нет ни единого черного пятнышка, ты все отдавал партии и народу. Бывают несправедливости, незаслуженные обиды, но все это история корректирует, иногда жестоко наказывает людей, допустивших несправедливость. Я сам был в большой опале при Сталине. Мне было очень тяжело, и я тебя понимаю. Меня никуда не приглашали, не давали читать никаких документов, даже пытались снимать с меня допрос. Сталин был введен в заблуждение, послушал наговорщиков, интриганов, вот я и попал в такое положение. Ведь только в горе и беде познаются настоящие друзья. Я имею в виду, что и в наше время льстецы и шавки из подворотни подают голос и имеют какое-то влияние. Держись, все пройдет». Ну что ж, спасибо Алексею Николаевичу за эти слова и поддержку. Креплюсь, думаю, что в работе многое притупится, но обида, несправедливость никогда не забудутся. Мне очень жалко Иринку и сыновей моих, если бы не они, я бы принял другие меры и шаги.

7 июня. Сегодня в 15.00 заседание Президиума Совмина прошло более организованно, спокойно, много интересных вопросов. Надо втягиваться в новые условия работы.

10 июня. Переговорил с Андроповым и Федорчуком (КГБ), просил их не обижать людей из их ведомства, которые работали

вместе со мной, они ведь выполняли свой служебный долг. Надо их определить на работу, а кому нужно, установить пенсии. Пообещали все сделать.

Министр лесной и деревообрабатывающей промышленности Тимофеев попросил разрешения выехать на 10—12 дней в Иркутск и на Байкал — по делам. Разрешил. Завидую ему. Я сейчас бы уехал куда угодно — на год, на два. Здесь противно все и вся.

Был разговор с Полянским Д. С. Он мне сказал: «Повсеместно с Украины, да и в Москве, о тебе идут хорошие отзывы партийного актива, министров, аппарата. Что случилось, трудно понять и разобраться. Претензий в Политбюро к тебе никогда не было. Поговаривают, что какие-то сигналы были с Украины, а главное сработала «днепропетровская группа». А в общем, я считаю, — говорил он, — что тебя при сем, что случилось, можно было бы оставить на Украине Председателем Президиума Верховного Совета. Все это было бы хорошо среди партийного актива воспринято, и ты с твоим опытом и знаниями принес бы большую пользу общему делу».

Вечером этого же дня я разговаривал с Н. В. Подгорным. Затронул вопрос моего ухода на Украину. Он заколебался. Для меня ясно, что не он решает эти вопросы. Но все же сказал: «Я с тобой работал бы с большим удовольствием, но тебе будет тяжело, да и нынешнее руководство республики при поддержке центра не пойдет на этот шаг: они тебя боятся, зная твой характер и опыт работы. Ведь ты же не будешь терпеть и мириться с безобразием и подхалимством?» Я ответил, что это верно. «Ну вот, в этом и вся загвоздка. Оставайся здесь, хотя понимаю, что тебе нелегко это делать».

14 июня. В 15.00 заседание Президиума Совмина. До чего же все проходит бестолково, неорганизованно и сумбурно, просто терпеть невозможно. Не думал я, что в центре так работают, какая-то полная неразбериха. Во всем этом чувствую себя отвратительно. Наверное, долго будет эта тяжесть, с ней надо пока что бороться, но все равно пройдет время, и со всем этим надо будет кончать. Ознакамливался со справками, структурой, объемом работы министерств и ведомств, которые курирую.

15 июня. Ко мне на работу зашел Мжаванадзе В. П., говорили о стихийном бедствии в Грузии. Затем он перевел разговор на мое «перемещение»: «Никто не понимает, что произошло, что случилось. Все задают такой вопрос, но вразумительного

ответа никто не может дать». Я сам не могу дать ответа на то, что произошло со мной, я только сейчас понимаю, что напрасно поддался на фарисейские уговоры Брежнева. Надо было уйти в «отставку» и остаться в Киеве. Чувствую, что здоровье мое основательно подорвано, и делу я здесь помогу мало. По многим вопросам уже сейчас приходится учиться и переучиваться.

По прямому телефону позвонил Брежневу. Мне сказали, что он за городом и, возможно, будет только к вечеру. Просил передать ему о моем звонке. Надо мне встретиться с Брежневым, переговорить, ибо я все больше вынашиваю мысль о подаче заявления об уходе в отставку. Уехать к семье, уйти совсем с политической арены. Но я чувствую, что Брежнев уходит от встречи, выискивает разные предлоги или просто отмалчивается на мои звонки и просьбы.

17 июня. Наконец состоялся разговор с Брежневым. Он носил общий характер, как-то при встрече, на ходу. Пообещал, что позвонит через 2—3 дня.

21 июня. Так Брежнев мне и не позвонил, хотя и обещал, и это не в первый раз — таков уж у него «стиль». Он чувствует, что со мной предстоит напряженный разговор, и уходит от него или же чего-то ожидает, «ориентируется» в обстановке. Во всем должна быть подведена черта, поставлена точка.

23 июня. Переговорил с министром Морского флота Гуженко Т. Б. о принятии дополнительных мер по выполнению валютного фонда-плана по доходам ММФ. Нелегко это будет сделать: 150 судов вот уже 4—5 месяцев бездействуют, 75 во Вьетнаме заблокированы американскими минами, 25—30 на Кубе стоят под разгрузкой по 2—3 месяца, в Англии лесовозы не разгружаются, бастуют докеры.

Доложил Косыгину о принятых дополнительных мерах по карантинным вопросам по Астрахани и другим волжским городам и в целом по Волжскому бассейну. Косыгин с представленными мероприятиями согласился.

25 июня. В сопровождении министра Речного флота РСФСР Кучкина С. А. прошелся на его катере по каналу, водохранилищам — до большой Волги. Чудесные места, грандиозные сооружения. Посмотрели шлюзы, насосные станции. Надо будет показать канал, водохранилище и шлюзы Ирине и детям.

26 июня. Утром провел большое совещание по ходу капитального строительства и вводу мощностей по министерствам,

которые я курирую. Выясняется много трудностей: далеко не вся техническая документация имеется, не хватает ассигнований, материально-техническое обеспечение из рук вон плохо поставлено. На 60—70% обеспечиваются стройки цементом, металлом, лесом, кровлей, даже стеновым материалом. Нет комплектации оборудования, не хватает рабочей силы. И так везде и повсюду, и столько лет! Куда мы идем и куда можем прийти с таким «научным» планированием и «руководством»?

Позвонил мне Федоров В. С., министр нефтехимической промышленности, жалуется, что несколько дней не может добиться разрешения на выезд в командировку по срочному делу. Просит моего согласия. Я не курирую его и все же дал разрешение на свой страх и риск.

Я позвонил в Киев второму секретарю ЦК КПУ Лутаку, высказал ему свое мнение о нем и о других «деятелях» — время и люди меняются: невероятно, чтобы управленцы ЦК требовали вернуть папку-портфель 5-летней давности!

27 июня. Имел обстоятельную беседу с министром связи СССР тов. Псурцевым Н. Д. Разобрали вопросы капитального строительства и ввода мощностей — незавидное положение по известным причинам. Техническое оснащение связи страны низкое. По телефонизации населенных пунктов и индивидуальному использованию телефонов мы занимаем последнее место в Европе. В 1971 году, 31 октября, было принято решение ЦК КПСС и Совмина по развитию связи в стране. Но получилось так, что решение приняли и забыли о нем. По выполнению этого решения никто ничего не делает. Поручил своему аппарату поднять это решение, проверить ход его выполнения.

28 июня. Утром мне позвонил Брежнев, но меня не было. Я был на заседании комиссии по хлебным делам. Приехал, позвонил ему, но его уже не было. Что он мне хотел сказать, не знаю, но переговорить с ним мне крайне необходимо.

В 15.00 заседание Президиума Совмина. Вопросов много. Заседание прошло неплохо, хотя бы уже потому, что не было бестолковщины, крика, шума, трескотни. Я дал задание Бондаренко и Кареву продумать вопрос моей поездки в командировку для ознакомления на месте с объектами по железнодорожному транспорту, в особенности по строительству вторых путей, с работой Речного флота, ознакомления с отдельными пунктами лесозаготовок и деревообработки в районах Архангельска, Мурманска, Петрозаводска, Ленинграда. Срок командировки — 10—12 дней. Второй тур командировки я хотел совершить на Дальний Восток. Ехать надо и потому, чтобы переменить тягостную обстановку. Но выехать мне не разрешили.

1 июля. Утром в 9.00 встретил из Киева Иринку и внучат — Диму и Алешу. Ирина расстроена. Вполне понятно: сборы, расставания с хорошими людьми, городом, положением, к которому привыкли. Все это нелегко дается.

Сделал первые наброски записки в Политбюро ЦК и Совмина о начале безотлагательного строительства Байкало-Амурской магистрали, о ее большом экономическом и стратегическом значении. Подключил на окончательную доработку записки специалистов научно-исследовательских проблем транспорта и военных. Документ должен быть солидным, убедительным, доказательным.

5 июля. Заседание Президиума Совмина СССР прошло более-менее организовано и спокойно. Мне поручено окончательно рассмотреть редакцию постановления Совмина по вопросам безопасности движения на автомобильном транспорте страны.

Прием в кубинском посольстве — толпа, жара, нудно, утомительно. Расточительство невиданное, столы ломаются от разных яств, закусок и выпивок — и все это идет за счет нашей страны, на трудовые копейки народа. Кому эти приемы нужны? Если бы знал истинное положение рабочий класс, который является «подлинным хозяином страны», как мы транжирим направо и налево народные деньги, он наверняка сказал бы свое далеко не одобрительное слово в адрес руководства, которое бесконтрольно расходует огромные средства на ненужные дела, в ущерб своему народу.

Сделал свои замечания к проекту письма в Политбюро ЦК КПСС по вопросу строительства БАМа. Мои замечания сводятся к следующему: вопрос строительства БАМа сам по себе не новый — он обсуждался и при И. В. Сталине, и при Н. С. Хрущеве. И тем не менее, с учетом изменившейся обстановки на Дальнем Востоке, Политбюро должно пристально изучить этот вопрос. Это вопрос большой стратегии, обороны, развития богатств Сибири и Дальнего Востока, освоения Дальнего Востока и закрепления там кадров.

8 июля. Заболевания, причем массовые, холерой в Астрахани продолжают, обстановка чрезвычайно усложняется. По решению чрезвычайной комиссии в Астрахань направляется 1000 человек солдат и офицеров внутренних войск. По этому поводу мне позвонил заместитель министра МВД Викторов А. Б., просил помощи в переброске железнодорожным транспортом войск и оборудования. Проверил через Петровского

необходимость переброски такого количества войск. Дал указание МПС выделить необходимый подвижной состав.

12 июля. Рассмотрел письмо Совмина Украины о начале строительства железной дороги от Симферополя до Ялты. Поручил квалифицированной комиссии дать заключение о целесообразности постановки вопроса. Но сейчас нет возможности начать даже проектирование — придется вопрос вынести за пределы пятилетки. Спрашивается, какой?

В Москву приехали Боря и Леля, надо с ними о многом переговорить, старшего внука Петю определить в хороший пионерский лагерь. Позвонил Тяжельникову Е. М., первому секретарю ЦК ВЛКСМ. Вопрос решен — Петя едет в лагерь «Орленок».

29 июля. В 10 часов утра в кабинете Косыгина под его председательством заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС по отработке документа о перспективном, долгосрочном планировании народного хозяйства страны на 1975—1990 годы. В этом вопросе страшная путаница, неразбериха, а ведь экономика подчиняется определенным положениям, законам и правилам, а не отдельным пожеланиям и фантазиям. Во всей работе экономики нет даже намека на «научное планирование». Поток тирад по вопросу составления планов. Длинные речи, отдельные фразы, пространные реплики, отрывки речей в довольно приподнятом тоне — вот и весь разговор. Косыгин в своем выступлении начал поучать всех, в том числе и Госплан, как надо составлять текущие и перспективные планы, при этом допускал большую путаницу в вопросах ведения планового хозяйства. Косыгин критикует Госплан, Байбаков защищает выдвинутые положения о наметках плана. Затем весь огонь критики обрушивается на Горегляда, заместителя Байбакова, начальника сводного планирования. А что он может сделать, слепой и беспарный исполнитель волевых решений в планировании?

Косыгин не желает слушать доводов и разъяснений ни Байбакова, ни Горегляда, все кричит: «Я! Я! Я!» Тягчайший остался осадок от этого заседания комиссии столь авторитетного и высокого органа. По предложению Госплана выступили: Косыгин, Полянский, Байбаков, Соломенцев, Шелест, Горегляд, Гостев. Все это члены комиссии Политбюро. Заседание комиссии так ни к какому решению и не пришло. Поручили Госплану «дополнительно проработать вопрос».

Провел совещание с работниками МПС и Морфлота о предстоящей перевозке закупленного хлеба. Определили порты,

количество необходимых судов, расчет в железнодорожных вагонах, пункты назначения разгрузки, элеваторы; погрузочные и разгрузочные средства; привлечение Речного флота и автомобильного транспорта для перевозки зерна, обеспеченность рабочей силой. Поручено составить совмещенный график всех операций по перевозке зерна. Я созвонился с республиками и областями по организации приемки, перевозки и хранения хлеба.

Был на городском торжественном собрании по поводу 28-й годовщины национального праздника «Возрождение Польши». В Москве стоит невероятная жара, страшный смрад.

Сегодня ровно два месяца, как я прибыл в Москву, и в этот день без меня состоялся Пленум ЦК КПУ. Нелегко я прожил в столице эти два месяца. Надо крепиться. До моего «заветного» 65-летия осталось еще 10 месяцев, а там будет видно, как поступить. Но я чувствую, что в такой обстановке и при такой системе работать просто мне невыносимо. Я не хочу и не могу быть слепым статистом на большой сцене, «большим чиновником» без прав, с кажущимися большими обязанностями. Да и надо понимать, что отвечают не только те, кто ведет, а те, кто позволяет себя вести. На любой работе, тем более на большой политической работе, главное — ответственность и переживание за порученное тебе дело, а не самолюбование высоким постом.

Брежнев и Подгорный отдыхают в Крыму. По ряду служебных вопросов несколько раз пытался связаться с Брежневым, так и не смог. Переговорил с Подгорным — настроение у него кислое.

27 июля. Принял Гвардейцева, начальника 9-го сектора МПВО. Ознакомился со схемой моего местопребывания на случай «особого» периода. Информация была довольно обстоятельной, много имеется недочетов в организации этой службы, в том числе и по вопросам связи.

В 15.00 заседание Политбюро ЦК КПСС, вопросов много, и почти все связаны с внешнеполитическими событиями. Очень мало вопросов внутренней деятельности страны, и они почему-то находятся в тени. Я проинформировал Политбюро ЦК КПСС о проведенной подготовке по перевозке хлеба, закупленного за границей. Это вызвало большой интерес.

28 июля. Петровский Б. В. информировал о своей поездке в Астрахань и Волгоград. Положение довольно грустное — в этих областных центрах во многих районах отсутствует канализация, в особенности в Астрахани. Водопровод старый, подлежащих,

а то и совсем никаких очистных сооружений нет. Заболевания холерой продолжают, стоит сильная жара, все пляжи на Волге закрыты. Петровский встречался с секретарями Астраханского и Волгоградского обкомов партии. Ими на месте принимаются меры по борьбе с холерой, но далеко не все от них зависит. В Херсоне зарегистрированы дополнительно случаи заболевания холерой. Напряженность большая, все вопросы держим в поле зрения.

31 июля. Из Тюмени мне позвонил Г. И. Воронов. Он председатель правительственной комиссии по расследованию железнодорожной катастрофы. Много человеческих жертв. Едет в Свердловск в управление железной дороги для доследования дела катастрофы.

1 августа. Позвонил мне Промыслов В. Ф., председатель Моссовета. Просит поддержать вопрос реконструкции окружной автодороги. Надо поддержать, тут даже нет, казалось бы, вопроса: окружная автомагистраль явно не обеспечивает нарастающего автогрузооборота, а главное — безопасности движения, в особенности в осенне-зимний период. По этому же вопросу позвонил мне и секретарь МГК Греков Л. И. То, что этот вопрос беспокоит москвичей, это хорошо, но они сами слабо ставят актуальные и неотложные вопросы развития Москвы. Правительство и ЦК КПСС слабо занимаются нуждами столицы, хотя разговоров по этому вопросу много. Надо основательно помогать москвичам. Одним брошенным Брежневым лозунгом: «Превратим Москву в образцовый коммунистический город» — ничему не поможешь. Да и сам лозунг довольно странный и неопределенный — если уж коммунистический, так, следовательно, и образцовый — зачем же нужна тавтология? Подхватили этот лозунг, не подумав о его содержании и смысле, а главное — возможностях.

Позвонил мне Полянский и сообщил, что он разговаривал по телефону с Брежневым по ряду вопросов, и в разговоре Брежнев интересовался и моей работой, и настроением. Я при этом подумал, что все это фальшь со стороны Брежнева. Он мог бы и сам мне позвонить и поинтересоваться моим состоянием и работой. Было время, когда сам Брежнев мне звонил на день по три раза и все находил темы для разговоров. С Полянским мы часто разговариваем по всем вопросам. Кажется, он меня правильно понимает и разделяет все мои мысли по поводу непомерно растущего «культа» Брежнева. Согласен и с тем, что тот совершенно устранился от руководства страной, а целиком увлечен ролью «борца за мир во всем мире».

3 августа. Мне позвонил Пономарев Б. Н. и сообщил, что ЦК Итальянской компартии прислал мне приглашение провести отпуск у них в стране. Я его спросил: «Ну и что же мне делать?» Он ответил, что по этому вопросу надо посоветоваться с Брежневым. «Да я вот уже больше двух недель не могу с ним связаться». Спустя некоторое время мне вновь позвонил Пономарев и довольно «вежливо» так обращается: «Петр Ефимович, мы здесь посоветовались и решили, что не стоит вам сейчас ехать в Италию, там обстановка не совсем подходящая, и там на отдыхе никто никогда не был из членов Политбюро». Ну и что же, побывал бы я первый! Брежнев просто не пустил меня в Италию. Я написал итальянским товарищам благодарность за приглашение и, сославшись на «занятость», выразил сожаление, что не смогу воспользоваться их любезностью.

В Москве стоит сильная жара, вокруг Москвы большие лесные и торфяные пожары, на тушение их мобилизованы воинские подразделения, имеются уже первые жертвы. По Москве большая загазованность. Минздрав провел работу по забору проб. В ряде районов она за пределами нормы: 30—35 миллиграммов на кубический метр воздуха при норме 9—14 мкг. Детские дома и дома престарелых в Подмоскowie из района пожаров эвакуированы. В Москве на 8—10-х этажах просто дышать нечем, сплошной дым, по утрам видимость 15—20 метров. По Москве в сутки по 350—400 вызовов «скорой помощи» по отравлениям CO_2 . Москвичи проявили большую беспечность, что не информировали своевременно о состоянии дел с лесными и торфяными пожарами.

8 августа. В 16.00 заседание Политбюро ЦК КПСС. Чувствуется нервозность: положение в сельском хозяйства критическое. Выступление Брежнева было, как всегда, наигранным, в некоторых практических вопросах он безбожно путается, совершенно оторван от истинного положения дел и реальной обстановки, но старалась позировать, делать вид, что он все и вся знает, а главное, давать установку и поучать, как надо работать.

13 августа. Воскресенье, я нахожусь на работе. Разбор почты, подготовка «чиновничьих» писем, хотя и очень важных. Не привык я к такому образу и стилю работы. Самоубийственное одиночество. Набираюсь силы все это выдержать.

16 августа. По всем сводкам, телеграммам, требованиям с мест видно, что положение в стране с материально-техниче-

ским обеспечением строек, транспорта просто катастрофическое. Огромный дефицит металла, цемента, леса, строительных материалов, кабельной продукции, транспорта всех видов. Экономика страны в «задерганном» состоянии, вся работа проводится как аврал. Перспективой заняться нет времени, да ею никто и не занимается по-настоящему. Технический прогресс, культура производства, качество выпускаемой продукции, производительность труда — все эти и другие вопросы являются чрезвычайно значительными, произносятся одни призывы, высокопарные слова, и ничего не подкрепляется делом. Металл, лес, цемент, кабельную продукцию, автотранспорт в немалых количествах отправляем за границу, а свою работу просто из-за нехватки всего этого лихорадим.

На строительных и сельскохозяйственных работах страны сейчас находится свыше одного миллиона студентов. Вопрос важный и нужный: по трудовому воспитанию молодежи и оказанию помощи в решении народнохозяйственных задач страны. Но далеко не везде созданы бытовые условия, отсутствует элементарная техника безопасности, многие ребята простуживаются, болеют. Немало несчастных случаев со смертельным исходом. Вот и сейчас позвонил мне Псурцев, министр связи СССР, доложил, что в Свердловской области на работах по Минсвязи погибло 5 студентов, 8 человек тяжело ранено.

18 августа. Вот уже четвертый месяц в портах Англии простаивают 54 наших лесовоза. Докеры бастуют, наш профсоюз поддерживает эту забастовку, в результате суда стоят в бездействии, мы терпим колоссальный материальный ущерб, недобор валюты. По моему совету министр Морского флота Гуженко написал по этому вопросу записку в ЦК КПСС, тем более что в Англию идет еще караван наших лесовозов. На записку министра никакой реакции. Разве это порядок?

19 августа. Вот и прошло ровно три месяца с того черного дня, 19 мая, когда я волей Брежнева был отстранен от активной политической жизни. Тяжесть, обида, крайняя неудовлетворенность высокой чисто «чиновничьей» должностью. На работе иногда притупляются обида и боль, но временами бывает невмоготу. Выждать год, а там видно будет. Ясно одно, что в таких условиях работать просто невозможно.

Переговорил с Д. С. Полянским по ряду вопросов, что-то у нас в руководстве не совсем ладное делается. Брежнев все больше распоясывается и старается все и всех под себя «подмять». Подгорный стоит как-то в стороне от рассмотрения народнохозяйственного плана на 1973 год.

Вечером был на даче в Качуге, гулял с внуками и сыновьями. Они ничего не понимают, что со мной случилось, да я и сам ничего не могу понять: откуда на меня свалилась такая напасть? Ребята и внуки задают вопрос: «Когда мы поедем в Киев?» А что я могу на это ответить? Ведь из Киева я уехал как ссыльный. Иринка тоскует, переживает. Она верная подруга, хороший товарищ. Мне ее очень жалко, но она молодец, крепко поддерживает меня в это трудное время.

По существу, началась сложная, трудная страница моей биографии. Надо иметь большую выдержку, терпение, больше проявлять разборчивости в людях. Бывают сладкие слова, но они хуже самой подколодной змеи — нельзя им доверять, это очень опасно, я в этом убедился на своем горьком опыте. Дальше нельзя так существовать, хочется еще по-настоящему пожить.

22 августа. Подписал информацию в ЦК КПСС по вопросу перевозки и перевалок импортного хлеба. На перевозке хлеба занято около 60 единиц наших кораблей. В пути находится около полутора млн. тонн хлеба. Разрешен заход нашим кораблям в большие озера США. Теперь, надо полагать, отгрузка хлеба увеличится.

У Брежнева состоялось совещание. Разговор велся обо всем и ни о чем конкретном и определенном. Он сам мне позвонил и «пригласил» на совещание, говорил, что якобы он мне несколько раз звонил из Крыма. Это ведь неправда: в моей приемной всегда находился дежурный, и он бы мне передал. На совещании он два или три раза упоминал мое имя и отчество в положительном плане. После совещания сам сказал, что мне разрешен отпуск и поездка на отдых в Чехословакию, в Карловы Вары, а затем в Румынию, на Черноморское побережье. Сам он уезжает в Казахстан и Сибирь, чувствует, что хлеб там есть, вот и едет сделать очередной вояж, чтобы затем сказать о своей особой роли в заготовках хлеба.

27 августа. Из Киева возвратилась Иринка с отвратительным настроением, мне ее очень жалко, бедняга, она очень переживает все случившееся со мной. «Доброжелатели» еще подогревают, трактуют и судят обо всем по своему умозаключению. Мной все очень тяжело переживается. Если бы не Иринка, дети и внуки, если бы не все это, я бы все свои мучения закончил в один миг с большим «эффектом». Пусть бы судили, как хотели, мне ведь все равно было бы. Но надо терпеть, больше выдержки. Все, что случилось, нам обоим с Иринкой стоит очень дорого, много нервов и здоровья.

Переговорил с Подгорным, на душе и сердце стало немного легче. Брежнев все больше и больше начинает игнорировать и расправляться с товарищами, которые принимали самое активное участие в осуществлении и проведении октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964), который привел волей слепой судьбы к власти Брежнева. Как я ошибся в нем! Но еще большая трагедия в том, что не я один ошибся, и вообще теперь мы часто думаем, зачем мы все это делали с октябрьским Пленумом, зачем мы освобождали Н. С. Хрущева? Ведь сейчас делается гораздо все хуже, а «культ» Брежнева с каждым днем все больше и больше раздувается. Чувствую, что наделает Брежнев много разных гнусностей, глупостей и огромных ошибок, которые дорого нам обойдутся.

4 сентября. Из аэропорта Шереметьево в 10.00 вылетел специальным самолетом в Прагу, а оттуда — машиной в Карловы Вары. Отдыхал и лечился там с 2 по 24 сентября. Много посмотрел, побывал на предприятиях. В Карловых Варах встречался с В. Биляком. Он специально приезжал ко мне на виллу «Яворинка», где я остановился. Разговор с Биляковым был откровенный и интересный. Чувствуется, что он не удовлетворен своим положением и хотел бы возвратиться с Словакию. Но Гусак его не отпускает, руководствуясь соображениями: Биляк, во-первых, очень нужен Гусаку, иначе он окончательно запутается; во-вторых, Гусак боится пускать Биляка в Словакию на самостоятельную «деятельность». Биляк мне откровенно сказал, что Гусак, конечно, случайно всплыл на такую большую политическую арену, к тому же он очень много говорит и много пьет. К великому сожалению, это относится не только к Густаву Гусаку, а и к Леониду Брежневу.

24 сентября — 4 октября. Самолетом из Чехословакии прилетел в Румынию. Был в Бухаресте, а затем на побережье Черного моря. Румыны принимали подчеркнуто вежливо. Посмотрел морской порт Констанцу, в который вообще мало кого допускают, его большую реконструкцию. Курорты Румынии строят дорого, целыми комплексами, с очень оригинальным архитектурным решением. Был в горах в Брашове, где особенно теплые и хорошие встречи. Осмотрел прекрасный Бухарест. Отличный город. Нашим городам до него далеко. Смотрел и знакомился с новыми жилыми массивами в Бухаресте. Здесь же посмотрел высотную гостиницу, которую румынам построили американцы. Подобного строения мне еще не приходилось видеть — все сделано отлично. Меня принял Чаушеску. Беседа

с ним была продолжительной и интересной. Из Бухареста позвонил в Москву, переговорил с Подгорным, Полянским, Мазуровым, говорят, что все идет своим чередом, все в порядке, отпуск можно продолжать.

5—15 октября. Находился в Пидунде, куда прилетел из Бухареста. Погода стоит хорошая. Был в Сочи, осмотрел город, новый цирк, морской порт. Посетил на специальном морском судне Сухуми, познакомился с парком, портом, побывал на могиле Нади Курченко. Позвонил в Киев, разговаривал с Ляшко — открепили моих от спецбазы. Подлецы, что же они делают? Этого ведь ни забыть, ни простить нельзя! Настроение испорчено, окончательно и надолго.

18 октября. После отпуска приступил к работе. Просматривал почту. Щербицкий при поддержке и руководстве Брежнева совсем распоясался. Думал я, что это непорядочный человек, но не допускал, что это такая сволочь, подхалим и льстец. Надо всей этой подлости давать решительный отпор. Но я чертовски устал. Я не мог быть и не буду никогда подхалимом и льстецом. Кто льстит, тот не уважает ни того, кому льстит, ни себя. Я этого не могу терпеть. Мне стало совершенно ясно, что Брежнев задался целью постепенно сбивать мою растущую популярность, подрывать доверие ко мне, а если бы он мог, он готов и скомпрометировать меня.

20 октября. Сегодня из Киева приехал Виталий. Он мне передал много неприятных новостей, разговоров и сплетен. Его по работе начинают притеснять, не дают разрешения на выезд в ФРГ по линии АН СССР, хотя имеется личное приглашения Гамбургского университета. Это все дело рук украинских «деятелей». Одним словом, пришли к власти и господствуют интриганы, подхалимы, льстецы и подлецы, а их кое-кто поощряет из Москвы. Все, что делается, нелегко мне переносить. Сегодня по делам в Киев уезжает Иринка, ей там при такой обстановке будет нелегко. Надо ее основательно побереечь.

Переговорил по телефону с Черненко и Капитоновым, спросил их, нет ли каких-либо документов обо мне, так как идет бешеная организованная травля. Они оба спокойно ответили, что они никакими документами или материалами не располагают — я им почему-то верю. Значит, разгул травли идет из центра, причем организованно, при прямой поддержке Брежнева. Какой же он двуличный человек! Суслов от прямой со мной встречи всячески уклоняется.

На Украине беспощадно расправляются с кадрами, которые имеют свою точку зрения и принципиальность. Убрали секретаря ЦК КПУ по идеологии Овчаренко с формулировкой: «С работой справлялся неудовлетворительно. По ряду вопросов идеологической работы занимал нечеткие позиции. Проявлял непоследовательность и даже беспринципность, за что критиковался на XXIV съезде КПУ и на пленумах по идеологическим вопросам. Укрепить руководство». Все это шито белыми нитками. Критика недостатков не дает права для расправ, он стоял идеологически на правильных позициях. Даже в Москве был на хорошем счету такого «идеолога», как Суслов. И одно время его хотели даже забрать в идеологический отдел ЦК КПСС. Что же случилось? А просто избытие хороших, способных, честных, имеющих свое собственное мнение, но не угодных новому руководству работников. Тем более что Овчаренко многое знал о том «заговоре», который вили вокруг меня. Он неоднократно об этом мне намекал, но я не мог допустить мысли о такой подлости. После моего «ухода» он в определенной среде обо всем рассказывал, его «засекли» органы КГБ, и вот он стал неуютным работником.

Поздно вечером по телефону ВЧ говорил со Щербицким. Он довольно обстоятельно докладывал по всем хозяйственным вопросам и делам в республике. Затем я прямо спросил его, что за возня идет на Украине вокруг меня. Он ответил, что много идет всяких разговоров по кадровым вопросам по Киеву, Одессе, Херсону, которые затрагивают меня. Я сказал Щербицкому, что все вопросы кадров по этим и другим областям и городам — их выдвижение, освобождение, перемещение — решались коллегиально всеми, почему же я должен быть один в ответе, если что и получилось не так, как мы бы хотели? Щерицкий замолчал, потому что нечего было сказать. Дело было в другом. Очень прискорбно, что у нас, в нашей партии, среди руководящего состава культивируется порочная практика. Она и порождает явления, когда отдельные «руководители» ползают перед тобой, когда ты обладаешь властью, и тут же, через час, безбожно клеветают, чернят все и вся, когда уходишь на другую работу. Все ясно, что все это делается с поощрения центра, но ведь здесь тоже не вечные люди.

27 октября. Я все чаще и чаще задумываюсь над вопросом: почему среди нас, коммунистов-единомышленников, среди руководящего состава, существует такая коварная подлость, жестокость, необъективность и несправедливость по отношению к бывшим товарищам по работе при перемене его места и должности. Где же гуманность, о которой мы так «прекрасно»

говорим? Где товарищество, уважение друг друга? Всего этого по-настоящему-то и нет. Нас губят, разъедают подхалимство, лесть, угодничество, трусость за свое положение. Борьба за власть стала еще сильнее и ожесточеннее, чем в прошлом за частную собственность. Власть — значит все. Вот так и действует Брежнев по принципу: «разделяй и властвуй». А кто ему и что может сказать — нет такого человека и даже коллектива. Все это очень плохо и даже трагически может сказаться на воспитании нашей молодежи, подрастающего поколения. Потеряют они веру во все святое, за что пролито так много крови и положено жизней. Человеку честному, справедливому, которому противно приспособленчество, угодничество, лесть и подхалимство, двурушничество, очень трудно жить и работать. Когда же этому всему позору будет конец в нашей коммунистической среде? Очевидно, тогда, когда партийный руководитель будет подотчетен какому-то органу не формально, а по существу. Мне временами до безумия жалко близких товарищей, сыновей, внуков, Иринку, всю семью. Ради этого надо крепиться. Но все равно справедливость должна восторжествовать.

6—8 ноября. Торжественное заседание, посвященное Великой Октябрьской революции. 7 ноября был на трибуне Мавзолея вместе со всеми членами Политбюро. Холод стоит изрядный. Парад и демонстрация прошли хорошо. Прием — скучно, формально, тускло. Вот и в Киеве впервые за многие годы праздники прошли без меня. На душе горечь.

Хорошо, что закончились праздничные дни. В рабочее время все же немного забываешься.

11 ноября. Мне сообщил начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР тов. Чазов Е. И.¹³⁹, что состояние здоровья Брежнева неважное, что ему сделана операция.

Девиз подлецов, авантюристов гласит: «Я имею право предавать близких мне людей, но никогда я не позволю никому из них предать меня». Все больше становится заметным проявление честолюбия, разжигание «культа» Брежнева. Со своими коллегами, не допускающими лести, подхалимства, угодничества, более способными его по организационным вопросам, умнее его и лучше разбирающихся в делах, он расправляется изуверски, утонченно и довольно жестоко. Что будет дальше? Ведь мне уже все равно хуже не будет, но дела-то нашей партии от этого будут страдать. А Брежневу кажется, что он прав, поступая таким образом, не подумав над тем, будешь ли ты прав завтра, будешь ли прав перед историей, перед партией, народом?

13 ноября. Проголосовал о награждении орденом Ленина

и второй Золотой Звездой героя Соцтруда Сулова в связи с его 70-летием. Пора бы ему и совесть проявить — уйти бы на «заслуженный» отдых и этим самым дать дорогу молодым кадрам. Нет, не так у нас все построено. Многие держатся за «положение», и этот «партийный иезуит» будет держаться до последнего.

23 ноября. Надо до поры до времени все терпеть, переживать. Сколько осталось еще жить — неизвестно, а мучений и страданий очень много. Трагедия еще в том, что, ты ничего не можешь сделать против косности и рутины. Хочется иногда бросить все к чертовой матери и уйти из этого бедлама. Тяжело мне находиться под ударами организованной травли. Неровен час, можно совершить непоправимое. Виновники всей моей тягости — Брежнев, Сулов и трусливый подхалим Щербицкий. Но я уверен, что их постигнет горькая судьба. Всякая подлость не остается ненаказуемой и не проходит даром.

6 декабря. В 16.00 совещание у Брежнева, обсуждается вопрос о приезде чилийской правительственной делегации во главе с Альенде¹⁴⁰, президентом Чили. В составе делегации секретарь Чилийской компартии Корвалан¹⁴¹. Мы собрались, чтобы выработать политические и экономические мероприятия по поддержке режима Альенде. В Чили с каждым днем политическое и экономическое состояние усложняется. Но мы об этом стыдливо умалчиваем. Все больше наша массовая пропаганда утверждает, что в Чили «одерживает верх» демократия, происходят крупные социальные преобразования и что это теперь второй крупный после Кубы форпост революционных преобразований в Латинской Америке. Но это все только наши желания, политические иллюзии, видимость, пропагандистский прием. А пока что принимаем решение: чтобы как-то спасти положение в Чили, надо срочно отправить туда 250 тонн пшеницы, 1000 тонн жиров, 23 тысячи тонн хлопка, 5000 грузовых автомашин. Легкого стрелкового оружия и снаряжения на 25 млн. рублей. Мне поручено вместе с Морфлотом подрабатывать вопрос о срочной отправке в Чили всех грузов. Мною подсчитано вместе с Морфлотом, что одна перевозка будет стоить свыше 40 млн. рублей. Для перевозки всех грузов потребуются работа в течение 6 месяцев 10 кораблей, а их не хватает для перевозки своих грузов.

На этом заседании решили вопрос о проведении торжественного заседания, посвященного образованию СССР. Докладчик Брежнев попросил для доклада 3 часа. Торжественное заседание провести 21 декабря.

Условился со Щербицким встретиться 20 декабря и поговорить по ряду вопросов. Он дал на это согласие. (Но впоследствии уклонился от встречи под разными благовидными предлогами. Обошлось не без консультации с Брежневым, ибо оба они хорошо знали, какой разговор у меня мог быть при встрече с ними. Брежнев тоже избегает со мной встречи наедине). Я наметил перечень вопросов, по которым пойдет разговор при встрече с Брежневым или со Щербицким: «О форме и поспешности решения моего «ухода» с должности Первого секретаря ЦК КПУ. Чем была вызвана поспешность и в чем причина такого решения? Почему мне никто не дает на этот вопрос вразумительного ответа? Пленум ЦК КПУ провели в пожарном порядке, когда я еще не успел доехать до Москвы. А я ведь только в ЦК проработал 10 лет, можно и должно было бы все сделать по-партийному, по-человечески: побывать мне на Пленуме ЦК, проститься с партийным активом, членами ЦК КПУ. Почему этого не сделали? Побоялись эксцессов? Да разве я мог бы допустить что-либо подобное! Тут, как говорится, «на воре и шапка горит». Почему происходит ложь и клевета, неправильная информация на стиль и методы моей работы в бытность работы в ЦК КПУ? Ведь до этого мне нигде никто ничего подобного не предъявлял. Все это доводится вплоть до секретарей райкомов партии. В аппарате ЦК КПУ тоже прорабатывают методы, и руководство организовано натравливает аппарат на все прошлое. Организовано гонение на все кадры, которые близко работали со мной, вплоть до кадров КГБ. Много идет болтовни о якобы какой-то моей «нескромности» — все это натаскивается искусственно. Пытаются приклеить мне ярлык «экономического национализма», а что это — сами не знают. Это же возмутительно! Идет гонение и на семью; подвергают непрерывным проверкам разными комиссиями работу моих сыновей, сомнению — их квалификацию, деловые качества, даже ученое звание младшего сына. Накладывают запрет на его выезд в заграничную командировку с научной целью. Обливают грязью мою супругу, клеветают, что якобы она ездила в туристические экскурсии за границу за государственный счет. Это является самой наглой ложью и клеветой.

Самым гнусным является и то, что искажается история: в киножурналах торжественных заседаний я «убран», и вместо меня везде фигурирует Щербицкий. Это же возмутительно и гадостно. Что же я, враг народа? Такая организованная травля может довести меня до отчаяния, до трагедии. Я перед партией, перед народом своим ни в чем не провинился, всегда работал честно, отдавал все свои силы, опыт и знания на общее дело. Меня теперешняя работа не удовлетворяет, на ней только тупеешь. Полное бесправие в деятельности. Я ведь просил Вас,

тов. Брежнев, оставь меня в Киеве в связи с уходом меня на пенсию. Я Вам заявляю, что если не будут вами приняты меры, ограждающие мое человеческое достоинство и партийную честь, не прекратится организованная травля, то я вынужден буду открыто, публично организовать свою собственную защиту. Я вижу во всем этом только то, что если ты не льстец, не подхалим и не угодник, а имеешь свое мнение по ряду вопросов, то защищать можешь только сам себя».

(Все это впоследствии я изложил в письме на имя Политбюро и при встрече высказал прямо в лицо Брежневу. Но толку от этого было мало. Он при этом, прочтя письма, только и сказал: «Что же ты хочешь, чтобы оставить этот документ и чтобы меня после моей смерти пинали ногами?» В ответ я Брежневу сказал: «Вы думаете, что будет с вами после смерти вашей? А меня живого мерзавцы пинают. Что же мне делать?» Брежнев молчит. Вот таким нелегким был для меня разговор с Брежневым).

В Кремле в специальной комнате отмечали 66-летие Брежнева. Был узкий круг — члены и кандидаты Политбюро, секретари ЦК КПСС. Почти все выступающие пели Брежневу дифирамбы, восхваляли его «деятельность и гениальность». Я сидел молча. Тогда обратился ко мне Брежнев с вопросом, читал ли я его доклад к 50-летию СССР и каково мое мнение? Я ответил, что свои замечания и предложения по докладу я отослал его помощникам.

20 декабря. Порт Хайфон подвергся жестокой бомбардировке ВВС США: в польское судно два прямых попадания бомб, судно горит и тонет, имеются жертвы — убитые и раненые, команда покинула корабль и принята на борт нашего судна. Прошло уже 8 месяцев со дня подписания нами документа с США. В этом документе говорилось и о прекращении бомбардировки Вьетнама. Ничего не стоят эти бумажки! Но мы их в своей политике очень фетишизируем. Когда-нибудь вся эта игра нам дорого обойдется. А с кого будет спрос? И кто будет отвечать? Народ, он ведь в первую очередь выносит и терпит тяжесть причуд политиканов.

* * *

1973 год. Пошел 19-й год с того времени, как я ушел с хозяйственной работы, с должности директора авиационного завода на партийную работу. С тех пор много утекло воды. Многому научился, многое видел, приобрел знания и опыт. Теперешнее мое положение — свидетельство тому, что мной

многое было не учтено и потеряно. Если бы я начинал все заново, то многое пересмотрел бы. А в общем, я доволен, что везде работал честно, преданно и могу смотреть прямо в глаза любому. Мои сыновья, семья, настоящие друзья гордились мной. Я отдавался всей работе, для личной жизни не было времени, а если и вырывал, то крохи. Сейчас главное — здоровье, крепиться, еще раз крепиться до лучших времен, а они настанут обязательно.

13 января. обстоятельно поговорили с Д. С. Полянским о всех текущих делах, затронул вопрос содержания и формы моей записки в ЦК КПСС по вопросам управления народным хозяйством страны. Он сам одобрительно отнесся к моим предложениям, но так же, как и я, не верит в осуществление их в жизнь. Кроме того, он сказал мне, что я в результате этой записки наживу себе врагов среди руководителей. Поговорили о том, что форма, поведение и обращение Брежнева с товарищами по работе просто отвратительны. Он с каждым днем все больше становится «вождем». Далеко не то, что мы хотели, когда решали вопрос о смене руководства, и чувствуется, что чем дальше, тем отношения будут ухудшаться и усугубляться. Мы тогда еще не допускали, да и не знали, что наш разговор с Полянским станет известным Брежневу через систему подслушивания.

Позвонил мне И. Г. Новиков, заместитель Предсовмина. Довольно обстоятельно поговорили по вопросам структурного и организационного улучшения управления народным хозяйством. Обмен мнениями прошел хорошо. Он читал мою записку, отозвался о ней хорошо, но сказал, что постановка вопросов в ней довольно смелая. Это мне за последние два дня говорит второй человек. Но я-то по-другому не мог ставить вопросов, хотя и знаю, что мне это зачтется.

Знакомился с материалами на Политбюро ЦК КПСС — вопросов много. Большинство из них внешнеполитические. Есть и важные вопросы экономические. И все же мы мало, недостаточно глубоко занимаемся внутренними вопросами собственной страны. Это ясно — ведь это гораздо труднее для руководства, чем вообще руководить всем и вся. А наше народное хозяйство, внутренние дела требуют пристального внимания, умения, большой заботы и ответственности. Итоги 1972 года далеко не могут нас радовать — рост промышленного производства ниже намеченного плана, недодано за год продукции на 4,5 миллиарда рублей. Производительность труда на много ниже плановой, а около 22% предприятий страны не

выполнили планов по производительности труда. Национальный доход на много ниже запланированного. Таким образом, план текущей пятилетки под большой угрозой. А «мы» все разъезжаем по всему миру. У нашего руководства «перья отросли из пушка, а настоящих крыльев не хватает». Идет большая политическая игра, и в ней нельзя принимать большие решения в зависимости от личных эмоций и реакции. Субъективный подход в политике часто приводит к серьезным и труднопоправимым ошибкам, дорого обходится стране, народу.

24 января. Позвонил мне Д. С. Полянский, был общий разговор по работе, но я чувствовал, что он чем-то сильно расстроен, взбудоражен, я его спросил. Вот что он мне рассказал: «После моего выступления на Президиуме Совмина в ЦК КПСС стало известно, что якобы я в своем выступлении по вопросу руководства сельским хозяйством страны в завуалированной форме критиковал руководство ЦК. Источником этой информации, вернее говоря дезинформации, является Мацкевич. В ЦК мое выступление всесторонне «изучается» и «анализируется». Я Полянскому сказал, что я тоже был на этом заседании и слушал его выступление, и я его оцениваю как высококвалифицированное, объективно-справедливое, критическое, с анализом истинного положения дел в сельском хозяйстве. Старался как-то успокоить Полянского. Но сам думал: раз это дошло до руководства, то надо ждать какого-то нового решения в отношении Полянского. Все же большая подлость со стороны Мацкевича! Зачем же искажать факты и дезинформировать? На этой, к сожалению, грязи многие держатся, даже часто продвигаются, как лучше и вовремя сказать словцо руководителю. Это позорное явление в нашей жизни далеко еще не изжито. Да и изживется ли вообще?»

События в Чечено-Ингушетии заслуживают особого внимания. Несмотря на принятые меры, возмущение не утихает, чувствуется, что все это направляется опытной рукой. Надо было разработать более радикальные меры, но никто на это не решается — у наших руководителей появился какой-то страх и даже паника. Говорят, что у нас не может быть национальной розни, но события в Чечено-Ингушетии говорят об обратном, что неумный и необдуманный шаг всегда может вызвать недовольство, затронуть национальные чувства. Суть вопроса по Ингушетии: в 1944 году из Ингушетии было выслано около 12 тысяч ингушей. В 1957 году их возвратили на свои места, но к этому времени часть Ингушетии прирезали к Грозному, где проживает свыше 14 тысяч ингушей. Все ингушское население требует восстановить ингушетский район полностью, где про-

живает около 40 тысяч человек, в том числе 4 тысячи русских. Что бы вовремя пойти на это справедливое требование? Никакого конфликта не было бы.

2 февраля. На Политбюро Брежнев «информирует» о его встрече с Помпиду²²¹, как он выразился: «Мы с ним обменялись идеологиями». Как можно было обменяться идеологиями, да еще с Помпиду? Далее Брежнев сказал, что обсуждались европейские вопросы. В какой плоскости проходило обсуждение, по каким конкретным вопросам — обо всем этом ничего не говорилось. Приняли решение: «Одобрить деятельность Брежнева при переговорах с Помпиду». Многие из нас так и не поняли, что же мы «одобряем».

После того как были закончены все вопросы по повестке дня, Брежнев как будто между прочим поднял вопрос о министре сельского хозяйства СССР. Тут же сообщил, что он принимал Мацкевича и что последний подал заявление о его освобождении от должности министра и просится направить его на работу за границу. Далее Брежнев сказал: «Я дал согласие на уход Мацкевича с должности министра сельского хозяйства. Как, товарищи, вы думаете?» Все молчат. Что же говорить, когда вопрос, по существу, решен. Тут же Брежнев велел, чтобы зашел в зал заседания Мацкевич. Он зашел — был бледнее стенки. Брежнев ему сказал, что его просьба удовлетворена, что касается работы его за границей, то этот вопрос будет рассмотрен отдельно. (Вскоре Мацкевич поехал послом СССР в Чехословакию). На этом с Мацкевичем и было покончено.

Тут же Брежнев поднял вопрос о министре сельского хозяйства и пустился в рассуждения, что «сельское хозяйство страны дает 30% национального дохода. Хотя и имеются некоторые достижения в области сельского хозяйства, однако темпы его развития нас не удовлетворяют, да не удовлетворяются и нужды населения и промышленности в продуктах сельского хозяйства. Мы неоднократно критиковали Министерство сельского хозяйства и Мацкевича, но дело, видно, не в этом. Нам надо всем больше уделять внимания вопросам сельского хозяйства». Все сидели и слушали эти давно избитые истины по сельскому хозяйству. Продолжая свою «умную» речь, Брежнев говорил, что «Кулакову и Полянскому давно было дано задание подобрать кандидатуру на министра сельского хозяйства, но такой кандидатуры до сих пор так и нет. А она должна быть известной, авторитетной в партийных и советских органах и вхожей в эти органы. Поэтому я долго думал над такой кандидатурой и вношу предложение министром сельского хозяйства назначить тов. Полянского».

Все молчат, видно, для многих это было неожиданностью, и по всему было видно и заметно, что если кандидатура Полянского и обговаривалась, то с несколькими лицами, а именно с Косыгиным, Подгорным и Кулаковым. Полянский сидел рядом со мной и, видно, не расслышав своей фамилии, спросил меня: «Петр Ефимович, о ком идет речь?» Я ответил ему: «Дмитрий Степанович, что ты? Не услышал? Ведь идет о тебе». Он на меня посмотрел с каким-то недоверием и изумлением и сказал: «Ты брось шутить такими вопросами». Я ответил ему, что именно Брежнев назвал его фамилию. «Но со мной ведь до этого никто не говорил об этом!» Я ему ответил: «А что, тебе неизвестно, что это излюбленный метод Брежнева — внезапность?» Пока мы переговаривались с Полянским, Брежнев обратился к нему: «Дмитрий Степанович! Почему вы молчите?» Он ответил: «Что я должен говорить?» Последовал ответ Брежнева: «Так ведь о вас идет речь». Полянский ответил, что ведь с ним никто не говорил по этому вопросу. Брежнев в ответ: «А что с вами говорить? Вот и говорим при всех. Вы занимаетесь сельским хозяйством, знаете условия, для вас ничего нового в этом вопросе не может быть». Полянский побледнел, изменился в лице. Видно было, что этот удар ему нанесен неожиданно, просто в буквальном смысле из-за угла. Я уже говорил, что сидел рядом с ним, и, когда он поднялся, я со страхом смотрел на него и боялся, что с ним может случиться что-то непоправимое. Я в это время думал о том, какие недостойные, гнусные, изуверские приемы применяет Брежнев к своим близким товарищам по работе, именно к тем, которые больше всего содействовали его приходу к руководству. И это делается от жестокости, садизма, трусости, отсутствия должного партийного такта для такого уровня руководителя. Неужели у Брежнева не нашлось 5 — 10 минут времени предварительно переговорить с членом Политбюро ЦК КПСС о его перемещении по работе, если это вообще вызывается необходимостью! Но дело все в том, что никакой целесообразности в таком перемещении нет. Просто поставлена задача убрать Полянского с поста первого заместителя Предсовмина, ведающего сельским хозяйством и по многим вопросам остро и открыто выступающего в ЦК и Совмине по вопросам сельского хозяйства в защиту его интересов.

Полянский поднялся — серо-бледный от неожиданной для его постановки вопроса. Он сказал: «Леонид Ильич, я просил бы вас этого не делать. Для меня все это слишком неожиданно. Я даже готов дать ответ на такое предложение. Кроме того, мое состояние здоровья не позволит мне полностью отдаться этому огромному участку, и я не хочу вас подводить». Тут последовала реплика со стороны Брежнева: «А что, работая первым замом Предсовмина, не требуется здоровье? Я думаю,

что заявление Полянского несостоятельно, мы все в какой-то мере больные, но работаем же». Косыгин подал реплику: «Правильно поставлен вопрос. На такой участок, как сельское хозяйство, кандидатура Полянского вполне подходит». Полянский ответил: «Я ведь в Совмине занимаюсь вопросами сельского хозяйства». На это последовал ответ Брежнева: «Министром работать — это другое дело. Тут будете решать вопросы конкретно, самостоятельно». (О какой самостоятельности шла речь, где она у наших министров, тем более у министра сельского хозяйства?) Кто-то еще, кажется, Кулаков, подал реплику, что предложение Леонида Ильича правильное и вопрос надо решать. Полянский только и сказал: «Я бы просил не решать окончательно этого вопроса. Но если решите, что же я могу сделать? Придется подчиниться».

Так был решен вопрос о Полянском как о министре сельского хозяйства, и этим самым предreshен вопрос о его дальнейшем пребывании в составе Политбюро ЦК КПСС. Так оно впоследствии и получилось. Да по-иному и не могло быть — все сводилось Брежневым к этому.

Поздно вечером мне позвонил Черненко и сказал, что он звонит по поручению Брежнева — надо согласовать Указ об освобождении Мацкевича от обязанностей министра сельского хозяйства и о назначении Полянского министром, а также об освобождении Полянского от обязанностей первого заместителя Предсовмина. На следующий день, 3 февраля, в печати появились указы. Брежнев явно спешил.

3 февраля. Утром мне позвонил Полянский и рассказал, что он вечером 2 февраля все же добился приема у Брежнева. На встрече тот якобы приносил свои извинения, что раньше не смог переговорить с Полянским о его перемещении. Но верить Брежневу нельзя — это было сделано по «приему внезапности». Что же касается «покаяния» — улыбки, бархатного голоса и слезливых глаз — то всеми этими качествами хорошо обладают льстецы, подлецы и деспоты; в их улыбках всегда ищи волчий оскал. Я все это на себе хорошо испытал. Но Дмитрия Степановича я старался несколько успокоить. Зная его состояние, я сказал: «Ну и хорошо, что ты имел разговор с Брежневым».

5 февраля. Мне позвонил Полянский. Настроение у него хорошее, но чувствую, что оно наиграно. Он мне сообщил, что Брежнев дал согласие присутствовать на коллегии Министерства сельского хозяйства, где он представит Полянского. Я чувствую, что уже одно это обещание и слово подбодрили человека. Так почему же доброе слово в спокойной обстановке не было сказано раньше?

10 февраля. Вредно и опасно как проявление национализма, так и национальное безразличие, граничащее с космополитизмом. Прискорбно, когда по важнейшим государственным вопросам принимаются решения единолично, даже без консультации со специалистами. Нет глубокого анализа, коллеги по работе и их мнение не берутся в расчет. Раньше это мы называли «волюнтаризмом», сейчас это оказывается «личная инициатива» и «гениальность руководителя». Все это, безусловно, доведет до печального конца и этого «гения».

12 февраля. Организованная травля, дискриминация, разного рода пакости усиливаются вокруг некоторых членов Политбюро ЦК КПСС, товарищей по работе, единомышленников. Вот один из свежих фактов: при подписании соглашения с вьетнамцами присутствовали все члены Политбюро, был сделан общий снимок. Но вот вышел журнал «Огонек», в нем на снимке нет Полянского, Шелеста, Воронова: места, где они были на первоначальном снимке, вытравлены и помещены другие «физиономии». Кто это мог сделать, с чьего указания? Мы все трое по этому поводу обменялись мнениями, я высказал свое соображение, что эта гнусная травля и, казалось бы, мелочность не могли обойтись без «вождя» — со мной согласились, но добавили, что это с «подачи» Сулова и его же осуществление. Полянский собирался по этому вопросу с кем-то переговорить. Но главное было еще впереди, мы все же не допускали, хотя и предполагали, что наши телефонные и другие разговоры везде прослушиваются. Стал этот разговор известен «вождю» — это означало, что надо ждать еще больших гадостей и пакостей.

14 февраля. Сегодня мой день рождения — вот и стукнуло 65 лет. Много и мало. Много по годам, мало по тому, что можно было бы еще сделать полезного для народа, кадрам молодым передать накопленный жизнью и делом опыт. По состоянию здоровья, энергии, бодрости, напористости можно было бы поработать, но вся обстановка, травля изнуряют, так долго выдержать нельзя, просто невозможно, держусь на последнем пределе. Многие звонили, поздравляли с днем рождения, много получил телеграмм и писем от коллективов и отдельных лиц. Из Румынии позвонил И. В. Дрозденко, поздравил. Сотрудники объединенной больницы 4-го Главного управления Минздрава СССР прислали поздравительный адрес — 35 подписей во главе с Чазовым Е. И. Поздравил коллектив Секретариата и КГБ, поступило много телеграмм и писем с поздравлениями из многих городов страны от разных людей.

Позвонил мне и Брежнев — поздравил. Тон разговора был ровный, хороший, но в искренность его слов я не верю. Разуверился на конкретных фактах. Приятно было получить поздравления из Киева от многих товарищей, но самые приятные поздравления из Киева — это поздравления от внуков — Пети, Димы, Ирочки, Алеши. В Москву, на дачу, в Калчугу, приехал сын Боря с Лелей. Было несколько человек близких людей. В кругу семьи и друзей отметили хорошо мой день рождения, хотя на душе кошки скребут.

15 февраля. Проголосовал постановление Политбюро ЦК КПСС о присвоении звания Героя Социалистического Труда Подгорному Н. В. в связи с 70-летием. Это теперь у него вторая Золотая Звезда Героя. Посмотрел текст приветствия Подгорному от ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР.

18 февраля. Поздравил Н. В. Подгорного с днем рождения и награждением его второй Золотой Звездой Героя Соцтруда и орденом Ленина. А вечером в 17.00 19 февраля в зале Политбюро состоялось вручение наград. Брежнев, вручая награды, рассыпался в похвалах и заслугах Подгорного — казалось, их «дружбе» не будет конца. И все это была фальшь и инсценировка.

Сегодня прошло ровно 10 месяцев, как состоялось решение о моем переводе на работу в Москву. Но у меня до сих пор невероятная тяжесть и обида, даже не по существу самого решения, а за хамское отношение ко мне. Почему меня третируют и травят? Кто может дать мне ответ на мой больной вопрос? Формально дают ответ, а по существу разумного содержания во всех ответах нет.

23 февраля. Получил разрешение на отпуск, сегодня же вечером поездом уезжаю в Кисловодск. Хорошо, что едем в отпуск вместе с Иринкой, немного побудем вместе, отойдем от всей этой возни.

Разместились мы в особняке, внешне все идет неплохо. В это же время здесь отдыхал и А. Н. Косыгин. Несколько раз с ним встречались на прогулке, я к нему заходил в люке — в санаторий «Красные камни». Много гуляли, ездили в Приэльбрусье, подымались на канатной дороге на Чигет. Заезжали ко мне в особняк первый секретарь Ставропольского крайкома партии М. Горбачев с начальником КГБ края и первым секретарем Кисловодского горкома партии. Были друзья и товарищи. Отдыхал неплохо, главное, не знал тревоги, хотя часто сосало, томило. Недаром мне снилась большая лошадь, которая свали-

лась с большой горы в обрыв. Это большая ложь вокруг меня, но все это в конце концов свалится в пропасть. Я ведь ни в чем не виноват. Интриги и клевета, организованные Брежневым, Сусловым, Щербицким, пройдут, но я их навеки проклинаю. Им ведь в конце концов несдобровать.

22 марта. После отпуска вышел на работу. Хочется поговорить с настоящими людьми труда, рабочими, крестьянами, которые производят ценности и на свой счет содержат огромную свору бездельников и демагогов. Ведь настоящие люди труда не знают всех тонкостей — подлости.

23 марта. В 11.00 у меня в кабинете первый секретарь Ленинского райкома партии Москвы Лавров И. Г. и заведующий сектором учета Т. Храмова Т. М. Вручили мне партбилет нового образца № 00000015. Они пожелали мне доброго здоровья, успехов в работе, многих лет жизни. Я поблагодарил их за все. В апреле будет 46 лет, как я в партии, всегда честно, преданно служил ей и своему народу, по зову сердца, и совести своей.

24 марта. В 12.00 по специальному телефону я позвонил Брежневу. Разговор сразу пошел общий, спокойный. Он, как обычно, начал жаловаться на загруженность и сильную усталость. Сообщил мне, что он уже прадед, с чем я его и поздравил. Спросил меня, как я отдохнул, как устроился с квартирой. Поблагодарил его за участие и проявленную заботу. Одновременно я ему сказал, что настроение у меня просто ужасное, так и жди стресса. Попросился к нему на прием, сказал, что хочу встретиться и высказать все свои мысли. Брежнев на эту мою просьбу ответил, что эта встреча и разговор с ним мне ничего хорошего не дадут.

После разговора с Брежневым я сразу же позвонил Подгорному, разговор был хороший. Он обратился ко мне по имени, спросил, как я отдохнул, поговорили о некоторых житейских делах. Я Подгорному сказал, что только что разговаривал с Брежневым, попросился к нему на прием, разговор был спокойный, обещал мне позвонить, когда он может меня принять. Подгорный мне сказал: «Ну что ж, хорошо. Только смотри не горячись». Я ему ответил, что изложу то, что думаю.

24 марта в 15.00 состоялись встреча и разговор с Л. И. Брежневым. Я высказал ему свою озабоченность по поводу организованной травли и третирования меня. Сказал ему, что без «санкции» свыше не может проводиться такая организованная травля. Я ведь пока что член Политбюро ЦК КПСС, и критико-

вать, третировать, открыто ревизовать мои действия в мою бытность Первым секретарем ЦК КПУ без прямого указания центра никто никогда бы не посмел, да, в конце концов у нас в партии так и не заведено это. Я прямо и открыто ему сказал, что когда он возвращался из Праги и остановился в Киеве, тогда он и дал «санкцию» на все эти безобразия.

Брежнев отрицал свое участие в травле против меня. Я продолжал свой вопрос, обращенный к Брежневу: «Спрашиваю, когда было у нас так, чтобы члена Политбюро, его действия, работу критиковали бы в низовых партийных органах, тем более что все это делается без всяких оснований и доказательств? Разве это все укрепляет порядок в нашей партии?» Брежнев отмалчивается, хотя и проронил, что он не в курсе дела (проправился «не совсем») и что он разберется по этому поводу и еще раз со мной встретится. По его поведению, ответам на мои вопросы я еще раз убедился, что Брежнев просто юлит и лицемерит — я ему ни в чем не верил. И продолжал излагать свои мысли. Брежнев временами вставлял реплики и начал много говорить о себе, как с ним после Сталина неправильно и несправедливо поступили — по существу, выбросили за борт. Тут я ему сказал: «Вам было нелегко — прошло столько лет, а вы того забыть не можете, несправедливость ведь очень сильно ранит человека. Так почему же допускается все это по отношению ко мне, по какому праву и на основании чего? Я тоже ни в чем не виноват и могу смело смотреть в глаза любому. Я чист перед партией и народом. Сколько я вкладываю сил в работу — за это говорят сами результаты. Безусловно, работая почти 10 лет Первым секретарем ЦК КПУ, у меня могли быть недостатки и упущения в работе, но не умышленные действия, как кое-кто пытается исказить действительность. В части национальной политики я всегда был и остаюсь интернационалистом, но от своего народа, своей принадлежности к нации, ее культуре, истории никогда не откажусь: ведь я не Фома безродный. Поступать по-другому перед своим народом — значит предать, изменить ему. Таких «деятелей» надо презирать, да их и сам народ презирает. Мне пытаются приклеивать разные ярлыки, наговаривают, клеветают, ведется линия на мое политическое уничтожение. Я спрашиваю, кому все это на руку? Ну, будет еще одна жертва интриг, шантажа, наговора — действий «людишек от политики». Ради чего?

О брошюре «Украина наша советская». Я и сейчас утверждаю, что в ней все вопросы изложены правильно, с классовых, идеологических, интернациональных и исторических позиций. На эту книгу были даны хорошие, положительные рецензии. Не исключено, что она страдает некоторыми неточностями и недостатками, но она ведь не вредна, не враждебна, как кое-

кто пытается это трактовать. Зачем же ее было изымать и критиковать в журнале «Коммунист Украины»?» Тут мне Брежнев сказал, что он этой книги сам не читал и по этому поводу ничего сказать не может, но что мне ее писать не надо было.

Я его спросил: «Почему?» Он промолчал. Я продолжал: «Если я написал и уже совершился факт ее появления, а вы полагаете, что за изложенные мысли я должен нести ответственность, то обсудите этот вопрос на Политбюро. Но нельзя же трепать мое имя кому как вздумается — ведь я член Политбюро». Брежнев промолчал. Затем обратился ко мне с вопросом, что ты, мол, недоволен и обижен на меня, ходишь угрюмым, мало контактируешь с товарищами. Я ему ответил, что мне веселиться не от чего. Да, мне нелегко, мне просто тяжело, тем более с начавшейся вокруг меня кампанией травли. Я временами чувствую, что теряю равновесие, и чем это все может кончиться, сам не знаю. А кто меня спросил, побеседовал со мной о моей теперешней работе поддержал меня в нелегкую мою минуту? В таком состоянии, в котором я нахожусь, недалеко и до трагедии. Очевидно, по моему состоянию это было видно, потому что Брежнев начал меня успокаивать. Сам себя я убеждаю, что мне надо держаться, что честные люди, знающие меня, даже в составе Политбюро переживают и болеют за меня. Брежнев перевел разговор: «А какие у тебя взаимоотношения с Косыгиным?» Я, естественно, ответил, что я с работой осваиваюсь. В ней есть своя специфика, взаимоотношения с Косыгиным, мне кажется, у меня вполне нормальные. Если я к нему по какому вопросу обращаюсь, он меня выслушивает, оказывает внимание и помощь. Под конец нашей беседы я заявил Брежневу, что считаю позорным явлением организованную травлю. Организаторы ее — это подлые люди, не политики, а «политиканы», и пусть они помнят, что все, что со мной происходит, это все на их совести, если она у них есть. История этого не простит.

26 марта был у меня длительный, сложный и тяжелый разговор с Подгорным. Он всю обстановку и сложность понимает, но все так далеко зашло, что он ничем уже мне помочь не может, хотя всячески старается меня подбодрить. Подгорный мне сказал, что против меня действовала «днепропетровская группа». Теперь мне совсем становится ясным, что ее вдохновляет сам Брежнев. Рекомендации Подгорного о том, чтобы я не горячился, надо принять. Но дальше я не могу терпеть такой травли.

Нелегкий, длительный разговор у меня состоялся с сыновья-

ми Борей и Виталием. Я им изложил свои дальнейшие планы моего ухода в отставку. Они все это тяжело переживают, но у меня другого выхода нет. Почти всю ночь с Ириной обсуждали складывающуюся обстановку и ситуацию. Ясно, что от Брежнева ничего хорошего ждать нельзя: он ведь первоисточник моей проработки на Украине. У него теперь только не хватает смелости дать «отбой» — не та натура. Иринка очень все тяжело переживает, но держится хорошо, и меня поддерживает основательно — молодец, спасибо ей за все это.

Написал заявление — вот его содержание:

«В Политбюро ЦК КПСС.

В партии я уже 46 лет, за все время моего пребывания в партии я честно служил партии, народу, стране. Только на партийной работе проработал 27 лет. Работая почти 10 лет Первым секретарем ЦК КПУ, я был в составе Президиума и Политбюро ЦК КПСС, всегда старался прикладывать свои силы и знания, как лучше выполнять решения партии. В процессе работы могли быть недостатки и даже упущения. Но я честно, добросовестно трудился. Случилось так, что помимо моей воли и желания меня переместили на другой участок работы. Стараюсь и на этом участке все делать, что зависит от меня. Но, очевидно, времена обстоятельств, сложность всей ситуации подорвали мое здоровье — мне трудно все переносить. Мне пошел 66-й год — поработал немало. Прошу Политбюро ЦК КПСС освободить меня от занимаемой должности и обязанностей члена Политбюро, установив мне пенсию и положенные льготы. Благодарю всех вас за совместную работу.

П. Шелест»,

26 марта 1973 года.

Ночь с **26 на 27 марта** провел ужасно, в каких-то кошмарах. Невероятное что-то творится, невообразимое. Спрашивается, за что, по какому праву на меня все это обрушивается? Неужели наша система дает право отдельным «партийным проходимцам» решать судьбу, травить товарищей, переворачивать всю жизнь, политически уничтожать? Чтобы очернить, уничтожить, для этого ума не нужно — достаточно одной подлости. Если наша система это позволяет, то дела наши плохи. Ох, как мы еще далеки от «идеала» коммунистических отношений. Я за последнее время часто думаю об этом, и мне становится до боли обидно. А что могут подумать о нас честные рядовые коммунисты — рабочие люди? О наших отвратительных формах травли и уничтожения любого человека, честно отдавшего всего себя делу Родины. Так где же наша правда, справедливость, о которой мы так громко и пишем? Я еще силен

физически, духом и морально, но не могу мириться с положением не потому, что держусь за какое-то положение, власть. Нет! В своей работе «прелесть власти» я испробовал достаточно, и если честно работать, то власть это нелегкая ноша, с меня ее хватит вполне. Я за то, чтобы вопросы решались открыто, по-человечески, как принято было когда-то в нашей партии. Все тому, что делается вокруг меня, я могу противопоставить только выдержку, стойкость, но все это стоит мне огромных усилий и здоровья. В моих тяготах виновны три человека: Брежнев, Суслов, Щербицкий. Это их нечестный прием по отношению ко мне. В руководстве есть люди, которые осуждают их гнусные приемы. Придет время, и вся гнусность раскроется. Я мог бы и сейчас разоблачить эти приемы по отношению к «расстановке кадров», но ведь это может бросить черную тень на нашу партию!

2 апреля 1973 года. В 17.00 заседание Политбюро. Решено созвать Пленум на 26 апреля, рассмотреть вопросы: о международном положении, о визите в ФРГ.

На Политбюро рассматривались вопросы: «О многотомной истории КПСС». По этому вопросу имеется много неточностей, даже искажений. Рассматривался вопрос о статусе дважды Героя Социалистического Труда. Решили — дважды Героям Социалистического Труда устанавливать бронзовый бюст на родине, теперь добавили, что если Герой Социалистического Труда и Герой Советского союза, которым является «вождь», то тоже устанавливать бюст. Спешит.

Вечером были: Брежнев, Подгорный, Полянский, я, Шелепин, даже Суслов во Дворце спорта в Лужниках на хоккее, все прошло спокойно.

В «Коммунисте» № 4 (орган ЦК КПУ) опубликована редакционная статья с критикой на мою книгу «Украина наша советская»: дано указание обсудить эту статью и книгу на всех городских и областных активах. Она изъята из продажи и библиотек, кто не читал ее, появился особый интерес к ней, на «черном рынке» она ценится в 25—30 рублей. Только дурость и ограниченность могли привести к такому ажиотажу вокруг этой книги. Был большой спрос и на журнал «Коммунист» № 4 (потом его изъяли из продажи вообще, потому что он вызвал много вопросов и недоумений). Так или иначе, а травля меня продолжается и довольно организованно, хотя и неразумно.

17 апреля. Состоялся Пленум ЦК КПУ по вопросам кадров. В докладе Щербицкий с «доброго» благословения высокопоста-

вленного игрока судьбами человека, меня не обошел. Какой только гадости не говорили в мой адрес, подлецы и мерзавцы. Интриган Щербицкий и К° действовали как двурушники и трусы по принципу: чтобы всплыть на поверхность, надо утопить другого, чтобы казаться самому чистым, надо выпачкать другого. В информации о прошедшем Пленуме даже в «Правде» написано: «Участники Пленума остро осудили проявление национального чванства и ограниченности у отдельных руководителей работников, их беспринципность и зазнайство, нетерпимое отношение к мнению других, склонность к саморекламе». Такую формулировку могли в «Правде» поместить только с разрешения и рекомендации центра — она прямо направлена против меня. И не случайно такие подонки и ничтожества, как Козырь и Андреев, выступая на Пленуме, «лично благодарили» Брежнева за то, что он якобы «помог оздоровить обстановку на Украине». Теперь уже совсем становится ясным, что организованная травля и третирование исходят от Брежнева и Суслова. Подонки, отщепенцы и предатели своего народа — Щербицкий, Лутак, Грушецкий, Ватченко и им подобные — готовы действовать по указке как борзые. И это называется «принципиальностью». Позор!

На Пленуме прозвучали и трезвые суждения. Ну ладно, допустим, говорили некоторые, что Шелест имел недостатки в руководстве. Так почему же вы, члены Политбюро ЦК КПУ, об этом не говорили, когда он работал и был здесь? Это в президиуме вызвало большое замешательство. В зале несколько минут продолжались шум и бурные разговоры. Щербицкий выскочил из президиума и долго не появлялся. А в заключительном слове Щербицкий уже обо мне не обмолвился ни одним словом. Трусы несчастные.

19 апреля я позвонил Капитонову и Петровичеву в ЦК КПСС и спросил их, что им известно о Пленуме ЦК КПУ? Ответили, что цельного материала у них о Пленуме нет, есть отдельные отрывочные сведения, ни о чем не говорящие. Представителя ЦК КПСС на Пленуме не было. Я высказал им свою озабоченность и тревогу по поводу того, что мне стало известно о Пленуме из сообщения «Правды». Думаю, что они оба не сказали мне правды: во-первых, они ее подлинно не знали, а во-вторых, им запретили меня информировать.

20 апреля. Из Киева мне позвонили наши близкие знакомые Слава и Светлана — был хороший разговор. Светлана была в АПН — там ведь грамотные и знающие люди. Они все возмущаются появлением, содержанием и формой редакционной статьи в «Коммунисте», всей свистопляской вокруг меня на

Пленуме ЦК КПУ. Всем ясно, что все идет с «подачи» Москвы. Вокруг всего этого много нездоровых разговоров, не в пользу организаторов моей травли. Света и Слава отражают настроенные культурной рабочей и студенческой молодежи.

21 апреля. Был во Дворце съездов на торжественном вечере, посвященном годовщине рождения В. И. Ленина. Многие товарищи из Политбюро заметили мое настроение и состояние, старались подбодрить, поддержать участием, добрым словом. Откровенно говорил с Полянским и Шелепиным — они оба меня хорошо понимают, но что из этого? Чем они мне могут помочь? Ведь каждый из них ходит по «канату» — недалеко тот час, когда и с ними поступят так же, как и со мной. Все, что творится вокруг меня, делается преднамеренно, очень подло и трусливо. Очень горько, обидно и опасно, когда руководитель необъективен, занимается интриганством, завистлив и даже жаден. Самолюбуется, все ведет на игре в «справедливость», в то же время сам отъявленный лицемер. Такой человек не может понять душу и сердце товарища, человека, сделавшего для его прихода к власти очень много. Где же правда? Ее ведь нет, вот уж поистине, как говорит поэт:

В этом мире не вырастет правды побег.

Справедливость не правила миром вовек.

Не считай, что изменишь течение жизни.

За подрубленный сук не держись, человек!!!

(Омар Хайям)

22 апреля. Был у меня разговор с Подгорным. Он меня спросил, встречался ли я еще раз с Брежневым. Если разговор состоится, то просил ему позвонить. Тут же он сказал, что, возможно, на этом Пленуме Брежнев и выйдет с твоим вопросом, но перед этим он обязательно должен с тобой переговорить. Ориентируйся по обстановке, если будет стоять вопрос об освобождении от членства в Политбюро, лучший исход уйти на «отдых», как положено члену Политбюро. Постановка вопроса на Пленуме может возникнуть под внешними воздействиями, и она будет исходить от Щербицкого и К° при «дирижерстве» Суслова, а Брежнев у них на поводу — он не имеет своего твердого мнения, как всегда и во всем. Чувствую, что больше лицемерия, интриг и травли я выдержать не могу. Написал заявление на имя Брежнева и Политбюро ЦК КПСС, в котором изложил все мои переживания, высказал протест против несправедливых на меня гонений, написал о себе и своей семье — все это я вручу Брежневу при встрече с ним и все ему устно выскажу. Будут силы, найду форму изложить всю подлость и лицемерие, организованные вокруг меня.

Смерть сама по себе — это для каждого человека неотвратимое явление, никто не может ее отвергнуть. Но издевательство, глумление, травля — это тяжелее самой смерти, ибо это «дело» рук злобного, черствого, бессердечного человека. Попал я в опалу потому, что всегда имел свое мнение, никогда не был подхалимом, приспособленцем, лизоблюдом. Всегда вопросы решал смело, брал на себя ответственность, работал честно, не оглядывался, что будет? Делал все так, как требовала жизнь. Нашлись «людишки», которые вместо того, чтобы честно трудиться, занимались интриганством и доносами, нагнетали обстановку! И это называется «коммунисты-единомышленники». А я всю жизнь верил и пропагандировал справедливость! Оказалось, что это святая наивность — вот за все и поплатился.

Сенаторы США еврейской национальности делают невероятный нажим на нас по поводу отмены нашего закона о взимании налога от отъезжающих в Израиль и получивших у нас высшее образование или ту же ученую степень. Кое-кто колеблется. Думаю, что давления не выдержат, а ведь это прямое вмешательство в наши внутренние дела. Первым начинает сдавать позиции Брежнев.

Подписал документы по Минморфлоту, МПС, Моссовету и ряду других министерств и ведомств. Предчувствую, что это предпоследние официальные бумаги, которые подписываются мною. На этом, очевидно, и заканчивается моя деятельность на этой работе. А сколько бы я еще смог принести пользы, сделать хороших дел!..

23 апреля. Рассматривал почту, документы, кое-что имеет-ся довольно любопытное и забавное с точки зрения идеологии. В Польше 38 миллионов человек населения, на это число жителей 13 тысяч костелов. В стране католическая церковь имеет очень большое влияние. Кардинал Вышинский поставил вопрос перед правительством о строительстве еще 1000 костелов. В Польше уже сейчас больше костелов, чем их было в буржуазной Польше. Ватикан всячески поддерживает и поощряет действия Вышинского.

Посмотрел последние материалы по Политбюро ЦК КПСС. Вот на этом и заканчивается, кажется, моя деятельность как члена Политбюро. Несмотря на усталость, измотанность всеми интригами вокруг меня и травлей, все же уходит на «отдых» жалко, мог бы еще поработать.

В 16 часов 15 минут мне позвонил Брежнев — приглашает к 18—19.00 на беседу к себе. Прошел ровно месяц, как я у него был на приеме и высказал свое мнение. Подготовил и заявление на Политбюро ЦК КПСС:

«Политбюро ЦК КПСС.

Прошу рассмотреть мое заявление. В партии уже 46 лет. Я всегда честно и добросовестно выполнял все поручения и задания партии. Только на ответственной партийной работе проработал 27 лет, в том числе первым секретарем Киевского обкома 7 лет и затем в ЦК КПУ 10 лет, из них Первым секретарем ЦК КПУ 9 лет.

Общий трудовой стаж 54 года, из них 22 года работал на заводах. За всю свою трудовую жизнь, где бы ни работал, честно трудился, отдавал делу все свои силы и знания. Так случилось, что Политбюро ЦК КПСС сочло необходимым перебросить меня на другой участок работы — в Совмин СССР. Скажу откровенно, для меня это было неожиданно и переживал я это тяжело. По прибытии в Москву я включился в новую работу, объем и круг обязанностей меня заинтересовал. Я отдавал все свои силы и знания делу. Установились хорошие деловые контакты с министерствами и ведомствами, с товарищами по работе.

Вот уже год, как я работаю на новой работе, и в течение всего этого времени идет травля меня, третирование, причем это делается методически, организованно. Подбирают материал, обвиняют в несуществующих погрешностях, публично и в печати прорабатывают мои в прошлом «действия», хотя до этого и сейчас мне открыто никто этих моих «погрешностей» не предъявляет. Устраивают гонение на мою семью, сыновей.

Я перед партией и народом ни в чем не повинен, честно и добросовестно служил им в меру моих сил, знаний и способностей. Был в составе Президиума и Политбюро ЦК КПСС почти 12 лет, выполнял честно и добросовестно эти обязанности. И если у меня и были какие недостатки и упущения в работе, то они делались не преднамеренно, а просто так бывает в жизни и работе. Мне пошел 66-й год. За это время в работе я наверняка сделал немало хорошего, зачем же неизвестно за что такая травля и издевательство надо мной? Выдержать все это невозможно ни физически, ни морально. Да и уверен, что это никому не принесет никакой пользы, а вред общему делу наверняка. В силу сложившихся обстоятельств здоровье мое подорвано, я физически и морально устал. Пусть все, что происходит вокруг меня, останется на совести людей, которые так безжалостно, жестоко, бесосновательно пытаются со мной расправиться — и это делают «единомышленники»! История и время рассудят все это, только жалко — к этому времени некому

будет нести ответственность за все эти политические преступления. Оградить меня от травли, третирования, необоснованного обвинения — можно и должно, если бы к этому была проявлена воля и желание, не было бы попустительства во всем этом шабаше. Не знаю, сколько мне еще осталось прожить, но так продолжаться не может. Прошу оградить меня от дальнейшей травли, не унижать и не ущемлять мою семью. Я просто морально надломлен и в таких условиях работать не могу. Поэтому прошу ЦК КПСС освободить меня от занимаемой должности и обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС. Назначить мне пенсию и установить существующие льготы.

Благодарю всех за совместную работу.
23 апреля 1973 года.

П. Шелест».

На приеме у Брежнева я был с 19.00 до 20.30 — разговор состоялся длительный и изнурительный, хотя он и был относительно спокойным. Брежневу я высказал все, что у меня накопилось на душе и сердце: о несправедливом ко мне отношении, необъективности, предвзятости решения моих вопросов, об организованном третировании и травле меня. Высказав все это, я тут же вручил мое заявление Брежневу, он его долго читал, очевидно, обдумывал, что же мне на него ответить, и наконец сказал: «Что же ты хочешь, чтобы после смерти поняли, что я на тебя гонения устраивал? Нет, заявление такого содержания я не возьму от тебя». Начал предлагать разные варианты моего заявления, попытался даже угрожать мне: можно, мол, решить с тобой по-всякому, так, что тебе товарищи и руки не подадут. Я его в упор спросил: «В таком случае скажите, что мне ставилось в вину, когда решался вопрос о моем уходе с Украины?» Он долго елозил, но сказал: «Накопилось много материалов, часть правды, но много и наносного». Я настаивал на том, чтобы мне Брежнев сказал правду. Я говорил, что вправе знать, должен знать о себе. Брежнев много думал и сказал: «Ты много проявлял самостоятельности в решении вопросов, часто не считался с Москвой. Были элементы местничества и проявления национализма». Я все это категорически отверг как клевету и наговор. Что касается проявления самостоятельности в решении вопросов, так по-другому я и не мог работать, и вся моя работа была для партии и народа. Еще раз я попросил Брежнева установить мне пенсию и льготы, не третировать мою семью, прекратить травлю меня. Возможно, в будущем предоставить мне какой-то участок работы, только на производстве. Он пообещал сделать все возможное. Тут же я ему вручил личное письмо, в котором изложил обстановку, предостерег его от некоторых пагубных явлений, а именно — от непомерного роста его культа личности, подхалимства, льстецов. Все это мо-

жет кончиться печально для него. Он мое письмо прочел и спрятал при мне в свой сейф. Расстались мы с Брежневым «хорошо». Я даже от него получил поцелуй, но это был поцелуй иуды, ибо все, что со мной произошло, это дело рук самого Брежнева, его подхалимов и льстецов, которых он больше всего любит. Я сказал Брежневу, что по состоянию здоровья я не могу быть на Пленуме ЦК, и просил его решить мой вопрос в мое отсутствие. Он пообещал все сделать в спокойной и «объективной» форме. Вот так и закончился этот тяжелый разговор. Свое гнусное, подлое «дело» сделали клевета, дезинформация, лесть, подлость отдельных «политических деятелей». Все это я еще раз высказал Брежневу и изложил в письме, которое ему лично адресовал.

После этой беседы у меня наступило непонятное чувство — тягости и одновременно облегчения. Облегчения, очевидно, потому, что я ухожу от многих грязных дел в «больших» политических кругах, от того, что я больше не буду причастен к росту культа Брежнева, которому рано или поздно придет позорный конец. Думаю, что пока есть какие-то силы, я найду себя в другом, более благородном деле.

24 апреля. Имел разговор с Подгорным, Полянским, Андроповым. Все им рассказал о моем разговоре с Брежневым и моем решении (вернее сказать, моем принуждении) уйти в отставку. Для некоторых мое решение было неожиданным. Подгорный знал всю обстановку и обещал все сделать, чтобы мне была дана достойная обеспеченность.

25 апреля. Утром почувствовал себя очень плохо — сердечный приступ. Приехавшие на дачу врачи, уложили меня в постель.

26 апреля. В 10.00 открылся Пленум ЦК. Я лежу больной. Врачи подозревают предынфарктное состояние. Строго-настроено приказали лежать в постели. Чувствую себя очень плохо, пытаюсь что-то читать — ничего решительно не идет в голову. Вижу, что моя бедная Иринка тоже мучается, переживает, но старается держаться и еще подбадривать и меня. Завтра будет все решено, и я стану никем и ничем. Опасаюсь, что все обещания и увещевания Брежнева останутся пустыми словами, такими же, как он мне говорил о моем переходе на работу в Москву: «Положись на меня». Но я вижу, убедился в том, что на него полагаться ненадежно, более того — даже опасно.

27 апреля. Закончил работу Пленум ЦК КПСС. Черные

силы сделали свое грязное дело. Я уже не в составе руководства — пошел на «отдых по состоянию здоровья». Народ ухмыляется: ведь всем известно и видно, что в составе Политбюро я был самым крепким человеком и довольно работоспособным. Организаторы моей травли — Брежнев, Сулов, Щербицкий и К° торжествуют «победу». Но рок судьбы не минет их. Они когда-нибудь понесут ответственность за все свои деяния. Я жертва зависти, трусости, клеветы. У Брежнева не хватало смелости, а главное — не было желания отбросить все, отместить от меня всю клевету, дать возможность восторжествовать справедливости, если такая вообще существует среди руководства. Г. И. Воронова тоже освободили от обязанностей члена Политбюро, он тоже жертва. Брежнев его боялся и невзлюбил за его откровенность, принципиальность. Он так же, как и я, не обладает гнусными качествами беспринципности и соглашательства во всем и вся, а главное — с «вождем». В общем, Воронова тоже «съел» Брежнев. Членами Политбюро избраны: А. А. Гречко — министр обороны, Ю. В. Андропов — председатель КГБ. По этому поводу много разговоров среди партийного актива: «Брежнев через армию и КГБ укрепляет свои политические позиции в партии — после такой акции его «культ» уже будет укрепляться. Все это воспринято в партии и народе с большей опаской. Членом Политбюро избран А. А. Громыко — министр иностранных дел. Сейчас в составе Политбюро 15 человек. Какая крайняя необходимость была нарушать решения съезда?

Поздно вечером после окончания Пленума мне на дачу позвонил Д. С. Полянский. Он высказал сочувствие и подбодрил. Вкратце рассказал содержание процедуры моего «освобождения»: Брежнев, выступая, сказал, что «Петр Ефимович дважды был у меня и ставил вопрос о своем освобождении в связи с ухудшающимся здоровьем. Вот его заявление, его сегодня нет на Пленуме по состоянию здоровья, он просил рассмотреть его вопрос в его отсутствие. Вносится предложение освободить его от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья». Такое решение и принял Пленум ЦК. Я подумал, какое лицемерие, вероломство, нет правды, справедливости, нет защиты от клеветы, беззакония и вероломства. Почему у нас так повелось, что подлецы, хотя и временно, берут верх, уничтожают вчерашнего товарища, и защиты нигде не найдешь? Ночь не спал — было очень плохо, тяжело. Врачи успокаивают. Я-то и сам знаю, что моя жизнь теперь зависит только от самого себя. Собрать все силы и еще быть свидетелем гибели всех подлецов моей травли и нарушения всех партийных норм.

28 апреля. Позвонил мне Г. И. Воронов и сказал: «Ну вот, Петр Ефимович, мы с тобой и стали коллегами по решению Пленума. Ну что сделаешь? Против существующего ныне вероломства не устоишь. В чем мы виновны, никто ничего не может сказать, да и защиты не у кого искать, сплошной произвол. Вчера я разговаривал с Н. В. Подгорным. Я ему сказал: «Вот как бывает — всякое дерьмо, которое в свое время ползало перед Петром Ефимовичем, теперь подняло голову, клеветает и льет всякую грязь. По существу, бьют лежачего, а для этого не нужно ни смелости, ни храбрости — это все низко и подло. Не нашелся человек, который бы прекратил все эти безобразия. Нет, наоборот, помогали всему этому позорному явлению, поощряли. Все это наводит на грустные размышления, и это позорно для руководителя». Что я мог сказать Г. И. Воронову? Поблагодарил его за участие, высказал и ему свое сочувствие. Больше ничего не мог сказать — мне было обидно и больно за себя, за «наши» порядки, за все, что творится в партийной элите.

Итак, прошел мой первый день «пensionера». Снова много раздумий. Я подавлен, но горд за свой честный, безупречный труд, за честное и доброе отношение к людям, меня никто не может упрекнуть в противном. Всякая сволочь, травившая меня, — это временное явление. Им кажется, что они торжествуют. Нет, гнусный, нечестный человек не может быть гордым и счастливым человеком. Расплата ведь все равно придет. Мне сейчас главное — не потерять себя. Начать писать заметки по моим дневниковым записям. Авось пригодится для истории.

30 апреля. Утром были врачи, относятся очень внимательно. Ночью в 2 часа 15 минут был первый сильный сердечный приступ, ночь провел тревожно — очень болело сердце.

Поступили первомайские поздравления. Многие порядочные люди не забывают. Было много телефонных звонков, в том числе и от А. В. Сидоренко, был хороший теплый разговор. Все относится с должным пониманием к случившемуся со мной. От руководства ни слова, приглашительного билета на первомайскую демонстрацию не прислали. Прикрепленных убрали. В метро, на улице идет много разговоров по происшедшим событиям в Политбюро, люди высказывают сожаление и недоумение. Трудно понять, что происходит. Придет время, все станет ясным. А пока что непомерно раздувается «культ личности» Брежнева. По этому поводу даже не удержался «Голос Америки»: не преминул сказать свое «слово», далеко не ле-

стное. Только в передовой «Правды» 6 раз упоминается фамилия Брежнева — все его «непревзойденные заслуги, гениальность, пронизательность, мудрость», что он «выдающийся политический деятель эпохи, что формирует политику мира во всем мире». Как это все затасканно, как не стыдно ему самому и организаторам всей этой шумихи, а ведь все это когда-то скажется на самом «гении».

Но самая большая трагедия в том, что этим мы развращаем народ, партию, особенно молодежь. Нам перестают верить, а этим самым мы сами же подрываем нашу идеологию.

Май 1973 года.

Вот и Первое мая. За несколько десятилетий я впервые не участвую в празднике, для меня это большая тягость. Но отчасти и облегчение, что я не буду видеть некоторые физиономии «деятелей».

На Первомайские праздники из Киева приехали Виталий, Алла и внучата Дима и Алеша — уже это облегчает немного тяжесть.

2 мая. В 11.00 позвонил мне Д. С. Полянский. Из всех «единомышленников» и товарищей один он решился позвонить мне и поздравить с праздником, поинтересоваться, какое у меня самочувствие. Все остальные молчат, как будто бы и не было товарища, с которым работали на политической арене не один десяток лет. Вот «чуткость», цена слов и заверений Брежнева.

Мне еще больше тяжело и потому, что я многое знаю, вижу, чувствую и со многим не мирюсь и не могу мириться. Ибо многое делается во вред народу, нашей стране. Никто глубоко и объективно, без прикрас и лакировки не разбирает и не анализирует сущность, содержание, перспективу развития нашей экономики, социальных вопросов, истинного роста материального благосостояния своего собственного народа, развития настоящего технического прогресса. Но самое страшное, что постепенно, но неуклонно народ перестает верить нам, постепенно, но неуклонно теряет веру не только в наши слова и обещания, а и в нашу идеологию. Мы много пишем, шумим во всех средствах массовой информации о наших «неимоверных» успехах, обольщаемся ими, бахвалимся, а дела-то у нас не так уж и хороши, как мы себе пытаемся их представить. «Культ» Брежнева, его восхваление процветают просто непомерно. Горько и обидно, что наша страна с таким трудолюбивым и талантливым народом сползает все больше в сторону сырьевого придатка капиталистического мира. Мы безрассудно торгуем нефтью, газом, рудой, лесом, обкрадываем наше и будущее поколения, этим варварским способом истощаем наши природные, невосполнимые сырьевые ресурсы.

«Вождь» окончательно бросился в «международную политику», по своей политической самоуверенности он думает, что именно он вершит международные судьбы. А кто же будет заниматься внутренними вопросами страны? Но когда-то все равно придется держать ответ за все это, ответ по большому счету.

3 мая. Сегодня седьмой день, как я на «отдыхе», и все идет «хорошо», как обещали: телефоны отрезали, газет не присылают, от продуктового магазина открепили, машину отобрали, одним словом, проявили «полнейшую заботу». Пришлось прибегать к посторонней помощи, чтобы из города на дачу привезли хлеба, мяса, масла и так нужной мне для здоровья минеральной воды. Я остался на даче, по существу, в полной изоляции. Напрягу все силы, чтобы описать всю правду о происшедшем со мной, покажу всю подлость «единомышленников».

8 мая. В газетах, в том числе и в «Правде», на последней странице в отделе «Хроника» опубликован указ. Содержание его: «Президиум Верховного Совета СССР освободил тов. Шелеста Петра Ефимовича от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР в связи с уходом на пенсию». Возможно, еще возможно, что такую хроникку подадут обо мне как некролог, да мне все равно будет тогда. Но прежде я хотел бы прочитать (хотя и хвалебный) некролог о некоторых «единомышленниках», и прежде всего это касается Брежнева, Суслова, Щербицкого и всей К° «днепропетровской». И такой час придет обязательно.

9 мая. Сегодня большой праздник — День Победы. Прошло уже 11 дней со дня Пленума ЦК КПСС, а мои «дела» с уходом на пенсию так никак и не решены. Нахожусь в тяжелом положении, у меня и семьи нет достойного элементарного уровня существования, спрашивается, за что все это и по какому праву? Вот налицо самоуправство, игнорирование всех законов и элементарного приличия. Несколько раз звонил Брежневу — с ним меня не соединяют. А сам-то он должен был бы понимать, в каком положении и состоянии я нахожусь!

12 мая. Брежневым совершен вояж в ГДР и Польшу — сыгран очередной спектакль по очень плохому сценарию, в котором «герой» показал себя с самой неприглядной стороны, «артист, рисовальщик» — позорное зрелище. Страшно обидно, когда у руководства стоит случайный человек. Ведь руководитель всегда попадает в зону «большого объектива». Но перед любым объективом, тем более перед «большим», достойный

руководитель должен уметь себя держать. Наш же «герой» даже во время исполнения гимна не сумел удержаться от позерства и вертлявости в расчете на то, что на него обратят особое внимание. Да, обратили внимание и «оценили по достоинству». Брежнев ведь смертельно боится узнать о себе правду, ведь для этого нужна смелость и мужество, а где ему взять то и другое? Но все равно вся правда о нем будет сказана, и сказана до конца.

14 мая. До сих пор мой вопрос не решен, денег ни копейки, снабжения никакого.

15 мая. В «Правде» 45 раз упоминается фамилия Брежнева в разных вариантах, все это у народа вызывает пока что ухмылку — пусть, «чем бы дитя не тешилось» — говорят некоторые. Но ведь это наносит огромный урон нашей партии! В газетах появляются статьи крупных известных ученых, в них ни слова о «вожде», и это характерно.

Вот уже 15 дней подряд все средства массовой информации изо дня в день, с утра до поздней ночи трубят о «выдающемся событии» — присуждении Брежневу премии Мира. Что это? Культ, самореклама, или и то и другое? Потеря скромности. А о скромности он очень любит говорить. Люди спрашивают, куда дел Брежнев полученную денежную премию, он ведь ее не пожертвовал на детские учреждения, хотя сам любит говорить о «заботе» о детях — он из-за своей «скромности» молчит о премии. Да его непомерная жадность никогда ему не позволит сделать такой шаг — пожертвовать свою премию.

28 мая. Был в Москве в Министерстве социального обеспечения РСФСР у министра Комаровой Д. П. Приняла хорошо, много говорили по общим делам и вопросам. Рекомендовала писать мне, а писать есть о чем и о ком: пусть мои записки не увидят света, но из них станет известно, станет достоянием, в назидание потомству, разоблачение всей гнусности и интриганства. Комарова передала мне сердечный привет от министра социального обеспечения СССР А. Ф. Федорова — он обо мне отзывался очень хорошо.

29 мая. Продолжается невероятная шумиха и трескотня вокруг предстоящего визита в ФРГ. Отвлекаем массы от мыслей о трудностях внутри страны. Успокаиваем сами себя наши, ми невероятными «успехами» во внешнеполитических вопросах, чем притупляем бдительность, классовую и идеологическую остроту.

Встретил Марию Федоровну, директора гостиницы «Москва». Состоялся интересный разговор. Она сказала: «Не огорчайтесь, Петр Ефимович, все придет к этому, правда, кое-кто старается держаться на карачках, хотя уже давно не способен к активной работе, тем более в таком масштабе». Продолжая разговор, она сказала: «Петр Ефимович, Вас многие знают, уважают, любят за Вашу работоспособность, смелость и самостоятельность в решении вопросов. На государственной работе у нас работать очень трудно и сложно: не так что сказал, все это могут истолковать по-другому. Да еще и подхалимов остается в руководстве очень много, помогают хорошим людям убирать. В нашей жизни непонятым остается многое, а люди становятся все больше обозленными. Настоящих друзей, тем более надежных, остается мало». Под конец беседы она мне сказала, что будет рада чем-либо мне помочь. Я поблагодарил ее за хорошие слова и сочувствие ко мне.

30 мая. «Вождь» находится с визитом в ФРГ. В «Литературной газете» появился снимок: Брежнев, Бранд и его супруга стоят под руку, улыбаясь. Кому это нужно, неужели мы такие «друзья и приятели», чтобы это так рекламировать в нашей печати? В народе все это воспринимается очень критически и осуждающе. Позорно и совсем не стоило руководителю нашей партии так позировать, размениваться и рисоваться, тем более забывать, что еще не совсем зажили раны, не высохли слезы матерей по сыновьям и дочерям, жен по мужьям, невест по женихам. Почему же, по какому праву такое пренебрежение к мнению и голосу своего собственного народа? Саморисование, самовлюбленность, много идет по этому поводу разговоров: нелестные отзывы о его моральном облике, о притворстве, наигранности. О коррупции и жадности его самого и его семьи. Завидово стало местом разврата, все это ложится черным пятном на его «деятельность», порочит нашу партию перед честными трудовыми людьми. Ведь ничего нет вечного и совершенно секретного, все это когда-то вскроется как гниющий нарыв. Ну, как у нас и «заведено», тогда самые приближенные, подхалимы и льстецы станут самыми «яркими разоблачителями» всей этой подлости и гнилости, а пока что все это наносит огромный вред нашей партии, ее авторитету.

Июнь 1973 года. Я ушел от активной политической деятельности, но я со стороны наблюдаю и анализирую все происходящее, делаю выводы, сравнения. Больно, очень больно за наши порядки в стране, за нашу экономику, за наш технический прогресс. Много во всем показухи, в особенности в решении социально-бытовых вопросов народа. Обидно, что наша идеоло-

гия, пропаганда, все средства массовой информации назойливо, старыми методами проводят работу. Народ перестает верить в наши идеалы. Вызывает тревогу рост «культы Брежнева» — его рисовка, хвастовство, зазнайство, все это ни к чему хорошему не приведет, а вред партии нанесет огромный, может быть, даже трудно поправимый.

За всем слежу — много читаю, делаю заметки, все это нужно для жизни.

Был на даче у Н. В. Подгорного, встретились хорошо, вспомнили былые дела. В разговоре с ним подтвердилось мое мнение и заключение, что у нас подслушивание телефонных разговоров установлено на самом высоком уровне и почти за всеми руководителями. Все об этом хорошо знают, но молчат — боятся открыто против этого протестовать. Осуществляют это органы КГБ. Но по чьему указанию все это делается? И даже за нами в нашем теперешнем положении установлена агентурная слежка и во всех местах подслушивание телефонных разговоров и встреч между собой — это позорное явление. Продолжая далее разговор, Подгорный мне рассказал, что как-то он позвонил Мазурову, хотел с ним переговорить, так ему его «служба» сказала, чтобы он по этому телефону не звонил. Как-то, еще в бытность членом Политбюро ЦК КПСС, состоялся разговор Полянского с Брежневым. Последний любил в трудных ситуациях, в особенности, когда с ним начинают по какому-либо вопросу не соглашаться, заявлять, что при такой ситуации он работать не может и что подаст заявление об уходе. Как-то при одном из таких заявлений Брежнев ему прямо в глаза сказал Полянский: «Что ты пугаешь нас своим уходом, уйдешь, другой придет». При этом заявлении Брежнев просто скис. С тех пор он начал преследовать Полянского и своего «добился» — убрал его. Правда, Полянский в свое время всячески старался «угодить» Брежневу, даже посвятил ему свои стихи, в которых он сравнивал Брежнева с Ильичем, а октябрьский Пленум ЦК КПСС, на котором был освобожден Н. С. Хрущев, — с Октябрьской революцией. Это уже явно перехватил Полянский и докатился до такого позорного явления в погоне за «милостью» от Брежнева, но не помогло и это.

Я рассказал Подгорному, что встречался в Железноводске с Семичастным В. Е., бывшим председателем КГБ СССР в период подготовки Пленума ЦК в 1964 году. Семичастный мне рассказал, что ему Брежнев предлагал физически избавиться от Н. С. Хрущева путем устройства аварии самолета, автомобильной катастрофы, отравления или его ареста. Все это Подгорный подтвердил и сказал, что Семичастным и им все эти «варианты» устранения Хрущева были отвергнуты. А Семича-

стный заверил Брежнева и Подгорного, что он все сделает, чтобы войска не вмешивались в «конфликт» во время проведения Пленума, для чего он лично вызывал к себе для беседы «особистов» из воинских подразделений МВО. Обо всем этом когда-нибудь станет известно! И как в этом свете будет выглядеть «наш вождь»? Подгорный остался очень обижен на Брежнева не за сам факт его освобождения, а за отношение к нему как товарищу, который столько для Брежнева сделал. Сколько вместе работали, а сейчас остался совсем за бортом, забытый всеми и вся. Написана картина Президиума XXV съезда КПСС. В первом варианте был Подгорный. Сейчас эта картина висит в Третьяковской галерее — Подгорный убран. В заключение беседы Подгорный сказал: «Брежнев находится в плену группы подхалимов, льстецов, нечестных, не партийных людей».

«Невозможно никогда сочетать власть с демократией и философией». «Есть такие «историки», которые, наврав с три короба, боятся взять на себя ответственность за те или иные утверждения — ссылаясь на «авторитетные» источники». Позорно, что «великие» труды — «Малая земля», «Возрождение», а теперь и «Целина» становятся по воле Отдела пропаганды ЦК «настойной» книгой пропагандиста, включаются в школьную программу, изучаются в университетах марксизма-ленинизма (!!!). По ним проводятся «теоретические конференции» во всех инстанциях и творческих союзах, даже военных округах. Перед этими «трусами» все «померкло». Нет Сталинграда, блокады Ленинграда, Курско-Орловской дуги, обороны Москвы — все сходится на «Малой земле», кажется, большей битвы и не было за всю Великую Отечественную войну. А Брежнев — основной «герой» всех сражений. Все это миф. Так же как и «Возрождение». Неужели в Донбассе, Харькове, Полтаве, в любом уголке страны, где были разрушения, меньше работали, чем в Запорожье и Днепропетровске под руководством Брежнева? Почему тут не показана роль ни ЦК КПСС, ни тем более ЦК КПУ, который возглавлял тогда Н. С. Хрущев? Какая же это объективность в освещении истории? Обычная самореклама и отсутствие элементарной партийной скромности.

Размышления вслед.

(Из магнитофонных записей
1992—1993 годов.)

У каждого времени свои приметы. Вот, например, в 33-м году у меня родился первый сын Борис. Метрическая запись интересная у моего сына: где родился — на заводе. А почему так? Потому что завод огромный, 35 тысяч рабочих тогда уже работало. Этот завод в Харькове. Весь поселок заводского типа. На заводе Советская власть своя, вот и пишут: где родился, где женился? — На заводе, на заводе...

* * *

Удивительный у нас народ. В 41-м году это было, когда уже война началась. Приехала группа молодых ученых. Это были одногодки мои, закончившие физические, химические институты. А тогда уже начали сооружать оборонительные рубежи, копать рвы противотанковые, окопы, дзоты и т.д. — и все это делали тысячи человек. Труд неимоверный! А начали уже бомбить Харьков. Страшно бомбили! Ну пришли эти ребята ко мне и говорят: «Петр Ефимович! У нас есть идея». — «Какая?» — «Нет взрывчатки, чтобы рыть рвы. А если бы заложили взрывчатку, взорвали, оставалось бы только расчистить». — «Но и у нас нет взрывчатки. Где я вам возьму?» — «У нас есть предложение, как организовать производство взрывчатки». — «Где?» — «На заводе шампанских вин». — «Давайте поедем туда». Поехали туда с ребятами, директору завода рассказали. Тут уже не до шампанских вин. И мы сделали первую партию — 100 кг взрывчатки! За неделю все это сделали. И поехал я с ними на полигон, испытали. Идеально! Как заложили, взорвали — такая канава образовалась! Расчистить, и все. Вот такое «шампанское» пришлось мне с друзьями производить...

Я часто возвращаюсь мысленно к событиям 64-го года, когда Никиту Сергеевича устранили, причем недостойным образом. Хотя и я причастен к этому, я каюсь. Каюсь, но эта боль меня не оставляет, хотя главными заговорщиками были Брежнев и Подгорный.

Думаю, читатель разобрался в муках моей памяти. Но оценку к событию, своей роли в них хотел еще раз высказать.

Это мне запомнилось на всю жизнь. На Президиуме ЦК перед октябрьским Пленумом Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Я вижу, что все подготовлено. Я борюсь с вами не собираюсь. Вы мои единомышленники. Если вы так ставите вопрос, я готов уйти. Но я не буду писать заявление. Напишите заявление — я подпишу».

Он сам даже заявление не писал. Кто писал заявление, я не знаю, не помню просто. Он подписал.

Потом говорит: «Вы мне разрешите сказать пару слов на Пленуме?» Все буквально ошалели. Если Никита Сергеевич на Пленуме скажет «пару слов», он может Пленум повернуть! Ведь что скажет — никто не знал.

Брежнев ответил: «Нет». Сулов просто закричал: «Нет!» А у Никиты Сергеевича на глазах слезы появились. Потекли слезы, понимаете? Вот бывает так, когда человек не плачет, а текут слезы. Бывает... Этого нельзя забыть.

Никита Сергеевич Хрущев достойно себя держал. Очень достойно.

Что это было? Я считаю, что это был заговор. Почему? Да какая же это демократия, когда первый секретарь ЦК жив-здоров и не знает, что собирают Пленум? Ведь без его ведома собрали Пленум! Это уже заговор. За спиной. Самый настоящий политический заговор. Но провели его через Пленум — «демократию» продемонстрировали. Но это самый настоящий заговор. И я, значит, тоже заговорщик...

Он даже не знал, что членов ЦК уже собрали на Пленум. Он и не знал, что будет Пленум! Ему об этом сказали только в тот вечер, когда на 18 часов назначили Пленум... Узнав об этом, он сказал: «Я на Пленум не пойду — решайте без меня». Его начали просить: «Никита Сергеевич, ну надо!»

Я бы на его месте не пошел. Видно, он был уже раздавлен. Он очень добропорядочный человек был. Когда меня освободили по моему заявлению, я не пошел на Пленум.

Хорошо помню Хрущева в президиуме, за столом. На него жалко было смотреть. Жалко! А как только решили вопрос — он ушел. Уехал.

Он не прощался с членами Президиума. Уехал сразу и больше не появился. Говорят о том, что якобы он подошел к каждому члену Президиума, попрощался, сказал несколько теплых

слов и т.д. Нет. Он несколько слов сказал на Президиуме. И все. Чтоб прощаться с каждым — этого не было.

* * *

Была ли альтернатива Брежневу? Ситуация была такая: два человека было. Вначале говорили о Подгорном и Косыгине. Но Косыгин сразу отказался, сказал, что он не партийный работник и после Никиты Сергеевича не сможет... И Подгорный тоже сказал, что после Никиты Сергеевича садиться на его место не имеет морального права.

О Брежневе и речи не было. Его Подгорный назвал...

* * *

Как я уходил на пенсию? Поработал я год почти в Москве заместителем Председателя Совета Министров СССР. Началось гонение на моих сыновей.

Мой сын старший, Борис, был полковником, начальником военной кафедры в институте инженеров ГВФ — так его из Киева послали в Ворошиловград начальником отряда дальней авиации, чтобы убрать из Киева.

Младший сын, Виталий, доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Украины, был заместителем директора Института теоретической физики. А директором был Боголюбов Николай Николаевич, известный ученый. Он в Москве жил, но числился директором в Киеве, а мой младший сын там вел все хозяйство. И вот начали подкапываться, почему он там вместо директора. А директора назначала Москва: ведь институт Москве подчинялся! Начали его преследовать за «излишества» при строительстве института. Но он и не корректировал эти «излишества», а выполнял указания из Центра. Вот такие дела пошли. Вот до этого дошли Брежнев и его «команда».

Я им говорил — Брежневу, Суслову: «Что вы делаете?» А мне вместо разговора о сыновьях — про политику. Я выпустил книгу на Украине. За эту книгу мне приклеили ярлык «националиста». А книга эта называлась так: «Україно наша Радянська» — «Украина наша Советская». Что я там писал? Исторические факты излагал — еще со времен Богдана Хмельницкого, исторические сведения о Запорожской Сечи. Об экономике, о географическом положении Украины, давал описание областей и т.д., какая область чем интересна...

«Почему она вышла на украинском?» — спрашивали меня одни. — «Ты казачество воспеваешь», — обвиняли меня другие.

«Ты сам ее читал?» — спрашивал я Суслова. — «Нет, не

читал», — говорит. (А что Суслов мог прочитать, если она вышла на украинском языке?) «Мне ее докладывали», — говорит. Ну, это же совсем другое — докладывать или читать!

Я не был казаком. Мои предки были казаки. Дальние предки мои — дед, прадед были казаки. Я говорю как-то Брежневу: «А ты знаешь, что сделали казаки в Отечественную войну 1812 года?» — «А что?» — «Первые вошли в Париж!» — «Да что ты?» — «Да, да, а ты не знаешь».

Ну, в общем, такая возня шла. Посмотрел-посмотрел я, а тут и здоровье начало подшаливать... Я и написал заявление об уходе. Сам написал. У меня копия этого заявления есть. На имя Брежнева. Там сказал и про гонения на сыновей и что это я считаю низостью. Написал, что критика меня за книжку идет недостойная.

А когда написал заявление, мне говорят: «Не надо». — «Нет, — говорю, — надо! На Пленум я не пойду, не в состоянии и не пойду». (У меня действительно был сердечный приступ — до такого состояния довели.)

Мне потом рассказывали, что на Пленуме Брежнев сам зачитал мое заявление, выбросив то, что я написал по поводу сыновей. Многие делегаты были удивлены, но что ж делать, если «сам» подал заявление — и «утвердили». Так я ушел — «по болезни». На пенсию — «по состоянию здоровья», хотя был здоровее всех их вместе взятых.

Год я после этого не работал. Потом, думаю — надо пойти куда-то поработать, иначе, грубо говоря, загнешься скоро. Куда я только не ходил, спрашивал о работе (только на заводы ходил!) — все «согласны». Принимали хорошо, а потом: «Петр Ефимович, сейчас, понимаете, мест нет. Ну, подождите. Попозже будет работа». Оказывается, табу было наложено на мое имя. И слежка страшная за мной была установлена такая, что вплоть до того — когда бы и куда бы я ни ехал, у меня «на хвосте» всегда машина «сидела». А водитель у меня был из «органов» тоже. Он говорит: «Петр Ефимович, за нами «хвост» идет». Я говорю: «Ну, Толя, давай где-нибудь сбросим «хвост» этот». — «Ну, сейчас оторвемся. Я же знаю, как это делать». Вот так.

Надоело мне это. Я позвонил Брежневу, говорю: «Что ты делаешь? Я хочу работать». — «Ну, давай, мы дадим тебе пост начальника главка». — «Никакого начальника главка. Я хочу идти на завод работать!» — «Да что ты, на завод?» — «Да, — говорю, — на завод. Среди рабочего класса, там истина, а не среди вас». Он говорит: «Ну, ладно, я даю согласие. Как с Устиновым договоритесь, так и будет».

Ну, я Устинову позвонил, зашел к нему: «Мы в Министер-

стве обороны подберем тебе хороший завод». Я говорю: «Нет, я в Министерство обороны не пойду. В Министерство авиационной промышленности я пойду, там работал я директором завода, там меня знают». Позвонил он министру, тот подъехал в ЦК и меня уговаривал взять серийный завод, чтобы самолет сериями выпускать. «Это чтобы ваши мальчики меня били? Нет. Вы мне дайте что-нибудь полегче». — «Ну, директором завода?» — «Нет!» И я пошел начальником опытно-производственного конструкторского бюро.

Там 4,5 тысячи работало людей. Конструкторы заготавливали чертежи, а я делал самолет — опытно-конструкторский образец и отправлял на серийный завод. Так я там проработал 10 лет. Да. И получал я денег «много»... аж 50 рублей! (Смеется.) Потому что 450 у меня пенсия, и я должен был отказаться от зарплаты и получать 450 рублей пенсии или 50 рублей, из зарплаты, потому что «потолок» был поставлен 500 рублей!

И только в 85-м году я закрыл эту «лавочку». И с 1985 года дома, Министр на память оставил удостоверение постоянное, чтобы на любое предприятие Министерства авиационной промышленности я мог без пропуска проходить.

* * *

Национальный вопрос в любой республике никогда не снимался. Что значит национальный вопрос? Национальный вопрос — это быт, уклад, жизнь... Из поколения в поколение передается. И тут хочешь не хочешь, а идешь по стопам исторического развития нации.

Я уже говорил, что я сам украинец и родился на Украине. Так что все мое детство прошло среди украинской «мовы». Потом, когда я был в армии, учился, говорил в основном по-русски. И отец часто разговаривал на украинском языке, только «ломаном». Отец у нас, хоть и был чистокровным украинцем, но разговаривал больше по-русски. Почему? Потому что он 20 лет был в армии, и за 20 лет все это «выветрилось». А мать была истинная такая украинка, только на украинском языке разговаривала. Ну, и старшая сестра и окружение моего возраста тоже на украинском языке разговаривали.

Что первое я в свое время сделал, когда стал возглавлять партию на Украине? Я встретился с писателями. Писатели особенно чувствительны были к вопросу об украинском языке. Были писатели, которые писали на русском языке, были писатели, которые писали на других языках. Но основная масса писала свои книги на украинском языке.

А как я встретился? Готовился съезд писателей Украины. Мне предложили выступить там. Так я штудировал несколько

дней украинский язык, потому что украинский язык он и певучий, и сложный, и у него есть своя специфика, да и подзабыл кое-что.

Ну, а для того, чтобы разговаривать с писателями в форме доступной и откровенной, встречу решил правести на теплоходе. И мы поехали по Днепру, к могиле Шевченко. Разговаривали на украинском языке. Спорили. Там и другие вопросы возникали, не только о языке. Были и такие, что Украину чуть ли не советской колонией называли и так дальше. Ну, тут у меня факты: я же работал во многих местах Украины и России. Информации было достаточно. Тут я оппонентов клал на обе лопатки. Фактами разбивал эти утверждения.

Я уже писал, например, о книге Дзюбы. А получилось, что некоторые писатели, такие, как Гончар Олесь, отказались участвовать в кампании против этой книги. Но это же дело каждого! Прототив Гончара выступили мои товарищи по ЦК, хотели его вывести из состава ЦК и т. п. Я поехал тогда в ЦК КПУ посоветоваться с Подгорным. Рассказал ему. Он говорит: «Петро, держись линии такой, какой ты держался. Украина и Россия, если они разделяться, то нет и Союза. Нет Союза! На кого же, как не друг на друга нам равняться?»

В свое время говорили, что, когда я был в Киеве, там проводилась «украинизация». Например, мол, все преподаватели обязаны были говорить только на украинском языке. А как было дело. Рекомендация была такая только тем преподавателям, которые знают украинский язык, и в аудитории, которая понимает украинский язык. В целом же пользоваться украинским и русским языком равноправно.

А сам украинский народ, трудящиеся — рабочие, крестьяне, интеллигенция — в большинстве интернациональный народ.

Национализм — это страшно. Против него государство должно уметь и власть употребить. О массовом национализме в наше время и речи не было. Фактов таких просто не было. Я не мог не знать, потому что разведка работала, КГБ работал. Были свои люди, были завербованные люди. Что ж тут скрывать? Нечего тут скрывать. Были специальные люди, завербованные КГБ как осведомители. Это вполне закономерно. Никакая страна без разведки и контрразведки не может жить. Не может жить! Это — глаза и уши государства.

* * *

Есть у меня такая дурь, «паршивая» привычка: все что происходило за день, записывал в дневник. Эти дневники веду с 1953 года — много их накопилось. На основании их и писал свои записки.

Мои «Дневниковые записки» тоже имеют свою историю. При Брежневе, когда слежка за мной пошла, я их на даче в огороде закопал. Завернул аккуратно в целофан и закопал. Там и хранил до смерти Брежнева...

Да. А совсем недавно, когда перестройка разворачивалась, позвонил мне Соломенцев — он тогда возглавлял Комитет партийного контроля — и говорит: «Хочется встретиться с вами». Я ему: «Михаил Сергеевич, я не провинился». — «Да нет, нет, ничего», — отвечает. Я поехал к нему. Он мне говорит: «Я с вами веду речь по поручению Михаила Сергеевича». Я говорю: «Михаил Сергеевич по поручению Михаила Сергеевича? Много у вас Михайлов Сергеевичей, оказывается». Ну, так пошутили, поговорили... Он: «Я вот по какому вопросу: вы пишете воспоминания?» Отвечаю: «Да, пишу». — «Так вот, Михаил Сергеевич просит вас передать ему. У нас нет нигде написанного о том времени, что вы работали с Брежневым». И потом: «На нас и так цепляют вопросов много, а тут и вы еще поддадите в топку «жару».

А я уже человек наученный. «Да, — говорю, — есть у меня кое-что, но незаконченное (а сам уже думаю, ну как оттянуть, чтоб отпечатать и себе оставить). Срочно вам надо?» — «Да, как можно быстрее». — «Хорошо, я посмотрю».

Посмотрел, выбрал, у себя отпечатал и ему сдал. С запиской Горбачеву Михаилу Сергеевичу: «Уважаемый Михаил Сергеевич! По Вашей просьбе передаю Вам то-то и то-то. Прочтите. Вам будет тоже полезно. П. Шелест».

Через какое-то время Соломенцев позвонил и говорит: «Михаилу Сергеевичу я передал». — «И что он?» — «Он при мне положил ее в сейф».

Больше к этому вопросу «верхи» не возвращались. Видимо, не нашли ничего тревожного для себя. А я и не будировал.

История должна говорить сама

Книга дневниковых записей и воспоминаний Петра Ефимовича Шелеста интерес, на наш взгляд, представляет особый. Еще совсем недавно, до перестройки, до разрушения Советского Союза, системы социализма свидетельство одного из высших руководителей правящей партии и, стало быть (как это тогда было), страны имело бы свое значение. И профессиональные историки, и просто читатели прежде всего пытались бы получить новые сведения о святой святых советской политики. Ведь не только личная жизнь «верхов», но и то, как формировалась политика, были «за семью печатями».

Да, нам, живущим на пространствах бывшего СССР, по сей день интересны и тайны кремлевских коридоров, и Старой площади, и тайны политической деятельности на следующем, республиканском уровне. Тем более речь здесь идет о такой республике, как Украина. Но для нас ныне важно многое под углом зрения не любознательности, а с позиций, отмеченных крушением привычного мира, крушением иллюзий и распространением или утверждением новых ориентиров развития. На наших глазах переплетались в судьбах миллионов, в наших судьбах трагедии и надежды, озарения и разочарования.

Мы пытаемся понять, почему и как теряла конкурентно-способность страна, система, сумевшая ко второй половине XX века выйти в мире на убедительные уровни и рубежи. За страной стояли Великая Победа над фашизмом, устойчивое промышленное развитие, впечатляющие достижения науки и культуры, военно-стратегическое равновесие между «нами и ими». А пик деятельности автора книги пришелся именно на переломные годы.

Мы все, называвшие себя советские люди, по-разному относясь к системе, социализму, имея различный жизненный опыт, занимая разное положение в обществе, наследовали то, что было начато революцией, приобрело свои черты в годы сталинизма, что менялось при Хрущеве и Брежневем... А теперь мы

уже прошли через перестройку. Вошли в постперестроечный период. Нам многое о прошлом стало известно такого, что было скрыто. Мы многое оцениваем иначе. Мы по-новому смотрим сегодня и на нашу писанную и переписанную историю. Но чтобы не поддаваться очередной раз соблазну переукрашивания прожитого и пережитого дедами и отцами, надо лучше, много лучше знать о событиях из первых уст.

Данная книга — это в значительной мере не воспоминания, а дневники, реконструированные дневниковые записи. Эта книга — своеобразный исторический документ. Тем она и интересна. Безусловно, субъективен любой автор. Но одно дело оценочный, исследовательский субъективизм, другое — личный взгляд человека, который активно влиял на большую политику и именно так, как он понимал свое время, потребности страны, счастье народа. Без знания «субъективизма» такого рода эпоху не понять. Хотя при реконструкции дневниковых записей автор не избежал вторжений в историю из нового времени. И читатель увидит изменение оценок в зависимости от положения автора, его места в политике.

Когда издательство предложило нам выступить научными консультантами этого издания, мы согласились, во-первых, потому, что понимали ценность свидетельств П. Е. Шелеста, исходя именно из отмеченного выше отношения к историческим документам. Во-вторых, мы с самого начала договорились и с автором, и с издательством, что в самой книге не будет наших оценок. Мы взяли только помочь автору отобрать из тысяч и тысяч написанных им страниц то, что нам представляется наиболее значительным. Никаких конъюнктурных сокращений. Только вынужденный, диктуемый объемом книги отбор материала. В-третьих, мы старались, чтобы в книге не только при разговоре об этапных событиях, но и в деталях (наблюдения, характеристики, сам ритм, стиль жизни руководства, круг обязанностей и увлечений) жило время, действовал сам автор. И, наконец, мы понимали и понимаем, что для историка могут представлять интерес и факты, оценки, оставшиеся в рукописи и не вошедшие в книгу. С ними можно познакомиться в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), куда П. Е. Шелест сдает все свои записи и где они будут со временем включены в научный оборот.

В конце книги — подготовленные нами комментарии. Мы сознательно комментировали не все и упоминаем здесь не всех людей. Подход наш основывался на желании сказать лишь о тех деятелях эпохи, о тех явлениях, без которых время теряет свое лицо, а автор — конкретный, в том числе субъективный контекст, без чего не всегда понятна логика развития. Безусловно, в комментариях заложен наш взгляд на описываемые годы,

политические действия. Нам это представляется естественным, так как прятаться за безликую, но распространенную редакторскую формулу, что не со всеми оценками и выводами автора мы согласны, в данном случае не хотелось и по научным, и по этическим соображениям, по принципам нашего отношения к дневникам. Более того, мы изначально не брали на себя редакторские функции. Но у нас тоже есть свое понимание описываемого в книге времени. А осмысливая годы, десятилетия советской эпохи во время работы над книгой, мы не могли не сверять переживания, оценки автора с тем, что выстрадано нашей собственной жизнью.

Научные консультанты: В. К. Егоров, доктор философских наук, профессор;
Г. А. Юдинкова, научный сотрудник РЦХИДНИ

Комментарии

1. **Орден Святого Георгия** был учрежден в 1769 году, имел четыре степени и предназначался вначале лишь для офицеров и генералов, проявивших особую храбрость в боях. В 1807 году он был введен для солдат и унтер-офицеров, а с 1913 года стал называться Георгиевским крестом. Полный Георгиевский кавалер, имеющий награды всех четырех степеней, был особо почитаем.

2. **«Сеятель»** — частное издательство Е. В. Высоцкого, работавшее в Петрограде (Ленинграде) в 1922—1930 годах. Ежегодно выпускало 50—60 изданий научной, научно-популярной, справочной, методической и художественной литературы.

3. **Земские школы** — школы с 3—4-летним сроком обучения, открывавшиеся земствами в дореволюционной России. Земства (земские учреждения) — выборные органы местного самоуправления, ведавшие просвещением, здравоохранением, дорожным строительством и т. д. Существовали в 1864—1918 годах.

4. **Двоевластие** — своеобразное переплетение двух властей в России после Февральской революции (1—2 марта — 5 июля 1917 года): буржуазной в лице Временного правительства и революционно-демократической в лице Советов. Поддержка Советами Временного правительства, политика последнего вызывали резкое недовольство масс. Обострение положения привело 4 июля 1917 года к расстрелу мирной демонстрации и к полной передаче Советами власти Временному правительству, что означало конец двоевластия и мирного этапа развития революции.

5. **Просвита** (изба-читальня) — один из видов клубных учреждений в СССР в 20—30-е годы. Играли особую роль в культурно-просветительской работе в деревне.

6. **Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ)** — форма сельскохозяйственной производственной кооперации в первые годы Советской власти. Существовали до коллективизации (конец 20-х — начало 30-х годов). ТОЗы — далеко не единственные жертвы коллективизации сельского хозяйства.

в СССР. В ходе нее были насильственно ликвидированы традиционный уклад жизни деревни, большинство иных видов кооперации, насаждались внеэкономические отношения в сельхозпроизводстве, во взаимоотношения города и деревни в целом, погибли и были репрессированы миллионы людей. По основным показателям сельское хозяйство страны после сталинской коллективизации смогло выйти на довоенный (1913 год) и нэповский (вторая половина 20-х годов) рубежи только в конце 30-х годов.

7. **Брестский мир** — договор, заключенный в Бресте в марте 1918 года между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой, с целью выхода России из войны. При этом Германии отходили Польша, Украина, Прибалтика, часть Белоруссии; Турции — часть Закавказья. Договор был аннулирован Советским правительством в ноябре 1918 года после революции в Германии. Рассматривался в свое время одними как вынужденный дипломатический маневр Советского правительства, другими — как предательство национальных интересов страны.

8. **Части особого назначения (ЧОН)** — военно-партийные (партии большевиков) отряды, создававшиеся в 1919—1925 годах для помощи советским органам в борьбе с контрреволюционной деятельностью. Формировались, как правило, из членов РКП(б) и комсомольцев.

9. **Всероссийский союз работников земли и леса (Всеработземлес)** — профессиональный союз сельскохозяйственных и лесных наемных рабочих, созданный в 1920 году. Выступал как организатор и защитник интересов пролетарских и полупролетарских сил в деревне; идеологически и материально поддерживался партийными органами. Существовал до 1930 года, когда разделился на несколько профсоюзов работников различных областей хозяйства.

10. Речь идет о книгах П. Коваленко «Политграмота» и «Хрестоматия политической грамотности. Пособие для школ и кружков», выдержавших несколько изданий в 20-е годы, и брошюре Н. И. Бухарина «Новый курс экономической политики», изданной в конце 1921 года. Это были, пожалуй, наиболее популярные издания для начальной коммунистической подготовки.

11. **Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930)**. Выдающийся поэт, реформатор поэтического языка. Его творчество вызывало большие споры среди молодежи, среди специалистов. Политическая направленность его стихов часто противопоставлялась произведениям его современника — Есенина Сергея Александровича (1895—1925), одного из крупнейших русских поэтов, певца народной жизни крестьянской Руси. Резкое официальное осуждение творчества этого поэта породило термин

«есенинщина», что ассоциировалось с отходом от «социалистического реализма». Травля Есенина вдохновлялась такими высшими политическими руководителями, как Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин. Долгие годы имя Есенина было под запретом. Оба поэта трагически закончили свой путь.

12. **Новая экономическая политика (НЭП)** была провозглашена и начата В. И. Лениным в 1921 году. Основной смысл — возрождение и развитие экономики на основе ее многоукладности, включая допущение частной собственности, иностранного капитала. Практически была свернута сталинским руководством на рубеже 20—30-х годов. Самим Лениным в самом общем виде оценивалась как курс «всерьез и надолго», но в то же время характеризовалась как отступление перед капитализмом. В этом противоречии (в том числе) корни ее недооценки и свертывания.

13. **Ликвидация неграмотности (ликбез)** — массовое обучение населения умению читать и писать. Движение имело особый размах в 20-х — начале 30-х годов. По переписи населения 1897 года в России в возрасте от 9 до 50 лет безграмотных было более 70%. По официальным данным, в конце 30-х годов уровень грамотности стал более 87%. Политика ликвидации неграмотности, как и сделанное в области образования вообще, — это наиболее впечатляющие и бесспорные достижения того, что позднее было названо «социалистической культурной революцией». В ней доминировали идеологизация, недооценка традиций, культуры прошлого. По мнению специалистов, В. И. Ленин имел косвенное отношение к разработке теории этой революции. Авторство здесь должно быть отдано Л. Д. Троцкому, Н. И. Бухарину и И. В. Сталину. Их роль в ее теоретическом обосновании может быть оценена именно в такой субординации, а практическое участие в осуществлении — в обратном порядке.

14. **«Заможные»** — кулаки, зажиточные крестьяне, с которыми советская власть вела борьбу в годы «военного коммунизма» и в ходе коллективизации.

15. **Рабочие факультеты (рабфаки)** — общеобразовательные учебные заведения в 1919—1940 годах, создававшиеся при вузах. Прием производился по социальному признаку. Обучение — 3 года на дневных и 4 — на вечерних рабфаках. В отдельных случаях создавались краткосрочные ускоренные курсы, как в случае, описанном автором. «Рабочий факультет на дому. Подготовительный курс» — книга, имевшая несколько выпусков в 20-е годы в помощь молодежи, готовящейся самостоятельно для поступления в вузы. Содержала сведения по различным общеобразовательным предметам, включая вопросы политаобразования.

16. **Совпартшколы** (советско-партийные школы) создавались в 1920—1921 годах и действовали до 1936 года. Готовили пропагандистов, заведующих избами-читальнями и организаторов кооперативного строительства.

17. **Статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов»** опубликована в «Правде» 8 марта 1930 года в разгар насильственной форсированной коллективизации. В ней вина за «перегибы» в проведении коллективизации возлагалась на местные органы власти.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953). В революционном движении с юношеских лет, член КПСС с 1898 года. Член первого Советского правительства (Наркомнац), Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС с 1922 года. Председатель СНК, СМ СССР с 1941 года. В годы войны председатель ГКО, Верховный Главнокомандующий. В 1945 году стал Генералиссимусом. Один из крупнейших государственных деятелей своего времени. Возглавлял страну, достигшую убедительных результатов в области промышленности, науки, внесшую решающий вклад в разгром гитлеровской Германии. Одновременно руководитель, проводивший политику, основывавшуюся на декларировавшихся и извращенных социалистических идеях, на попрании демократии, законности, крайней идеологической нетерпимости, массовых политических репрессиях, доходивших до масштабов уничтожения целых классов (доколхозное крестьянство), войны против целых народов, их депортации. Провозглашался теоретиком и мыслителем, хотя таковым не являлся. Сильный, волевой, хитрый и коварный человек, безусловно, подготовленный, умный, которому отдавали должное крупнейшие политики XX века, в том числе прямые противники и СССР, и исповедовавшейся в нем идеологии. Надо, однако, критически воспринимать даже ультрасовременные оценки показных антисталинистов (оценка, например, Волкогонова: «Жизнь и итоги деятельности Сталина — триумф и трагедия»), ибо трагедия народов России, СССР в результате господства сталинизма делает безнравственным сам вопрос о личной трагедии Сталина.

Десталинизация общества началась при Хрущеве, но и при нем, и после него велась непоследовательно, переплеталась с рецидивами неосталинизма. Сталинистский менталитет нетерпимости к инакомыслию, волюнтаристского подхода к законам и законности не изжиты до сих пор ни обществом, ни рядом субъектов государственности в странах — бывших республиках СССР. И в первую очередь — в России.

18. **Чистки партии** — кампании, проводившиеся в период 1919—1936 годов в РКП(б) — ВКП(б) с целью перерегистрации членов партии, очищения от «проникших в ее ряды враждебных

и классово чуждых элементов» и лиц, нарушивших морально-партийные нормы. Проводились специальными комиссиями на открытых партийных собраниях с присутствием всех желающих. После окончания чистки в масштабе всей страны выдавались партийные билеты нового образца. Факты злоупотреблений, сведения личных счетов и клеветы во время массовых чисток, особенно в 30-е годы, заставили отменить чистки на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году.

19. **Бригадно-лабораторный метод** — одна из организационных форм учебных занятий, применявшаяся в СССР в общеобразовательных школах, а также в вузах и техникумах в 20-х и начале 30-х годов. В основу организации работы были положены бригады, создаваемые из учащихся во главе с бригадиром из их среды. Учащиеся работали по заданиям, рассчитанным на срок от двух недель до одного месяца. В них указывались литература и контрольные вопросы, предусматривались задачи и упражнения. Преподаватель консультировал учащихся. По выполнении всех заданий проводились заключительные занятия, на которых отчитывалась бригада и оценивалась ее работа в целом. Индивидуальный учет труда и успеваемости каждого учащегося отсутствовал. Все это отрицательно сказывалось на знаниях учащихся, порождало обезличку и безответственность в учебно-воспитательном процессе. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года была осуждена практика превращения бригадно-лабораторного метода в универсальный метод учебной работы.

20. На XVIII съезде ВКП(б), проходившем в марте 1939 года, было провозглашено, что социализм в СССР в основном построен и началось завершение строительства социалистического общества.

21. **Хрущев Никита Сергеевич** (1894—1971). Один из виднейших партийных и государственных деятелей СССР. Возглавлял партийные организации, советские органы Украины, Москвы. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС с 1939 года. В 1953—1964 годах Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 годах Председатель Совета Министров СССР. Его имя прежде всего связано с осуждением культа личности Сталина, курсом на освобождение от наиболее одиозного в наследии сталинизма, с принятием третьей Программы КПСС, ставившей задачу построения за 20 лет материально-технической базы коммунизма. Основное официальное обвинение его при освобождении от всех высших должностей в октябре 1964 года — субъективизм и волюнтаризм в политике. В последние годы жизни на пенсии.

Время Хрущева часто называют «оттепелью», а его политику — курсом XX съезда КПСС (1956). На данном съезде,

вопреки мнению практически всего своего окружения и без предварительного объявления в повестке дня, Хрущев выступил с докладом, в котором разоблачался культ личности Сталина, впервые давались оценки тех явлений, которые впоследствии получают названия «сталинизма» и «сталинщины». Хрущев — крайне противоречивая личность, весьма противоречива и его политика. Нельзя забывать, что хрущевская «оттепель» — это не только «курс XX съезда», но и колоссальные провалы в экономике, серьезные ошибки во внешней политике, гонения на церковь и многое другое. Историкам еще предстоит дополнить безусловно положительную линию хрущевской десталинизации более широким анализом этого времени в целом, имея в виду и анализ альтернативных вариантов постсталинского развития. Иные варианты десталинизации до сих пор мало исследованы. В конце своей политической карьеры сам Хрущев не устоял перед соблазном возвеличивания своей личности.

22. «Тройки» — внесудебные органы, существовавшие в 1937—1938 годах. В их состав входили три местных руководителя: начальник управления НКВД, прокурор и первый секретарь партийного комитета. По их решению люди осуждались по политическим мотивам. «Тройки» были ликвидированы в сентябре 1938 года Постановлением Совнаркома и Политбюро ЦК ВКП(б). Их ликвидация была одним из моментов «борьбы с перегибами» в репрессиях в период «ежовщины» (по имени наркома НКВД в 1936—1938 годах Ежова Н. И., который был сам репрессирован в 1939 году), «борьбы», являвшейся не более чем комуфляжем продолжавшегося беззакония. На посту наркома внутренних дел Ежова сменил Берия.

23. Мюнхенское соглашение 1938 года между правительствами Великобритании, Франции, Германии и Италии предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области и ряда других районов, а также удовлетворение территориальных притязаний к Чехословакии со стороны Венгрии и Польши — всего около 20% ее территории. Это означало фактическую сдачу страны фашистской Германии, ее раздел и захват (1939) — шаг к началу второй мировой войны, имея в виду официально доминирующий взгляд на эту проблему. Есть, однако, специалисты, полагающие, что вторая мировая война началась значительно раньше: ведь к 1939 году в войну уже были втянуты многие страны, в том числе многомиллионный Китай. Юридически недействительным Мюнхенское соглашение было окончательно признано в договоре 1973 года между СССР и ФРГ.

24. Лига Наций — международная межправительственная организация, основанная в 1919 году, провозгласила целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безо-

пасности». До 1934 года проводила политику, часто враждебную СССР. Советский Союз вступил в Лигу Наций после выхода из нее Германии и Италии (1934) и был исключен из организации в 1939 году. Предлогом послужило начало войны СССР против Финляндии. Лига Наций была ликвидирована в 1946 году.

25. **Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович** (1890—1986). Третий глава Советского правительства — Председатель СНК в 1930—1941 годах. Был секретарем ЦК КП (б) Украины, секретарем ЦК ВКП (б), первым заместителем Председателя СМ СССР. В годы Великой Отечественной войны заместитель председателя ГКО. В 1939—1949 и 1953—1956 годах нарком (министр) иностранных дел СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1926—1957 годах. В 1957 году освобожден от высших постов как участник «антипартийной группы». Был исключен из партии и восстановлен лишь в 1984 году при К. У. Черненко. Перед уходом на пенсию (1962) — на дипломатической работе: посол СССР в МНР, затем постоянный представитель СССР при МАГАТЭ. Один из ближайших сподвижников Сталина, несущий значительную ответственность за все, что происходило в те годы, Молотов, судя по воспоминаниям, до конца жизни оставался верен своим взглядам, пытался обелить даже самые мрачные страницы истории, писавшиеся в том числе под его диктовку. «**Антипартийная группа**» — группа членов высшего руководства КПСС и государства (Молотов В. М., Маленков Г. М., Каганович Л. М. и «примкнувший к ним», как говорилось в пропаганде тех лет, Шепилов Д. Т.), лишившихся своих постов в 1957 году, судя по опубликованным документам, в виду несогласия с Н. С. Хрущевым и его сторонниками. Разногласия были принципиальными и касались путей развития страны в послесталинскую эпоху. Пропагандистская формула: «Они были «за» продолжение сталинской политики, а Хрущев и другие — «против», — далеко недостаточна для понимания смысла происшедшего. Этот сюжет истории нуждается в дополнительном специальном исследовании.

26. **Второй фронт** против Германии был открыт США и Великобританией лишь в июне 1944 года в Северо-Западной Франции. Представлял предмет труднейших дипломатических переговоров СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции: вопрос о его открытии обсуждался практически все годы Великой Отечественной войны. И каковы бы ни были политико-идеологические оценки коллизий 2-ой мировой войны в разные периоды истории, ясно одно: второй фронт против фашистской Германии Запад открыл только тогда, когда военная победа Советского Союза стала очевидной, и перед политиками встала проблема послевоенного мироустройства, зон влияния в Европе, да и не только в ней.

27. **Маленков Георгий Максимилианович** (1901/02—1988). С 1925

года в аппарате ЦК ВКП (б), секретарь ЦК в 1939—1946 и 1948—1953 годах. В 1946—1957 годах член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. Глава Советского правительства (1953—1955). На июньском 1957 года Пленуме ЦК выведен из состава Президиума и ЦК КПСС за «фракционную деятельность», в 1961 году исключен из партии. В последние годы жизни — на хозяйственной работе, затем на пенсии.

Опубликованные в последнее время материалы дают основания усомниться в абсолютной верности образа Маленкова, созданного ранее пропагандой: «застегнутый на все пуговицы аппаратчик», последовательный сталинист, «серая личность». Из доклада Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС при снятии Г. М. Маленкова с поста главы правительства 8 января 1955 года явствует, что речь тогда шла о разногласиях по вопросам экономической политики и ряду принципиальных моментов международной деятельности, которые при рассмотрении на историческом расстоянии делают неубедительными многие официальные аргументы «за отставку Маленкова». Политические и личные качества Г. М. Маленкова историкам еще предстоит уточнить.

28. **«Смерш»** («Смерть шпионам») — особые отделы наркоматов обороны и военно-морского флота, действовавшие с апреля 1943 года и призванные заниматься контрразведывательной деятельностью. Основные функции были связаны с проверкой, перепроверкой и т. п. советских людей, находившихся в годы войны на оккупированных фашистами территориях, в плену. История «Смерш» еще не написана, и трудно сказать, сколько этими органами было выявлено истинных шпионов, предателей Родины, а сколько людей пострадало невинно, попав под колесо сталинской машины репрессий и подозрений. В имеющихся публикациях сведения даются неполные и противоречащие друг другу.

29. **Сикорский Игнат Иванович** (1889—1942). Выдающийся авиаконструктор, промышленник. Родился в России, где с 1908 года строил самолеты. В 1919 году эмигрировал в США, основал в 1923 году фирму по строительству пассажирских, военных самолетов и вертолетов.

30. **Щербицкий Владимир Васильевич** (1918—1990). С 1946 года на партийной и советской работе. В 1957—1961 годах секретарь ЦК КП Украины. В 1961—1963 и 1965—1972 годах Председатель СМ УССР, в 1972—1989 годах Первый секретарь ЦК КПУ. Один из последних руководителей партии «брежневского набора», остававшийся на своем посту и в годы перестройки. Последний год — на пенсии. Его профессиональные и человеческие качества могут быть объективно оценены только при дополнительном, специальном изучении с привлечением и других мемуарных источников, помимо этой книги.

31. **Брежнев Леонид Ильич** (1906—1982). На советской и партийной работе с 1937 года. Участник Великой Отечественной войны, в 1946—1950 годах возглавлял Запорожский и Днепропетровский обкомы и ГК КП (б) Украины, затем ЦК КП Молдавии (1950—1952), Казахстана (1954—1956). Член Политбюро ЦК КПСС с 1957 года. В 1960—1964 и с 1977 года Председатель Президиума ВС СССР. С 1964 года Первый, затем Генеральный секретарь ЦК КПСС (1966—1982).

Деятельность Л. И. Брежнева, восемнадцать лет возглавлявшего страну, правящую партию, связана прежде всего с потерей перспектив экономического развития, с попытками «мягкой реабилитации» сталинизма, с внутренним разложением общества, коррупцией, взяточничеством и одновременно с заметными достижениями в области разрядки международной напряженности.

Насаждавшийся сверху культ Брежнева носил трагикомический характер. Л. И. Брежнев отличался огромной тягой к наградам и различного рода отличиям. Гипертрофированно представлялась его роль в Великой Отечественной войне, которую он закончил полковником. В последние годы жизни получил орден «Победа», звание Маршала Советского Союза, пять раз был удостоен звания Героя Советского Союза и Социалистического Труда. Ему были вручены две Ленинские премии — за «литературное достоинство» брошюр-воспоминаний и Премия Мира. Теперь уже очевидно, что не последние год-два, а начиная со второй половины 70-х годов, Брежнев чаще «символически» руководил страной, будучи совершенно большим человеком. И пока он «правил», не желая расставаться с властью, а вокруг были люди, поддерживающие его из-за собственных карьеристских интересов, общество все больше подвергалось коррозии, предвещавшей в перспективе крутые перемены. Они были неизбежны. Другое дело, что был управляемый, эволюционистский, возможно, андроповский вариант (по существу, «китайский путь»), который не состоялся по известным причинам, а состоялся трудно управляемый вариант революционной ломки. Он вошел в историю под названием горбачевской перестройки (а затем для России — ельцинская постперестройка, для Украины — кравчуковские реформы-эксперименты и т. д.) с экономическими, социальными катаклизмами и прочими последствиями всякой революции. Даже если «сверху».

32. **Подгорный Николай Викторович** (1903—1983). В 1957—1961 годах Первый секретарь ЦК КП Украины. В 1963—1965 годах секретарь ЦК КПСС, а затем до 1977 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1960—1977 годах. Затем на пенсии. Его роль и место в советской политической жизни подробно описывают-

ся в книге. По данному поводу надо отметить, что Н. В. Подгорный играл, по мнению других очевидцев, ведущую роль при снятии Н. С. Хрущева. Но вся его последующая политическая биография и затем отставка были следствием не только интриг, борьбы за власть, но и весьма посредственных профессионально-политических качеств самого Подгорного.

33. **Ворошилов Климент Ефремович** (1881—1969). Участник трех российских революций, один из организаторов Красной Армии. С 1925 года нарком по военным и морским делам, с 1934 года нарком обороны СССР, Маршал Советского Союза (1935). С 1940 года заместитель Председателя СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны член ГКО. В 1953—1960 годах Председатель Президиума ВС СССР. Один из ближайших сподвижников И. В. Сталина, разделяющий с ним ответственность прежде всего за уничтожение ведущих военачальников страны в годы репрессий.

34. **Громыко Андрей Андреевич** (1909—1989). На дипломатической работе с 1939 года. Посол СССР в США (1943—1946), в Великобритании (1952—1953), постоянный представитель СССР в ООН (1946—1948). В 1949—1957 годах первый заместитель, с 1957 по 1985 год министр иностранных дел СССР. В 1985—1988 годах Председатель Президиума ВС СССР. Член Политбюро ЦК КПСС в 1973—1988 годах. С 1988 года на пенсии. Десятки лет был архитектором советской внешней политики. Один из политических деятелей, сыгравших решающую роль в выдвигении М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году.

35. **Андропов Юрий Владимирович** (1914—1984). Один из организаторов партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, комсомольский, партийный работник. Посол СССР в Венгрии (1954—1957), с 1962 года секретарь ЦК КПСС. В 1967—1982 годах был председателем КГБ СССР. Член Политбюро ЦК КПСС с 1973 года. В 1982—1984 годах Генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно (1983—1984) Председатель Президиума ВС СССР. С Ю. В. Андроповым связаны серьезные попытки по-новому взглянуть на развитие СССР, на социализм, начать реформирование общества, навести в стране дисциплину, порядок, покончить с коррупцией. Вопрос о том, насколько далеко вперед заглядывал Ю. В. Андропов, вызывает сейчас споры. По мнению ряда руководителей перестройки, Андропов бы далеко не пошел, мыслил он-де категориями «косметического ремонта обветшалого здания социализма». Это требует дополнительного изучения, хотя, если взять один год правления Андропова и один год перестройки (с марта 1985 г.), то трудно сказать, за какой период времени было произведено больше перемен. Да и высказывания

М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, других лидеров перестройки в первый год их власти (а ведь именно они дают скептические оценки возможностям Андропова-реформатора) очевидно проигрывают высказываниям-новациям Андропова. Если, конечно, все брать в контексте своего времени и в сравнении с предшествующим периодом.

36. **Кадар Янош** (1912—1989). Первый секретарь ЦК ВСРП с 1957 года. В 1956—1958 годах Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, в 1961—1965 годах Председатель СМ ВНР, с 1965 года член Президиума ВНР. Один из немногих руководителей социалистических стран, стремившийся на деле модернизировать представления о социализме, будучи, естественно, сыном своего времени и деятелем, подчинявшимся обстоятельствам эпохи.

37. **Шелепин Александр Николаевич** (р. 1918). В 1952—1958 годах избирается первым секретарем ЦК ВЛКСМ, тогда же членом ЦК КПСС (1952—1976). В 1961—1967 годах секретарь ЦК, в 1964—1975 годах член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1958—1961 годах возглавляет КГБ при СМ СССР, в 1962—1965 годах КПК ЦК КПСС и СМ СССР, заместитель Председателя СМ СССР. С 1967 года, оставаясь членом Политбюро ЦК КПСС, постепенно отстраняется от реальной власти — его переводят председателем ВЦСПС, затем заместителем председателя ГК СССР по профтехобразованию (1975). С 1984 года на пенсии. Шелепин был одним из тех молодых политических деятелей, кто помогал восхождению Брежнева и был им же отстранен.

38. **Ходжа Энвер** (1908—1985). С 1948 года Генеральный, с 1954 года Первый секретарь ЦК Албанской партии труда. В 1946—1954 годах Председатель СМ НРА, одновременно министр иностранных дел, министр обороны страны. Один из наиболее видных и последовательных коммунистических руководителей сталинского типа.

53. **Югославские ревизионисты** — советское политико-пропагандистское определение руководителей Союза коммунистов Югославии и СФРЮ в последние годы жизни И. В. Сталина из-за серьезных разногласий между Сталиным и Тито. Терминология прекратила хождение после нормализации отношений между партиями и странами при Хрущеве.

40. **XXI (внеочередной) съезд КПСС** (1959) известен главным образом утверждением семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1959—1965). Переход на семилетку был попыткой закамуфлировать провалы в выполнении 6-й пятилетки. Более к семилеткам не возвращались.

41. **Западная Украина** — Львовская, Ивано-Франковская, Тернопольская, Волынская и Ровенская области — регион, неодно-

кратно переходивший из рук в руки. В 1921 году эти земли по Рижскому договору отошли к Польше. В 1939 году были вновь присоединены к Украине в составе СССР. Это было предусмотрено известным Пактом между СССР и Германией (Пакт Молотова — Риббентропа).

42. **Ларионов Алексей Николаевич** (1907—1960). Первый секретарь Рязанского обкома КПСС с 1948 года. С его именем связано нашумевшее дело, ставшее своего рода показателем очковтирательства и стремления местных руководителей выслужиться перед Центром любыми средствами. Суть дела: скупка животных, животноводческих продуктов в соседних областях и сдача их государству в целях демонстрации «достижений» своей области в сельском хозяйстве. Сам инициатор, получивший за свою «деятельность» звание Героя Социалистического Труда в 1959 году, покончил жизнь самоубийством после разоблачения.

60. **Суслов Михаил Андреевич** (1902—1982). Многие годы на партийной работе. С 1947 года секретарь ЦК КПСС. В 1952—1953 и с 1955 года член (Политбюро) Президиума ЦК КПСС. Ключевая фигура в идеологической работе КПСС в брежневские годы, догматик и начетчик. По сути, «серый кардинал» периода нашей политической истории, названного впоследствии «застоем».

44. **Тольятти Пальмиро** (1893—1964). Один из крупнейших деятелей итальянского и международного коммунистического движения, один из основателей ИКП и руководителей Коминтерна. В 1944—1946 годах был членом правительства Италии. С политического завещания П. Тольятти, вызвавшего в свое время эффект разорвавшейся бомбы, по сути, начинается биография «итальянской модели социализма» и «еврокоммунизма» как теории и течения в коммунистическом движении.

45. **Ульбрихт Вальтер** (1893—1973). Один из видных немецких революционеров, участник революции 1918 года. Был депутатом рейхстага (1928—1933). Один из основателей и руководитель СЕПП в 1950—1971 годах, затем Почетный председатель партии. С 1960 года был одновременно Председателем Государственного Совета ГДР.

46. **Живков Тодор** (р. 1911). С 1954 года Первый секретарь ЦК Болгарской КП, одновременно (1962—1971) Председатель СМ, с 1971 года Председатель Государственного Совета НБР. Возглавлял Болгарию до последних дней социалистического периода истории страны. Затем был привлечен к суду с обвинением в коррупции, измене интересам Болгарии.

47. **Гагарин Юрий Алексеевич** (1934—1968). Летчик-космонавт СССР, впервые в истории человечества 12 апреля 1961 года совершивший полет в космос на корабле «Восток». Почетный

- член Международной академии астронавтики (1966). Погиб во время тренировочного полета.
48. Это было время «борьбы за большую кукурузу» — массовой хозяйственно-политической кампании, проводившейся ряд лет при Н. С. Хрущеве. Положительные результаты распространения этой культуры шли параллельно с необдуманным конъюнктурным ее насаждением, часто вопреки климатическим и иным условиям хозяйствования. Предмет анекдотов и насмешек в народе, как следствие.
49. Речь идет о **третьей Программе КПСС**, принятой XXII съездом партии в октябре 1961 года и ставившей задачу построения коммунизма в стране в течение ближайшего двадцатилетия. Именно при принятии третьей Программы КПСС Н. С. Хрущев заявил, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме». Первые две Программы партии были приняты в 1903 и 1919 годах на II и VIII съездах партии. Новая редакция третьей Программы была утверждена XXVII съездом КПСС в 1986 году.
50. **Ким Ир Сен** (р. 1912). Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи с 1966 года, с 1972 года Президент КНДР. Последовательный продолжатель традиций культа личности, обожествления вождя.
51. **Воссоединение Украины с Россией** было провозглашено в Переяславской Раде 8 января 1654 года гетманом Украины Богданом Хмельницким (ок. 1595—1657) — руководителем освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского гнета (1648—1654).
52. **Форос** — местечко в Крыму, где был расположен один из лучших санаториев ЦК КПСС. Приобрел особую известность как местонахождение М. С. Горбачева в дни августовских событий 1991 года. Провал выступления членов ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению, в который входили высшие должностные лица СССР из числа ближайшего окружения Президента страны и Генерального секретаря ЦК КПСС) стимулировал распад СССР, привел к концу уже буксующую перестройку. После этого начался новый период индивидуальных реформаторских усилий и иных сложных процессов в бывших советских республиках.
53. **Косыгин Алексей Николаевич** (1904—1980). Один из самых молодых министров советских лет, с 1939 года возглавлял наркоматы, министерства СССР — текстильной, легкой и пищевой промышленности, финансов. Неоднократно был заместителем Председателя СНК, СМ СССР. В 1941—1942 годах заместитель Председателя Совета по эвакуации, создатель и руководитель легендарной «дороги жизни» через Ладогу к блокадному Ленинграду. В 1943—1946 годах Председатель СНК РСФСР.

В 1960—1964 годах первый заместитель Председателя, в 1964—1980 годах Председатель СМ СССР. Член Политбюро в 1948—1952 и 1960—1980 годах.

Его имя прежде всего связано с попытками экономических реформ 2-й половины 60-х годов. При практически полном отсутствии информации в те годы о высших политических и государственных деятелях и в отличие от многих коллег пользовался симпатией народа.

Во всех других (нам известных) воспоминаниях А. Н. Косыгин фигурирует только в качестве высокого профессионала, жесткого руководителя; одновременно человека своего времени, разделявшего основные представления об идеологии и практике социалистического строительства. Последние акценты в характеристиках Косыгина появились недавно в устах политических деятелей перестройки. Это, видимо, так и есть, хотя подобные суждения без оговорок и объяснений лишены историзма. С такими подходами в равной мере можно «педалировать» на отсутствие реформаторского потенциала в «те годы» у всех перестроечных и постперестроечных лидеров, выросших из предшествующей эпохи. Более того, в сравнении с доперестроечной деятельностью таких современных руководителей, как Ельцин Б. Н., Шеварднадзе Э. А., Алиев Г. А., Кравчук Л. М. и другие, А. Н. Косыгин предстает безусловно крупным реформатором, а не безликим «традиционалистом».

54. **Попович Павел Романович** (р.1930). Летчик-космонавт СССР; совершивший в 1962 году четвертый полет в космос на советском корабле «Восток-4», первый космонавт-украинец. После этого еще дважды бывал в космосе.

55. **Кеннеди Джон Фицджеральд** (1917—1963). 35-й Президент США (1961—1963) от Демократической партии. Выступал за укрепление военных блоков и вооруженной мощи США. Вместе с тем склонялся к более реалистическому курсу в отношениях с СССР. Именно при нем разразился Карибский кризис в октябре 1962 года — один из опаснейших международных кризисов, который был связан с жесткой антикубинской политикой США и вводом в связи с этим советских ракет на Кубу, что вызвало яростную антикубинскую и антисоветскую кампанию в США, сопровождавшуюся угрозами американского вторжения на Кубу. Кризис был ликвидирован благодаря взаимным уступкам между СССР и США. В дни кризиса мир впервые реально стоял перед угрозой ядерной войны.

56. **Организация Североатлантического союза (НАТО)** создана в 1949 году как военно-политической блок 16-ти капиталистических государств Европы и Северной Америки во время «холодной войны», направленный против СССР и стран социалистического содружества.

«Холодная война» — не только пропагандистский, но и официальный политический термин, использовавшийся как в Советском Союзе, так и на Западе и характеризовавший суть «неволевого» противоборства двух систем — социалистической и капиталистической. Практически общепризнано, что ее начало положил Уинстон Черчилль (1874—1965) своей речью в Фулто-не в 1946 году. Один из ведущих политиков Великобритании (премьер-министр страны в 1940—1945 и 1951—1955 годах), один из лидеров антигитлеровской коалиции в годы 2-й мировой войны в этом выступлении по существу сформулировал новое послевоенное отношение Запада к СССР, поставил точку на союзнических отношениях. Эта политика базировалась на существовавшем в те годы ядерном преимуществе Запада. Однако она не завершилась и по достижении военного паритета между СССР и США, между НАТО и Варшавским договором. Конец «холодной войны» связан с перестройкой в СССР и коренным пересмотром принципов мировой политики на рубеже 80—90-х годов.

57. Кастро Рус Фидель (р. 1926). Лидер кубинской революции, завершившейся победой в 1959 году. В 1959—1976 годах премьер-министр Кубы. С 1965 года Первый секретарь ЦК КП Кубы (с первого съезда партии и учреждения данного поста). С 1976 года одновременно председатель Государственного Совета и СМ Республики Куба. Продолжает выступать как последовательный поборник марксизма-ленинизма и социализма. Видит в Кубе оплот и надежду на возрождение социализма, социалистической системы.

58. Микоян Анастас Иванович (1895—1978). Возглавлял ряд партийных организаций, наркоматов. Являлся заместителем, первым заместителем Председателя СНК (СМ) СССР с 1937 года. Член ГКО в годы Великой Отечественной войны. В 1964 году Председатель, в 1965—1974 член Президиума ВС СССР. Затем на пенсии. Член Политбюро ЦК КПСС с 1935 по 1966 год. Пожалуй, единственный деятель, сохранявший места в руководстве партии и государства независимо от резких перемен в высших эшелонах власти и смены политических курсов.

59. Тито (Броз Тито) Иосип (1892—1980). Участвовал в гражданской войне в России в составе Красной Армии. В 1920 году возвратился на родину и вступил в КП Югославии. С 1934 года избран членом ЦК и Политбюро ЦК КПЮ. С 1937 года руководитель КПЮ. В 1941—1945 годах возглавлял народно-освободительное и партизанское движение Югославии, затем правительство. С 1953 года Президент Югославии. Коммунистический лидер, впервые пытавшийся на деле, своеобразно, исходя из собственных представлений, соединить социализм с рыночными отношениями, политическим и экономическим плюрализмом.

С этим были связаны сложности, разрывы отношений с руководством КПСС.

60. **Королев Сергей Павлович** (1906/07—1966). Выдающийся конструктор первых ракетно-космических систем, основоположник практической космонавтики, академик АН СССР (1958). Под его руководством созданы первые спутники, первые космические корабли «Восток» и «Восход».

61. «Открытое письмо Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза партийным организациям и всем коммунистам Советского Союза» было опубликовано в газете «Правда» 14 июля 1963 года в ответ на письмо ЦК КП Китая от 14 июня того же года. В нем отвергались нападки КПК на КПСС и Советское правительство как необоснованные и выражалось стремление достичь взаимопонимания, при этом вся вина за обострение отношений между СССР и Китаем возлагалась на КПК.

62. **Павлычко Дмитрий Васильевич** (р. 1929). Украинский поэт, кинодраматург. В период перестройки и после провозглашения государственного суверенитета Украины — один из лидеров украинского национального движения, выступает с жестких антикоммунистических и националистических позиций.

63. **Мжаванадзе Василий Павлович** (1902—1988). На военно-политической работе с 1937 года. Генерал-лейтенант (1944). В 1953—1972 годы Первый секретарь ЦК КП Грузии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1957—1972 годах. Был снят с работы за экономическое и нравственно-правовое разложение в республике.

64. **Краснодонцы («Молодая гвардия»)** — члены подпольной организации молодежи, активно действовавшей в 1942 году в г. Краснодоне Луганской области. Большинство членов организации казнены фашистами.

65. **Ватугин Николай Федорович** (1901—1944). Генерал армии (1943), командующий рядом фронтов в Великой Отечественной войне, в том числе 1-м Украинским фронтом, войска которого освободили Киев (1943). Умер от ран. Ватутину установлен памятник в Киеве.

66. **Свобода Людвиг** (1895—1979). Во время Великой Отечественной войны организовал и возглавил чехословацкий корпус, боровшийся с фашизмом. В 1945—1950 годах министр национальной обороны, затем заместитель председателя правительства. В 1968—1975 годах Президент ЧССР.

67. **Берия Лаврентий Павлович** (1899—1953). Работал в органах разведки и контрразведки в 1921—1931 годах в Азербайджане и Грузии. С 1931 года Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии. В, 1938—1945 и с 1953 года нарком (министр) внутренних дел СССР и одновременно с 1941 года заместитель Председателя СНК (СМ)

СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1946—1953 годах. Один из руководителей жесточайшей репрессивной машины сталинского времени. Судя по опубликованным документам и воспоминаниям — политический циник и разложившийся человек. 26 июня 1953 года снят со всех постов, арестован, выведен из состава ЦК, исключен из партии как «враг КПСС и Советского Союза». 23 декабря приговорен к расстрелу и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

68. **Новотный Антонин** (1904—1975). В 1953—1968 годах Первый секретарь ЦК КП Чехословакии, одновременно (1957—1968) Президент ЧССР. Январский 1968 года пленум ЦК КПЧ разделил посты Президента ЧССР и Первого секретаря КПЧ, которым был избран А. Дубчек. 22 марта 1968 года Новотный подал в отставку и 30 марта Национальное собрание избрало на пост Президента ЧССР Людвигу Свободу.

69. **Швейк** — имя главного героя романа чешского журналиста и писателя-сатирика Ярослава Гашека (1883—1923) «Положения бравого солдата Швейка во время мировой войны», ставшее нарицательным. В данном случае имеет национально-политический оттенок.

70. **Шевченковский комитет** был создан для организации празднования 150-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко. По инициативе Шевченковского комитета в Каневе был установлен памятник на могиле поэта, состоялось торжественное открытие памятника Т. Г. Шевченко в Москве, учреждены Шевченковские премии, которые были присуждены ряду деятелей литературы и искусства Украины и других советских республик. На этом Шевченковский комитет прекратил свое существование.

71. Книга **Кичко Т. К.** «Иудаизм без прикрас» вышла в Киеве на украинском языке в издательстве АН УССР в 1963 году. В основу ее положен реферат автора «Современный иудаизм и его реакционная сущность», изданный в Киеве в 1961 году на русском языке.

72. **Варшавский договор** — Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписан в Варшаве в 1955 году европейскими социалистическими странами — Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, Чехословакией и СССР (до 1968 года членом была также Албания). Организация была создана в противовес НАТО. 23 декабря 1992 года Верховный Совет Российской Федерации ратифицировал договор о прекращении деятельности Организации Варшавского договора.

73. **Порик, Колесник** — участники французского Движения Сопротивления. Порик Василий Васильевич (1920—1944), лейтенант Советской Армии. Убежал из плена в 1943 году, был командиром партизанского отряда Движения Сопротивления во Франции. Расстрелян оккупантами с группой героев Спроти-

вления. Герой Советского Союза с 1964 года. Это звание присвоено по инициативе Шелеста.

74. **Игнатов Николай Григорьевич** (1901—1966). Секретарь ЦК КПСС в 1952—1953, 1957—1960 годах. Член Президиума ЦК КПСС в 1957—1961 годах. С 1960 заместитель Председателя ЦМ СССР. В 1959, 1962—1966 годах Председатель Президиума ВС РСФСР, с 1963 года заместитель Председателя Президиума ВС СССР.

75. **Семичастный Владимир Ефимович** (р. 1924). Первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1958—1959 годах, затем второй секретарь ЦК КП Азербайджана. В 1961—1967 годах возглавлял КГБ при ЦМ СССР. Член ЦК КПСС в 1964—1971 годах. В. Е. Семичастный, по сути дела, обеспечивал «прикрытие» акции снятия Н. С. Хрущева. Вскоре он, как и А. Н. Шелепин, был отстранен от реальной политической власти — вначале переведен в Киев заместителем Председателя ЦМ Украины, затем с 1981 года работал в Москве заместителем председателя Правления Всесоюзного общества «Знание». В настоящее время на пенсии.

76. **Мазуров Кирилл Трофимович** (1914—1989). Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, комсомольский, затем партийный и советский работник. С 1947 года в аппарате ЦК КП Белоруссии. В 1953—1956 годах Председатель ЦМ БССР, затем до 1965 года Первый секретарь ЦК КП Белоруссии. С 1965 года первый заместитель Председателя ЦМ СССР. Находясь на пенсии с 1978 года, работал председателем Всесоюзного совета ветеранов войны и труда.

77. **Гомулка Владислав** (1905—1982). Один из организаторов Польской рабочей партии, ее Генеральный секретарь в 1943—1948 годах. В 1956—1970 годах Первый секретарь ЦК ПОРП.

78. **Гришин Виктор Васильевич** (1914—1991). На партийной работе с 1941 года. С 1950 года работник Московского обкома КПСС, в 1956—1967 годах председатель ВЦСПС, затем до 1985 года первый секретарь Московского ГК КПСС. В годы перестройки был провозглашен одним из столпов «застоя» и главным соперником М. С. Горбачева в борьбе за пост Генсека партии после смерти К. У. Черненко. Сам это отрицал.

79. **Рашидов Шараф Рашидович** (1917—1983). Государственный и партийный деятель, писатель, в 1949—1950 годах возглавлял Союз писателей Узбекистана, затем до 1959 года был Председателем Президиума ВС Узбекской ССР и до 1960 года заместителем Председателя Президиума ВС СССР. С 1959 года Первый секретарь ЦК КП Узбекистана. После смерти был обвинен в коррупции, в разложении кадров в республике. После создания самостоятельного государства Узбекистан канонизируется как выдающийся государственный деятель и писатель.

80. **Лысенко Трофим Денисович** (1898—1976). Биолог, агроном, академик АН СССР (1939), президент ВАСХНИЛ (1938—1956, 1961—1962). С его именем связана одна из наиболее мрачных страниц развития советской науки и прежде всего — биологии, когда в угоду концепции о решающем влиянии внешних условий на создание новых видов растений отверглась роль наследственности, а ученые, не согласные с выводами «академика», подвергались репрессиям, а подчас и уничтожению. «Лысенковщина» задержала развитие биологии в СССР на многие годы.

81. Речь идет об **англо-франко-израильской агрессии** против Египта, предпринятой в октябре 1956 года в ответ на национализацию египетским правительством компании по эксплуатации Суэцкого канала. Резкий протест СССР, его поддержка Египта, решения Генеральной Ассамблеи ООН заставили израильские войска освободить захваченные территории. В результате агрессии канал был выведен из строя на полгода.

82. **Мао Цзэдун** (1893—1976). Один из лидеров китайской революции, Председатель ЦК Компартии Китая с 1943 года. В 1954—1959 годы Председатель КНР. Идеино-теоретические взгляды — маоизм — стали олицетворением левого революционного радикализма. Окончание провозглашавшейся «великой дружбы» между СССР и КНР, советским и китайским народами было связано с неприятием критики культа личности Сталина, а также разногласиями между партиями в вопросах строительства социализма, развития коммунистического движения и мирового революционного процесса.

83. **Скрыпник Николай Алексеевич** (1872—1933). Председатель СНК Украины в 1918—1919 годах, затем возглавлял ряд наркоматов, был генеральным прокурором. В 1933 году заместитель Председателя СНК и Председатель Госплана УССР.

84. **Гончар Олесь (Александр Терентьевич)** (р. 1918). Видный украинский писатель, общественный деятель. Роман «Собор», посвященный проблемам сохранения культуры, духовности, нравственности славянского, украинского мира, был весьма настроенно, с осуждением воспринят официальной идеологией.

85. **Дзюба Иван Михайлович** (р. 1931). Украинский писатель-публицист. В 50—60-х годах опубликовал ряд литературно-критических статей, активно выступал участником протестов, петиций, собраний в защиту деятелей украинской культуры, подвергавшихся преследованиям со стороны КГБ. После серии арестов украинских деятелей в 1965 году Дзюба обратился в декабре того же года с письмом к Первому секретарю ЦК КП Украины П. Е. Шелесту и Председателю СМ УССР

В. В. Щербицкому, приложением к которому стала его работа «Интернационализм или русификация?», написанная на украинском языке. Работа эта впервые была издана в 1968 году на английском языке в Лондоне, в том же году — на украинском языке в Мюнхене и там же в 1973 году на русском языке. После перевода П. Е. Шелеста в Москву в 1972 году Дзюба был исключен из Союза писателей Украины и арестован. Закрытый суд в марте 1973 года приговорил его к пяти годам лишения свободы. После провозглашения независимости Украины Дзюба стал активным деятелем РУХ («Движение»).

86. Речь идет о **письме в защиту Дзюбы**, направленном в адрес ЦК КПУ 77-ю украинскими диссидентами.

87. **Егорычев Николай Григорьевич** (р. 1920). Второй (1961), затем первый секретарь Московского ГК КПСС, член ЦК КПСС в 1961—1971 годах. В 1970 году снят с должности по настоянию Л. И. Брежнева и отправлен послом в Данию (1970—1974).

88. **Дубчек Александр** (1921—1992). В 1925—1938 годах жил в СССР. Вернувшись в Чехословакию, активно участвовал в Словацком национально-освободительном восстании 1944 года. В 1945—1949 годах рабочий завода, затем на партийной работе. В 1955—1958 годах учился в ВПШ при ЦК КПСС в Москве. В январе 1968 года сменил Новотного на посту Генерального секретаря ЦК КПЧ. Лидер «Пражской весны», имя которого связано с попытками создания «социализма с человеческим лицом». После смещения получил место посла в Турции, а затем жил в изоляции под Братиславой. С 1990 года являлся Председателем Национального собрания Чехословакии. Погиб в автомобильной катастрофе при не совсем понятных до сих пор обстоятельствах.

89. **Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ)** — международная межправительственная организация многостороннего экономического сотрудничества была создана в 1949 году. Распад социалистической системы нанес решительный удар и по СЭВ. 13 декабря 1991 года закончила работу ликвидационная комиссия СЭВ, и эта дата считается окончательной в деятельности Совета.

90. **Культурная революция** — одна из массовых политических кампаний, развернутая Мао Цзэдуном в 1965 году с опорой на молодежь. Была направлена против «буржуазных перерожденцев» в руководстве КПК и среди китайских интеллигентов. Маоисты провели «чистку» министерства культуры, затем, в 1966 году, Пекинского университета и обрушились на «буржуазившихся» партийные кадры. Во многих случаях анархические действия маоистов приводили к кровопролитию, уничтожению культурных ценностей. В марте 1969 года IX съезд КПК

- подвел «триумфальный» итог «великой пролетарской культурной революции».
91. **Организация украинских националистов (ОУН)** существовала в 1929 — начале 50-х годов в Западной Украине. Выступала против воссоединения Западной Украины с УССР. Активно сотрудничала с гитлеровцами в годы войны. После 1945 года занималась подпольной военно-террористической и иной деятельностью. В начале 50-х годов была ликвидирована. Имела военно-террористическое формирование, так называемую Украинскую повстанческую армию (УПА) — бандеровцев — по имени ее руководителя С. А. Бандеры (1908—1959).
92. **Мануильский Дмитрий Захарович** (1883—1959). Участник Октябрьской революции, член Петроградского ВРК. В 1944—1953 годах заместитель Председателя СНК(СМ) и нарком иностранных дел УССР. Академик АН СССР (1945). Член ЦК КПСС в 1923—1952 годах.
93. **Романов Григорий Васильевич** (р. 1923). На партийной работе с 1954 года. В 1961—1983 годах секретарь ГК и обкома КПСС Ленинграда. В 1983—1985 годах секретарь ЦК КПСС. Будучи членом Политбюро ЦК КПСС (1976—1985), являлся одной из ключевых фигур брежневского руководства, хотя считается, что Г. В. Романов был «неудобным» деятелем и его Москва «держала на расстоянии». Переведенный в Москву при Ю. В. Андропове, покинул политическую арену в начале перестройки.
94. **Ковпак Сидор Артемьевич** (1887—1967). Легендарный командир партизанского соединения на Украине в годы Великой Отечественной войны, провел пять рейдов по тылам фашистской армии, о чем написал книгу «От Путивля до Карпат». С 1947 года заместитель Председателя ВС Украины.
95. **Федоров Алексей Федорович** (1901—1989). Один из видных руководителей партизанского движения и подполья в Великой Отечественной войне на территории Украины, первый секретарь Волынского и Черниговского подпольных обкомов КП(б) Украины. С 1944 года возглавлял ряд обкомов партии, с 1957 года — министерство соцобеспечения УССР.
96. **Шульгин Василий Витальевич** (1878—1976). Один из виднейших деятелей Государственной думы, член временного комитета Думы после Февральской революции. Принимал участие в принятии отречения Николая II. До 1944 года в эмиграции. Наступавшую Советскую Армию встретил в Югославии, был арестован и до 1956 года находился в заключении по приговору суда «за контрреволюционную деятельность». В 1960 году призвал русскую эмиграцию отказаться от враждебного отношения к СССР. Умер во Владимире.
97. **Книга П. Е. Шелеста «Историческое призвание молодежи»**

была издана в 1967 году Политиздатом Украины на украинском языке. Второе дополненное и переработанное издание появилось в 1968 году одновременно на украинском языке в Киеве и русским в Москве. В 1970 году книга была переведена на немецкий язык и издана в ГДР в Берлине издательством Dietz verlag.

98. **Аллилуева Светлана Иосифовна** (р. 1926). Дочь И. В. Сталина. В 1966 году осталась за рубежом, выехав в Индию к мужу. Возвращалась в СССР, но вновь уезжала. Автор книг-воспоминаний «Двадцать писем к другу», «Всего один год» и «Далекие звуки». В настоящее время живет в Англии.

99. **Израильская агрессия против арабских стран** — Египта, Сирии и Иордании в июне 1967 года вылилась в так называемую «шестидневную войну» (5—10 июня), во время которой были оккупированы значительные территории: Синайский полуостров и сектор Газа у Египта, у Иордании — Западный берег реки Иордан, у Сирии — Голанские высоты. Советский Союз, исчерпав все дипломатические и международные средства, в частности трибуну Совета Безопасности ООН, 10 июля 1967 года разорвал дипломатические отношения с Тель-Авивом.

100. **Насер Гамаль Абдель** (1918—1970). Один из виднейших деятелей арабского мйра, основатель и руководитель организации «Свободные офицеры», осуществившей революционный переворот в 1952 году в Египте, Президент страны в 1956—1970 годах.

101. **Гусак Густав** (р. 1913). Один из руководителей Словацкого национально-освободительного восстания 1944 года. В 1946—1950 годах Председатель правительства Словакии. Заместитель Председателя правительства ЧССР в апреле — августе 1968 года. В 1968—1969 годах Первый секретарь ЦК КП Словакии и после отставки Дубчека в 1969 году — Первый (Генеральный) секретарь КПЧ. Субъективные негативные оценки Гусака в книге весьма показательны. Они не подтверждают его последующей деятельностью и свидетельствуют о том, насколько Москва не на словах, а на деле «владела» ситуацией в соцстранах, в данном случае — в ЧССР.

102. **Косиор Станислав Викентьевич** (1889—1939). Участник Октябрьской революции, Генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б) Украины в 1928—1938 годах, затем заместитель Председателя СНК СССР. Расстрелян в годы политических репрессий. Реабилитирован в 1956 году.

103. **Чубарь Влас Яковлевич** (1891—1939). Участник революции, затем с 1920 года на хозяйственной и советской работе на Украине: Председатель СНК Украины (1923—1934) и одновременно заместитель Председателя СНК СССР (1923—1925). С 1934 года заместитель Председателя СНК и СТО СССР,

одновременно нарком финансов СССР (1937—1938). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1935—1938 годах. Расстрелян в годы политических репрессий. Реабилитирован в 1955 году.

104. **Петровский Григорий Иванович** (1878—1958). Один из старейших членов КПСС, революционер. Нарком внутренних дел РСФСР с 1917 года. В 1919—1938 годах председатель ВЦИК УССР и с 1922 года один из председателей ЦИК СССР. В 1938—1939 годах заместитель Председателя Президиума ВС СССР. С 1940 года заместитель директора Музея Революции СССР, член ВЦИК и ЦИК СССР.

105. **Чаушеску Николае** (1918—1991). В рабочем движении с 1932 года. Член ЦК Румынской КП с 1952 года, с 1955 года член Политбюро. С 1965 года возглавлял компартию в качестве ее Генерального секретаря. Во время восстания в Бухаресте был расстрелян с женой без суда.

106. **Шик Ота** — автор «экономической концепции». Считал, что расцвета ЧССР может добиться, только став на капиталистический путь развития, при этом безработица входила составной частью в его «экономическую концепцию». Партия, по мнению Шика, должна быть политической организацией людей, подобранных по их образовательному цензу и положению в правящем механизме, превратиться в некую элитарную касту. Такими были оценки того времени.

107. **Имре Надь** (1896—1958). Возглавлял правительство Венгрии с 1953 по 1955 год и во время восстания 1956 года. После ввода Советских войск в Венгрию был арестован, содержался под стражей в Румынии, затем в Советском Союзе. В 1958 году в Будапеште тайный суд приговорил Имре Надя к расстрелу. Реабилитирован в 1989 году.

108. «**Программа действий**» — документ, принятый на апрельском 1968 года Пленуме ЦК КПЧ. В ней давалась негативная характеристика прошедших 20 лет социалистического строительства ЧССР. В противовес доминировавшей в идеологии соцстран классовой оценке общества выдвигался тезис о «едином гражданском обществе, в котором все имеют равную заинтересованность в строительстве социализма».

109. **Черненко Константин Устинович** (1911—1985). Долгие годы на партийной и советской работе, в том числе в аппаратах ЦК КПСС и Президиума ВС СССР. С 1976 года секретарь, с 1978 года член Политбюро ЦК КПСС. В 1984—1985 годах Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума ВС СССР. Деятель, мало что успевший сделать за год руководства партией и страной. Политика олицетворяется с попытками вернуться после Андропова к брежневскому стилю.

110. Открытое письмо «**Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, деятелям искусств, ко**

всем гражданам», подписанное группой лиц как членов партии, так и беспартийными, было опубликовано в газете «Литерарны листы» 27 июня 1968 года. В нем давалась отрицательная оценка истории развития Чехословакии после 1948 года, содержались призывы к демонстрациям, забастовкам, бойкоту с целью изменения внешней и внутренней политики ЧССР, созданию «новой чехословацкой модели социализма».

111. В июне 1968 года в Праге состоялся общегосударственный актив народной милиции, на котором присутствовало 11 тысяч человек. Митинг перешел в манифестацию дружбы с Советским Союзом. Его участники потребовали принятия энергичных мер против антисоциалистических сил.

112. Против рабочих и служащих завода «Авто-Прага», написавших письмо в одну из московских газет с осуждением новых порядков в Чехословакии, была развязана ожесточенная кампания в прессе, начатая статьей социолога Йодла в газете «Свободное слово». В ней автор оценивал «Письмо 99-ти» как «нож в спину Чехословакии».

113. **Брандт Вилли (Герберт Карл Фрам)** (1913—1992). Активный поборник разрядки отношений между Западом и Востоком, в 1957—1966 годах бургомистр Западного Берлина. С 1964 года председатель Социал-демократической партии Германии. В 1969—1974 годах Федеральный канцлер ФРГ. С 1976 года являлся председателем Социалистического интернационала.

114. **Бенешевцы** — бывшие сторонники **Бенеша Эдуарда** (1884—1948), государственного деятеля Чехословакии, председателя правительства в 1921—1922 годах, президента в 1936—1938 годах, эмигрировавшего за границу и возглавившего эмигрантское правительство. Избранный президентом Чехословакии в 1946 году, он активно проводил курс на восстановление буржуазного строя. Не получив поддержки Народного фронта страны, ушел в отставку в 1948 году. Многие сторонники Бенеша впоследствии стали членами КПЧ.

115. «**Кошицкая программа**», или «**Кошицкая декларация**», была разработана правительством Народного фронта Чехословакии и опубликована 5 апреля 1945 года в городе Кошице. В ней содержались основные принципы строительства народно-демократической Чехословакии.

116. «**К-231**» — один из многочисленных политических клубов, организованных в марте—апреле 1968 года в ЧССР. Имел антисоциалистическую и антисоветскую направленность. Создан из бывших осужденных на политических процессах 1949—1954 годов. Требовал свободы слова, союзов и демонстраций, отмены цензуры. Призывал к «взятию власти без выстрелов», выступал за выход ЧССР из Организации Варшавского договора.

117. После издания в июне 1968 года закона, отменявшего какой-либо контроль за печатью, газета «Руде право», печатный орган КПЧ, вплоть до 21 августа оставалась единственной газетой, где печатались статьи левого толка и отражалась идейно-политическая борьба в стране, партии и в самой редакции.

118. Впервые деление руководящих партийных работников Чехословакии на «**прогрессистов**» и «**консерваторов**» появилось в газетах западных стран в первой половине января 1968 года. К апрелю эти понятия широко распространились в самой стране. Консерваторами стали называть коммунистов, продолжавших отстаивать классовые позиции, защищать принципы марксизма-ленинизма и дружбу с СССР, обвиняя их в том, что главная их цель — власть, посты, привилегии, причем причисляли к ним не только руководящих работников, но и рядовых членов партии. Прогрессистами называли себя сторонники радикальных реформ и отхода от СССР и остального социалистического лагеря.

119. Речь идет о медали, учрежденной украинским правительством к 50-летию Советской власти на Украине и 30-летию КПУ, которую один из руководителей делегации деятелей культуры УССР вручил во время ее пребывания в Чехословакии председателю чехословацкого телевидения Йиржи Пеликану без согласования с руководством Украины.

120. В критические дни Мюнхенского сговора, когда решалась судьба Чехословакии, СССР, заявляя о своей верности советско-чехословацкому Договору 1935 года о взаимной помощи, неоднократно выражал готовность принять эффективные меры для обеспечения целостности Чехословакии при условии, что сама страна будет защищаться и просить о помощи. Чехословацкое правительство предпочло подчиниться условиям Мюнхенского соглашения, что привело в марте 1939 года к захвату гитлеровской Германией всей территории Чехословакии и ликвидации ее как государства.

121. **Гольдштюкер Эдуард** — член Союза писателей ЧССР. Получил особую известность после публикации в газете «Руде право» 23 июня 1968 года анонимного письма, посланного ему якобы представителями «левых сил» и содержащего грубые оскорбления по поводу его еврейского происхождения. Эта публикация послужила толчком к развязыванию шумной кампании против коммунистов.

122. **Масарик Томаш** (1850—1937). Президент Чехословакии в 1918—1935 годы. Был одним из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса в Советской России в 1918 году.

123. **Организация Объединенных Наций** (ООН) — международ-

ная организация государств, созданная в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и развития содружества между государствами после Второй мировой войны по инициативе участников антигитлеровской коалиции на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. Штаб-квартира в Нью-Йорке.

124. **Кунаев Динмухамед Ахмедович** (р.1911/12). Многие годы возглавлял Правительство Казахской ССР. В 1960—1962 и 1964—1986 годах Первый секретарь ЦК КП Казахстана. Член Политбюро ЦК КПСС с 1971 по 1987 год. В годы перестройки обвинялся в серьезных недостатках, как ближайший сподвижник Л. И. Брежнева и один из тех, кто привел страну к застою, а в Казахстане утверждал атмосферу клановости, коррупцию. В настоящее время эти оценки руководство Казахстана не разделяет.

125. **Збанацкий Юрий Олиферович** (р.1913/14). Украинский писатель. В годы Великой Отечественной войны командир партизанского соединения на Украине. Свои произведения посвятил героям фронта и тыла, жизни современной молодежи.

126. Книга П. Е. Шелеста **«Коммунист — активный боец партии»** была издана в 1969 году Политиздатом Украины на русском языке. В основу книги положено выступление автора перед слушателями ВПШ при ЦК КП Украины 2 июля 1969 года по вопросам дальнейшего совершенствования стиля и методов партийной работы.

127. **Келдыш Мстислав Всеволодович** (1911—1978). Академик АН СССР (1946), Президент АН СССР (1961—1975), автор выдающихся фундаментальных трудов по математике, исследователь проблем авиационной и атомной техники, руководитель многих космических программ.

128. В **Международном совещании представителей коммунистических и рабочих партий** (5—17 июня 1969, Москва) участвовали представители 75 партий. Совещание приняло итоговый документ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», Воззвание в защиту мира, Обращение о 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, призыв «Независимость, свободу и мир Вьетнаму», Заявление в поддержку справедливой борьбы арабских народов и другие документы. Это было последнее подобное совещание коммунистов мира.

129. **Берлингуэр Энрико** (1922—1983). Генеральный секретарь ЦК Итальянской компартии с 1972 года. Один из идеологов и лидеров «еврокоммунизма» — течения в коммунистическом движении, основывавшегося на идеях самостоятельности всех компартий, признания особого пути к социализму (отличного от советского), идеологического и политического плюрализма.

130. **Винниченко Владимир Кириллович** (1880—1951). Украинский писатель, один из идеологов украинского национального движения. С 1901 года участвовал в «Революционной украинской партии» (РУП), с 1907 года член ЦК националистической Украинской с.-д. рабочей партии (УСДРП). В 1917 году один из организаторов Центральной рады. В 1919 году уехал в эмиграцию, где написал 3-томную работу «Возрождення нації». В 1920 году организовал зарубежную группу Украинской коммунистической партии, вернулся на Украину, где был назначен заместителем Председателя СНК УССР, но в КП(б)У принят не был. В том же году вновь эмигрировал за границу.

131. Книга П. Е. Шелеста «Україно наша радянська» («Украина наша советская») вышла в Киеве в 1970 году на украинском языке тиражом в 100 тысяч экземпляров. Больше не издавалась, а впоследствии даже изымалась из библиотек и парткабинетов.

132. Речь идет о постановлении Президиума ЦК РКП(б) от 12 января 1925 года по делу об убийстве сельского корреспондента Григория Ивановича Малиновского в селе Дымовка («Дымовское дело», «Малиновщина»), получившему широкую огласку в связи с участием в процессе корреспондента «Правды». В связи с тем, что уже тогда делу давались различные оценки, ЦК послал на место происшествия комиссию, результаты проверки которой вновь подробно обсуждались на заседании Оргбюро ЦК 26 января 1925 года. Решение Оргбюро ЦК подтвердило верность принятого ранее постановления.

133. **Латышские стрелки** — части, созданные в 1915 году, позднее преобразованные в латышскую стрелковую дивизию. Красные латышские стрелки активно участвовали в Октябрьской революции и гражданской войне, будучи одним из ударных отрядов большевиков и советской власти. Многие выходцы из латышских стрелков занимали руководящие должности в большевистской партии, в органах советской власти, ВЧК, НКВД. И многие из них были репрессированы в ходе массовых политических процессов конца 30-х годов.

134. **Ошибка, вкравшаяся в «Тезисы к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина»** была прямым следствием начетнического подхода к марксизму-ленинизму. В данном тезисе Ленину были приписаны слова «первого ревизиониста» Бернштейна. Вину за данный ляпсус возложили на заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС В. И. Степакова и сняли его с работы.

135. **Булгаков Михаил Афанасьевич** (1891—1940). Один из крупнейших русских писателей XX века с драматической судьбой: автор любимой пьесы Сталина «Дни Турбиных» был в опале, пьеса «Бег» поставлена только в 1957 году, а роман «Мастер и Маргарита» впервые был опубликован лишь в 1966 году.

136. **Алиев Гейдар Али Рза оглы** (р. 1923). В 1941—1943 и 1944—1949 годах работал в органах госбезопасности Нахичеванской АССР, затем в КГБ при СМ Азербайджанской ССР. В 1967—1969 годах его председатель. В 1969—1982 годах Первый секретарь ЦК КП Азербайджана. С 1982 по 1987 год первый заместитель Председателя СМ СССР и член Политбюро ЦК КПСС. В 1987 году Алиева отправляют на пенсию «по состоянию здоровья», оставляя на посту государственного советника при СМ СССР. В 1988 году Алиев оставляет и эту должность. В 1991 году его избирают Председателем ВС Нахичеванской Автономной республики и одновременно он становится заместителем Председателя ВС Азербайджана, а затем и его Председателем. С 1993 года Президент Азербайджана.

137. **Некрасов Виктор Платонович** (1911—1987). Русский писатель, участник Великой Отечественной войны. Автор повести «В окопах Сталинграда». С 1974 года жил за границей, где писал мемуарно-ностальгическую прозу. Имя писателя было одним из наиболее почитаемых среди писателей-«военщиков», с одной стороны, а с другой — среди диссидентов.

138. Речь идет об одном из явлений диссидентства и правозащитного движения в СССР. Явления берут начало в середине 60-х годов с первых попыток отхода от курса XX съезда КПСС. Первая демонстрация под правозащитными лозунгами состоялась в Москве на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года. Среди лидеров правозащитников были А. Сахаров, Ю. Глансков, А. Гинсбург, В. Буковский, А. Амальрик, Л. Богораз и др.

Следующий важный этап развития диссидентства был связан с подавлением «Пражской весны». В это же время выходит работа А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», публикуется на Западе роман А. И. Солженицына «В круге первом».

139. **Чазов Евгений Иванович** (р. 1929). Известный врач-кардиолог, Академик АН СССР (1979), в течение 23 лет (с 1967 года) возглавлял 4-е Главное управление при Минздраве СССР («Кремлевку») — сеть поликлиник, больниц, ведущих спецклиник в стране, сама система которых, в комплексе иных партийно-государственных привилегий, подвергалась жесткой критике демократических сил в годы перестройки. В силу положения был знаком со многими видными политическими деятелями СССР и других стран. Система привилегированных учреждений сохранена и действует до сих пор.

140. **Альенде Госсенс Сальвадор** (1908—1973). Один из крупнейших деятелей демократического, освободительного движения, лидер Социалистической партии Чили. С 1945 по 1968 год сенатор, в 1966—1969 годах Председатель сената Чили,

в 1970—1973 годах Президент страны. Убит во время военного фашистского переворота, поддержанного США.

141. **Корвалан Луис** (р. 1916). Деятель чилийского и международного коммунистического движения, Генеральный секретарь КП Чили с 1958 года. После переворота 1973 года был заключен в тюрьму. Освобожден в 1976 году.

П. Е. Шелест — помощник машиниста паровоза на ст. Основа Харьковской обл. 1925 г.

На окружном семинаре руководителей коммунистического детского движения, г. Изюм. 1927 г.

В районном клубе после концерта самодеятельности. Справа Петр Шелест — секретарь Боровского РК ЛКСМ Украины. Май 1928 г.

Петр Шелест (справа) со своим племянником, сыном старшей сестры, Володи Коробко, погибшим во время репрессий 1937 г. Харьков, 1931 г.

Трудовая книжка

Фамилия Шелест

Имя Петр

Отчество Ефимович

Год рождения 1908

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)

Профессия Инженер

Подпись владельца Трудовой книжки
Петр Шелест

Дата зачисления в Трудовую книжку
15 / 11 1927

Студент II курса института народного хозяйства. Харьков, 1932 г.

Трудовая книжка П. Е. Шелеста

Петр Шелест со своей женой Любой. Канун войны.

Курсант 30-го танкового полка на действительной службе в рядах Красной Армии. Январь 1937 г.

Удостоверение Шелеста П. Е. — секретаря по оборонной промышленности Харьковского ГК КПУ. 1943 г.

П. Е. Шелест с женой Ираидой Павловной и сыновьями. 1953 г.

4	Зол. Орденами - К. Ворошилову Ленин С. Орден
1	Алекс. Шелестов - Ленин - Орден на своем отделе
4	Михайловский Сергей - в др. в семье - прислуживает - в семье - прислуживает - в семье - прислуживает -
5	Владимир - прислуживает в семье - прислуживает в семье - прислуживает
14.10.53	Сведения о секретаре Р.К.П. на К.П.О.О.О.О.О.
1	1) Шелест П. Е. - секретарь 2) Шелест И. А. - секретарь
2	Шелест И. А. - секретарь Шелест П. Е. - секретарь
3	Шелест П. Е. - секретарь Шелест И. А. - секретарь
5	Шелест П. Е. - секретарь Шелест И. А. - секретарь

Страница дневниковых записей П. Е. Шелеста.

Удостоверение Шелеста П. Е., утвержденное Председателем Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по реабилитации и страницы одной из тетрадей, которые вел Шелест П. Е. во время работы Комиссии 1956 г.

Проводы Н. В. Подгорного на работу в Москву. Слева направо: сидят — А. П. Ляшко, О. И. Иващенко, П. Е. Шелест, А. Н. Соболь; стоят — И. С. Грушецкий, В. Г. Комяхов и Д. С. Скаба. 3 июля 1963 г.

П. Е. Шелест (второй слева) в составе партийно-правительственной делегации СССР в ВНР на торжественном заседании после подписания Совместного заявления. Будапешт, 1957 г. В центре — Н. С. Хрущев, Я. Кадар; на заднем плане — Ю. Андропов.

Среди шахтеров Донбасса.

Н. С. Хрущев и Ф. Кастро у П. Е. Шелеста в охотничьем хозяйстве Залесье под Киевом, 22 января 1964 г.

Подписание Совместного соглашения. 9 апреля 1964 г. На втором плане стоят А. Громыко, Ю. Андропов, П. Шелест.

П. Е. Шелест среди делегатов ЦК КПСС, возглавляемых Суловым, отправляется на XVII съезд Французской коммунистической партии. 13 мая 1964 г.

Л. И. Брежнев и П. Е. Шелест отправляются в поездку ознакомиться с хозяйствами колхозов «Дружба народов» и «Россия», а главное, поговорить о «деле». Июль 1964 г.

«После окончания фазаньей охоты Н. С. Хрущев заявил, что завтра уезжает в Пицунду. До Октябрьского Пленума осталось 11 дней». 3 октября 1964 г.

Руководители КПСС через полмесяца после снятия Н. С. Хрущева.

Приезд Первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Украину для вручения городу-герою Киеву Золотой Звезды. 21 октября 1965 г.

Президиум торжественного собрания, посвященного вручению Киеву Золотой Звезды Героя. Слева направо: В. Дрозденко, Л. Брежнев, П. Шелест, Д. Коротченко, В. Щербицкий, А. Соболев, А. Ляшко, В. Комяхов, И. Грушецкий. 21 октября 1965 г.

Перед началом охоты в хозяйстве Залесье под Киевом. Слева направо: Дрозденко, Скаба, Соболев, Шелест, Брежнев, Коротченко, Щербицкий, Комяхов, Ляшко, Грушецкий, Клименко, Цуканов. 22 октября 1965 г.

На открытии Дворца пионеров в Киеве.

Л. И. Брежнев на осммотре выставки птицеводства. 25 августа 1966 г.

Н. В. Подгорный вручает П. Е. Шелесту орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда, Москва. Февраль 1968 г.

П. Шелест, А. Дубчек, Л. Брежнев, 1967 г.

«Политика объятий и поцелуев» привела к вводу войск Варшавского Договора в Чехословакию.

Встреча в Ужгороде с В. Биляком. Слева направо: Шелест, Биляк, Костымянский, Ильницкий. 23 мая 1968 г.

Теплая встреча П. Е. Шелестом чехословацких руководителей Г. Гусака и Л. Свободы в Киеве. Октябрь 1969 г.

На отдыхе: в Варне чету Шелестов встречают цветами.

На митинге в Пражском кремле после окончания переговоров. Слева направо: Г. Гусак, Л. Брежнев, А. Косыгин, Л. Свобода. 7 мая 1970 г.

Переговоры делегаций СССР и ЧССР в связи с подписанием Договора. Справа — П. Шелест, Л. Брежнев, А. Косыгин, П. Машеров; слева — Л. Свобода, Г. Гусак, И. Штроугал. Май 1970 г.

Открытие памятника легендарной тачанке в Каховке Херсонской области. 1970 г.

Маневры кораблей во время учения «Юг» с палубы корабля наблюдают Т. Живков, Н. Подгорный, Э. Герек, Л. Брежнев, А. Гречко, Э. Хоннекер. Август 1971 г.

В президиуме торжественного собрания, посвященного 22-й годовщине ГДР Э. Хоннекер приветствует главу парламентской делегации СССР П. Е. Шелеста. Берлин. 6 октября 1971 г.

Выступление П. Е. Шелеста на 10-тысячном митинге. Дрезден. 8 октября 1971 г.

Скандирование лозунга «Дружба — Freundschaft» на митинге.

Бокал пива — в знак вечной дружбы.

На приеме у Э. Хоннекера П. Е. Шелест согласовывает свою поездку к В. Ульянову.

Встреча с В. Ульбрихтом состоялась на даче под Берлином.

P.J. Schelest

Die historische Mission der Jugend

ГЮШЕЛЕСТ Україно наша Радянська

П. Ю. ШЕЛЕСТ
ІСТОРИЧНЕ
ПОКЛИКАННЯ
МОЛОДІ

Книги П. Е. Шелеста, изданные в 1969-1970 гг.

В перерыве работы XXIV съезда КПСС С. И. Буденный дарит П. Е. Шелесту свою книгу воспоминаний. Март 1971 г.

Предвыборный плакат о выдвижении П. Е. Шелеста кандидатом в депутаты Верховного Совета Украинской ССР. Май 1971 г.

На субботнике, посвященном 102-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Киев. 15 апреля 1972 г.

П.Е.Шелест и А.Н.Косыгин.

П. Е. Шелест среди руководителей СССР во время награждения орденами Ленина Ф. Кастро и Т. Живкова. 1972 г.

Встречи с Т. Живковым в Софии и Н. Чаушеску в Бухаресте.

Среди военных летчиков.
г. Вольск 1974 г.

У могилы отца и матери
в с. Андреевка. 1980 г.

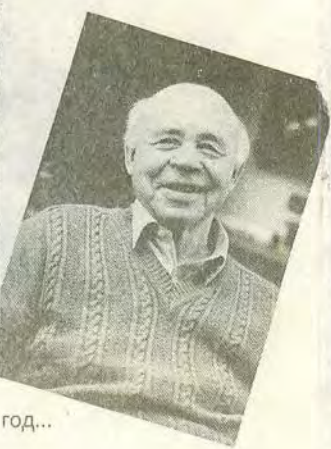
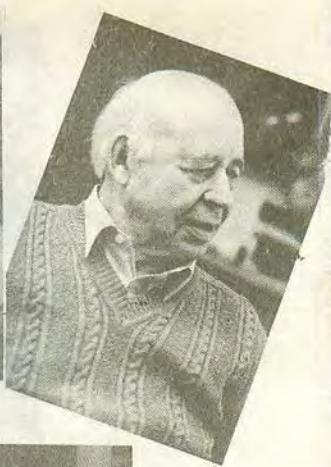
Выступление на авиазаводе,
где когда-то работал.
1990 г.

Маршал авиации А. И. Покрышкин
и П. Е. Шелест.

Петр Ефимович Шелест с женой Ираидой Павловной. Москва. 1993 г.

Петр Ефимович Шелест. 1993 год...